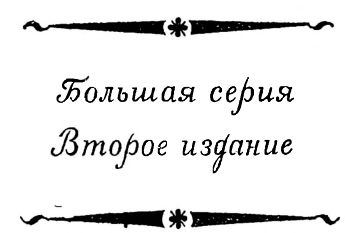
НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

Библиотека поэта

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ



Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Вступительная статья,
составление, подготовка текста и
примечания
В. С. Баевского

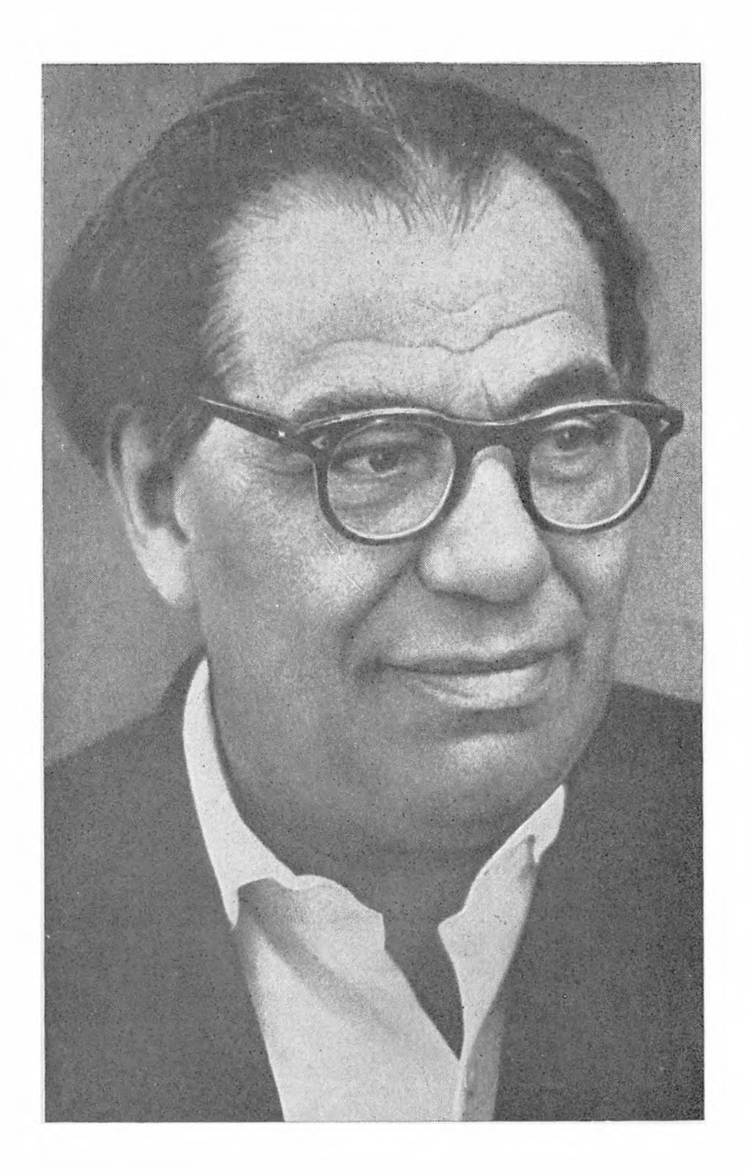
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1981

Р 2
Р 95

Николай Иванович Рыленков (1909—1969) — выдающийся советский поэт, признанный мастер стиха, унаследовавший лучшие традиции национальной классики и фольклора. В его творчестве — действенная любовь к родной природе, раздумья об истории и современности, острая постановка нравственных проблем. Для поэта одинаково органичны и песенность стиха и его афористичность.

Настоящий сборник — первое научно подготовленное издание стихов Рыленкова. Он включает избранную лирику и поэмы, а также стихотворное переложение «Слова о полку Игореве».

Р $\frac{70402-278}{083(02)-81}$ 420—82 4702010200



ПОЭЗИЯ Н. РЫЛЕНКОВА

1

Николай Иванович Рыле́нков родился 2 (15) февраля 1909 года в деревне Алексеевке (народное название — Ло́мня) Тюнинской волости Рославльского уезда Смоленской губернии. Впоследствии все эти названия не раз встретятся в его стихах и автобиографической прозе. В годы раннего детства будущего поэта семья насчитывала до двенадцати человек. Особого достатка не было, но не бедствовали: в этой крестьянской семье сызмала и до смерти все трудились не покладая рук. О детстве и отрочестве Николая Рыленкова сохранились скупые свидетельства документов и близких к нему людей; в последние годы жизни он сам рассказал об этом времени в повестях «Сказка моего детства», «Мне четырнадцать лет», «Дорога уходит за околицу» и в нескольких очерках. По словам писателя, его мемуарная проза — своеобразное предисловие к стихам. Написанная в аксаковской традиции, она воссоздает мировосприятие ребенка, житейские обстоятельства, увиденные глазами взрослого человека и опытного литератора. Именно здесь, в природе и крестьянском быту затерянной в глухих лесах деревушки, лежат первые истоки рыленковского творчества.

«Времена года у меня, как и у каждого деревенского мальчика, делились на две половины — между избой и полем. Причем в избе я вспоминаю себя только зимой, а с весны и до осени вижу всегда за деревенской околицей, в поле и на лугах.

Зима обычно начиналась с филипповского заговенья перед рождественским постом. До этого срока в деревне нанимали даже пастуха. Считалось, что после заговенья скот в поле ходить уже не может. Но, как правило, пастьбу скота пастух прекращал гораздо раньше, с наступлением заморозков. Тогда коров уже без пастуха выпускали на озимые, стравливали подросшую за погожие дни осени зелень, чтобы она под снегом не загнила.

В деревне били последних баранов, и в избах по утрам угарно пахло сырыми овчинами, требухой и жареными шкварками.

Но вот наступало заговенье. Все работы в поле и на гумне к этому времени уже кончались, дела переносились либо во двор, либо в избу. Мужики поправляли крыши, обставляли снопами щелястые стены варков, ладили к первопутку дровни, бабы трепали

лен, пробовали прялки, а мы, дети, старательно мешали тем и другим».[1]

Значительную роль в судьбе будущего поэта сыграл его отец, деревенский книгочей, мечтавший увидеть сына учителем. Семейной святыней в доме был томик стихотворений Кольцова. На всю жизнь запомнились зимние вечера, когда отец вслух читал «Раздумье селянина», «Песню пахаря», «Косаря», «Урожай». Так, еще не научившись грамоте, ребенок впервые приобщался к миру русской поэзии. Позже Рыленков написал:

О вещее русское слово,
Строка, что как птица поет...
Открою я томик Кольцова —
И памятью детства пахнет.

(«Открою я томик Кольцова»)

Сестра поэта, которая была старше его на десять лет, в неопубликованных воспоминаниях рассказала: «Коля рос слабенький, часто болел, но до чего он был любознательный! Все хотел знать не по своему возрасту. В три года он уже знал много стихотворений и расскажет все, как положено, большое, которое учили в 5 к⟨лассе⟩, — «Рубка леса» Некрасова...»[2]

Рыленков рано потерял отца и мать. Учиться приходилось с перерывами, и время учения растянулось до начала 30-х годов. Любознательным ребенком, потом подростком владела горьковская страсть к чтению. В пореволюционной сельской школе он находил книги из помещичьих библиотек. Ему повезло на хороших учителей. В это время во многом определились его литературные пристрастия, вкусы на всю жизнь. До поступления в институт он успел поработать учителем, волостным статистиком, секретарем, председателем сельсовета, и каждое лето выполнял без скидок тяжелый, но священный, по его представлениям, крестьянский труд.

Обладая почти феноменальной памятью на стихи, Рыленков запоминал своих любимых поэтов целыми сборниками, стихотворение за стихотворением в том порядке, в каком они были напечатаны. В его сознание входят Пушкин и Некрасов, Баратынский, Тютчев и Фет, Бунин и несколько позже Блок. Такова была самая основа поэтического мира Рыленкова — за исключением Лермонтова лучшее, что дала русская поэзия XIX — начала XX века. На эту основу накладывались впечатления от стихов старших современников и ровесников. Рыленков проходит через сильное увлечение

---

[1] Н. Рыленков, Сказка моего детства, М., 1965, с. 39.

[2] А. И. Степыкина, Воспоминания о Николае Ивановиче Рыленкове. Рукопись, л. 2 об. (Архив Рыленкова).

М. Волошиным (стойкий интерес к нему сохранился на всю жизнь и отразился в стихах и прозе), повышенный интерес проявляет он к незаурядному «крестьянскому» поэту С. Клычкову, всеми силами души любит творчество Есенина.

Рыленков рано осознал, что его родная земля имеет за собой трудную и славную историю. Холмы, стены, башни, соборы Смоленска овеяны преданиями о патриотическом прошлом. Смоленщина — край устойчивой народной устнопоэтической и песенной традиции. В ее глухих лесных углах, на ее скупых почвах дольше, чем в большинстве других мест России, сохранялась исконная крестьянская культура в ее незамутненных образцах. В этом смысле Смоленщину можно сравнить с русским Севером. Здесь бытовал даже былинный эпос. Академики А. Н. Веселовский и А. Н. Пыпин считали, что образ Ильи Муромца попал в германские и скандинавские сказания через смоленскую землю.[1] Здесь сложилась легенда о Меркурии Смоленском, поэтически претворенная в бунинском «Суходоле», — легенда, которая, по мнению ее исследователя академика Ф. И. Буслаева, «не только не уступает другим сказаниям о татарщине, но даже далеко оставляет за собою и самое знаменитое из них, известное в народе под именем Мамаева Побоища».[2] Рыленков глубоко осознал себя счастливым наследником этой тысячелетней культурной традиции.

В средние века Смоленское княжество интенсивно торговало с Готским берегом, культурные, торговые, политические, военные контакты с Литовским княжеством и Польшей, по сути, не прерывались никогда. Поэтому в архитектуре, иконописи смоленских соборов, в книжной рукописной, а позже печатной традиции ощутима продуктивная связь с западноевропейской культурой. На рубеже XVIII—XIX веков Смоленск стал третьим в России после Петербурга и Москвы книгоиздательским центром; любопытно, что значительную часть печатной продукции составляли переводы классических европейских романов. Немало таких книг Рыленков находил в разных библиотеках. Изучая мировую литературу, он постигал меру участия его родины в мировом историческом и культурном процессе, видел, как с приближением к нашим дням эта мера становилась все больше.

Его родная деревня была основана переселенцами с Украины. С другой стороны, русское население Смоленщины этнически и по

[1] См.: А. Н. Веселовский, Мелкие заметки о былинах. Уголок русского эпоса в саге о Тидреке Бернском. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1896, № 8, с. 254—256; А. Н. Пыпин, История русской литературы, изд. 3-е, т. 3, СПб., 1907, с. 36—38.

[2] Ф. И. Буслаев, Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 2, СПб., 1861, с. 193.

языку близко к белорусам. Родство трех народов было для Рыленкова каждодневной житейской реальностью. Вскоре после выхода в свет первого сборника Рыленкова его стихи стали переводить на белорусский язык; поэт, в свою очередь, много переводил с белорусского.[1] Позже многообразные литературные и личные отношения связали его со многими народами страны и были закреплены в переводах стихов Рыленкова на языки народов СССР и в переводах, которые выполнял поэт с языков народов СССР.

В Смоленском педагогическом институте, где Рыленков учился в 1930—1933 годах, ему открылся мир зарубежной литературы. Сильное впечатление произвела на него встреча (в русских переводах) с Эдгаром По, Верленом, Рембо, Рильке.[2] Чуждаясь национальной ограниченности, Рыленков обостренно ощущал свою кровную связь с культурой России; об этом и говорит его стихотворение «Мера»:

И влюблялся в Рембо,
и дивился я Аполлинеру,
Но в годину тревог
были Блок и Есенин со мной.

С той поры я в поэзии
знаю одну только меру:
Звук такой же щемящий,
как эхо долины родной!

В это же время у Рыленкова возникает стойкий интерес к живописи, изобразительному искусству вообще, который возрастал и ширился до конца жизни, многократно отразился в стихах и прозе, в произведениях, посвященных художникам и, что еще показательнее, в пейзажах, увиденных глазами то живописца, то акварелиста, то графика. В одном случае Рыленков напишет:

В вечернем поле небо словно мокрый,
От свежей краски не просохший холст.
На нем заря, написанная охрой
И киноварью, — узорочье звезд.[3]

---

[1] См.: Г. С. Меркин, Белоруссия в творчестве Н. Рыленкова. — В кн.: Н. Рыленков — лирик, прозаик, переводчик, Смоленск, 1972.

[2] Важнейшие работы о становлении Рыленкова как писателя: В. П. Ахачинский, Молодость поэта. — В кн.: «Весна пришла», Смоленск, 1959; А. В. Македонов, Николай Рыленков и его «Снежница». — В кн.: Добрая душа. Книга о Николае Рыленкове, М., 1973; Е. И. Осетров, Муза в березовом перелеске, М., 1974.

[3] В тех случаях, когда цитируется начало стихотворения, не имеющего названия, источник цитаты не оговаривается. — *Ред.*

В другом:

Природа обрела
прозрачность акварели...
(«Над шумом полых рек...»)

В третьем:

В апрельском лесу,
как на старой гравюре,
Отчетливо
каждая ветка видна.
(«Блестят под ногами...»)

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, в Смоленске и под Смоленском, в имении Талашкине, развернулась деятельность любительницы искусства и меценатки, богатой княгини М. К. Тенишевой. Она заботилась о возрождении русских народных промыслов, народного прикладного искусства, у нее подолгу гостили и работали И. Е. Репин, Н. К. Рерих, М. А. Врубель, К. А. Коровин, С. В. Малютин и многие другие художники. Отчасти благодаря этому Смоленску принадлежит одно из лучших провинциальных собраний русской и западноевропейской живописи, оно и сформировало вкус молодого Рыленкова. Он гордился тем, что был из одних мест с С. Т. Конёнковым.

В позднем черновом прозаическом наброске «Стихи моей юности» находим воспоминания, имеющие первостепенное значение для ответа на всегда волнующий вопрос: как поэт впервые ощутил свое призвание? Рыленков рассказывает: «Стихи писать я начал очень рано, едва научившись грамоте. Потянуло меня к перу, скорее всего, от страшного одиночества и ранней сосредоточенности в себе. Дело в том, что после смерти родителей я с младшим братом, совсем еще ребенком, остался в семье дяди, где мы были обузой... Чтобы поменьше торчать на глазах у родичей, я весной, пока не нанимали мирского пастуха, охотно пас скот, а летом водил в ночное коней, ходил в лес драть лыки... Там у меня и зародилась та любовь к природе, которая давала выход всем нерастраченным чувствам детского сердца. Там же я начал слагать и свои первые стихи».[1] Позже, как и многим поэтам, они заменяли ему дневник. Были среди них и сатирические частушки, посвященные насущным темам крестьянского быта, появлялись и лирические стихотворения.

В Тюнине, где будущий поэт получил среднее образование, регулярно собирался литературный кружок, выпускался рукописный

---

[1] «Полный звездами до края...» Из рукописного наследия Николая Рыленкова. — «Звезда», 1981, № 3, с. 204.

журнал, школьники жили в атмосфере литературных интересов. Здесь Рыленков впервые представил на суд читателей — педагогов и соучеников — свои стихотворения и рассказы. Продолжать учение он отправился в Смоленск, поближе к редакциям и университету (вскоре преобразованному в педагогический институт). Еще школьником он посещает университетский литературно-творческий кружок. В канун его семнадцатилетия областная газета «Смоленская деревня» опубликовала его стихотворение «Толока́» (к великому его огорчению, изменив заглавие на «среднеязыковое» «Взаимопомощь»). Допечатный период становления Рыленкова-поэта кончился.

2

Литературная жизнь Смоленска в первое пореволюционное десятилетие была весьма оживленной. Этому способствовала относительная близость города к Москве и Петрограду-Ленинграду. В годы революции и гражданской войны литераторы группировались вокруг областных газет; уже в 1919 году возникла литературная студия Пролеткульта. Вскоре здесь сложилась небольшая группа крестьянских поэтов, без колебаний связавших свою судьбу с судьбами социалистической революции. Одним из инициаторов этого объединения стал М. Исаковский. С переходом страны к нэпу главенствующую роль начала играть «артель художников слова» «Арена». Состав участников, их политические симпатии, эстетические устремления были неоднородны — под стать противоречивости той эпохи. «Арена» регулярно устраивала литературные вечера и обсуждение произведений своих членов, стремилась к созданию собственного издательства и книжного магазина, вносила в свою деятельность элементы эпатажа, заимствованные из литературного быта больших городов. В 1925 году «Арена» прекратила свое существование, ее участники вошли в смоленский филиал «Кузницы» — московской организации пролетарских писателей. [1]

Таким образом, Рыленков вошел в деятельную литературную среду. Одновременно с ним здесь начинал свой творческий путь его погодок А. Твардовский. [2]

---

[1] Деятельным участником смоленской литературной жизни той поры был школьник Александр Гитович. Более опытные коллеги, в том числе М. Исаковский, твердо верили в его поэтический дар. Рыленков уже тогда восхищался «сработанностью, мастеровитостью» его стихов. Правда, в Смоленске в ту пору они разминулись: Гитович уехал в Ленинград и личное знакомство произошло позже.

[2] Об этом периоде см.: Л. В. Шурыгина, Первые шаги, Смоленск, 1963.

В 1930 году Рыленков поступает на отделение русского языка и литературы Смоленского педагогического института. Ему 21 год. Уже в это время талант выдвигает его в ряд самых видных писателей Смоленска. Вскоре здесь начинает выходить литературный журнал «Наступление». В первом же номере публикуется большое стихотворение Рыленкова, с четвертого он входит в редколлегию. Его материалы появляются из номера в номер. Столь же систематически он печатается в местном общественно-политическом журнале «Западная область». Его имя появляется рядом с именами Исаковского, Твардовского, начинает складываться смоленская поэтическая школа.

Рыленков вполне сознательно работает в двух направлениях. Некоторые стихотворения он пишет как портретные очерки о колхозниках и строителях. Так появляются стихотворения «Товарищ агроном», «Бригадир», «Мировой рекорд» (о каменщике Родионцеве). Изредка молодой автор пишет стихотворные очерки на политические темы. Можно думать, что эти стихи в какой-то мере вобрали опыт Маяковского и близких к нему поэтов. Одно из стихотворений Рыленкова «Перекличка», написанное в 1932 году, заимствовало даже внешние признаки стиха Маяковского:

Нарастает тревога,
близясь,
От Китая
до СССР.
Это
капиталистический
кризис
Чрезвычайных
требует
мер.[1]

Хотя опыт стихотворного очерка того типа, который сложился в творчестве Маяковского или Сельвинского 20-х годов, не прошел для Рыленкова бесследно, молодой поэт скоро осознал, что этот жанр ему не свойствен.

Одновременно он пишет о любви и природе. Непосредственные переживания, оплодотворенные традицией классики, искали выхода, однако каждое стихотворение на «вечные» темы поэт заботливо снабжал приметами своего времени, нового отношения к труду. «Пороша» начинается так, что хоть Бунину впору:

Вчера сулила оттепель порошу,
Дымился снег и ветер был ретив.

[1] «Наступление», 1932, № 2, с. 78.

Сегодня я стихи свои заброшу,
На русаков двустволку зарядив.[1]

Однако дальше говорится о том, как накапливается хозяйская тоска по труду к концу выходного дня, охотник до утра откладывает чтение газет... И вот конец:

Во сне луна расстелется порошей,
За русаками в поле позовет.
А с девяти — обещанный хороший
Рабочий день, исполненный забот.

Приблизительно так же построено стихотворение «Свидание». После слов о любви находится место для слов о соревновании и для уверенного утверждения:

Мы землю сделаем просторней
Для человеческой любви.

Нет ни малейшего сомнения в том, что молодой поэт был одинаково искренен и добросовестен в обоих направлениях своей творческой работы. И ему самому, и окружавшим его людям казалось, что главное — это стихотворные очерки или агитационные стихи типа «Переклички»; вместе с тем все ширившееся лирическое чувство, поддержанное классической традицией, звало его к поэзии «вечных» тем.

Не забудем о том, что в то время происходило в литературе. Шли последние годы и месяцы РАППа. Рыленкову надо было как-то определить свое отношение к лозунгу «одемьянивания» литературы. По своему мировоззрению и положению в литературе он не мог занять позиции И. Сельвинского:

Литература не парад
С его равнением дотошным.
Я одемьяниться бы рад,
Да обеднячиваться тошно.

(«Цитата из Грибоедова»)

Вместе с тем его творческая личность не укладывалась в рамки, которые намечались ортодоксальными руководителями РАППа. Рыленков стремился занять по возможности самостоятельную позицию по отношению к лозунгу «одемьянивания», трактуя его как

---

[1] Н. Рыленков, Мои герои, Смоленск, 1933, с. 57. Цитируется ранняя редакция стихотворения.

предельную добросовестность в любой литературной работе.[1] Одновременно он заявил от имени группы молодых: «Мы считаем, что искусство прежде всего должно быть проблемным».[2]

Поэт не закрывал глаза на некоторую искусственность разделения своей творческой практики на две ветви. От читателей тоже не укрывались противоречия такого решения трудной проблемы. На комсомольском собрании факультета, где учился поэт, состоялся его творческий отчет. Актуальность тематики и идейная направленность стихотворений заслужили положительную оценку, но наряду с этим были отмечены элементы схематизма, поверхностности. И похвалы и упреки эти вполне справедливы. Дальше мы увидим, как не просто оказалось Рыленкову найти себя и утвердить себя в глазах критики. А пока... 1933 год оказался порубежным: поэт окончил институт и одновременно издал первую книгу стихов.

Называется она «Мои герои», тираж — три тысячи экземпляров. Со вкусом выполненное издание карманного формата напоминает записную книжку работника нового времени. Несомненно, таков был замысел художника, удачно соответствующий стихам; на переплете вытиснена подпись автора. В книжечке шестьдесят четыре страницы, одиннадцать стихотворений, сгруппированных в три раздела: «Биографии моих героев», «Соревнование героев», «Герои на досуге». Два первых состоят из стихотворных очерков о людях, делах и проблемах новой колхозной деревни. Они словно бы написаны в ответ на настоятельные требования земляков:

Я прошу.
Мы всей артелью просим:
опиши в поэме этот год.

(«Озимь»)

Поэт учитывает два значения слова «герои»: это и персонажи ролевой лирики, и люди самоотверженного труда. В последнем разделе помещены стихотворения, заглавия которых говорят сами за себя: «Соловьи», «Пороша», «Свидание», «Расставание». Однако напомним еще раз, что это никак не «чистая» лирика: соловьиное пенье сопровождает здесь строительство социализма, а судьба женщины осмысливается «как частный случай жизни класса».

«Мои герои» были встречены сочувственно. Рыленков стал

---

[1] См.: Н. Рыленков, Опыт «сквозной бригады». — «Наступление», 1931, № 7-8, с. 55—56.

[2] Н. Рыленков, «Сквозная бригада». — «Наступление», 1931, № 10, с. 96.

делегатом I съезда писателей и членом Союза советских писателей со дня его основания. Ему был вручен билет № 1724 с подписью Горького. За первой книгой последовали: «Встречи» (1935), «Земля» (1936), «Колосья» (1937), «Дыхание» и «Истоки» (1938). Меньше чем за год до начала войны вышел «Березовый перелесок» (1940). Что ни год — сборник стихов. Кажется, такая интенсивность предполагает и легкость создания, но в действительности за каждой книгой стоят труд и поиски.

Поэт перепечатывает в новых сборниках старые стихи (обычно перерабатывая их) о своих героях: он не отрекается от своего прошлого, но и не повторяет его. Стихотворных очерков на злобу дня, которые принесли ему столь ощутимый успех, Рыленков больше не пишет или почти не пишет. Теперь его лирика посвящена почти исключительно природе и любви. Видимо, он отдал себе отчет в том, что путь лозунговой, очерковой, открыто публицистической поэзии — не его путь. В его стихах встает образ родины в многообразии красок и звуков, плодов природы и рук человеческих, времен года и суток, людских характеров и настроений. Еще недавно Рыленков излагал биографии — теперь он описывает переживания, и это несравненно больше отвечает специфике лирического рода творчества. То, что в раннем сборнике было второстепенным, теперь выдвинуто вперед и становится основным.

В новые пейзажные и интимные стихотворения поэт отнюдь не стремится во что бы то ни стало внедрить внешние приметы времени. Отказавшись от открыто публицистических стихотворений, он отказывается и от публицистических вставок в стихотворениях на «вечные» темы, зато теснее связывает их с классической традицией. Современное мироощущение выражается в них через торжество обновления, через тревожное счастье жизни, вырастает из лирического переживания, создавшего стихотворение:

Весны предчувствие росло,
Шумело первыми грачами,
Спать не давало мне ночами
И уводило за село
Бродить, пока не рассвело,
С одной двустволкой за плечами.

Широко и свободно льется поэтическая речь. К фетовской традиции восходят тонкие наблюдения над пробуждением природы, приметы перехода ее от зимы к весне, от ночи к утру. На протяжении стихотворения все нарастает чувство восхищения чудом пробуждающейся природы, и завершает его настроение жизнеутверждения, приятия бытия.

И мне легка, и мне близка,
Как те проталины у лога,
В снегу темнеющие строго,
Как этот ветер у виска,
Моя весенняя тоска,
Моя весенняя тревога.

Это стихотворение, написанное в 1936 году, Рыленков после войны еще правил, но и в таком виде, как оно было создано, «Весны предчувствие росло...» (первоначально публиковавшееся под названием «Март») принадлежит к несомненным достижениям довоенной пейзажной лирики.

Перепечатывая ранние вещи, Рыленков теперь вносит в них изменения, освобождает от нарочитой дидактичности. Вообще от издания к изданию он строго пересматривал, правил, перерабатывал тексты, стремясь дать читателю каждый раз лучшее, на что способен сегодня. Сборник «Мои герои» замыкало «Расставание» — стихотворение о разлуке двух влюбленных. Открывает его эпиграф из Пушкина:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Затем следует довольно длинный — 40 стихов — текст, написанный от лица человека, которого оставляет любимая. Он ей напоминает:

С тобой работали мы здесь
С бригадой нашей молодежи.
И в этом —
близость наша есть,
И в этом — мы с тобою схожи.

Он удержится от сцен ревности, станет работать лучше всех и искать удовлетворения в том, что они

Не унижаясь — разошлись...

Завершается монолог вопросом:

Ты не об этом ли пеклася,
Свою осмысливая жизнь,
Как частный случай
жизни класса. [1]

---

[1] Н. Рыленков, Мои герои, с. 63.

Как видим, работа и любовь здесь связаны весьма прямолинейно. Двадцатичетырехлетний поэт неуклюже конструирует модель нового быта, новой морали на фоне новых производственных отношений. Под стихотворением стоит: «Смоленск. Январь 1933 г.» Проходит совсем немного времени, и в «Колосьях» (1937) появляется новый вариант этого стихотворения. Под ним две даты: «1933—1936». Стихов стало несколько меньше — 36, заглавие снято, эпиграф тоже: тема повернута иначе, теперь нет речи о неотвратимой разлуке. Начало сохранено: можно думать, оно удовлетворяло поэта и заставляло снова и снова обращаться к тексту.

Концы колышутся кудрей,
Тебе на щеки тень бросая.
Сними сандалии скорей
И по росе ступай босая.

Ясно, что такое почти антологическое начало плохо вязалось с продолжением ранней редакции. Три года спустя строки о молодежной бригаде оказались сняты и заменены другими, которые о колосьях ржи говорят с такими интимными интонациями, как о детях:

Мы их выращивали здесь,
Мы знали радость ожиданья,
И в каждом стебле этом есть
Тепло от нашего дыханья.

Теперь с этим четверостишием диссонируют следующие, оставшиеся от ранней редакции, риторические строки:

С тобою об руку несем
Мы вдохновенье трудовое...

Но пока они удержались в тексте — по инерции. Дальше слова о разрыве заменяют размышления о том, как герои должны себя повести, если разрыв наступит... Все гораздо тоньше, риторику заменила предельная сдержанность в выражении чувств.

Ты только руку мне сожмешь,
Не скажешь даже ни полслова,
Но я пойму...

Созрела рожь.
Для жатвы поле всё готово.

Две рассмотренные редакции стихотворения показывают, в каком направлении и какой сложный путь проделал поэт всего за три года.

Заглядывая вперед, отметим, что он правильно себя понял и более не сворачивал с этого пути. Проследим судьбу текста до конца.

Следующий раз стихотворение появилось в «Избранном» (1946). Строка «Мы вдохновенье трудовое», явно напоминающая о жанре стихотворного очерка, который культивировался в «Наступлении», теперь заменена словами «Мы наше счастье молодое». Следы газетного штампа уничтожены, но стихотворение, которое несколько раз перерабатывалось и правилось (здесь отмечены далеко не все изменения текста, а только важнейшие), оказалось несколько неровным. В последние годы жизни, готовя собрание своих стихотворений, поэт снова внес ряд изменений и в «Расставание». Он убрал, например, заглавие и несколько двусмысленное:

Всё так же ль будем мы близки,
Когда полюбишь ты другого? ..

и заменил естественным:

Мне стежки будут не легки,
Когда полюбишь ты другого... [1]

Он внес еще несколько исправлений, и стихотворение получилось ровным, цельным. Под ним в посмертном издании, где напечатаны тексты, подготовленные самим поэтом, стоит дата: «1933». В действительности между редакцией 1933 года и конечной — целая жизнь, полная поисков и труда.

Путь Рыленкова в лирике определился. Поэт отказался от непосредственного провозглашения в стихах своих гражданственных чувств и настроений, но он отнюдь не хотел и не считал возможным прятать их вообще. Соединение гражданственности и эпичности породило в творчестве Рыленкова 30-х годов два новых явления: обращенное в настоящее, оно дало поэму о судьбах крестьянства в революции; обращенное в прошлое — поэму и балладу на историческую тему.

Уже во второй своей книге стихов — «Встречи» — Рыленков публикует поэму «Земля»; вскоре она выходит отдельным изданием. В сборнике «Истоки» появляется «Война», которую поэт сперва опубликовал как отдельную поэму, а потом осознал как продолжение «Земли». В послевоенные годы он еще не раз возвращался к этому труду, правил, сокращал. Получилась монументальная «повесть в стихах», как он сам определил ее жанр. Судьбу русского крестьян-

---

[1] Н. Рыленков, Избр. произв. в двух томах, т. 1, М., 1974, с. 67.

ства в начале XX века писатель показывает через судьбу одной деревни, затерянной в глухом лесном краю. Во время революции 1905 года крестьяне бунтуют против местного помещика Погодина и кулака Семена Орлова; после поражения революции, при Столыпине, Семен выходит на хутор и богатеет все более; с началом мировой войны окончательно нищает деревня, в преддверии Февральской революции отчаявшиеся, изголодавшиеся крестьяне силой отбирают у Семена хлеб; вспыхнувшая революция предвещает скорый конец господству погодиных и орловых. На фоне этих событий разворачиваются и переплетаются судьбы немногих — всего нескольких — человек. Семен в поэме одинок. Он женился на единственной дочери деревенского богача и после скорой смерти тестя унаследовал все его добро, но и неприязнь крестьян. Отец Семена, бедный и работящий, с независимым характером, все более чуждается сына. Младший брат Василий уходит из родной деревни, становится шахтером и революционером. Судьбу младшего брата разделила Настя, которую некогда оттолкнул Семен.

Поэма насыщена историческими реалиями и подробностями быта. В отличие от большинства поэм 20—30-х годов, в которые более или менее заметно вторгалось лирическое начало, «Земля» подчеркнуто эпична, личность автора в ней непосредственно не проявляется. Это особенно бросается в глаза при сравнении, например, с «Анной Снегиной» Есенина, поскольку обе поэмы написаны отчасти на одном и том же историческом материале. В «Анне Снегиной» именно образ автора и авторская точка зрения организуют идейное и композиционное единство повествования. В «Земле» ничего подобного нет. Повесть в стихах Рыленкова с ее эпическим размахом и многочисленными вставными эпизодами — песнями Насти, солдатской песней, молитвой крестьянки, рассказом-притчей барина и другими — скорее ориентирована на традицию «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова.

Поэма «Ананья из Старой Ломни» написана по впечатлениям детства. Дед Ананья, веселый, приметливый пасечник, когда-то посвящал мальчика в таинства природы, ввел в мир народных поэтических представлений о жизни. Те же темы крестьянской любви к земле и стремления к лучшей жизни варьируются в поэтичной «лесной были» «Леший и Аленушка». Памяти Горького посвящена поэма «Большая дорога» о судьбах талантливых людей из крестьян, стремящихся в пеструю среду предреволюционной интеллигенции.

В 1937 году Рыленков обращается к русской истории, и два его сборника 1938 года — «Дыхание» (московский) и «Истоки» (смоленский) — открываются стихотворениями на исторические темы. Одно из них, «1611 год», содержит прямо-таки пророческое четверостишие о предстоявших в недалеком будущем испытаниях, хотя тогда ни-

кто, в том числе сам автор, не мог оценить его пророческого смысла:

Но родина жива. Готовит мщенье
Народный гнев, родившийся из мук.
И в земское скликает ополченье
Людей посадских Минин-Сухорук! [1]

Перед войной Рыленков пишет историческую поэму «Великая замятня» о восстании «черных людей» — ремесленников и иного бедного люда — в Смоленске середины XV века. Город был отторгнут от Руси, переживал трудное время, находясь в центре борьбы Русского, Литовского и Польского государств. Сведения исторических источников чрезвычайно скупы, но Рыленкова привлекла острая историко-патриотическая проблематика, как нельзя более созвучная его времени: в народном движении переплелись мотивы социального протеста и стремление к воссоединению с Московским княжеством. Отсутствие подробностей в летописях позволило поэту дать простор художественному вымыслу, который нигде не впадает в противоречие с историческими данными.

Преломляет Рыленков историю и современность также в образах выдающихся деятелей русской культуры. Так слагаются стихи о Ломоносове, Пушкине, Некрасове. Эта тема будет продолжена стихами о Гоголе и Льве Толстом, Ахматовой и Пастернаке, Маршаке, Шолохове, Есенине...

Казалось бы, углубленное изображение духовного мира нового человека в лирике и расширение кругозора поэта за счет эпического изображения прошлого и современности в поэмах критика должна была приветствовать. Получилось иначе. Сборники Рыленкова встречались либо молчанием, либо суровыми оценками. Печать редко поддерживала поэта в предвоенные годы, упрекала его в несовременности (ведь его лирика почти не содержала прямых картин социалистических преобразований) и в пассеизме (обращение к историческим темам иногда воспринималось как уход от жгучих проблем сегодняшней жизни). Критики, писавшие о поэте, либо не понимали, либо не прощали ему того, что избранные им в поэзии пути как раз были его глубоко личным ответом на все происходившее в стране и в мире. В начале 1941 года в Смоленске состоялось большое совещание творческой интеллигенции, на котором обсуждалась деятельность местных писателей. Поэзия Рыленкова вызвала противоречивое отношение. Некоторые ораторы объявили Рыленкова «носителем беспредметной лирики... поэтом, чуждающимся современности». Вместе с тем автор отчета об этом совещании в

---

[1] Н. Рыленков, Истоки, Смоленск, 1938, с. 11.

местной газете заметил, что уже вполне назрели условия для справедливой оценки многосторонней творческой работы Рыленкова. Он писал: «За 10 с лишним лет творческой работы в области поэзии Н. Рыленков создал несколько произведений на историческую тему. Его поэмы «Скоморох Овсей Колобок», «Великая замятня» и др. написаны отличным стихом и повествуют о великой любви русского народа к своей матери-родине... Лирика волнующая, зовущая к творческому труду, лирика, пробуждающая патриотические чувства, помогающая воспринимать красоту природы, равно как и зовущая на бой с врагом, была и будет на вооружении советского народа».[1] Несмотря на некоторую прямолинейность, свойственную критике тех лет, это — достаточно объективная оценка становления Рыленкова-поэта.

Диапазон его творчества все более расширяется. Перед войной он работал над пьесой в стихах. Сохранились небольшой фрагмент из нее — «Сентиментальная песенка» — и письмо к Исаковскому от 10 февраля 1941 года, где Рыленков сообщает: «Собираюсь писать пьесу — лирическую, в стихах. Что из этого получится — не знаю, но хочу попробовать. Когда-то даже написал одну картину, на большее пороху не хватило. А теперь постарел немного, лирические (любовные) стихи от первого лица писать становится неудобно (дочка уже в школу ходит) — так я мою лирику вложу в уста героя пьесы. За героев, как известно, автор в этом отношении не отвечает».[2]

И все же у критики 30-х годов имелись некоторые основания проявлять беспокойство. В творчестве Рыленкова той поры бросается в глаза некая изолированность интимного мира и социальной проблематики, современности и истории. Эта «расщепленность» поэтического мира не была абсолютной, можно указать немало произведений, которые размывали границы между разными аспектами творчества Рыленкова, но органического, системного единства еще не было. Поэт достиг его несколько позже.

В четвертой книжке «Нового мира» за 1941 год была напечатана рецензия Д. Данина на «Березовый перелесок». Рыленков всегда вспоминал ее с благодарностью, хотя в ней содержались и суровые строки; очевидно, он сознавал их справедливость. «В «Березовом перелеске» живет лирический герой, все существование которого сводится к праздности». В стихотворениях сборника «часто прячется утлая философия: в маленьких масштабах своих лирических размышлений поэт еще повторяет старые сентиментальные сентен-

---

[1] Мих. Юдкевич, К итогам литературного года. — «Рабочий путь», 1941, 25 января.

[2] Оригинал находится в семейном архиве М. Исаковского, машинописная копия — в архиве Н. Рыленкова.

ции» (с. 243—244). Но наряду с этим критик отмечал, считая эти свойства решающими, талантливость автора, его стремление к простоте, связанное с детским, непосредственным взглядом на мир, а в нарастающем историзме усматривал залог преодоления созерцательности, более глубокого художественного освоения современности (с. 244—245).

Понадобился биографический, художественный, социальный опыт войны, чтобы все относительно разрозненные элементы, как в тигле, сплавились воедино.

3

В первые же дни Великой Отечественной войны Смоленск принял на себя тяжелые удары вражеской авиации. Н. Грибачев вспоминает, как он, Рыленков и еще один смоленский писатель Д. Осин покидали Смоленск в последнюю минуту, когда он уже выгорел и прекратился выход газеты «Рабочий путь». Сперва под бомбами ехали по железной дороге, потом, когда путь оказался закупорен разбомбленными составами, пешком добрались до места формирования боевых частей. По военной специальности Рыленков был сапером, в качестве командира взвода руководил сооружением укреплений, минированием и разминированием. На дорогах войны он потерял и вновь почти чудом обрел семью (рассказ об этом читаем в поэме «Апрель», а упоминания — в целом ряде стихотворений военного времени). Он прошел через все, что выпало на долю его народа, и понял: такие события накладывают неизгладимый отпечаток на судьбы, характеры людей и народов.

Сохранилась общая тетрадь из плохой серой бумаги, исписанная неудобным твердым карандашом. С осени 1941 года Рыленков заносил в эту тетрадь свои стихи, написанные по ночам, на привалах, в перерывах между бомбежками. Потом появились новые тетради, в том числе одна самодельная. Поэт был отозван для работы в штабе партизанского движения и во фронтовой печати.

За годы войны у него вышло четыре сборника стихов — тонкие книжки карманного формата: «Прощание с юностью» (1943), «Синее вино» (1943), «Отчий дом» (1944), «Смоленские леса» (1944). Первые три — в Москве, четвертая — уже в Смоленске. В первый же сборник вошла лирическая поэма «Апрель».

Прежде чем мы успели проститься,
Наша юность сгорела дотла, —

говорит поэт о начале войны и военных испытаний. Вот когда судьбы его и самых близких ему людей сплетаются с судьбами все-

го народа. Что уж больше может научить слиянности своего личного и общего, чем простая мысль: единственная надежда спасти и вновь обрести свою семью состоит в том, чтобы освободить от врагов родную землю? Рыленков и воевал — оружием и стихом.

Когда перед ним встала задача выразить горькие чувства от первых, наиболее драматических, месяцев войны, его поэтическая культура безошибочно указала ему подходящие формы стиха. Впервые у него появляется безрифменный четырехударный дольник. Дольники вообще могут быть названы романтическими размерами XX века, как пятистопный хорей или трехстопный амфибрахий — романтическими размерами века XIX. Отсутствие рифмы в длинных, многосложных стихах подчеркивает эпическую установку, вызывая в памяти традиционный эпический гекзаметр. К началу 1940-х годов четырехударный безрифменный дольник получил художественное обоснование в стихах А. Ахматовой, Э. Багрицкого и ряда других поэтов. Непостоянное количество безударных слогов между ударными, отсутствие рифмы создают впечатление безыскусственности, заглавие — «Из дневника» — еще больше подкрепляет это впечатление.

Фронт приближался к Москве. В ту пору
Наш батальон стоял под Можайском,
И каждое утро всё ближе, ближе
Мы слышали пушечную канонаду.

А сводки газетные были скупы,
А письма друзей доходили редко,
И мы не знали, где наши семьи,
Бежавшие из городов сожженных.

Словно бы под неудержимым напором чувства возникают звукосмысловые связи. Рыленков пишет:

Мне в каждой девочке десятилетней
Виделась дочка моя Наташа,
Мне в каждой девочке пятилетней
Виделась дочка моя Ирина.

Это слова пораженного горем отца, а не стихи. Но это и стихи. В другом случае было бы невозможно рифмовать «десятилетней» и «пятилетней». «Наташа» и «Ирина» связаны между собой как имена, они стоят в одинаковой грамматической форме, имеют общую заударную гласную. Так, как в этом четверостишии, могло бы быть срифмовано в народной песне.

Но ни с Наташей моей, ни с Ириной
Не привелось мне тогда повстречаться.
Горькой рябиной, тоской журавлиной,
Казалось мне, в сердце они стучатся.

С фольклорного типа рифмой совмещаются народнопоэтические сравнения. Это глубоко личная боль — и это общая боль. Это — личная лирика и одновременно — гражданственные стихи.

Для военных впечатлений и переживаний Рыленков находил своеобразные жанры, подчеркнуто ориентированные на документальность, достоверность. «Дневник 1941 года», «Из дневника», «Дневник 1943 года» — такие и им подобные заголовки и подзаголовки поэт дает ряду своих стихотворных публикаций. Цикл стихотворных «Писем без адреса» включает он в сборник «Синее вино». Эти стихотворения прозвучали одновременно и в литературном, и в бытовом ряду: по ним разыскал поэта младший брат-танкист.

В военной лирике Рыленкова то и дело появляются эпические интонации. Они «обеспечены» размахом и драматизмом совершающихся событий, свойственным поэту чувством истории. Одно из стихотворений 1942 года поэт начинает: «Командир батальона читал до зари „Илиаду“», далее упоминает Трою, прощание Андромахи с Гектором, и рассказ о буднях войны обретает черты античного эпоса. В тонкой самодельной тетрадке 1943—1944 годов, содержащей преимущественно поэтические заготовки, сохранилось четверостишие, характерное как пример текстов, в которых накапливалась эпичность:

Танки идут гремя...
Путь до звезды короче
Между двумя и тремя
Часами ночи.

Многие начальные строки лирических стихотворений военного времени заключают в себе немалый эпический потенциал; для сурового оптимизма тех лет характерно, что они часто обращены не в прошлое, как положено эпосу, а в будущее: «Прошедшим фронт, нам день зачтется за год», «Мы ляжем под нож без наркоза», «Мы снимем с плеч тяжелые шинели», «Взойдут и вновь зайдут созвездья». Даже песня, которая у Рыленкова, как и у Исаковского, всегда так лирична, в годы войны обретает выраженные черты балладности, повествовательности. Такова, например, «Партизанская песня» с ее балладными интонациями:

Но есть у нас в краю родном,
Пока гремит гроза,

Просторный дом,
Надежный дом —
Смоленские леса.

В военные годы Рыленков напряженно работает в военных периодических изданиях. Его стихотворения — песни, баллады, подписи под рисунками карикатуристов, сатирические лубки — появляются почти в каждом номере журнала Политуправления Западного фронта «Фронтовой юмор» (часто несколько материалов в одном номере), в газетах. Стихи Рыленкова тут же фольклоризовались — уходили в солдатскую массу, обрастали вариантами, исполнялись как народные песни. 27 июля 1943 года газета Брянского фронта «На разгром врага» напечатала письмо нескольких офицеров под заглавием: «Эту песню нам спел командир перед боем. Она была для нас как приказ». Командир — гвардии старший лейтенант Г. Л. Зайцев — в тяжелом бою погиб. Песня осталась. Она приведена в письме, автора ее офицеры не знали. Это — солдатская версия стихотворения «В час, когда походный ужин сваришь. . .», опубликованного Рыленковым ровно за год до появления письма в газете «На разгром врага». За этот год стихотворение пережило некоторые изменения, характерные для судеб профессиональной поэзии в фольклоре: отдельные слова и выражения были заменены более простыми, в одном месте нарушен стихотворный размер, вместо заключительного четверостишия повторяется первое. История этой песни и авторство Рыленкова были установлены только много лет спустя.[1] Так поэзия Рыленкова самым непосредственным образом участвовала в войне.

Рыленков вполне осознал грозное величие происходившего у него на глазах и назвал своего современника человеком сороковых годов. Как часто у Рыленкова (и любого настоящего поэта), слова эти многозначны. Обычно людьми сороковых годов называли и называют героев классической литературы — честных, но слабых душой неудачников, «лишних людей», формировавшихся и живших в 40-е годы XIX века. У Некрасова есть недоработанный отрывок, который часто печатается под названием «Человек сороковых годов». Он завершается стихами:

Я не продам за деньги мненья,
Без крайней нýжды не солгу. . .

---

[1] См. об этом: П. Лебедев, Может быть, кто-нибудь что-нибудь знает. . . — «Литературная Россия», 1968, 19 июля; Н. Рыленков, Судьба стихотворения. — Там же, 1968, 4 октября; П. Лебедев, Фронтовая песня. — Там же, 1969, 21 февраля.

Но — гибнуть жертвой убежденья
Я не могу... я не могу...

Этому образу Рыленков противопоставляет образ своего современника (стихотворение «Ровеснику»):

Ты человек сороковых годов,
Ты видел всё и ко всему готов.
Вчера из боя, завтра снова в бой.
И у меня одна судьба с тобой.

Присутствует здесь и еще один оттенок. Числительное «сороковой» в языке народа нередко ассоциируется с представлением о смертельной опасности. В. И. Даль, например, приводит словосочетание «сороковой роковой».[1] Этот оттенок был хорошо знаком Блоку,[2] он, несомненно, проступает в стихах Д. Самойлова («Сороковые, роковые») и А. Межирова («Роковой сороковой»); дает он себя знать и в стихотворении Рыленкова «Ровеснику».

Опыт войны ретроспективно окрасил все прошлое. В замечательном сонете «Наш век не ограждал нас от забот...» это выражено с большой силой, между прочим, в словах о том, что «четырнадцатый год вставал звездой кровавой над кроваткой». Пожалуй, в русской поэзии нет другого случая сближения этих диссонирующих образов — детской кроватки и кровавой звезды. Но в контексте сонета и в контексте эпохи в этом нет ничего нарочитого.

А куда ушел задушевный лиризм лучших довоенных стихотворений Рыленкова? Неужели горькие переживания начисто заглушили его? Нет, так не случилось. Отчасти он ушел в глубину, сообщил особую волнующую окраску «Письмам без адреса» и другим близким по настроению стихотворениям; но иногда, изредка он выступал совершенно обнаженно, на первый взгляд, может быть, некстати, а в действительности — по контрасту с суровой поэзией военного времени — побеждая читателя своей проникновенной нежностью. Нужно было пережить бомбардировки, грохот боя, рев и лязг танков, вой сирен, чтобы услышать вот это:

Где-то тоненько-тоненько цвенькает зяблик...

Поэты любят придавать первой строке стихотворения особенное благозвучие. Поколения читателей никогда не устанут восхищаться

---

[1] См.: В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. 4, М., 1955, с. 275.
[2] См.: А. А. Блок, О назначении поэта. — Собр. соч. в 8-ми томах, т. 6, М.—Л., 1962, с. 166.

пушкинским стихом «Редеет облаков летучая гряда» с его волнообразными переливами согласных и гласных звуков. Какую-то настороженность, предощущение грусти навевает на нас звенящий стих Рыленкова. Мастер суггестивной, «внушающей» лирики здесь встает перед нами во весь рост. В самодельной записной книжке военных лет видно, что этот стих возник не сразу. Сперва появляется на ту же тему бодрое четверостишие:

Просвистит и смолкнет зяблик,
Тишиной осенней сыт.
Над садами запах яблок
Словно облако висит.

Лишь через несколько страниц (т. е. дней) появляется:

Где-то тоненько-тоненько цвенькает зяблик...

Звукоподражанием совсем иного рода начинает Рыленков другое стихотворение: «Гулко охают пушки во мраке» (здесь ему пригодилась строка из написанной перед войной «Великой замятни»: «Гулко бухает колокол где-то во мраке»). Но поэт никогда не нагнетает таких приемов, всегда экономен в использовании изобразительных и выразительных средств. Одним из самых действенных средств оказывается контраст. Рыленков пишет стихотворение под заглавием «День твоего рождения», прекрасно сознавая, какие радостные, праздничные ассоциации вызывают обычно эти слова. А начинает он его так:

Немцем выжженные селенья...
Тени виселиц на снегу...

Рыленков, видимо, чувствовал, что его поэзия не всегда вписывается в общую картину военной лирики с ее определенностью категорических чувств-приказов: «Вставай, страна огромная...», «Убей его!» Именно подобную лирику, особенно два первых года, по преимуществу диктовала война. Такие стихи, призывавшие к немедленному действию, стихи-приказы, писал, как мы знаем, и Рыленков. Однако, как и все большие поэты, участвовавшие в войне, он вносил и некоторые глубоко индивидуальные оттенки в разработку общей темы. Отсюда полные достоинства строки о том, что, может быть, его стихи не станут летописью войны, но будут прочтены как дневник человека на войне:

Смолкнут хоры, отгремят оркестры,
И в часы раздумья нам опять
Боль, не занесенная в реестры,
Будет жажду сердца утолять.

(«Как полынь, мне хлеб разлуки горек...»)

4

В середине 40-х годов пролегла ясно видимая грань, разделившая жизнь поэта на две половины. Первая половина, до конца войны, была трудная и бурная: десятилетия испытаний сиротством, ранней самостоятельностью и жизнью впроголодь, затем литературной известностью, войной; время самоутверждения как человека, гражданина, поэта. Вторая половина внешне оказалась несравненно более спокойной: все жизненные экзамены успешно сданы (постепенно выяснялось, что сданы с высшими оценками), наступило лето жизни — самая рабочая пора, а затем и осень — время сбора урожая. Плоды оказались обильными и доброкачественными.

В одной из черновых тетрадей поэта находится запись, датированная 5 апреля 1947 года: «Будь мужествен и мудр, не обманывай себя. Молодость прошла. Зрелость — время жатвы. Что в молодости посеял — то теперь пожнешь». Возможно, это заготовка стихотворения, которое никогда так и не было написано: Рыленков любил в начале стихотворения поместить два слова, связанные аллитерациями и ассонансами, как «мужествен и мудр» в этом отрывке. Впрочем, обычно таких прозаических планов стихотворений он не составлял. Во всяком случае, это интимное обращение к самому себе, никогда не обнародованное поэтом, показывает, что переход экватора жизни был для него внутренне драматичен.

В ранней литературной молодости, подобно любимому им Бунину, Рыленков делил свои творческие увлечения между стихами и прозой. Потом стихи решительно возобладали. Теперь он много времени отдает прозе, пишет роман о современности «Великая Росстань» (1949), историческую повесть о 1812 годе «На Старой Смоленской дороге» (1953), повесть «У разоренного гнезда» (1947), автобиографическую прозу, вынашивает план неосуществленного романа «Смутное время». Все чаще появляются статьи Рыленкова о поэзии и поэтах. Он работает главным редактором Смоленского областного издательства, ответственным секретарем смоленской писательской организации и секретарем Союза писателей РСФСР, ведет широкую общественную деятельность. А параллельно выходят стихотворные сборники, продолжается напряженный поэтический труд.

Четверть века, отпущенная судьбой Рыленкову после войны, была периодом неуклонного возрастания поэтической зрелости, движения к вершине. Важным в этом отношении оказалось первое послевоенное десятилетие. Стихи этого периода поэт объединил в раздел «Книга памяти»: действительно, память войны неограниченно владела литературой того времени. Но «Книгой памяти» стихи середины 40-х — середины 50-х годов Рыленков мог назвать и по другой причине: он не забыл ничего из достигнутого им в 30-е годы и, обога-

щенный жизненным и творческим опытом 1941—1945 годов, вновь обратился к вечным темам природы, любви, искусства, осмысления бытия. Так завязывались проблемные, тематические узлы, формировалась образная система поздней лирики Рыленкова.

Именно в это время он пришел к подлинно медитативной лирике. Раздел, охватывающий стихотворения последних лет жизни, он и назвал «Книгой раздумий», но прекрасные образцы медитаций мы встречаем уже в первые послевоенные годы: таковы «Мы помним всё: дороги отступлений...», «Пережитым потрясены...», «Есть поговорка русская. Она...» и многое другое. Теперь несколько по-иному Рыленков показывает крестьянскую жизнь, деревню. Все подробности крестьянского быта так для него значительны сами по себе, будь то трудовой пот или тяжелый подойник, что просто не могут не быть прекрасны.

«Расширяющаяся вселенная» «деревенской прозы» 50—70-х годов нашего века неоценимо многим обязана «деревенской поэзии». Не случайно самую страстную речь о желанности правдивых и прекрасных романов, повестей, очерков о жизни села, о необходимости не только хозяйственного, но и художественного освоения Сибири произнес на Втором всесоюзном съезде писателей в 1954 году А. Яшин, создавший предельно искренние стихи, немногие, но замечательные образцы прозы о родной Вологодчине, о послевоенном крестьянстве. Близко к Яшину по основным тенденциям своего творчества в послевоенной литературе стоит Рыленков. Такие его стихотворения, как «У костра не спится. Ночь туманна...» и ряд других, способствовали обращению литературы к правдивому и вместе поэтичному изображению деревни.

5

Еще перед войной Рыленков опубликовал поэму «Большая дорога», озаренную отсветами необыкновенной судьбы М. Горького. Впоследствии он ее переделал и печатал без заключительной части, которую в начале 60-х годов, в свою очередь, переработал и опубликовал как самостоятельную поэму «Петербургский туман». Это рассказ о молодом сельском учителе, который накануне первой мировой войны приходит в Петербург за поэтической славой. Есть у него и другая цель: отыскать любимую, Машу, которая раньше приехала в столицу и затерялась в большом чужом городе. Герой поэмы Ростислав Вишняков пишет стихи есенинского замеса и довольно скоро приобретает литературную известность. Но в то же время он узнает, что его любимая покончила с собой прежде, чем он успел ее отыскать и поддержать. Маша не показана, она — только в мыслях, мечтах, воспоминаниях поэта, ее образ только чуть-чуть вырисовывается в

тумане. Гораздо плотнее, вещнее фигура Вишнякова, но и его мы видим лишь в нескольких определяющих эпизодах, он словно выныривает из петербургского тумана и вновь уходит в туман. Подлинным героем поэмы оказывается Петербург, его монументальный образ воссоздан в первой и десятой, последней, главах, настойчиво проведен через весь текст, сплетен с судьбами Вишнякова, покровительствующего ему Сергея Петухова, Маши. Обращает на себя внимание удивительное совпадение с петербургской «Поэмой без героя» Анны Ахматовой: время действия — 1913 год, а под произведением стоят даты: «1940—1962» — у Ахматовой, «1940—1961» — у Рыленкова.

Вслед за «Петербургским туманом» поэт осуществил другой замысел, который вынашивал всю сознательную жизнь. В 1962 году он окончил и опубликовал стихотворный пересказ «Слова о полку Игореве». Он шел к своему труду сорок лет, со времени первого школьного знакомства с «Плачем Ярославны» в переводе И. И. Козлова, и сам рассказал об основных подступах к переложению — об увлечении фольклором, древней русской литературой, «Словом...» (древнерусский текст которого он знал наизусть) в годы учения в институте, о своих довоенных стихотворениях «Боян» и «Меч Мономаха», о послевоенном «Ярославна» — в автобиографии «Страницы жизни» и в предисловии к отдельному изданию «Слова...» в 1966 году.

Во время войны идеи, образы, язык «Слова о полку Игореве» помогали Рыленкову осмысливать и воссоздавать события, участником и свидетелем которых он был. Один из военных сборников он назвал «Синее вино» и открыл стихотворением, содержащим следующие строки:

И синего вина, вина печали,
Она нам полной мерой поднесла...

В «Слове...» эпитет «синий» заключает в себе оттенок угрозы: синее вино видит в зловещем сне великий князь Киевский, в другой раз упоминается «синяя мгла». Литературный язык Древней Руси знал такие оттенки значений этого слова, как «багровый, налитый кровью», «черный» («сине как сажа»), «сумрачный».[1] Тонкое ощущение русского слова позволило Рыленкову безошибочно выбрать название для книги стихов военного времени, утверждая преемственность по отношению к историческому прошлому.

Когда писатель берется за перевод, в котором у него есть много предшественников и, без сомнения, будет немало последователей (так, например, уже после рыленковского появился перевод моло-

---

[1] И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, М., 1958, т. 3, стлб. 356.

дого талантливого московского поэта А. Чернова), он должен особенно ясно отдать себе отчет в том, какую цель перед собою ставит. Понятно, для него самого эта работа важна по внутренним творческим причинам; но что она дает литературе, обществу? В процессе усвоения «Слова...» новой русской поэзией одни авторы стремились подчеркнуть близость памятника к устному народному творчеству, другие — ритмическую и звуковую структуру, третьи прежде всего старались воссоздать сложную образную систему и т. д. Среди интерпретаторов «Слова...» были такие замечательные поэты, как В. А. Жуковский, А. Н. Майков, Н. А. Заболоцкий. Рыленков поставил перед собой задачу, по возможности сохраняя накопленные традицией достижения, дать текст, предельно доступный современному читателю. Ради этого он пошел на некоторые упрощения, на просветление ряда темных мест, на облегчение языка. Около двадцати лет его переложение оставалось последним звеном традиции, а в истории переложений «Слова...», особенно в наши дни, это немало.

В конце 50-х — начале 60-х годов заметно перестраивается и обновляется лирическая система Рыленкова. «В послевоенные годы у нас было немало разговоров о спаде лирической волны в поэзии, о том, что наступило время прозы. Ну что ж, есть время сеять, и есть время собирать плоды»,[1] — с удовлетворением констатировал Рыленков, свидетель и деятельный участник того периода поэтической активности, который начался в середине 50-х годов. Подъем поэзии, расцвет лирики длился примерно десятилетие. Уже на грани 50-х и 60-х годов появляются такие симптоматические произведения, как верлибры Е. Винокурова, А. Яшина, В. Солоухина, В. Бокова (который позже будет призывать поэтов «не верлибрствовать») — опыты стиха, ориентированного на прозу. Один за другим выдвигаются замечательные прозаики со своим миром тем, героев.

Через несколько лет в «Литературной газете» и журналах начинаются разговоры о засилии стихотворцев-графоманов. Так что, когда в 1968 году М. Исаковский выступил с чрезвычайно резкой статьей «Доколе?..», он выразил общую озабоченность положением дел, утверждая, что поток низкопробных стихотворений и стихотворных сборников превратился в бедствие, что происходит девальвация стиха. И все же многое радовало участников и внимательных наблюдателей литературного движения 50—60-х годов: и приход талантливой молодежи, и новый, часто яркий расцвет творчества маститых мастеров; уверенно зазвучали голоса поэтов, сформированных войной. В литературе возник естественный сплав молодой свежести и опыта, высокой художественной культуры и разностороннего знания

---

[1] Н. Рыленков, Традиции и новаторство. Статьи о поэзии, М., 1962, с. 29.

жизни. В одном из разговоров в конце 1968 года Рыленков мне сказал: «Надо помнить о суде истории. Он налагает чувство ответственности. Если лет пятнадцать назад мы чего-то еще не понимали, то теперь так, как раньше, жить и писать нельзя. Мы получили незабываемые и слишком тяжелые уроки». Такой подлинный историзм, понимаемый не поверхностно, в смысле изображения внешней стороны событий, а как стремление постичь, отразить веяния и веления времени, обусловил значительное обновление поэзии Рыленкова не только в тематике и проблематике стихотворений, но и в образности, языке, метрике.

Он стремится быть в ладу со своей строгой совестью, ему близко извечное правдоискательство русских праведников, упорное домогательство высших нравственных истин, понимание подлинных и мнимых ценностей.

Милый друг! Мы мужали на стыке эпох,
Сердцем чувствуя каждый излом.
Нам не раз приходилось прикусывать вздох,
Боль завязывать мертвым узлом.

Что теперь нам сраженья в табачном дыму
И удары чернильных рапир?
Мы с тобою видали такое, чему
Удивился бы даже Шекспир!

Осмыслению жизни с точки зрения высоких этических требований посвящены стихотворения «Я знаю, когда-нибудь дочь меня спросит. . .», «Как мало мы бываем. . .», «Зачем я стану притворяться. . .», «Как слава непостоянна. . .». Герою Рыленкова, сильному, полному достоинства, прошедшему через огонь войны, взыскующему правды, чуждо все показное, крикливое. В приведенном выше стихотворении фраза, полная иронии, о сраженьях в табачном дыму и ударах чернильных рапир — далеко не единственная у позднего Рыленкова.

Щепоть земли, в дорожный плащ зашитой,
С собой не брал я в дальние края, —

начинает он одну из своих миниатюр.

Как пылко мальчики клянутся,
Призвав в свидетели наш век,
Что стыдно жизнь тянуть из блюдца,
Коль есть на свете кипень рек.

А тем, кого вспоили реки,
Смешна ребяческая прыть.
Какая храбрость в нашем веке
Во имя жизни блюдца бить! —

говорит он в другой.

Поэт показывает радости и горести, духовный мир и бытие своего современника. Он отстаивает совершенно определенный символ веры. Природа, которая «тайн от нас своих не прячет, Но учит быть внимательнее к ней», в наибольшей степени остается в центре его изображения. Рыленков видит в ней воплощение нравственных ценностей; с нею же связаны интимные переживания его героя. И если до поры до времени человек не поддается старости, так это потому, что вечно молода природа, составляющая самую основу его жизневосприятия («Подумай, виски уж седые сплошь. . .»). Такое ощущение природы срастается с понятием родины и освящается многолетним каждодневным трудом. Творческий труд поэта Рыленков может сопоставить с трудом живописца и с трудом преобразователя:

А ты художник. Как тебя заставить
Глядеть на мир без сладостной тоски,
Без вечной жажды что-нибудь исправить,
Переписать какие-то куски!

(«В вечернем поле небо, словно мокрый. . .»)

Непосредственным предшественником этого стихотворения было «Пронесшейся грозою полон воздух. . .» Пастернака, написанное летом 1958 года (стихи Рыленкова — в 1961 году):

Художник, может быть, еще всесильней
С наскучивших вещей сметает пыль.
Преображенней из его красильни
Выходят в мир действительность и быль.

Природа изображается Рыленковым многосторонне и детализированно. Весна, лето, осень, «фантазии русской зимы», снег вообще и первые пороши, и ветер, и туман, и дождь вообще, и ливень, и первые дожди, и гроза, и вёдро, и ненастье, и всходы, и жнивье, и озимь, и отава — самые разнообразные проявления жизни природы составляют мир поэта. Ночь, рассвет и закат (и сумерки), заря утренняя и заря вечерняя, утро, день (и полдень), вечер — любое время суток и тонкие переходы между ними; луга (и поемный луг), холмы, леса, рощи и перелески, чащобы, кусты, заросли; большак, проселок и узкая, петляющая тропка; дерево (с кроной и корнями), замшелый

пень, ива, рябина, березка, ветла, камыш и кедр; реки и речушки, озера, родники; цветы, плоды, ягоды, орехи, грибы, иван-чай, сарана, душица; птицы, белки; запах полыни, и дымок деревни, и голос кукушки, — все это и многое другое переполняет стихи Рыленкова.

1—3 января 1961 года Рыленков написал сонет «Пчела» («Пчелою» в Древней Руси называли сборники поучительных изречений, собранных из Библии, Евангелий, античных, византийских и русских авторов). Сонет написан от лица монаха — переводчика (в основе «Пчелы» лежит греческий оригинал) и составителя, но сквозь условный образ древнего книжника мерцает образ современного поэта.

Я внес в твой мед, мой Днепр, мой Борисфен,
Эллады аромат и горечь Рима.

Неужто лишним правнуки найдут
Мой безымянный, мой пчелиный труд?

И вот последнее десятилетие творческой жизни поэта посвящено созданию собственной «Пчелы». Сборники «Пятое время года» (1965), «Снежни́ца» (1968), «Журавлиные трубы» (1972) в первую очередь подчинены этой задаче. Здесь есть обработки и античных сюжетов («Был мудр гордец, сказавший римлянам...»), и евангельских («Как слава непостоянна...»), и древнерусских («Старинная притча»), но большую часть образуют раздумья, притчи, афоризмы, сентенции самого Рыленкова. Он неоднократно обращается к жанру надписи — надписи к портрету, надписи на книге, порою стихотворения приобретают черты антологической лирики, порою содержат размышления поэта о своем месте в мире:

Как пчелы летят к цветам медоносным,
Как тянут шмели по теплым следам,
Так я выхожу поклониться соснам,
Таволгам, иволгам и дроздам.

Но пчелам не надо решать загадок,
Не знают сомнений в пути шмели,
А я по-новому в каждый взяток
Вбираю и радость и боль земли.

Лирика Рыленкова последних лет — не в меньшей степени его дневник, чем стихи, написанные во время войны. Только в 40-е годы лирический дневник поэта отражал события, а затем уже мысли и переживания по поводу этих событий; в 60-е же годы событий в стихах почти не остается: только мысль на поверхности и чувство, рев-

ниво упрятанное поглубже. Поздняя лирика Рыленкова не носит созерцательного характера; во всяком случае, безмятежно-созерцательные стихотворения для нее не характерны. Обычно это миниатюры, и в основе каждой лежит противопоставление. Что-то автор утверждает и что-то отвергает. На первый взгляд темы поэтических размышлений Рыленкова бесконечно разнообразны, но, если внимательно присмотреться, можно выделить то, что их объединяет.

В ряде стихотворений человеческое начало противопоставляется машинам. Эта тема намечена в стихотворении 1961 года «Видно, таким уродился я; видно...». Она получает развитие через год в стихотворении «Нет, не внушает мне почтенья тот...»: поэту в жизни нужен такой спутник, «кто сердцу верит больше, чем часам». Еще через два года противопоставление человеческого начала машинам приобретает новую форму в следующем четверостишии:

Поклон вам низкий, борозды-морщины
На многодумном пахаря челе.
Бесплодна мощь железная машины
Без человеческой любви к земле.

Наконец, в 1967 году эта тема находит завершение в иронической «Оде машинам». Поэт шутливо говорит, что даже встречи человека со снегом и дождем теперь происходят по сигналам радио, а кончает словами о том, что нет напасти страшнее, чем оказаться человеку в плену у машин. Свидетель научно-технической революции, Рыленков видит ее достижения, но и — яснее, чем многие, — ее издержки и не скрывает опасений, что баланс достижений и издержек может оказаться не в пользу человечества. В 60-е годы Рыленков один из первых громко и настойчиво заговорил об этом.

К обозначенной теме предельно близка другая: противопоставление мира человеческих эмоций точному знанию. Как глубоко мы ни проникаем в суть явлений, говорит поэт, как ни сводим свою жизнь к формулам, а заплачем-то «от песни соловьиной, От запаха невзрачного цветка» («Мы проникаем в тайники природы...», 1961). Позже эта мысль варьируется в других стихотворениях и с большой полнотой выражается в миниатюре «Может статься, и впрямь на земле бы не стало чудес...» (1966).

Старый книгочей и книголюб, Рыленков противопоставляет книгу природе, и оказывается, что именно родные воды и леса воплощают высшую духовную ценность («Мы странствуем по книгам год за годом...», 1966). Точно так же город проигрывает при сопоставлении с деревней («Как весна ни нарядна в саду городском...», 1964).

В сознании поэта откристаллизовались два полюса: природное, естественное — и механическое, искусственное. Когда он обращается

к теме поэзии, творчества, перед ним встает нелегкое противоречие. Искусство — искусственно, но поэзии не пристало отрицать самое себя. Это противоречие намечается, например, в стихотворении 1960 года «От рифмы, как от детской погремушки. . .», где поэт, который 35 лет рифмовал, готов отмахнуться от рифмы. Обыкновенно поэты (Пушкин, Маяковский и другие) в стихах говорят о рифме с любовью; Рыленков же начинает ощущать в ней нечто искусственное, нарушающее естественное течение речи. В стихотворении «Муза», написанном примерно в то же время, мысль поэта проясняется: не всякую рифму он отвергает, а лишь такую, за которой не стоит подлинное чувство. И далее постоянно утверждается поэзия естественная, опирающаяся на чувство природы, на мир подлинных человеческих эмоций, и отрицается сложение надуманных, расчетливых стихов.

Мысль о том, что в наш век искусственное, рациональное угрожает творческому началу и самой жизни, — это предостережение предельно законченно выражено в стихотворении «Помыслить горько мне. . .» (1966): человек с помощью химии опыляет растения и одновременно уничтожает «любимиц музы — пчел».

Лирика Рыленкова чужда пессимизма, его предостережения не связаны с чувством безысходности, но поэту несвойствен и бездумный оптимизм. Он предстает перед читателем в своем позднем творчестве как носитель исторического сознания, твердых нравственных убеждений, с доверием относящийся к творческим способностям человека.

Когда-то Блок сказал Есенину, что лирическое стихотворение должно укладываться в 20 строк. Средняя длина стихотворения самого Блока, согласно данным П. А. Руднева,[1] еще меньше — 17 строк. Современник Рыленкова Б. Слуцкий говорит о стихотворении длиной в двадцать плюс-минус десять строчек. Разумеется, такова лишь общая тенденция лирики XX века. Средняя длина стихотворения у Я. Смелякова, например, — 45 строк, а в лирике 50—60-х годов в целом — 25 строк. Это важно, потому что краткость нередко свидетельствует о чисто лирической природе стихотворений, а возрастание длины — о развитии эпичности. Поэтому показательно, что в лирике Рыленкова 60-х годов преобладают восьмистишия. Такая спрессованность содержания — одно из отличий позднего Рыленкова от большинства поэтов, в том числе и от раннего Рыленкова.

В стихе Рыленкова 60-х годов среди значительного разнообразия форм решительно выделяется пятистопный ямб, по традиции тесно связанный с лирикой размышлений. В широком кругу разно-

---

[1] См.: П. А. Руднев, Метрический репертуар А. Блока. — В кн.: «Блоковский сборник», 2, Тарту, 1972, с. 258.

образной, порою причудливой строфики господствует четверостишие — самая «обыденная» форма. Соотношение строфического членения с синтаксическим тоже стремится к наибольшей естественности: как правило, конец предложения и конец строфы совпадают, причем чаще всего предложение как раз и охватывает всю строфу, реже делит ее на симметричные части. И лишь изредка синтаксические конструкции членят строфу асимметрично или перебрасываются в следующую. На фоне довольно пестрого многообразия форм у позднего Рыленкова преобладает классическая строгость, простота, уравновешенность. [1]

Необходимо учитывать сложную взаимосвязь поэтического мира Рыленкова с другими поэтическими мирами. Некоторые важные черты его близости с творчеством А. Яшина упомянуты выше. В другой раз Рыленков писал: «В последнее время в статьях о поэзии все чаще и все настойчивее вспоминаются имена крупных поэтов старшего и среднего поколения, несправедливо обойденных, замалчиваемых нашей критикой... А замалчивают, как правило, критики именно тех поэтов, которые почему-либо не укладываются в привычные схемы ... Я не побоюсь сказать, что в лице Николая Ушакова долгие годы замалчивался один из искуснейших мастеров русского стиха, умеющий освежить, заставить звучать по-новому самые традиционные размеры. Некоторые критики сравнивали его стихи по тонкости и прозрачности письма с акварелями. Мне же кажется, что наряду с «акварельными» стихами у него встречаются и такие, которые можно сравнить и с рисунком пером и с гравюрой, для которых характерна тонкая тщательность отделки каждой детали». [2] Это сказано, конечно, о Николае Ушакове, которого Рыленков высоко ценил. Но все это, включая принадлежащие критикам сравнения стихов с акварелями, сказано и о самом Рыленкове. Его судьба в критике военных и послевоенных лет стала иной, чем до войны. Резких нападок было мало, появлялось все больше доброжелательных отзывов. В 60-х годах были опубликованы серьезные статьи А. Македонова, Е. Осетрова, других авторов. И все же всего за четыре года до смерти писатель прочитал горькие, но справедливые слова: «Наша литературная критика в большом долгу перед Рыленковым». [3] В 60-е годы поэт в стихах пришел к значительно большей, чем прежде, сдержанности в выражении чувств. Но снова и снова возвращался он к открытой полемике со своими незадачливыми судьями, отводя

---

[1] Более подробную характеристику поэтики см. в статье: В. Баевский, «...строкой негромкою». — В кн.: Добрая душа. Книга о Николае Рыленкове, М., 1973, с. 220—239.

[2] Н. Рыленков, Традиции и новаторство. Статьи о поэзии, с. 113—115.

[3] Е. Осетров, Поэзия наших дней, М., 1965, с. 155.

их упреки, отстаивая святое право поэта говорить своим, ни на чей другой не похожим, голосом. «Критик мой нахмурится сурово» — начинает он одно стихотворение; «Пускай угрюмые догматики Ворчат, я к этому привык» — начинает другое; «Взвесят критики всё» — начинает третье; в четвертом поминает

Тех, что мне стихов не прощали
Про березовые опушки...

(«Сон в летнюю ночь»)

Рыленков и умер недооцененным поэтом. В 70-е годы развернулось углубленное изучение его творчества, появились первые монографии, диссертации, сборники статей и воспоминаний. Конец 60-х и 70-е годы оказались благоприятными для осознания подлинного значения поэзии Рыленкова. В это время все большее распространение получала лирика размышлений, отдававшая решительное предпочтение глубине мысли и чувства перед броскостью стиха и слова. И как в благоприятных условиях проявляется изображение на фотопластинке, так проявились неброские, но высокие, неподдельные ценности стихов во многом разных, а сдержанностью и глубиной чувств близких друг другу Рыленкова и Самойлова, Яшина и Межирова, Ушакова и Чухонцева, да и многих других.

Многими особенностями рыленковские сборники «Пятое время года», «Снежница» и «Журавлиные трубы» сближаются со стихами последней, «Седьмой книги» А. Ахматовой. Глубокие отличия, конечно, есть, и отличия принципиальные. Так, мироощущение Ахматовой трагично, трагизмом окрашены ее поэмы, ее лирика. Но во многих других аспектах, как самых содержательных (историзм, гражданственность), так и более формальных, сближение зрелой поэзии Рыленкова с ахматовской не вызывает сомнения. В специальном этюде, посвященном Ахматовой, Рыленков писал: «Совестливость ее поэзии неразрывно связана с чувством родной земли, с глубоким сознанием своей ответственности перед родиной и народом, перед великими завоеваниями человеческой культуры».[1] В этих словах, как и в приведенном выше отзыве о Н. Ушакове, можно усмотреть не только характеристику А. Ахматовой, но и автохарактеристику. Рыленков не «подражал». Но сближение не случайно: творчество Ахматовой было предметом глубоких раздумий и оценок поэта.

В начале нашего первого серьезного разговора о поэзии Николай Иванович несколько даже воинственно, словно бы предполагая от-

---

[1] Н. Рыленков, Вторая жизнь поэта. — В кн: «День поэзии», М., 1966, с. 306—307.

пор, заявил, что считает Ахматову одним из самых больших русских поэтов XX века. Я, разумеется, возражать не стал, а сказал:

— Входит в первую пятерку.

— Входит в первую пятерку, — подтвердил он убежденно.

В «Снежницу» он включил проникновенные стихи, написанные на смерть Ахматовой. С годами он усматривал все больше точек соприкосновения между ее поэзией и своей собственной.

В феврале 1969 года в Смоленске был отпразднован шестидесятилетний юбилей Рыленкова. Его ответное слово на этом вечере, произнесенное после двух с половиной часов поздравлений и приветствий, было кратко и полно достоинства. Смысл его сводился к следующему: «Всю жизнь я боялся наигрыша. И сейчас, выслушав все эти поздравления и похвалы, я стараюсь отнестись к ним трезво. Сколько еще мне отпущено времени (а подлинный трагизм происходившего заключался в том, что писатель уже был смертельно болен и понимал это), я постараюсь продолжать мой литературный подвиг так добросовестно, как только смогу». В слове «подвиг» не было ничего нескромного. В контексте речи оно воспринималось только как характеристика трудности писательского дела, а отнюдь не как высокая самооценка. Почти одновременно А. Яшин написал стихотворение «Я обречен на подвиг...». А в свое время Пушкин спрашивал себя: «Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный?..»

Мне вспомнились слова Николая Ивановича:

«У нас часто бросаются словами «великий», «выдающийся», «гениальный». Боже мой! Да Россия так богата настоящими поэтами! В России, где Баратынский и Фет долго были, да и сейчас как-то в тени, где Тютчев — всего лишь «второстепенный поэт»,[1] в России быть не «великим», не «выдающимся», а просто быть поэтом — большое счастье и большая ответственность».

Умер Рыленков 23 июня 1969 года.

6

Теперь необходимо сказать о некоторых общих определяющих чертах эстетической позиции Рыленкова. Его творчество формировалось в русле «смоленской поэтической школы». Впервые об этой школе как о факте истории литературы заговорил А. В. Македонов. Тогда ему пришлось отстаивать саму мысль о возможности существования разных школ в советской поэзии, о возможности разно-

[1] Рыленков имел в виду, конечно, статью Некрасова «Русские второстепенные поэты» (1850), впервые по-настоящему показавшую Тютчева широкой публике.

сторонности единства, как он выразился. Он утверждал, что специфика «смоленской школы» «особенно резко ощущалась в начале тридцатых годов, затем целый ряд новинок этой школы стал уже общим достоянием советской поэзии».[1] Чуждый односторонности, он писал, «что стремление к конкретизации нового героя, к раскрытию многосторонности его внутренней жизни, к непосредственному синтезу в поэзии повествовательного, драматического, лирического начала и особой поэтической сюжетности, к развитому синтезу песенного и разговорного начала поэтической речи, к синтезу «обыкновенного» и огромного, всемирно-исторического, героического начала в изображении реального, сегодняшнего советского человека, — все это, впервые отчетливо намеченное поэтами «смоленской школы» в конце двадцатых и начале тридцатых годов, стало всеобщим достоянием советской поэзии, а также искалось и находилось и независимо от личного поэтического влияния и примера Твардовского, или Исаковского, или Рыленкова».[2] А. В. Македонов отметил тот несомненный факт, что не все поэты, выросшие и сформировавшиеся на смоленской земле, творчески принадлежат к «смоленской школе». Как пример он привел А. Гитовича, тяготевшего к иным традициям. Вместе с тем он отметил близость к ней Грибачева и Яшина, хотя Яшин биографически со Смоленщиной никогда связан не был.

Главой школы, организатором сил молодых смоленских поэтов, на первых порах творческим примером и советчиком был Исаковский. Это неоднократно отмечено и Твардовским, и Рыленковым. Постепенно пути всех трех поэтов в литературе все более расходились — это были три большие творческие индивидуальности — при том, что личные и художественные связи они сохранили до конца. Следы общности мировоззрения, языка, фольклоризма, вынесенные из детства и литературной молодости, заметны у них и в 40-е, и в 50-е, и в 60-е годы.

Никто из трех больших поэтов специально не «культивировал» те или иные особенности «смоленской школы» ни в своих, ни тем более в чужих стихах. Весьма категорически высказался на эту тему Рыленков. В напутственном слове молодым смоленским авторам он писал: «Людям старшего поколения всегда, во все времена казалось, что они, исполняя свой долг, проторили все дороги для идущей вслед за ними молодежи. Потом им неминуемо приходилось убеждаться, что молодежь упорно сворачивает с торных дорог на целину, что она предпочитает прокладывать свои дороги... Вот и я, читая стихи еще совсем юных своих земляков, даже и не пытаюсь подходить

---

[1] А. В. Македонов. Очерки советской поэзии, Смоленск, 1960, с. 31.
[2] Там же.

к ним с мерками нашей так называемой «смоленской школы». Им тесно в рамках только местных традиций».[1] При отборе стихотворений он отдавал предпочтение наиболее самобытным, наиболее оригинальным.

Литературное развитие Рыленков понимал как усвоение традиции и на его почве поиск нового. Это отчетливо видно в его статьях, критических оценках и, главное, в его творчестве. При его полной отданности литературному делу он рано осознал, что для него «жизнь и поэзия — одно», говоря словами другого поэта, В. А. Жуковского. Стихи он группировал в разделы так, что они образовали биографические, хронологические и жанрово-тематические единства. В последнем собрании стихотворений, подготовленном незадолго до смерти, Рыленков выделил такие разделы: «Книга юности» (1924—1930), «Книга встреч» (1930—1941), «Книга верности» (1941—1945), «Книга памяти» (1945—1950), «Книга признаний» (1951—1959), «Книга песен» (1948—1962), «Книга раздумий» (1960—1966). Сложная при внешней простоте структура, в которой совпадают этапы человеческой, писательской судьбы автора и истории страны, подсказана, возможно, собраниями сочинений Блока и Гейне (в частности, вспомним знаменитую «Книгу песен» Гейне). Цепь заглавий, данных Рыленковым основным разделам, ясно указывает на преемственность тем и судеб: после юности — встречи, во встречах проверяется верность, верность требует памяти, память порождает признания, признания — раздумья. Переходы могут быть объяснены логически как следствие естественного развития, скачков и перебоев нет. Подобное сцепление традиций Рыленков видел и в истории поэзии.

Грустить, и радоваться, и петь я
Привык у сверстников на виду,
А в девятнадцатое столетье,
Как в отчий дом, за советом иду.

Особое место в художественной памяти Рыленкова занимал Некрасов. Он для современного поэта — один из самых гражданственных и одновременно один из самых лиричных среди великих предшественников. Как обычно в статьях Рыленкова, и здесь точное слово о другом совмещается с подспудными раздумьями о себе. Не об этой ли слиянности гражданственности и лиризма мечтал для себя Рыленков, не к ней ли шел долгие годы? «Его лирика стала исповедью сердца русского интеллигента, познавшего всю глубину своей ответственности перед народом, осознавшего свой нравственный долг

[1] Н. Рыленков, Я от всей души желаю им удачи. — В кн.: Тропинка на Парнас, М., 1969, с. 125.

перед ним и считавшего высшим мерилом жизни готовность к подвигу. Лирическая исповедь Некрасова — это тревога возмущенной совести, выражающая бескомпромиссную требовательность поэта к себе, к своему поколению и своему времени».[1] Рыленков выделяет в деятельности Некрасова, в его облике то, что считает особенно важным для литературы, для общества и поэтому для себя самого. В «Кому на Руси жить хорошо» он видит высшее проявление некрасовского гения, полную слиянность с народом. И особо останавливается, конечно, на отношении Некрасова к природе, ибо, по его словам, вглядываясь в природу, поэт думал о своем народе, о своей родине. В поэзии Твардовского Рыленков специально выделяет некрасовское, народное начало.[2] В свою очередь, когда Исаковский стал говорить о поэзии Рыленкова, он как определяющее ее свойство сразу же выделил связь с фольклором, с народно-песенной традицией. «Мне как-то уже приходилось говорить, что подлинным, настоящим поэтом является не тот, кто только пишет стихи и даже — сборник за сборником — печатает их, а тот, чьи творения живут в сердце народа, в его сознании, живут своей самостоятельной жизнью, независимо от воли автора, породившего их, и сами становятся уже как бы частью нашей действительности. Я думаю, что таким поэтом, чье творчество давно и прочно вошло в сознание народа, в душу многих и многих тысяч людей, стал русский советский поэт Николай Рыленков».[3]

Как и всякому крупному человеку, стоящему на виду у общества, Рыленкову приходилось принимать ответственные решения, привлекавшие к нему внимание. Не всегда он сам бывал собою доволен. В таких случаях из-под его пера выходили исповеднические строки, перекликающиеся с некрасовскими. Кровоточащая совесть Некрасова сделала все его творчество полем борьбы с самим собой за высшие нравственные, социальные, эстетические ценности. Мало кто так беззаветно послужил русскому народу, как Некрасов, и мало кто так бичевал себя за ничтожный труд, как он. Поэт нес свои сомнения, искания людям. Традиция некрасовской покаянной лирики была подхвачена советскими поэтами, в 50—60-е годы она отозвалась в творчестве духовно и эстетически близких Рыленкову А. Твардовского (например, в его стихотворении «Ты и я») и А. Яшина (сборник «Совесть», 1961). Недовольство собой, чувство вины, стремление рассказать о своих ошибках, предостеречь других и себя от их повторения настолько часто и систематически звучат в зрелой лирике

---

[1] Н. Рыленков, Душа поэзии, М., 1969, с. 63.

[2] См.: Н. Рыленков, Традиции и новаторство, с. 94.

[3] М. Исаковский, О поэтах, о стихах, о песнях, изд. 2-е, М., 1972, с. 30.

Рыленкова, что необходимо говорить об углублении в ней исповеднического пафоса. «Совесть», «Как мало мы бываем...», «Зачем я буду притворяться...», «Года раздумий нам ссутулят плечи...», «За всё, за всё с нас спросит...», «Сосредоточенность», «В чем виноват — винюсь. Я не вприглядку жил...», «Простит нам время...», «Уйдешь от всех ты...» и другие стихотворения выражают настойчивое требование нравственного самоочищения.

Как бы ясен был мой закат,
Как бы вечер был свеж и светел,
Если б мог я вернуть назад
Те слова, что бросал на ветер.

Поэт чувствует себя звеном в бесконечной цепи бытия, продолжателем дел своих предков, наследником предшественников, обязанным сохранить и умножить полученные от них нравственные и эстетические ценности и передать затем их потомкам. «Душа стремится вглубь, к первоосновам...» — снова и снова мысль поэта обращается к тем поколениям крестьян, которые формировали вековую народную культуру. Как мало у кого из русских поэтов, выражены в творчестве Рыленкова семейные связи. В них воплощена смена времен, прошедшего, настоящего и будущего. В стихотворении «Мой дед всю жизнь молчал сурово...» в поэме «Ананья из Старой Ломни» писатель поминает предков, от которых, как он думает, по каплям пришел к нему его поэтический дар; еще дальше в прошлое заглядывает в стихотворении «Не оставили предки портретов для нас...»; пишет большое стихотворение «Бабка», пишет об отце и несколько раз — о матери, о брате и сестре. Есть стихи о жене, одно из стихотворений начинается: «Ты скоро станешь матерью...»; неоднократны обращения к дочерям. Через родственные связи поэт раскрывает свое ощущение единства с народом, со страной.

В художественном мире Рыленкова высший эстетический критерий — крестьянский труд. Именно эстетический критерий, как ни странным это может показаться на первый взгляд. Пройдя тяжелую школу крестьянского труда, сохранив навсегда прочную духовную связь с деревней и ее людьми, Рыленков привык соизмерять свой поэтический труд с каждодневными заботами крестьянина. Снова и снова задает он себе вопрос: так ли важен, необходим его труд, как труд тех, кто кормит страну? Это было его постоянное беспокойство. Оно и побуждало его относиться к творчеству как к подвигу, относиться истово, стремиться создавать такие стихи, чтобы без них нельзя было прожить, как без хлеба.

Мне бы в поле хлеба растить,
Мне бы травы в лугу косить,

Мне б вершить, как скирды и стога,
Всё, чем жизнь для меня дорога.

Только я полей не пашу,
Только я лугов не кошу,
Из всего, что в душе берегу,
Я лишь песню сложить могу.

И чтоб с чистой душой мне жить
И над прожитым не тужить,
Песню надобно так сложить,
Чтобы осень с весной сдружить.

Чтобы тот, кто растит хлеба,
Молвил, вытерши пот со лба:
«Как я жил без нее? Она
Мне, как хлеб насущный, нужна!»

7

Поэтика Рыленкова, при всем ее своеобразии, формировалась в общем русле литературы 20—60-х годов. «История русской поэзии, связанная с развитием нового общества, может быть названа историей постепенного расширения, «обогащения» образа советского человека ... поэзия раздвигала свои границы и пределы, овладевала все новыми и новыми сферами жизни, быта и бытия советского человека, лирически, художественно осваивала их». [1] Такое энергичное экстенсивное движение никак не могло быть успешным без постоянного расширения всего круга изобразительных и выразительных средств. Не правы были критики, которые хвалили Рыленкова за то, что он писал попросту, без затей. Он действительно достиг высокой простоты, но это простота гармонично организованного богатства искусных художественных приемов, исходящих из глубин народно-поэтического взгляда на мир и вбирающих в себя опыт прошлого и современности.

Рыленков был придирчив в отборе произведений для переводов. Среди переведенных им стихотворений белорусских поэтов есть «Чтоб ведали...» М. Танка. Здесь с большой выразительностью обрисовано идущее из далекого мифологического прошлого представление о «мировом дереве» как оси мира. Задача «мирового дерева» в мифологическом сознании — преобразовать неуловимые временные

---

[1] История русской советской литературы в 4-х томах, т. 2, М., 1967, с. 77.

отношения в пространственные, внести порядок во вселенную, объединить подземную область, поверхность земли и небо. В русской науке впервые указал на мифему «мирового дерева» А. Н. Афанасьев; на современном научном уровне она описана В. Н. Топоровым и рядом других авторов; ее важное место в поэзии Есенина указано В. Г. Базановым.[1] Начало рыленковского перевода выглядит так:

Растет на высоком кургане сосна,
Чтоб ведали;
Корнями весь дол оплетает она,
Чтоб ведали;
Вершиной до звезд дотянулась она,
Чтоб ведали...

Есть у Рыленкова и оригинальное стихотворение, исходящее из того же мифологического образа. Оно дает обобщенную картину мира в духе народного миропонимания и одновременно — творческую самохарактеристику поэта:

Как дерево, что кроной всё упорней
Стремится ввысь,
Ветвями небо обняло, а корни
Глубоко под землей сплелись, —

Так я стремлюсь душой к просторам светлым
Грядущих дней,
А корни там, во глубине столетий,
В преданьях родины моей.

В поэтической образности «Журавлиных труб» деревья одухотворяются и подвергаются своеобразной мифологизации: это самые близкие, сочувствующие, все понимающие, готовые помочь существа. В «Деревьях» лес оказывается подлинной семьей мальчика, помогает ему вынести сиротское детство в чужой семье. С «Деревьями» перекликаются стихотворения «Назови меня, роща зеленая, сыном...», «Живут заветы прадедов в народе...», «Опушка — что?..» и другие. Корни поэтической образности Рыленкова — в славянской мифологии, в народном мировосприятии и миропонимании.

---

[1] См.: А. Н. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, т. 1, М., 1865, с. 517, 637—639; т. 2, 1868, с. 294; В. Н. Топоров, Древо мировое. — В кн.: Мифы народов мира, т. 1, М., 1980, с. 398—406; В. Г. Базанов, Судьба одного мифа. — «Вопросы литературы», 1978, № 2, с. 213—239.

В послевоенные годы Рыленков написал несколько десятков стихотворений-песен, варьирующих темы, образы народных частушек и лирических песен. Чаще всего это короткие тексты, написанные от лица девушки. В них перебираются разные подробности любовных переживаний — радость встреч, вспышки ревности, горечь разлуки, воспоминания о днях счастья, разочарования, надежды. Стихотворение «Ходит по полю девчонка...», положенное на музыку М. Фрадкиным, стало одной из популярнейших песен. Положены на музыку, исполняются в концертах, поются в быту многие десятки стихотворений Рыленкова. Есть случаи, когда на один его текст написали музыку три, четыре, пять композиторов. Народ дал поэту из своих запасов темы и поэтические приемы и принял его произведения обратно в свое сознание.

Мифологические представления, перетекая в формы народного художественного творчества, отливались в психологический параллелизм — сопоставление природного и человеческого по признаку действия, с перевесом человеческого. У поэтов, ориентированных на фольклор, проявления психологического параллелизма прослеживаются особенно наглядно. К их числу принадлежит и Рыленков. В его стихотворениях-песнях влюбленные тянутся друг к дружке, как тополь к березке; увядает мята — и кончается любовь; шумит рябина и поет соловей, а милый не приходит и вестей не подает (отрицательный параллелизм) — такие и им подобные сопоставления возникают непрерывно. Но в стихотворениях других жанров, не столь непосредственно связанных с фольклором, приемы психологического параллелизма у Рыленкова — писателя высокой книжной культуры — перерабатывались, усложнялись и не были простым повторением народнопоэтических параллелей или их имитацией. Они у него приобретали оригинальную трактовку: например, природа сопоставлялась с поэтическим творчеством («Мне по сердцу ясность...», «Как ни бесятся вьюги, однако...») или психологический параллелизм утверждал глубинные черты мировоззрения автора: «Я верен крестьянской природе...».

В «Снежницу» Рыленков включил миниатюру «Ожидание»:

На окне огоньки герани.
Герань ты моя, герань...
Синий взгляд мою душу ранит.
Не рань ты ее, не рань.

Если вправду гроза нагрянет, —
Нагрянь поскорей, нагрянь...
На окне огоньки герани.
Герань ты моя, герань.

Восьмистишие и вообще-то малопоместительно для слов, здесь же автор ограничил себя до предела, насытив текст повторами. Что же остается в распоряжении автора для развития темы, построения образов? Почти ничего, несколько слов. Это производит впечатление чуда. Поучительно следить за тем, как происходит чудо претворения десяти знаменательных слов в явление искусства. Граница поэтического «пространства» намечена окном. Женский образ — синим взглядом за этим окном. Мужской образ — душой, раненной этим взглядом и призывающей грозу любви. Несмотря на предельную экономию средств, стихотворение воссоздает вполне определенный зрительный образ: в окне с цветами герани — обладательница синего взгляда, перед домом — влюбленный. Изображение импрессионистично. Под стихотворением нет даты. В 1944 году, после возвращения в Смоленск, Рыленков записал это стихотворение, восстановив его по памяти, с пометой «1926—1928». По сравнению с окончательным вариантом здесь есть небольшие, но существенные разночтения. 1-й и 7-й стихи читаются: «На окошке горшок герани»; 5-й: «Пусть любовь, как гроза, нагрянет»; 6-й: «Нагрянь ты скорей, нагрянь. . .» Поверх текста нанесены исправления, приводящие его к редакции «Снежницы». Сохранился и особый лист со следами других попыток обработать миниатюру (уже в 60-е годы). Между «горшком герани» начальной редакции и «огоньками» конечной большая разница. «Горшок» в 1-м стихе, да еще повторенный перед концом, сообщал стихотворению вещность, заземленность, а его стилю — автологичность, то есть задавал восприятие слов в их прямых значениях. В соответствии с этим и 5-й стих содержал слово «любовь», без обиняков называющее тему стихотворения. В этом виде оно довольно близко к известной частушке:

Раскудрявая герань,
На окошке стой, не вянь.
Есь повянешь — я полью.
Мил уедет — я помру. [1]

Перерабатывая стихотворение, поэт ушел от прямолинейного параллелизма «герань — любовь», усложнил систему изобразительных средств, перешел к стилю, ориентированному на восприятие слов в их переносных значениях и вообще исключил из текста слово «любовь».

Через все стихотворение поэт провел только две рифмы, в результате возникла строфическая форма, излюбленная Рыленковым, — сицилиана. Обе рифменные серии перекликаются между собой (и воз-

[1] Частушка, М.—Л., 1966, с. 100.

никает «теневая рифма») и с началами четных стихов — звучание стихотворения необыкновенно богато. Стих «Ожидания», логаэд, не кажется особенно приспособленным для пения, но по своему внутреннему строению «Ожидание» — песня. С первым стихом начинается мелодическое движение: «На окне огоньки герани». Тут же следуют аккорды аккомпанемента: «Герань ты моя, герань». Первый голос продолжает вести мелодию: «Синий взгляд мою душу ранит». Снова аккорды аккомпанемента: «Не рань ты ее, не рань». И так до конца, где два начальных стиха повторяются, замыкая тему в кольцо.

В архиве поэта сохранилась общая тетрадь, заполнявшаяся в конце 40-х — первой половине 50-х годов, с таким титульным листом: «Н. Рыленков. Россия (сонеты)». В нее вписаны стихотворения о Бояне, циклы, посвященные Глинке и Левитану, произведения о героических событиях русской истории и о только что кончившейся войне. Поэт не довел до конца работу по составлению книги сонетов, сперва считая нужным дополнить рукопись, а позже занятый другими планами. Однако этот замысел показывает, как серьезно Рыленков относился к возможностям сонета. В его наследии примерно 70 сонетов, и, если бы замысел был осуществлен, «Россия» Рыленкова стояла бы рядом со «Звездными сонетами» Л. Вышеславского, с венками сонетов В. Солоухина.

В творчестве Рыленкова мы встретим сонеты в многоразличном облике — от строгого до самого вольного, сохраняющего лишь отдаленное сходство со своей классической моделью. Поэт не писал венков сонетов, но он изобрел свой способ объединять сонеты: он формировал из них циклы, помещая по три, четыре, пять, восемь под одним заглавием, иногда завершая каждый сонет цикла одним и тем же стихом. Эти гроздья сонетов чаще всего посвящены принципиальным проблемам искусства, связаны с обликом Никитина, Глинки, Льва Толстого, Левитана, Конёнкова, говорят об истории и современности.

В 1962 году поэт пишет небольшое стихотворение в терцинах «О русская зима, ты мастерица...», незадолго до этого — «Осенние октавы».[1] Но он не часто прибегает к твердым строфическим формам, а изобретает собственные. Как правило, две параллельно раз-

---

[1] Еще немногим раньше написана миниатюра «Отава». Эта гармоничная вещь содержит в себе изящную шутку. Отава — трава, выросшая после косьбы в тот же год. Термин «октава» произошел от итальянского ottava, тот, в свою очередь, от латинского octava. Таким образом, восьмистишие Рыленкова в заглавии совмещает русское название поздней травы и итальянское название твердой строфической формы. Поэт использовал их омонимичность, написал свое стихотворение об отаве в форме октавы, намекнув об этом внимательному читателю в заглавии.

ворачивающиеся рифменные серии отражают сочетание, а иногда и борение двух тем.

Вдохновенью нужно терпенье,
Лишь оно в берега введет
Этот шумный водоворот,
Это яростное кипенье,
Даст ему уходиться в пене,
Чтобы волны не шли вразброд,
А друг дружку гнали вперед.
Вдохновенью нужно терпенье.
Но терпенье без вдохновенья —
Только даром пролитый пот.

Уже первый стих (повторенный перед концом) сразу намечает тему вдохновения и тему труда. И подобно тому, как развиваются эти темы, сменяют друг друга рифмы с двумя рядами созвучий. Подобным образом в стихотворении «Мы странствуем по книгам год за годом...» соперничают мысль о природе и мысль о культуре; в стихотворении «Сын пахаря, пока не охладела...» возникает коренное рыленковское сопоставление труда поэта с трудом пахаря, а в стихотворении «Всё береги: родную речь...» мысль о том, что поэт отвечает за все, сочетается с мыслью о том, что о себе он думать, себя беречь не должен. Есть стихотворения на две рифмы совсем короткие — пять строк (например, «Как весна ни нарядна в саду городском...»), а есть очень длинные. «Бессмертие» состоит из семнадцати стихов. Отдаленно оно напоминает разросшийся сонет. В лирическом «я» этого стихотворения собрано очень много: русский народ. Первый же стих вводит первую тему — тему смертности, слабости:

Что я? Сосуд скудельный, горстка праха?

Второй стих отрицает эту смертность, эту слабость:

Нет, я зерно, живая связь времен.

Далее объясняется, кто такой «я»:

Гром топоров и колокольный звон
Я помню от княженья Мономаха.

Такой катрен, последовательно вводящий две темы, написанный пятистопным ямбом с опоясывающей точной рифмой, — верный признак сонета. Те же две темы развиваются в следующем четверостишии,

построенном точно так же. Естественно ожидать дальше два терцета на три рифмы, как это положено в классическом сонете. Но нет. Следует еще одно четверостишие, и в нем симметрия нарушена: три стиха подряд объединены общей рифмой:

Мне на Москве за бунт грозила плаха,
Отходную читал мне дьяк-неряха,
А я всё жил, жил со всего размаха,
Кормя Россию и шатая трон.

Но у Рыленкова стремление к гармонии велико, и все стихотворение завершается пятистишием, симметричным относительно средней строки:

И верил я, что в руку будет сон.
Сто раз истлела на плечах рубаха,
Пока я снова в муках был рожден,
И потому — гляжу вперед без страха,
С родной землей навеки обручен.

У нас на глазах поэт, использовав традицию сонета и опираясь на нее, создает оригинальное построение, как если бы традиционная форма не выдержала напора непосредственной поэтической мысли.

В метрике своих стихов Рыленков — общепризнанный «традиционалист», он и сам об этом писал. Большая часть его стихотворений написана силлабо-тоническими размерами, пришедшими в наш век из XIX и даже XVIII столетия. С годами у него появляется все больше дольников — яркая примета XX века, — но и в 60-е годы они занимают достаточно скромное место. Его чуждавшаяся всего нарочитого, некрикливая муза уверенно чувствовала себя именно в кругу отстоявшихся за долгие годы стиховых форм. Но как большой и опытный мастер Рыленков в случае надобности мог использовать совершенно новый прием или, напротив, старый и позабытый современными поэтами.

В 1958 году он написал большой верлибр «Думая о матери». До этого на протяжении долгих лет свободного стиха в русской поэзии не было. Почти одновременно появились первые верлибры Е. Винокурова, затем и других поэтов. Так «традиционалист» воистину новаторски внес яркие краски в спектр метрических форм русской поэзии 50—60-х годов, да и более поздней; как свидетельствуют дискуссии о свободном стихе и практика многих поэтов, он прижился в русской поэзии прочно, хотя и на периферии. Конечно, дело не в том, что если бы не Рыленков, то и не было бы свободного стиха

в это время; просто он несколько раньше других уловил требование времени. В 1957 году он написал четверостишиями пятистопного ямба стихотворение «Я помню руки матери моей...». Оно было опубликовано, включалось поэтом в собрания стихотворений, и все же до конца не удовлетворило автора. По его мнению, оно получилось несколько отвлеченным, о матери вообще; этому способствовал популярный стихотворный размер, бывший во всеобщем употреблении. Поэту же необходимо было сказать именно о своей матери, о своих чувствах к ней. Он долго бился, пробовал разные размеры, но оставался неудовлетворен, так как традиционные размеры влекли за собою традиционную, недостаточно интимную разработку «вечной» темы. Наконец, он очень обрадовался, когда обратился к верлибру. В России только в творчестве А. М. Добролюбова, М. А. Кузмина, Велимира Хлебникова, Н. К. Рериха, а чуть позже С. Е. Нельдихена и К. А. Некрасовой верлибр вышел за пределы отдельных более или менее ярких экспериментов. Он не оброс ореолом привычных тем, образов, настроений, как классические размеры. К концу 50-х годов он и вовсе казался оставленным. Это идеально отвечало исканиям Рыленкова.

Его стихотворению придана форма, ставшая наиболее распространенной в последующие годы. Вопреки тенденции позднего Рыленкова к лаконизму, это стихотворение длинно — в нем 65 строк. У других поэтов верлибры тоже в среднем значительно длиннее, чем лирические произведения в других формах. Длина их возрастает либо за счет вторжения эпического начала, либо за счет описательности, изобразительной пластики, либо за счет логизированного развития темы. В свободном стихе редко встретим одномоментное выражение переживания в образе. «Думая о матери» начинается с трех картин, по своей пластичности напоминающих образцы антологической лирики: мать в дни семейных торжеств в роли домовитой хозяйки; на лугу и в поле, «нарядная и загорелая», в дни сенокоса и жатвы; и по контрасту — притихшая, изможденная долгой болезнью. Изобразительность, даже некоторая статуарность начала определяться глаголом «вижу» в первом же стихе:

Думая о матери, я иногда вижу ее теперь...

За описательной частью стихотворения следует рассказ о том, как мать однажды отослала сына от себя, будто бы поиграть, поразвлечься. Рассказ сопровождается тонким анализом чувств ребенка, которому совестно оставить мать, хочется к приятелям в поле, на луга и невозможно ослушаться. После этого — немногословное сообщение о том, что в отсутствие сына мать умерла. Заканчивается стихотворение лирическим обобщением:

И тогда я понял,
Почему она не хотела,
Чтобы я видел ее умирающей,
Она хотела, чтобы я жил,
Думая о жизни, а не о смерти.

Так замыкается сопоставление двух линий, по которым движется художественная мысль поэта: праздник и будни, отдых и труд, болезнь и здоровье, смерть и жизнь. Подобным же образом организуется содержание большинства верлибров вслед за Рыленковым, например в «Разнообразии» Е. Винокурова, «Сухом вине» А. Яшина, «Букете» В. Солоухина.

Сложен и разнообразен синтаксис стихотворений Рыленкова. Поэтический синтаксис тесно связан с движением мыслей и образов. Так, в стихотворении «Ах, ива, ивушка зеленая...» синтаксический параллелизм строго соответствует психологическому параллелизму, навеянному поэтикой народной песни. Совершенно иначе с точки зрения синтаксиса выглядит стихотворение «Сумерки. Рябиновый закат...». Такое построение, свойственное лирике напевного типа, впервые описал на материале поэзии Фета Эйхенбаум: «Мы имеем характерную мелодическую систему, основанную на хроматическом движении интонации. В данном случае оно осуществляется при помощи постепенного увеличения объема подобных по своему интонационному типу фраз (1/2 строки, строка, две строки)».[1]

Такому синтаксическому развертыванию соответствует нарастание поэтического чувства, усиление экспрессии. Синтаксическое развертывание представляет собой частный случай более общей закономерности — усложнения синтаксических конструкций от начала к концу стихотворения по мере нарастания той почти неуловимой субстанции, которую хочется назвать силой поэтического чувства. Совсем не обязательно здесь механическое увеличение длины предложения. Например, в стихотворении «Все до поры до времени копим...» усложнение синтаксических конструкций происходит иначе. В первом четверостишии главную роль играет сочинительная синтаксическая связь; во втором осуществляются довольно сложные подчинительные отношения; на грани второго и третьего четверостиший возникает парцелляция: единое с грамматической точки зрения предложение расчленено надвое, и вся заключительная строфа состоит из одних придаточных конструкций. Есть в стихах поэта и противоположные синтаксические явления, например прием синтаксического свертывания, когда от предложений пространных поэт постепенно

---

[1] Б. М. Эйхенбаум, Мелодика русского лирического стиха. — В его кн.: О поэзии, Л., 1969, с. 485.

приходит к предельно лаконичным («Я не играл словами, помня...»). В этих случаях достигается и предельная сдержанность чувств.

В тайнах слова для Рыленкова были заключены тайны родной природы, судьбы народа. Разгадывая тайны слов, он учился понимать природу и историю России. Он исследовал тайны слов тем путем, который открыт поэту, бережно отбирая их и помещая в такие сочетания, чтобы раскрывалась их внутренняя форма. Сополагая слова, близкие по звучанию и вовсе не обязательно родственные по происхождению, поэт строит новую, поэтическую этимологию, давая неожиданное направление мыслям и ассоциациям. «Я не играл словами», — с полным правом сказал поэт. Каждый звуковой повтор у него осмыслен. Если слова перекликаются звуками, можно не сомневаться, что между ними устанавливается и смысловая близость. В образе «прядево преданий» заключена великая идея неразрывной органической связи, причем эта связь отражается и в звукосмысловой близости слов:

Я преданий суровое прядево
Разбирать нить за нитью привык.
Мне достался от дедов и прадедов
Ключ к их тайнам — мой русский язык.

Обыкновенно такое сближение слов по звуку и смыслу происходит в первом стихе, а от него перекличка созвучий распространяется через рифму и другими путями на все стихотворение: «Золото и синь осенних дней» (синь — осенних), «Влекут из вьюжных дебрей декабря» (дебрей — декабря), «И гроздья ярых гроз» (гроздья — гроз). На сближении слов по звуку и смыслу построено целое стихотворение:

Не для того, чтоб нанизать на нить,
Начальный смысл мы ищем в каждом слове.
Велит нам жито жаждой сева жить,
Рождает рожь святое чувство нови.

Летят лета, не погодят года,
А ты свое, как пахарь, дело делай,
Чтоб радовала радуга всегда,
Чтоб осеняла осень мыслью зрелой.

На протяжении десятков лет работы в литературе Рыленков последовательно и неуклонно вводил в стихи и прозу смоленские диалектизмы. Для него это было важно как языковая реализация того чувства корней, истории, традиции, «первооснов», которое питало

его творчество. Обычно в стихотворении — одно слово из говора, не больше. Как щепотка соли. В крестьянской речи — в таких словах, как снежни́ца, зази́мок, росстани, сухоросица, толока́, — поэт справедливо видел особенности мировосприятия своих предков. Он писал:

Кто по росе не замочил колена,
Не ел кулеш, что варят косари, —
Тот не почует свежести зари
В клочке сухого летошнего сена.
И тут уж не помогут словари.

Для работящего соседа, не забытого с детства, Рыленков находит сравнение:

В знакомый мир, как дуб в сугорок, вросший,
Он твердо знал, что нужно для него.

(«Мастерство»)

В стихотворение-песню вставляет: «Он всё равно спокается». Летошний, сугорок, спокается — вот те щепотки соли, без которых речь поэта была бы пресной. Это не внешние украшения, не завитушки стиля, они влекут за собой народный строй мыслей и им вызываются. Поэт с удовольствием к ним прислушивается, о них размышляет:

Не собирал я редкие словечки,
Но звук родной всегда в душе живет.
Вот место, где сливаются две речки,
Его назвал сутоками народ.

Выработанная поэтом система художественных средств позволила ему подойти к выражению глубинных черт народного мировоззрения. Его творчество имеет широкую опору в классической традиции и современности, в русской и мировой культуре, а в центре ее лежит народное начало, некрасовское начало.

Книга статей и воспоминаний о поэте, изданная четыре года спустя после его смерти, названа «Добрая душа». Название вполне уместное, потому что человек, которому она посвящена, действительно был добр. Но не только доброта была определяющим качеством его натуры. Раздел своей лирики, посвященный годам войны, он назвал «Книга верности». Один из послевоенных сборников называется «Постоянство». Постоянство, верность наряду с добротой — это и есть главное в Рыленкове.

Всю жизнь он был верен своим предкам-крестьянам, своему крестьянскому детству: для него был священ хлеб, он любил и умело выполнял крестьянский труд, его неудержимо тянуло к природе, в долгие одинокие прогулки.

Сформировавшись в недрах смоленской поэтической школы, он постепенно вошел в число крупнейших русских советских поэтов своего времени.

В тяжких испытаниях он доказал непоколебимую верность своей родине. Он навсегда сохранил привязанность к своему Смоленску, не пожелав променять его на столицу. Он много ездил по Советскому Союзу и ни разу не побывал за границей. Он был постоянен в душевных привязанностях к людям.

Он истово относился к литературе. Служению ей он посвятил всего себя. Она была не только его делом, но и его отдыхом, чуть ли не единственным предметом его мыслей, бесед, забот. Он ценил шутку, остроумные стихи, но сам никогда не писал шуточных стихов на случай, не делал веселых надписей на своих книгах и вообще не приносил дани «альбомной поэзии», как большинство его товарищей по перу.

И через всю жизнь он пронес самую трудную верность — верность самому себе. Рано ощутив и осознав свое призвание, после юношеских поисков он выбрал свой путь в поэзии и не свернул с него, несмотря ни на какие попреки и соблазны.

В. Баевский

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

(Автобиография)

Много лет назад в одной из антологий русской поэзии первого десятилетия XX века я прочитал письмо известного поэта Федора Сологуба, помещенное там вместо его автобиографии. Смысл этого коротенького письма, насколько я помню, сводился к тому, что автор не считал возможным сообщать что-нибудь о себе, так как читателей вряд ли интересует его жизнь.

Я уже знал, что Сологуб — это литературный псевдоним писателя, что настоящая его фамилия Тетерников, что он сын кухарки, сам долго работал учителем математики в провинции, был инспектором народных училищ, а литератором-профессионалом стал, только выйдя на пенсию. И мне было обидно думать, что известный писатель стыдился своего плебейского происхождения, своей трудовой биографии.

У каждого человека, перешагнувшего за определенный возрастной рубеж, возникает внутренняя потребность оглянуться на пройденный путь, осмыслить пережитое, отдать себе отчет в том, почему он выбирал в жизни те, а не иные дороги.

Поэты в таком возрасте обычно обращаются к лирике воспоминаний. Прозаики берутся за мемуары.

Чтобы не повторять самого себя, я хотел бы рассказать только о том, что во мне пробудило любовь к поэзии, к родному слову, чем навеяны те или иные мотивы моих стихов, сюжеты прозаических книг.

Родился я в 1909 году, 2(15) февраля, в день, когда по народному календарю зима встречается с весной.

Деревня Алексеевка, где крестьянствовали мои родители и где я рос, была одним из самых глухих углов лесного Рославльского уезда Смоленской губернии. В годы моего детства в ней не насчитывалось и полсотни дворов. Почти у самой ее околицы начинались дремучие леса. Весной, выбежав поутру на крылечко, мы слышали токование тетеревов, а в глухие зимние сумерки — вой голодных волков. Летом на наши яровые поля выходили полакомиться овсом

медведи. А всякого мелкого зверья за речкой Корчевкой, отделявшей наши поля от казенных лесных угодий, водилось великое множество. Однако охотой у нас почти никто не промышлял, а те, кто ходил с ружьем, считались мужиками неосновательными. Потом я убеждался не раз, что люди, связанные с землей, живущие лицом к лицу с природой, и относятся к ней по-родственному, с какой-то удивительной целомудренной простотой. Они никогда не восхищаются вслух ее красотами, но зато и не позволяют относиться к ней грубо или легкомысленно.

В народе считается, что замутить родник — все равно что плюнуть в глаза матери. Это я усвоил в детстве, усвоил накрепко, на всю жизнь. О детстве, о мудрой народной философии жизни я рассказал в повести «Сказка моего детства», и добавить к ней мне нечего. К сожалению, «сказка» для меня очень рано кончилась: в 1916 году умер отец, в 1918-м — мать.

Отец мой, деревенский грамотей и книголюб, мечтал увидеть меня сельским учителем. Мать была неграмотна, но свято чтила волю мужа. Как мне потом рассказывали, умирая, она взяла слово со своего деверя, а моего дяди, младшего брата отца, что он не бросит меня и даст возможность учиться. Дядя сдержал слово. Окончив начальную школу, я поступил в тюнинскую трудовую школу второй ступени. Об этой школе я до сих пор вспоминаю с большой душевной благодарностью.

Расположенная в красивейшей местности, в центре старинной барской усадьбы с ее вековыми аллеями, парками, березовыми рощами, она стала притягательным центром для сельской интеллигенции целого уезда. В нее охотно шли лучшие учителя.

Время, когда я поступил в нее, было шумное, переходное. Новая трудовая школа только-только складывалась, искала пути, и учащиеся спорили на собраниях с учителями о методах преподавания, о программах занятий. И все же своим питомцам школа дала очень много. Дала, прежде всего, потому, что ей был чужд какой бы то ни было догматизм, что она приучала нас к самостоятельному мышлению. Особенно хорошо было поставлено преподавание гуманитарных предметов. Преподаватель всеобщей истории, называвшейся тогда историей культуры, М. Г. Кутузов любил повторять: «Не зная прошлого своего народа, нельзя понять его настоящее и заглянуть в будущее. Но мало знать только историю своего народа, нужно ясно представлять себе его место в истории всего человечества».

У нас был ученический клуб, издавался свой рукописный журнал. Я принимал самое горячее участие во всей школьной самодеятельности, а в журнале регулярно помещал свои стихи и рассказы, подписывая их псевдонимом В. Полянин.

Когда у меня сложились первые рифмованные строчки — не помню, но увлекался я стихами еще до того, как научился грамоте, заставляя отца без конца повторять то «Песню пахаря» Кольцова, то «Песню бобыля» Никитина. Именно эти поэты были моими первыми наставниками. В Тюнине пришли другие увлечения. В старших классах я зачитывался Буниным и Блоком, заучивал наизусть каждое новое стихотворение Есенина. Критикуя опыты своих друзей, я говорил, что настоящие стихи должны быть весомы, как у Брюсова, звучны, как у Бальмонта, ароматны, как у Бунина, искренни и задушевны, как у Блока и Есенина. Про себя я был убежден, что добьюсь такого сочетания.

Из прозаических опытов тех лет у меня ничего не сохранилось, но я помню, что один из рассказов, который друзья считали наиболее удачным, назывался «Малиновые зори». Написан он был ритмизованной, перезванивающей прозой, и от него, как уверяли наиболее восторженные из школьных критиков, пахло лесными ягодами и медом. Я бесконечно гордился этим...

Действительно, лес я очень любил и пропадал там все летнее каникулярное время — водил в ночное коней, косил и сгребал в лугах сено, а в праздники помогал старикам пасечникам.

В нашей деревне многие водили пчел. Ранней весной пчеловоды, сговорившись между собой, вывозили ульи в лес и устраивали там общие пасеки, которые караулили по очереди старики. Поездки на такую пасеку, огороженную от зверья высоким частоколом, были для меня всегда большим праздником.

Там все выглядело необычно: построенный из жердей и корья шалаш, похожий на сказочный лубяной домик; стоящие на крестовинах пчелиные колоды, напоминавшие присевших на задние лапы добродушных зверей; звенящая тишина, пахнущие медом цветы.

Даже хорошо знакомые мне старики соседи на пасеке казались совсем другими, чем дома, словно там они отрешались от всей житейской суеты и приобщались к сокровенным тайнам природы.

Для меня не было большего удовольствия, как сидеть с ними в шалаше и слушать бесконечные рассказы о всяческих лесных диковинах, где сказка была такой же ощутимой, как быль, а быль такой же удивительной, как сказка.

В школу возвращался с невыполненным заданием по алгебре, но с целой тетрадкой стихов. В этих стихах, пусть тогда еще совершенно бессознательно, я неизменно стремился выразить «половодье чувств» своих сверстников, впервые получивших возможность думать не только о куске хлеба, но и о красоте мира и родной земли.

Стихи нравились не только моим школьным товарищам, но и учителям, которые прощали мне за них некоторые огрехи в учебе. Наиболее трогательно относился ко мне старейший и добрейший из наших учителей — преподаватель математики Григорий Назарович Азаров, в свое время встречавшийся со многими писателями, в том числе с Горьким, Л. Андреевым, Вересаевым. Если я начинал отставать по геометрии или по алгебре, он приглашал меня к себе на квартиру, все подробно и терпеливо объяснял. «Я знаю, — говорил он, — что вы не будете заниматься математикой, но не могу же я поставить вам плохую отметку. Вам будет стыдно, а мне еще больше».

Вообще учителя у нас, за очень редкими исключениями, были хорошие и держались с нами, как старшие товарищи. Из сверстников своих я ближе всего сошелся с одноклассником Виталием Жалынским, восторженным и застенчивым, как девочка, подростком. Он тоже писал стихи и, как я был искренне убежден тогда и считаю до сих пор, гораздо лучше меня. Хотя вкусы у нас были разные — он больше любил Андрея Белого, я Блока, — мы могли по целым вечерам говорить о стихах, наперебой читая друг другу запомнившиеся строфы.

Зимой 1925 года к нам приехал из Москвы наш земляк, молодой поэт, тогда студент Института имени В. Я. Брюсова, Владимир Заводчиков. Прочитав издававшийся нами журнал, он выделил и расхвалил мои стихи. Это еще больше окрылило меня. Я переписал лучшие стихи в особую тетрадку, а мой приятель Женя Меркушев нарисовал виньетку и заглавие «Васильковый венок». Было решено, что мне уже пора выступать в печати, а для этого следует перебраться в какой-нибудь большой город, хотя бы Смоленск. А тут как раз подвернулся и повод. Наша школа была реорганизована в семилетнюю школу крестьянской молодежи, и мне так или иначе нужно было для завершения среднего образования куда-то переводиться. Я перевелся в одну из вечерних школ Смоленска.

Дядя дал мне десять рублей, ковригу хлеба, кусок сала и сказал, что больше помочь мне ничем не сможет. Меня это нисколько не смутило. Гораздо больше, чем на помощь дяди, я рассчитывал на помощь своих старших товарищей, покровительствовавших мне, — студентов Смоленского университета. Они обещали на первое время приютить меня у себя и брать с собой на сдельные работы, которые иногда получали на железной дороге.

Я, приученный к труду с раннего детства, никакой работы не боялся и с легкой душой отправился в Смоленск.

Полученные от дяди десять рублей быстро исчезли, стихи мои в редакциях хвалили, но не печатали, и мне, чтобы заработать хоть на хлеб, приходилось почти ежедневно ходить на станцию разгру-

жать вагоны. Учиться в таких условиях было невероятно трудно, но я тянулся из последних сил и даже находил время аккуратно посещать университетский литературный кружок, в который я был принят несмотря на то, что не был студентом. Долго так продолжаться, конечно, не могло. Силы мои истощались, и после зимних каникул я перевелся в школу поближе к дому, в свой уездный город Рославль. К этому времени в газете «Смоленская деревня» появилось одно из моих стихотворений. Оно у меня называлось «Толока». В редакции ему дали другое название — «Взаимопомощь».

По странной случайности напечатано оно было в канун дня моего рождения — 14 февраля 1926 года, когда мне исполнилось семнадцать лет. Это показалось мне доброй приметой. На полученный гонорар, чтобы пофорсить перед товарищами, я купил коробку папирос «Шедевр» и решил разослать стихи во все газеты. Но следующее мое стихотворение появилось только в конце лета в газете «Юный товарищ».

Школьные годы остались позади. Нужно было подумать, что делать дальше. Тогдашняя девятилетка никакой специальности не давала, а наивные мечты заработать на хлеб стихами разлетелись в прах.

Я временно устроился волостным статистиком в Тюнине, а осенью вслед за Виталием Жалынским уехал на Брянщину, где получил назначение в школу ликбеза в селе Пупкове, Дятьковской волости, а фактически работал там вторым учителем начальной школы.

В ту зиму я начал регулярно печататься в губернских газетах «Путь молодежи», «Наша деревня» и «Брянский рабочий», где меня встретили очень ласково. Редакция «Пути молодежи» отвела моим стихам целую страницу, поместила мой портрет и даже дала коротенькую биографическую заметку. «Брянский рабочий» напечатал о моих стихах весьма благожелательную статью М. О. Полонского.

На одно из моих стихотворений, напечатанных в «Пути молодежи», Виталий Жалынский ответил стихами, которые были опубликованы с посвящением мне. Из-за этой поэтической переписки я и в незнакомом селе не чувствовал себя одиноким.

Весной 1927 года я вернулся в родную деревню. Там одновременно с работой в сельсовете преподавал в вечерней школе крестьянской молодежи литературу, руководил драматическим кружком, выпускал стенную газету. Стихи писать становилось все труднее. Написанное не удовлетворяло. Большой поддержкой для меня были письма М. Исаковского, в то время уже известного поэта. Он, подхватывая каждую удачную строчку в моих стихах, беспощадно высмеивал мое пристрастие к цветистости, к словесным вычурам.

В 1927 году на конкурсе газеты «Юный товарищ» мне была присуждена первая премия за поэму «Ржаная кровь», впоследствии несколько переделанную и названную «Лето».

Я все больше понимал, что для успешной работы в поэзии мне не хватает культуры, среды. Виталий Жалынский переехал в Самару, устроился там на работу в редакцию молодежной газеты и настойчиво звал меня к себе. Но меня снова потянуло учиться.

В 1930 году я поступил на литературное отделение Смоленского педагогического института. Виталий тоже собирался вернуться в родные края, но вскоре заболел тифом и умер, так и не развернув своего дарования.

В то лето у меня гостили поэт Александр Твардовский и критик Адриан Македонов. Я по целым дням пропадал в плотничьих и полеводческих бригадах, а вечером уводил друзей за околицу, и мы допоздна бродили по окрестным полям и лугам.

Твардовский читал новые главы поэмы «Путь к социализму», над которой он тогда работал. Эта поэма была его первым подступом к теме коллективизации. Деревню он знал превосходно, чувствовал ее, как говорится, кожей. Стремясь уйти от внешней поэтичности, он нарочито прозаизировал стих, густо насыщая его бытовыми деталями. Я в ту пору упорно отстаивал мелодический стих, и мы много спорили — по-юношески горячо, задористо, но без обид.

В институте мне пришлось многое наверстывать. Там я впервые более или менее подробно познакомился с новой западной поэзией, конечно, в русских переводах.

Особенно поразил меня Рембо. Его «Париж заселяется вновь...» стало одним из самых любимых моих стихотворений, так же как «Аннабель Ли» Эдгара По, как «Карусель» Рильке. Но увлечение этими поэтами не охладило моей любви к русской классической поэзии. Я снова и снова перечитывал Баратынского, Тютчева, Фета. Я заново открыл для себя Некрасова с его удивительно органическим сочетанием личной и гражданской лирики, с его нравственным максимализмом.

В конце 1930 года на каком-то совещании крестьянских писателей в Москве меня познакомили с А. П. Чапыгиным, книги которого я знал и любил уже давно. Седоусый, бритоголовый, он всем своим обликом напоминал старого мастерового из крестьян, каких я немало видел в детстве. Когда меня подвели к нему, я невольно вспомнил есенинские строки:

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол...

И я прежде всего увидел в нем совсем не знаменитого писателя, автора шитого шелками «Разина», а именно сродника, сразу и навсегда располагающего к себе. Алексей Павлович тут же заставил меня читать стихи. Выслушал, похвалил:

— Хорошо, молодец, парень. Только смотри не сбейся на проторенные дороги... И не женись.

— Почему же не жениться? — удивился я.

— Потому что поэт рвется в небо, за облака, а жена его схватит за ноги да на землю, на землю, — с хитроватой усмешкой пояснил Алексей Павлович.

Прощаясь, он обнял меня за плечи и зашептал на ухо:

— С женитьбой я, конечно, пошутил. У тебя небось уже и невеста приглежена. Ну и правильно. Отшельником всю жизнь не проживешь. А крылья, парень, береги. Без крыльев нашему брату не жизнь.

Больше мне встретиться с ним не довелось, но эта единственная встреча запомнилась навсегда. Сколько раз я потом напоминал себе его слова:

— А крылья, парень, береги...

В студенческие годы, осмысливая накопившийся у меня опыт, я написал книгу сюжетных стихов о своих земляках — «Мои герои». Вышла она в Запгизе в 1933 году, когда я уже закончил институт. Книга была замечена не только в областной, но и в центральной прессе. Сам же я чувствовал, что сюжетные стихи не моя область, и вернулся к пейзажной и медитативной лирике.

Вторая моя книга — «Встречи» — была принята критикой более сдержанно. В ней, отказавшись от цветистости юношеских стихов, я еще не нашел пути к высокой простоте подлинной поэзии, хотя там уже были и такие стихи, которые намечали верное направление дальнейших поисков («Яблоки», «Посмотри, у меня большая ладонь...», «Рябиновая ночь» и т. д.). В меру своих сил я стремился раскрыть духовное богатство человека труда, его нравственную красоту.

Большой школой было для меня участие в работе Первого съезда писателей. Там я почувствовал всю меру ответственности писателя за свою работу.

Я не спешил переходить на положение профессионального литератора, заведовал сельскохозяйственными передачами областного радиовещания, работал редактором в книжном издательстве, вел отдел критики и библиографии в смоленской газете «Рабочий путь».

В 1938 году Гослитиздат выпустил под редакцией В. Казина книгу моих избранных стихов «Дыхание». Критика обошла ее молчанием.

О лирике, да еще о лирике пейзажной, в то время не принято было говорить всерьез. Ее только терпели, как трудноискоренимый предрассудок, как живучий пережиток патриархальщины. А для меня отказ от пейзажной лирики был бы равносилен измене самому себе, нарушению своего нравственного долга перед теми, кто еще в детстве внушил мне любовь к неброской, задумчивой красоте родной природы.

В конце 30-х годов, не оставляя работы над лирикой, я обратился к героическому прошлому Смоленска, под стенами которого не раз решались судьбы России. Увлечение историей, изучение старинных хроник и летописей, легенд и сказаний, связанных с хорошо знакомыми мне местами, открывало мне самые глубинные источники славянской речи, обостряло чувство слова, помогало преодолеть известную робость перед канонами условно-поэтического языка. Все это не только освежало язык моей лирики, но и расширяло ее горизонты, делало для меня ощутимой связь времен. Друзьям, которые подсмеивались над моим увлечением стариной, я отвечал цитатой из «Сказания о Меркурии Смоленском»: «Аще бо прежде забвению и нерадению предложено было, или паки письмен не держимо было, но некими изгублено бяше в забытии ума, ныне, господие и братие, да воспомянем». [1]

Я понял, что в поэзии, в том числе и в лирике, не может быть глубокого чувства современности без чувства истории. Поняв это, я как бы в новом свете увидел многое в творчестве своих любимых поэтов, и прежде всего у Блока с его гениальным циклом «На поле Куликовом», циклом, который озарял для меня весь его предыдущий и последующий путь.

Предвоенные годы были временем не только напряженных поисков и раздумий, но и напряженной творческой работы. Кроме нескольких лирических циклов, я написал ряд исторических баллад и две небольшие поэмы о народно-патриотических движениях в Смоленске. Все это вошло в мой сборник «Березовый перелесок», который я до сих пор считаю лучшей из моих довоенных книг, хотя при появлении он был жестоко разруган (единственная доброжелательная рецензия Д. Данина появилась в «Новом мире»): ведь я писал о таких «неактуальных» проблемах, как любовь, дружба, верность, родная природа, история.

В первые же дни войны, когда Смоленск на моих глазах был превращен в руины, я ушел добровольцем на фронт, захватив с собой антологию современной мировой поэзии, изданную в Киеве в 1912 го-

---

[1] То, что другими было забыто и заброшено, не записано и не сохранено в памяти, мы ныне, господа и братья, вспомним. — *Ред.*

ду, книжку избранной лирики Гейне и третий том прижизненного издания Блока со стихами о России. Эти книги были со мной неразлучно. Я пронес их в полевой сумке по всем фронтовым дорогам. Только они и остались у меня от довоенной библиотеки, которую я начал собирать, еще будучи студентом, тратя на нее последние гроши из скудной стипендии. Теперь эти книги я храню, как самые дорогие реликвии.

На фронте я командовал взводом в саперном батальоне, минировал и разминировал поля, копал противотанковые рвы, строил укрепления, а по ночам в землянке, в промежутках между бомбежками, писал стихи, не думая о возможности их напечатать. Именно в этих стихах, вошедших потом в сборники «Синее вино» и «Прощание с юностью», зазвучал, мне кажется, голос потрясенного сознания, возмущенной совести людей моего поколения.

В эти дни я особенно остро ощутил, что главное в поэзии — полное и органическое слияние личных и общественных мотивов, современности и истории.

Я ничего не знал о судьбе моей семьи и целый цикл стихов назвал «Письма без адреса». По этим письмам, после их опубликования, меня разыскал брат, офицер-танкист.

Каждое новое стихотворение читалось солдатам. Я добился разрешения жить не в офицерском блиндаже, а со своим взводом.

В феврале 1942 года из штаба фронта пришел приказ об отчислении меня из батальона и прикомандировании к редакции военного журнала, выходившего тогда в Москве. Когда наступили минуты прощания, я выстроил взвод, хотел сказать подобающую случаю речь, но к горлу подступил ком. Я махнул рукой и без слов обнялся и расцеловался с каждым солдатом.

Богатырского вида плотник Ласточкин сгреб меня в охапку, легонько приподнял и со свирепым выражением лица произнес: «Желаем вам, товарищ старший лейтенант, поскорее найти семью, а все остальное мы вернем, будьте уверены...»

В Москве при встречах со мной на улице знакомые шарахались в сторону, как от привидения. Оказалось, что нашлись очевидцы, которые уверяли, будто своими глазами видели меня убитым у печально знаменитой Соловьевой переправы на Днепре.

Весной мне посчастливилось разыскать семью. Она застряла между Гжатском и Можайском, где в это время проходила линия фронта. С большим трудом я вывез оттуда жену и детей, державшихся только одной надеждой — дождаться, увидеть меня.

Так родилась моя поэма «Апрель» — поэма разлуки и встречи на опаленной земле. Эта поэма привела меня в штаб партизанского

движения Западного фронта, где я писал стихи — письма землякам, — которые печатались листовками и забрасывались в тыл врага.

Осенью 1943 года я с первым эшелоном приехал в только что освобожденный Смоленск. Меня демобилизовали и назначили главным редактором областного книжного издательства.

До конца дней не забыть мне первой встречи с любимым городом, в котором я не мог узнать знакомых с юности мест. Но я видел не только заросшие бурьяном пустыри с торчащими над ними трубами сгоревших домов, я видел людей, ютившихся в землянках и в амбразурах древней крепостной стены, работавших под бомбежками день и ночь, готовых поделиться с возвращавшимися на родные пепелища земляками последним куском хлеба.

Об этом я рассказал, как мог, в поэме «Возвращение» и в повести «У разоренного гнезда».

В издательстве я редактировал брошюры о том, как класть из кирпича-сырца печки, как обучать ходить в упряжке коров и как работать на них, чтобы не уменьшались удои молока.

А стихи писал о великой любви к жизни, о неиссякаемой жажде счастья у людей, как бы заново творящих мир из пепла.

Весной среди развалин буйно зацвели уцелевшие яблони. Мне казалось, что никогда так не дурманила черемуха, не пахла так сладостно сирень, как в ту весну. Еще шла война, но шла уже явно к концу. Одетые в ватники и кирзовые сапоги девушки хорошели не по дням, а по часам. Молодели заждавшиеся мужей солдатки. Когда мне и моим друзьям приходилось выступать перед женскими восстановительными бригадами, слушательницы просили:

— Читайте о любви!

И мы читали о любви.

Возвращаясь с таких вечеров, я думал, что любовь к жизни и есть душа искусства. Без нее поэзия — только медь звенящая, кимвал бряцающий.

В послевоенные годы я вернулся к своим прежним, мирным лирическим темам, но вернулся уже с другим подходом — обогащенный суровым опытом.

В них отдается каждый вздох
И каждый звук звучит иначе.
В них версты пройденных дорог,
Утраты наши и удачи.

Это вовсе не значит, что я отказываюсь от своих довоенных стихов. Нет, после всего пережитого многое в них мне стало еще

дороже. Но юность повторить нельзя, как нельзя сбросить с плеч груз годов.

С годами я все больше убеждался, что весь жизненный опыт невозможно вместить в стихи. Я имею в виду не только лирику, но и все другие поэтические жанры. Это особенно ясно мне стало после войны. Меня потянуло к прозе.

Со времени первых опытов школьных лет я написал только несколько рассказов и очерков: мне не хотелось разбрасываться. Теперь же я почувствовал настоятельную потребность рассказать о виденном и слышанном, пережитом и передуманном в суровой прозе. Так зародились мои первые повести «У разоренного гнезда», «Волшебная книга» и «Великая Росстань», написанные в первые послевоенные годы. С тех пор я постоянно перемежаю в своей работе стихи с прозой. Мне кажется, что работа над прозой благотворно сказывается и на стихах, изгоняя из них риторику и сентиментальность, а опыт стихотворца обязывает быть экономным, не терять чувства ритма и в прозе.

Образцом прозы для меня всегда была проза Бунина, хотя я с юности любил самых разных писателей — Аксакова и Чехова, Глеба Успенского и Эртеля. К Лескову у меня еще в юности сложилось двойственное отношение. Он то притягивал меня доскональным знанием глубинной России, то отталкивал своим словесным скоморошеством. О Льве Толстом и Горьком я не говорю. Они для меня больше чем великие художники.

Точности и выразительности слова я учился не только на образцах художественной прозы, а и на произведениях научно-популярной литературы и публицистики, таких, как знаменитые книги Д. Кайгородова «Из царства пернатых» и «Беседы о русском лесе», как совершенно великолепные по языку и подлинности материала письма А. Энгельгардта «Из деревни». Этих авторов я могу перелистывать ежедневно и читать, открыв наугад, страницу за страницей.

В 1962 году я решился наконец приступить к осуществлению своего давнишнего замысла — к переводу «Слова о полку Игореве».

Замысел этот зародился у меня еще в студенческие годы под влиянием профессора Павла Михайловича Соболева, читавшего у нас фольклор и древнерусскую литературу.

Это был очень интересный, хотя и весьма противоречивый человек, незаурядное дарование которого было загублено вульгарно-социологическими увлечениями того времени. Он, например, всерьез доказывал, что А. В. Кольцов — мещанский поэт, ссылаясь на его письма к Белинскому, где наивный провинциал давал практические советы своему столичному другу.

Я уже и тогда часто и запальчиво спорил с ним, но глубоко уважал его за влюбленность в народную поэзию, которую он знал превосходно, а также за богатейшую эрудицию в области древнерусской литературы.

По характеру болезненно самолюбивый, он прощал мне всю мою юношескую ершистость, когда я начинал читать наизусть отрывки из «Моления Даниила Заточника» или «Слова о погибели Русския земли».

К «Слову о полку Игореве» у него было особое отношение. Будучи еще гимназистом, он сам перевел его и даже напечатал перевод во Владимире. По свидетельству Д. Семеновского, переводом заинтересовался Горький и потом справлялся у него о судьбе автора — владимирского гимназиста. Своего перевода Павел Михайлович нам, студентам, никогда не показывал, видимо боясь наших злых языков, но все другие переводы критиковал жестоко. Мне он не раз говорил: «Не занимался бы ты лирическими пустяками, а взялся за настоящее дело. Перевод «Слова» был бы для тебя настоящей школой».

Я отвечал, что слишком люблю это гениальное творение, чтобы мог позволить себе взяться за его перевод без достаточной подготовки.

— Это ты правильно говоришь, — соглашался Павел Михайлович. — За такое дело нужно браться с душевным трепетом, подготовив себя к нему постом и молитвой.

Первым робким подступом моим к теме «Слова...» было стихотворение «Боян» («Заря, как медный щит, багряна...»), написанное в 1938 году. В следующем году я написал балладу «Меч Мономаха» о походе объединенных сил русских князей на половцев (1103 год).

Название моей первой военной книжки «Синее вино» также связано со «Словом о полку Игореве». Оно подсказано знаменитым сном Святослава, который рассказывал своим боярам: «Черпали мне синее вино, смешанное с печалью».

В стихотворении «Прошедшим фронт, нам день зачтется за год...» я писал о первых днях войны:

И синего вина, вина печали,
Она нам полной мерой поднесла,
Когда мы в первых схватках постигали
Законы боевого ремесла.

Были в книге и другие стихи, перекликавшиеся со «Словом...». Вот начало одного из них:

Из лесов разбежались волки,
Ушли из берлоги медведи,
Из норы обжитой и просторной
Лиса увела лисенят.

Лежат мертвецы по дорогам,
И вороны — их соседи,
Как гости на черной свадьбе,
Ходят вперед и назад.

Когда книжка вышла, А. Фадеев прислал мне на каком-то совещании в Союзе писателей записку, что стихи ему понравились, но зачем такое декадентское название. Я ответил, что в таком случае родоначальником декадентов был автор «Слова о полку Игореве». Прочитав мою записку, Фадеев весело рассмеялся.

В послевоенные годы я тоже не раз соприкасался в своих стихах со «Словом...», не оставляя мысли засесть за его перевод. Я очень высоко ценю переводы моих покойных друзей Д. Семеновского и Н. Заболоцкого, но мне хотелось попробовать перевести по-своему.

Летом 1961 года я написал стихотворение «Ярославна» и почувствовал, что больше откладывать осуществление давнишней мечты не могу.

Приступая к переводу, я твердо решил осуществить его в стихах и тем самым сделать доступным и близким для самых широких кругов читателей. Я стремился, бережно сохраняя поэтический дух подлинника, его исторический колорит, дать ему современное освещение и истолкование. Насколько это удалось, судить, конечно, не мне. Закончив работу, к которой готовился много лет, я мог бы сказать только одно: что вложил в нее всю свою любовь к этому удивительному творению русского народного гения.

В последние годы я много ездил по стране. Мне привелось побывать в степях Казахстана и на полях Украины, в городах и селах Латвии и Таджикистана, Белоруссии и Грузии, Бурятии и Мордовии.

Я принял в сердце всю их своеобычную красоту. Эта красота обогатила меня, но не затмила милой сердцу прелести родных мне мест средней России. Я всегда с благодарностью буду вспоминать часы и дни праздничных встреч с друзьями на берегах Байкала или у подножья снежных вершин Кавказа, но обдумывать пережитое приду на берег какой-нибудь безымянной речки в глубине Смоленщины. Чтобы проверить себя, чтобы собраться с мыслями, мне всегда было нужно побродить по заросшим иван-чаем березовым опушкам, посидеть с косарями у догорающего костра, послушать доносящиеся издалека девичьи песни.

Я по-прежнему много пишу о природе, но природа для меня — зеркало, в котором отражается душа человека со всеми его мечтами и заботами, радостями и печалями.

Я написал немало книг, но не сказал в них и сотой доли того,

что хотел бы сказать о своем неповторимом времени, о людях, которые встречались на моем пути.

Я не знаю, какой будет та самая главная книга, которая всегда впереди, но, оглядываясь на пройденный путь, спокойно могу сказать:

Я многое делал не так,
    Как бы сделал теперь я,
Но делал лишь то,
    Что по совести делать я мог.

г. Смоленск

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

КНИГА ЮНОСТИ

1

Небо к ночи облаками пенится,
Свет-заря по межникам идет,
И поют, поют мои ровесницы,
Закликая милых в хоровод.

Каждый звук ловлю в родной сторонке я,
Принимаю сердцем каждый вздох!
Пусть меня подхватят песни звонкие,
Понесут над полем без дорог.

1924 (?), ⟨1965⟩

2

Перепрели апрельские прели,
И, росу отряхнув с подола,
Заиграла Весна на свирели,
Птицам весть запевать подала.

1925 (?), 12 августа 1966

3

Сердце, сердце, не будь бестолковым,
Пей настой тополиный, пей!
По лугам моим и дубровам
Бродит юность, не спит ночей.

Я зову ее тихим словом
На просторы родных полей...
Сердце, сердце, не будь бестолковым,
Пей настой тополиный, пей!

1926 (?), 1963

4. ЮНОСТЬ

Дни мои словно полосы гречи,
Я по узкой меже иду.
Верю, счастье совсем недалече,
У большой зари на виду.

Знаю, будут и песни и встречи,
Не погасит ветер звезду...
Дни мои словно полосы гречи,
Я по узкой меже иду.

1925 (?), 1960 (?)

5

В васильковых очах июня
Я увидел, как мир широк.
Ты еще со мной, моя юность,
Но разлуки уж близок срок.

Пожелай же мне, щебетунья,
Всюду чуять твой ветерок...
В васильковых очах июня
Я увидел, как мир широк.

1926 (?), ⟨1958⟩

6

Цвели кувшинки над водой,
Пестрели лютики на скате,
А я в тревоге молодой
Сказал «прости» отцовской хате.

Склонилась ива на межу,
И вскрикнул чибис, как от боли.
Я знал, что в город ухожу,
Но сердце оставляю в поле.

1926 (?), между 28 ноября и 4 декабря 1961

7. ТОЛОКА

День морозный,
День такой хороший,
Путь вчера подладила метель,
Но у Марьи околела лошадь,
А у Марьи семеро детей.

Вот два дня уж не топила печи,
Только что ж придумаешь тут, что ж?
Всё равно дровишек из заречья,
Как ведро воды, не принесешь.

Но глядишь — приметили соседи,
Где дымок не вился поутру,
И обоз с дровами едет-едет,
Правит прямо к вдовьему двору.

«Принимай, соседка, у колодца
Не роняй слезы из-под платка...»
Здесь подмога издавна зовется
Добрым русским словом: толока!

⟨1926⟩, 1928 (?)

8

Нынче ветер, как мальчишка, весел,
Спать не даст березке всё равно.
Месяц кудри золотые свесил,
Улыбается в мое окно.

Месяц, месяц, хоть всю ночь не прячься,
Хоть до самой до зари свети,
Не поймешь ты — что это за счастье
В поле первой бороздой пройти,

Вторить звонким песням жаворо́нка
И кукушке отвечать на зов.
Край родной, любимая сторонка,
Всё сказать — не хватит нежных слов!

1926 (?), ⟨1958⟩

9

Перелески, зеленя да пажити,
Соловьи полночные в гаю...
Песни, песни! Только вы расскажете
Про любовь сыновнюю мою.

Я вплету в вас перезвоны зорние,
Шелест трав и посвист косарей...
Где дороги шире и просторнее,
Чем под небом родины моей?

Так ступайте ж в путь! И если грозы вам
Доведется встретить — не беда!
Верю я: в краю моем березовом
Вы друзей отыщете всегда.

⟨1927⟩, ⟨1954⟩

10. ИВОВАЯ ДУДОЧКА ПОДПАСКА

Млеет даль от солнечного взгляда,
Ветер льнет к любой травинке с лаской,
Целый день журчит, поет у стада
Ивовая дудочка подпаска.

Не устанет он в лугу зеленом
Вторить песней кликам журавлиным.
То не эхо катится по склонам,
А весна гуляет по долинам.

Пусть березкой притворилась Лада,
Вот встряхнется — и начнется сказка...
Целый день журчит, поет у стада
Ивовая дудочка подпаска.

Апрель 1927, 1961

11

Я не знаю, близко иль далече
Ты коров с подругами пасла,
Помню только: вдоль села под вечер
Ты в венке ромашковом прошла.

За тобою в птичьих пересвистах
Пенилась зеленая река.
Перед взглядом глаз твоих лучистых
Расходились в небе облака.

Словно озаренный, в этот час я
Понял то, что было невдомек, —
Что свое везде найдешь ты счастье
И поднимешь гордо, как венок!

1927 (?), 27—28 ноября 1961

12

В голубом дыму кусты сирени,
Это догорает грусть моя
О весне, что в ярком опереньe
Улетела в дальние края.

Предо мной открытая долина,
А вокруг хлебов и трав разлив.
Белым пламенем горит калина,
Все дороги лета озарив.

1927 (?), ⟨1958⟩

13

Не достать ведерком из колодца
Ни живой, ни мертвой мне воды.
Значит, просто пой, пока поется,
Положи всю душу на лады.

Кто услышит песню — отзовется
И в ночи найдет твои следы.
Песня, коль она из сердца льется,
Животворней сказочной воды.

1927 (?), ⟨1958⟩

14

Заря в зеленых сумерках погасла.
То холодком, то вновь теплом пахнет.
Дымит овин, и смотрит через прясло
Накрытый тенью тополя омет.

Без грусти лето провожаю здесь я,
Светло горит в душе моей любовь,
Когда в полях, как новые созвездья,
Встают скирды высокие хлебов.

⟨1927⟩, 1950

15

То черемуха весенняя, цветущая,
То березка в снежной сетке кружевной,
То застенчиво глаза твои опущены,
То, лукавые, везде следят за мной.

Сколько я себя догадками ни мучаю:
«Кто же ты?» — я рад увидеть под луной
И черемуху весеннюю, цветущую,
И березку в снежной сетке кружевной.

1927 (?), 4 мая 1956

16. НА ЛЫЖАХ НОЧЬЮ

На ресницах иней серебрится,
Побелели брови под луной.
Ветер злится, обжигая лица,
А кругом звенит простор сквозной.
Стынут звезды на плече твоем...
Ночь,
Поля́,
И мы с тобой вдвоем.

Волны снега вздыбились с разбега,
Разметались брызгами слюды.
Отмечает голубая Вега
Легких лыж узорные следы.

Догоняй!
Согрела без огня
Ты своей улыбкою меня!

В синей шали ты не хороша ли,
Захочу — прижму тебя к плечу,
Оттолкну кусты, чтоб не мешали,
И опять за звездами лечу.
Ветром разделяющая двух,
Крутизна
Захватывает дух.

Разве поздно полночью морозной
След завить в серебряную нить,
Если сердцем молодость не роздана,
Если снег под лыжами звенит.
Стынут звезды на плече твоем...
Ночь,
Поля́,
И мы с тобой вдвоем.

1927 (?), ⟨1956⟩

17. ОТРЫВОК

В беспорядке жалось у откоса
Над речной излучиной село.
Там зимой снега лежали косо,
В мае густо вишенье цвело.

И смотрела из-под белой шали
Грусть-тоска соломенных трущоб...
Каждый год село опустошали
То пожар, то что-нибудь еще.

Помню я, как оклики трехрядки
Заглушал истошный бабий вой.
Разве ж можно жить нам без оглядки
На твое былое, край родной?

⟨1927⟩, 1960

18. КОНЬ

Метель клубится, словно пена,
Всё застилая на дворе.
Хозяин снес охапку сена
Коню на утренней заре.

Зевнул и вспомнил о постели —
В избе тепло, в избе покой,
А тут ветрюга хлещет в щели,
А тут мороз стучит клюкой...

Конь поднялся, дрожа от стужи,
Чтоб хоть немного пожевать.
Ему становится всё хуже,
Пропали молодость и стать.

Всю жизнь — в погоду, в непогоду —
Таскал он плуг, ходил в извоз.
А сил всё меньше год от году...
Дождешься ль теплых вешних рос?

Уж челка спуталась мочалой,
Посекся хвост густой давно.
А был конем веселым Чалый,
Рвался как зверь, услышав: «но!»

Как луг просторный, мир был светел,
Но всё поблекло, отошло.
Хозяин, видно, не заметил,
Как поднялся он тяжело.

В глазах и мускулах усталость,
Вся кожа в складках — что гармонь,
Ждет человек тепла под старость.
Тепла и ласки просит конь.

Но на боках не шерсть, а иней,
Скользят копыта, как на льду...
И конь издох зарею зимней
На девятнадцатом году.

⟨1927⟩, 1960-е годы

19

Свежей пашней пахнут наши зори,
Только выйди в поле из села...
За сохой споткнулся дед Григорий,
И соха с ним вместе умерла.

На подтопку сын ее разрезал,
На помин судьбы отцовской сжег
И привез из города железный,
Новый, с маркой заводской плужок.

Сын свернул с наезженного тракта,
Где пылила вековая тишь,
А уж внук мечтает сесть на трактор,
И плужком его не удивишь.

Между 1926 и 1928, 1960

20

Дни всё ярче, но сентябрь хитер,
Знает он, когда нам стукнуть в окна.
Осень в роще разожгла костер,
А над нею вечер распростер
Туч закатных дымные волокна.

Журавли скликаются вдали,
Ветер к югу клекот их относит.
Я кричу: «Прощайте, журавли,
Расскажите морю, журавли,
Вы про нашу золотую осень.

Пусть узнает весь земной простор,
Как чудесен каждый уголок наш:
Шум лесов и тишина озер,
Разожженный без огня костер
И в зарю распахнутые окна».

1928 (?), ⟨1954⟩

21

Русы косы заплетает осень.
Взгляд ее туманится слегка,
А на сердце — летних дней колосья,
Теплых зорь медовая река.

Думы, думы, в эту пору все вы
Собрались в мой неоглядный край,
Где шумят озимые посевы,
Предвещая новый урожай,

Где открыты пашни и покосы,
Все пути видны издалека...
Русы косы заплетает осень,
Взгляд ее туманится слегка.

Между 1926 и 1929, ⟨1960⟩

22

Где весной на стежки полевые
    Льется бирюза,
Смотрят в душу мне твои большие,
    Ясные глаза.

Всё я жду: когда же у опушки
    Твой платок мелькнет.
Там твои ровесницы-подружки
    Водят хоровод.

И, желанной встречи ожидая
    (Ты сказала: «Жди!»),
Повторяю про себя всегда я:
    «Лето впереди».

Лишь одним я втайне озабочен,
    Провожая день:
Что, как ты вернуться не захочешь
    К ветлам деревень?

А приедешь в гости из столицы, —
    Там, где шепчет рожь,

Мимо друга, опустив ресницы,
Гордая пройдешь.

Даже не взглянув, кивком ответишь
На его привет,
Позабыв, кому звездой ты светишь
Столько зим и лет.

Только нет, такого не случится,
Верю сердцем я, —
Каждый вздох твой ветерком струится
В здешние края.

Ведь не зря на стежки полевые
Льется бирюза,
Смотрят в душу мне твои большие,
Верные глаза!

1928 (?), ⟨1958⟩

23. ЗАЧИН

Коростель в лугах заречных
Отскрипел,
В поле перепел все песни
Перепел.

Затихают придорожья —
Ну так что ж?
Вышла в поле в день погожий
Молодежь.

В праздник лета вышла в жито
Под гармонь,
Спелый колос сам ложится
На ладонь.

Он усами на ладони
Шевелит,
Молодым по-молодому
Говорит:

«Вы работали на пашне
До звезды.
Вы не портили на пашне
Борозды.

Проходили грозы краем,
Горячась.
Проходили грозы краем
В добрый час.
Вот и колос созревает
В самый раз...»

И колосья подтверждают
Все подряд.
«Созреваем, созреваем», —
Говорят.

И разносится по ветру
Теплый звон:
«За труды весны и лета
Вам поклон.

Пожелают добрым словом
Все окрест
Самых лучших женихов вам
И невест!»

Коростель в лугах заречных
Отскрипел,
В поле перепел все песни
Перепел.

1929 (?), 25—26 февраля 1960

24. ЦЫГАНКА

В бреду уездного базара
Под захмелевший разговор
В цветных лохмотьях бродит Зара
Густой жаре наперекор.

И парню пьяному не жалко
Последний гривенник отдать,

Когда красивая гадалка
Его расписывает стать.

Ему раздумывать не к месту,
С такой попробуй удержись:
Сулит хорошую невесту,
Почет и радостную жизнь.

Помрут от зависти соседи,
Пройдя окольною тропой...
Бренча в кармане горстью меди,
Уходит Зара за толпой.

Огонь стеклянный мечут бусы,
Платок мелькает там и сям...
Я сам, еще юнец безусый,
Следил за нею по часам.

Ведь я не знал, что нет ей мочи
Идти сквозь праздничный туман,
Чтоб, возвратившись в табор к ночи,
Пред мужем вывернуть карман.

И, коль добычи будет мало,
На медяки взглянув едва,
Он, чтоб назавтра не дремала,
Нагайкой хватит раз и два.

Ей всё равно — жара иль стужа,
Иди, сгорая и дрожа,
И всюду глаз ревнивый мужа
Блестит, как лезвие ножа.

Пусть для кого-то конь и сбруя,
А для нее удел таков:
Гадая, клянча и воруя,
Ежеминутно ждать пинков.

Там, у костров судьбы цыганской,
И сказки — ложь, и песни — ложь.
Ведь не подменишь жизни сказкой
И в песне век не проживешь.

⟨1930⟩, ⟨1959⟩

25—30. *ЛЕТО*

1

Вот и лето на две половины
Раскололось яблоком, и вновь
Липкий запах меда и малины
Растворился в запахе хлебов.

В душной мгле последние зарницы
Распускает по полю гроза.
Чуть дохнет рассвет тебе в ресницы —
Ты откроешь ясные глаза.

Сразу сны, как легкие пушинки,
Улетят в открытое окно...
Не пора ли праздновать зажинки,
Первый сноп поставить на гумно?

День пришел тропинкой заревою,
Русый день в рубашке голубой,
И умылись яблони росою,
Покраснели вишни за избой.

Зашумели, птиц опережая,
Снам твоим девическим под стать:
«Всё готово к сбору урожая,
Выходи на первую постать!

Видишь — день погожий да пригожий
Разогнал туман с окрестных троп,
В тишине зеленых придорожий
Будет ждать, кто первый свяжет сноп.

Ты не зря, как в праздник, наряжалась,
Стан косою русой обвила...»
А во ржи рассеивали жалость
К поздним василькам перепела.

2

Зной всё гуще, солнце всё отвесней,
День спешит от лета не отстать,
И твои подруги с новой песней
Занимают новую постать.

Голоса летят по поднебесью,
То снижаясь, то взмывая вдруг.
Не заря ль сложила эту песню
Про твоих ровесниц и подруг?

С ней они с восхода до заката
Клали полновесные снопы.
Мимо проходившие ребята
Не хотели повернуть с тропы.

3

Не смолкает песня молодая.
Вечер тих, да ветер языкат.
Не тебя ли с поля поджидая,
Дед глядит на меркнущий закат?

Полыхают смутные зарницы,
На ветру бормочут провода,
А старик на тень свою косится
И считает в памяти года.

Старость, старость... Кажется, пора ведь
Отдохнуть под осень от трудов,
А ему лишь плечи бы расправить
Да стряхнуть десятка два годов.

Вот и внучка скоро оперится,
Все соседи ахнут: агроном.
...Провода бегут, летят зарницы,
Шепчутся березы под окном.

4

В жнивный месяц август, как ведется,
По жнецам — и пахарю почет.
Дед тебя встречает у колодца,
На крылечко за руку ведет.

Шутит старый: «Отменила б ночь ты,
Если б знала, в чем ее секрет.
А тебе опять принес я с почты
Целый ворох писем и газет.

Только ночкою читать нескладно,
Даже птицам время отдыхать».

Ты махнешь рукой: «Ну, ладно, ладно,
Пусть скорей огонь засветит мать!»

Соберутся девушки на роздых,
Разговор затеют между дел...
И вздохнешь поглубже, словно воздух
От росы шипучей загустел.

5

Стынет ужин. Лампочка, мигая,
Тесный круг сомкнула у стола.
«Расскажи, подруга дорогая,
Как без нас ты в городе жила.

Расскажи, чему тебя учили,
По каким путям тебя вели!
Как сестру, мы все тебя любили,
Восемнадцать весен берегли.

Каждый день поклоны посылали,
Чтоб тебе без нас не заскучать,
А когда сошла ты на вокзале,
Мы пошли на росстани встречать...»

И текут, текут девичьи речи,
Только ночь туманная мала.
Сладко пахнет клевером и гречей,
А во ржи трещат перепела.

6

Стол дубовый ломится от снеди,
И вздыхают, головы клоня,
За столом соседки и соседи,
Близкая и дальняя родня.

Пригорюнясь, мать сидит в сторонке,
Город ей страшней, чем темный бор.
Заблудиться долго ль там девчонке,
Всё-то, старой, мнится до сих пор.

А подруги песню запевают:
«Прощевай до будущей весны».
Возвращенья скорого желают,
Их глаза ясны, хоть и грустны.

Не считая время по минуте,
Жнитво всё припомнили опять.
Городским подругам в институте
Есть о чем при встрече рассказать:

Как легко вставала на рассвете,
Как ловила солнце у стрехи
И какие были в стенгазете
Про тебя написаны стихи.

1927 (?), ⟨1959⟩

КНИГА ВСТРЕЧ

31. ПОРТРЕТ МОЕЙ ЗНАКОМОЙ

Неожиданно встретившись с нею
В городской толчее, не таю, —
Я обрадуюсь и покраснею,
Словно юность увидя свою.

Пошутив на ходу неумело,
Задержу ее руку: «Ну, вот,
Даже вести подать не хотела —
У каких ты долгот и широт,

Чьи цветы у тебя на окошке
Доцветают теперь под луной,
С кем забыла ты стежки-дорожки,
По которым ходила со мной?

Или нынче иные заботы:
Свадьбы ждет не дождется родня? . .»
А она улыбнется: «Да что ты,
Что ты выдумал тут про меня?»

Не по тропке у белой березы,
Так по радуге вспомню тебя
В том краю, где горячие грозы
Рвутся в поле, весну торопя,

Где настроены ветры по нотам
Телеграфных косых проводов,
Где за каждым крутым поворотом
Мир, как только что созданный, нов.

Где... да разве возьмешь ее в горсти,
Ту зарю, что встает за прудом?
Если ты соберешься к нам в гости,
Мы по всем перепутьям пройдем,

Вспомним всё: и болото в тумане,
И сорочью тоску над избой;
Выйдем к логу, где в темном бурьяне
Хоронились мы в детстве с тобой.

Вынем книжку, бывало, и сядем,
Притаясь под косматым кустом,
И чащоба нам кажется садом
На закате в цвету золотом.

Кулики над болотом взлетели
Иль жар-птицы кружат у реки?..
А ведь нынче там сад в самом деле
Посадили твои земляки!

Там, в зеленой толпе у обрыва,
Где весне задремать недосуг,
Тополя охраняют ревниво
Юных яблонь застенчивый круг.

Там друзей я вовек не забуду,
А разлука... Разлука не в счет...
Верю я — где б мы ни были — всюду
Наша молодость рядом идет!

1931 (?), ⟨1950⟩

32. ТВОЙ ПУТЬ

Есть женщины в русских селеньях...

Н. А. Некрасов

Вот она, твоя юность, что снится тебе до рассвета:
В хате зимняя ночь — неуютна, долга и глуха.
И последняя песня, хорошая самая, спета
Про девичью любовь да про ласкового жениха.

Разрывает раздумье суровая ровная прялка,
Перерезаны пальцы постылою пряжей льняной.
Далеко до утра. Керосину последнего жалко —
Ты в морозные ночи прядешь и прядешь под луной.

Заюрит завируха — срываются звезды с размаху.
Не поднять головы, не расправить затекшей руки.

Ты узором двойным жениху вышивала рубаху,
Вышивала широкие рушники.

Нарядить по обряду да именем честным назвать бы,
Не перечить ни в чем, с полуслова намек понимать.
Богачи на деревне справляли веселые свадьбы,
Но дорогу к тебе женихи позабыли опять.

На поденщине потом смывает горячий румянец,
И на Троицын день не желают кумиться с тобой.
И не видит никто и не любит никто бесприданниц,
А досужие дуры порочат наперебой.

А досужие дуры зовут вековухой в глаза уж,
И по пьяному делу отцова не дремлет рука...
Ты чужая в семье, ты выходишь, не думая, замуж
За такого ж, как ты, неприкаянного батрака.

На чужой полосе, окаянной работой натужась,
Из-за кринки разбитой ты чуть не сходила с ума...
Не для красного слова я этот придумывал ужас —
Я напомнил тебе то, что ты не забудешь сама.

Та пора миновала, и ты увидала дорогу,
Что в полях замести не могла никакая метель.
Чтоб не смела нужда к твоему приближаться порогу,
Вместе с долей своей ты весной записалась в артель.

Где взялись у тебя молодая пригожесть и сила!
По всему околотку дивились сноровке твоей:
Как пахала поля, как луга заливные косила,
Как хлеба молотила и как ты встречала гостей!

Пусть же старость, как осень, стоит за садовой оградой,
Собирает плоды, озираясь на пройденный путь, —
Ты невесту сыновнюю дружбой душевной обрадуй,
Не суровой свекровью, а ласковой матерью будь.

Мы седины твои уважением теплым отметим,
Твоему попеченью поручим своих сыновей.
Ты взволнованным голосом будешь рассказывать детям
Эту повесть простую о подвиге жизни твоей.

Январь — февраль 1932, 16 июля 1947

33. ПОРОША

Вчера сулила оттепель порошу,
Дымился снег и ветер был ретив.
Я знал, что снова сердце растревожу,
На русаков двустволку зарядив.

Широкий пояс, и патроны в гнездах,
И сапоги высокие скрипят,
И всё плотней охватывает воздух,
Морозный, пробирающий до пят.

Дробится солнце в инее по соснам,
Перегорает в струнах проводов,
И тянется за дымом папиросным
Горячий запах заячьих следов.

Передо мной играют тени в прятки,
Расталкивает ветер облака,
И я иду всё дальше без оглядки,
Распутывая петли русака.

А с чем домой вернусь — не всё равно ли!
Я буду счастлив тем, что в свой черед
Была пороша, были вешки в поле,
И след, который звал меня вперед...

1932 (?), ⟨1947⟩

34

Концы колышутся кудрей,
Тебе на щеки тень бросая...
Сними сандалии скорей
И по росе ступай босая.

У придорожного куста
Садись,
раздумывай
и слушай,
Пока полночная звезда
Не упадет к нам спелой грушей.

Ладони легкие сложи,
В них колос вылущи зажатый,

Ты видишь — вызревшие ржи
Отяжелели перед жатвой.

Мы их выращивали здесь,
Мы знали радость ожиданья,
И в каждом стебле этом есть
Тепло от нашего дыханья.

С тобою об руку несем
Мы наше счастье молодое,
Поговорим же обо всем,
Как говорить умеют двое.

Мне стежки будут не легки,
Когда полюбишь ты другого,
Но не скажу тебе с тоски
Я непростительного слова!

И в час разлуки горевой
Не задержу твоей руки я,
Но день за днем перед тобой
Я буду лучше, чем другие.

И, может, вспомнишь ты тогда
На этом поле наши встречи,
И только вздрогнут
(ты горда)
Твои приподнятые плечи.

Ты только руку мне пожмешь,
Не скажешь даже ни полслова.
Но я пойму...

Созрела рожь.
Для жатвы поле всё готово.

Январь 1933, ⟨1946⟩

35. ЯБЛОКИ

Сад задыхается. В полдень глуше
Капает с веток тяжелый зной.
Яблоки вызревшие и груши
Светят горячею желтизной.

Тень распахнется еще не скоро.
Хочется скрыться на полчаса
В частый вишенник у забора,
Где не просохла еще роса.

Здесь мы встречались, бывало, летом,
Ночи просиживали напролет.
Как же не вспомнить сейчас об этом,
Если не виделись целый год?

На языке присыхает слово,
Жажда накапливается во рту.
Запах волос твоих слышу снова,
Губ твоих чувствую теплоту!

Снова к тебе на колени лягут
Руки обветренные мои.
Ты ведь меня не забыла за год?
Не разлюбила ты? Не таи!

Нет! Улыбнулась не как чужая,
Руку пожала, как близким жмут...
Так же смутилась, как уезжая
Прошлой осенью в институт.

Помню, один возвращался к дому —
Словно искал твой след у реки.
В ночь беспокойную молодому
В теплую горсть не зажать тоски.

В сад выхожу, а в саду просторно...
Осень — куда я ни загляну.
Кажется, в яблоках видны зерна,
Если рассматривать на луну.

Яблоки ждут не дождутся сбора,
Падают мягко у ног моих,
Словно почуявшие, что скоро
Утренник первый пронижет их.

А я на дорогу гляжу сквозь ветви,
Туда, где стелются зеленя.
Нет расстояний таких на свете,
Чтоб отделили тебя от меня!

Может, к тебе донеслось то слово,
Ветром подхваченное на лету...
Запах волос твоих слышу снова,
Губ твоих чувствую теплоту.

Июнь — июль 1934

36

Улеглась пурга. На белом склоне
Тень зари широкая лежит.
Скачут рысью взмыленные кони,
Снег сухой летит из-под копыт.

Милый край! То снимет шапку елка,
То березка рукавом тряхнет.
Вон и домик на краю поселка,
Кони сами станут у ворот.

Подойдут соседи: «Здравствуй, здравствуй!
Сколько зим тут не был, сколько лет!
В поле бегал паренек вихрастый,
А теперь, гляди, интеллигент!»

Вкруг стола за мирным самоваром
Соберутся давние друзья,
Рассказать, что прожиты недаром
Дни, каких и выдумать нельзя!

Всё народ серьезный, возмужалый —
Тот учитель, этот агроном.
Даже стыдно намекнуть, пожалуй,
Про былые шалости в ночном.

Только нет, мы не стыдимся детства,
Что пропахло дымом костерков,
И, когда получше приглядеться,
В нас узнаешь прежних пареньков.

И еще не раз мы в час заката
Вспомним вновь, придя на старый след,
Всех, кого любили здесь когда-то,
Всё равно — любили нас иль нет!

Желтый пух ребячества развеяв,
Мы глаза не сузили свои,
Только в дружбе сделались трезвее,
Стали постояннее в любви!

1934

37

Посмотри — у меня большая ладонь,
Ты б на ней поместилась вся.
Пройти через воду и через огонь
Я мог бы, тебя неся.

Посадил бы тебя в своем дому,
А вечер домашний тих.
И сил, что отпущено мне одному,
Достаточно на двоих.

Но разве бы ты позабыла тут,
Вступая в свои права,
Как реки шумят, соловьи поют,
Растет на лугах трава,

Что землю горячую дождь облил
И высушили ветра?
Тебе в эту пору покой не мил,
И ты уходишь с утра

Туда, где, нагруженные зерном,
Возы на посев ползут,
Где сразу почувствует агроном
В руках нестерпимый зуд...

Мы садим деревья, хлеба растим,
Исследуем силу почв.
По теплым лугам, по травам густым
Проходим, встречая ночь.

Найдем на стану у костра приют,
Обветренные до пят.
Нам реки шумят, соловьи поют
И грозы глаза слепят.

1934

38

Опять роняют пух тяжелые гусыни,
Выравнивая дно нагретого гнезда,
Опять прозрачны дни и ночи светло-сини,
И над тобой стоит бессонная звезда.

От окон на полу легли крест-накрест тени,
И расстилать постель — напрасные труды.
Ты слышишь, под горой шумит река в смятенье,
Боясь, что не вместит нахлынувшей воды.

Но воду отведем мы на свои угодья,
Нам в мире обо всем заботиться дано.
И зашумят хлеба, как реки в половодье,
Везде, где прорастет набухшее зерно.

В свой срок придет страда, как молодость вторая,
Не зря в душе поет отрадный хмель забот,
Когда спешит весна по всем дорогам края
И всех твоих друзей по именам зовет.

1935

39. ПОСТОЯНСТВО

Проживу я зиму городскую
С добрыми знакомыми в ладу,
А весну почую — затоскую
И нигде покоя не найду.

Дождь пойдет, посевы поливая,
И начнет сводить меня с ума.
Вспомнится дорога полевая,
Что ложится по́д ноги сама.

Проберусь полями и лесами,
Через реки переправлюсь вброд
В то село, где с карими глазами
Девушка веселая живет.

Ей, наверно, грустно на крылечке
Вечера просиживать одной,
Сквозь туман, поднявшийся от речки,
Уходить за дальнею луной

И, желанной встречи ожидая,
В тишине прислушиваться вновь,
Как бунтует в жилах молодая,
Гулкая, разымчивая кровь.

И, до хруста стискивая руки,
Запрокинет голову она,
Страстью, накопившейся в разлуке,
Словно соком яблоко, полна.

Перед ней, разделанное чисто,
Задымится поле от росы.
И четыре лучших гармониста
Для нее налягут на басы.

Либо душу вымотай им, либо
Опадай, как вишня на юру.
А она сердечное спасибо
Скажет всем за добрую игру.

И вздохнут четыре гармониста,
Разорвать гармоники не жаль,
И никто не сможет похвалиться,
Что ее до дому провожал.

Через время, через расстоянье
Ей слышны признания мои.
...Предвещая близкое свиданье,
Запевают в роще соловьи.

1935

40

К погоде купается месяц в пруду.
Я берегом звонким иду.
Вечерние тени не спутают шаг,
Челнок отыщу в камышах.

Веслом, как бывало, на месяц плесну —
Увижу другую весну,
Когда, покидая родные края,
Простился здесь с юностью я.

С тех пор исходил я немало дорог,
Но первую в сердце берег,
И вновь возвратился в родные края,
Где юность осталась моя.

Опять в челноке, как когда-то, плыву.
Зову мою юность, зову.
Всё верится мне, что на том берегу
Ее разыскать я могу.

Всё верится мне, что всю ночь напролет
Она меня ждет и поет.
Шумят камыши... Я челнок мой веду,
Веслом доставая звезду.

1935 (?), 1953

41

Капелей прозрачные кисти
Развесил по яблоням дождь,
И в птичьем взволнованном свисте
Горячая слышится дрожь.

Дорожка струится, как речка,
Тропинки ручьями журчат.
По мокрым ступенькам с крылечка
Сбежишь ты в очнувшийся сад.

В густые кусты у калитки,
Как в волны, нырнешь с головой,
Чтоб тут же намокнуть до нитки,
Обдавшись водой грозовой,

Всю щедрость почувствовать лета
И то, что с тобой навсегда
И синь первозданная эта,
И эта живая вода.

А ночью, проснувшись в постели,
Мечтать до рассвета о том,
Что птицы тебе насвистели,
Что сказано было дождем.

1935, 1953

42. ПОЛДЕНЬ

Замолчала кукушка. Приблизилось время полуден.
Разметали стога, и про отдых подумать пора.
Не надейся на ветер, он так обессилен и скуден,
Что не может поднять позабытого птицей пера.

Мы на стан возвратимся и в лес по знакомой тропинке,
Задыхаясь от жажды, к заветному дубу пойдем.
Там закопаны в землю большие молочные кринки,
Квас в бутылях стоит, окруженных нетающим льдом.

К воспаленным губам мы подымем тяжелые кружки,
Пересохшее горло глубоким глотком освежим.
И опять голоса будет эхо гонять по опушке,
Проходя, словно тень, неотступно за словом чужим.

А у нас под ногами блестят золотые колечки,
Что насыпало солнце сквозь темную гущу листов,
И захочется нам добежать поскорее до речки,
Поспешить окунуться, покамест обед не готов.

От колючей воды станет легким и радостным тело,
За хорошим нырком далеко побегут пузыри.
Всё припомнится вновь: как трава поутру шелестела,
Как прокосы ложились по первому следу зари.

И когда на стога мы положим последнюю мету,
Ради встречи с тобой я усталость опять отгоню...
Золотая пора. Ведь весна познается по лету,
Как веселое утро по мудрому, трезвому дню.

1935

43. ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

Ты проходишь по лугу, Елена,
До земли касаешься едва,
И твои высокие колена
Обвивает мягкая трава.

Ты проходишь по полю, Елена,
Зацветает яростная рожь.
Ты себе на память непременно
Лучший колос в косу заплетешь.

Ты проходишь по саду, Елена,
Гроздья яблок тяжкие висят,
И зари малиновая пена
До краев захлестывает сад.

И, наверно, к полночи приснится
Из моих друзей не одному,
Что, взглянув сквозь длинные ресницы,
Ты кивнула ласково ему.

1935, ⟨1946⟩

44

Мы теперь вспоминаем погожие дни сентября,
Бабье лето, в прощальной красе придорожной березы.
Мы теперь вспоминаем, как, кровли домов серебря,
Словно весть о зиме, по утрам приходили морозы.

От высоких ометов тянуло соломой ржаной,
Зеленели посевы, спеша подрасти до ненастья.
Я краснел, без привычки тебя называя женой,
Я при людях стыдился меня наполнявшего счастья.

Только, как ни старался, скрывать его не было сил,
Словно солнце за мной проходило невидимым следом.
Я отборное яблоко утром тебе приносил,
Самый лучший кусок отдавал я тебе за обедом.

И сегодня, ребенка в горячие руки беря,
Я дыханьем своим осушу его первые слезы.
Как же можно забыть нам погожие дни сентября,
Бабье лето, в прощальной красе придорожной березы...

Июнь 1935

45. НОВОСЕЛЬЕ

Все окна настежь! Ни к чему нам ставни.
Нам жить и веселиться на виду.
Среди друзей, где каждый полноправный,
Я в горницу высокую иду.

К моим дверям широкая дорога
Для всех друзей расчищена всегда.
Пусть светит им у моего порога
Гостеприимства добрая звезда.

Посмотрит зависть жадными глазами,
И скупость нас осудит. Так и быть!
Нет в мире выше счастья, чем с друзьями
Хлеб-соль в застолье тесном разделить!

Чего ж нам ждать? За окнами заметней
Ложатся тени, по ветру скользя.
Пусть в новом доме жизни долголетней
Нам пожелают верные друзья.

Чтоб сытен хлеб и мед всегда был сладок,
Чтоб сыновья и дочери росли,
Чтоб с каждым годом прибывал достаток
От благодарной щедрости земли.

1935

46

Весны предчувствие росло,
Шумело первыми грачами,
Спать не давало мне ночами
И уводило за село
Бродить, пока не рассвело,
С двустволкой верной за плечами.

Я не хотел снимать ружья
И, стай пролетных не пугая,
К туманно-синей кромке гая
Спешил, дыханье затая.
Мне путь торила тень моя,
Вперед всё время забегая.

Кого хотелось встретить мне,
Опушка чем звала лесная?
Я шел, и сам того не зная,
Навстречу будущей весне,
Чтоб где-нибудь на талом пне
Присесть, рассвета ожидая.

Там всё сулило день чудес:
И поздний вздох зари морозной,
И сосны, тронутые бронзой.
Уж было времени в обрез,
Чтоб мог к утру проститься лес
С зимой, теперь совсем не грозной.

А утром, уходя домой,
Я знал, что к полдню быть капели,
Недаром сосны заскрипели,
Недаром дым над головой,
Оглядываясь, как живой,
Поплыл за речку еле-еле.

Недаром стала мне близка,
Как те проталины у лога,
В снегу темнеющие строго,
Как этот ветер у виска,
Сугробов смутная тоска,
Грачей веселая тревога.

1936

47

Нет, не весна, а ты сама
Моих друзей свела с ума.
Нет, не заря, а ты сама
Видна мне с каждого холма,

Твои поля, твои луга,
Твои скирды, твои стога,
Твои дубравы и леса,
Твоя любовь, твоя краса.

Недаром в непогодь и в зной
Мне щеки ветер жжет лесной.
Скажи, кому ты над Десной
Косынкой машешь расписной?

Заводишь песню...
Про кого?
Тропинку метишь...
Для кого?

Мне, кроме взгляда твоего,
Не нужно больше ничего.

Но разве выговорю я
Всё, чем полна душа моя?
Уж лучше в рощу выйду я,
Петь научусь у соловья.

Тебя увидев над Десной,
Поклон отвешу поясной
И запою, как в ночь весной
Меня учил певец лесной,

Такую песню, чтоб она
Со всех дорог была слышна,

Чтоб под напев ее весна
Была и в непогодь ясна.

Чтоб, услыхав ее вдали,
Из края в край моей земли
Шумели грозы, ливни шли,
Хлеба высокие росли.

1936

48

Вновь калина над речкой уснувшей
Протянула нам руки свои.
Ты послушай, ты только послушай:
Не про нас ли поют соловьи?

Не для нас ли с тобой, вырастая,
Под росою шумят зеленя,
И сирень зацветает густая,
И пчела пролетает, звеня?

Не для нас ли из теплого сада
Духом вишенным тянет в тиши?..
Тут и спрашивать даже не надо,
Только слушай, гляди и дыши.

Только помни под небом просторным
Вечный долг свой полям и лесам,
Всем во тьме набухающим зернам,
Всем стремящимся к свету цветам.

1936 (?)

49

Липы зацветают под горою,
Травы отцветают. Сенокос.
В полночь я окно свое открою,
Погляжу на дальний перевоз.

Огонек горит у перевоза,
Затихает ржанье табуна.

Повторяет белая береза
Девичьи запевки у окна.

Белая береза, что мне снится,
Чем меня обманывает мгла?
За окошком вспыхнула зарница
Или ты, любимая, пришла?

Слышу я шаги твои иль это
Под росой колышется листва,
От жары, от липового цвета
У меня кружится голова?

Гасит звезды ночь (она скупая).
Окликают девушки зарю.
Не дождусь тебя, но, засыпая,
Вслух мое признанье повторю.

Я засну, а месяц, вызревая,
Скатится, как яблоко в траву.
И ко мне придешь ты, зоревая,
Не в горячем сне, а наяву.

От тебя ко мне — прямая стежка
Мимо ярового, через рожь.
Веткой постучишь в мое окошко,
Именем веселым назовешь.

Я сквозь сон почувствую, как зво́нок
Голос твой, упавший в тишину,
И губами жадными спросонок
Я опять к губам твоим прильну.

Вздрогну, задыхаясь от волненья,
Окунусь в березовую тень.
Лучше, чем любое сновиденье,
Нам с тобою будет этот день.

Никому не скажем мы об этом
И уйдем в луга за перевоз.
Усыпают липы белым цветом
Перед нами стежки в сенокос.

1936

50

Нерасцветший колос расцветает от человеческого дыхания.

Народное поверье

Ты нерасцветший колос подняла,
К своим губам горячим поднесла,
Дохнула на него, и, оживая,
Расцвел тот колос у тебя в руке,
Чтоб доцветать и зреть на сквозняке,
Где зной течет, как пена дрожжевая.

И я сказал: «Не так ли и людей
Мы оживляем теплотой своей,
Сокрытые в них силы умножаем,
Чтоб каждый мог принесть посильный плод
И мы средь человеческих забот
Могли своим гордиться урожаем?»

1936

51

За тобою звезды полукругом,
И луна серьгой в ушке твоем,
Ты скажи, пожалуйста, подругам,
Чтобы нас оставили вдвоем.

Шел я полем, как ты рожь косила,
Ряд вела на сажень в ширину.
Свистнул я: откуда эта сила?
Вот бы мне какую взять жену!

Возвращался — ты снопы вязала,
Не давала сыпаться зерну.
Солнце скрылось, а тебе всё мало...
Вот бы мне какую взять жену!

Слышал я, как песню ты запела,
Окликая ночи тишину,
И на песню сердце полетело...
Вот бы мне какую взять жену!

А когда пошла ты в хороводе —
На тебя глядел я на одну,
Мне хотелось крикнуть при народе:
«Вот бы мне какую взять жену!»

1936

52

Ты скоро станешь матерью. Подруги
Подарки вышивают на досуге:
Узорные готовят распашонки,
Поговорить приходят о ребенке.

Ты скоро станешь матерью, и в поле
Тебя на жнитво не пускают боле,
Но слышишь ты, как шелестит солома, —
И в эту пору не сидится дома.

Куда ни поглядишь — по придорожью
Плывут возы, нагруженные рожью,
Мелькает тень по жнивью молодому,
И ты уходишь, не спросясь, из дому.

По огородам, что пропахли мятой,
Украдкой, как ребенок виноватый,
Ты добралась до первого загона,
И дрогнули колени утомленно.

Но под руки тебя уж подхватили,
Снопами от жары загородили,
Прохладным освежили полотенцем;
Но кто там, дочка или сын, под сердцем?..

Ты скоро станешь матерью...

1936 (?)

53

Не спрашивай про юность, почему
Она, как стежка, от холма к холму
Ныряет в зацветающую рожь, —
И не заметишь, как ее пройдешь,

Еще в ушах трещат перепела,
Но на дорогу стежка привела,
Она тебе откроет все края,
Иди по ней — то молодость твоя.

Свой первый шаг направишь ты туда,
Где к солнцу поднялися города.
Там много есть седых профессоров,
И каждый от учености суров.

Ты стать захочешь их учеником,
И ночью думать будешь ты и днем
О каждом проявленье бытия —
Так возмужает молодость твоя.

Тогда услышишь ты броженье сил,
Которые копил, копил, копил,
И жажду вдохновенного труда,
Которым родина твоя горда, —

Ты станешь строить города, и ты
Поднимешь к солнцу все свои мечты,
Познаешь счастье, и на много лет
Здесь на земле останется твой след.

И ты жалеть не станешь, почему
Жизнь, словно стежка, от холма к холму
Ныряет в зацветающую рожь, —
И не заметишь, как ее пройдешь.

1936

54

Когда, как зов любви неутоленной,
Крик журавлей в выси звучит весь день,
Сними со стенки плащ свой запыленный,
И сапоги дорожные надень.

Свой тесный кров покинув до рассвета,
Иди туда, взволнован и суров,
Где громыхает тракторами лето
И сладок сердцу горький дым костров.

Там твоему открыты будут взору
Дороги на Сибирь и на Кубань,

Там, не ища покоя в эту пору,
Механиком иль трактористом стань!

Пересекая степи, неустанно
С товарищами песни запевай,
Перед костром у полевого стана
С невыкуренной трубкой засыпай.

Так год пройдет, и нашим попеченьем
В полях нальется и созреет рожь,
И где-нибудь на празднике осеннем
Ты встретишь ту, кого во сне зовешь!

1936 (?)

55. АВГУСТ

В рассветной тишине ты выйдешь на дорогу,
Где в колеях свежи вчерашние следы.
Перед тобой туман, редея понемногу,
Откроет за рекой высокие скирды.

Они стоят кругом, всё небо подпирая.
Попробуй сосчитать — не кончишь никогда.
И все они твои, от края и до края,
Как жарких дней и дел живая череда.

И если б у тебя спросили в эту пору:
«Чего желаешь ты?» — ответ я знаю твой:
«Всей родине моей, всему ее простору —
Посева мирного и жатвы трудовой!»

1935, 17 августа 1947

56

На листья кленов крупной соли
Насыпал утренник, и мы
Спешим в предчувствии зимы
Кончать работы в дальнем поле.

Теперь там целый день над зябью
Пыхтят упрямо трактора,
И поле, ровное вчера,
Как пруд, покрылось темной рябью.

Арбузом спелым пахнут зори,
А день антоновкой пропах.
Снимают яблоки в садах
И разбирают на просторе.

А в клубе первые спектакли
Уже готовит молодежь.
Там в каждом уголке найдешь
Усы и бороды из пакли.

1936 (?)

57

Заря на отмелях и плавнях
Чуть золотит седой камыш.
В тепле летучем снов недавних
Одна ты на берег спешишь.

Меж тополей и ветел чинных
Тропинкой влажной и крутой
Идешь и слышишь хруст песчинок,
Твоею стиснутых пятой.

Вдыхаешь запах листьев горький
И шепчешь ветру: «Повтори,
О чем в бору скороговоркой
Рассказывают глухари».

Навстречу близкому восходу,
Оставив след у валуна,
Шагнешь в дымящуюся воду,
И сквозь тебя пройдет волна.

В ладонях смуглых стиснув щеки
И вздрогнув телом всем от брызг,
Вдруг, оглянувшись, на востоке
Еще не полный встретишь диск.

День будет снова полон зноя,
Дыханье ветра горячо,
Но полотенце расписное
Легко ложится на плечо.

1937

58

Застывшая за ночь, звенела дорога
Под конским копытом на весь суходол,
А к вечеру стало теплее немного
И снег с потемневшего неба пошел.

Сначала совсем неуверенный, редкий,
Как будто высматривал место, где лечь,
Потом осмелел и серебряной сеткой
У каждого дерева свесился с плеч.

Ты вышла и взять не хотела косынки
Пуховой, что я за тобою принес;
И видел я — таяли сразу снежинки,
Попавшие в желтое пламя волос.

Вернулись, а комната — словно другая,
Уютней домашнее стало тепло.
И долго сидели мы, не зажигая
Огня, и от счастья нам было светло.

1936

59

Волос каштановые пряди
Посеребрит весенний дождь,
Когда, давнишней дружбы ради,
Ты вновь встречать меня придешь.

Легко по гулкому перрону
С тобою об руку идя,
Я встречных локтем не затрону
И не почувствую дождя.

Ты быстро-быстро, как по книжке,
Расскажешь в сутолоке дня,
Что всё в старинном городишке
Переменилось без меня.

Что мне ни улицы, ни дома,
Где мы расстались, не найти.
Но оглянусь я — как знакомо
Всё, что возникло на пути!

Вокзал, привставший на колоннах,
Чтоб вдаль взглянуть через дома,
Кольцо садов густо-зеленых
На склонах древнего холма.

Моста железное плетенье,
Летучий блеск струи живой
И тополей косые тени
На влажно-синей мостовой.

По лужам брызнут искры света,
И я спрошу, замедлив шаг:
«Когда и где я видел это,
Не на твоих ли чертежах?»

Нет, даже спрашивать не буду!
Поруке верен круговой,
В разбеге улиц, всюду-всюду
Я узнаю характер твой.

В твоем слегка смущенном взгляде
Открою всё, чем мир хорош...
Я верю — давней дружбы ради
Ты вновь встречать меня придешь.

Ведь ты — как будущность, близка мне,
Как этот светлый дождь весны,
Как то, что даже в мертвом камне
Запечатляет наши сны.

1935, 13—16 июня 1947

60

Бродит ветер по болоту,
Клонит явор до земли.
Собираются к отлету
На болоте журавли.

Я иду. Болото топко,
Под воду ныряет тропка;
Только надо поскорей
Мне дойти до журавлей.

По брусничнику, по кочкам
Пронесу мою тоску,

Помахаю им платочком,
Поклонюсь их вожаку.

Обмахну слезу с ресницы,
Попрошу: «Возьмите, птицы,
Не тоску мою с собой —
Так платочек голубой.

Знаю — трубы ваши звонки,
Протрубите ж в добрый час,
Чтобы друг в чужой сторонке
На заре услышал вас.

Станет спрашивать он, птицы,
Обо всем, что сердцу снится, —
О девчонке молодой,
О раките над водой,

О тропинке под ракитой
В месяц листьев золотых...
Мой платочек, шелком шитый,
Вы отдайте в тот же миг.

На кайме его нашиты
Все тропинки, все ракиты,
Все лощины и холмы,
Где хоть раз встречались мы...»

Бродит ветер по болоту,
Клонит явор до земли.
Собираются к отлету
На болоте журавли.

1937 (?), 1947

61

Возле дома, мимо сада
Пролегла дорожка.
Без тебя, моя отрада,
Я взгрустнул немножко.

Ждал весны, прошло и лето,
Опадает вишня.

Ни ответа, ни привета
От тебя не слышно.

Бродит ветер за оградой,
Хлопает калиткой.
Ты письмом меня обрадуй
Иль утешь открыткой.

Напиши четыре слова,
Сидя у окошка,
Что жива ты и здорова
И грустишь немножко.

1937

62

На розовых сережках бересклета
Горячий дым грозы,
И птицы, прославляя щедрость лета,
Твердят свои азы.

А я, закинув за плечо двустволку,
Стою, гляжу вокруг,
Где по траве, как бисером по шелку,
Росой расписан луг.

Заря идет и золотит мне брови,
Ночную тень гоня,
Как шум листвы, рождается в дуброве
Большая песня дня

О тех, кто дал полям хлебов обилье,
Обилье трав — лугам!
И птицы, к сердцу прижимая крылья,
Летят к моим ногам.

1937

63. ТЮНИНО

Может быть, родиться снова проще,
Выйти в мир широкий, как заря,
Чем забыть вас, тюнинские рощи,
В золотом свеченье сентября.

Старый парк, аллеи вековые,
Счет годам забывшие давно,
Где в далекой юности впервые
Было мне задуматься дано.

Что я знал, подросток деревенский,
В стороне заброшенной лесной?
Только то, что ветер с поля резкий
Распахнул все двери предо мной.

Бил закат в цветные стекла дома,
Я стоял, дыханье затая.
Барский дом! Мне сызмала знакома
Слава нелюдимая твоя!

Знать, недаром мать моя, бывало,
Долгий сказ пряла по вечерам,
Как лоза витая вразумляла
Всех, кто непокорен и упрям.

И, поклон отвесив за науку,
Об одном вздыхал мой дед всегда:
Чтоб вовек не приводилось внуку
За наукой приходить сюда.

Внук пришел, но дед не видел внука,
Дед не знал, что на краю села
Дом всё тот же — да не та наука,
Что его когда-то здесь ждала.

Дверь открыта, пахнет свежей краской,
Поздний луч скользит наискосок,
И гудит в опочивальне барской
Молодой учительский басок.

Я вхожу и опускаю веки,
Блики дня осеннего скупы,
Ждут меня в углах библиотеки
Старые дубовые шкапы.

Вот и день кончается недлинный,
Тень в аллеях путает следы.
Над левадой клекот журавлиный,
За левадой — темные скирды.

Старый сказ досказывают липы,
Спелый лист к руке моей прилип.
Спать спокойно прадеды могли бы,
Увидав меня у этих лип.

Я подрос. В распахнутых долинах
Всех моих дорог не сосчитать,
Но повсюду в кликах журавлиных
Эту осень слышу я опять.

Может быть, родиться снова проще,
Выйти в мир широкий, как заря,
Чем забыть вас, тюнинские рощи,
В золотом свеченье сентября.

1936, 1947

64. ЛОМОНОСОВ

Куда бежать от сплетен и доносов!
В просторных залах смрадно, как в аду!
И вот опять Михайла Ломоносов
Шумит в академическом саду.

Строптивый сын архангельских поморов,
Прямой, как ветер северной реки,
Он сохранил неукротимый норов
И песни, что певали рыбаки.

Не он ли в школе Заиконоспасской
Одной латынью голод утолял,
Молокососов укрощал указкой
И сметкою монахов удивлял?

Поднявшись вне параграфов и правил,
Везде дыханьем родины храним,
Не он ли в старом Марбурге заставил
Немецких буршей трепетать пред ним?

Не он ли дал российской музе крылья,
Нашел слова, звучащие как медь!
Доколе ж иноземное засилье
Придется в академии терпеть?

В нее вошел, достойный славы россов,
Как беломорский ветер молодой,
Крестьянский сын Михайла Ломоносов,
Родившийся под северной звездой.

1937 (?)

65. ВСТРЕЧА НА ПУТИ В АРЗРУМ

Холмов тяжелые горбы,
Сдвигаясь, морщатся от зноя.
Ворвался в уши скрип арбы,
И гроб возник над крутизною.

В ярме два медленных вола,
Их трудный путь начался рано.
Он наклоняется с седла:
«Откуда гроб?»
— «Из Тегерана».

И что-то вдруг оборвалось,
Как этот камень, слово жестко.
«Так вот где встретиться пришлось
С тобой, блистательный мой тезка!

О, сколько вычеркнет имен
Граф Бенкендорф по черным спискам —
Все, кто талантлив, кто умен,
Не ко двору царям российским.

Тот — в каземате, тот — в гробу...
Я тоже вижу злую мету.
И, с вами разделив судьбу,
Не долго поброжу по свету.

Спешу в далекие края —
И там ничто не тешит взора.
Когда ж, о родина моя,
Переживешь ты дни позора?

На перекрестке всех дорог,
Где и столбы глядят с опаской,
Я говорю:
„Зачем не мог
Ты пасть на площади Сенатской?“»

1937

66. ЧЕЛОВЕК

Ветер странствий, соленый и горький, —
Им да звездами юность полна.
В море бриз. Апельсиновой коркой
За лиманом желтеет луна.

Степь лежит молчаливо и мудро,
Одиноких раздумий сестра.
Быль иль небыль намедни под утро
Рассказал этот старый Чудра?

Не ответишь вовек — и не надо,
Только б верилось в дни неудач:
Волю девушки ценят, как Радда,
Парни любят, как Лойко-скрипач.

А еще... не наврала цыганка,
Указала она: погляди,
Поднял сердце горящее Данко,
Чтобы путь озарить впереди.

Не о том ли мечтает он с детства,
Затаив неребяческий гнев,
И прислушаться и приглядеться
К человеческим судьбам успев.

Дед Каширин, кунавинский книжник,
Поучал, за виски теребя:
«Коль рубашки не снимешь ты с ближних, —
Значит, ближние снимут с тебя».

Враки! Снимет рубашку хозяин,
Если будешь покорен, как вол.
И от нижегородских окраин
Он до Черного моря дошел.

Вьется в небе над ним спозаранку
Журавлей путеводная нить.
Если в мире не сыщется Данко,
Он сумеет его заменить!

Ветер странствий, соленый и горький, —
Им да звездами юность полна.
В море бриз. Апельсиновой коркой
За лиманом желтеет луна.

1937

67

Когда тебе в беде изменит друг,
Не говори: «Я в дружбе разуверен»,
Но оглянись внимательней вокруг
И всю любовь отдай тому, кто верен!

1937 (?)

68

Ради встречи нашей, ради
Дней, похожих на мечту,
Из лирической тетради
Я стихи тебе прочту.

И почувствуешь ты снова
Теплый ветер полевой,
Шумный вздох дождя лесного
Пролетит над головой.

И увидишь ты заката
Рдяный отблеск на реке,
Там, где мы с тобой когда-то
Целовались в тростнике.

Вот опять сияет лето.
Нет со мной тебя... Ну что ж!
Про тебя мне до рассвета
В темном поле шепчет рожь.

Голос твой я слышу в песне
Возвращающихся жней.
Ведь в разлуке, как известно,
Мы становимся нежней.

1938

69

Чуть дымятся луговые плесы,
Даль тепла, светла.
То не ты ли косы у березы
На ночь заплела?

То не твой ли на реке гремучей
    Виден переход?
Не твоим ли голосом над кручей
    Иволга поет?

Пусть не видно в травах непримятых
    Твоего следа,
Сердце верит: где бы ни была ты —
    Ты со мной всегда.

И, когда в лугах синеют росы,
    Ты на склоне дня,
Заплетая косы у березы,
    Вспомнишь про меня.

Про меня, про стежки в дальнем поле
    Да про те холмы,
Где, грустя и радуясь до боли,
    Подрастали мы.

1938 (?), апрель 1950

70

Из-под кленового весла
Летит и бьет в лицо прохлада.
Не ты ли в лодку принесла
Вечернее дыханье сада?

Не ты ли запах тополей
В тяжелых косах затаила?
Не ты ль улыбкою своей
Тростник прибрежный озарила?

Здесь берега реки тесны,
На отмелях белеет пена;
Здесь слышен каждый вздох весны
И каждый шорох сокровенный!

Пусть чашечки речных цветов
Относит ровное теченье,
Я о любви молчать готов,
Но скажет всё сердцебиенье.

Взгляни — звезда летит к звезде,
Им дела нет до расстоянья,
И песня слышится везде,
И нет молчанью оправданья.

Всё круче, круче взмах весла,
Всё резче бьет в лицо прохлада...
Как весть о счастье, принесла
Ты легкое дыханье сада.

1938

71

Настоянная на травах,
Дымится в лугах роса,
По речке на переправах
Скликаются голоса.

А по дорогам торным
Разносится скрип колес.
В нашем краю просторном
Песенный сенокос.

В вечеровом тумане,
Чуть видимый, как намек,
Стелется на поляне
У самой земли дымок.

К тебе подойдет девчонка,
Чуть поведет глазком
И засмеется звонко,
Белым взмахнув платком.

Ровно ложатся травы,
Ряд за тобой широк...
Направо от переправы
Стоит молодой дубок.

Близится час заката,
Прислушайся к голосам...
Я сам ведь любил, ребята,
Ходил к переправе сам.

Просиживал до рассвета
И вновь становился в ряд...
Только, друзья, про это
Громко не говорят.

1938

72

Цветет жасмин. От белых звезд
Всю ночь светло в саду нагретом,
И Млечный Путь, как шаткий мост,
Соединил закат с рассветом.

В такие ночи слышен рост
Хлебов и трав. По всем приметам
И теплых зорь, и щедрых рос
Еще немало будет летом.

Живым текучим серебром
Дожди июльские прольются,
Ладони вытянув, как блюдца,

Пойдем в поля, встречая гром,
Где ржи густые за бугром
Под тяжестью колосьев гнутся.

1938

73

Смешался с запахом смолы
Томящий запах земляники,
Где сосен тонкие стволы
Торчат, как бронзовые пики.

А тень бежит во все углы
И ловит солнечные блики,
На травы нижет без иглы
Цветные бусы земляники.

Дрожит под крылышками пчел
Позолоченной сеткой воздух,
Пичуги дремлют в темных звездах...

И вправе я себя не счел
Нарушить птиц полдневный роздых,
Прервать полдневный взяток пчел.

1938

74

Мерцают звезд разорванные звенья,
Просветы меж деревьями сквозят.
Сорвется яблоко, и от паденья
Настороженно вздрагивает сад.

Мне оглянуться хочется назад,
Не слышать своего сердцебиенья.
Здесь, осени предчувствуя рожденье,
Кругом с дарами яблони стоят.

И лунами сияют горделиво
Антоновки и белого налива
Тяжелые прозрачные плоды.

И не уйдешь отсюда до рассвета,
Где подружились мы с тобой за лето,
Досуги разделяя и труды.

1938

75. ЗАЗИМОК

Его давно нетерпеливо ждешь,
Глядишь в окно как будто ненароком.
А за окном всё дождь, и дождь, и дождь
Идет назло синицам и сорокам.

Напрасно снится сизый дым порош,
След первопутка во поле широком...
И ты вздыхаешь про себя: ну что ж,
Еще не всё подвластно нашим срокам.

По небу те же облака плывут,
Туман кочует на полях озимых,
Продрогший ветер ластится к жилью.

Уж и в окно бы не глядел, но тут,
Когда не ждешь, и выпадет зазимок,
И всё преобразит в твоем краю.

1938 (?), 1953

76. НА ПАСЕКЕ

Отроились пчелы. Пахнут медом
Вековые липы за прудом.
Возвращаясь с поля, мимоходом
Мы с тобой на пасеку зайдем.

Постучим в калитку к пчеловоду,
Он у нас приветливый старик.
На меду заваренную воду
Хоронить от гостя не привык.

Только б гость вниманьем не обидел
И подробный выслушал рассказ,
Как рои готовятся на выдел
И какой тут верный нужен глаз.

Чем отличен мед, какой по цвету —
Липовый, гречишный, луговой...
Гости мы не редкие, и эту
Будем слушать повесть не впервой.

Ну, так что ж, пускай отводит душу,
Он видал немало на веку.
За привет, за добрую медушу
Мы спасибо скажем старику.

1938

77

Вновь сентябрь поджигает сухую листву на осинах,
Рдеет каплями крови на кочках брусника в гаю,
И, считая гусей в небесах, по-осеннему синих,
Прислонившись к сосне, я с тобой на опушке стою.

До весны покидая туманные наши озера,
Гуси к югу летят. Значит, близится время дождей,

Значит, нам расставаться с тобою, любимая, скоро...
Что ж, бери мое сердце и сердцем в разлуке владей.

В светлом поле темнеют сухие кусты чернобыла,
И на них паутины прозрачные нити висят.
Я дождуся весны, только б ты меня не разлюбила,
С первой стаей гусей по весне возвратилась назад.

1938

78

В рассол для огурцов кладут пучок укропу
И кадку на руках выносят из сеней,
А я иду один бродить по чернотропу —
Туда, где небеса просторней и синей;

Где бьет из-под земли зеленой пеной озимь,
Сентябрьской суете грачей наперекор;
Где грянет выстрел вдруг и, бросив эхо оземь,
Покатится пустым бочонком за бугор;

Где бродит облаков медлительное стадо
И ветер, как пастух, идет за ним, трубя;
Где предо мной лежат все краски листопада,
Чтоб мог, моя любовь, я написать тебя.

1938

79

Столетний дуб у перекрестка,
Дым вечереющих полей
И голос девочки-подростка,
Подруги юности моей.

Казалось, слышал я впервые,
Как за околицей села
Шумят посевы яровые
И бьют зарю перепела.

Что из того, что мы расстались,
Признаться даже не успев,
Что снилось нам, о чем мечталось
Под тот разымчивый напев.

Мне в трудный час у перекрестка
Столетний дуб приснится вновь
И голос девочки-подростка
Споет про первую любовь.

И я опять расправлю плечи,
Легко, как в юности, вздохну,
И наши песни, наши встречи
Я добрым словом помяну.

1938, февраль 1947

80. СУДЬБА

Мы не были с тобой друзьями детства,
Не вырастали у одной стрехи,
Не про твое веселое соседство
Писал я в ранней юности стихи.

Меня зарей не кликала ты в сенцы,
Не говорила про житье-бытье,
И на холщовом тонком полотенце
Ты вышивала имя не мое.

Был у себя я первым запевалой,
Ты первой хороводницей была...
Но ты моей деревни не слыхала,
И я не видел твоего села.

В твой дом соседи слали свах с поклоном,
Хвалили мне невест наперебой,
Не суждено по дедовским законам
Нам было в жизни встретиться с тобой.

Ждала свекровь: покорная невестка,
Строптивых нету меж твоей родни.
Но не кончался мир у перелеска
Ни для тебя, ни для меня в те дни.

Ты выросла, и, взгляд прощальный бросив
На отчий дом, ушла ты из села.
Свет августовских зорь и звон колосьев
На память ты с собою унесла.

Да и меня с отцовского порога
Манили в путь далекие края.
Куда тебя звала твоя дорога,
Туда вела дорога и моя.

Они сошлись... И в шумных коридорах
Мы повстречались осенью с тобой.
Нам этот день навеки будет дорог,
Он встал звездой над нашею судьбой.

1938

81

Вот снова кукует кукушка,
Над омутом дремлет ольха,
Столетнего бора опушка
Просторна, светла и тиха.

За поймой дорога большая,
Всё в детстве исхожено тут...
Навстречу ко мне, поспешая,
Березы с пригорка бегут.

Но мне торопиться не надо,
Я к речке сверну не спеша,
Где ясного утра прохлада
Под тенью ракиты свежа.

Раздвину кувшинки густые,
Ладонью воды зачерпну,
И старые вспомню мечты я,
Влюбленности первой весну.

Припомню ровесниц, которым
Я сердце открытое нес
По теплым зеленым просторам,
Под синими вспышками гроз.

И отсветом дальней зарницы
Одна мне на сердце легла.
В цветы золотой медуницы
Росинками капала мгла.

На перьях сухих чернобыла
Дрожал, догорая, закат...
И если она позабыла, —
Ищи теперь, кто виноват!

На мшистом обветренном камне
Сижу, никого не виня.
Пусть грусть моя будет легка мне,
Как ветер июньского дня.

Уж сердце рассудку послушно,
И в голосе слышится медь...
Вот кличет кого-то кукушка,
А ты ей попробуй ответь!

1938

82

Августовской ночью нá поле,
В золотую зыбь пшеницы,
Часто-часто звезды капали,
Осыпалися зарницы.

Голосами утомленными
Ветряки скрипели в тучах,
Что холщовыми ладонями
Не поймать им звезд летучих.

И, дивясь их неуклюжести,
Мы брели по тихой пожне.
Если ночь с тобой в содружестве —
И звезду поймать возможно.

Но зачем спешить по роздыми
За звездой, летящей мимо,
Если вспыхивают звездами
Предо мной глаза любимой?

Душны ночи предосенние,
Дали грозами чреваты.
Только мы без опасения
Шли в туман и в запах мяты.

1938

83

Из камня высеченный идол
У росстаней стоял века.
Его прохожий каждый видел,
Сворачивая с большака.

Немой ровесник Древней Руси,
Он вырастал из-под земли,
Над ним весной летели гуси,
Вокруг него хлеба росли.

Шли мимо люди по дорогам,
Встречая шумную весну,
Уж им не верилось, что богом
Был этот камень в старину.

Когда ж зарей пылал пригорок,
Где сосны медные рябят,
К нему спешил седой историк
С толпой веселою ребят.

Он говорил, и были строги
Глаза под крыльями бровей:
«Глядите —
умирают боги,
Бессмертно —
творчество людей».

1938

84. НЕКРАСОВ

Стань один у окна кабинета
И в раздумье сигару гаси.
Не веселою долей поэта
Наделяет судьба на Руси.

День кончается. Некуда деться.
Так пустынно и сумрачно так...
Вот опять вспоминается детство
И Владимирский старый большак.

Каторжан изможденные лица
Да солдатской кокарды репей...

Сколько хочешь витийствуй, столица, —
Не забудешь бренчанья цепей!

Разве он не колодник, не пленник,
Разве цепи цензуры легки?
Вот вернули опять «Современник»,
Исчеркав от доски до доски.

А друзей не осталось, и не с кем
Всё, что есть на душе, разделить!..
Может, лучше б вдвоем с Чернышевским
Замурованным заживо быть?

Может, лучше б по лисьему следу
Проходить в ярославской глуши?
Так... Но тот, кто поверил в победу,
Просит: «Будь страстотерпцем, пиши!»

Значит, есть же друзья, значит, надо,
Чтобы песни гремели сильней!
За окном Петербурга громада
В золотистых накрапах огней.

Рвется ветер в окно кабинета,
Здесь покоя не жди, не проси...
Замечательной долей поэта
Наделяет судьба на Руси.

⟨*1938*⟩

85

В краю нелюдимом, на хуторе тихом
Стояла ветла да изба в два окна.
Там вьюги в ночи подвывали волчихам
И глазом совиным глядела луна.

Там вместе с попом колдуна ублажали:
Молись, дескать, богу и с чертом не спорь.
От хвори — крещенскую воду держали,
Росу собирали с двенадцати зорь.

В купальские ночи вздыхали о кладах,
Которых всю жизнь отыскать не могли,
Боялись грозы и скрестившихся радуг,
Боялись посыпанной пеплом земли.

Тропинкой витой на бугор выбегая,
Я видел, как машет ветряк у села,
Зовет на дорогу, туда, где другая —
Просторная жизнь, словно полдень, светла.

Я знал, что, вернувшись, опять затоскую,
Слоняясь без сна у закрытых дверей,
И проклял постылую глушь хуторскую
Навеки я в юности ранней моей!

1938

86

Пшеничный колос вырезать из меди
Я мастера-соседа попросил.
Немногословный в дружеской беседе,
Старик старался, не жалея сил.

Он знал, что нужно другу-непоседе,
Угадывал, что в сердце я носил,
И часто-часто видели соседи,
Как на рассвете лампу он гасил.

Через неделю, молчалив и важен,
Мне колос из коробочки достал.
А колос был, как утро в поле, влажен,
На нем сиял живой росы кристалл.

Достал, вздохнул, бровями шевеля:
«Пусть он всю жизнь зовет тебя в поля!»

1938, 1949

87

Морозы — декабрю, метели — февралю,
Капели первые — задумчивому марту.
А я б сказать не мог, что больше я люблю,
Читая по ночам небес открытых карту.

Всю жизнь влечет вперед круговорот времен,
Зимою ждешь весны, весною просишь лета,
И говоришь всегда, часов заслышав звон,
Что песня лучшая твоя еще не спета.

1938

88

Когда цветут сады, мне по ночам не спится,
Как в юности, бродить я до зари готов.
Ты в кофточке простой из голубого ситца,
В каемчатом платке идешь из-за кустов.

Всё ближе, ближе ты... Я слышу смех твой звонкий,
Дыхание твое! А лунный вечер тих...
Прошли года, но ты мне помнишься девчонкой,
Обвеянной теплом веснушек золотых.

И пусть мне говорят, что ты другою стала,
Что, встретившись с тобой, я б не узнал тебя, —
Мне всё равно! В кустах густого краснотала
Ты видишься такой, какую знал, любя.

Росинка иль звезда упала на ресницы,
Сними ее и мне на память подари!..
Когда цветут сады, мне по ночам не спится,
Как в юности, готов бродить я до зари.

1939

89

Дождь, по кустам пробегавший и падавший,
Остепенился, ушел на закат.
Кажется, до колокольчиков, ландышей
Только дотронешься — и зазвенят.

Звон серебристый рассыплется по лесу,
В травы ночные войдет и в цветы,
И меж деревьев на лунную полосу
Тени протянутся из темноты.

Тише, прислушайся, не показалось ли,
Что возвращается юность твоя?..
Это запели в березовой заросли
Песни любовные два соловья.

1939

90

Вечерний ветер, тише вей,
Заря ясна, чиста.
Росы напился соловей
С кленового листа.

Росы напился соловей,
Я сдерживаю вздох...
И вот посыпался с ветвей
Серебряный горох.

И вот посыпался с ветвей
В лесную тишину,
И я зажал в руке моей
Горошину одну.

И я зажал в руке моей...
Но нет, ладонь пуста!
Росы напился соловей
С кленового листа.

И вот посыпался с ветвей
Серебряный горох,
Я сохранил в душе моей
Горошин, сколько мог.

Я сохранил в душе моей —
И всё тебе принес!
Вечерний ветер, тише вей,
Не шевели берез.

Вечерний ветер, тише вей.
Заря ясна, чиста.
Росы напился соловей
С кленового листа.

1939

91

В дни лета, когда поспевает малина в бору
И медленным зноем зеленая хвоя нагрета,
С утра до заката брожу я один и беру
Не пригоршни ягод, а пригоршни солнца в дни лета.

В дни лета подобна живому тому серебру,
Что виснет на ветках, как тихой погоды примета,
Тоска по любимой. Но я ее в счет не беру,
Мне горечью трав стала горечь разлуки в дни лета.

В дни лета увидишь теней золотую игру
И сразу почувствуешь силу влекущую света...
Я сердцем влюбленным для писем моих соберу
И звуки и запахи темного бора в дни лета.

1939

92

Приближалась гроза. Августовского зноя настой
Пахнул горькой ромашкой. Мы шли, озираясь с опаской.
Гром катился за нами, как будто в телеге пустой
Кто-то с поля спешил по дороге неровной и тряской.

Вдруг у самой околицы ливень на нас налетел,
Словно коршун, с разлета крылом задевая за крыши.
И тревога пропала. Не чувствуя тяжести тел,
Мы взглянули на небо и подняли головы выше.

Ты промокла до нитки, но ты улыбалась: «Постой,
Погляди, что за речкой осталось от ели косматой!
Помнишь, перед грозой августовского зноя настой
Пахнул горькой ромашкой? Откуда ж повеяло мятой?»

Каплю каждую влаги ловили березы листвой,
И, подол подобрав, туча шла по тропинке примятой.

1939

93

Не оторвешь подошв горячих от земли,
На дерево взгляни — стоит, как вырезное.
Медлительных минут мохнатые шмели
Едва-едва ползут, отяжелев от зноя.

Чуть булькает ручей, как в горле кувшина.
С утра подкошен, луг лежит в цветных разводах.
На цыпочках стоит за стогом тишина,
Заботливо храня косцов недолгий отдых.

1939

94

Еще дороги не пылят
И подорожник мягче шелка,
Еще во ржи перепелят
Скликает громко перепелка.

Еще ветряк, суров и тих,
Скучает, на пригорке стоя,
Но вот коснулось щек моих
Дыханье августа густое.

Гляжу взволнованно вокруг,
Жду, окунаясь в дух ромашки,
Что сердце птицей станет вдруг
И выпорхнет из-под рубашки.

Оно уж слышит говор жней,
Летящий в тишину рассвета,
Ему теперь всего нужней
Вершить снопом колосьев лето.

1938

95

Утром в поле просторном не счесть паутин шелковистых,
Тонкий луч вышивает их, как золотая игла.
А закаты туманны, и ржавчиной первой на листьях
Голубых тополей предосенняя сырость легла.

Запечатаны на зиму в ульях тяжелые соты,
Обмолочена рожь, и зерно свезено в закрома.
Это август пришел и за все рассчитался заботы,
От которых щедрей становилась природа сама.

1939

96

Вот и август прошел. Пахнут смутные сумерки тмином.
Словно камни в колодец, летят в тишину голоса.
Бродят белые звезды по жесткому жнивью за тыном,
Не дыши, и услышишь — шумит под ногами роса.
За село на большак провожать уходящее лето
Мимо темных ометов с тобой мы выходим вдвоем...
Сколько встречено зорь, сколько песен тут было пропето,
Сколько чувств накопилось в отзывчивом сердце твоем!

1939

97

Зима, закат, сторожка лесника,
На окнах тени спутаны и зыбки.
Старик весну припомнил, и рука
Смычком коснулась самодельной скрипки.

И соловей взлетел из-под смычка,
Подснежник распустился у пенька,
Забил родник, и, словно по ошибке,
На мутных стеклах снег пятнался липкий.

И я подумал: «Кто в родном краю
Любил тропинку каждую свою,
Берег травинку и лелеял колос, —

К тому, когда вздохнет он от забот,
Весна и в зимних сумерках придет,
Услышав скрипки самодельной голос».

1939, ⟨1947⟩

98

Мне нравится искусство бочара,
Когда, в карман не лезущий за словом,
Он в зимние большие вечера
Скрепляет клепку обручем дубовым.

Врезает дно, храня суровый вид,
И говорит: «Сто лет смолить не надо!
Посудина, что колокол, гудит».
И сердце мастера удаче радо.

И снова, как вчера и завчера,
Не видя любопытных за плечами,
Он тешет клепку дни и вечера
И пригоняет обручи ночами.

Нужны мне глаз и мудрость бочара,
Чтоб речь скреплять, как бочку, обручами.

1939

99

Калужские швецы по первопутку
В деревню заходили каждый год.
Бывалый, разговорчивый народ,
Они любили шутку-прибаутку.

Сказать умели сказку в свой черед,
Как выкурить цигарку-самокрутку,
И к ним, подняв серебряную дудку,
Прислушивалась вьюга у ворот.

А речь лилась всё тише, всё размерней,
Звенели звезд литые бубенцы,
Манили вдаль сквозь мутный мрак вечерний.

Так связывали всех дорог концы
Калужские веселые швецы,
Прошедшие четырнадцать губерний.

1939

100

На огородах срублена капуста.
Еще с утра, упруги и сочны,
Морозцем первым пахнущие вкусно,
В большие груды свалены кочны.

А вот и сад. Как в нем светло и пусто.
Как звуки все и краски смягчены.
Идешь — и листья падают без хруста
На смутную тропинку тишины.

Но дальше, дальше... В поле, где открыты
Теперь все дали, все пути видны,
Где на пригорке у кривой ракиты
Прощались мы до будущей весны,
Где я услышу — только позови ты —
Твой голос из далекой стороны.

1939, 31 июля 1958

101

Дымком обвитый светло-серым,
Закат туманно-золотист,
И тихо кружится над сквером
За лето выгоревший лист.

У опустевшего киоска
Скамейку выберем с тобой,
И долго будет папироска
Дымить у ног сама собой.

Еще по-летнему одеты,
С густым загаром напоказ,
Нетерпеливые студенты
Пройдут поспешно мимо нас.

И я откину мимоходом
С виска седеющую прядь,
И мне студенческие годы
Мои припомнятся опять.

Но осень тихая багряна,
Но дни прозрачны и легки.
И нам с тобою очень рано
Записываться в старики!..

1939 (?)

102

Помнишь наши ночные прогулки?
Я забыть их никак не могу!
Слышу — дали морозные гулки,
Вижу — звезды лежат на снегу.

Сколько их, серебристых и хрупких,
Лунным ситом просеяно тут.
Не за ними ли в заячьих шубках
По сугробам березы бредут?

Подберутся, а их и не стало,
Будто спрятались в снег от погонь,
А поодаль сквозного кристалла
Загорелся холодный огонь.

Словно близкого счастья примета,
Он зовет, он совсем под рукой...
В эту пору не сплю до рассвета
Я в квартире моей городской.

Всё мне кажется, что в переулке
Те же звезды лежат на снегу...
Помнишь наши ночные прогулки?
Я забыть их никак не могу!

1939

103

Куда ни глянь — квадраты окон
На голубом снегу лежат,
А твой платок пуховый скомкан
И на ходу к щеке прижат.

Повсюду росчерки полозьев
Подчеркивают тишину.
Вздыхает ветер, приморозив
К вершине тополя луну.

В такую пору всё нам ново,
Что было будничным вчера, —
Поселок, дальняя дуброва,
Снегов холодная игра.

И пусть не ты — мне ночь ответит
В сиянье сказочных берез,
Что согревает сердце в этот
Тридцатиградусный мороз.

И почему, когда мы рядом,
Щедрей становится зима,
Природа вся под нашим взглядом
Преображается сама...

1935 (?), 1948

104

Зима сияла на пруду,
Манила всеми чудесами.
Там, взявшись за руки, по льду
Мы шли, куда не зная сами.

На льду горел закат, и лед,
Казалось, тает перед нами.
Но вот
        серебряный налет
Подернул розовое пламя.

И ты сказала шепотком,
Меня дыханьем обдавая:
«Не тем ли самым холодком
И нас остудит даль седая?»

Я руку сжал твою: «Ну что ж,
И наш закат погаснет где-то,
Но день тому лишь и хорош,
Кто вечера не ждет с рассвета!»

1939

105

Воспоминаний юности не тронь,
Не отрекись от первых увлечений.
Как осенью рябиновый огонь,
Они светить нам будут в час вечерний.

Пусть окружит их время равномерней,
Чем сердцевину дуба оболонь.
И дочь твою широкую ладонь
Сожмет ладонью легкою дочерней.

И скажешь ты: «Опять звенит гармонь,
Нашиты звезды золотом по черни.
Как осенью рябиновый огонь,
Ты светишь мне в мой тихий час вечерний...»
Воспоминаний юности не тронь,
Не отрекись от первых увлечений.

1939

106

Весну в тени деревья спрятали
И не боятся одиночества.
Я провожу друзей-приятелей,
А уходить домой не хочется.

В саду притихнувшем послушаю,
Где лунный свет стекает в лужицы,
Как поздний шмель гудит над грушею,
Пчела над яблонею кружится,

Как спорят с ветром-непоседою
Рябины вздохами влюбленными,
И, как с друзьями, побеседую
С неразговорчивыми кленами.

Потом, осыпан цветом вишенным,
Приду к тебе, моя бессонница,
И, полон виденным и слышанным,
Пойму, что ты всему виновница.

1939 (?), ⟨1956⟩

107

Тоски любовной горький мед,
Еще хранят твой привкус губы.
Не всякий, может быть, поймет,
Что есть на свете однолюбы.

Но кто поймет — тому весь век
Весна и юность будут сниться,
Когда у шумных, быстрых рек
Друг дружку окликают птицы.

Пусть год за годом жизнь пройдет
И грянут траурные трубы.
Тоски любовной горький мед
Передадут из рода в род
В прощальном поцелуе губы.

1940 (?)

108

Заря прозрачна, как намек,
Как разговор глазами,
Когда платок от слез намок,
А губы тянутся к губам,
Не веря в ссору, сами.

И вновь легко дышать, и вновь
Верна твоя примета,
Что и в слезах видна любовь,
Как в грозах — дружная весна,
Как в теплых ливнях — лето.

1940, ноябрь 1944

109

На рассвете проснуться и, выпив стакан молока,
Торопливо пройти на крыльцо через темные сени,
Посмотреть, как заря подожгла за рекой облака,
И послушать, как ветер шумит в развороченном сене;

Как роса опадает прозрачными каплями с куп
Придорожных ракит, у которых заря на примете...
И почувствовать сердцем, что день этот будет не скуп,
Приносящий удачу тому, кто встает на рассвете.

Разве этого мало, моя дорогая, скажи,
Разве нашей любви не просторно, ответь, дорогая?
...Предвещая погоду, трещит перепелка во ржи,
И дорога желтеет, за дальний курган убегая.

1940

110

Я вспомню детство и увижу поле,
Над безымянной речкой — деревушку,
У изгороди, хмелем перевитой, —
Колодезный высокий журавель.

Там я с восхода солнца до заката,
Уйдя из дому, лазал по деревьям
И, возвращаясь, спрашивал у ветра,
Что будет завтра — вёдро или дождь.

И ветер отвечал мне: будет вёдро,
Деревья подтверждали: будет вёдро,
И только где-то на болоте цапля
Кричала: будет непременно дождь.

В садах цвели и осыпались вишни,
В тугие кисти превращалась завязь,
И ягоды, обугленные солнцем,
Расталкивали пыльную листву.

А детство шло. У стариков суровых
Перенимал я хитрую науку,
Как строить хаты, как сажать деревья,
В какую пору начинать посев.

Я не боялся ни жары, ни стужи,
Я время дня определял по солнцу,
Угадывал по звездам время ночи,
Погоду знал по запаху травы.

Так наступила юность, и однажды
Мне мир окрестный показался тесным,
И я, увидев журавлей над полем,
Отправился с друзьями в дальний путь.

В просторной тишине аудиторий
Весь мир хотел обнять я жадным взором,
Поставить на столе его, как глобус,
И поворачивать перед собой.

Я день за днем в библиотеках чинных
Сидел над пожелтевшими томами
И у полотен мастеров старинных
Простаивал в музеях по часам.

А по ночам, лишь закрывались веки,
Я вспоминал деревню, поле, детство...
Да будет мне светить на всех дорогах
Моей отчизны верная звезда!

1940

111. ПЕРВЫЙ СНЕГ

Серебряной звездой летит в ладони детство,
Мерцает и звенит, спеша уверить всех,
Что жить нам — не устать, глядеть — не наглядеться
На этот первый снег, на этот первый снег.

Распахнут твой платок, у ног лежит гребенка,
Синицы за тобой следят из-под застрех.
А ты стоишь тиха, как тайный вздох ребенка,
Как этот первый снег, как этот первый снег.

Мы встретились опять. К чему ж твоя тревога?
Немало впереди у нас дорог и вех.
Благодари судьбу у отчего порога
За этот первый снег, за этот первый снег.

1940

112. ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Юность, юность! Какой дорогой,
За какие леса и реки
Тихой девушкой, недотрогой
Ты ушла от меня навеки?

Я с тобой не успел проститься,
Не предвидел разлуки близкой.
Под окошко летит зарница
Мне прощальной твоей запиской.

Выйду в поле на перекресток,
Где звенит, вызревая, жито.
Мелким бисером лунных блесток
Небо шелковое расшито.

Позову тебя — нет ответа...
Эти ль ночи тебе не любы,
Грозовое ль дыханье лета
Обжигает сухие губы?

Я оглядываюсь тревожно —
Чуть мерцает в тумане стежка...
О, когда б тебе было можно
Задержаться со мной немножко!

Как берег бы тебя теперь я...
Но смежает полночь ресницы,
Звезды падают, словно перья
Упорхнувшей из рук жар-птицы...

Бродит сумрак по раздорожью,
Шепчет мне: «Головы не вешай!»
Это август горячей дрожью
Наполняет колос созревший.

Слышен крик перепелки частый,
На траве роса загорелась.
Что ж, прощай, моя Юность! Здравствуй,
С полной горстью колосьев, Зрелость!

Лоб мой жаркий обдуй прохладой,
Освежи мое сердце грустью,
Исполненьем надежд обрадуй
На пути от истоков к устью.

1940, ⟨1946⟩

113—115. *ЛЕВИТАН*

1

Мы возмужаем и верней оценим
Простые краски, точные слова.
Вот снова светит в золоте осеннем
Чуть тронутая солнцем синева.

И, если ты художник, если зорок
Твой меткий глаз и обострен твой слух, —
Туманной тропкой выйди на пригорок,
Прислушайся и оглянись вокруг.

Перед тобой, как странницы босые,
Воспоминанья летние тая,
Бредут березы в дальние края,
А ветер тени путает косые.
Шумят грачи. Так вот она, Россия,
Твоя любовь, бессонница твоя.

2

Смерть не страшна. Безделье хуже смерти,
С тоской не разлучается оно.
Раскинуто окно. И на мольберте
Укреплено тугое полотно.

Прозрачен день. Вглядись и кисти вытри.
Ты мастер. Будь расчетлив, строг и прост.
Есть тишина, есть краски на палитре,
Чтоб звон листвы перенести на холст,

Повесить паутинки золотые,
Пустить тропинки по лугу витые,
Колючей щеткой выровнять жнивье
И, оглянув пустынное жилье,
Забыть про всё. Перед тобой Россия,
Твоя любовь, бессмертие твое.

3

Где б ни был ты — душа природы русской
Была с тобой. Ты позабыть не мог
Ни пруд забытый с мельницей-раструской,
Ни ветхий дворик, ни туманный стог.

Преодолев житейские тревоги,
Ты видел: сыновья моей земли
По каторжной Владимирской дороге
В распахнутое будущее шли.

Над их судьбой задумавшись впервые,
Ты вспомнил все тропинки полевые
И отсвет зорь на берегу ручья.
Ты понял: сны и чаянья людские
Такой же явью сделает Россия,
Твоя любовь, бессонница твоя.

1940

116—119. *ОТКРОВЕННЫЕ СТИХИ*

1

Да! Я создал тебя. Ты — мое вдохновенье. Мой вымысел.
Сон весенний, тревожный. Огонь, растворенный в крови!
Разве я тебя встретил? Я в сердце моем тебя выносил,
Вдунул душу живую и дал тебе страсти: «Живи!»

В свете резкого дня поднимаю глаза: не померкла ли
Та мечта, что меня увлекала, всё дальше маня?
Но, взглянув на тебя, я увидел себя, словно в зеркале:
Ты такая ж, как я, только проще и лучше меня!

2

Я открыл мое сердце, а вновь не закроешь на ключ его
И не спрячешь тот ключ в потайной уголок от себя.
Так послушай, послушай! Что было в нем самого
лучшего,
Сразу отдал тебе я. Возможно ль скупиться, любя?

И от щедрости этой совсем не бедней, а богаче я
Стал, увидев тебя, словно сбывшийся сон наяву.
И стою, удивлен, как вернувшие зренье незрячие,
Что вбирают всем телом нахлынувшую синеву!

Загляни ж в мое сердце. Любовь твоя чище и строже той
Беспокойной любви, у которой ожогов не счесть.
Принимаешь такого? С ошибками юности прожитой?
И ответила ты: «Принимаю такого, как есть!»

3

Ты не требуешь клятв. Ты мне веришь, и, если я вздумаю
Не поверить тебе и хоть словом обижу тебя,
Пусть дыханье тоски твоей в сердце погасит звезду мою,
Всё, чем я дорожил, всё, чем жил, навсегда истребя!

Пусть, когда вдохновенье придет, немотой меня мучая,
Я пойму — о любви говорить я утратил права,
При моем приближенье река замолкает гремучая,
Цвет садов опадает, желтеет и вянет трава.

Пусть, когда я открою любимую книгу, почувствую
В каждом слове укор, в каждой строчке немой
приговор, —
Пусть друзья отшатнутся. Я верность ценить научусь
твою,
Что открылась мне в юности и примелькалась с тех пор.

Время выжгло в сердцах наших верности мету особую,
Но увидеть ее можно, только навек полюбя!
Если я упрекну тебя, если я только попробую
Упрекнуть — это значит, что я недостоин тебя.

4

А над нами друзья понемногу подшучивать начали,
Что друг в дружку, как в юности, мы влюблены до сих
пор.
Пусть их шутят! И впрямь влюблены мы! А так ли,
иначе ли,
Чем семнадцатилетние, — это пустой разговор.

И когда обернешься на годы, что вместе мы прожили,
Разве в памяти будешь одну только юность беречь?
Ну, скажи откровенно: друг другу теперь не дороже ли
Стали мы, чем тогда, в пору первых признаний и встреч?

Что мы знали тогда? Что мы видели в жизни? Ни опыта,
Ни бессонных раздумий, ни горечи терпкой утрат!
Это было потом вместе нажито нами и добыто,
Как скупой наш уют, где я каждой подробности рад.

Но горячее сердце нетронутым время оставило,
Даже искры в глазах встречный ветер нам не погасил.
Постоянство в любви — это зрелости первое правило,
Равновесье надежное замыслов наших и сил.

1940, март 1942

120

Зима и детство. Вечер длинный
Под кровом тесного жилья.
Встает над дедовской былиной
Крестьянин Муромец Илья.

Не забавляясь в поле чистом,
Спешит он в Киев без дорог,
И Соловей-разбойник свистом
Остановить его не мог.

Прядет ушами конь соловый,
Разбойник бьется в тороках,
А он лишь плеточкой шелковой
Помахивает в облаках.

В просторной княжеской светлице
Поклон отвесить он спешит
И попроситься на границу
Родную землю сторожить.

Злой половчанин, волком рыскай,
Твой след в степи не скроет мгла,
Тебя с заставы богатырской
Найдет каленая стрела.

Орлом средь стаи соколиной
Взовьется Муромец Илья...
И даль веков звенит былиной,
Зовет из тесного жилья.

1938, 1941

121. ОТРОК С УЗДЕЧКОЙ

Кони ржут, скрипят в ночи телеги,
Стонет под копытами земля, —
Окружают Киев печенеги,
Вороньем летят из ковыля.

Знать, орда проведала степная,
Что, ковры по шляхам разостлав,
С голубого дальнего Дуная
Не вернулся в Киев Святослав.

Из шелома пить привыкший воду,
На попоне потной засыпать,
За себя оставил воеводу,
В терему тоскующую мать.

Звонки трубы дальнего похода,
Сечи удаляющийся гром...
И, беды не ждавший, воевода
Загулял с дружиной за Днепром.

Где тропа зеленая, витая,
Что выводит на берег реки?
Смертной жаждой русичей пытая,
Путь к Днепру закрыли степняки.

По холмам обветренным и пегим
Свищут их широкие ножи,
И решают сдаться печенегам
Княжеские мудрые мужи!

Но другому следуя веленью,
В свете чуть притушенной луны,
Безымянный отрок легкой тенью
С городской спускается стены.

Машет он уздечкою наборной,
Речью и повадкой — печенег,
И стремит к Днепру свой шаг упорный
Меж костров туманных и телег.

Спрашивает встречных за шатрами:
Не видал ли кто его коня?
Синий Днепр лежит в зеленой раме,
Тростником береговым звеня.

Вот и берег. Прядает с разбега
На песок косматая волна.
Зорок глаз у злого печенега,
Тетива упругая верна.

Стрел колчаны кожаные полны...
Но схватились поздно степняки —
Он плывет, пересекая волны,
Бисер брызг летит из-под руки.

Днепр широк, арканы их коротки,
Не достанут, не вернут назад.
И с другого берега на лодке
Русские дружинники спешат.

В тростниках, в тени рыбачьих хижин,
Там, где ветер сети шевелит,
Безымянным отроком пристыжен,
Воевода сбор трубить велит.

Всколыхнулись заводи глухие,
Расплескались сонные струи,
И запели трубы боевые,
Из тумана выплыли ладьи.

В ковыли, в туманные яруги
Эхо перекатное послав,
Отступают степняки в испуге,
Думают — вернулся Святослав.

Он летит в степи, как ветер скорый,
Крепок щит его и меч тяжел!
И не вспомнят отрока, который
Все шатры с уздечкой обошел.

1939

122. СВАДЬБА МАРИНЫ МНИШЕК

Патриарх возложил корону, обряд совершил старинный,
Все потайные желанья исполнились наконец.
Панна Марина Мнишек стала царицей Мариной,
И Кремль перед ней раскрылся, как дорогой ларец.

Палаты царей московских дымком золотым обвиты,
А колоколен в небе — что в озере лебедей.
Кланяются Марине знатные московиты:
«Всходи на ступеньки трона и всею землей владей».

Горячей рукой сжимает ей руку супруг влюбленный,
Чья дерзость ее из замка родительского влекла,
Но вслушивается Марина, как над Москвой бессонной
Перекликаются гулко медные колокола.

Ей звон колокольный в сердце вонзается, как рапира,
И не разгладит музыка морщин у ее бровей.
Нет, не к добру нарушил веселье брачного пира
Сумрачный дьяк московский — Осипов Тимофей.

Он был удостоен чести поздравить ее царицей,
Первым из московитов на верность ей присягнуть.
И вот он вошел в палату, строгий и темнолицый,
Передохнул, как будто в дальний собрался путь.

«Внемлите, московские люди, речи моей нехитрой,
Сидящего на престоле царя разглядите в упор.
Слушай, пришелец незваный, вовсе ты не Димитрий,
Ты окаянный Гришка, панский свистун и вор.

Слетелись коршуны злые на политый кровью шлях твой,
Как лучшие гости, ныне пируют с тобою тут.
А наши дворы худые забраны польской шляхтой,
И стены кремлевских башен о мщении вопиют.

Не присягну Маринке, проклятой иезуитке,
Что с коршуньем летела от воровских границ...
Пытай меня, если хочешь, — я всё повторю
на пытке...» —
И, чьей-то саблей сраженный, на пол свалился ниц.

Умолк обличитель грозный, но чувствуют все, однако,
Что не вернуть веселья прерванного всё равно.
Бледнеет Марина Мнишек. Боится мертвого дьяка,
В палате гуляет солнце, а на душе темно.

Ей хочется крикнуть мужу: «Музыку останови ты,
Вели трубачам тревогу по войску играть скорей!
Идут сюда с топорами суровые московиты,
Отбиться от них не может стража твоя у дверей».

1939

КНИГА ВЕРНОСТИ

123

Он с финского фронта вернулся в село,
Встречал его каждый куст,
А вишенье в теплых садах цвело,
А запах земли был густ.

В поле колхозный спешил грузовик,
Покряхтывая тяжело.
И всё, от чего на фронте отвык,
В него с тишиной вошло.

Он весь этот мир, что с детства знаком,
Казалось, снова открыл —
С дорогой накатанной, с ветряком,
Раскинувшим тени крыл;

С цепочками пчел, что на запах цветов
Тянутся через гать.
И понял: за это за всё готов
Он душу свою отдать.

Какой там покой, когда зажжена
Земля с четырех сторон!
«Совсем возвратился?» — спросит жена.
«В отпуск», — ответит он.

Май 1941, ⟨1953⟩

124

Прожекторов косые лезвия
Ночное небо полосуют снова.
Шипя, взвилась ракета, как змея,
Из сумрака настороженно-злого.

Опять налет! Который в эту ночь!
Стоим, склонясь в раздумье над кроваткой,

Где спит, раскинув руки, наша дочь
И летний сон, должно быть, видит сладкий.

Но вот упала бомба, грянул взрыв,
Столпились тучи, пламенем одеты,
И дочь, глаза тревожные открыв,
Меня спросонок окликает: «Где ты?»

Прощай, родная! Я иду туда!
Горят окраин улицы кривые...
Да, что такое мужество, тогда
Всем существом я ощутил впервые!

Март 1942

125

Пусть метель проносится, бушуя,
Пусть визжит шрапнель над головой,
Карточку твою с собой ношу я
В сумке полевой.

И, покуда пуля не порвала
Нить моих еще недолгих дней,
Я сижу у каждого привала,
Наклонясь над ней.

Ружья в козлах. Свищет ветер в дула,
Резче стужа на исходе дня,
Я ее не чувствую. Вдохнула
Ты свое тепло в меня!

Заглянув через плечо, ребята
Скажут мне:
«Товарищ командир!
Были семьи и у нас когда-то,
Где они? С восхода до заката
Разворочен мир!»

И замолкнут...
Сдвинутые брови,
Вдаль, сквозь вьюгу, устремленный взгляд.
Отсветы зари, как лужи крови,
На снегу лежат!

1941
Деревня Подолино

126. ИЗ ДНЕВНИКА

Фронт приближался к Москве. В ту пору
Наш батальон стоял под Можайском.
И каждое утро всё ближе, ближе
Мы слышали пушечную канонаду.

А сводки газетные были скупы,
А письма друзей доходили редко.
И мы не знали, где наши семьи,
Бежавшие из городов сожженных.

Мы видели только: по всем дорогам,
По всем колеям осенним, размытым
Тянулись подводы с утра до ночи,
Груженные разным домашним скарбом.

На их перепутьях смолкали ветры,
Березы склонялись у перекрестков,
И журавлей прощальные трубы
Гремели над ними в пустынном небе.

Но сухи были глаза у женщин:
Они за войну разучились плакать.
Им опалило ресницы горе,
Бледные губы сомкнуло плотно.

Я пристально вглядывался в их лица,
И сердце сжималось мое тревожно:
Может быть, встречу своих знакомых,
Может быть, близких своих увижу.

Мне в каждой девочке десятилетней
Виделась дочка моя Наташа.
Мне в каждой девочке пятилетней
Виделась дочка моя Ирина.

Но ни с Наташей моей, ни с Ириной
Не привелось мне тогда повстречаться:
Горькой рябиной, тоской журавлиной,
Казалось мне, в сердце они стучатся.

Казалось мне, я, как солдат, в ответе
За всё, что вынесут наши дети,

Лишенные крова, лишенные детства,
Бежавшие, еле успев одеться.

А рядом уверенно и деловито
Бойцы — белорусы и украинцы —
Противотанковые рвы копали,
Как погреба у себя в деревне.

Я видел: привыкшие к созиданью,
Люди за землю держатся крепко...
И снова мои расправлялись плечи,
И на душе становилось легче.

1941, 1942

127

Прошедшим фронт, нам день зачтется за год,
В пыли дорог сочтется каждый след,
И корпией на наши раны лягут
Воспоминанья юношеских лет.

Рвы блиндажей трава зальет на склонах,
Нахлынув, как зеленая волна.
В тех блиндажах из юношей влюбленных
Мужчинами нас сделала война.

И синего вина, вина печали,
Она нам полной мерой поднесла,
Когда мы в первых схватках постигали
Законы боевого ремесла.

Но и тогда друг другу в промежутках
Меж двух боев рассказывали мы
О снах любви, и радостных и жутких,
Прозрачных, словно первый день зимы.

Перед костром, сомкнувшись тесным кругом,
Мы вновь клялись у роковой черты,
Что, возвратясь домой к своим подругам,
Мы будем в снах и в помыслах чисты.

А на снегу, как гроздья горьких ягод,
Краснела кровь. И снег не спорил с ней!
За это всё нам день зачтется за год,
Пережитое выступит ясней.

1942

128

Нет, не спится! Я вышел из душной землянки.
Часовой заглянул мне в лицо: «Командир!»
По шоссе громыхают тяжелые танки,
Не смолкает всю ночь перебранка мортир.

Свежий ветер пахнул. Он из ближнего бора
Земляники и меда мне запах принес.
Значит, близится время веселое сбора,
С детства милая сердцу пора — сенокос!

Только смято немецкими танками лето,
Гром орудий в лугах косарей разогнал...
Задыхаясь, я сжал рукоять пистолета:
О, скорей бы, скорей бы к атаке сигнал!

1941

129. ДЕНЬ ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Пепел, выжженные селенья...
Тени виселиц на снегу...
Нынче день твоего рожденья —
Как поздравить тебя смогу?

Я к тебе не приду с подарком,
Ты вина мне не поднесешь.
Скоро полночь. За старым парком
Пулемета смертная дрожь.

Время близится, и по знаку
(Мне приказ боевой знаком)
Я бойцов поведу в атаку,
Путь прокладывая штыком.

Будет бой и долог и жарок,
Смерть пройдет по нашим следам.
Может, самый большой подарок —
Жизнь мою за тебя отдам.

За поруганные селенья,
За сожженные города...
Знай, что день твоего рожденья
Не забуду я никогда.

1 января 1942

130

Ты никогда так не была близка мне,
Как в эти дни тревожные, когда
Столетних зданий распадались камни,
В колодцах кровью пенилась вода,

Детей теряли матери, а дети
Теряли детство! Кто его вернет?
Мы позабудем многое на свете,
Но позабыть не сможем этот год.

Всё пережить нам легче было б вместе,
Мой друг,
моя сестра,
моя жена!
Но ветер нес безрадостные вести,
Луна была, как уголь, сожжена.

От гнева губы сохли, как от жажды,
Не мог я думать ни о чем другом, —
Мне встретиться хотелось хоть однажды
Лицо в лицо,
глаза в глаза —
с врагом.

И я с тобой расстался, дорогая,
Тоской разлуки увеличив счет...
В такие дни, печаль превозмогая,
Дорогой чести мужество идет!

1942

131

Тебя забыть? Ты думаешь, так просто
Тебя забыть, сердца разъединить,
Как в раннем детстве, досчитавши до ста,
Заснуть, порвав дневных событий нить?

Какая ты наивная! Какая
Смешная ты! Да, у меня в ушах
Поет грудной твой голос, не смолкая,
Стучится в сердце мне твой легкий шаг.

Ты по ночам, повелевая снами,
Ко мне приходишь, горячишь мне кровь,
И всё, что вместе пережито нами,
Передо мной развертываешь вновь.

И всё теперь мне дорого. Я даже
Размолвки наши горем не зову!
Проснувшись, я ищу тебя: когда же
Тебя увижу снова наяву!

Я буду лучше, чем тогда. Не здесь ли
Копил я нежность, ото всех тая?
Ну, как же я тебя забуду, если
Ты — это я?
Ты — молодость моя!

Но приказало время:
всё изведай!
Пусть выступает в письмах кровь из строк,
Нам обусловлен на войне победой
И срок разлуки, и свиданья срок.

Так что ж в глаза заглядывать надежде —
Ее пытливость наша оскорбит.
Я рвусь к тебе. Но я приду не прежде,
Чем будет враг земли моей разбит.

20—22 марта 1942

132

Командир батальона читал до зари «Илиаду».
Стол дощатый скрипел, и огарок чадил восковой,
И в ночи открывалось его воспаленному взгляду
Не сраженье у Трои, а бой под любимой Москвой.

Мужа в бой провожая, там слезы не льет Андромаха,
Но, сжимая оружье, встает с ним бок о бок она...
А в штабную землянку из мутного снежного праха
Шел рассвет. И его посылала со сводкой война.

1942

133. КЛЮЧ

Был сумрак ночи выстрелами вспорот,
Лизал огонь разрывы дымных туч.
С последней частью он покинул город,
Квартиру запер, уходя, на ключ.

И с тем ключом по всем дорогам длинным
Он мерил горе городов и сел,
С ним он в разведку уходил под Клином,
В атаку под Волоколамском шел.

И на привалах кратких командиру
Он говорил: «Пусть город мой в дыму,
Я возвращусь на старую квартиру.
Вот этот ключ свидетельство тому!»

Март 1942

134. ПИСЬМО

Писать всю ночь письмо. Писать, еще не зная,
Сумеешь ли послать. И все-таки писать.
Для самого себя. Поймешь ли ты, родная,
Что я хотел сказать?.. Нет, спутался опять!

Писать всю ночь письмо. Писать, не ожидая,
Что твой ответ придет. И все-таки писать.
Так вызывать тебя в разлуке мог всегда я
И верю, что теперь ты явишься опять.

Незримая, войдешь в мою палатку мимо
Всех часовых. Войдешь, как входит запах трав.
Как входит лунный дым. Ты мне необходима —
И ты пришла ко мне. Так разве я не прав?

Я навсегда тебя запомню — вот такую,
Усталую, в росе. Постой, не прекословь.
За тридевять земель, узнав, как я тоскую,
Спешила ты ко мне. И это есть любовь!

1942

135

Ире

Бой шел всю ночь, а на рассвете
Вступил в село наш батальон.
Спешили женщины и дети
Навстречу к нам со всех сторон.

Я на околице приметил
Одну девчонку лет пяти,
Она в тени столетних ветел
Стояла прямо на пути.

Пока прошли за ротой рота,
Она не опустила глаз
И взглядом пристальным кого-то
Разыскивала среди нас.

Дрожал росой рассвет погожий
В ее ресницах золотых:
Она на дочь мою похожей
Мне показалась в этот миг.

Казалось, все дороги мира
Сошлись к седой ветле, и я,
Себя не помня, крикнул: «Ира,
Мой птенчик, ласточка моя!»

Девчонка вздрогнула и, глядя
Колонне уходящей вслед:
«Меня зовут Марусей, дядя», —
Сказала тихо мне в ответ.

«Марусей? Ах, какая жалость!» —
И поднял на руки ее.
Она к груди моей прижалась,
Дыханье слушала мое.

Я сбросил груз дорожных тягот
(Ну что же, Ира, не ревнуй!) —
Всю нежность, что скопилась за год,
Вложил в отцовский поцелуй.

И по дорогам пропыленным
Вновь от села и до села
Шагал я дальше с батальоном
Туда, где дочь меня ждала.

1942

136

Меркнут осеннего неба края,
В сумерках смутно лепечет осина...
Ты — возвращенная юность моя
С первым свиданьем у старого тына.

Ты позабыть не успела еще
Встреч наших кратких условные сроки.
Сядь же поближе, склонись на плечо,
Теплым дыханьем обдай мои щеки.

Губы к губам моим жадным приблизь,
Иль ты не чувствуешь тайного зова?
Нет, в дни войны мы недаром сошлись
Здесь, в подмосковной деревне Язево.

Я не ошибся? Ответь поскорей!
Как же мне чище не стать и моложе,
Если ты с юностью схожа моей,
Как дождевые две капельки схожи.

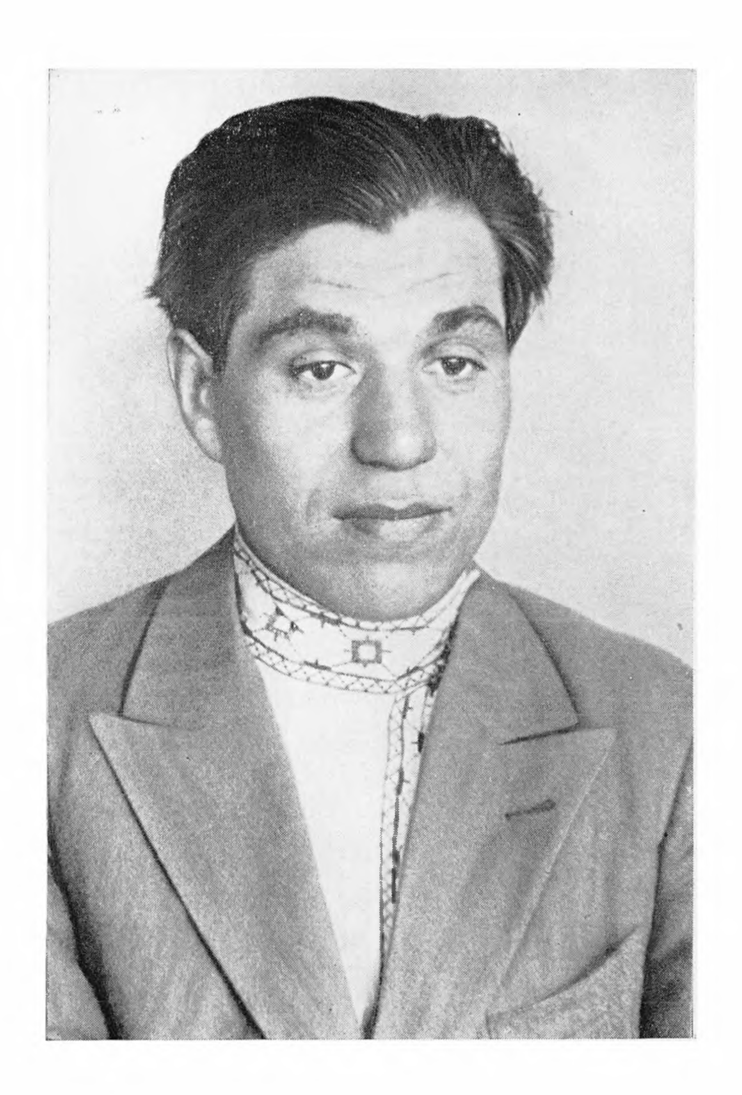
Так же нам светит небес бирюза,
Так же шумят поредевшие рощи...
Да, человек, заглянувший в глаза
Смерти, становится чище и проще!

Что же, прижавшись щекою к щеке,
Ты замолчала? Взгрустнулось немного?
Слышишь? Сирена вопит вдалеке!
Это летят самолеты. Тревога!

Сентябрь 1941

137

Как смела ты присниться, как могла ты,
Еще непостижимая уму,
Из обморочной тишины палаты
Явиться к изголовью моему?



Так я хотел сказать тебе, но сами
Шептали губы:
«Дай побыть с тобой!
Ты слышишь, за полями, за лесами
Всю ночь грохочет, не смолкая, бой!»

И ты сказала:
«Я ль твой сон нарушу?»
Склонилась ниже:
«Где твоя рука?»
И заглянули в душу, прямо в душу,
Твои глаза, раскосые слегка.

На окнах, за ночь вьюгой занесенных,
По стеклам вился серебристый мох,
И глаз моих, тревожных и бессонных,
От глаз твоих я отвести не мог.

Луна в углу разматывала нитки,
Бросала на пол голубой клубок,
И лишь смолкали хоть на миг зенитки,
Вздыхала ты, и вздох твой был глубок!

Мне, как с судьбой, с тобой хотелось с глазу
На глаз побыть, увидеть весь свой путь.
Мне показалось:
Выйди ты — и сразу
С тобой весь воздух выйдет. Не вздохнуть!

Я видел лишь пушистые ресницы
И лунный луч, запутавшийся в них...
В ту ночь на дальних подступах к столице
Был враг отбит и гром орудий стих!

19 декабря 1941

138

В пути считая огоньки селений,
Плечом к плечу мы шли с тобой в строю.
В мороз и вьюгу, человек семейный,
Тебя берег я, как сестру свою.

Бранил, что ты легко в поход одета:
«Будь так добра, хоть варежки надень!»

Я знал: в Рязани, в госпитале где-то
Лежит жених твой. Пишет каждый день.

Ты про него рассказывала часто,
Пытливым взглядом прерывая речь.
От всей души тебе желал я счастья —
Любовь твою нетронутой сберечь!

А я? .. Мне больше ничего не надо,
Чем твой привет. Я вижу, как с горы
Затягивает сетка снегопада
Неяркие дорожные костры.

Когда-нибудь мне вспомнится, наверно,
Как сон у зимней ночи на краю,
Наш путь в снегах, среди тревог безмерных,
Что мы прошли — плечом к плечу — в строю.

1942

139. РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО

Вчера я зеркало разбил, а это,
Слыхал я, невеселая примета,
О близкой смерти говорит она.
Что ж, может быть, и так. Теперь война!

Сожжен мой город. От родного быта
Лишь зеркало хранил я, что разбито
Моей рукой неосторожной... Пусть!
Я всё изведал: и разлуки грусть,

И горечь дорогих воспоминаний.
Теперь я не боюсь и смерти ранней,
Я приучился думать поутру,
Что, может статься, к вечеру умру.

Вот слышен гул немецких бомбовозов...
А день уходит, серебрист и розов,
А ты, накинув на ходу шинель,
Спешишь к бойцам сквозь редкую метель.

Я встряхиваюсь и бегу навстречу,
Придумывая, что тебе отвечу,
Когда ты поглядишь из-под бровей...
Мне станет стыдно слабости моей!

Твой облик тем и близок мне и дорог,
Что здесь, как в институтских коридорах,
Проходишь ты, спеша, как на зачет,
Туда, где кровь горячая течет.

Я был согрет не раз твоей заботой.
Сама — птенец вчерашний, желторотый,
Ты сразу возмужала на войне
И руку дружбы протянула мне.

И я забыл о зеркале разбитом.
О всем, что мирным называлось бытом,
Мне захотелось жить, чтоб на войне
Пройти весь путь со всеми наравне.

1942

140

Когда, задумчив и сутул,
Вхожу я в комнату твою
И опускаюся на стул
Иль молча у окна стою,

Прошу, не упрекай меня
И равнодушным не зови, —
Верь, я не прожил бы и дня
И часа без твоей любви.

А если я умолк, притих,
Не цвет зари в глазах зачах —
Судьбу ровесников моих
Несу я на своих плечах.

Не знаю сам — снесу иль нет,
Но груз не брошу, не таков:
За всех друзей держать ответ
Я перед временем готов.

За каждый день, за каждый шаг,
За слово каждое, за вздох,
За всё, что держится в ушах,
За всё, что удержать не мог:

За народившуюся мысль,
Которой воплощенья нет,

За сны их тайные, за смысл
Их поражений и побед.

Как мне близки, как мне родны
Они, ровесники мои,
Я понял только в дни войны,
У смятой танком колеи.

Я вместе с ними не смогу
Забыть, как шла на нас беда,
Как доставалися врагу
На поруганье города!

Как поклялись мы: ни на пядь
Не отступать иль пасть в бою,
Как покатились немцы вспять,
В пути теряя спесь свою!

За нашу воинскую честь
Я шел со всеми наравне,
Но сколько нет в живых — не счесть! —
Друзей, испытанных в огне.

И это всё в душе таю,
Когда, задумчив и сутул,
Вхожу я в комнату твою
И опускаюся на стул.

29 декабря 1941

141

В суровый час раздумья нас не троньте
И ни о чем не спрашивайте нас.
Молчанью научила нас на фронте
Смерть, что в глаза глядела нам не раз.

Она иное измеренье чувствам
Нам подсказала на пути крутом.
Вот почему нам кажутся кощунством
Расспросы близких о пережитом.

Нам было всё отпущено сверх меры —
Любовь, и гнев, и мужество в бою.

Теряли мы друзей, родных, но веры
Не потеряли в Родину свою.

Не вспоминайте ж дней тоски, не раньте
Случайным словом, вздохом невпопад.
Вы помните, как молчалив стал Данте,
Лишь в сновиденье посетивший ад.

7, 9 марта 1942

142. НАВОДЧИК

Не позабыть мне ночи той короткой...
Был май. В лесу черемуха цвела.
Мы наступали, и прямой наводкой
Артиллеристы били вдоль села.

И, пробираясь меж коряг и кочек,
Когда рассвет вставал, от пепла сед,
Я слышал, приговаривал наводчик:
«Вот, в самый раз... Прости меня, сосед!»

И вновь взлетало облако рябое,
И вновь шаталась от разрыва мгла...
А мы узнали только после боя,
Что парень был из этого села.

1942

143. ГОРЬКАЯ ВЕСНА

Скворцы в деревню прилетят
И не найдут своих скворешен.
Где был приют пернатых — сад,
Столбы от виселиц скрипят
И плачет ветер, безутешен.
Подумать страшно — кто повешен?
Да, всяк, врагом казненный, свят
И вопиет к тебе, солдат.

1942

144. РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

От хребтов Кавказа до Урала,
Дальними дорогами пыля,
Ты не раз на бой сынов скликала,
Русская земля!

Прибавляли сил им в дни печали
Полноводных рек твоих струи,
И врагам обиды не прощали
Сыновья твои.

И всегда, цела и невредима,
Сыновей бессмертьем наделя,
Ты вставала из огня и дыма,
Русская земля!

О тебе в столетьях песни громки,
Вся ты как певучая струна!
И наследье предков мы, потомки,
Приняли сполна!

Вот опять ковыль дымится бурый,
Легкими кистями шевеля,
Вот опять ты в бой нас шлешь под бурей,
Русская земля!

Что ж! Иль мы не русские солдаты,
Иль военный клич отцов забыт?
Не простим насильникам проклятым
Мы твоих обид!

Где б ни шли, судьбой твоей хранимы,
Смерть за смерть врагам твоим суля, —
Мужеством твоим укреплены мы,
Русская земля.

Мы друзей скликаем поименно,
Под огнем испытанных солдат,
И над нами русские знамена
На ветру шумят!

Помяни ж героев, в битвах павших,
Осени знаменами Кремля
Колыбель отцов и дедов наших,
Русская земля!

Прокляни отныне и навеки
Дрогнувших перед лицом врага —
В дни, когда катили пламя реки,
Бросив берега.

И опять цела и невредима,
Сыновей бессмертьем наделя,
Встанешь ты из пламени и дыма,
Русская земля!

1942

145

Когда б у меня спросили,
За что я люблю тебя, —
Я промолчал бы, если
Возможно молчать, любя.

Люблю, а за что, наверно,
Не понимаю и сам!
Любовь пролетает быстрой
Искоркой по волосам.

Вонзается в душу, как черной
Молнии острие,
Лишая объема и веса
Теплое тело твое.

Смещает пространство и время,
Границы ночи и дня,
И звезды к твоей кровати
Идут, бубенцами звеня.

Взбираются тени деревьев
По водосточной трубе,
И дважды два — не четыре,
А всё, что снится тебе!

Я понял это однажды,
О прожитом не скорбя,
Когда возвратился с фронта
И увидал тебя.

1942
Москва

146. СОЛДАТСКИЙ ТОСТ

Лес прозрачен. Ночью новогодней
Зажжены на елках свечи звезд.
За кого ж, товарищи, сегодня
Первый мы провозглашаем тост?

За кого мы наполняем кружки,
По-солдатски на весу держа,
В час, когда серебряные стружки
Месяц ворошит у блиндажа?

Пусть, как клятва, что навеки свята,
Прозвучит нам, открывая год,
Первый тост за русского солдата,
Чье в столетьях мужество живет.

Тост второй за тех, кто бьется рядом,
Кто в сраженьях порохом пропах,
Кто не спит с бессонным Ленинградом,
Кто громит врага под Сталинградом,
На Кавказе и в Донских степях.

Третий тост провозгласим по праву,
Звоном кружек огласив жилье, —
Мы за нашу боевую славу,
За оружье верное свое!

Чтоб глаза нам не застлало дымом,
Чтоб любой нам вынести поход,
Вновь наполним кружки и подымем
Мы за тех, кто нас с победой ждет;

Слышит голос наш в железном громе,
В тьму и стужу устремляя взгляд...
А за нас сегодня в каждом доме,
В каждой хате тост провозгласят.

Декабрь 1942

147

Золотое облако зноя,
Запах трав — медовый, хмельной.
Небо русское расписное
Распахнулось передо мной.

И пылят пути фронтовые
В нескудеющем свете дня...
Солнце жизни моей, Россия,
Укрепи на подвиг меня!

1943

148

Ветер боя кусты завертит,
Вспыхнет яростный столб огня,
И, как жаркое жало смерти,
Вражья пуля кольнет меня.

Побелеют губы сухие,
Но, глаза устремив в зарю,
Трижды имя твое, Россия,
Как молитву, я повторю.

И тогда — я знаю заране —
Ты откроешь мне все пути,
Чтобы мог я, забыв о ране,
Через поле смерти пройти.

1943

149

Глухо охают пушки во мраке,
Тяжко стонет земля в забытьи.
В ожиданье сигнала атаки
Снова письма читаю твои.

Пусть огарок чадит, догорая,
Пусть землянка сырая тесна.
Эта ночь у переднего края
За пределами яви и сна.

Вдруг от строк твоих, милых и грустных,
Просветлеет вдали небосклон.
И опять я студент-первокурсник,
И в тебя по-смешному влюблен.

В темный угол забившись с тетрадкой,
Сторонясь любопытных друзей,
Я стихи сочиняю украдкой
О ровеснице русой моей.

Я не вправе назвать твое имя,
Но ровесница русая — ты,
Завладевшая снами моими,
Встав звездой у рассветной черты.

И в мечтах, по-ребячьи туманных,
Смутный сон наяву полюбя,
Я клянусь, как клянутся в романах,
Что готов умереть за тебя.

Знаю, ты улыбнешься на это,
Скажешь просто: «Зачем умирать?»
Одиноко дождавшись рассвета,
Я заветную прячу тетрадь.

Как всё близко. А минуло ровно
Десять щедрых любви нашей лет...
Раздвигая накатника бревна,
Бьет в лицо ослепительный свет.

Глухо охают пушки во мраке,
Пролетают снаряды, трубя.
Я сигнал различаю к атаке,
Я готов умереть за тебя.

Май 1943
Боровск

150

Не тревожься, брось тоску, усталость,
Пусть не шепчет о разлуке мгла.
Ты со мной совсем не расставалась —
Где б я ни был, ты со мной была.

В дни, когда к привалу от привала
Шел я мимо сел и деревень,
Ты березкой на пути вставала,
В знойный полдень мне давала тень.

А когда на поле битвы жаркой
Вражьи пули ранили меня,
Ты ко мне спешила санитаркой,
Чтоб спасти меня из-под огня.

Наклонясь сиделкой к изголовью,
Ты бессонных не смежила глаз,
Как живой водой, своей любовью
Возвращала жизнь ты мне не раз.

И всегда, когда взгрустнется малость,
Я шептал в тревожный мрак ночной:
«Ты со мной совсем не расставалась —
Где б я ни был, ты была со мной».

1943

151

Война переменит маршрут,
И вовремя, без опозданий
Саперы придут, уберут
Обломки разрушенных зданий.

Ты будешь стоять и вокруг
В тиши озираться, волнуясь,
Авось под обломками вдруг
Саперы найдут твою юность.

Ты помнишь — пропала она
Во время той первой бомбежки,
Когда отцвела тишина
На желтой садовой дорожке.

Так пусть же разделит она
Солдатскую горькую славу
И будет погребена
По воинскому уставу.

Июнь 1943

152

Как полынь, мне хлеб разлуки горек,
Долги ночи, беспокойны сны.
Может быть, стихи мои историк
Не запишет в летопись войны.

Может быть, во дни торжеств народных,
Где оркестров полыхает медь,
О привалах, о кострах походных
Будут строки не мои греметь.

Но, один оставшись, мой ровесник
Их откроет, словно свой дневник,
Про себя прочтет и скажет — есть в них
Дым войны, что в душу мне проник...

Смолкнут хоры, отгремят оркестры,
И в часы раздумья нам опять
Боль, не занесенная в реестры,
Будет жажду сердца утолять.

1943

153

Шумят, цветут лесные травы —
Кукушкин сон и зверобой,
И месяц встал у переправы,
Где распростились мы с тобой.

Не знали мы тогда, как долги
Разлуки скорбные пути,
Что от Днепра до самой Волги
По ним придется нам дойти;

Что обожжет нам горе веки,
Виски остудит до зимы...
Но как в моря стремятся реки,
Так в отчий край стремимся мы.

Преодолев пути разлуки
И отплатив за всё врагу,
Друг другу подали мы руки
На том днепровском берегу,

У той туманной переправы,
Где бродит месяц голубой
И шелестят лесные травы —
Кукушкин сон и зверобой.

Июнь 1943
Москва

154. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Заря просторная,
Как песня русская,
Дорога торная,
Тропинка узкая.

Здесь все изложины
И все излучины
Давно исхожены,
Давно заучены.

Не зря подростками
Косили травы мы
Да под березками
Да под кудрявыми.

Не зря подростками
Сушили травы мы
За перекрестками,
За переправами.

Мы жито сеяли,
А ветры веяли,
Былинку каждую
Для нас лелеяли.

Здесь всё, что вдунуло
Нам в душу мужество,
Что нас в солдатское
Ввело содружество,

Что дружбы-верности
Открыло правило,
Что в строй поставило
И в бой отправило.

Мы шли за русскую
Зарю просторную,
За тропку узкую,
Дорогу торную.

Познав свирепую
Тоску солдатскую,
Я воду черпаю
Тяжелой каскою.

Тяну прозрачную
Струю днепровскую
Да под березкою
Да под отцовскою.

А рядом поле то,
Что кровью полито,
Где ком земли сырой
Дороже золота.

Взгляну ль упрямо я,
Пройду ли мимо я, —
Ты здесь, звезда моя,
Неугасимая,

Неопалимая,
Неодолимая —
Земля Советская,
Навек любимая.

Заря просторная,
Как песня русская.
Дорога торная,
Тропинка узкая.

Май 1943

155

Когда верхи дерев горят,
В низинах синь туман, —
За рядом ряд встает отряд
Смоленских партизан.

Мы по глухой тропе идем,
В траве шумит роса.
Просторный дом, надежный дом —
Смоленские леса.

Наш край, поруганный врагом,
Потоптан и сожжен.
Поля засеяны кругом
Слезами наших жен.

Но есть у нас в краю родном,
Пока гремит гроза,
Просторный дом, надежный дом —
Смоленские леса.

Сюда от жен и матерей
Мы с думой шли одной:
Как отомстить нам поскорей
Врагу за край родной.

Сияла нам в пути крутом
Нетленная краса —

Просторный дом, надежный дом —
Смоленские леса.

Нас без дорог ведет звезда
Меж сосен и берез,
Когда мы вражьи поезда
Пускаем под откос.

А птичье утро за бугром
Проверит голоса,
Найдем свой дом, надежный дом —
Смоленские леса.

Судьбе своей в лицо смотреть
Умели мы всю жизнь
И под огнем стоять насмерть
Друг другу поклялись.

Мы поклялись — порукой в том
Родные небеса,
Просторный дом, надежный дом —
Смоленские леса.

И если выживем в бою,
Найдем своих подруг —
Победу праздновать свою
В один сойдемся круг.

Друг другу скажем мы притом
И поглядим в глаза:
«Просторный дом, надежный дом —
Смоленские леса».

Февраль 1943

156. СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА

На жаркое дело ушел отряд,
Назад не вернется до солнышка.
А ночь темна,
А раны болят,
Сестрица моя, Аленушка!

Фашисты придут —
Вздохнуть не дадут,
Всю вытряхнут душу — до донышка.

Закрой же дверь,
Останься тут,
Сестрица моя, Аленушка!

Ты слышишь, как плачет филин навзрыд,
Глухая, лесная сторонушка...
Склонясь к изголовью его, говорит
Сухими губами Аленушка:

«Скрипит под ногой часового наст,
Застыл пулемет у пенушка.
В обиду тебя никому не даст
Сестрица твоя — Аленушка!»

Февраль 1943

157

Пришла ко мне, как в юности,
Робея и волнуясь, ты.
Платок затянут натуго,
Бровей сломалась радуга.

В глазах, немного суженных,
Дымок костров притушенных.
И вся ты, вся — та самая,
Любовь моя, краса моя.

Вздыхаю в лунном блеске я,
Шумят леса смоленские,
Шумят леса дремучие,
И радуя и мучая
Берлогами медвежьими,
Путями непроезжими,
Где шли звериным следом мы
В места, что нам лишь ведомы.

А ты стоишь та самая,
Мечта моя, краса моя.
На голос твой, любимая,
Шел из огня и дыма я,
Дышал твоими песнями,
Запевками чудесными.

Твой голос всюду слышал я.
Не потому ль и выжил я?
Люби меня, та самая,
Тоска моя, краса моя!

Февраль 1943

158

Сладко пахнет дым костра на холоде,
Пьем тепло мы уголками губ,
Золотые, словно звезды, желуди
Нам в колени отряхает дуб.

Пусть туман укутывает плечи нам,
Пусть зари бледнеет полоса...
По путям, на картах не отмеченным,
Мы пришли в смоленские леса.

На ветру руками огрубелыми
Мы разделим ужин наш скупой,
И пойдем, сжимая парабеллумы,
Нам одним известною тропой.

Верим мы — в Калуге ли, в Рязани ли,
Иль в другом каком-нибудь краю —
Все места, где вместе партизанили,
Вспомним мы, как молодость свою.

Вспомним все пригорки, все изложины,
Безымянных речек берега,
Все пути-дороги, что исхожены
Днем и ночью по следам врага.

Будут раны старые залечены,
Боль разлуки выветрят года.
Только память о лесах Смоленщины
Сохранится в сердце навсегда.

Сладко пахнет дым костра на холоде,
Пьем тепло мы уголками губ.
Золотые, словно звезды, желуди
Нам в колени отряхает дуб.

1943

159. БАЛЛАДА О МАЛЕНЬКОМ РАЗВЕДЧИКЕ

В разведку шел мальчишка
Четырнадцати лет.
«Вернись, когда боишься, —
Сестра сказала вслед. —

Вернись, пока не поздно,
Я говорю любя,
Чтоб не пришлось в отряде
Краснеть мне за тебя,

Чтоб не пришлось услышать
Мне шепоток ребят:
„У этой у девчонки
В разведке струсил брат...“»

Мальчишка обернулся:
«Ну, не пытай ума.
Идти в разведку, знаю,
Просилась ты сама.

Мне ссориться с сестренкой,
Прощаясь, не под стать.
Но командир отряда —
Он знал, кого послать.

И командир отряда
Решил послать меня.
Прощай, дано мне сроку
Всего четыре дня...»

Цвел на лесной поляне
Туманный бересклет.
В разведку шел мальчишка
Четырнадцати лет.

Отец на фронт уехал —
Москву оборонять,
Фашисты посадили
За проволоку мать.

Из опустевшей хаты,
От милых сердцу мест
Ушел с сестренкой вместе
Он к партизанам в лес.

И командир отряда
Сказал им: «У меня
Все будут вам соседи,
Все будут вам родня.

А чтоб пути открыты
Вам были по лесам,
Науке партизанской
Вас обучу я сам».

И на какое б дело
Ни уходил отряд,
Ждала сестренка брата,
Искал сестренку брат.

И вот один сегодня,
Когда вставал рассвет,
В разведку шел мальчишка
Четырнадцати лет.

А с палкой-попирашкой
Да с нищенской сумой
Через луга и пашни
Такому — путь прямой.

Ни разу не присел он
За долгий летний день,
И обошел немало
Он сел и деревень.

Везде фашистских точно
Он сосчитал солдат,
Чтоб командир отряда
Не вышел наугад.

Покинуть собирался
Ночлег дорожный свой,
Едва рассвет забрезжил
На тропке полевой.

Но говорит хозяйка:
«Пожить придется тут:
Каратели отсюда
На партизан идут.

На каждом перекрестке
Поставлен часовой;
Кто выйдет из деревни —
Ответит головой».

А он сказал: «Ну что же,
Семь бед — один ответ...»
В разведку шел мальчишка
Четырнадцати лет.

Пусть всюду по дорогам
Поставят пушки в ряд —
Он должен возвратиться,
Предупредить отряд.

От выстрелов качнулся
Высокий частокол,
И часовой немецкий
Мальчишку в штаб привел.

А в штабе сам начальник
Скосил сердито глаз.
«Что, партизан? Повесить!
Я отдаю приказ!

Но если ты расскажешь
Мне про твоих друзей,
Сейчас же возвратишься
Ты к матери своей...»

Среди деревни врыты
Дубовых два столба.
Струится у мальчишки
Кровавый пот со лба.

Не замедляя шага,
Он поглядел вокруг,
Под пыткой не заплакал,
А тут заплакал вдруг.

Вновь офицер подходит:
«Что, страшно умирать?
Скажи, о чем ты плачешь,
И ты увидишь мать!»

«Я плачу от обиды,
Что, сидя у костра,
„Не выдержал мальчишка“, —
Подумает сестра.

Ей не расскажет ветер,
Что заметал мой след,
Как умирал мальчишка
Четырнадцати лет».

1943

160. МОЙ СОСЕД

Мой сосед не молод и не сед,
У него сатиновый кисет.
Вынимает вышитый кисет,
Говорит: «Закуривай, сосед.

Сам табак я сеял, сам томил,
Без него мне белый свет не мил».

Я беру щепотку табаку,
Крупного сухого табаку,
Заворачиваю не спеша
И закуриваю не спеша.

«Ну, скажу по совести, сосед,
Лучшего во всем отряде нет».

Он про это знает наперед,
Похвалу, как должное, берет:
«Дескать, всю округу обойдешь,
Табаку такого не найдешь.

Потому что только я один
Клал в него для аромата тмин.

Я секрет отцовский приберег...»
И в землянке на крутой порог
Сядет, опершись на автомат,
И вздохнет: «Вот сны меня томят.

Стала мне постель моя тесна,
Из землянки гонит вон весна,

Выйду в лес — в лесу звенит капель,
На опушку птиц манит апрель
И трубит мне в уши до утра,
Что готовить семена пора.

Я б и рад готовить семена,
Да из дому выгнала война.

За рекой, где чуток сон берез,
Глухо воет одичалый пес.
Там село мое, там десять лет
Бригадиром я ходил, сосед.

Не хвалясь, сказать тебе могу —
Не был я у времени в долгу.

По весне, бывало, у меня
Новый плуг на каждого коня.
Едут все, бывало, у меня,
Новыми уздечками звеня.

А теперь мое село, мой дом
Обернули немцы кверху дном,

Вытоптано поле, луг примят,
Вместо плуга взял я автомат,
На землянку променял избу,
Партизанскую делю судьбу.

И пока не кончится война —
Сеять мне лишь гнева семена.

А весна стучится у дверей
И велит вперед идти скорей.
Мне в такую пору не до сна,
Стала мне постель моя тесна.

Я брожу, пока не рассвело,
Слышу я — зовет меня село.

Задымится кровью вражий след,
Первым я приду в село, сосед.

На бугре построю новый дом,
Посажу три вишни над прудом.

Коль заедешь, путь тебе знаком,
Угощу отменным табаком!»

1943

161

Кто ты, сон мой, заря лесная,
Птичье утреннее торжество?
Как найти мне тебя, не зная
Даже имени твоего?

В перестрелке раненный дважды,
Я лежал в лозняке густом,
Воздух, не утолявший жажды,
Я тянул пересохшим ртом.

Наподобье надгробных свечек,
Трепетали огни светлячков...
...Вот и кончен твой путь, разведчик,
Александр Иваныч Сверчков.

Не добраться тебе до отряда,
Автомат держа на весу.
Есть одна у тебя отрада —
Умереть на воле в лесу.

Кроясь в травах густых по расчисткам,
Честно вел ты последний бой...
Как над кем-то родным и близким,
Я вздохнул над самим собой.

И вокруг стало тихо-тихо,
Показалось в преддверье сна,
Что на корточках, как зайчиха,
Предо мной сидела луна.

Вдруг, как будто услышав что-то,
Покатилась она в кусты.
Встав туманом у поворота,
Надо мной наклонилась ты.

И в рассветной густой тиши я,
Продираясь сквозь забытье,
Видел только глаза большие,
Слышал только сердце твое.

Задымился кустарник тонко,
Отряхая росу с ветвей.
Ты взяла меня, как ребенка,
И прижала к груди своей.

«Больно? Что ж, потерпи немножко,
Губы высохли? Пей росу...
Есть поблизости тут сторожка,
Я туда тебя отнесу».

Лес наполнился птичьим звоном,
Стало мне легко и светло,
Словно ты к глазам воспаленным
Поднесла цветное стекло.

Всем теплом, что есть в человеке,
На меня дохнула, и вмиг,
Опустив усталые веки,
Я уснул на руках твоих.

Просыпаюсь на сеновале,
Окликаю тебя. Тишина...
Отзовешься теперь едва ли
Ты, кем жизнь мне возвращена.

Кто ж ты, сон мой, заря лесная,
Птичье утреннее торжество?
Как найду я тебя, не зная
Даже имени твоего?

Март 1943

162

Смолкает дальний отгул боя,
И над селом прифронтовым
Светлеет небо голубое,
За синей балкой — тает дым.

Под ветром, теплым и упругим,
Качает тень зари ветла,
Проходит девушка за плугом,
Идет, как в нашем детстве шла.

Ей так легко босой подошвой
Касаться влажной борозды
И слушать, как в соседней роще
Перекликаются дрозды,

Вздохнув, почувствовать впервые,
В густом наплыве тишины,
Что скоро всходы яровые
Затянут здесь следы войны.

15 февраля 1943

163

Была деревня сожжена дотла,
И, заломив над пепелищем руки,
Стояла расщепленная ветла,
До срока пожелтевшая от муки.
Казалось ей, она обречена
Скорбеть о невозвратном одиноко.
Но лето полыхало, и война
Откатывалась к западу с востока.
И, слушая железный гром в ночи,
О тишине вздыхая, как о чуде,
Уже тянулись, как весной грачи,
Туда, где был отцовский корень, люди;
Туда, где их земля в тоске ждала,
Где, поверяя ветру сны разлуки,
До срока пожелтевшая ветла
Над пепелищем простирала руки.
Она еще не верила сама,
Что здесь весной зазеленеют склоны,
Построят люди новые дома,
Засеют люди прежние загоны.
Врезались в древесину зубья пил
И топоры щепу швыряли оземь,
Пока посевы теплый дождь кропил,
Пока воронки заливала озимь.
И лист последний не опал с ветлы,
И журавли не протрубили в трубы, —

Как поднялись, просторны и светлы,
Смолой сосновой пахнувшие срубы.
И старики, пуская в кольца дым,
Раскуривали трубки, повторяя,
Что корень жизни здесь неистребим,
Что не бесплодна мать-земля сырая.

1943

164. ЛАДА

По теневой дорожке сада,
Что белым пухом занесен,
Ты из весенней песни, Лада,
Вошла в мой юношеский сон.

В руках свирель, на косах русых
Венок из ранних васильков,
И самоцветов ярче в бусах
Огни живые светлячков.

Обдав меня теплом дыханья,
Сказала, голову склоня:
«Пока чисты твои желанья,
Проси, что хочешь, у меня».

И так просил я, встретив взор твой,
Что прямо в душу мне проник:
«Скажи, воды живой и мертвой
Ты можешь мне открыть родник?»

У окон прядали зарницы,
Скрипел за речкой коростель,
И ты взглянула сквозь ресницы
И поднесла к губам свирель.

Всё, всё, что в детстве было мило,
Мне возвратил напев простой,
Что душу в юности томило —
Летучей стало теплотой.

Я слушал птиц скороговорки,
Твердил деревьев имена,
Встречал весну у красной горки,
А осень — у ворот гумна.

Когда шумели обмолотки,
Бродила в кадках новина,
По праву я из рук молодки
Брал чарку добрую вина...

Чтил, верный дедовским заветам,
Я все обычаи села...
Тут, побледневшая, с рассветом
Ты песню вдруг оборвала.

И вновь с моим скрестился взор твой,
И вновь мой взор пред ним поник,
Я понял: здесь живой и мертвой
Воды открылся мне родник.

Пей, сколько можешь, сколько надо,
Вовеки не иссякнет он.
И ты не виновата, Лада,
Что я еще не утолен.

1943

165. ОТЧИЙ КРАЙ

У зимы серебряная сбруя,
Расписной с разводами возок.
В руки вожжи тонкие беру я —
Путь далек, да бубенец высок.

На морозе кровь не стынет в теле,
Чует ветра близкое родство,
И несут, несут меня метели
В край счастливый детства моего.

Всё, чему мы в снах заветных верим,
Там увидеть можно наяву.
На заре войду я в старый терем,
Бабушку-ведунью позову.

Я скажу ей: «Добрая ведунья,
Высока над теремом заря.
В голубые ночи полнолунья
Собирала травы ты не зря.

Брось пучок на уголья в печурку,
Сладким дымом, как в былые дни,
Сивку-бурку, вещую каурку,
Из лесов дремучих примани.

Пусть быстрее ветра, легче пуха
Прилетит она, разгорячась,
Влезу к ней, как ты учила, в ухо,
А в другое вылезу тотчас».

Где ты, терем, теплая печурка?
Я махнул рукой — и был таков.
Расстилает гриву сивка-бурка
Выше леса, выше облаков.

Пролечу невидимой дорогой,
Опущусь на луг зеленый тот,
Где олень пасется златорогий,
Золотое дерево растет.

Разве это сон мой в самом деле,
А не явной яви торжество?
Всё быстрей несут меня метели
В край счастливый детства моего.

Я за этот край ходил под пули,
Я, как счастья нашего залог,
В пламени, в дыму, железном гуле,
В сердце у себя его сберег.

Мне везде за фронтовой дорогой
Виделся зеленый берег тот,
Где олень пасется златорогий,
Золотое дерево растет.

1943

166. КУТУЗОВ В ПУТИ

Что значит слава полководца?
Давным-давно он славой сыт,
Но вновь у каждого колодца
Навзрыд Россия голосит!

Вновь у крутого перевала
Враги справляют торжество...
Не царь, а родина призвала
В годину трудную его!

Что б ни случилось, что б ни сталось —
Готов он долг исполнить свой...

И вот спешит, забыв про старость,
К полкам в карете почтовой.

Столбы мелькают верстовые,
Поют и плачут бубенцы...
О, кто дорог твоих, Россия,
Найдет начала и концы!

Кто может вычислить на карте,
Как дух сынов твоих велик?
Еще увидит Бонапарте
Твой гневный, твой суровый лик!

...Текучим зноем дня нагреты,
Дороги стелются, пыля.
И он глядит в окно кареты
На перелески и поля.

Гремит кареты грузный кузов.
Полям конца и края нет...
«...Спешит Кутузов бить французов!» —
Бородачи кричат вослед.

Деревня, мостик... У колодца
Журавль скрипучий и тугой,
А сердце бьется, сердце бьется,
Как колокольчик под дугой.

1945

167. ПАМЯТЬ

Если ты умывался росой на рассвете,
Утирался цветным полотенцем зари, —
Ты вовек не забудешь, по русской примете,
Как выходят на первый прогон косари.

И когда зацветет на лугах медуница,
Земляникой пахнет отстоявшийся зной, —
Где б ты ни был, тебе непременно приснится
Свет ночного костра на опушке лесной.

Он погаснет и вспыхнет далече, далече,
У истоков прозрачной, как детство, реки...
И опять ты поверишь в счастливые встречи,
В то, что все расстоянья земные близки.

Я и сам, истоптав по военным дорогам
Столько сшитых на совесть солдатских сапог,
Твердо знал, что однажды, проснувшись
под стогом,
Всё найду, что забыть не хотел и не мог.

Наши раны скорей, чем в любом лазарете,
Заживут, только тропку в лугу протори,
Как бывало, умойся росой на рассвете
И утрись расписным полотенцем зари.

1944

168

У любви серебряное горло,
Соловьиный голос у любви...
Вижу — руки ты ко мне простерла
И зовешь... Не надо, не зови!

Дай забыться хоть на миг единый,
Снов моих заветных не тревожь.
Разве чем-нибудь на соловьиный
Голос мой натруженный похож?

Разве ты не чувствуешь, что дымом
Я пропах у роковой черты?
Что с таким суровым, нелюдимым
Будешь делать, ласковая, ты?

Но опять мне в грохоте и вое
Голос твой звучит, как наяву:
«Ты такой мне стал дороже вдвое,
Я тебя такого и зову».

Май, сентябрь 1944

169

Над раскаленной мостовой
Метался дым, ища опоры,
Когда в сожженный город твой
Пришли строители-саперы.

Как вестники иной поры,
Где светит всем заря большая,
Стучат, стучат их топоры,
Гром орудийный заглушая!

В тот час, как смотрят на закат
Их дети где-нибудь на Каме,
Они из пепла мир творят
Своими умными руками.

В неугасимом свете звезд,
Припомнив мирные дубравы,
В грядущий день наводят мост
У перепутья бранной славы.

Они следы войны сотрут,
И ты, в дни дружеского сбора,
Благослови и ратный труд,
И труд строителя-сапера.

Март 1944

170

Ты помнишь лето под Смоленском,
Зеленый домик у Днепра?
Бродить по тихим перелескам
Я уходил с тобой с утра.

Еще туман стоит в низине,
Но облака ушли, как сны,
А небеса прозрачно-сини,
А травы влажно-зелены.

Свистят щеглы, спросонок нежась,
Шумят на вырубках овсы...
Всем телом мы вбираем свежесть
Листвы, тумана и росы.

Как будто снова в свете резком
Предстала первых встреч пора...
Ты помнишь летом под Смоленском
Зеленый домик у Днепра?

Закатов яркие открытки.
Ночей туманный окоем...
Да, было нам дано в избытке
Всё то, что счастьем мы зовем.

Но, лишь постранствовав по свету,
Увидев дальние края,
Мы оценить сумели эту
Простую радость бытия!

Июль 1943, октябрь 1944

171. МАТЬ

В поле с ветром шепчется осина,
Хмурит ель в бору седые брови.
На войне у матери три сына,
Три невестки дома у свекрови.

Снег, как соль, рассыпан в звездном блеске,
Каравай луны совсем не начат.
Соберутся у стола невестки,
Повздыхают, о мужьях поплачут.

Только мать не плакала ни разу,
Не вздыхала о разлуке горькой
С той поры, как, верные приказу,
Сыновья простились с ней под горкой.

Ей недолго жить на белом свете,
Что ни день — ее всё у́же стежка,
А посмотрит — у невесток дети,
Надо каждой пособить немножко.

Сядет потихоньку в уголочке,
Будто горя нет и на копейку,
То для внука штопает чулочки,
То для внучки ладит душегрейку.

И не слышит вьюги-завирухи,
Что в полях шатает перелески.
«Каменное сердце у старухи», —
Говорят, наплакавшись, невестки.

Что ж! Печаль у матери бесслезна,
Улеглась под сердцем непогода...
Ей поплакать и потом не поздно,
Как сыны вернутся из похода.

Июнь, декабрь 1944

С. Швецов, Н. Рыленков С. Трегуб, Е. Коган

172

Крутые росстани в тумане,
Прощальный вздох в тени ракит...
О, если б знали мы заране,
Что нам разлука предстоит!

Луну серебряной подковой
Прибив на счастье у ворот,
Обиды мелкой, пустяковой
Не принимали б мы в расчет.

Мы б не разменивали в спорах
На мелочь слов — тех зим и лет,
Тех зорь и радуг, от которых
Всю жизнь в душе хранится след.

Мы б жили, вторя каждой птице
В краю нетронутой весны,
Как ключевой водой криницы,
Бессонной юностью полны.

Ночей и дней раздвинув грани,
Я б всюду шел, как следопыт.
О, если б знали мы заране,
Что нам разлука предстоит!

А может статься, может статься,
Что лучше было нам не знать...
Мы не умели расставаться,
Зато умели встречи ждать.

Для сердца нет верней поруки,
Чем эта терпкая тоска.
Ведь мы увидели в разлуке
Самих себя издалека.

Октябрь 1944

173

В переулке пустынном, в бревенчатом домике
Поселиться хотел бы я после войны,
Чтоб, листая поэтов любимые томики,
Пить, как мятные капли, отстой тишины.

Только в городе том, где рожден я и вынянчен,
И в помине бревенчатых домиков нет.

Словно в сказке от страшного Змея Горыныча,
От войны там остался дымящийся след.

Знаю я, что просторна, светла моя Родина,
Что найдется и мне уголок тишины,
Но затем ли дорога разлуки мной пройдена,
Чтоб оставил я город мой после войны?

Будет сердце крепиться, но, как ни крепись оно,
Всё равно наши сны мы забыть не вольны...
Видно, было уж так на роду мне написано
Век искать тишины и не знать тишины.

1943

174

Где-то тоненько-тоненько цвенькает зяблик,
Сад притих и заслушался, дух затая.
У калитки, с корзиной антоновских яблок,
Встала русая девушка — юность моя.

Вижу, яблоня что-то ей на ухо шепчет,
Подтянувшись на цыпочках из-за плетня.
Я считаю шаги мои: чет или нечет,
Позабыла она или помнит меня?

Сердце бьется всё чаще. (Как пахнет здесь мята!)
Позабыла иль помнит?.. (Как звезды близки!)
Ведь она не таким меня знала когда-то,
Не с таким распростилась со мной у реки!

На деревьях сухая сквозит позолота,
Под ногами туманные тени скользят.
Позабыла, наверно. Я сбился со счета.
Что ж, готов ко всему я. На то и солдат.

Я мужал без нее. Не она виновата,
Что птенцом желторотым я был ей знаком...
Вот она обернулась, заметив солдата,
Посмотрела, поставив ладонь козырьком.

Опустила корзинку... А вспомнит, пожалуй...
Руку мне подает у заветной черты:
«Значит, я не ошиблась. Солдат возмужалый,
Окликавший меня по ночам, — это ты».

1944

175. ПРАЗДНИК

Петух у колодца ударил крылом,
Посыпались искры с рябины...
Сегодня, собравшись за круглым столом,
Справляет село осенины.

Пусть сыростью тянет с опушки лесной,
Предчувствием близкой метели, —
Просторная горница пахнет сосной,
Высокие стены вспотели.

В широкие двери войдя со двора
И щурясь от яркого света,
Садятся на первых местах мастера,
Кем срублена горница эта.

У них заповедных примет — короба,
Отцовских и дедовских, давних!
Какая цветет на карнизах резьба,
Какие узоры на ставнях!

Где окна прорезать, чтоб было светло,
Чуть вспыхнет кайма заревая,
Как печь завершить, чтоб держалось тепло,
В трескучий мороз согревая.

Их дружба легла под четыре угла
На зерна отборного жита.
И горница встала, тепла и светла,
Для доброго гостя открыта.

Недаром сегодня, войдя со двора
И щурясь от резкого света,
Садятся на первых местах мастера,
Кем срублена горница эта.

И каждый, как дома, раздумчив и строг,
Отметил — что стены вспотели...
Но вот, надломив духовитый пирог,
Встает председатель артели.

Глаза под седыми бровями горят,
Как будто опять спозаранку

Собрался его партизанский отряд
В глухую лесную землянку.

Недавними снами наполненный весь
И верный солдатской привычке,
Своих земляков окликает он здесь,
Как там, на ночной перекличке.

Он видит винтовок густой частокол,
Обломки патронных коробок...
Ведь тот, кто под пули бок о бок с ним шел,
Сидит за столом с ним бок о бок.

Ведь горстку земли унеся со двора,
В счастливую веря примету,
В холодной землянке его мастера
Обдумали горницу эту.

Чтоб щедрая в ней поселилась судьба,
Как в песнях предсказано давних,
Посвечивать будет на солнце резьба,
Витые узоры на ставнях.

Вить гнезда под окнами в теплую ночь
Слетятся, как ласточки, звезды...
И самый старейший такую точь-в-точь
Тогда смастерил из бересты.

И вся умещалась она на ладонь,
Как детская быль-небылица,
Вот вспыхнет, казалось, в окошках огонь,
Дымок над трубой закурится.

В глуши, от жилья обжитого вдали,
Где зверь пропадает без вести,
Бойцы за собой ее всюду несли,
Хранили со знаменем вместе.

К родным пепелищам стянулись узлом
Тропинок исхоженных версты.
И вот председатель открыл за столом
Заветный ларец из бересты.

«Тяжелые кружки наполнить пора,
Исполнилась наша примета. . .»
Стоят, как солдаты в строю, мастера,
Кем срублена горница эта.

Октябрь 1944

176. НАДПИСЬ НА КНИГЕ

От слов, заученных и пресных,
От чувств, что плоти лишены,
Мой современник, мой ровесник,
Мы отвратились в дни войны.

Под визг свинца, под скрежет стали,
Вдали от отчего крыльца
Нас обожгла она, и стали
Огнеупорными сердца.

В них переплавились, как в тигле,
Все наши чувства и мечты,
Мы, возмужав, навек постигли
Закон суровой простоты.

И недоступные гордыне,
И неподкупные во всем,
Ни клятв, ни громких слов отныне
Мы всуе не произнесем.

Зато из нас уверен каждый,
Что светит нам одна звезда,
И на губах, спаленных жаждой,
Нет — значит нет и да — есть да!

Мы узнаем друг друга в песнях,
Что кровью сердца скреплены. . .
От слов, заученных и пресных,
Мы отвратились в дни войны.

1—4 апреля 1945

Как песни, дороги твои и тропинки
Заучивал я наизусть, и сейчас,
Когда повторять мне пришлось их не раз,
Я с ними во всем разберусь без запинки.

Куда ни пойду по отцовскому краю,
Какой ни приснится мне сон наяву —
По имени каждый ручей назову,
По голосу каждую птицу узнаю...

Даны мне не только по праву наследства
Леса и дубравы, поля и луга —
Я сам под огнем отбивал у врага
Всё то, что любимо и дорого с детства.

Родительский дом вспоминая в землянке,
Под грохот орудий я мог засыпать
И, сон оборвав на средине, опять
В атаку бежать, останавливать танки.

И кровью моей наливалась калина,
И я, словно в сказке, оставив привал,
Сто раз умирал и сто раз оживал,
Пока не дошел от Москвы до Берлина.

Когда ж возвратился, пройдя пол-Европы,
И новой страды наступила пора, —
Где танки ходили, пошли трактора,
И выросло жито, где были окопы.

Бери ж мою душу, испытывай снова,
Что хочешь, вели мне найти, я найду —
И воду в пустыне, и в недрах руду,
И в сердце единственно нужное слово.

Апрель 1946

КНИГА ПАМЯТИ

178

Здесь шла война, и воздухом легенд
Мы дышим, трогая железные обломки,
Здесь русскому солдату монумент
Воздвигнут благодарные потомки.

И встанет человек сороковых годов
Тревожного двадцатого столетья,
Что каждый день был умереть готов,
На постамент высокого бессмертья.

С лицом в сраженьях опаленным, он
Перешагнет все рубежи времен,
Из звонкой бронзы выкован победой.

А ты поэт. Ты спал в землянке с ним,
Ходил в разведку по тропам лесным, —
Как он любил, о чем мечтал, поведай.

1943, 1946

179

Я садила руту на рассвете,
На закате руту поливала,
Чтоб цвела, раскидывая ветви,
А не гнулась до земли устало.

Пусть проходит ветер вдоль забора,
Не подвластно сердце непогоде.
Милый мой ко мне вернется скоро
И увидит руту в огороде.

Милый скажет: «Ливень падал круто,
Но трава не смята, не пригнута.
Ты такая ж нежная, как рута,
И такая ж чистая, как рута!»

1941 (?), ⟨1943⟩

180. ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Так бывает лишь в песнях да в сказках,
В тех, что слушаешь, дух затая,
Да еще в сокровенных солдатских
Снах, приснившихся в час забытья.

Но не в сказках у тихой криницы,
Не во сне под ущербной луной, —
Ты, взглянув сквозь густые ресницы,
Опустила глаза предо мной.

Я кладу тебе руки на плечи:
«Видишь, слову солдаты верны.
Сколько верст от разлуки до встречи
Я прошел по дорогам войны!

В пропыленной солдатской одежде
Запах дыма и горечь огня...
Всё, что дорого было нам прежде,
Шло, как тень твоя, возле меня.

Спелый месяц над зеленью сада,
Свежий след на траве у ручья,
И застенчивость долгого взгляда,
И стыдливая нежность твоя.

День, встающий из темного лога
На свисток перепелки во ржи...
Что ж молчишь ты, моя недотрога,
Отчего ты притихла, скажи?

Иль разлуки зеленое жало
Навсегда отравило тебя?
Нет, ты только душой возмужала,
Беспокоясь, скорбя и любя.

Вижу, юность твою закликая
В разоренное наше жилье:
Ты не та, что была, ты такая,
Как предвидело сердце мое.

Помня клятвенный час расставанья,
На вокзале последний состав,
Ты прошла через все испытанья,
Все надежды мои оправдав!

Сохранила ревниво и свято
Всё, чем прежде мы жили вдвоем...
Разве знала сама ты когда-то,
Сколько мужества в сердце твоем?

Так бери ж мое сердце и пестуй,
Пусть висок накален добела!
Даже в юности, даже невестой
Ты не так мне желанна была!»

Март — апрель 1944

181

Опять в лугах цветет мать-мачеха
На той заречной стороне,
Опять застенчивого мальчика
Хотела б видеть ты во мне.

Хотела б, веря вешним шорохам,
Вернуть давнишнюю мечту,
А я пришел, пропахший порохом,
В пыли походной и в поту.

Ну что ж, садись в тени ракитовой,
Где собирались мы детьми,
И, если любишь, не распытывай,
А только за руку возьми.

Взгляни задумчиво и ласково
В преддверье утренней зари,
Соленый пот пути солдатского
С горячих щек моих сотри.

И не слетит признанье с губ еще,
Как, все сомненья истребя,
Войдет мне в душу взор твой любящий
И в ней найдет одну тебя.

И ты поймешь, что счастье нечего,
Как флейту иволги, стеречь,
Что я люблю тебя застенчиво,
Как в пору первых наших встреч!

12 мая 1945

182

Тени летят с косогора,
Месяц стоит у куста.
Снова открыты для взора
Милые сердцу места.

Вскрикнула иволга звонко,
Всхлипнул кулик невзначай.
Здравствуй, родная сторонка,
Сына-солдата встречай!

Хочется стать на колени,
Больше крепиться невмочь.
Ты и в Берлине и в Вене
Снилась мне каждую ночь.

Снился простор перекрестка,
В росном дыму молочай...
Здравствуй, сестрица березка,
Брата солдата встречай!

С пылью стряхну я усталость,
Каждый припомню привал.
Видеть нарядней случалось,
Краше тебя — не видал.

Шел я в жару и в ненастье,
Долог и труден был путь.
Здравствуй, солдатское счастье —
Близким в глаза заглянуть!

Август — сентябрь 1945

183. У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Пройдут года, и станет сказкой
Всё, чем война была страшна...
Зеленый холм могилы братской
Укроет пухом тишина.

Над ним раскинется калина,
Колосья выметает рожь.
Ты вспомнишь молодость и сына
Сюда под вечер приведешь.

И скажешь ты, большие руки
Ему на плечи положа:
«Твой полдень снился мне в разлуке
У огневого рубежа.

Но ты не сын мне, если ныне
Забудешь тех, кто пал в бою
За гроздья солнца на калине,
За юность щедрую твою».

5—6 апреля 1945

184

Вернулись мы с полей войны
И отряхнули прах чужбины,
Воспоминаньями полны,
Как шумом вешних рек ложбины.

Казалось, выйди на бугор,
Где наших троп сошлись излуки,
И всё опять увидит взор
Таким, как было до разлуки.

И вот идем мы, не пыля,
Сняв потемневшие шинели.
Шумят спокойно тополя,
Как в нашей юности шумели.

Всё так же млеет синева,
Всё так же горько пахнут травы,
Знакомой песенки слова
К нам долетают из дубравы.

А мы с тобой глядим вокруг,
Верны путям-дорогам длинным,
И отгул грома ловит слух
В спокойном шуме тополином.

И отсвет молний ловит глаз
На синеве неколебимой.
Мотив, в бои водивший нас,
Звучит нам в песенке любимой...

И мы не раз под всплеск волны
Вздохнем как будто без причины...
Знать, не забыть тревог войны,
Как не стереть со лба морщины.

Июль — август 1946

185

Пережитым потрясены,
Мы до сих пор храним молчанье.
Как горько в первый день войны
С друзьями павшими прощанье...

Как в день последний тяжело
Воспоминанье для солдата
О тех, чье солнце не взошло
И чьим дорогам нет возврата...

Но, может быть, всего трудней,
Закончив путь в чужих пределах,
Для нас под солнцем мирных дней
Встречать детей осиротелых.

И не солдат меж нами тот,
Кто, возвратясь в родные дали,
Сиротских слез их не утрет
И не утешит их печали.

Октябрь 1946

186

В ельнике, в сосоннике,
В молодом берёзнике
Грянули гармоники,
Встретились ровесники,

Обошли приятели,
Каждый кустик трогая,
Все места, где прятали
Детство босоногое.

Где в ночных разлужинах
Брали счастье за руки,
Засветив для суженых
Светлячков фонарики.

На иголки хвойные,
Вздох пушинкой сдунувши,
Вспоминают воины,
С чем простились юноши.

Смотрят, не приснились ли
Той поры свидетели?..
Как в походах выросли,
Сами не заметили,

Как в окопах выжили,
Сами удивляются.
Что видали-слышали —
Тем не похваляются.

Возвращенье празднуя
У ручья гремучего,
Загадают разное,
А поверят в лучшее.

Впереди у каждого
Сто дорог немереных,
На виду у каждого —
Сто друзей проверенных,

И звенят гармоники,
И поют ровесники
В ельнике, в сосоннике,
В молодом березнике.

11—24 февраля 1946

187

Затерялся в пойме где-то
Поворот тропы косой.
Разметалось, дыши́т лето
Земляникой и росой.

Словно вылеплен из воска,
Тает месяц молодой,
Ловит тень свою березка,
Нагибаясь над водой.

Кипень облака в охапке
Держит старая сосна,

Открывает, встав на лапки,
Ветер двери в терем сна.

Он стоит в прозрачной дымке
Над серебряным прудом.
Мы без шапки-невидимки
Не спеша в него войдем.

Вытрем ноги на пороге,
Вспомним синие луга,
Не закажут нам дороги
Ни Кощей и ни Яга.

Что нам выдумки Кощея,
Старой сказки пересказ,
Если нас живьем в траншее
Зарывал снаряд не раз.

Если, встав со дна могилы,
Жизнь по-новому ценя,
Обрели мы в сердце силы
Не уйти из-под огня.

И теперь мы знаем сами,
Что прошло, что будет впредь,
И открытыми глазами
Можем сны свои смотреть.

На заре под звон криницы
Выйдем в тот чудесный сад,
Где поют по-русски птицы
И деревья говорят.

...Рассветает постепенно,
Уж в траве тропа видна...
Не беда, что стогом сена
Обернулся терем сна.

Июнь 1945, февраль 1946

188. НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ

В тумане, у лога лесного,
Грачи, не смолкая, галдят.
Вскрываются реки, и снова
Не спит до рассвета солдат.

Охвачен волненьем знакомым,
Следит он всю ночь напролет,
Как с яростным шумом и громом
Весна в наступленье идет.

И вот, горизонт раздвигая,
Рассвету суля торжество,
Весна возникает другая
Пред взором бессонным его.

Он видит родные знамена
Под ветром нездешних долин...
Пришедшие с Волги и Дона,
Гвардейцы штурмуют Берлин.

Отчизны священное имя
Над ними гремит, как салют,
И мертвые вместе с живыми
Встают и в атаку идут.

Их звезды сияют во мраке,
Взлетают ракетами ввысь.
Они для последней атаки
Из братских могил поднялись.

В походных простреленных касках
Сошлись, завершая свой путь,
Все те, кого в списках солдатских
И смерть не могла зачеркнуть.

Идут под огнем неуклонно,
Присяге верны, как один...
Пришедшие с Волги и Дона,
Гвардейцы штурмуют Берлин.

Несут они суд и расплату
За вдов, за калек, за сирот...
Не зря в эту пору солдату
Не спится всю ночь напролет.

И сердце сжимается комом,
И к горлу взмывает волна.
Охвачен волненьем знакомым,
Отходит солдат от окна.

У дома подтаявшей грудой
Снега оседают за тын,
И слышен не грохот орудий,
А треск расколовшихся льдин.

Но разве забыть боевую
Погоду солдатской весны?
Он сумку берет полевую,
Снимает шинель со стены!

Напомнил рассвет петушиный,
Что нынче проверить пора,
В строю ль боевые машины,
Готовы ли в путь трактора.

Заря не успеет зардеться,
А он уж выходит в обход,
Друзей окликает: «Гвардейцы,
Весна в наступленье зовет!»

24 апреля 1945, 1946

189

Березы лунно-дымчаты,
И мы — плечо с плечом...
Так что ж притихла нынче ты,
Задумалась о чем?

О том ли, что остудится
Признаний наших речь,
О том ли, что забудется
Пора разлук и встреч?

Что времени, как дыма, я
Не удержу в горсти?
О, если так, любимая,
Не сетуй, не грусти!

Пришла не пригорюнясь ты
От полноводных рек.
Такой, как наша, юности
Не разлюбить вовек.

Того, что с ней испытано,
Забыть мы не вольны,

Прошла под гром копыт она
По всем путям войны.

Пекла ль жара до одури,
Мороз ли щеки жег —
На Волге и на Одере
Шагала без дорог.

Везде она отыщется,
У каждого костра —
Разведчица, зенитчица,
Певунья и сестра!

Походные сухарики,
Глухой ночной привал.
Она выводит за руки
Солдатских запевал.

Поднявшись в полный рост, они
Поют про отчий дом,
Про ветровые росстани,
Про ивы над прудом.

Легко судьбу свою нести,
Когда кругом друзья.
Такой, как наша, юности
Вовек забыть нельзя.

И если мы состаримся,
Дождемся сыновей,
Открытки слать без адреса,
Как прежде, будем ей.

И будут лунно-дымчаты
Березы над ручьем...
Так что ж притихла нынче ты,
Задумалась о чем?

Май 1945

190

Снова нам весна глядит в глаза,
Для раздумий не дает отсрочки.
Говорят, что первая гроза
На деревьях разбивает почки.

Говорят, что от второй грозы
По земле течет теплынь густая
И шумят поемные низы,
Молодой травою зарастая.

А как третья грянет с высоты —
Жди, что ночью, под напев гармоник,
Яблонь розоватые цветы
Полетят к тебе на подоконник.

Выйдешь за калитку по росе,
Разорвав теней тугие сети,
И земля во всей своей красе
Пред тобой предстанет в резком свете.

Но, припомнив всех, кто с нами рос,
Ты, в походах дальних возмужавший,
Помолчишь и скажешь: сколько ж гроз
Пронеслось над молодостью нашей!

Сколько раз наш путь в густом дыму
Озаряли беглые зарницы,
И не время ль расцвести всему,
Что на дне души у нас хранится!

1946

191

Мы прощались с близкими в надежде
Постучаться вновь в родную дверь,
Но о том, такие ль мы, как прежде,
Разве надо спрашивать теперь?

Что такое дальняя дорога,
Времени натруженная ось?
Это значит — много, очень много
Нам увидеть и узнать пришлось!

Что такое дальняя дорога,
Душу нам пронзившая насквозь?
Это значит — строго, очень строго
Оглянуться на себя пришлось.

Чтоб в мороз теплом дыханья греться,
Спать в снегу, не верить тишине,

Вырывали с кровью мы из сердца
Всё, что лишним стало на войне.

Но хранили при любой погоде,
В тьме ночной и в светлый час зари,
Всё, что было дорого в походе,
Как патроны или сухари.

Нам, познавшим ярость вражьей злобы,
Не забыть, как землю рвал металл.
В мире слишком беспокойно, чтобы
Я таким, как прежде, снова стал.

1944, 1947

192

Мы помним всё: дороги отступлений
И те пути, что нас вели вперед.
Перед судом грядущих поколений
За каждый шаг свой мы дадим отчет.

Пройдем походным строем перед ними,
В пыли, в поту, в пороховом дыму,
А что когда-то были мы иными —
Не будет даже сниться никому.

Ну что ж! Себя жалеть мы не умели
И юности своей не берегли,
Когда, потуже запахнув шинели,
Из боя в бой без передышки шли.

В пути, утратив счет ночам бессонным,
Забыв приметы лета и зимы,
Мы верили: зачтут потомки всё нам,
Чем ради них пожертвовали мы!

1943, 1946

193

В юности мы спрашивали часто:
На какой тропе искать нам счастья?
И постигли, побродив по свету,
Что особых троп у счастья нету.

Где б ни шли мы — счастье с нами рядом,
Только надо видеть зорким взглядом,
Только слышать чутким ухом надо,
Чтоб узнать его, моя отрада.

Счастье — непредвиденный заране
Огонек, мерцающий в тумане,
В знойный полдень родничок студеный,
Путь далекий, до конца пройденный.

Сладкий вздох перегоревшей муки,
Верность, сохраненная в разлуке,
Встреча у отцовского порога,
А наутро — новая дорога.

Новые тревоги и заботы,
Новых троп крутые повороты,
Что всегда ведут к родному краю, —
А иного счастья я не знаю.

Июнь 1945, февраль 1946

194

Пока влекут тебя дороги,
Где все попутчики — родня,
И ты не медлишь на пороге,
Собравшись в путь с восходом дня;

Пока, стянув ремнем потуже
Мешок походный, ты опять
Готов, как в детстве, пить из лужи,
На мшистой кочке засыпать;

Пока у каждого кочевья
Ты побрататься с ветром рад,
Чтоб знать, о чем шумят деревья,
Что камни молча говорят;

Пока за всё, что сердцу снится,
Чем дорога до слез земля,
Ты не желаешь взять синицу,
А ищешь в небе журавля;

Пока тебе не жалко бросить
То, что остыло, как зола, —
Пусть на висках пробьется проседь,
Не верь, что молодость прошла!

25—30 марта 1946

195

Благословенна отчая земля!
Открыты перед пахарем поля,
Где, у зари весенней на виду,
За бороздой ведет он борозду,
Кладет тугие, ровные пласты
Под небом первозданной чистоты.
И кажется ему у синих вод,
Что лето по следам его идет.
Он вытирает жаркий пот со лба,
А перед ним хлеба, хлеба, хлеба!
Они растут всё выше, всё дружней.
Уж перепелки окликают жней,
Встают скирды под небом там и тут,
К селу возы груженые плывут,
И в закрома из тысячи ключей
Течет зерно, как золотой ручей...
Благословенна отчая земля!
Те, кто пахал и засевал поля,
Те, для кого жнитво и умолот
Лишь завершенье круговых забот,
В урочный час сойдутся у стола,
И станет сразу горница мала.
Они свое прославят ремесло
И скажут: «Всё, что лето принесло,
Чем наша осень щедрая красна,
Под теплым ливнем зачала весна.
Пускай в году все времена равны,
Мы не забудем осенью весны
И выпьем чарки первые до дна
За то, что, вечно молода, весна
Велит пахать и засевать поля...»
Благословенна отчая земля!

21—26 апреля 1947

196

Полетела с белых вишен
Серебристая пыльца.
До утра мне будет слышен
Чей-то шепот у крыльца.

Чьи-то первые признанья
Сохранит в тени скамья.
...С кем сегодня на свиданье
Вышла молодость моя?

2, 28 мая 1946

197. СЧАСТЬЕ

Встань, накинь платок на плечи,
Выйди в поле, посмотри:
Над разливом белой гречи
Паруса большой зари.

Виноваты будем сами,
Если, чуть замедлив ход,
Под такими парусами
Счастье мимо проплывет!

27—28 июня 1945

198

Хлынул дождь, веселый, шумный, частый,
Радугой воды в пруду набрав.
Я сложил ковшом ладони: «Здравствуй,
Долгожданный гость хлебов и трав!»

Он в пыли у ног моих запрыгал,
Заплясал, забормотал взахлеб,
И вонзил мне в тело сотни игол,
И по жилам пропустил озноб!

Я следил, не сдерживая дрожи,
Как ломался молнии зигзаг,
Даже пни замшелые моложе
Становились на моих глазах.

А когда свернула туча за лес,
Приминая мокрые кусты,

Обернулся я — мне показалось,
Будто за плечом стояла ты.

Столько сразу свежести и света
С неба пролилось через края,
Что невольно я подумал: это
Улыбнулась ты, любовь моя!

20—26 мая 1946

199

Есть поговорка русская. Она
Была мне в детстве, как завет, дана.
Ее отец мой повторял в тиши:
«Снял урожай — и вновь поля вспаши».

Я, по отцовским проходя следам,
Ту поговорку сыну передам.
Сын выйдет в поле, скажет в свой черед:
«Былое помни, но гляди вперед!»

1947

200. СЕМЕНА

Когда готовят к севу семена,
Везде, где плугом мечена дорога,
Их проверяют вдумчиво и строго,
Чтоб не посеять тощего зерна.

Щедра на обещания весна,
Но лето ждет надежного залога...
И мне понятна мудрая тревога
Тех, кто готовит к севу семена.

Увидев их, я говорю себе:
Есть с ними сходство и в твоей судьбе,
С уделом их удел твой одинаков:

Умей слова ценить, как семена,
Чтоб не посеять тощего зерна,
Чтоб васильки не заглушили злаков.

19—20 апреля 1947

201. БАЛЛАДА О ПОРТРЕТЕ

Не в мастерской художника, где краскам
Дано грустить и радоваться, нет, —
В глухом лесу, в становье партизанском,
Тот необычный создан был портрет.

Когда над лесом проносились грозы
И гром гремел на языке чужом,
Среди поляны на коре березы
Его разведчик вырезал ножом.

И стало вдруг светло под небом хмурым,
И сразу все поверили — он здесь.
Глядит сквозь чащу точный глаз с прищуром,
И мир пред ним — как на ладони весь...

К нему тянулись тропки по оврагу,
Где шепотком деревья говорят,
Ему спешили принести присягу
Все, кто отныне приходил в отряд.

Что были им фашистские угрозы,
Кто мог их след невидимый найти,
Когда в лесу из-за шатра березы
Сам Ленин им указывал пути!

И час расплаты видел мститель грозный,
Одним его присутствием согрет...
Не зря теперь меж мрамором и бронзой
Поставили в музее тот портрет.

Октябрь 1948

202. ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Вчера, еще совсем раздета,
Весна в лесу таилась где-то.
Там перед ней поодиночке
Торчали пни, кусты и кочки,
Темнел на просеке валежник,
Глядел одним глазком подснежник,
И неуютно было птицам
В верхах нагих дерев гнездиться,
Они шумели на закате,

Что был бы дождь хороший кстати.
Вдруг потемнело на опушке
И гром ударил, как из пушки,
За ним, без всякой проволочки,
Полился ливень, как из бочки.
Он гнул деревья так и этак,
Сбивал дроздов с набрякших веток
И загонял в дупло пустое,
Ломая сучья сухостоя.
Пока он лил, крутой и хлесткий,
Весна стояла под березкой,
Ловила шорохи лесные,
Считала молнии косые,
В ладонях небо поднимала,
И всё ей было мало, мало.
«А ну, прибавь еще», — просила...
Но у дождя иссякла сила,
И он ослаб.
В мгновенье ока
Встряхнулся лес, вздохнул глубоко
И, подождав на вздох ответа,
Заснул с устатку до рассвета.
Когда ж проснулся, изумленный,
Увидел: он совсем зеленый,
Кусты столпились на опушке,
Деревья тянутся друг к дружке,
Трава на кочках шевелится,
И всюду гнезда ладят птицы.
Весна оделась и в тумане
Зари дождалась на поляне,
Но, убедясь, что всё в порядке,
Ушла с поляны без оглядки,
Спеша на стежки полевые:
Уж время сеять яровые.

24—28 января 1948

203

У костра не спится. Ночь туманна.
Косари поют про дальний путь...
Хорошо вдвоем уйти от стана
И присесть под стогом где-нибудь.

Вспомнить день, густого солнца полный,
Луговин поемные низы
И заснуть, считая вспышки молний
Так и не собравшейся грозы...

На заре от влажного лесного
Ветра вздрогнуть и проснуться вдруг,
Пусть друзья подумают, что снова
Раньше всех явились мы на луг.

1936 (?), 1948

204

Когда не в тридцать лет, а в сорок
Друзей ты встретишь у стола,
Скажи без всяких оговорок,
Что вот и молодость прошла.

Что не годится для мужчины,
Стирая времени печать,
На лбу разглаживать морщины
И седины не замечать.

Как возмужавший в битвах воин,
Перед лицом твоей страны
Ты, как награды, будь достоин
Своей священной седины.

23 марта, 24 июля 1948

205

Пахнет яблонью и черешней,
Весь в дыму розоватый сад.
Шест антенны и шест скворешни
На закате рядком стоят.

Месяц выбрался за ворота
По задворкам плести плетни,
Где сестра твоя ждет кого-то,
Притаясь на скамье в тени.

Как она на тебя похожа,
Светом первой любви светла!
Ведь и ты тут когда-то тоже
В эту пору меня ждала.

И смотрю я пытливым взглядом,
Словно в юности сердцем чист,
Кто придет к ней и сядет рядом —
Агроном или тракторист?

Кто б он ни был — душа согрета,
Небо ясно над головой.
Просидят они до рассвета,
Как сидели и мы с тобой.

Как и мы, вперед забегая,
За ночь жизнь проживут не раз.
Пожелай, моя дорогая,
Доброй встречи им в добрый час.

Чтоб под звездами молодыми,
Вспомнив юность свою опять,
Нам узнать их таких, какими
Мы в их пору мечтали стать.

Счастье юности самозабвенно,
Как биение двух сердец.
. . .Ловит голос весны антенна,
На черешне поет скворец.

1949

206. УТРО

Скрипят на выгоне ворота,
И чую я издалека
Томящий, сладкий запах пота
И дух парного молока.

Не ты ль зеленым суходолом,
Среди густых хлебов и трав,
Идешь с подойником тяжелым,
Подол повыше подобрав?

Легко дышать под звон осоки,
Под шум проснувшихся ракит.
Заря твои румянит щеки,
Тугие косы золотит.

А ветер ластится любовно,
Концы косынки теребя,
И всё быстрей идешь ты, словно
День не начнется без тебя.

Я, повстречав тебя такую,
В летучем золоте лучей,
Увижу всё, о чем тоскую,
Из-за чего не сплю ночей.

⟨1935⟩, 14—15 марта 1946

207

Время летнего солнцестоянья,
Я тебя узнаю, — это ты.
Всех пройденных дорог расстоянья
Предо мной от версты до версты.

Вот и я у того перевала,
Что далеким казался вчера.
Обещаний пора миновала,
Наступила свершений пора.

Что ж! В цвету красоваться не диво,
Мять травы непримятой расстил,
Но лишь август покажет правдиво,
Кто чем жил и что в сердце растил.

12—17 января 1949

208

Заря стоит до плеч в вишневой пене,
Сошла с лица дремота и ленца,
И тень березки всходит на ступени
Ночным дождем обмытого крыльца.

Она стучится в дверь твою без звука,
Но ты встаешь, как ни был сон глубок.
Есть у весны веселая наука,
Ее ты с детства знаешь назубок.

Чтоб с каждым днем нарядней и пригожей,
Как в песне, юность у тебя была,
Чтоб для тебя у дальних раздорожий
Весна венки зеленые плела;

Чтоб за тобой у отчего предела
Шумело жито и трава росла,
Чтоб, как струна басовая, гудела
По вечерам околица села;

Чтоб синий взгляд, что до рассвета снится,
Друг отвести от глаз твоих не мог, —
Вздохни поглубже и открой ресницы
В тот самый миг, когда так сладок вздох,

Когда в прозрачном утреннем кипенье
Дерев и трав струится зеленца,
Заря стоит до плеч в вишневой пене
И тень березки всходит на ступени
Ночным дождем обмытого крыльца.

19—25 января 1948

209. ДЕВУШКИ ИДУТ В КЛУБ

Морозит под Стожарами,
Вечерний свет не скуп.
Идут подружки парами,
Спешат подружки в клуб.

Сбегают тени по́д гору,
Им уступая путь.
По улице — не по двору:
Не ступишь как-нибудь.

Хрустит и рассыпается
Под каблуком снежок.
А в клубе собирается
Колхозный драмкружок.

Дробятся звезды синие,
Кружат пушко́м у губ.
Белым-белы от инея,
Подружки входят в клуб.

Еще слепит ресницы им
Веселый луч, скользя,
Но больше репетиции
Откладывать нельзя.

И вот уж, за кулисами
Переменив наряд,
Заправскими актрисами
Подружки в зал глядят.

Пусть наскоро сколочены
Подмостки эти, пусть, —
Живут на них точь-в-точь они,
Как в песне — наизусть.

Встречаются, прощаются
И сходятся опять,
Клянутся, обещаются
Любить, не забывать.

Ведь та всему заводчица,
Что юностью зовут,
Подскажет всё, в чем хочется
Друзьям открыться тут.

И ветер, хитрый бестия,
Готов задуть огни,
Когда, по ходу действия,
Целуются они.

Просторный зал наполнивши
Биением сердец,
Они лишь после полночи
Простятся наконец.

А в окнах звезды светятся,
Кружатся налегке...
...Где завтра снова встретятся,
В каком другом кружке?

3—8 января 1948

210. ЗДЕСЬ ЖИВЕТ УЧИТЕЛЬНИЦА

На большак глядит недаром елка:
Чей там след снежком припорошен?
В тихий дом, что на краю поселка,
Каждый день стучится почтальон.

Почтальон, с которым ходят вместе
Грусть и радость возле всех ворот,
Знает он,
какой откуда вести
Старая учительница ждет.

И еще заране, у калитки,
Где хозяйка кормит снегирей,
Достает он письма и открытки,
Чтоб ее обрадовать скорей.

Возмужав под ветром непреклонным,
Расстояньям дальним вопреки
В дверь ее стучатся с почтальоном
Горняки,
пилоты,
моряки.

Адреса не раз переиначит
Их судьба, поставив сотни вех,
Но ведь есть учительница,
значит,
И надежный адрес есть у всех!

Подадут ей голос отовсюду,
Где б над кем ни занялась заря...
И конвертов разноцветных груду
В сундуке хранит она не зря.

Снова сердце бьется учащенно,
Их надежды снова ей под стать.
И, платок накинув, почтальона
На крыльцо идет она встречать.

«Кто сказал, что здесь живу одна я?
Вон следы мерцают у ворот!»
«Широка страна моя родная» —
В тихом доме радио поет.

10—12 декабря 1948

211. СТАТУЯ

В нашем школьном саду, где шумела трава непримятая,
Где сплетали деревья теней разноцветные сетки,
Одиноко стояла забытая женская статуя
Над заросшим прудом у затянутой хмелем беседки.

Сад был старый, помещичий. Ветром осенним
в семнадцатом
Он распахнут для нас, деревенских ребят и девчонок.
Мы, входя в него, знали, что некого больше бояться там,
Где казалось нам всё удивительным, словно спросонок.

Не у классной доски, а в далеком афинском акрополе
Иль на форуме римском певцов и героев судили,
И над нами шумели столетние липы и тополи,
Как священные лавры, хранящие древние были.

Был я мальчик застенчивый, бредил античными мифами,
Безыменную статую звал про себя Афродитой
И украдкой ходил к ней ночами весенними тихими
По тропинке невидимой, лунным туманом повитой.

Я не думал еще, что близка, словно корь неминучая,
Та болезнь, что потом будет названа первой любовью.
Но тревога росла. Мне хотелось, чтоб, сердца не мучая,
Посылала лишь статуя сны к моему изголовью.

А деревья сияли, в молчанье торжественном празднуя
Первый праздник свершенья, цветы превращающий
в завязь.
И сухими губами шептал я признанья бессвязные
Той, чей мраморный взор отгоняет и ревность и зависть.

Но однажды, когда перед нею стоял у откоса я,
На неверном свету, от волненья травинку кусая, —
В легком ситцевом платье, веснушчатая и курносая,
Из-за темной беседки подкралась девчонка босая.

Озорная, смешливая, первая в школе заводчица,
Оглянуться не дав, обвила мою шею руками,
Губ коснулась губами: «Уж больше тебе не захочется
В сад ходить одному, чтоб вздыхать на бесчувственный
камень!»

И ушла, а за нею тянулась трава чуть примятая,
Сад шептался, спеша повторить ее каждое слово.
Я, вздохнув, оглянулся, и мне показалось, что статуя
Поменяться местами с курносой девчонкой готова.

Январь — май 1949

212

Вспомню ль первой встречи день я,
Счастья близкого сигнал,
Верю —
с самого рожденья
Я тебя такую знал.

Не под песни птиц безгнездых
Под русалочьей луной —
Ты вошла в меня, как воздух,
Как тепло, как свет дневной.

Вся светясь без позолоты,
Дружбы-верности душа,
Ты явилась, все заботы
Разделить со мной спеша,

Жажду в жаркий час полудний
Утолить глотком воды,
Сделать зелень изумрудней,
Золотистее плоды.

И, взволнованный,
безмолвный,
Я увидел, что для нас
В гроздьях ливней,
в перьях молний
Мир прекрасен без прикрас.

Всходы вырастут на камне,
Если мы дохнем на них. . .
Как нужна ты, как близка мне,
Я теперь навек постиг.

1949

213

Когда в родных полях пшеница
Шумит-звенит со всех сторон,
Мне вся моя отчизна снится
Под этот шум, под этот звон.

Огни Донбасса и Урала,
Кузнецких домен жар крутой —
Всё, что невидимо вобрала
Пшеница в колос золотой.

10 ноября 1949

214

Ты прошла по стежке летней,
Как по радуге гроза.
Где, когда я видел эти
Васильковые глаза,

Сквозь пушистые ресницы
Взгляд лукавый, с огоньком?
Почему мне стало сниться
Счастье в облике таком?

29—30 ноября 1949

215

Улыбка сквозь слезы, как солнце сквозь дождь, —
Хорошей, счастливой погоды примета.
Послушаешь — шепчется спелая рожь.
Посмотришь — сияет широкое лето.

Так что ж волноваться из-за пустяков,
Прошла, словно облачко в полдень, размолвка,
У нашего лета характер таков,
Что хмуриться долго — смешно и неловко.

24—25 мая 1949

216

Когда в Москве, в концертном зале,
Ты песню русскую поешь,
К твоим ногам из дальней дали
Косые волны гонит рожь.

Мерцают жнивья за дорогой,
У непритоптанной тропы,
Где ты девчонкой босоногой
Вязала первые снопы.

Где, забывая про усталость,
Ты запевала на ветру
О том, что в поле примечталось
Под звон колосьев поутру,

О скорой встрече у колодца,
У ключевого родника. . .

А песня льется, песня льется,
Как летний полдень, широка.

Ей тесно там, в концертном зале,
И, всем ветрам наперекор,
Она летит в родные дали,
Как эхо, рвется на простор.

Ей все пути открыты в мире,
Где горизонт высок и чист,
И ловит голос твой в эфире
На полевом стану радист.

Вот он кружится над дорогой,
Над тонкой прошвой той тропы,
Где ты девчонкой босоногой
Вязала первые снопы,

Где за тобой сияло лето
У синих рощ, у ясных вод...
Девчата слушают: ведь это
Сестра их юности поет!

10—14 января 1950

217

Когда я рассматриваю в музеях
Картины прославленных живописцев,
Мне вспоминается фронт под Москвою
И друг из саперного батальона.

Он был, как и я, командиром взвода,
Вставал до зари, надевал фуфайку
И говорил, обжигаясь чаем,
О рвах, эскарпах и контрэскарпах.

А до войны у себя в Смоленске
Писал он лирические пейзажи,
Поля в золотистом мареве зноя,
Луга, где купались в росе березы.

От этих пейзажей его осталась
Лишь горсточка пепла. Они сгорели
От зажигательных бомб немецких
Во время первой бомбардировки.

И горсточку пепла развеял ветер. . .
Но он не любил говорить об этом,
Молчал, потирая зябкие руки,
Привыкшие к кисти, а не к винтовке.

Мы были знакомы давно, лет десять.
На выставках и вечерах встречались,
Но лишь на войне, в батальоне встретясь,
По-настоящему подружились.

Завидев меня, он бежал навстречу,
Кричал, поблескивая очками:
«Смотрите, смотрите, какое утро,
Какое пиршество красок в небе!

А лес? Что ни куст — то пятно цветное,
И пестрота их не режет глаза.
На полотне лишь большой художник
Такие мазки положить сумеет. . .»

Я трубку раскуривал. Мне казалось,
Что в Доме искусств мы сидим, листая
Альбомы картин мастеров любимых
В тисненых кожаных переплетах.

А он продолжал: «Вот прогоним немцев,
И я непременно сюда приеду.
Хочу написать подмосковную осень
Во всем ее русском великолепье.

Мне кажется: здесь я всего вернее
Чувствую душу природы русской. . .»
И вдруг чертежи блиндажей и дотов
Он доставал из своей планшетки.

Я знал, что ночами в сырой землянке
При свете мерцающего огарка
Он делал их тщательно и любовно,
Словно эскизы к своей картине.

А за оврагом гремели зенитки,
Спрятанные на опушке леса,
Ревели фашистские бомбовозы
В огне воздушного загражденья.

И в тесной землянке пред ним возникали
Картины Репина и Левитана,
Которым, как и его пейзажам,
Грозили фашистские зажигалки.

Он видел — ему вручена судьба их...
И он заслонил их собой в ту осень,
А сам навсегда под Москвой остался,
Не написав своей лучшей картины.

Вот почему в тишине музеев,
В гостях у прославленных живописцев
Мне вспоминается снова и снова
Мой друг из саперного батальона.

1941, август — октябрь 1950

218. ЯБЛОНЯ

Дикая яблоня выросла в чаще лесной,
Нож садовода ее не касался весной,
Летом тропинки никто не прокладывал к ней,
Осенью яблоки падали сами с ветвей,
Только давно бы засохла она от тоски,
Если б узнала, как яблоки эти горьки.
Яблоня в поле у самой дороги растет.
Щедрость свою ей когда-то привил садовод,
Девушки встречи под ней назначают весной,
В тень ее тянутся летом в полуденный зной.
И, что ни год, расцветает всё краше она...
Знает, наверно, какая ей доля дана!

29 мая 1950

КНИГА ПРИЗНАНИЙ

219

Мой дед всю жизнь молчал сурово,
Но про себя мечту таил:
«Вот если б знать такое слово,
Что прибавляет людям сил».

Он чуял — силы тают, тают,
А сердце всё твердит, твердит:
«Тот, кто такое слово знает,
Лишь для себя его хранит!»

Так, одинокий и бессильный,
Без лишних жалоб на судьбу,
Он и сошел под холм могильный,
Расправив плечи лишь в гробу.

Поняв, что век недолгий прожит,
Постиг ли он в свой час, скорбя,
Что ничего найти не может,
Кто ищет только для себя?

Не знаю я, но с малолетства
Родное слово свято чту.
То не от деда ли в наследство
Я получил его мечту?

И я готов молчать сурово,
Чтоб ветер дум не погасил,
И я ищу такого слова,
Что прибавляет людям сил.

Ищу всегда, ищу повсюду,
О неудачах не скорбя,
Я верю — я счастливей буду,
Ведь я ищу не для себя!

14 июня 1951

Свищут птицы, как будто спятили
От горячих июньских гроз,
И опять собрались приятели
На каникулы в свой колхоз.

По тропинкам, что с детства дóроги,
В час вечерний, росой пыля,
Бродят завтрашние геологи,
Инженеры, учителя.

В клубе ждут их друзья, которые
По-хозяйски садятся в центр.
Нынче — гордость консерватории —
Их ровесник дает концерт.

Что ж, что время в обрез отмерено,
Тополь смолк, не шумит ольха. . .
И на сцену всходит уверенно
Сын колхозного пастуха.

Кто-то в зале пускает шуточки,
Добродушный гудит смешок:
«Дескать, батька играл на дудочке,
А для сына мал и рожок!»

Вот, в Москве земляков прославивший,
Он рояль открывает, и вдруг,
Словно выпорхнув из-под клавишей,
Соловьи запевают вокруг.

Парни в поле идут, подсвистывая
Им на разные голоса,
Рожь выравнивается кустистая,
Гладит ветер гриву овса.

Над лугами, грозой умытыми,
Провожают ночь провода,
А под ивами, под ракитами
Ключевая журчит вода.

Поднялась трава — не колышется,
Чуть касаясь теплой земли. . .

Чья там песня в тумане слышится?
То косцы из села пришли.

И всё шире даль раздвигается,
Ни конца ей, ни края нет...
Смолк рояль, и все удивляются,
Что у окон стоит рассвет.

25—31 июля 1951

221

Да, теперь я вижу, в чем ошибся:
Я хотел, зачем не знаю сам,
Образ твой, как статую из гипса,
Вылепить по лучшим образцам.

Сил души истратил я немало,
Всю тебя обдумывал, любя,
Но взглянула ты и не узнала,
Не признала ты сама себя!

И тогда всё-всё я начал снова,
Вглядываясь в близкие черты,
Для лица такого мне родного
Не ища заемной красоты.

От тебя не отведу я взгляда,
Радости и горя не тая...
Ничего мне больше и не надо,
Только б ты сказала: «Это я!»

17—19 мая 1951

222. ОЗИМЬ

Дни листопада, но видно с пригорка березам,
Как прорастает и сил набирается озимь,
Как по утрам, не пугаясь ненастной погоды,
Всё зеленей, всё нарядней становятся всходы.

Пусть же скорей осыпаются желтые листья.
В зелени озими зелень весны шевелится.
Всё она выдержит: вьюги зимы и морозы...
Видят с пригорка далеко-далеко березы!

17 июля 1951

223. СИНИЦА

Первый снег опушил у деревьев ресницы.
И в лесу и в полях — тишина, тишина.
Вдруг из сада доносится голос синицы. . .
Как теперь ее песенка сердцу нужна!

Я недаром люблю ее с детства. Я знаю,
Что весной мы всегда забываем о ней,
Но под осень, за верность отцовскому краю,
Нам она всех других и милей и родней!

6—7 августа 1951

224. ПИСЬМО К БРАТУ

Мы с тобой бываем редко вместе,
Чуть сошлись — и разошлись опять.
Письма тоже, говоря по чести,
Любим получать, а не писать.

В жизни было всякое, но зря мы
То, что улеглось, не ворошим.
Словом, шлем друг другу телеграммы,
Да и то по праздникам большим.

Даже шутим: меньше пустяков в них,
Ни к чему бумажный хлам копить. . .
Только всё ж, товарищ подполковник,
Надо иногда поговорить.

Не в пути сойтись, не на два слова.
Ночь проговорить наперебой,
День за днем перебирая снова
Годы детства нашего с тобой.

Скажешь ты: «В них радостного мало»,
Так ведь я и не к тому веду.
. . .Шла война, у нас отца не стало
В горьком том, в шестнадцатом году.

А потом и мать похоронили,
Вдовья в гроб свела ее тоска.
Чтобы ты не плакал на могиле,
Кто-то подарил тебе щенка.

Рыжего щенка с мордашкой острой. . .
Ты его тотчас в охапку сгреб,
А в могиле глухо, с шумом черствым
Комья глины падали на гроб.

Из тумана брызнул дождик редкий,
Листьями опавшими шурша.
Сердобольно охали соседки:
«Пусть хоть пес утешит малыша!»

Пусть хоть пес утешит! . . Ты не помнишь,
Как могилу накрывала тень,
Как я плакал, глупый несмышленыш,
За тебя и за себя в тот день.

Я чуть-чуть постарше был. Я помню,
Не забуду на краю земли —
Желтый холмик и деревню Ломню,
Где дичками мы с тобой росли.

Где, бывало, тетка нам твердила,
Приютив у краешка стола:
«И зачем вас не взяла могила,
Коль судьба вам доли не дала.

Пропадать вам, долго иль коротко,
Не про вас шумят в полях хлеба. . .»
Вот что нам с тобой сулила тетка,
Темная крестьянская судьба.

Пусть ее не тронет укоризна,
Старой бабе, где ей было знать,
Что сама Советская отчизна
Нам заменит и отца и мать!

Нас она вспоила и вскормила,
Мужеством наполнила сердца,
Одного на песни вдохновила,
Указав другому путь бойца.

Я ль твержу стихи, иль ты присягу
Принимаешь во главе полка, —
Одному с тобой верны мы стягу,
Что, как пламя, озарил века,

Наше время — время не простое,
Надо быть достойным этих дней.
А про детство вспомнил для того я,
Чтобы путь пройденный был видней!

1952 (?)

225

Шумит зеленый ветер мая,
Вчерашний след зарос травой.
Девчата, рук не разнимая,
Идут дорожкой полевой.

Тепла дорожка полевая,
Видна, куда ни поверни,
И, о разлуке запевая,
О встречах думают они.

Их, как мечты о счастье, манят,
Так далеки и так близки,
Чуть уловимые в тумане
Блуждающие огоньки.

То за рекой, за речкой быстрой,
Там, где черемухе цвести,
В полночном поле трактористы
Спешат зарю с зарей свести.

19—20 апреля 1952

226

Каждый день всё ждешь и ждешь чего-то,
Вдруг, глядишь, встает среди полей
Радуга вполнеба, как ворота
В край просторный, в край весны моей.

Там теперь, теплы и золотисты,
Облака проходят над Днепром,
Там навстречу лету трактористы
За собой уводят первый гром.

Добрый гром, который птичьим звоном
Обновляет рощи и леса,
Не жалеет девушкам влюбленным
Серебра живого в голоса.

Чтоб узнал желанный, долгожданный,
Чьей красой красуется земля, —
Рано-рано на заре туманной
Девушки выходят на поля.

Вот они запели звонко-звонко...
Вместе с ними уж не первый год
Ходит по полю моя девчонка,
Мила друга на закате ждет!

Виден ей с любого поворота
Путь, что встречу скорую сулит...
...Радуга вполнеба, как ворота
В светлый край весны моей, стоит.

Апрель 1952

227

Чем бы наша модница
В поле не работница,
Да боится, что от солнца
Цвет лица испортится.

Косы могут вылинять,
Брови могут выгореть,
Что еще случиться может,
Даже и не выговорить!

Встанет утром — мается,
К полдню в тень скрывается,
А домой вернется с поля —
Гордая красавица.

Выйдет в сарафанчике,
Пальчики в карманчики,
Чтоб подруги удивлялись,
Чтоб влюблялись мальчики.

Тонко улыбается,
Чуть земли касается, —
Неизвестно как кому,
А себе уж нравится.

Рдеют щеки маковые,
Блещут туфли лаковые.
Почему ж проходят мимо
Девушки, помалкивая?

Мальчики колючие
Подмигнут при случае, —
Мол, красе такой от солнца
Гибель неминучая.

Косы могут вылинять,
Брови могут выгореть,
Что еще случиться может,
Даже и не выговорить!

Гордая красавица
Смотрит, удивляется, —
Неужель краса такая
Никому не нравится?

9—10 марта 1952

228

Казалось мне, я знаю,
Как песню, наизусть:
Что веселит мне душу
И что наводит грусть.

А встретился с тобою —
Всё позабыл, и рад,
Что был не в пору весел
И грустен невпопад!

14 мая 1950

229

Апрель исполнил всё, что мог.
Пока разлив шумел, неистов,
Он сам проверил грунт дорог,
Отправил в поле трактористов.

Обмыл у всходов корешки,
На деревах расправил почки.
Пусть май идет из-за реки,
Всё принимает без отсрочки!

Чернеют пашни за селом,
Сквозистый лес прохладой веет,
Но чуть дохни на них теплом,
И сразу всё зазеленеет.

Всё зацветет кругом, а ты —
Ты знай, внимая птичьим трелям:
Нам раскрывает май цветы,
Что приготовлены апрелем!

Апрель 1953

230

Словно сразу открылись все двери,
Город весь расплескаться готов.
Целый день в переполненном сквере
Говор, смех, половодье цветов.

Всюду музыка. Вальсы и марши
Вновь такого значенья полны,
Что не хочется думать, что старше
Стали на год мы с прошлой весны.

Так и ждешь тут под ветром упругим,
Уловив чей-то ласковый взгляд,
Что прохожие, встретясь друг с другом,
Вдруг стихами заговорят.

1953

231. В САДУ

В саду всю ночь костры горят,
Там теплый дым, пахуч и розов,
Укутал яблони до пят
От майских утренних морозов.

Садовник знает, как жесток
Весенний утренник бывает,
Что чуть раскрывшийся цветок
Своим дыханьем убивает.

Но, как бы ни был он суров,
Чтоб юный сад не знал увечий,
Довольно дыма от костров,
Тепла заботы человечьей.

И я недаром мудрость чту
Тех, кто сады хранит весною:
Нежней, чем яблоня в цвету,
Ты вновь встаешь передо мною.

Глаза открытые ясны,
Всё добрый день им предвещает,
Но я-то знаю, что весны
Без заморозков не бывает!

Чтоб страшный сон, мечты губя,
Вдруг не подкрался к изголовью,
Как теплым облаком, тебя
Я окружу моей любовью.

⟨1940⟩, май 1953

232. ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Кусты в серебряных сережках
Стоят, глядят по сторонам,
Где русый дождь на тонких ножках
Перебежал дорогу нам.

А дождь свернул за речку круто
В луга и там исчез из глаз. . .
И грянул птичий хор, как будто
Он поджидал лишь только нас!

Январь 1953

233. ДУБОК

Мой приятель лесник
Говорил мне, бывало, не раз:
«Верь тому, кто себя
Не спешит выставлять напоказ.
Погляди на дубок,
Что стоит на опушке лесной.
Позже всех он весной
Расправляет свой лист вырезной,
И так медленно-медленно
Тянется вверх от земли,
Что березы и ветлы
Давно его переросли,

Но коренья в земле
Укрепил он, и, дай только срок,
Всех оставит в тени
Ставший дубом вчерашний дубок,
Встретит бурю любую,
Спокоен, суров и велик. . .»
Я слова твои помню,
Мой старый приятель лесник!

17—18 января 1953

234

В который раз летит листва
С дерев, подросших на опушке;
В который раз всё те ж слова
Мы повторяем здесь друг дружке!

Но, постоянства верный знак,
Оставив клятвы наши в силе,
Мы произносим их не так,
Как в первый раз произносили.

В них отдается каждый вздох
И каждый звук звучит иначе,
В них версты пройденных дорог,
Утраты наши и удачи!

16 мая 1951

235. РЕЧКА-РЕЧОНКА

Прибежала девчонка
К речонке.
Протянула девчонка
Ручонки.

Ножкой топнула,
Крикнула звонко:
«Ты куда утекаешь,
Речонка?

С ветром, что ли,
Бежишь вперегонки?
Ты осталась бы
В нашей сторонке,

Разлилась бы
Серебряным плесом
По полям,
По зеленым покосам.

Над тобой бы
С утра и до ночки
Полоскали березки
Платочки.

По затонам твоим
На просторе
Вместе с нами
Купались бы зори

И на берег,
Ромашкой заросший,
Выходили б
В разлужье за рощей.

Ну, уважь меня,
Речка-речонка...
Иль не нравится
Наша сторонка?»

Отвечала речонка
Девчонке:
«Всё мне нравится
В здешней сторонке.

Колокольчики
В рощах грачиных,
Лепетуньи криницы
В лощинах,

Схоронившийся в жите
Поселок,
В дальнем поле
Свистки перепелок.

Грозы шумные,
Росы хмельные...
Только есть ведь
Сторонки иные.

Только есть ведь
Сторонки другие,
Все такие же мне
Дорогие.

Я текла по лесам
По дремучим,
Я по каменным прядала
Кручам.

Растекалась
Серебряным плесом
По полям,
По зеленым покосам.

Никогда не скучала
Без дела:
То на мельнице
Жернов вертела,

То такую турбину
Встречала,
Что огонь
Из воды добывала.

Свет в попутном селе
Зажигала
И всё дальше
Вперед убегала.

Так, со встречными
Ветрами споря,
Добегу я
До синего моря.

Подберу все ручьи,
Все криницы,
Чтоб рекой полноводной
Разлиться,

Чтобы волны мои
На причале,
Все в огнях,
Пароходы качали.

Где в пути
Повстречаю девчонку,
Расскажу ей
Про вашу сторонку.

И куда ни уйду —
Отовсюду
Посылать тебе
Весточки буду.

Легким облачком
С моря примчусь я,
Теплым дождичком
С неба прольюсь я.

На поля, на луга,
На дубравы,
Чтоб хлеба поднимались
И травы,

Чтоб кувшинки цвели
На просторе,
Чтоб купались
По заводям зори,

Молодела над омутом
Ива...
Ну, прощай,
Оставайся, счастливо...»

И, вздохнув,
Прошептала девчонка:
«До свидания,
Речка-речонка».

1953

236

Когда дождусь я от тебя привета,
Услышу голос юности моей,
Я вспоминаю не весну, не лето,
А осень и станицу журавлей.

Мы собирались в дальнюю дорогу,
И с той поры я в сердце берегу
Наш костерок в затишье на лугу
И птиц передотлетную тревогу,

Сухую горечь мяты, от которой
Нет-нет и тронет холодком в тени...
О, как в предчувствии разлуки скорой
Мы незаметно выросли в те дни.

Как дóроги нам стежки детства стали,
Укромные местечки первых встреч.
Как, на полслове обрывая речь,
Мы хорошо друг друга понимали!

Мы говорили обо всем на свете,
Не говорили только об одном:
Что время в путь, что мы уже не дети,
Что расставанье ближе с каждым днем.

И вдруг однажды за рекой, где длинной
Каймой по взгорьям озими взошли,
Увидели: кружатся журавли,
Трубя над вечереющей долиной.

«Прощай, прощай», — я слышал в каждом звуке,
И ты вздохнула, чуть потупив взгляд.
«Ну как, скажи, не думать о разлуке,
Когда о ней и журавли трубят!»

Был тих твой голос, только сердцу внятный,
И сердцем я услышал: «Пожелай
Счастливого пути им в дальний край
И новых сил на новый путь обратный.

Ты видишь: им открыты все пространства,
Но по весне их встретят здесь опять.
Так, может быть, науку постоянства
Дано и нам в разлуке постигать!..»

И вот, вдали от отчего порога,
Я вновь привету старой дружбы рад.
О верности, как прежде, говорят
Мне журавли и дальняя дорога.

1953

237. ВАРАКУШКА

В кустах над ручьем гнездится,
Хлопочет, сама не своя,
Варакушка, эхо-птица —
Кумушка соловья.

Чуть смеркнется за рекою,
Падет на траву роса,
Не зная ни сна, ни покоя,
Поет на все голоса.

И сколько напевов разных
Звучит у ее гнезда!
То пеночку передразнит,
То зяблика, то дрозда.

То иволге вторить станет,
В мальчишечью дудку дуть,
То вдруг соловью подтянет,
Не дотянув чуть-чуть.

И снова мотив капризный
Подхватит и поведет.
Вот только ни разу в жизни
По-своему не запоет.

Услышит ее прохожий
У родниковых вод,
Вздохнет: на песню похоже,
А за сердце не берет!

Недаром у нас говорится:
«Не всяк соловей в гаю.
Уж лучше ты будь синицей,
Да песенку пой свою!»

Июнь 1953

238. ИНЕЙ

Хороша погода зимняя,
Снег вчерашний чуть примят.
В лунном свете блеском инея
До краев наполнен сад.

Ускоряют шаг прохожие,
Ветер тени гонит прочь.
Отчего, скажи, тревожнее
Бьется сердце в эту ночь?

Почему, ответь мне, прожитый
Предо мною год лежит,
Как на первой на пороше той
След подкованных копыт?

Что там видится, что чается
И манит, манит вперед?
То ль былое вспоминается,
То ль небывшее зовет?

А вокруг всё, как во сне, бело,
Слышишь только ветки дрожь.
Что тут было, чего не было,
Хоть убей, не разберешь!

Что сбылось, о чем мечтается,
Что тревожит в час иной —
Всё в один узор сплетается,
Словно иней под луной!

1936 (?), 1953

239

Дождь затих, но долго в сумерках капели
С придорожных ветел падали, звеня.
В жите за дорогой девушки не пели,
Ты одна сидела, ты ждала меня.

Мы вдвоем бродили в поле до рассвета,
Юность провожали, ждали новых встреч.
Белые зарницы колыхало лето,
Их ловить хотелось, чтоб всю жизнь беречь.

Чтоб навек запомнить ночь перед разлукой,
Легкий звон капелей в теплой тишине,
А сегодня в поле, сколько ни аукай,
Ты не отзовешься, не ответишь мне.

Я не знаю, где ты: близко иль далече?
Мир широк... Кто скажет: свидимся ль опять
Иль, быть может, только в песнях наши встречи —
В радости и в горе — будем вспоминать?

1939 (?), 1953

240

Чуть запахло весной,
Разбежались ручьи, тараторя,
Грач-трубач тут как тут,
Прилетел из-за синего моря.

На проталину сел
И во всю свою громкую глотку,
Что тепло он принес,
Протрубил по всему околотку.

19 ноября 1954

241

Луга мои поемные,
Просторный шум полей...
Как там взошла — не помню я —
Звезда любви моей.

Но всё, что было около,
К чему привык давно,
Вдруг выросло, высокого
Значения полно.

Поверил я, что сбудутся
Мечты и сны мои,
Что станет верной спутницей
Звезда моей любви.

Что, птицами насвистанный,
По детским снам знаком,
Открыт мне мир таинственный
За каждым стебельком.

И с той поры мне явственно
Видна везде, всегда
Неяркая, но ясная
Любви моей звезда.

А сердце неуемное
С годами всё сильней
Зовет в луга поемные,
В просторный шум полей.

10—20 июля 1954

242

Веселый вестник ливней вешних,
Промчался в небе первый гром,
И вот
 открыл глаза подснежник
И озирается кругом.

Нагих дерев считает ветви,
Кусты, прозрачные насквозь.
Он верит:
 всё, что есть на свете, —
Лишь для него и родилось.

Зашевелилось, загудело,
Ему справляя торжество.
Он рад всему, и что за дело,
Что были весны до него!

22—24 марта 1954

243. ЭТО ТЫ

Где ручьи журчат, как песни,
В родниках набравшись сил,
Русских сказок мир чудесный
Душу мне заворожил.

Там теплынью веют гречи,
Пух клубится тополей,
Там, влюбленный, первой встречи
Я искал с мечтой своей.

Думал, выйдет Несмеяна
Из тумана над ручьем,
А она пришла нежданно
В милом облике твоем.

Молча руки опустила,
Как березка на плесу,
И земной красой затмила
Сказок древнюю красу.

Я не смел поверить чуду
В легком облачке тепла.
Но с тех пор со мной повсюду
Неразлучно ты была.

Это ты мне показала
Всё, что снилось в забытьи,
Это ты мне подсказала
Песни первые любви.

Это ты меня когда-то
В путь далекий позвала,
Это ты меня, солдата,
В отчий край с войны ждала.

Это ты дала мне силы
Все утраты пережить,
Чтоб о Родине — России —
Песни новые сложить.

Если был к себе я строгим,
Не утратил простоты,
Если жар души сберег я, —
Это ты всё, это ты!

И не за красу былую,
А за ясный свет любви
Благодарно я целую
Руки добрые твои!

26—29 ноября 1954

244

Ты проходишь в легкой блузке,
Каждый куст поет в саду.
Хочешь, я тебе по-русски
Соловья переведу?

Расскажу, о чем чуть слышно
В лунной дымке голубой
Шепчут яблони и вишни,
Расступаясь пред тобой,

Что во сне цветы тревожит,
Что бросает ветки в дрожь. . .
Остальное ты, быть может,
И сама тогда поймешь.

4—5 марта 1954

245

Знать, недаром снилась мне
Путь-дорога дальняя:
В поле, на околице,
Песенка прощальная.

Песенка прощальная
Смолкла, недопетая.
Как тебе мне высказать,
Что таил всё лето я?

Что сказать должны были
Внятным сердцу голосом
Луг травой зеленою,
Поле спелым колосом?

Ты пройдись, пригожая,
По тропинкам хоженым,
По местам примеченным,
Что всего дороже нам.

Ты пройдись, прислушайся,
Как трава колышется.
Может, что припомнится,
Может, что услышится.

Отзовется песенка,
В поле недопетая,
И тебе откроется,
Что таил всё лето я.

Как звезда, засветится
Вдруг слеза прощальная,
Не разлучит — сблизит нас
Путь-дорога дальняя.

1954

246

Все я стежки, все дорожки
Исходила нá поле.
Приютилась у окошка,
Слезоньки закапали.

Ни к чему платок ковровый,
Голубые кисточки.
Где ты, милый, чернобровый,
Что не шлешь записочки?

Хоть тобой при расставанье
Мне скучать не велено,
Без тебя поля в тумане
И луга не зелены.

Ты прими, мой чернобровый,
Слово запоздалое,
Ты прости мне, что сурова
Иногда бывала я.

Встречам радовалась мало
За рекой гремучею
И совсем не понимала,
Чем тебя я мучаю.

А теперь ночной порою
Об одном лишь думаю, —
Где, когда тебе открою
Всю любовь-тоску мою.

Догорел закат над рощей,
Счастье чуть пригублено. . .
Отзовись же, мой хороший,
Только в снах голубленный!

Январь 1954

247

Всегда задумчива, скромна,
Как верба у ручья,
Моя родная сторона,
Смоленщина моя.

Обожжена, как верба та,
Не раз грозой была.
Казалось: нету ни листа,
А смотришь — ожила!

Шумит, как прежде, зелена,
Вчерашний вздох тая,
Моя родная сторона,
Смоленщина моя.

Я на твоих просторах рос,
Лелеял все мечты.
О, дай мне сил, чтоб после гроз
Я оживал, как ты!

1954

248

На рассвете в апреле в березовой чаще
Дышит воздухом счастья и юности грудь.
Там березовик кажется чище и слаще,
Если прямо к ведерку губами прильнуть.

Пьешь глоток за глотком и от свежего сока
Сам как будто свежее становишься ты.
Снова дали просторны, и небо высоко,
И все мысли ясны, все желанья просты.

Словно день твой минувший и день настоящий
С днем грядущим слились и зовут тебя в путь...
На рассвете в апреле в березовой чаще
Дышит воздухом счастья и юности грудь.

30 ноября 1954

249

Пора страды горячая не в тягость
Тому, кто с детства знает наперед,
Что без него не сварит пива август,
Гостей за стол сентябрь не позовет.

20—24 ноября 1954

250

Теплы, как летом, вечера,
Лишь стали сумерки туманней,
Но знаешь ты: близка пора
Раздумий и воспоминаний.

Вот-вот и осень на порог
Придет под шелест листопада...
А всё ли сделал ты, что мог,
А всё ли делал так, как надо?

Ноябрь 1953

251

Закат перегорел. Осенний вечер мглист.
Густеет тишины перебродивший запах,
А на столе моем лежит кленовый лист
В прожилках золотых и розовых накрапах.

Я, как твое письмо, читать его могу,
Где вспоминаешь ты, мой тайный вздох почуя,
И встречи за рекой, и песни на лугу,
И всё, чего забыть не в силах, не хочу я.

21 ноября 1954

252. КИЕВУ

Киев, Киев! Над днепровской кручей
Я стою и слушаю влюбленно
Птичий щебет, говорок певучий,
Тополиный шепоток у склона.

Я впервые здесь, но я как дома,
Только сердце бьется чуть почаще.
Мне краса холмов твоих знакома
До любой подробности мельчайшей.

Вся, не только древняя София,
Памятник Богдану и Крещатик...
Уж не здесь ли в юности стихи я
Сочинял, бессонный, как лунатик?

Уж не здесь ли при свечах каштана
Я шептал их в майский вечер белый
Той, что в жизнь мою вошла нежданно
И дыханьем сердце мне согрела?

Нет, не здесь, не здесь, но у истока
Той реки, что разлилась широко,
Что Днепром-Словутичем зовем мы...
Не по ней ли мы с тобой знакомы?

Не по ней ли мы с тобой родные?..
В дни удачи и во дни невзгоды
Всюду слышал плеск ее волны я,
Что вспоила братские народы.

Киев, Киев! Над днепровской кручей
Я стою и слушаю влюбленно
Голоса всей Родины певучей,
Что несутся с Камы, с Волги, с Дона.

Потому-то я дышу, как дома,
Только сердце бьется чуть почаще.
Потому-то всё мне здесь знакомо
До любой подробности мельчайшей.

Май 1954

253—254. *Бетховен*

1

С тех пор как навсегда закрыл глаза ребенок,
Все слезы выплакав, окаменела мать.
Тот мир, что для нее был так широк и звонок,
Стал тесен и угрюм и перестал звучать.

Спустились небеса, как крышка гроба, низко.
О, скоро ль и она найдет в земле покой!
Пленившая давно всю Вену пианистка
Не в силах пробежать по клавишам рукой.

Ей кажется теперь, что самый звук греховен,
Что он мешает быть с душой наедине.
И вдруг явился он. Ее кумир — Бетховен.
Явился и сказал: «Я вас прошу ко мне!

Не стану утешать вас жалкими словами,
Нет в мире слов таких, чтобы утешить вас.
Но музыкой хочу поговорить я с вами. . .
Пойдемте же скорей. Не медля. Сей же час».

И больше не сказал учитель ей ни слова.
Когда ж в его приют, безмолвные, пришли,
Он сел за инструмент спокойно и сурово
И тронул клавиши. И звуки потекли.

Как много было в них унынья и печали,
Невысказанных слов, невыплаканных слез. . .
А звуки всё текли, а звуки всё крепчали.
О, если б их поток хоть часть тоски унес!

Хоть часть ее тоски! . . А сердце бьется чаще,
Скатилась на щеку отрадная слеза.
Прислушайся: шумят под вешним ливнем чащи,
Вот-вот и зазвенят в них птичьи голоса.

Поглубже бы вздохнуть! Нет, как нас жизнь ни мучай,
Она и в горе нам сладка и хороша!
И вот уже, волной подхвачена певучей,
Готова взвиться ввысь ожившая душа.

Пусть будет первый раз полет ее неровен, —
Как прежде, для нее открыт простор большой.
. . Недаром глухоту преодолел Бетховен
И слышит в мире всё отзывчивой душой!

10—11 марта 1954

2

Казалось всем: свобода так близка!
Она идет, и нету ей препоны.
. . .Республиканской Франции войска
Штыками опрокидывали троны.

Стирали, словно паутину, с карт
Границы династических владений,

И громовое имя «Бонапарт»
Монархов приводило в обалденье.

Он поднимался, преисполнен сил,
Как дерзости народной воплощенье.
В те дни Бетховен посвятить решил
Ему свое любимое творенье.

Симфонию о мужестве в борьбе,
О счастье жить торжественно и просто,
Нигде, ни в чем не уступать судьбе
И утверждать над смертью превосходство.

Он верил: консул Франции такой!
И, дар достойный принося таланту,
На партитуре собственной рукой,
Назло князьям, он вывел: «Бонапарту».

И вдруг друзья приносят весть, что тот,
Чей каждый выстрел метил по короне,
Республику послал на эшафот,
Чтоб тут же сесть на пустовавшем троне.

Стал консул императором, увы...
Бетховен молча выслушал известье,
Сказал, не поднимая головы:
«Век не простит подобного бесчестья!

Отныне он тиран для нас, друзья.
Таким законы ничего не значат...
Еще сейчас и предсказать нельзя,
Чем кончит путь, что был так славно начат.

Так пусть честолюбивый генерал
Найдет признанье лишь в солдатском гаме...» —
Он встал и посвященье разорвал
И в гневе растоптал его ногами.

12—13 марта 1954

255—259. *МУЗЫКА*

1

Всю ночь на цыпочках ходили в доме,
Лампады жгли. Рожала госпожа.
И даже сад в предутренней истоме
Стоял, прислушиваясь, чуть дыша.

С зарей раздался первый крик ребенка,
И в тот же миг в густой тени аллей
В ответ ему, торжественно и звонко,
Проснувшийся защелкал соловей.

И пусть твердят нам, что легенда это.
Нам всё равно. Мы сердцем верим ей.
На крик ребенка песней в час рассвета
Не мог не отозваться соловей.

Ведь мы-то знаем хорошо о том,
Что тот ребенок — Глинкой стал потом!

16 февраля 1954

2

Звонили в сельской тишине церквушки,
В саду скликались птицы по кустам,
А ночью лезли сны из-под подушки,
Все тени сказок, прятавшихся там.

Так детство шло. И вдруг — война, тревога,
Дом заколочен. Брошен мирный кров.
С тех пор навек запомнились дорога
И песни ополченцев-мужиков.

Далекие раскаты громовые
И облака, бредущие вразброд...
В тот год, наверно, понял он впервые,
В пути встречая грозовой восход,
Что не село — отчизна, а Россия,
Что, кроме слуг господских, — есть народ!

18—19 февраля 1954

3

Что до того — церковным ли трезвоном,
Запевками ль смоленского села,
Иль соловьиным посвистом влюбленным
Навеки в душу музыка вошла!

Она вошла и распахнула двери,
Велела спесь дворянскую забыть,
Не думать о богатстве, о карьере,
В искусстве трудном подвиг полюбить,

Постигнуть всё. И всё начать сначала,
Остаться без семьи и без жилья.
Стареть вдали от отчего причала,
Нигде покоя сердцу не суля,
Чтоб только песня русская звучала,
Широкая, как русская земля!

22 февраля 1954

4

Опять приснилось детство в Новоспасском,
Где задремала над Десной ветла,
Где на заре старик пастух с подпаском
С жалейками проходят вдоль села.

Где в час полдневный на любой полянке,
С горячих щек не вытирая пот,
Склонясь над сыном, голосом крестьянки
Россия о судьбе своей поет.

Душа звенит и снова верит чуду,
Забудь же одиночество свое,
Забудь друзей постылую остуду,
Ступай в поля, в крестьянское жилье. . .
Ведь музыку творит народ повсюду,
А мы — лишь аранжируем ее.

13—14 февраля 1947

5

Среди имен, что дороги нам с детства,
В чьих звуках гордость родины слышна,
Есть два особо дорогих для сердца —
То Пушкина и Глинки имена.

Их кровное родство, а не соседство
На вечные связало времена.
В том, что от них осталось нам в наследство,
Душа родной страны воплощена.

Душа страны, в которой так чудесно
Слились народа русского черты:
Спокойное величье простоты,
Открытость в дружбе, стойкость в битве честной
И вера в правду высшую мечты,
Что нам звучит как музыка, как песня!

24 февраля 1954

260

Февраль... Теплом дразнить он рад,
И как не верить тут,
Когда щеглы весь день свистят,
Весну в поля зовут.

Ты ждал: расплачется зима,
Сжав снежный ком в горсти,
И вдруг такая кутерьма, —
Пошла метель мести.

Метет и день, метет и два,
И нету ей конца.
Проложишь след едва-едва
К соседу до крыльца.

Сосед — охотник. Он всегда
Всё знает наперед.
И коль соврет, так не беда, —
Уж очень складно врет.

У старика довольный вид,
Погоде не под стать.
«А что? Зима не зря спешит
Запас свой вытрясать.

Февраль не даст отсрочки ей,
Он медлить не привык...»
И ты уж смотришь веселей,
Хоть знаешь — врет старик.

Метель метет, да как метет, —
    И свету не видать!
Но сердце верит, сердце ждет
    И не устанет ждать.

А поутру, пораньше встав,
    Ты улыбнешься вдруг:
«А ведь старик, выходит, прав,
    Всё улеглось вокруг».

Иль это длится сон? Но сна
    Нет ни в одном глазу.
Так глубока и так ясна
    За окнами лазурь,

Такой струится в душу свет
    И так им полон ты,
Что и в помине больше нет
    Вчерашней маеты.

9—11 января 1955

261

«Не жди от ранней оттепели прока,
Сегодня слякоть, завтра гололедь.
Весна, когда придет она до срока,
Еще ангиной может заболеть! . .» —

Там мы зимой друг друга поучаем,
Немалым опытом умудрены,
Но в феврале всё это забываем
И с наступленьем марта ждем весны!

15—19 марта 1955

262

Снова я в пути и снова молод,
Впереди весна и, как всегда,
Юноши и девушки за город
Провожать выходят поезда.

И до слез мне мил обычай этот,
Я и сам вот так готов идти,
Чтобы всем, кто в край далекий едет,
Пожелать счастливого пути!

25 января 1955

263

Ранним летом в кустах лозняка соловьи
Допевают последние песни свои,
И в июньские ночи под плесом Десны
Голоса их всё реже и реже слышны.

Лишь один не желает никак перестать,
Помолчит, помолчит и зальется опять.
От зари до зари выводить он готов
Все двенадцать колен на двенадцать ладов.

Он не плачет, хоть песня поется навзрыд,
Он весну отшумевшую благодарит —
За любовь, всколыхнувшую сердце до дна,
За тревогу, что спутницей счастью дана.

И, заслышав его, мы стоим не дыша,
И к страде предстоящей готова душа,
Потому-то, быть может, так дорого ей
Всё, о чем этот поздний поет соловей!

10—12 апреля 1955

264

Ты мне встреч не назначала,
Фотографий не дарила,
По весне в тени черемух
Нежных слов не говорила.

С кем на круг ни выходила,
Ты была одна и та же,
А о том, что я тоскую,
Не догадывалась даже.

Вслух сказать тебе об этом
Мог решиться лишь во сне я,
Наяву ж молчал, как мальчик,
То бледнея, то краснея.

Сколько раз в лугах и рощах
У дерев пытал и птиц я,
Где найти слова такие,
Чтоб во всем тебе открыться.

Как я слушал шум колосьев,
Шелест трав, ручьев журчанье!
Но тебе без слов, как прежде,
Сжал я руку на прощанье.

Всё в моем осталось сердце,
И всё так же сердце бьется.
Что тебе сказать не смог я —
Пусть хоть в песне отзовется!

28—29 декабря 1955

265

Меж хлебами
То бойко, то робко
Пробирается
Тропка-торопка.

А по этой по тропке
Всё лето
Кто-то бродит в полях
До рассвета.

Кто-то бродит,
Кому-то не спится,
Ждет кого-то,
Считая зарницы.

Птичье слушает
Разноголосье,
Гладит теплой ладонью
Колосья.

От его
Нерастраченной ласки
Всё вокруг вырастает,
Как в сказке.

В эту пору
Мне чудится часто,
Что меня
Окликает там счастье,

С самых дальних
Загонов и полос
Долетает ко мне
Его голос.

Говорит:
«Не проспи, моя прелесть,
Чтобы встретились мы —
Не расстрелись».

Поднимусь,
Выйду в поле на зорьке,
Но увижу
Лишь тень на пригорке.

И твержу
В этот утренний час я:
«От меня не уйти тебе,
Счастье.

Не сегодня, так завтра,
Я знаю,
Всё равно я тебя
Повстречаю.

Там, где в жите,
То бойко, то робко,
Пробирается
Тропка-торопка».

11—12 ноября 1955

266

Васильки цветут на луговине,
Это память встреч — глаза в глаза.
Вырастает горький куст полыни,
Где упала девичья слеза.

Ты об этом девочкой слыхала
И ждала, ждала, хоть душу вынь.
Васильки цветут. Им горя мало,
Что на свете есть трава полынь!

20—22 декабря 1955

267. КОКТЕБЕЛЬ

Есть что-то от древней Эллады
В тебе, коктебельская синь.
Трещат, не смолкая, цикады,
Горчайшая пахнет полынь.

Горят черепичные крыши
Домишек, стоящих не в ряд.
На взгорья — всё выше и выше —
Ползет из долин виноград.

А море всегда пред глазами,
Забыть его мы не вольны,
Торжественный слыша гекзаметр
В размеренном плеске волны.

И вновь его вечной красе я
Дивлюсь на твоем берегу,
И верю: корабль Одиссея
Отсель я увидеть могу.

И верю: у скал Карадага,
В сиянье осеннего дня,
Как моря шипучая влага,
Столетия входят в меня.

Все волны, собой не владея,
Спешат, чтоб к ногам моим лечь,
И чувствую здесь, как нигде, я
Не возраст, а время у плеч.

3—6 октября 1955

268. ГАЛЬКА

Сколько гальки у кромки прибоя
Перекатывает волна.
Розоватое и голубое
Сочетает с лиловым она.

Вся мозаика эта цветная
В переливах глазури морской.
Ты стоишь зачарован, не зная,
Что достать тебе легкой рукой.

Каждый камешек кажется глазу
Самоцветом, куда ни взгляни,
Но возьмешь на ладонь их — и сразу
Весь свой блеск потеряли они.

Цвет поблек, и оттенки иссякли,
Только мутная синева.
. . .Ты — художник, подумай: не так ли
Нас обманывают слова!

Как блестит, как играет иное,
Но проверь его, выставь на свет.
Не пленяйся же галькой цветною,
Бойся легких и скорых побед!

6—25 сентября 1955

269. ВО ВРЕМЯ ШТОРМА

Который день уж колобродит море,
Кипит котлом.
За валом вал, со всем вокруг в раздоре,
Прет напролом.

А ты на берегу, обняв колени,
Сидишь одна.
У ног твоих, вся в мутно-желтой пене,
Гремит волна.

Как под дождем, всё в крупных брызгах платье.
Волна растет.
И страшно мне: вот-вот тебя подхватит
И унесет.

Но ты глядишь, чуть побледнев от счастья,
В простор морской.
Как странно, что увидел лишь сейчас я
Тебя такой.

Что в юности твоей не мог заметить
Я той черты,
Когда уже любые бури встретить
Готова ты!

26 сентября — 2 октября 1955

270. ПОСЛЕ ШТОРМА

После шторма море пахнет йодом,
Берег в голубых цветах медуз.
Дышишь так, как будто мимоходом
Сбросил с плеч давно томивший груз.

Будто, разбиваясь в ярой сшибке,
Растекаясь пеной по песку,
Смыли волны все твои ошибки,
Растворили всю твою тоску.

Чуть подернут тонкой поволокой,
Пред тобой лежит простор большой,
И опять готов ты в путь далекий
С чистым сердцем, с легкою душой!

10—11 октября 1955

271

Теплый ветер края родного,
Запах поля, дымок жилья —
Всё тебе, певучее слово,
Боль моя и радость моя.

Родниковой воды отведав,
Я хотел бы вдохнуть в тебя
Всё, что сам получил от дедов,
Что коплю для внуков, любя.

3 мая 1956

272

Как в первый день, и свеж, и пышен
У сада праздничный наряд,
А приглядись получше — с вишен
Уж лепестки летят, летят.

Они ложатся на дорожку,
На голубом песке ясны,
Чтоб мы привыкли понемножку,
Что недалек конец весны,

Но, цвет топча опавший этот,
Не опускай печально век, —
Всё, что влюбленный взгляд отметит,
Мы сохраним в душе навек.

1939 (?), 1955

273

С годами в пору вешнего цветенья,
Покою не давая ни на миг,
Меня всё больше донимают тени
Невоплощенных замыслов моих.

Они ко мне протягивают руки,
Вставая из-за каждого куста.
«Бери все краски, запахи и звуки
И дай нам жизнь. Вели открыть уста.

Иль хочешь ты, чтоб над тобой нависли,
Как облака на раздорожье гроз,
Твои оставшиеся втуне мысли,
Слова, которых ты не произнес?»

Как я могу сказать им: «Погодите,
Для вас еще не наступил черед»,
Когда уж солнце дней моих в зените,
Вот-вот и на закат оно пойдет!

Уже влекут не помыслы о славе,
А то, в чем мы пред Родиной в долгу,
И я на завтра оставлять не вправе
Того, что нынче совершить могу.

Вот почему в дни вешнего цветенья,
Покоя не желая ни на миг,
Я сам в ночи вас вызываю, тени
Невоплощенных замыслов моих.

6—9 мая 1956

274. ХУДОЖНИКУ

Ты не гончар, что глину вымесил
И стал хозяином над ней.
Тебе твой замысел и вымысел
Не даст покою много дней.

Так будь упорней, сердце мучая,
Сжигая дни и вечера,
Но знай: твои созданья лучшие
Немыслимы без гончара!

12 февраля 1944, между 16 и 23 апреля 1956

275

У весны всё те же шутки,
Вот вернулась — и опять
Заиграли утки в дудки,
Вышли селезни плясать.

Что ж ты смотришь так, как будто
В наши лучшие года
Сами мы под эти дудки
Не плясали никогда?

16 апреля 1956

276

Встань на рассвете, слушай и молчи,
Где шепчут ветлы, протирая веки:
Летели гуси-лебеди в ночи
И уронили по пути ключи,
Которыми весна открыла реки...

Кто в эту пору на берег пойдет,
Когда зарю окликнет первый кочет,
Тот, как издревле верит наш народ,
Ключи весны найдет и отомкнет
В природе всё, что отомкнуть захочет.

Я тоже верю, русский человек,
Всему, что снится на родном просторе,
И день за днем готов искать весь век
Ключи от тех животворящих рек,
Что утоляют в радости и в горе.

Май 1946, 1956

277

В дни наших первых увлечений,
Когда мы ждем судьбы своей,
Чего-чего в ночи весенней
Нам ни насвищет соловей!

Дивимся мы, встречая зори:
Откуда он проведать мог
Про нашу радость, наше горе,
Про каждый наш случайный вздох?

Весна — красна во всех обличьях.
Да что глядеть по сторонам,
Когда в улыбке глаз девичьих
Вся прелесть мира светит нам!

Но вот весна отбушевала,
Отпировала и ушла.
Женой, подругой верной стала
Та, что мечтой для нас была.

Мы навсегда избрали жребий,
И, вестник трудовых забот,
Над нами жаворонок в небе
С утра до вечера поет.

Как нам теперь он мил и дорог
С нехитрой песенкой его!
Вещает он в родных просторах
Свершений наших торжество.

Но он в свой срок умолкнет тоже,
Исчезнет в знойной тишине,
Чтоб мы, былого не тревожа,
Могли подумать в тишине.

Чтоб нам открыла в час вечерний
Поры осенней благодать,
Что без весенних увлечений
Свершеньям лета не бывать.

22—26 мая 1956

278

Всё мне снится: поспевает рожь.
На колосьях теплый свет заката...
Так всю жизнь в душе и бережешь
То, что в детстве полюбил когда-то.

Скажут: это старомодно! Что ж,
Всё родное нам навеки свято...
Поле, поспевающая рожь,
На колосьях — теплый свет заката.

27 апреля 1956

279

Золото и синь осенних дней,
Чей-то милый голос в дальней флейте.
Приглядись, теперь нам всё видней,
Что осталось памятью о лете.

Пусть немножко нам взгрустнется, пусть...
Только б даль была открыта взору.
Душу освежающая грусть
Нам всего отрадней в эту пору!

26 февраля — 1 марта 1956

280

Сумерки. Рябиновый закат,
Огонек на жнивьях в дальнем поле...
Друг хороший! Чем я виноват,
Что всё это мило мне до боли.

Что в родной простор меня манят,
Памятью пережитого, что ли,
Сумерки, рябиновый закат,
Огонек на жнивьях в дальнем поле!

7—9 января 1957

281

Хозяйки величавы и строги,
Чуть перебросятся словцом коротким —
Они пекут с начинкой пироги,
Шипучий квас готовят к обмолоткам.

Таков обычай русских деревень:
Чтоб летом тучи не темнили неба,
Справлять с друзьями вместе в этот день,
В день обмолоток, — именины хлеба.

1926, между 14 и 23 ноября 1956

282

Критик мой нахмурится сурово,
Отгоняя даже тень улыбки:
«Как тебя я ни учу, ты снова
Повторяешь прежние ошибки.

Пишешь всё пейзажи да пейзажи,
Луг в цвету, березку в поле дальнем.
Пусть всё это мило, но нельзя же
Быть в наш век таким неактуальным!»

Строгий друг мой! Я ценю твой гибкий,
Трезвый ум; чутье твое — тем боле.
Но скажи: ты тоже по ошибке
Шел с любимой к той березке в поле?

10 июня 1955

283

Красна рябина, да горька,
Достанешь гроздь — и бросишь оземь,
Ну что ж! Не тронь ее, пока
Она не тронута морозом.

В свой срок нагрянут холода
И первый снег падет в ложбины,
Куда девается тогда
Вся горечь жесткая рябины!

Не спрашивай, что стало с ней,
Припомни лучше на просторе,
Как сам отталкивал друзей,
Пока еще не видел горя!

28 марта 1956

284. БАБКА

В детстве всё казалось огромней,
Всё страшней, чем на самом деле,
А за нашей деревней Ломней
Вековые леса гудели.

А над нашей деревней Ломней
Ярых гроз проносились кочевья
И каленые стрелы молний
Пробивали насквозь деревья.

И скрипели они, калеки,
И просили себе конца там...
Но в каком это было веке?
Неужели и впрямь в двадцатом?

Мне твердили друзья у тына,
Притаившись в тени березы:
«Это бабка твоя Катерина,
Рассердясь, накликает грозы.

Вещим словом своим недаром
Знаменита она в народе.
Заклинаньям ее и чарам
Покоряется всё в природе.

Только глянет недобрым взглядом
На поля — и в мгновенье ока
Выйдет на небо туча с градом
И подкосит хлеба до срока.

Подобреет она — и сразу
Солнце выглянет из-за тучи,
Ветерок по ее приказу
Тут же выпрямит колос тучный».

Я домой возвращался, полный
Детской гордости, что у бабки
Солнца, туч грозовых и молний
Под замком хранятся охапки.

И постигнуть не мог: откуда
У нее взялась эта сила.
Говорили ребята, будто
Черту душу она заложила.

Видом бабка была сурова,
Нас, детей, ласкала не часто,
Опасаясь, что вещее слово
Может нам принести несчастье.

И спросить у нее не смел я,
Даже лучшим друзьям в угоду,
Из какого такого зелья
Впрок готовит она погоду.

Подходил к ней всегда с опаской,
Хоть и не было в том запрета...

И далекой, далекой сказкой
Нынче кажется людям это.

Бабки нету давно на свете,
Да и внуки ее поседели,
Что такое погода — дети
Знают чуть ли не с колыбели.

Не пугают их, как бывало,
Стрелы молний из тучи черной.
Только сердцу этого мало,
Сердце большего ждет упорно.

Неспроста до сих пор у тына
Снится мне под шелест березы,
Будто бабка моя Катерина
В тишине заклинает грозы.

Видно, в детской вере, как эхо,
Отзывалась вера народа,
Что должна ж признать человека
Властелином своим природа.

И, пройдя сквозь огонь и воду,
Обретет он ту силу взгляда,
Что по мысли своей погоду
Сможет вызвать, какую надо.

Разомлеют поля от жажды —
Он велит собираться тучам.
Вдоволь стебель напьется каждый —
Он велит убираться тучам.

Всем ветрам он поставит вехи
По полям и лугам несмятым.
Но в каком это будет веке?
Ну конечно, в нашем, в двадцатом!

Март — апрель 1956

285

Дышат мягкой прохладой рассветы,
Родниковые плещут струи.
Вот он, берег зеленый, где спеты
Были первые песни мои.

Жду — появишься ты у излуки,
Раздвигая дремучий камыш,
И протянешь мне теплые руки,
Как бывало, в глаза поглядишь.

В этот час мне довольно и взгляда,
Чтоб опять, как тогда, я запел,
Мне сказать тебе многое надо,
Что когда-то сказать не успел,

Что, в душе затаивши глубоко,
Я на всех перепутьях сберег,
Чтоб открыться тебе у истока
Всех исхоженных нами дорог.

Там, раскинув тропинки косые,
Что влекут зачарованный взор,
Напоила нас в детстве Россия
Синью рек и лазурью озер.

Мы увидели дальние цели,
Всё пройти и разведать спеша,
Не беда, что в пути поседели,
Только б не очерствела душа.

Только б сердце желать не устало,
Всё изведав, что нам суждено,
И, какой бы теперь ты ни стала,
Я узнаю тебя всё равно.

Отзовись же, далекая, где ты,
Протяни мне ладони свои...
Дышат мягкой прохладой рассветы,
Родниковые плещут струи.

2—4 июня 1956

286

О том, что ты на свете есть,
Мечта моя,
Принес весенний ветер весть
В мои края.

Он веткой яблони в окно
Мне постучал,

Чтоб я один в краю родном
Не заскучал.

Сам, завертевшись колесом,
Ушел в леса.
И стала сниться мне во всем
Твоя краса.

Струился зыбкий свет ночей,
И с высоты
Кудрявым облачком в ручей
Гляделась ты.

Рябинкой тонкой на горе
Стояла ты,
Росинкой в лунном серебре
Сияла ты.

Цвела кувшинкой на пруду,
Простор любя. . .
Куда б ни шел, я знал: иду
Встречать тебя!

А ты, не ведая о том,
В глуши росла.
На берегу реки крутом
Гусей пасла.

Гусей пасла, цветы рвала,
Венки плела.
И, хоть не знала обо мне,
Меня ждала.

И сколько б ни было дорог
В твои края,
Я разойтись с тобой не мог,
Я не узнать тебя не мог,
Мечта моя!

10—18 июля 1956

287

Зима не любит четких линий,
Всё бахромой обволокла.
Мерцает снег, мерцает иней,
Мерцают в небе облака.

На искры свет дробится зыбкий,
Красой холодною дразня.
Ну, улыбнись. Одной улыбкой
Всё озаришь ты для меня.

10—11 ноября 1956

288

У наших зим — особенная прелесть:
Под вечер успокоится пурга
И хлынет свет, как будто загорелись
Закатом подожженные снега.

Сидит ворона на дубу жар-птицей,
Стоят оградой терема леса,
И кажется: вот-вот начнут твориться,
Как в мудрой русской сказке, чудеса.

10—12 октября 1956

289

Пусть звезда моей юности — Вега
Чуть мерцает, мне вновь не до сна.
Льется в душу мне первого снега
Целомудренная белизна.

Что с его чистотою сравнится,
До сих пор нас сводящей с ума?
Разве милая сердцу страница
Ненаписанного письма.

Сколько ждет ее дум сокровенных,
Передуманных ночью и днем! . .
Я письмо напишу непременно,
Первый снег мне напомнил о нем.

18—19 октября 1956

290

Ни радужных красок, ни блеклых,
Всё в белом — дома и холмы,
Но видишь: узоры на стеклах,
Фантазии русской зимы.

И в сказочных этих узорах,
В серебряной их тишине,
Мерцают сады, о которых
Вздыхал ты, быть может, во сне.

Твои потайные желанья,
Предчувствия близких тревог,
Всё то, чему даже названья
Ты дать бы сегодня не мог,

Что льнет к твоему изголовью,
Сгущая ночей синеву,
Нечаянно первой любовью
Нагрянет к весне наяву.

Вглядись же внимательней...
Смолкли
За окнами говор и смех.
...Огни зажигают в поселке,
И падает медленный снег.

9 октября 1956

291. СНЕГУРОЧКА

Податлив снежок мокроватый
Еще не окрепшей зимы.
Снегурочку лепят ребята,
Как в детстве лепили и мы.

Красны, как гусиные лапки,
Озябшие руки горят,
Не внучка для деда и бабки —
Подружка растет для ребят.

У всех на глазах вырастает,
Чтоб тут же войти в их семью,

И каждый мальчишка мечтает
Вдохнуть в нее душу свою.

Недаром, собравшись в сторонке,
В проеме широких ворот,
Ревниво косятся девчонки
На ту, что над снегом встает.

Постойте, не надо коситься,
Недолго Снегурочке жить.
Одно от нее сохранится —
Чудесная жажда творить.

Легли на снежок непримятый
Прозрачные тени зимы.
Снегурочку лепят ребята,
Как в детстве лепили и мы.

13—16 октября 1956

292

Будут наши потомки дивиться,
Как, идя сквозь бои, мы могли
Слышать мирное пение птицы,
Чуять запах весенней земли.

Вспоминать, просыпаясь с рассветом,
Что, наверно, сирень зацвела...
Мы об этом не думали, в этом
Жажда юности нашей жила.

4 декабря 1956

293

Все богатства русского пейзажа
В полное владенье нам даны:
Вьюжных зим серебряная пряжа,
Кружева зеленые весны.

Летний полдень в поволоке зноя,
Вечер, заглядевшийся в ручей.
Узорочье луговин цветное,
Теплый воск желтеющих полей,

Расписные крылья листопада
Над бездонной синевой озер.
Всё это твое, и сердце радо
Целый мир влюбить в родной простор.

13—14 ноября 1956

294

Весна без вещуньи кукушки —
Еще не весна, говорят.
Не смеют березки-подружки
Надеть свой зеленый наряд.

Боятся цветы распуститься,
Как будто не верят теплу,
И даже беспечные птицы
Все жмутся поближе к дуплу.

Вдруг грянет мороз в новолунье,
Не в пору подсыплет снежку. . ,
Но вот прилетела вещунья,
Прокрикнула где-то «ку-ку!»

И подняли головы птицы,
Деревья, кусты и цветы,
Готовы запеть, нарядиться,
Своей не тая красоты.

И поняли все на опушке:
Ни снег им не страшен, ни град. . ,
«Весна без вещуньи-кукушки —
Еще не весна», — говорят,

25—26 апреля 1957

295. АВТОПОРТРЕТ

Сказали б знакомые просто
На ваши расспросы в ответ:
«Сутулый, высокого роста,
С лицом без особых примет,

Совсем не похож на поэта,
Что вводит в волшебный чертог. . .»
Случайно услышав всё это,
Не много б добавить я смог,

Конечно, знакомые правы,
Я в этом признаться готов.
Как Лель из зеленой дубравы,
Не шел я в венке из цветов.

Весной не играл на свирели,
А в поле за плугом ходил,
В дубраву, где иволги пели,
Пегаску в ночное водил.

В разлужьях на речке Корчевке
Росистые травы косил,
И нáвек запомнил ночевки
В копне, что под вечер сложил.

Отведав шмелиного меду,
Где шепчет ветла в забытьи,
Я пил родниковую воду,
Что слаще Кастальской струи.

Не в счастье находки случайной,
Ключи ко всему подобрав,
В труде постигал я все тайны
Родимых полей и дубрав.

Что мне до поэтов, влекомых
В заоблачные края!..
К словам моих добрых знакомых
Лишь это добавил бы я.

1927, 11—13 февраля 1957

296

Темнеют разводья заката,
Деревья шумят в полусне.
С полей возвратившись, девчата
Поют об ушедшей весне.

Сидят на крылечке в потемках
И грустные песни ведут,
Но грусть этих песен негромких
Ребята как надо поймут.

Вздохнут в тишине виновато,
И вдруг потеплеет в груди...
...Темнеют разводья заката,
Большая заря впереди.

8—9 мая 1958

297

Я силков по кустам не ставил,
Птичьим песням внимал, как чуду,
И сказал мне мой дядя Павел,
Что хозяином я не буду.

Что хозяйничать без старанья —
То ж, что пиво варить без хмеля,
Что испортил меня Ананья,
Старый сказочник и пустомеля.

Ходит-бродит старик без толку
Да считает тропинки в поле.
Пусть бы снял со стены двустволку,
Подстрелил хоть ворону, что ли.

Только что мне укор тот горький!
Я не знал ничего желанней,
Как пройтись поутру на зорьке
По полям и лугам с Ананьей.

Знал он там уголки такие,
Где бродил лишь журавль картавый,
Потому, что всю жизнь мирские
Охранял он хлеба и травы.

Он всему, что цвело и пело,
И хозяином был, и другом.
Перед ним раскрывался смело
Каждый лист на стебле упругом.

Каждый куст просился в соседство,
Каждый колос тянулся с лаской.
Стало правдой большого сердца
То, что людям казалось сказкой.

И везде, где сияли воды,
Где курились луга туманом,
На веселом пиру природы
Был он гостем самым желанным.

Он ошибся, мой дядя Павел,
Не увидевший правды в сказке.
Дед Ананья мой взгляд направил
В мир, обжитый им по-хозяйски.

И, когда теперь ранней ранью
Я иду по родному краю,
Первым долгом его, Ананью,
Добрым словом я поминаю.

25—26 марта 1957

298

В глуши, в затишье, у заросших троп
Цветет гелиотроп.
Напомнит нам его неяркий цвет
О встречах прежних лет.

О тех, кто был когда-то сердцу мил,
Кто душу истомил,
С кем мы расстались, чтоб забыть сюда
Дорогу навсегда.

Но горе юности — ты это знаешь сам —
Дороже счастья нам.
Оно едва ушло, а ты уж рад
Вернуть его назад.

Готов без сна бродить у тихих троп,
Ища свой первый след,
Там, где в глуши цветет гелиотроп, —
Воспоминаний цвет.

4—7 июля 1957

299

Я помню руки матери моей,
Хоть нет ее, давно уж нет на свете,
Я рук не знал нежнее и добрей,
Чем жесткие, мозолистые эти.

Я помню руки матери моей,
Что утирали слезы мне когда-то,
В пригоршнях приносили мне с полей
Всё, чем весна в родном краю богата.

Я помню руки матери моей,
Суровой ласки редкие мгновенья.
Я становился лучше и сильней
От каждого ее прикосновенья.

Я помню руки матери моей,
Широкие, шершавые ладони.
Они — что ковш. Приникни к ним и пей,
И не сыскать источника бездонней.

Я помню руки матери моей,
И я хочу, чтоб повторяли дети:
«Натруженные руки матерей,
Святее вас нет ничего на свете!»

20 апреля 1957

300

Как мне родных полей не знать,
В них и любовь моя, и сила.
Меня грудным ребенком мать
С собой на жатву приносила.

Там мне снопы давали тень,
Колосья надо мной звенели
И ветры добрые весь день
Меня качали в колыбели.

Там по колючему жнивью
Я делал первый шаг неловкий
И, робость чувствуя мою,
Мне василек кивал головкой.

Когда же детство вдоль межи
Ушло в туманные яруги,
Там встречи первые во ржи
Я назначал моей подруге.

Тревоги юности моей
Там песня жней не раз гасила...
Как мне не знать родных полей,
В них и любовь моя, и сила.

18—19 марта 1957

301

Вился, завивался хмель на прясле,
Рожь была до плеч нам.
Загорались огоньки и гасли
На лугу заречном.

В радугах-веселках, в теплых ливнях,
Прошумевших где-то,
В сенокосных песнях, в песнях жнивных
Проходило лето.

По цветам багровым и лиловым
Уходило за лес.
Мы молчали. Счастье лишним словом
Мы спугнуть боялись.

Всё равно нам было: возле нас ли,
В девичьих ли песнях
Вился, завивался хмель на прясле,
Наших встреч ровесник.

11—12 марта 1957

302. ЛАНДЫШИ

Почую свежий запах ландышей —
И сам себя не узнаю,
Ведь это дух лесов взаправдашний
Вошел с ним в комнату мою.

Я оглянусь, вздохнув украдкою,
И от росы мокра щека,
А сердце тянет горечь сладкую
Травинки каждой и листка.

А ухо слышит в каждом шелесте
Все обещания весны,
И мир опять исполнен прелести
Почти знобящей новизны.

Ступай, росой лесных полян дыши,
Где столько тайн кусты таят...
Всё это мне напомнят ландыши,
Что на столе моем стоят.

И лист исписанный я комкаю,
И удержать не в силах вздох...
О, если б я строкой негромкою
Тебе напомнить столько мог!

25—26 февраля 1957

303

Вновь сквозь дым паровоза
Чую горечь берез,
А запахло березой —
Время сеять овес.

И стою у окна я,
Чтоб поближе к весне.
Тяга, что ль, земляная
Пробудилась во мне?

Все поля и полянки
Мне весной по пути.
На любом полустанке
Здесь готов я сойти,

С трактористами вместе
Ночевать, зоревать,
Первым сельские вести
От грачей узнавать,

Ждать с туманного плеса
Теплых ливней и гроз.
Распустилась береза —
Время сеять овес.

2—3 февраля 1957

304

Я не играл словами, помня
И в стужу лютую, и в зной,
Что у меня деревня Ломня
Есть на Смоленщине лесной.

Там я взрастал в хлебах и травах
И всюду шел с друзьями в ряд.
Слов неправдивых, слов лукавых
Мне там вовеки не простят.

31 марта 1957

305

Кричат грачи, журчат ручьи
            На все лады.
В снегу следы, не знаю чьи,
            Полны воды.

Как будто кто-то шел без вех,
            Без торных троп.
Ступал на этот гиблый снег
            И не утоп.

А грач, бросая тень крыла
            В проем окна,
Твердит, что так пройти могла
            Одна весна.

И, видя темный след в снегу,
            Я сам не свой
С крыльца высокого бегу
            Вслед за весной.

12 ноября 1957

306

Ручьи запели песенки,
Земля чудес полна.
Взошла по звездной лесенке
На небеса луна.

На тучку белоперую
Уселась и плывет
В ту сторону, в которую
Весна нас всех зовет.

Где всё, что снится, чается,
Найдешь среди полей,
Где юность возвращается
К тому, кто верен ей.

Пойдем туда, хорошая,
За реки и леса.
Мы юность нашу прожили,
Но верим в чудеса.

8 декабря 1957

307

Летней ночи легкое дыханье,
Тишина тропинки луговой,
Под ногами светлячков мерцанье,
Беглый свет зарниц над головой.

Я гляжу вокруг влюбленным взглядом,
Узнаю знакомые места,
И, как тень, везде со мною рядом
Ты, моя бессонная мечта.

Так коснись рукой моей руки ты,
Пред тобой за всё отвечу я,
Только б слушать, как шумят ракиты
На лугу зеленом у ручья.

Только б вновь, полны очарованья,
Мне открылись рощи и леса!..
...Летней ночи легкое дыханье,
Свет зарниц и светлячков мерцанье —
Сказочная русская краса!

3—9 мая 1957

308

Родник из-под камня пробился,
Струится, ни мал, ни велик.
И как же я в детстве дивился
На этот чудесный родник!

К нему приходил я с рассветом
От дома тропинкой прямой.
Струя не скудела в нем летом
И не замерзала зимой.

Прозрачный, спокойно журчащий,
Всегда напоит он людей...
И я повторяю всё чаще:
Вот так бы и песне моей!

14 января 1957

309

Снова мне вспомнились дни расставаний,
Снова стою на ветру росстаней.
Где ж вы, друзья моей юности ранней?
Где вы теперь, отзовитесь скорей.

В шахтах донецких, в степях ли Алтая
Ваши дороги сошлись в этот час,
Слышен ли вам из отцовского края
Голос негромкий, скликающий вас?

Я домоседом прослыл между вами,
Верен истокам вспоивших нас рек,
Но через вас я со всеми краями
Узами дружества связан навек.

Чтоб пожелать исполненья желаний
Всем вам — я встал на ветру росстаней.
Где вы, друзья моей юности ранней?
Где вы теперь, отзовитесь скорей.

11—12 апреля 1957

310

Слышишь, плачет иволга от счастья
Где-то за рекой в березняке.
Вновь кому-то с кем-то там встречаться
И бродить всю ночь рука в руке.

По лугам топтать густые травы,
На опушке разводить костры,
Знать, что тропки тайные лукавы,
Но молчать умеют до поры.

Ждать, что всё весна переиначит
В их судьбе у милых берегов...
Слышишь, иволга от счастья плачет!
Я и сам заплакать с ней готов.

1—3 июня 1957

311

Ах, ива, ивушка зеленая,
Ты надо мной не ворожи.
Ах, юность, девочка влюбленная,
Как мне забыть тебя, скажи?

Ответь, зачем ты мне встречаешься,
То в перелеске, то в лугу?..
Уж сколько лет с тобой прощаюсь я,
А всё проститься не могу!

3—4 августа 1957

312

В лесу, где дрозды промывают глаза
Под первым весенним дождем на рассвете,
Всё голо еще, лишь одна дереза
По мху разбросала зеленые плети.

Она и под снегом себя сберегла,
И первая вышла, весну принимая.
Мы в детстве бежали за ней из села,
Готовясь к веселому празднику Мая.

Ее мы охапками в школу несли
И свежестью леса колючей дышали.

Какие венки из нее мы плели,
Какими гирляндами зал украшали!

Какие она навевала нам сны
О счастье, о дружбе к ровесницам скромным!
Что ей до того, что до новой весны
О ней мы, наверно, ни разу не вспомним.

Нам юность немало цветов принесет,
Не раз позовет нас за синие реки,
Но годы пройдут, мы поймем в свой черед,
Что первых друзей не забыть нам вовеки.

7—8 февраля 1957

313

Она весной красой не блещет
И летом тени не дает.
В тени застенчиво трепещет,
Всегда, всегда чего-то ждет.

И, ожиданием томима,
Всё вдаль глядит, за синий плес.
А мы с тобой проходим мимо,
Под тень уютную берез.

Мы только в пору листопада
Заметим на опушке вдруг,
Что яркой пышностью наряда
Она затмила всех подруг.

Как будто все щедроты лета,
Всю силу света и тепла
Она собрала незаметно
И к дням прощанья сберегла.

28—29 мая 1957

314

Всё в тающей дымке —
Холмы, перелески...
Здесь краски не ярки
И звуки не резки.

Здесь медленны реки,
Туманны озера,
И всё ускользает
От беглого взора.

Здесь мало увидеть,
Здесь надо всмотреться,
Чтоб ясной любовью
Наполнилось сердце.

Здесь мало услышать,
Здесь вслушаться нужно,
Чтоб в душу созвучья
Нахлынули дружно.

Чтоб вдруг отразили
Бездонные воды
Всю прелесть застенчивой
Русской природы.

9—10 ноября 1957

315. ВСТРЕЧА В СТЕПИ

Выехал в степь богатырь Святогор.
Лебеди тянут с певучих озер,
Дышится вольно под говор копыт,
Силушка в жилушках так и кипит.
Только вот скушно в степи одному,
Не с кем помериться силой ему.
Мощью избыточной обременен,
Едет всё дальше и думает он:
«Вот если б тягу земную сыскать,
Мог бы я землю на плечи поднять...»
Вдруг, приглядевшись, увидел: идет
Ровным шажком впереди пешеход.
«Ну-ка, — решил Святогор, — догоню».
Тронул поводья, дал ходу коню.
Конь богатырский пустился в намет,
А пешеход всё идет да идет
Тем же шажком далеко впереди...
И закричал Святогор: «Погоди!
Кто ты такой — не могу я понять,
Пеший идешь — на коне не догнать...»
Остановился на зов пешеход,

Сумочку снял и на землю кладет,
Тут подъезжает к нему Святогор,
Так говорит, чтоб начать разговор:
«Русские люди, встречаясь в пути,
Счастье друг другу желают найти.
Но, чтобы счастья тебе пожелать,
Всё досконально я должен узнать.
С чем и куда по степи ты идешь,
Что в этой сумочке малой несешь?»
И отвечает ему пешеход:
«Я говорить не люблю наперед.
Если ты сумочку сможешь поднять,
Что в ней — сумеешь и сам угадать...»
Молча слезает с коня Святогор,
Молча на сумочку смотрит в упор.
Стал поднимать богатырской рукой —
Не шевельнул даже сумочки той.
Взялся двумя, понатужился враз —
В землю почти по колена увяз.
«Нет, не поднять, — наконец он решил. —
Что же, скажи, ты в нее положил?»
— «Аль не узнал? — пешеход говорит. —
В сумочке тяга земная лежит...»
Поднял с земли свою сумочку он,
За́ плечи бросил и отдал поклон.
Но Святогор окликает: «Постой!
Кто ж ты?» — «Микула я. Пахарь простой.
Сошка моя в борозде меня ждет...»
Шапкой махнул и подался вперед.
Долго глядит ему вслед Святогор:
«Дивное диво ты, русский простор!»

28—29 декабря 1957

316

Что ты вспомнишь — глаза эти, губы ль,
Кисти ль накрепко сомкнутых рук,
Или что-то другое, что Врубель
Заключил в свой невидимый круг?

Что тебе этот демон, сидящий
Средь волшебных цветов? Только миф!
Отчего же всё чаще и чаще
Бьется сердце, с чего ты притих?

Разве сказочных красок цветенье
Взволновало тебя? Не таи!
Почему промелькнули, как тени,
Пред тобой все дороги твои?

Не уйти от вопросов тревожных,
Не укрыться в расщелинах скал.
И зачем это столько художник
Человечьего демону дал?

А быть может, всё сделал затем он,
Чтобы ты не мирился с судьбой.
Приглядись, это вовсе не демон,
Это сам ты в боренье с собой.

1—2 октября 1957

317

Тебе на подоконник я
Записок не бросал,
Я только под гармонику
Частушки сочинял.

Несли они, те вестники,
Всё — и любовь и грусть.
Мои друзья-ровесники
Их знали наизусть.

И пусть, когда их пели мы
На том краю села,
Под вишнями под белыми
Другого ты ждала.

Посмеиваясь, девушки
Шли, ситцами шурша,
А я был счастлив тем уже,
Что так поет душа.

Не названа по имени,
Ты знала, что весной —
Чем хочешь напои меня —
Я пьян тобой одной.

И хоть не мне доверила
Ты девичьи мечты —
Моею меркой мерила
Того, другого ты.

И если сердцем чистым он
Нашел тебя в саду,
Коль встретиться случится нам —
Я глаз не отведу.

И нынче, не завидуя
И не ревнуя, вновь
Припомнил не обиду я,
А праздник твой, любовь.

1—17 июня 1958

318

Я по полочкам не раскладывал
Чувств, чтоб втиснуть в графленый стих.
Я и радовался, и радовал,
И грустил — себя не обкрадывал.
Я писал, как в глаза заглядывал,
Не скрывая тревог своих.

Никакой не чурался ноши я,
И таиться мне не резон:
Верю в людях во все хорошее,
В жизнь по-юношески влюблен!

16—17 января 1958

319

Я никогда не буду одиноким
И жажду жизни в сердце пронесу,
Пока есть грозы, ивы над потоком,
Тропинки в поле, иволги в лесу.

И всё же в час раздумья на закате,
Позолотившем колеи дорог,
Мне вспомнится твое рукопожатье,
Твой добрый взгляд и молчаливый вздох.

10—11 января 1958

320. АНДРЕЙ РУБЛЕВ

Возможно ль высказать без слов,
Как мир прекрасен за оградой?
И кисть берет Андрей Рублев,
Разводит краски под лампадой.

Он ангельский напишет лик,
Запечатлеет в нем навеки
Всё, что узрел, душой велик,
Возвышенного в человеке.

Свершить обет пришла пора,
Любовь превыше хитрых правил...
Чему учили мастера,
А в этом сам народ наставил.

Он твердо верит: человек
Явился в мир не для печали,
И пьет из тех чистейших рек,
Что в сердце с детских лет журчали.

Суров монашеский приют,
И тишина душе желанна,
А краски дивные поют
Всему живущему: «Осанна!»

10—11 марта 1958

321. ДРУЗЬЯМ

Любые даты в жизни спутав,
Мы не забудем день и час,
Когда к подъездам институтов
Мы подходили в первый раз.

Мы, первенцы поры суровой,
С тревожной юностью своей
Шли из глубин России новой,
С ее заводов и полей.

Шли, как на первое свиданье
Без слов затверженных идут,
Полны тревог, и ожиданья,
И веры в то, что нас поймут.

Придя, не пали ниц, как в храме,
Но в полный выпрямились рост,
В пути исхлестаны ветрами,
Идти готовы хоть до звезд.

А как мы книги в руки брали,
Тот лучший дар из всех даров,
Как прилежаньем покоряли
Мы стариков профессоров.

Ходили в стоптанных ботинках,
В супу ловили рыбий глаз,
Но пели так на вечеринках,
Как не умел никто до нас.

Ведь изо всех аудиторий,
Влюбившись в трудный свой удел,
Мы видели тот мир, который
Нас ждал для неотложных дел.

Так, чуя времени веленья
И вровень с ним стараясь быть,
Училось наше поколенье
Науке мужественной — жить.

26—28 ноября 1958

322

Я не спрашивал — как и к кому,
А ко мне ты приходишь без зова.
По ночам в папиросном дыму
Ты в глаза мои смотришь сурово.

Всё, что за день свершить я успел,
Ты представить велишь на проверку.
Правоту моих планов и дел
На свою измеряешь ты мерку.

Ставишь в строку мне каждый пустяк,
Где ненужно был щедр и где скуп я,
Обо всем, что задумал не так,
Говоришь, не щадя самолюбья.

Будоражишь и сон и покой,
На зеленую заводь похожий.
Но всегда после ночи такой
Свежесть утра я чувствую кожей.

Чуть забрезжит рассвет голубой —
На меня устремятся все реки...
Недовольство святое собой,
Я с тобой не расстанусь вовеки!

28 февраля или 1 марта 1958

323

Пускай угрюмые догматики
Ворчат, я к этому привык.
Я до сих пор еще грамматике
Нет-нет и покажу язык.

Не в школе, а в родных урочищах
Учил я первый свой урок.
Под кронами дерев рокочущих,
Что песни мне копили впрок.

Еще и азбуки не знаючи,
Не торопясь за парту сесть,
Я на снегу старался заячью
И лисью скоропись прочесть.

Сорочий почерк, почерк галочий
Я мимоходом разбирал,
И лишь потом крючки да палочки
Сам выводить в тетрадке стал.

Старался быть, как мог, прилежнее,
Но часто двойки нес домой,
За то, что видел поле снежное,
А не тетрадь перед собой.

Зубрил я правила грамматики,
А влек меня живой язык.
Так пусть угрюмые догматики
Ворчат. Я к этому привык.

18—19 июня 1958

324

Кто не был захребетником у века,
Нахлебником у времени не жил,
Кто званьем трудового человека,
Как самым высшим в мире, дорожил;

Кто в жарком деле первым был на месте,
Не ждал наград и не считал обид,
Тот, что б ни сталось, ни хулой, ни лестью
Ровесников своих не оскорбит.

15 ноября 1958

325

Подумай, виски уж седые сплошь,
И сердцу утрат не забыть,
А ты всё волнуешься, ты всё ждешь
То первых дождей, то первых порош,
Чтоб заново вдруг открыть
В сиянье полей и мерцанье рощ
То, чего прежде не ставил в грош, —
По молодости, может быть.
Не потому ль, чем больше живешь,
Тем больше хочется жить?

29 апреля 1956, 22—24 ноября 1958

326

С утра мороз, а днем стреха косая
Звенит капелью, птиц сводя с ума.
В такой февральский день и родился я,
Когда с весной встречается зима.

Открыл глаза под перезвон капели,
И стали мне свивальники тесны.
Не потому ль душе моей доселе
Всего милей предчувствие весны?

4 февраля 1958

327

Сугробов блестки слюдяные,
Небес морозных волшебство,
Но как тепло, моя Россия,
Мне от дыханья твоего.

Смолкают ветры за плечами,
Когда в отцовской стороне
Своими вещими очами
Ты прямо в душу смотришь мне.

Храня преданья вековые,
Ты вся живешь в грядущем дне.
Такой и видишься, Россия,
Ты наяву мне и во сне.

Как я на зов твой не отвечу,
Когда тобой полна душа?
...Так думал я, к весне навстречу
Декабрьским вечером спеша.

20—21 декабря 1958

328. ДУМАЯ О МАТЕРИ

Думая о матери, я иногда вижу ее теперь
В дни семейных торжеств и праздников,
Той урядливой, домовитой хозяйкой,
Которая, принимая степенных гостей,
Всё примечающих и всё запоминающих в доме,
Умела сказать каждому самое нужное слово.

Вижу я ее также в дни сенокоса и жатвы,
На лугу и в поле,
Где, такая нарядная и загорелая,
Обвеянная запахами трав и хлебов,
Она мимоходом ласкала меня,
Ловко подбрасывая то на копну,
То на только что навитый воз
И награждая хорошими шлепками,
Если я цеплялся за ее подол.

Но чаще всего я вижу ее совсем другою:
Притихшею, изможденною долгой болезнью,

С лицом, на котором остались только глаза,
Большие, темные, глубокие глаза,
Смотревшие куда-то далеко-далеко.

Была ранняя осень, убирали яровое,
Но мать никуда не отпускала меня от себя,
И я весь день сидел у ее изголовья
В пропахшей лекарствами избе,
Читая вслух рассказы из букваря.

Но в то, запомнившееся мне навсегда, утро,
Налитое светом, словно спелое антоновское яблоко,
Она вдруг сказала, что ей стало немножко лучше
И что я могу пойти с приятелями в поле
Либо поехать на луга,
Где теперь пасли коней и жгли веселые костры.

Я не мог скрыть своей радости:
Ведь я уже так давно не бегал с приятелями,
Не ездил верхом,
Не сидел у потрескивающего костра,
Не ел печеной картошки с салом.

Мать заметила это и улыбнулась,
Улыбнулась, как только умела улыбаться она,
Очень грустной и очень доброй,
Всё понимающей улыбкой,
И облегченно вздохнула.

Она взяла мою голову,
Пригладила легкой, почти невесомой рукой вихры,
Поцеловала в лоб, перекрестила
И, отвернувшись к стенке,
Прошелестела пересохшими губами:
«Ступай, мой мальчик».

Мне стало стыдно, что я оставляю ее,
Хотелось стать пред ней на колени,
Сказать: «Прости, мамочка,
Я никуда не пойду от тебя...»
Но я ничего не сказал
И до сих пор не могу простить себе этого,
Потому что больше я ничего не мог сказать ей.

Мать умерла без меня.
Когда я вернулся, ее уже обрядили в последний путь.
Только потом мне рассказали,
Что самым последним словом,
Которое она произнесла, прощаясь с жизнью,
Было мое имя.

И тогда я понял,
Почему она не хотела,
Чтобы я видел ее умирающей,
Она хотела, чтобы я жил,
Думая о жизни, а не о смерти.

5—6 ноября 1958

329. СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Вот что было со мною однажды,
Наяву иль во сне — не знаю,
Помню только, что это было
Душной ночью в средине лета.

По лугам набродившись за день,
Я, усталый, прилег под стогом
И уснул, окунувшись сразу
В пряный омут свежего сена.

Как закат догорел — не видел,
Как запели сверчки — не слышал,
Спал, как только под стогом спится,
С легким облачком в изголовье.

Что мне снилось? Наверно, то же,
Что всегда в эту пору снится,
Что, увидев места родные,
Называем мы милым детством.

Полдень, луг, костры иван-чая,
Перекличка ребят и девчонок,
Загорелых, с ногами в цыпках,
С облупившимися носами.

Кузовки полны земляники,
Но домой возвращаться рано —

Малышей мокроносых нянчить
Иль присматривать за гусями.

Пусть всё злее оводы жалят,
Пусть спекаются губы от жажды, —
Этот полдень не повторится
И приснится тоже не скоро...

Тут открыл я глаза — как будто
Кто-то рядом меня окликнул.
На локтях приподнялся и вижу:
Еж меня сторожит на кочке.

«Здравствуй, Еж Ежович, — сказал я, —
Что хорошего ты принес мне?»
— «Здравствуй, здравствуй, — в ответ
услышал. —
Крепко ж спал у меня в гостях ты».

«У тебя в гостях?» — улыбнулся
Я, дивясь не тому, что слышу
От ежа слова человечьи,
А тому, что хозяин здесь он.

«Да, в гостях у меня, — подтвердил он. —
И за то, что тобой, как равный,
Я по имени-отчеству назван,
Ты сейчас кое-что увидишь...»

Так сказав, он в клубок свернулся,
С боку на бок перекатился,
На глазах у меня наливаясь
Серебристо-матовым светом.

«Да ведь это ж не еж, а месяц!» —
Про себя я воскликнул, видя,
Как его колючие иглы
Разбегались вокруг лучами.

И, пронизано теми лучами,
Стало тело мое невесомым,
И опять я услышал голос:
«Ну, теперь-то ты мне поверил?

Сны твои подсмотрел я нынче,
Всё, о чем ты вздыхаешь, знаю, —

Не тебе одному, конечно,
Снится милое сердцу детство.

Я тебе вернуть его мог бы,
Чтобы начал ты жизнь сначала...»
— «...Что ж для этого сделать нужно?» —
Перебил я нетерпеливо.

«Что для этого сделать нужно?..
Так, немножко. Забыть, что было.
Всё, что ты на веку увидел,
Всё, что пережил, передумал.

Всё, что радовало, что томило,
Что манило тебя в дорогу,
Что в разлуке щемило сердце
И врезало на лбу морщины.

Чем гордился, чего стыдился —
Всё из сердца ты должен вынуть.
Если сможешь ты это сделать —
Я готов вернуть тебе детство.

Вот подумай...» И в то же мгновенье,
Словно сам над собой поднявшись,
Все пути свои я увидел,
Всех друзей — и живых и мертвых.

Тех, что шли из лесной глухомани
В лапотках за наукой в город,
Чтоб в родные края вернуться
Агрономами, учителями;

Тех, что скуки вовек не знали,
Всё умели: спектакль поставить,
Под гармошку сплясать на свадьбе,
Прочитать доклад о гипнозе;

Тех, что мне стихов не прощали
Про березовые опушки,
Где всё лето иволги пели,
Где играла осень на скрипке.

Пожимали плечами: вот, мол,
Занимается пустяками,

Хоть и парень как будто свойский,
И пахать и косить умеет.

А потом на фронте в окопах,
Перед очередной бомбежкой,
«Почитай-ка стихи, — просили, —
Знаешь, с иволгой да со скрипкой».

А потом, в День Победы, выпив
На родном пепелище, пели
О березоньке белой в поле,
До комля расщепленной снарядом.

И, себя оборвав на полслове,
Говорили подругам: «Ладно,
Всё вернется, коль мы вернулись,
Даже лучше и краше станет...»

Впрягшись в воз — везли без оглядки,
Чтоб хлеба росли веселее,
Чтоб о лете иволги пели,
Чтоб играла осень на скрипке.

Разве ж можно забыть мне это,
Разве ж можно из сердца вынуть?
«Еж Ежович, скажи на милость,
Месяц Месяцевич, подумай:

Ты вернуть обещал мне детство,
Чтобы начал я жизнь сначала...
Нет уж, я со своим поколеньем
До конца пройду все дороги».

«Так и знал я», — ответил месяц
И в ежа обратился снова.
А над краем туманным леса
Проступала зари полоска.

Вот что было со мною однажды,
Наяву иль во сне — не знаю.
Помню только, что это было
Душной ночью в средине лета.

24—29 июля 1959

330

Сколько дорог — столько тревог
У юности впереди.
Собрался, как мог, скорей за порог,
Куда загадал — иди.

Под вспышками гроз и в трескучий мороз
Юность себе верна.
На каждый свой спрос у встречных берез
Получит ответ она.

Восход и закат ей счастье сулят,
А счастье — оно в пути
Не зарытый клад, а открытый взгляд,
Его нельзя обойти.

И ветер поет у проточных вод,
И травы шепчут, шурша:
Спохватится тот, кто в путь не пойдет,
Когда позовет душа.

Взойдет на порог и прикусит вздох,
Чужой и полям и лесам:
«Сколько дорог, сколько тревог
Украл у себя я сам!»

29—30 июня 1958

331

На звон и вес испытывать слова —
Высокая и чистая отрада,
Но больше, чем кому другому, надо
Нам, чтоб с землей не утерять родства,
Следить, как пробивается трава,
Как начинает зеленеть листва,
Как запевает зяблик в гуще сада,
И даже за лягушечьим «ква-ква»
Услышать всё, что слышать юность рада,
Иначе — сердце высушит досада,
Что звон и вес утратили слова!

6 мая 1958

332

Мне по сердцу ясность
Пейзажа осеннего,
Как пушкинский стих
И как проза Тургенева.

Рукою уверенной
Мастера мудрого
В природе всё прибрано,
Лишнее — убрано.

И всё так отчетливо
Видится-слышится —
Летят журавли,
Паутинка ль колышется.

Но ловит мой слух
И находят глаза мои
Здесь главное самое,
Важное самое.

Дороги с груженными
Хлебом машинами,
Луга с гребешками
Костров петушиными.

Опушку, где тропка
Любая примечена,
Где каждое дерево
Солнцем просвечено.

Ликует сентябрь,
И у ног моих тень его.
Мне по сердцу ясность
Пейзажа осеннего.

21—22 июня 1958

333

Вот уж и полвека минет скоро,
Как на белом свете я живу,
Вижу край, где тихие озера
Сны мои колышут наяву;

Где я рос под ливнями косыми,
Горстью воду грозовую пил,
Где ногами легкими, босыми
Сто тропинок в детство проторил;

Где в лицо мне веял ветер свежий
Всех дорог, открывшихся нам вдруг,
Где, ломая вековые межи,
Первый трактор вел мой первый друг.

Как всё это далеко, как близко!
Нерушимо кровное родство.
Запевает песню трактористка, —
То не дочь ли друга моего?

А поля зовут веселым звоном
И готовы всё открыть до дна,
А черемуха цветет по склонам,
Как и в юности моей, хмельна!

А весна всё так же льет в озера
Теплую густую синеву,
И не веришь, что полвека скоро,
Как на белом свете я живу.

Только сердце замирает, млея,
Словно опускаясь с высоты,
Только стали мне еще милее
Полевые скромные цветы.

Я иду, дорог не разбирая,
Чтоб спросить у лип и тополей,
Почему красу родного края
Мы с годами чувствуем сильней?

9—11 апреля 1958

334. НАДПИСЬ НА СТАРИННОЙ КНИГЕ

Сильней мечей и стрел, необоримей стен,
С высот на дольний мир взирающих надменно,
То слово, где живой огонь запечатлен,
Чтоб сделать явным всё, что было сокровенно.

Я видел на веку немало перемен,
В круговороте дней страстей кипела пена.

Я знал земных владык величие и плен,
И вот я говорю: не преклоняй колена!

Коль князь и судия рабы сует дневных —
Непрочна слава их, как свиток из бересты.
Вновь взвесят их дела, путей исчислят версты,
Едва растает дым кадильниц золотых.
И спросишь ты себя, почуяв запах тлена:
«За что и перед кем я преклонял колена?»

1945, 1958

335

Милый друг! Мы мужали на стыке эпох,
Сердцем чувствуя каждый излом.
Нам не раз приходилось прикусывать вздох,
Боль завязывать мертвым узлом.

Что теперь нам сраженья в табачном дыму
И удары чернильных рапир?
Мы с тобою видали такое, чему
Удивился бы даже Шекспир!

6 декабря 1954

336

Как дерево, что кроной все упорней
Стремится ввысь,
Ветвями небо обняло, а корни
Глубоко под землей сплелись, —

Так я стремлюсь душой к просторам светлым
Грядущих дней,
А корни там, во глубине столетий,
В преданьях родины моей.

22—26 октября 1958

337

Я не знаю: откуда пришла и куда ты уйдешь;
Что ты: свежесть дождя или яблони знобкая дрожь?
Только знаю: ты здесь, хоть твой облик, как сон, невесом,
И могу я тебе, не таясь, рассказать обо всем.

Между мной и тобой не порвется незримая нить.
Уж тебе-то известно, каким бы хотелось мне быть.
Значит, всё ты поймешь, не потатчица и не судья,
Память первых тревог, неподкупная память моя.

10 октября 1957, 9 апреля 1959

338

Как в юности любил я поздним летом,
Когда так ясны, так ядрены ночи,
Придя с гулянки, засыпать в омете
На свежеобмолоченной соломе,
Так вкусно пахнущей дымком овина.

Лежишь, укрывшись армяком, бывало,
И слушаешь, как затихают песни,
Как ходит со своей трещоткой сторож,
Напоминая парочкам последним,
Что скоро полночь, время расставаться.

Но вот и сторожа не стало слышно,
Всё-всё до первых петухов уснуло,
Не спит лишь месяц над гумном да звезды,
Слетевшиеся к самому омету,
Как стая голубей на зерна жита.

Ты их считаешь, глядя сквозь ресницы,
И кажется тебе, что стоит только
Чуть-чуть под армяком пошевельнуться,
И тотчас все вспорхнут они, оставив
Лишь пух голубоватый у омета.

Но ты не шевелишься. Тяжелеют,
Всё ниже, ниже опускаясь, веки,
И голуби — теперь уже не звезды,
А в самом деле голуби — спокойно
В соломе у щеки твоей воркуют.

И слышишь ты сквозь это воркованье
Тот милый голос, что тебе всё лето
Звенел в полях и на лугах. Быть может,
Теперь он скажет всё... Но на деревне
Уже запели петухи. Светает.

Пора вставать на молотьбу. Отбросив
Армяк, набрякший от росы, всем телом
Вбираешь ты рассветную прохладу
И чувствуешь, что день твой самый лучший
Тебя возле омета поджидает.

13—14 января 1958

339

Не много нужно хитрости —
То знают с давних пор, —
Чтоб из карманов вытрясти
Собравшийся там сор.

Коль с ним монету выронишь —
Убыток небольшой.
Но душу-то не вывернешь.
Так как же быть с душой?

Чуть что — замок повесила,
Уж лучше не тревожь...
И всё же, ты, поэзия,
К ней путь всегда найдешь!

1959

340

Край родной, я рос под шум дубравы,
Всё во мне твое — любовь и грусть.
Песней сердца я не кличу славы,
А придет — я только улыбнусь.

Поклонюсь твоим ручьям и рекам,
Поклонюсь долинам и холмам,
Пахарям, жнецам и дровосекам,
Всем твоим умельцам-мастерам.

Девушкам-веснянкам у колодца,
Матерям-хозяйкам за столом.
Поклонюсь за то, что мне поется,
Что в ладу я с добрым ремеслом.

Окунусь в твои хлеба и травы,
Под грозой живой воды напьюсь...
Край родной, я рос под шум дубравы,
Всё во мне твое — любовь и грусть.

1959

341

В часы тревоги и сомненья,
Когда томят немые сны,
Не думай, будто вдохновенье
Вдруг прилетит со стороны.

Оно не сказочная птица,
Поющая у ясных вод,
А искра, что в кремне таится
И твоего удара ждет.

18—19 марта 1959

342

Чтоб в глаза тебе время глядело,
Встань под солнцем с открытым лицом.
За какое б ни взялся ты дело —
Не поденщиком будь, а творцом.

Уважай в себе мастера. Требуй —
Больше чем от других — от себя.
И любой — самый скромный свой жребий —
Ты прославишь, навек полюбя.

3—4 января 1959

343. НАШЕ РЕМЕСЛО

Может быть, среди ремесел трудных
Нет трудней, чем наше ремесло.
В нем всё то, что в праздниках и в буднях
Радостью и горем сердце жгло.

Отдели себя от них, попробуй!
Разве запах отделим от трав,
Разве есть рецепт на тот особый,
Чувства очищающий состав?

И твердим мы всем, кого взманила
Легкая удача: «Не спеши!»
Мы перо макаем не в чернила,
А в крутой отстой на дне души.

Сколько нас подстерегает подлых
Мелочей — соблазнов и обид,
Но ведь ремесло поэта — подвиг,
Ставший бытом, чтоб возвысить быт.

Чтобы, если не на ветер бросил,
Слово в каждом сердце проросло.
Потому-то средь земных ремесел
Всех счастливей наше ремесло.

22—23 июля 1958

344

Я рос лицом к лицу с родной природой,
Почти с рожденья подружившись с ней.
Замшелый пень, как дед сивобородый,
Рассказывал мне были давних дней.

В чащобах не давая заблудиться,
Среди лесной дремучей ворожбы
По ягоды меня водили птицы,
А белки — по орехи да грибы.

Но там, где каждый шорох что-то значит,
Всё услыхать и разгадать сумей.
От нас природа тайн своих не прячет,
Но учит быть внимательнее к ней!

2—3 февраля 1959

345

Зеленая околица,
В тумане огоньки.
Идет, поет вполголоса
Девчонка вдоль реки.

Прикрыв глаза ресницами,
От счастья чуть дыша,
Поет о том, кто снится ей,
Кого зовет душа.

Сияньем вечеров она,
Как музыкой, полна,
Навеки очарована,
Впервые влюблена.

И вот поет вполголоса,
Без слов... Да что слова?
Ей вторит вся околица,
Цветы, кусты, трава.

Весь луг, шелками вышитый,
Весь добрый мир полей...
Неужто ж не услышишь ты,
Не отзовешься ей?

12 июня 1959

346

Куда ни посмотришь — родные,
Открытые сердцу края.
Я весь пред тобою, Россия,
Судьба моя, совесть моя.

Не ты ли меня окружила
Простором лугов и полей,
Не ты ли меня подружила
С задумчивой музой моей!

Не ты ль полновесного слова
Открыла мне все закрома...
Я знаю — за это сурово
С меня ты и спросишь сама!

Не раз к твоему придорожью
Приду я от песенных рек,
Чтоб даже нечаянной ложью
Тебя не унизить вовек.

Так спрашивай строже — отвечу
За всё: за подруг и друзей,
За самую краткую встречу
С задумчивой музой моей,

За песни, которым впервые
Внимают родные края...
Я весь пред тобою, Россия,
Судьба моя, совесть моя!

10—11 марта 1959

347

Я не знаю своей родословной,
Дальше прадедов счет не идет,
Только знаю — в родне моей кровной
Были все не гулящий народ.

В праздник — песенники, балагуры,
В будни — слово клещами тяни.
И хоть драли с них разом три шкуры,
Всё равно выживали они.

Дома разве зимой ночевали,
Чуть весна — у костров на станах.
Ляда прятали, пни корчевали,
Нагоняя на лешего страх.

Жито ль сеяли, травы ль косили —
На земную молились красу.
И дивились медведи их силе,
Уступая дорогу в лесу.

Говорили друг другу соседи:
«Что б у них ни случилось в дому,
Работяги двужильные эти
Не пойдут на поклон ни к кому.

Не заплачут, на улицу выйдя,
Всё как есть из избы вынося...»
Я на предков моих не в обиде,
Коль характером в них удался!

9—10 февраля 1958

348

Журавли еще в полночь весну принесли,
Опустили на первой полянке подталой,
Помахали крылами и скрылись вдали...
И так грустно, и так одиноко ей стало.

Не умея сдержать набегающих слез,
Тихо к белой березке плечом прислонилась...
Вдруг из каждой слезинки подснежник пророс,
Вся проталина ими к рассвету покрылась.

И, увидев их, так улыбнулась весна,
Так глаза ее стали светлы и лучисты,
Что в поселке тотчас догадались: она!
И машины пошли заводить трактористы.

20—21 февраля 1959

349

Я знаю, ты встанешь
На зорьке с постели,
Услышав, что в рощу
Грачи прилетели.

Всю ночь на опушке
Судили-рядили,
Под белой березкой
Весну разбудили.

Весна улыбнулась,
Глаза заблестели:
«Пора за работу,
Грачи прилетели».

Ты из дому выйдешь,
Как будто без цели,
А сердце-то знает:
Грачи прилетели!

23 декабря 1958

350

Как мне жалко людей, про которых
Говорят, что угрюмый их глаз
Видит лишь водоемы в озерах,
А в лесу древесины запас;

Кто не может с речушкой сдружиться,
Не заплачет навзрыд с куликом,
Кто не знает, как пахнет душица
На поемном лугу вечерком;

Никогда не намокнет под ливнем,
Босиком по росе не пройдет
И под небом пронзительно синим
Не забудет про дни непогод.

И, о чем бы они ни старались,
Есть присловье одно про таких:
«Ни себе, ни другим не на радость
Суетливые хлопоты их!»

Пей же всласть родниковую воду,
Росной свежестью луга дыши.
Кто не любит родную природу —
Тот не знает народной души!

2—3 февраля 1959

351

Что любви твоей
        Достоверней,
Свет мой утренний,
        Вздох вечерний?
Ты в затишье —
        Сигнал тревоги,
Ты попутный ветер
        В дороге;
Ты в ненастье —
        Мой кров надежный,
В вёдро —
        Мирный дымок над пожней,
Теплый дождь,
        Окропивший всходы...
Откровенье родной
        Природы,
Дух упорства
        И вдохновенья,
Края отчего
        Благословенье.

14 ноября 1959

352

Не по-праздничному позолоченную,
А по-будничному озабоченную,
Сложа руки сидеть не умевшую,
На виду у меня постаревшую,
Ни морщин, ни седин не считавшую,
Скромной прелести не утерявшую,

Сохранившую глаз свечение,
Мне простившую все огорчения,
Лучших снов своих не забывшую,
Постоянству меня научившую, —
Вот такую, простую и гордую,
Я люблю тебя больше, чем смолоду!

8—10 ноября 1959

353

Мы в молодости всё себе прощаем,
Судя других безжалостным судом.
Свои ошибки вспомнив, обещаем,
Что всё поправим как-нибудь потом.

А жизнь идет. Пути ее суровы,
А старость взыщет весь наш долг судьбе.
Мы будем всем другим простить готовы
И ничего уж не простим себе!

4 ноября 1959

354

Давно ль нас томила весны еще горькая прелесть,
А вот уж и лето, налива плодов благодать.
Во всем свой порядок, всему свой черед соблюдать.
Но в сердце открытом, где всё пережитое спелось,
Чтоб в слове твоем возрождаться опять и опять,
Ты свежесть знобящую весен и ясную зрелость
Поры августовской умей навсегда сочетать —
И время простит тебе эту счастливую ересь!

24—27 января 1960

355

В лугу отава скошена,
Туман стоит у омута.
Всё сказано, всё спрошено,
А сердце грустью тронуто.

А ночь свежа осенняя,
Как яблоко расколота...
Так вот оно, мгновение,
Когда молчанье — золото!

25—26 декабря 1958

356. ВЬЕТСЯ ПУХ ТОПОЛИНЫЙ

Над поселком, над речкой,
Над заречной долиной
Вьется пух тополиный,
Вьется пух тополиный.

Белый пух тополиный
Тихо-тихо кружится,
На травинки садится,
На тропинки ложится.

Устилает дорожку,
Где идешь ты босая,
Обрываешь ромашку,
Лепестков не считая.

Сердце знает, что — «любит»
Без приметы старинной.
У щеки твоей вьется
Легкий пух тополиный.

Вьется пух тополиный,
Будто слово привета...
Так встречает нас лето,
Золотистое лето.

Что оно обещает?
Брось пустые догадки!
Всё, о чем ты мечтала,
Есть у лета в достатке.

Есть у лета в избытке
Всё, чего ты захочешь:
Кипятковые полдни,
Родниковые ночи.

Есть и вёдро, и грозы,
Есть и песни, и слезы,
Расставанья и встречи
У плакучей березы.

Сон короткий, вполглаза,
В дни покоса и жатвы,
Ветерок на рассвете —
Верный твой провожатый.

Вот оно, наше лето!
    Ты проходишь долиной...
Вьется пух тополиный,
    Вьется пух тополиный.

27—29 июня 1959

357. ОСЕННИЕ ОКТАВЫ

1

Всему свой срок. В полях и на опушке,
Везде, где собирается народ,
Весна поет частушки-коротушки,
А лето песню долгую ведет.
Но вот страда окончилась. Подружки
Секретничают скромно у ворот,
А у меня, под мягкий шум отавы,
Слагаются осенние октавы.

2

Нет, не вместить ни в закрома, ни в бочки
Всего, чем август на Руси богат,
Что в стог сложил, что выставил на кочке,
Что по кустам рассыпал наугад.
Но есть стихи. Они в скупые строчки
Всё, что не спрячешь в закромах, вместят:
Девичий вздох, соломы свежий запах
И паутинку на еловых лапах.

3

Когда б к нам осень ни пришла — всё рано,
Всё кажется: повременить могла...
...Еще б чуть-чуть молочного тумана,
Парного духовитого тепла,
И, смотришь, — запестревшая поляна
Прощальные дары нам принесла.
Так мы твердим, спеша собрать при этом
Всё, что меж пальцев пропускаем летом.

4

Калина рдеет, вспоминая грозы,
Подсохшим хмелем пахнет тишина.

Мне прямо в душу льется свет березы,
И вся душа озарена до дна.
...Кто говорит, что осень время прозы?
Нет, учит нас поэзии она!
Не ею ли нам заново открыто,
Что в шуме гроз когда-то пережито?

5

Бывает так, что осенью погожей
Вдруг зацветает яблоня в саду,
Но цвет ее, во всем с весенним схожий,
Уже сулит не радость, а беду.
И хмурит брови садовод всё строже,
Снимая с ветки робкую звезду,
Ведь это неурочное цветенье —
Души, теплом обманутой, смятенье.

6

Помедли, осень, на опушке года —
С походкой мягкой рыжая лиса.
Пусть скупо светит солнце с небосвода,
Зато сияют рощи и леса.
В такую пору мудрая природа
Нам в буднях открывает чудеса,
Чтоб мы верней ценили год от году
Проникновенной осени погоду.

7

Коль в пору сжаты жито и пшеница,
Коль у двора и в поле всё в кругу,
Пускай тепло уносят к югу птицы
Сквозь листопада желтую пургу.
Лишь тот осенних непогод боится,
Кто у весны и лета был в долгу,
Кто самому себе сказать не может,
Что день минувший не напрасно прожит.

18—19 февраля 1959

358

Сумерки зимние,
Синие-синие.
Город в серебряном
Мареве инея.

От тишины ли,
От легкого ль холода —
Сердце заныло
Так молодо-молодо.

Хочется выразить
Невыразимое...
Сумерки синие,
Сумерки зимние.

3—4 декабря 1959

359

Снег за окном хрустит,
Иней блестит, блестит.
Ты у окна задумалась,
Сердце твое грустит.

Зачем это снег хрустит,
Иней зачем блестит?
Где-то теперь ненадежный твой,
Скоро ль тебя навестит?

Но молодо снег хрустит,
И грусть недолго гостит.
Если придет далекий твой —
Сердце всё-всё простит.

Снег за окном хрустит,
Иней блестит.

29—30 января 1958

360

Мне бы в поле хлеба растить,
Мне бы травы в лугу косить,
Мне б вершить, как скирды и стога,
Всё, чем жизнь для меня дорога.

Только я полей не пашу,
Только я лугов не кошу,
Из всего, что в душе берегу,
Я лишь песню сложить могу.

А чтоб с чистой душой мне жить
И над прожитым не тужить,
Песню надобно так сложить,
Чтобы осень с весной сдружить.

Чтобы тот, кто растит хлеба,
Молвил, вытерши пот со лба:
«Как я жил без нее? Она
Мне, как хлеб насущный, нужна!»

15—16 ноября 1958

361. ГОГОЛЬ В РИМЕ

Какой тоской душа томима,
Чей огонек мигнул вдали?
Нет, не забыть под небом Рима
Родных небес, родной земли;

Туманных весен, зим метельных,
Встреч на дороге столбовой...
Здесь, на чужбине, не отшельник —
Подвижник он, Россия, твой.

Его влекли сюда не горы
И не лазури торжество,
А подвиг зрелости, который
Стал делом жизни для него.

Тот труд, что Пушкиным завещан,
Всё должен вывести на свет,
Чтоб даже Вий, как ни зловещ он,
Казался сказкой детских лет;

Чтоб мóрок мертвых душ живые
Развеяли, как страшный сон...
Да будет он тобой, Россия,
От наваждений огражден!

Но не зови его до срока,
Бумаги зря не вороши.

Тебя он видит издалека
Очами сердца и души!

Твои цветные карусели,
Твоих косых дождей струи,
Твое открытое веселье
И слезы скрытые твои,

Твое убогое обличье,
Которым дух твой не смущен,
Твое грядущее величье
Средь всех народов и племен.

И, глядя в даль дороги бойкой,
Что в песнях свой разгон берет,
Тебя сравнит он с птицей-тройкой,
Со звоном рвущейся вперед.

А даль твоя необозрима,
А даль твоя — полна чудес...
Нет, не забыть под небом Рима
Родной земли, родных небес.

21—23 марта 1959

362—369. *ТВОРЧЕСТВО*

С. Т. Конёнкову

1

Лесной, дремучий Ельнинский уезд.
Кряжи, дубы да липы в три обхвата.
Земля трудна, но знали все окрест,
Как работящи мужики — Конята.

Никто здесь хлеба легкого не ест...
Обычай дедов соблюдая свято,
Здесь даже парни, высмотрев невест,
Рядили свах, покуда рожь не сжата.

Семья росла, а в ней из года в год
Трудились все, от мала до велика.
Во всем был свой порядок и черед:
Кто шел косить, кто драл на лапти лыко.
Так меж других детей взрастал и тот,
Кого судьба иная позовет.

2

Трещит мороз. Трещит в избе лучина,
Стучат кросна, веретено жужжит,
А мужики сидят по лавкам чинно,
Захожий шорник сказки говорит.

Ах, этот шорник, ну и молодчина!
Какой чудесный мир ему открыт...
Но шорник смолк. Отец глядит на сына:
Все дети спят, лишь он один не спит.

Сидит, колени обхватив руками.
Вот только что летел под облаками
Он на ковре на самолете сам.
Живую воду черпал из криницы,
В тряпице у него перо жар-птицы...
И сердце бьется, верит чудесам.

3

Легко дышать весной в лесу глухом,
Где столько любопытного для взора.
Вон у поляны пень, обросший мхом,
Глядит с лукавством пчеляка Егора.

Вот-вот покличет: ну-ка, батькин сын,
Ступай сюда встречать лесные зори...
А этот дуб меж кленов и осин
Задумался, как дядюшка Григорий.

Что ни коряга здесь — то мужичок,
С тяжелыми руками, с легким взглядом.
В тиши шепнет словечко — и молчок,
Как будто кто-то злой таится рядом.
Ах, если б был он добрый чародей!
Из всех деревьев вызвал бы людей!

4

Край детства. Ты начало всех начал.
В тебе на сказку было всё похоже.
Монах-расстрига чтенью обучал,
А живописи — богомаз захожий.

Что в том, что лики у святых скупы,
Глаза того, кто пишет их, бездонны.

И освящали нехотя попы
Расцвеченные мальчиком иконы.

Но в мальчике уже художник жил —
Мужицкого напористого склада.
И дядюшка Григорий порешил,
Что племяша отдать в науку надо.
Авось прославит свой мужицкий род,
Всех работяг, кто до зари встает.

5

Не позабыть тех милых сердцу мест,
Где так мечталось у костра лесного.
К тропинкам детства в Ельнинский уезд,
Как в дни каникул, потянуло снова.

Как хорошо пройтись там по росе,
Чтоб луг шумел: ступай смелей, не бойся,
И по проселку выйти на шоссе,
Где в первый раз увидел камнебойца.

Узнал он сразу в камнебойце том
Того, кто путь в грядущее мостит нам,
Склонясь, как пред учителем маститым,
Пред тем, кто спину разгибал с трудом.
Он в бронзу отольет его, чтоб мог
Народ почтить строителя дорог.

6

И дерево, и камень, и металл —
Всё мастеру упорному подвластно.
Всё воплотит, что воплотить мечтал,
Тот, кто в мечту свою поверил страстно.

Он свежий ветер чувствует у щек,
Он трудится легко и вдохновенно,
Чтоб вышел Старичок-полевичок
На вольный свет из векового плена.

Он взял резец, чтобы прозрел слепой,
Набрался сил, кто слабым был доныне;
Он всё отдаст, чтоб щедрым стал скупой,
Как скрипка под смычком у Паганини;
Чтоб взгляду русской девушки простой
Завидовали древние богини.

7

Он у руин Акрополя бродил,
Где пахнет пыль и сладостно и горько,
Под ним плескался полноводный Нил,
Его пленял бессонный шум Нью-Йорка.

Что ж, мир широк, дороги далеки,
А красота везде подобна чуду,
Но ельнинские снились земляки
Прославленному мастеру повсюду.

Был каждый взгляд их так ему знаком,
Как будто он всю жизнь лишь с ними знался.
Ведь сердцем с ними он не расставался
И, жадной жаждой всё познать влеком,
Трудягой, мудрым русским мужиком,
Достигнув славы мировой, остался.

20—30 марта 1958

8

Он в юности о славе, как о чуде,
Мечтал, — и вот, как в юности близки,
По русскому обычаю, на блюде
Хлеб-соль ему подносят земляки.

А перед ним — вся сторона родная,
С полынным зноем, с мятной тишиной.
И, голову седую наклоняя,
Он истово целует хлеб ржаной.

Не к теплой корке прикоснулись губы,
Ко всем, чье сердцу дорого родство.
И что ему всемирной славы трубы,
Что громких юбилеев торжество!
Ваш скромный дар, простые трудолюбы, —
Вот высшее признанье для него!

30 апреля 1958

370

Без громких слов, без ложной скромности
Идут в мой стих
Простые радости и горести
Людей простых.

Меж ними лишних не окажется,
Здесь все друзья.
Они терпеть не станут ханжества,
Им лгать нельзя.

9—10 декабря 1954

371

Лес шумит и звенит —
То весна в нем затеяла пиршество,
Праздник первых цветов,
Первых песен справляет она.
И куда ни пойду я —
Повсюду твой голос мне слышится,
И куда ни взгляну —
Ты за каждым кустом мне видна.
Как же мне не любить тебя,
Как же мне с сердцем управиться,
Как уйти от опушки,
Покоем своим дорожа,
Если только с тобой
Мне земная краса раскрывается
И понятной становится
Русской природы душа!

25—26 ноября 1959

372

Я душу твою зарифмую,
Глаза твои, губ твоих медь,
Я даже и ревность глухую
Заставлю и плакать и петь.

Ты станешь тревогой моею
Стучаться в людские сердца...
А большего я не имею,
Чтоб долг оплатить до конца!

10—11 июня 1959

373

Память, память, ты для сердца свята!
Вновь, нечастый гость родных долин,
Где ходили мы вдвоем когда-то,
Я иду, задумавшись, один.

В тишине дойду до перекрестка,
Горькую травинку теребя.
Там без нас подросшая березка
Мне напомнит прежнюю тебя.

Вдруг, раскинув руки в удивленье,
Затрепещет в лунном серебре.
Я склонюсь пред нею на колени
И прижмусь щекой к ее коре.

Сколько ни броди по белу свету —
Не уйдешь от сердца своего!..
...Неужель тебе в минуту эту
Так и не приснится ничего?

15 января 1959

374

Не скрипи полозьями,
Не своди с ума,
Звездная, морозная
Зимушка-зима.

По снежку по хрусткому,
Чуя ветра прыть,
Любо сердцу русскому
В санках прокатить.

Вымахнуть проулочком
В поле прямиком,
Подмигнуть снегурочкам —
Ивам над прудом.

Вдруг коня в изложине
С маху осадить,
Девушку прохожую
В санки подхватить.

Ради шутки где-нибудь
Обернуть в сугроб:
«Что поделать, едем ведь
Без дорог, без троп!..»

Та взмахнет ресницами —
Молодость сама...
...Ты такой и снишься нам,
Зимушка-зима.

Где-то ветка хрустнула —
Шапку береги...
В сердце песня русская
Про белы снеги!

22—23 декабря 1959

375

Много ль мне нужно — краюшка хлеба,
Щепотка соли
Да под задумчивым русским небом
Дорога в поле.

Памятный с детства дымок деревни,
Запах полыни,
С попутчиками разговор душевный
В тряской машине.

Голос кукушки в глуши краснолесья,
В заросли частой, —
И к сердцу уже подступает песня,
Как слезы счастья.

10—11 июня 1959

376

Я не гордец, но тем не менее
Забьется громче сердце, если
В Таджикистане иль в Армении
На песню мне ответят песней.

Коль где-нибудь в степях Киргизии
Друзья помянут добрым словом
Луга, от рос весенних сизые,
И дятла стук в бору сосновом.

В широком поле стежки узкие,
Над речкой заросли густые —
Всё, что вмещают песни русские,
Поэтов строфы золотые.

Что будет мне всегда сопутствовать
Из края в край на белом свете...
Ну как же мне себя не чувствовать
За слово русское в ответе!

8 августа 1957

377

Мы стоим над речкой — я и вечер,
Два взгрустнувших в сумерках дружка.
Теплый ветер с поля тянет гречей,
Свежим сеном с ближнего лужка.

Кто позвал нас песней молодою
И ушел куда-то на закат?
Всё равно! Остался над водою
Этот милый сердцу аромат!

Уплывают далеко-далече
Тени гроз весенних — облака.
Мы стоим над речкой — я и вечер,
Два взгрустнувших в сумерках дружка.

12—13 марта 1959

378

Привыкали в поле с малолетства
Мы мужскою честью дорожить.
На виду у всех нам было лестно
Похвалу девчонок заслужить.

Я и сам, мальчишечьи забавы
Бросив на двенадцатой весне,
Там, где ночь застигла, падал в травы
Иль, как сноп, валился на стерне.

Засыпал, с землей и небом дружен,
С грозами накоротке знаком,
И вставал, как встрепанный, разбужен
Предрассветным свежим ветерком.

Если дело не давалось в руки —
Всё равно подмоги не просил.
Ни за что не брался я от скуки,
Пел и плакал от избытка сил.

Пусть порой мы неуклюжи были,
Тяжесть лета чувствуя в локтях,
Нас таких подруги и любили —
По-мужски упрямых работяг.

И теперь скажу от всей души я,
Что всю жизнь гордился неспроста
Тем, что руки у меня большие
И ни в чем не терпят баловства.

19—21 января 1959

379. ОТКРОЮ Я ТОМИК КОЛЬЦОВА

О вещее русское слово,
Строка, что как птица поет...
Открою я томик Кольцова —
И памятью детства пахнет.

За купой берез поседелых,
Что учит зима ворожбе,
Горит огонек посиделок,
Предпраздничный вечер в избе.

Рассказаны сказки и были
Про бар, про попов и чертей...
А книжка? Про книжку забыли?
Давай-ка читай, грамотей!

Отцу же того лишь и надо,
Ему, грамотею, почет...
Не пряча довольного взгляда,
Он книжку на скатерть кладет.

Что это за книжка — я знаю,
Хоть с азбукой я не знаком,
И вслед за отцом повторяю
Строку за строкой шепотком.

В них пахаря ясные думы,
В них вольный напев косаря...

И лица, что были угрюмы,
Светлеют, как в поле заря.

У всех расправляются плечи,
С судьбой не пугает их спор.
Далече тот вечер, далече,
Но помнится мне до сих пор.

Открою я томик Кольцова —
И вновь у отцовских ворот.
О вещее русское слово,
Строка, что как птица поет.

7—8 октября 1959

КНИГА ПЕСЕН

380. ХОДИТ ПО ПОЛЮ ДЕВЧОНКА

Вешним солнцем окроплен,
Прорастает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Та девчонка — егоза,
Золоченые глаза,
Про которую над речкой
С ветром шепчется лоза.

Я поклон от них принес
Дружной паре русых кос
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорей пророс.

Синим утром удивлен,
Зацветает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Ходит вдоль и поперек,
До заката путь далек,
Заглянуть в глаза девчонке
Хочет каждый стебелек.

На виду окрестных сел
Я в одну все тропки свел
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорей зацвел.

Ярым солнцем опален,
Поспевает в поле лен.
Ходит по полю девчонка,
Та, в чьи косы я влюблен.

Ветер, что ли, виноват,
Что девичьим думам в лад
Золоченые головки,
Как бубенчики, звенят?

Кое-что сказать успел
Я девчонке между дел
И от всей души желаю,
Чтобы лен скорей поспел.

Льются, льются голоса —
Лен на славу удался,
Волокнистый, шелковистый,
Словно девичья коса.

Слышишь полных чарок звон?
Пей до дна за долгий лен,
За девчонку-сговоренку,
Ту, в чьи косы я влюблен.

14—16 марта 1948

381

То ли гречка цветет,
То ли речка течет.
Белый-белый плес березка
Переходит вброд.

Плес широк на пути,
Во всё поле почти.
Озирается березка:
«Кто б помог перейти?»

Жаль тополю до слез,
Что к земле прирос.
На руках бы он березку
Перенес через плес.

Я спешу с холма,
Я схожу с ума:
Может, это не березка,
А ты сама?

Мимо нашего села
С сенокоса шла,

Завернула в наше поле
И уйти не могла.

То ли гречка цветет,
То ли речка течет,
То ли гречка, то ли речка,
Чтоб сказать тебе словечко —
Семь верст не в счет.

Июнь 1948

382

Если вправду любишь — значит,
Спросишь, милый, в свой черед:
«Отчего кукушка плачет
И кого она зовет?»

На березовой опушке,
Где светила нам звезда,
У кукушки-вековушки
Не заводится гнезда.

И бездомница лесная,
Притаившись меж ветвей,
Окликает всех, не зная,
Где найти своих детей.

Видно, лето ей не в лето,
Луговой не мил наряд...
Я не выдумала это —
Так в народе говорят.

29 июня 1945, 17 января 1946

383. ПЕРЕПЕЛКА

Ветер веет, солнце греет,
В поле жито зреет.
Где ж ты, моя перепелка,
Что так сердце млеет?

Люди добрые, скажите,
На ухо шепните,
Где ж искать мне перепелку,
Как не в спелом жите?

Сердце знает, сердце чует,
Сердце мне вещует —
В спелом жите перепелка
Днюет и ночует.

Раным-рано выйду в жито,
Где шумит ракита.
Ни одна тропинка наша
В поле не забыта.

Вьются, словно паутинки,
По полю тропинки.
Не сюда ль ты выходила
В ситцевой косынке?

Подойду я, гляну с краю,
Сразу всё узнаю —
Где подруг ты поджидала,
Меня вспоминала.

Колос к сердцу прижимала,
Песню запевала —
Как высоким житом наше
Счастье вырастало.

Ветер веет, солнце греет,
В поле жито зреет.
Кто ты, моя перепелка, —
Каждый разумеет.

30 октября — 12 ноября 1949

384

Со мной простился милый мой,
В слезах вернулась в сени я,
Пойду, накинув шаль с каймой,
Одна в поля осенние.

По всем тропинкам я пройду,
Весной для нас намеченным,
Найду на небе ту звезду,
Что предвещала встречи нам,

Что уводила из села
Полями да покосами,

Когда черемуха цвела,
Когда шумели озими.

Скажу: свети, звезда, свети,
Надежду не губи мою,
Чтоб милый мой нигде в пути
Не забывал любимую,

Чтоб отовсюду он домой
Спешил в поля весенние,
Чтоб охнула: «Ах, милый мой!» —
И распахнула сени я.

26—28 мая 1949

385

«Ты скажи мне, подружка,
Ты ответь без обмана,
Отчего ты, как тучка
Заревая, румяна?»

«Я не скрою, подружка,
Я отвечу по чести:
Оттого, что с зарею
Просыпаюсь я вместе».

«Ты признайся, подружка,
Отчего этот чистый,
Синий взгляд твой, как небо
В час восхода, лучится?»

«Я признаюсь, подружка,
Что таить — я не знаю.
Солнце в поле всегда я
В час восхода встречаю».

«Ты открой мне, подружка,
И последний секрет свой —
Отчего твои песни
Так и просятся в сердце?»

«Я открою, подружка,
Что и тут нет секрета.
Их под шелест колосьев
Нашептало мне лето!»

13—15 января 1955

386

Не ходи ты, кудреватый,
Мимо нашей хаты.
Не топчи ты, кудреватый,
В огороде мяты.

Лучше пусть засохнет мята
От тоски девичьей,
Чем тебя я на закате
Позову-покличу.

Ты напрасно, чернобровый,
Хвалишься повсюду,
Что с тобою за дубровой
Ждать зари я буду.

Я тропинки позабыла,
Где с тобой ходила,
В той дуброве не бывала,
Где тебя встречала.

Опадает пустоцветом,
По моим приметам,
То, что ты, играя бровью,
Называл любовью.

Не ходи же, кудреватый,
Мимо нашей хаты,
Не топчи же, кудреватый,
В огороде мяты.

1938, между 8 и 11 февраля 1957

387

Что ты ходишь попусту
Через речку по мосту?
Ты прошел бы по полю
К молодому тополю.

Помнишь, тополь голубой
Посадили мы с тобой,
Посадили, где любили
Свет-зарю встречать весной.

Ты сказал: «Пусть солнце светит,
Пусть луна над ним встает,
Пусть всё выше тополь этот,
Как любовь наша, растет».

Что ж ты, милый, хмуришь бровь,
Не находишь прежних слов?
Высоко поднялся тополь,
Перерос твою любовь!

Не ходи ж ты попусту
Через речку по мосту,
А сходи ты по полю
К молодому тополю.

Апрель 1952

388

Сошью я кофту белую
Да голубым отделаю.
Уйду одна с околицы
В ту рожь густую, спелую.

Там лето, лето целое
Жила, как песню пела, я...
Пусть знает думы девичьи
Лишь рожь густая, спелая.

Там колос чуть склоняется —
Щеки моей касается.
Еще сама не знаю кто,
Но кто-то примечтается.

22—23 ноября 1953

389

Если спросят: «Кто такой
Косит в пойме за рекой,
Тот, что первый ряд ведет,
Чаще всех траву кладет?»

Я взгляну одним глазком:
«Мне немножко он знаком!

На его рубашке
Вышиты ромашки,
Мой каемчатый платочек
У него в кармашке.

Разве ж я его могу
Не приметить на лугу?»

31 января 1954

390

Ах, присуха ты, присуха,
Я постигнуть не могу —
Где, в каком росла ты поле,
Зацвела в каком лугу?

Но в полях тебя не сеют,
Не лелеют на лугах.
В сердце девичьем растешь ты,
В голубых цветешь глазах!

16 ноября 1954

391

Под окном шумит рябина,
Соловей в саду поет,
Только милый не приходит
И вестей не подает.

Может быть, с другой гуляет
На некошеном лугу.
Одолели меня думы,
Глаз сомкнуть я не могу.

Все давно заснули в доме,
Засветить нельзя огня.
И никто, никто не знает,
Что на сердце у меня.

Выйду, сяду под рябину,
Буду слушать соловья.
Соловей поет разлуку,
Не стерплю, заплачу я.

Ветерок осушит слезы,
Станет легче мне дышать.
...Приходи сегодня, милый,
Завтра так не буду ждать.

1954

392

Милый вышел за калитку,
На плечах пиджак внакидку.
Папироску закурил,
Мое сердце зазнобил.

Но растает струйка дыма,
И пройдет мой милый мимо.
Не сказать же мне самой:
«Что ты делаешь со мной?

Если любишь хоть немножко,
Загляни в мое окошко.
Если любишь хоть чуть-чуть,
Загляни когда-нибудь!»

24—25 ноября 1954

393

Два крыльца — и оба рядом
В памяти осталися.
На одном крыльце встречались,
На другом прощалися.

И за всё теперь себя лишь
Упрекать готова я:
За пустячные обиды,
Ссоры бестолковые.

Но когда одна из дому
Выйду по пороше я,
Не плохое вспоминаю —
Самое хорошее.

Жаль, что прежде слов не знала,
Что теперь сказалися...
Два крыльца — и оба рядом
В памяти осталися.

29—30 марта 1954

394

Дождик теплый, дождик частый,
Приходи к нам в добрый час ты.
Приходи, когда мы ждем, —
Хочешь ночью, хочешь днем,
Под зарей, под радугой ли,
Чтоб посевы радовали,

Чтобы рожь была зерниста,
Чтоб зерно было мучнисто,
Чтоб мука была душиста,
Хлеб в печи поджаристый,

Не черствел пирог неделю,
Колобродил квас без хмелю,
Чтоб везде было веселье...
Приходи, пожалуйста.

3—4 февраля 1954

395

Ой, какая за деревней
Тает в небе синева!
Ой, какие задушевные
У милого слова!

Что ни скажет мне, я слышу —
Про любовь он говорит.
И вздыхает ветер тише,
А заря ясней горит.

Замирает сердце девичье,
Кружится голова...
Ой, какие задушевные
У милого слова!

26 ноября 1955

396

Все березки завились,
Одна лишь закудрявилась.
Все девчата хороши,
Мне только ты понравилась.

Где б ни ехал, где б ни шел —
Всегда гляжу в ту сторону,
Где тропинки ты вплела
В свою дорожку торную.

Встречусь на́ поле с тобой —
И сразу легче дышится.
Колос к колосу прильнет —
Твое мне имя слышится.

На луга пойду, и там,
Спеша ко мне цепочками,
Про тебя, все про тебя
Лепечут колокольчики.

Только я один молчу,
Но ты уж не вини меня —
Про себя мою судьбу
Твоим зову я именем!

21—22 марта 1955

397. ПОДРУЖКИ

Мы с подружкой жили дружно,
Шли, как сестры, по полям.
Мы дареную черемуху
Делили пополам.

И не знаем, как случилось,
Но напел нам соловей,
Что весной один парнишка
Приглянулся мне и ей.

Приглянулся, полюбился,
И его веселый взгляд
Перепутал наши стежки,
В нашу дружбу внес разлад.

Я ее не жду, как прежде,
Мне она не стукнет в дверь.
Мы уж больше не подружки,
Мы соперницы теперь.

Я не знаю, что мне сделать,
Чтоб вернулась дружба вновь.
Ведь с подружкой не разделишь,
Как черемуху, любовь!

9—10 декабря 1955

398

Больно мне, что разлюбил ты,
Но еще того больней,
Что во мне не видел сил ты
С болью справиться своей.

Если в сердце всё остыло —
Так молчи уж о любви,
Если стала я постыла —
Так и милой не зови.

Ветерок разлуки чуя,
Я таиться не хочу:
Всё пойму и всё прощу я,
Но притворства не прощу!

13—14 марта 1955

399

В палисаде вишня белая
Качает головой:
«Что ты сделала, что сделала —
Уходит милый твой.

Позови его, упрямая,
Он всё тебе простит!»
— «Ох, родная, ох, сестра моя,
Душа болит, горит.

Сердце бьется, разрывается,
Туманится мой взгляд.
Если любит — догадается,
Воротится назад.

Вышло всё не как хотела я,
Не сладила с собой...»
И вздыхает вишня белая,
Качает головой.

1955

400. ВЕТОЧКА СИРЕНИ

Отцвела черемуха,
Зацвела сирень.
Не весны ль под месяцем
Промелькнула тень?

Ты стоишь, задумавшись,
У крыльца одна.
Всё еще не верится,
Что ушла весна.

Неужели трудно ей
Было подождать,
Чтоб твой друг застенчивый
Всё успел сказать?

Чтоб хоть раз назвал тебя
Он любимой вслух?..
...Отчего ж всё светится,
Всё звенит вокруг?

Почему же грусть твоя
Сердцу так сладка?
К веточке сиреневой
Тянется рука.

Знать, уже предсказано
Всё, что впереди,
Веточкой сиреневой
На твоей груди!

1—2 апреля 1955

401

Я спросила у подружки:
«Кто секрет не сохранил,
Почему по всей округе
Знают парни — кто нам мил?»

Та в ответ мне: «На крылечке
Мы сидели вечерком.
Наши тайные словечки
Подхватило ветерком!»

26 ноября 1955

402

Если на гору всходить —
Так, чтоб даль открылася;
Если друга полюбить —
Так, чтоб сердце билося.

Чтоб от света милых глаз
Я сама светилася.
Чтоб, за что я ни взялась, —
Всё в руках спорилося.

Да чтоб счастья не сжимать,
Как в горсти воробушка...
Всё иное не любовь,
А тоска-зазнобушка!

27 ноября 1955

403

За рекой от месяца
Каждый кустик светится.
Еще больше светится,
Если милый встретится,

Обоймет нечаянно
На тропинке узенькой,
Станет свет — сиянием,
Лепет листьев — музыкой!

Вот уж с веткой таловой
Ты сама колышешься,
Смотришь — не насмотришься,
Дышишь — не надышишься!

1—3 декабря 1956

404

Выйду в луг, а там подкошена
Зеленая трава.
Встречу милого — забыл он все
Заветные слова.

Подрастет отава к осени,
Но будет луг не тот.
Милый много слов придумает,
Да прежних не найдет.

10 апреля 1956

405

Что б такое мне придумать,
Как тоску свою избыть,
То ль пустить по ветру в поле,
То ли в речке утопить?

Но, куда бы ни пошла я, —
Нет удачи мне нигде:
Не летит тоска по ветру
И не тонет на воде.

Есть в селе один парнишка,
Да не хочет он понять,
Как ему немного нужно,
Чтоб тоску мою унять!

30 июня 1956

406

Может, к лучшему, что сразу
Столько снегу выпало,
От деревни до деревни
Все следы засыпало.

Может, я скорей забуду
Наши встречи прежние,
Если скроет всё, что было,
Это поле снежное.

Только знаю наперед я:
В самой лютой замети
Все места, где мы встречались,
Я найду по памяти!

30—31 марта 1956

407

Не к добру меня знобило,
Как черемуху весной.
Я любила — ты отбила
И смеешься надо мной.

Только всё ж, дружка голубя
В летний вечер у плетня,
Знай, что ты целуешь губы,
Целовавшие меня.

1 июля 1956

408

«Вы признайтесь нам, девчата,
Чем нас завлекаете —
То ль речами, то ль очами
Сердце зажигаете?»

«И речами и очами
Завлекать случается,
И не знаем, отчего же
Сердце загорается».

8—9 июня 1957

409

Не туман ложится на поле,
Не белая роса.
Помутились мои серые,
Веселые глаза.

И не месяц, выйдя на небо,
Мне путь бы озарил,
А одна улыбка ясная
Того, кто сердцу мил!

2 июля 1956

410

Мне не жалко полушалка,
Что линяет, голубой.
Жалко, жалко мне парнишку,
Что вздыхает, сам не свой.

Каждый вечер за деревней
Ходит грустный взад-вперед.
Завлекла его гордячка,
А навстречу не идет.

И никто ему не скажет
Из товарищей-друзей,
Что гордячка та не стоит,
Чтобы он вздыхал о ней.

Намекни хоть ты, подружка,
Может статься, он поймет,
Что его со счастьем встреча
На другой дорожке ждет.

15—17 марта 1955

411

Трудно, трудно со дна озера
Бел камушек достать,
Но еще трудней, что на сердце
У милого, узнать.

У меня достанет смелости
За камушком нырнуть.
Если б так же к сердцу милого
Могла найти я путь!

6 июля 1956

412

Наломала я черемухи,
А чем ее связать?
Полюбила чернобрового,
А как ему сказать?

Из косы я ленту выплету,
Черемуху свяжу,
Встречу милого, любимого,
Глазами всё скажу.

1 февраля 1957

413

Тонкий явор гнется над осокой,
А осока гнется над водой.
Об одной девчонке черноокой
Загрустил парнишка молодой.

От любви, от грусти этой, что ли,
Стал он вдруг заметней всех ребят.
Повстречавшись с ним, девчата в поле
Долго-долго вслед ему глядят.

Только та, в ком он души не чает,
Та, о ком весна ему поет,
Ничего-то в нем не замечает,
Повстречавшись — бровью не ведет.

Стал другой — кудрявый и высокий —
Для нее и счастьем и бедой...
Тонкий явор гнется над осокой,
А осока гнется над водой.

26—28 января 1957

414. ЗАЗЫВНАЯ

Белый месяц встал над кручей,
Где черемуха цветет.
Не томи меня, не мучай,
Выйди, выйди из ворот,
Из калитки, из ворот, —
Уж давно гармонь зовет.

Я пройду с тобой по кругу,
Не скажу, а пропою:
«Поглядите на подругу
Чернобровую мою».
Я ж хорошую мою
И не глядя узнаю.

За версту тебя замечу,
По походке отличу,
А замечу, так навстречу
Не пойду, а полечу.
Шибче ветра полечу,
Чтобы стать плечом к плечу.

Я скажу и при народе,
Словно песню, повторю:
«Ты в саду иль в огороде
Выходи встречать зарю,
Ту вечернюю зарю,
На которой я сгорю».

Сколько раз с тобою вместе
Я встречал в полях весну,
Сколько раз, скажи по чести,
Провожал тебя одну.
Провожал тебя одну
Всё за ту реку — Десну.

За Десной, за синим плесом
Соловьи поют, поют.
Как же можно безголосым
Мне теперь остаться тут?
Одному остаться тут,
Если все подружек ждут!

Белый месяц встал над кручей,
Где черемуха цветет.
Не томи ж меня, не мучай,
Выйди, выйди из ворот,
Из калитки, из ворот, —
Уж давно гармонь зовет.

1937, ⟨1955⟩

415

Платьев шелковых не шила,
Кофточек батистовых,
Всех ребят приворожила
Ситцами цветистыми.

Пусть цветут, не отцветая,
Эти ситцы добрые,
Вся краса родного края
Для тебя в них собрана.

Вдруг пахнет от них лугами,
Теплыми овражками,
В синий вечер — васильками,
Поутру — ромашками.

Всё, что с детства сердцу мило,
Что нам душу радует,
Что сама ты тут растила
Под высокой радугой.

А соперница косится,
Не поймет спесивая,
Почему ты в этих ситцах
Самая красивая.

14—16 июля 1957

416

В поле возле ветел
Я соседку встретил.
А у той соседки
Месяц на беретке,
Звезды на ресницах,
Все цветы на ситцах,
На губах сахар,
Целовал — ахал.
Вот какую возле ветел
Я соседку встретил.

16 апреля 1957

417

В бору всё елочки, сосеночки,
Боюсь, что уколюсь.
В селе парнишка льнет к девчоночке,
Боюсь, что я влюблюсь.

В бору иголочки колючие
Легонько отведу,
А тут с весны парнишку мучаю,
Сама чего-то жду.

Иду, и он идет в стороночке,
Я так ему дивлюсь. . .
Как быть, что делать мне, девчоночке,
Неужто я влюблюсь?

4—5 февраля 1957

418

Эти яблони кудрявые,
Заря между ветвей,
Эти карие, лукавые
Глаза весны моей.

Этот — как не позавидовать! —
В луга зовущий след,
Мне от них уж и за тридевять
Земель покою нет.

Вижу с каждой переправы я
Сквозь рощи и леса
Эти яблони кудрявые,
Лукавые глаза.

Только я на них не сетую
И, спутав счет годов,
Песню, в юности не спетую,
Сейчас запеть готов.

6—7 апреля 1957

419

Без тебя ни с кем я, милый,
Парочкой не хаживала,
Где ты был и с кем встречался —
У подруг не спрашивала.

Что во сне, что наяву я
Лишь тебя и видела.
Так скажи мне, что случилось,
Что тебя обидело?

По какой такой причине
Вдруг я разонравилась?
А ведь я лицом всё та же,
Ростом не убавилась.

4—5 апреля 1957

420. Я НЕ ДУМАЛ

Я не думал, что такие
Есть глаза красивые:
То лазурно-голубые,
То бездонно-синие.

Притворяться не умеют,
Ясные и грустные.
И светлеют и темнеют,
Словно небо русское.

В них видны края родные,
Дали беспредельные. . .
У тебя глаза такие,
Что всю жизнь глядел бы в них.

4—7 июня 1957

421

У тебя окно закрыто,
Огонек в нем не горит.
Значит, что же — всё забыто?
Значит, сердце не щемит?

Нет, не верю, не поверю
В эту темень, в эту тишь.
Всё мне кажется: за дверью,
Притаившись, ты стоишь.

Знаю, знаю, недотрога,
Ты лукава, как весна.
Ждешь — пройду ль своей дорогой,
Задержусь ли у окна.

Я пришел, я жду, ты ж видишь!
Что ж ты мучишь, не зовешь?
Неужели ж ты не выйдешь
И окна не распахнешь!

Но окно твое закрыто,
Огонек в нем не горит.
Уходить пора, как видно,
Только сердце не велит. . .

5—7 апреля 1958

422

Ах, зачем такой нарядный
Галстук ты повязывал!
Ах, зачем про всё, что было,
Ты дружкам рассказывал!

Как ни больно мне, я вижу —
И не спорь, пожалуйста, —
Что и мною ты кичился,
Как нарядным галстуком.

1 июля 1958

423

Тропинка спотыкается
У памятных ракит.
Неверный мой прощается,
В глаза мне не глядит.

Ах, долго ли мне мучиться,
Тоску свою тая?
Не будет та, разлучница,
Любить его, как я.

Он всё равно спокается,
Придет ко мне опять. . .
Тропинка спотыкается,
А я должна стоять.

17—18 марта 1959

424

Дремлет тополь у окошка,
То вздохнет, то охнет.
За селом поет гармошка,
А девчонка сохнет.

Кто-то там в лугах плутает,
Иль других дорог нет?
Тополь дремлет, месяц тает,
А девчонка сохнет.

Но скажи: «Закрой окошко», —
Сердце так и дрогнет.
Видно, знает та гармошка,
Что девчонка сохнет!

28 января 1960

425

Чтоб потом не спохватиться,
Не вздыхать у всех ворот,
Я хочу, дружок, чтоб знал ты
Мой характер наперед.

А характер мой нелегкий,
Пух не стелет на пути.
Мне перо жар-птицы должен
Ты в душе своей найти.

Коль найдешь его — увидишь,
Что невидимо другим,
Отчего с годами сердце
Остается молодым.

А сочтешь за сказку это —
Вот он, рядом поворот.
Я хочу, дружок, чтоб знал ты
Мой характер наперед.

15—17 декабря 1961

КНИГА РАЗДУМИЙ

426

В честь весны отборных зерен горсти
В окна мне бросает теплый дождь,
А ко мне пришли ночные гости,
Я созвал их из лесов и рощ.

Дом наполнен шорохом и скрипом,
Горьким духом листьев молодых.
Подхожу то к ясеням, то к липам —
Столько нужно расспросить у них!

Но гостям — тесно и неудобно,
И смущенно шепчут мне они:
«Мы тебе расскажем всё подробно,
Только к нам домой ты загляни!

Там у нас всего такого много,
Что сюда нести нам не с руки.
Мы и так у твоего порога
Наследили, словно лешаки».

Мне от них обидно слышать это.
Я сдружился с ними не вчера.
А они, почуяв час рассвета,
Ближе к двери движутся: пора!

Вот ушли, как все уходят гости,
Лишь на сердце тень лесов и рощ. . .
Тишина. . . Отборных зерен горсти
В окна мне бросает теплый дождь!

15—16 марта 1960

427

Сердце, что ль, мое безрассудное
Разгорелось в пути крутом,
Дива дивные, чуда чудные
Мнятся мне за каждым кустом.

Обступают меня кругом они,
С неба падают, как роса.
Различаю я в птичьем гомоне
Всей родни моей голоса.

Сам смеявшийся над небылицами,
Вижу я, оглянувшись вдруг,
Что деревья похожи лицами
На друзей моих и подруг.

И делюсь я с птицами хлебушком,
На поляне присев лесной,
И желаю рябинам, как девушкам,
Доброй осени я весной.

И легка моя участь трудная
Петь о счастье в пути крутом.
Дива дивные, чуда чудные
Ждут меня за каждым кустом.

7—10 июня 1960

428

Пишет девушку в поле художник,
Пишет пятое утро подряд,
И глаза ребятишек дотошных
За мазком его каждым следят.

Уж на холст набегает раздолье,
Где той девушке жить и мечтать,
А художник опять недоволен,
Начинает сначала опять.

Всё, что есть золотистого в утре,
Чем на травах сияет роса,

Вложит он в эти рыжие кудри,
В эти ждущие счастья глаза.

А пока — только отсветы вспышки,
Только пятен цветной хоровод...
И не могут понять ребятишки,
Что он ищет, чего не найдет?

Разве то, что невидимо глазу,
У чего и названия нет?
То ли дело фотограф. Он сразу
В полной форме представит портрет!

Что ты скажешь, художник, на это,
Чем поспоришь с фотографом ты,
Если чудо, как радуга лета,
Не вольется в живые черты!

29 октября — 2 ноября 1960

429

Во имя человеческого счастья,
Того, что впрок горстями не берут,
Мы сквозь огонь прошли. Наш путь был крут,
И за привал никто не мог ручаться.

Зато, наверно, больше, чем другие,
Мы ценим встречи в дружеском кругу,
Ночлеги в поле, песни на лугу
Про отчий край, про косы золотые.

20—21 февраля 1960

430. МАСТЕРСТВО

Сосед у нас был мастер на все руки,
Всю зиму что-нибудь пилил, строгал,
И я, от школьной очумев науки,
К нему не раз под вечер убегал.

Потом знавал я мастеров похлеще,
Что раскусили золотой орех,
А этот делал лишь простые вещи,
Но эти вещи радовали всех.

В знакомый мир, как дуб в сугорок, вросший,
Он твердо знал, что нужно для него. . .
Не молод я, но в зависти хорошей
Всё вспоминаю мастера того.

Я был бы счастлив, не хочу скрывать,
Его своим учителем назвать.

15—17 октября 1960

431

Груды спелых плодов в саду,
На току вороха зерна.
Ты, как яблочный сок, свежа,
Августовская тишина.

Чья-то песня грустит в полях,
Далеко-далеко слышна.
Это ты откликнулась мне,
Августовская тишина.

По реке плывут облака,
А река прозрачна до дна,
А река прозрачна, как ты,
Августовская тишина.

Я в тебя, как в себя, гляжусь,
Пережитым душа полна.
Ты, как зеркало, передо мной,
Августовская тишина!

9 августа 1960

432. РЯБИНОВЫЙ СВЕТ

Над зеленью озими рдяное пламя рябины,
Туман разошелся, и ветер улегся, затих.
Так ясно вокруг, что прозрачными стали глубины
Счастливых и горестных воспоминаний моих.

Я жил не скупясь, не жалел беспокойного сердца,
Под грозами лета весне отзывался, как мог.
Так дай же мне, осень, как эта рябина, зардеться
И людям светить у скрещенных заветных дорог!

27—28 сентября 1960

433. МУЗА

Смутит ли музу жаркий пот работы,
На влажном лбу намокнувшая прядь!
Ей чужды самохвалы-виршеплеты,
Что могут с маху всё зарифмовать.

Таким пред нею бесполезно клясться,
Ей режет слух пустого слова звук.
Как женщине, ей надо постоянство,
То, что живет в ладонях умных рук!

26—27 августа 1960

434

Я хочу, чтоб в стихах у меня
между строк
Прибежавший с полей
заплутал ветерок;
Чтоб в волшебном краю
моего ремесла
Круглый год было вдоволь
земного тепла;
Чтоб кустилась пшеница,
цвели клевера
И гудела от пчел
медосбора пора;
Чтоб трещала во ржах
перепелками мгла,
Чтобы в городе ты
усидеть не могла;
Чтоб тебя потянуло
под звезды полей,
На дороги любви
и тревоги моей.

3—4 июля 1960

435

Стога, стога в лугу рассветном,
Туман текучий, как река.
По всем охотничьим приметам
Ты ждешь хорошего денька.

Звенит прохлада заревая,
И чуток слух, и зорок глаз.
Сама душа лесного края
Тебе открыта в этот час.

Я не спрошу, откуда, кто ты,
Какие тропы пересек.
Коль слышишь зов родной природы —
Так, значит, добрый человек!

6—7 мая 1960

436

Не собирал я редкие словечки,
Но звук родной всегда в душе живет.
Вот место, где сливаются две речки,
Его назвал сутоками народ.

И что мне в том, что в словарях толковых
Такого слова не было и нет, —
В нем пенье струй я слышу родниковых,
На шелест трав, на шум лесов ответ.

Его истоки глубоки и чисты,
Я сам его прозрачности дивлюсь.
Так пусть дополнят словари лингвисты,
Твердя стихи поэтов наизусть.

3—5 мая 1960

437

От рифмы, как от детской погремушки,
Мне отмахнуться хочется порой,
Чтоб вникнуть, как, храня свой лад и строй,
Растут хлеба, шумят дерев верхушки,
Как эхо ставит тишине ловушки,
Как ловит звезды речка под горой,
Где пахнет с луга свежестью сырой,
А в лозняке любимых ждут подружки.

5 октября 1960

438. ХЛЕБ

Кто землю сам пахал, тот за столом
Разрежет хлеб, не уронив ни крошки,
Стянув на свежей скатерти узлом
Во дни страды исхоженные стежки.

Я тоже в поле вырос и окреп,
Шел не прохожим по родному краю,
И по тому, как люди ценят хлеб,
Себе друзей в дорогу выбираю.

9—10 октября 1960

439

Вновь зимы настали сроки,
Снег идет, задумчив, тих.
В стрекотании сороки
Слышу я знакомый стих.

Попрошу, вздохнув глубоко,
В чуть пристывшей тишине:
«Стрекотунья-белобока,
Напророчь гостей и мне!»

И сорока мне ответит:
«Вон снегурка у дверей!»
А зима чиста, как этот
Милый пушкинский хорей.

23—24 октября 1960

440

А я всё чаще вспоминаю Тюнино,
Хоть навестить никак не соберусь,
Тот школьный парк, скамейку ту, где Бунина
Тебе читал, бывало, наизусть.

Ты надо мной подшучивала ласково,
Как будто в дальний собирала путь:
«Смотри, вскормленный со стола крестьянского,
Как пахнет черный хлеб, не позабудь!»

И вновь просторы лета деревенского
Частушками гремели вразнобой...
А вот теперь и спрашивать нам не с кого,
Что сталось, где расстались мы с тобой!

Я говорю об этом не с обидою
На быстро промелькнувшие года,
Я просто сам теперь себе завидую,
Тому, каким я был с тобой тогда.

И я б хотел, чтоб, хоть не так уж ласково,
Звучал твой голос в голосах судеб:
«А ты, вскормленный со стола крестьянского,
Не позабыл, как пахнет черный хлеб?»

28 ноября 1960

441. СОВЕСТЬ

Мы делаем для памяти зарубки,
Не доверяя собственным следам,
А совесть помнит все наши поступки
И не стареет вопреки годам.

Она скромна. Не говорит ни слова,
Пока не взвесит помыслов и дел,
И вдруг напомнит прямо и сурово
Как раз о том, что ты забыть хотел.

Ей всё равно — шумит ли в поле вьюга,
Поют ли в перелеске соловьи, —
Держи ответ и ни жены, ни друга
В свидетели напрасно не зови.

Чего скрывать — с ней не легко живется,
Но мы гордимся, в новый путь спеша,
Что совестливой издавна зовется
В народе наша русская душа.

20—21 декабря 1960

442

Дни пролетья. Тишина межпарья.
Вся природа трепетно чиста.
Поднялась в лугах иван-да-марья —
Русских сказок верная чета.

Как желанной вестнице, ей рады,
Заплетя венки в тени берез,
Надевают лучшие наряды
Девушки, собравшись на покос.

Что им грозы, что им зной палящий —
Луг широк и песнями богат.
Всех весенних ароматов слаще
Молодого сена аромат.

Не оглохнет сердце в птичьем гаме,
Ясень веткой вытрет пот со лба.
Где-то там за первыми стогами
Ждет уж не зазноба, а судьба.

Та, что снится в тишине межпарья,
Если сердцу есть о чем грустить,
Та, что может, как иван-да-марья,
Не связать две доли, а срастить.

Сколько песен спето-недопето,
Сколько зорь погасло на виду,
А душа-то знает: только лето
Может сделать праздником страду.

1—6 июня 1960

443

Все до поры до времени копим
Мы в сердце сокровенные богатства,
Но час придет — с соперником любым
Мы в щедрости сумеем потягаться.

Разделим всё, что накопить смогли,
С душой, что нам откроется однажды,
Чтоб вместе пить сладчайший хмель земли
Губами, пересохшими от жажды.

Чтоб вместе слушать шум лесов и рек,
Смотреть на звезды, облакам дивиться,
Поняв, что счастья ищет человек
Лишь для того, чтоб с кем-то поделиться!

3—4 апреля 1960

444—445. НЕИСТОВЫЙ ВИССАРИОН

1

Всё до конца додумывать всегда —
Вот высшее на свете постоянство.
Коль гегельянство держит, как узда,
Так наплевать ему на гегельянство.

Отлично с диалектикой знаком,
Он не привык болтать за чашкой чая.
И Гегеля ученым колпаком
Он назовет, друзей своих смущая.

С действительностью примириться? Нет!
У рабства оправданий быть не может.
Теперь в России только тот поэт,
Кто будит совесть, кто сердца тревожит,
Кто возвышает голос, как пророк,
Чтоб каждый знал: прошел молчанья срок!

2

Как возмущал он староверов, этот
Плебей, недоучившийся студент,
В ночи из слова высекавший свет,
Свет, что и нам в ином столетье светит.

Его друзья неистовым прозвали,
И в самом деле был неистов он,
Всегда взволнован и всегда влюблен
В поэзию, в народ, в родные дали.

Весь русский, жизнелюбец по натуре,
Сгорал он, нетерпением томим,

И правнукам завидовал своим,
Предвидя очистительные бури.
Кто ждал тех бурь, тот, выйдя в путь не́близкий,
Знал, что везде, как совесть, с ним Белинский.

8—9 мая 1961

446—449. *ПОЭЗИЯ И ЖИЗНЬ*

Памяти И. С. Никитина

1

Заплаканные окна. В тусклом свете
Унылый вид, знакомый с давних пор.
Мечтал учиться в университете,
А угодил на постоялый двор.

О, как судьба умеет насмехаться
Над тем, кто жаждой подвига томим!
С барышником научит торговаться,
Вести беседу с бурлаком хмельным,

Считать полушки и у печки жаркой
Браниться с привередливой кухаркой
Да купчиков заезжих угощать.
Так дни идут. Но как судьба ни каркай,
Тоски не станет заливать он чаркой,
Он должен, он сумеет устоять.

2

Всё улеглось. Ворота на запоре,
На кухне замолкают голоса.
А он не спит. Ему приснилось море,
Невиданная наяву краса.

Он зажигает свечку. Как ни худо,
Есть у него крылатые слова.
Он может с ними улететь отсюда
Туда, где свет — лазурь и синева.

Туда, где душу не томит забота,
Туда, где радость плещет через край.

Но чу! стучат извозчики в ворота!
«Савельич, где пропал ты? Отпирай!»
Скрипят возы, идут со всех сторон.
Он гасит свечку. Снова дворник он.

3

Да, дворник он, но в нем души не чают
Почуявшие волю мужики.
Савельичем по-свойски величают.
Развязывают души, как кульки.

Ему мирская доля не обуза,
Он слышит всё сквозь этот шум и гам.
И зря влечет неопытная муза
Его к иным, нездешним берегам.

Там всё звенит, но он сюда вернется,
Расправив плечи, возмужав душой.
Лишь о своем по-своему поется,
А он не хочет песни петь чужой.
Он будет пить из своего колодца
И ковш найдет в полыни под межой.

4

По горло сыт пустой, обидной лаской
Высоких покровителей своих,
Покажет он, какой живет закваской
Его, под сердцем накипевший, стих.

Пусть под окном снега лежат навалом
И кажется, пути-дороги нет, —
Он на дворе прошел на постоялом
Народной жизни университет.

Клубок судьбы еще не весь размотан,
Еще справлять не время торжество,
Но песню полным голосом споет он,
И станет песня подвигом его.
Коль не к жене, так к сыну ямщика
Найдет дорогу честная строка.

28 сентября — 3 октября 1960

450—454. *ЛЕВ ТОЛСТОЙ*

1

Есть Рим и Вена, Лондон и Париж,
Светильники и алтари Европы,
А тут холмы соломенные крыш,
Мужицким лаптем выбитые тропы.

Звон бубенцов сливается вдали
С щемящей песней, становясь всё глуше...
Так почему ж со всех концов земли
Сюда стремятся жаждущие души?

Чем врезан в сердце каждый поворот
Дороги, выходящей из тумана?
Чем эта глушь навеки осиянна?
Из уст в уста передает народ:
«Тут совесть неподкупная живет,
Тут Лев Толстой, тут Ясная Поляна».

2

Кто он? Гомер и вместе Гезиод,
Всей жаждой века наделенный гений!
Познал он тайну мировых сражений
И радость мирных, будничных забот.

Но, вознесенный на Олимп, как бог,
Он не забыл, как сладко пахнет липа,
Как горько плачет ива. И с Олимпа
Спустился вниз, на прах земных дорог.

Презревший барства суетный удел,
В глаза судьбы он заглянул без страха.
Ему к лицу мужицкая рубаха,
И он ее, как мантию, надел.
Нет, не надел, а принял, полный сил,
Всё то, что на плечах народ носил!

3

Пока бродили силы, как вино,
Казалось всё и празднично и ново.
Теперь он знает: делом стать должно
В глубинах сердца вызревшее слово.

Проникнуть в суть явлений и вещей,
Открыть их душу, дать им смысл единый,
Чтоб липким взглядом никакой кощей
Не обволок их серой паутиной.

А коль такого слова в сердце нет,
Он сам положит на уста запрет
И станет даже у детей учиться
В полях и на лугах искать слова,
Где свежесть первозданная жива
И солнцем в капельке росы лучится.

4

Одна лишь власть — власть покорять сердца —
Ему нужна. И, в силу этой власти,
Он смеет быть правдивым до конца,
Вникать в людские помыслы и страсти.

Он знаменит. Ему дивятся все...
Все? Нет, не все! И гром стихает, грянув.
Тому, кто босым ходит по росе
В чужих полях, не до его романов.

Тот, кто не видит этого, — ослеп,
А у него на всё глаза открыты.
Пока голодный не получит хлеб,
Бесстыдно печь для сытого бисквиты.
И к совести, возмездием грозя,
Взывает он: так больше жить нельзя!

5

Так жить нельзя! А как? Возьмись за плуг,
Паши и сей, чтоб быть с народом вместе...
Но полыхают зарева вокруг
И раскололась тишина поместий.

Неужто это напророчил он
Евангельской легендой, притчей, сказкой?
Нет, неспроста от церкви отлучен
Мужицкий граф, бунтарь яснополянский.

Ну что ж! От церкви отлучить могли,
Но отлучить не смогут от народа.

Он — совесть пробудившейся земли,
Он — голос получившая природа.
С Россией вместе он войдет в века,
Художник, маг в обличье мужика!

5—15 июля 1960

455

Стихи — как письма до востребования,
О них справляются не раз,
Берут их бережно и трепетно,
Читая — не отводят глаз.

Читают вновь и вновь на лестнице,
В тиши и в шуме кутерьмы,
А если письма не востребуются,
Кому пожалуемся мы?

16—17 декабря 1961

456

Разве знает юность, что за сила
Нас в далекий увлекает путь!
...Ты при расставанье попросила
Написать на память что-нибудь.

Я не помню, что тебе ответил,
Только просьбу помню до сих пор,
Как прощанье птичьих стай и ветел,
Как ручья с лужайкой разговор.

И теперь, всю душу доверяя
Тем словам, что в сердце сохранил,
Этот день на кончике пера я
Вижу в каждой капельке чернил.

Пусть, когда услышишь обо мне ты,
Подтвердят колосья и цветы,
Что живет во всем, что сердцем спето,
Отчий дом, а стало быть, и ты.

Сквозь года позвать тебя не смея,
Я таю заветную мечту,
Что привет твой если не в письме я,
Так на легком облачке прочту.

20—23 марта 1961

457

Есть пора завершенья работы,
Испытанье высокое сил:
Видишь сделанным начерно всё ты,
Что как замысел в сердце носил.

Но не вздумай свалить на усталость
Беспокойство свое в этот час,
То, что так хорошо рисовалось,
Вдруг увидев без всяких прикрас.

Как там время тебя ни торопит,
Самый строгий судья свой теперь,
Сопоставь вдохновенье и опыт,
Воплощенье и замысел сверь.

Пусть ко всем огорченьям в придачу
Ты в себе усомнишься опять,
Надо смело встречать неудачу,
Чтоб достойно удачу принять.

Есть суровый закон, что известен
Всем, испившим воды грозовой:
«Только тот перед временем честен,
Кто умеет быть честным с собой!»

24—26 мая 1961

458. ОРЛОВСКАЯ ВЕСНА

Даль лилово-сиренева,
Верит в ясный июнь она.
Здравствуй, город Тургенева,
Город юности Бунина.

Город встречи торжественной,
Снов, что в вымыслах явлены.
Как по-русски тут женственны
В палисадниках яблони!

Как, прикрывшись платочками,
Жмутся вишни под окнами!
Тропки вяжутся строчками
Над обрывами окскими,

Мы вникаем в них истово,
На помарки не жалуясь.
Так и кажется: издавна
Где-то тут поджидали нас.

Может, в сумерки ранние
У куста у ракитова
Вновь услышим дыхание
Мы всего незабытого.

Может, молодость сызнова
Выйдет, брякнув калиткою,
То ль тургеневской Лизою,
То ли бунинской Ликою.

Но проулочки узкие
Выбегают на улицы,
Но встречают нас вузовки,
Провожают нас вузовцы.

Не они ли отметили
Нам страничку любимую,
Призывая в свидетели
Всю Россию глубинную?

Облик дня незабвенного,
Тишь громами приструнена...
Вот он, город Тургенева,
Город юности Бунина.

4—6 декабря 1961

459. БАЙКАЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Я вдохновенья не искал,
Не уходил от чьих-то козней,
Когда на берег твой, Байкал,
Пришел с моей любовью поздней.

Я шел, родной простор любя,
Где большаком, где тропкой узкой,
Но был неполон без тебя
Чудесный мир природы русской.

Я в кипень рек глядел с плотин,
Лесов дремучих слышал шум я
И серебром седин платил
В пути за все мои раздумья.

То птиц пролетных окликал,
То с облаками вел беседу
И наконец к тебе, Байкал,
Пришел по каменному следу.

Ты, столько ж, сколько дней в году,
В себя вобравший рек и речек,
Как будто знал, что я приду,
За каждый тайный вздох ответчик.

Я долго шел к тебе, прости,
Но всё упорней год от году
Пью на коленях из горсти
Твою блистающую воду.

Я достаю ее со дна,
Где, словно тени звезд, каменья, —
Она чиста и холодна,
Она знобит, как вдохновенье.

Мне люб ее железный вкус. . .
Так вот чего мне не хватало!
Я про себя давно пекусь,
Как слову дать закал металла.

А в рукавах отражена
Вся наша ширь в наплыве щедром,
Там иван-чай и сарана,
А там березка рядом с кедром.

И пред лицом прибрежных скал,
С тобой лишь мерившихся силой,
Я говорю тебе, Байкал,
Спасибо, что ты есть в России!

Что мне еще сказать тебе,
Ступив на берег всей стопою?
Я всё прощу моей судьбе
За то, что встретился с тобою!

Нашел я больше, чем искал,
В краю, где щедрость не причуда.
Деревья, тени, ребра скал
Я унесу с собой отсюда.

Всё отнесу друзьям своим,
Всё раздарю — и будет мало. . .
Коль пил я воду из Байкала,
Так не к лицу мне быть скупым!

23—26 июля 1961
Поезд Улан-Удэ — Москва

460

Соловьиных ночей творенье,
Свет небесный в тепле земном,
Из лиловой пены сирени
Ты встаешь за моим окном.

Я тебя не зову под крышу,
Ты с туманом в луга уйдешь.
На следах я твоих увижу
Всё, чем день для меня хорош.

Ты пройдешь полями, лесами
И ко мне вернешься опять.
Что с того, что придумал сам я
Всё, что можешь ты мне сказать.

Ты — души моей озаренье,
Вздох рассветный в краю родном.
Из лиловой пены сирени
Ты встаешь за моим окном.

20—24 мая 1961

461

Я тебе в стихах построил дом.
Расскажи мне, как живешь ты в нем,
Видишь ли ночами в душной мгле
Сны, что бродят по родной земле,
Слышишь ли, окошко отворив,
Как шумят к грозе колосья нив,
Как идет на цыпочках рассвет
Там, где следу не было и нет,

Как в тумане цедится роса,
Как крепчают птичьи голоса,
Как твои ровесницы встают,
Как в лугах ровесники поют.
Тянет ли тебя, как прежде, к ним
Выйти вместе с облачком цветным.
Если нет — я сам разрушу дом,
Чтобы ты не заскучала в нем.

29 октября 1961

462

С любовью, не знающей утоления,
Идя по зеленой моей земле,
Готов был в пути целовать колени я
Каждой взгрустнувшей в поле ветле.

Готов был заплакать над каждым птенчиком,
В бурю выпавшим из гнезда...
Не к хитрым друзьям — осторожным советчикам,
А к сердцу прислушивался всегда.

Прости ж мне невольные заблуждения,
Ты знаешь, я руки не грел в золе...
С любовью, не знающей утоления,
Я шел по зеленой моей земле.

28—29 июня 1961

463

Тропинка вывела на просеку,
Ввела в лесную колею.
Я по зеленому вопроснику
Вопросы птицам задаю.

А птицы на ветвях качаются,
Все тайны держат на весу
И без подсказок отвечают мне
Про всё, что видели в лесу.

Иду, довольный их ответами,
Навстречу лету не спеша,
И снова песнями неспетыми
Полна открытая душа.

9 февраля 1961

464. ЧЕРЕМУХА У КРЫЛЬЦА

Укутавши плечи платком заката,
Вздыхает черемуха у крыльца
Под песни, что каждой весной ребята
Поют без начала и без конца.

А юность, наверно, тем и богата,
Что ново ей всё, что щемит сердца,
Как этот лиловый платок заката,
Как эта черемуха у крыльца.

21 апреля 1961

465

Архитектор ты иль ваятель,
Живописец ты или поэт, —
Что такое твое искусство,
Как не бьющий из сердца свет!

Свет любви твоей к той речушке,
Что из сказок детства течет,
К той дорожке, что год за годом
Круче радуг подъем берет.

К той избушке на курьих ножках,
Где ходил ты под стол пешком,
К той ветле, на которой месяц
Ночевал за твоим окном.

К заводилам в ребячьих играх,
С кем ты всё делил пополам,
И к наставникам самым главным,
Первым школьным учителям.

К тем рассветам и к тем закатам,
Что в Москву за тобой пришли,
К босоногим дождям, что в город
Вносят запах родной земли.

Ко всему, что зовешь отчизной,
Чем душа народа жива.
А без этого нет на свете
Ни таланта, ни мастерства.

9—10 января 1961

466

Мы проникаем в тайники природы,
Явлений устанавливаем связь,
Ничуть не меньше, чем в былые годы,
Цветку весны и соловью дивясь.

И, в формулы вмещая путь свой длинный,
Соединивший годы и века,
Заплачем вдруг от песни соловьиной,
От запаха невзрачного цветка.

12—15 июня 1961

467

Блеклые краски осени поздней,
Хрусткий ледок в тени под кустом.
Думы спокойней, мысли серьезней
О пережитом, о прожитом.

Время, как воздух, пью без подсластки,
Так нам природа велит сама.
Осени поздней блеклые краски
Завтра смахнет рукавом зима.

20 апреля 1961

468

На рябине, что у ограды
Отряхает снежок с полы,
Похвалиться нарядом рады,
Пересвистываются щеглы.

В красных шапочках, в желтых свитрах,
Посводили синиц с ума,
И от песенок их нехитрых
Молодеет сама зима!

10 июля 1961

469

Я помню долг свой пред тобой, Россия,
Я не забуду никогда о нем.
Всего, чего просил и не просил я,
Ты вдоволь мне дала в краю родном.

Не всё как надо видевший сначала,
Теперь благодарю судьбу свою —
За то, что так упорно приучала
Ходить босым по жесткому жнивью.

Дала постичь, как колются колосья,
Оберегая золотой родник...
Ведь если что-то сделать удалось мне,
Так потому, что я к жнивью привык,

Что кожу в пору выдубило лето
И пропитало духом чабреца.
А чем с тобой я расплачусь за это,
Как не строкой, правдивой до конца!

7—8 июля 1961

470

Весна, и месяц молодой,
И птичий ветер на закате...
То, что вчера я звал бедой, —
Теперь не знаю, как назвать мне.

Замолкнут птицы меж ветвей,
Затихнет шум листвы к рассвету,
А мне с тревогою моей
Во сне и то покоя нету.

Ты не услышишь никогда
Тех слов, что я шепчу, и всё же
Я счастлив, что моя беда
На вдохновенье так похожа!

6—7 января 1961

471

В. Бокову

Видно, таким уродился я; видно,
С тем и прошел сквозь жару и мороз...
Не приобрел я осанки солидной,
Хоть до седых уже дожил волос.

Только, признаться, я в этом не каюсь,
Доброму слову открыт, как лучу.
Друга замечу — навстречу кидаюсь,
Годы забыв, не бегу, а лечу.

Что мне до перьев, до шпор петушиных,
Был бы костер над крутым бережком!
И, не завидуя тем, кто в машинах,
День свой встречать выхожу я пешком.

Так, выбирая дорогу любую,
Переступая любую межу,
Лучше я чувствую землю родную
И о друзьях справедливей сужу.

12—13 февраля 1961

472

В вечернем поле небо словно мокрый,
От свежей краски не просохший холст.
На нем заря, написанная охрой,
И киноварью — узорочье звезд.

А ты художник. Как тебя заставить
Глядеть на мир без сладостной тоски,
Без вечной жажды что-нибудь исправить,
Переписать какие-то куски!

29 января 1961

473

Ю. Гагарину

Мне звук родного слова дорог,
Как вдохновения сигнал.
Вот и в космических просторах
Земляк мой первый побывал.

Что для него природы косность,
Он окрылил ее уже!
«А где ж, поэзия, твой космос?»
— «Да в человеческой душе».

12 апреля 1961

474. ТВОЙ ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК

Как добывать поэзию из прозы —
Потом подскажет лето, а весна
Дает нам всё, что разбудили грозы,
Что может душу всколыхнуть до дна.

О, как поют самозабвенно птицы,
Как первых листьев сладок горький дух!
Тот, кто весной не может вдохновиться, —
И в полдень лета будет слеп и глух.

В кругу забот и дел разнообразных
Он разменяет золото на медь.
Не пропусти же свой весенний праздник,
Чтоб до поры душой не постареть.

26—27 апреля 1961

475

Что смотришь на меня в молчанье строгом,
Ты, ставшая навек моей судьбой?..
Я виноват перед тобой во многом,
Но больше виноват перед собой!

За то, что нашей юности богатства
Я безоглядно тратил много лет,
Перед тобой я мог бы оправдаться,
Перед собой мне оправданья нет.

Но мне нужней любого оправданья —
Открыть, увидев новый перевал,
Что жар души не оскудел с годами,
Что я с собой бороться не устал.

14—15 мая 1961

476. ЗЕМЛЯ

Путь хлебороба — не лукавый путь,
Земля от века учит жить правдиво.
Людскую гордость обмануть не диво,
А землю невозможно обмануть.

Она добра, но ей не жаль ничуть
Тех, кто хитрил, трудился нерадиво.
Проси, грози — не всколосится нива,
Возделанная наспех, как-нибудь.

Всё примеряя — так или иначе,
Ее уроки не забыть в пути.
Не верь случайно выпавшей удаче,
Не льсти судьбе, но и себе не льсти.

Земля сама твою покажет суть.
Путь хлебороба — не лукавый путь.

25—26 марта 1961

477. ИЗ СТИХОВ О ДЕТСТВЕ

1

Нет, из лесной таинственной избушки
Нам дед-мороз не приносил игрушки,
И всё ж судьба к нам не была скупа.
Мы к первопутку у себя в клетушке
Строгали лыжи, мастерили клюшки.
Нам не забыть, как сладко пахли стружки,
Опилок золотистая крупа.

2

Бывало, лишь кивнет через плечо нам
Зима: «А чем сегодня пахнет снег?» —
Как мы заспорим: «Яблоком моченым!»
— «Нет, пирогом, с грибами испеченным!»
— «Нет, творогом, что подают к драченам! . .»
А день звенит сосульками у стрех,
И все довольны, радость есть у всех.

3

Нырнула ночь за уголок подушки,
В сучок в стене ушла ее тропа.
Мы утро пьем, как молоко из кружки,
А на столе уже блинов стопа.
Да что блины! Скорей бы нам одеться
И на мороз, где санки так быстры.
На них-то и умчимся мы из детства,
Не оглянувшись, как с крутой горы.

1961

478

Морозный воздух колется на льдинки,
Слепит глаза снегов голубизна,
И не снимает шапки-невидимки,
Чтоб не открыться до поры, весна.

Но мне уже спокойно не усесться
За стол, тревогу не унять свою.
Я, как влюбленный, по биенью сердца
Присутствие незримой узнаю.

7—9 февраля 1961

479

Ворчит гроза, уже не страшная,
И, словно девочки-подростки,
Сто́ят в кругу на перекрестке
Рябинки, друг у дружки спрашивая:
«Не растрепались ли прически?»

16 мая, 27 декабря 1961

480

В затишье лужок зарделся,
Шмелями гудит: зайди-ка!
Всей памятью сладкой детства
Зовет тебя земляника.

А ты, повзрослевший за год,
Траву раздвигаешь степенно,
Ты в запахе спелых ягод
Чувствуешь запах сена.

Незримый, с тобою вместе
Я кланяюсь иван-чаю,
Как будто прощаюсь с детством,
Как будто юность встречаю.

18—21 июня 1961

481

О, край глухариный, лесная сторожка,
Лужайка, где воздух как спирт муравьиный.
Там зори калиной ломились в окошко,
А полдни мне пачкали губы малиной.

Там, зá лето свыкшись со мной понемногу,
Услышав от птиц о моем появленье,
Кусты расступались, давая дорогу,
Орехи мне сыпались прямо в колени.

Криница меня зазывала в овраге,
Свою чистоту соблюдавшая свято.
Там я в тишине без пера и бумаги
Сложил мои первые песни когда-то.

Когда ты приснишься, лесная сторожка,
Без слов позовешь к глухариному краю —
И радостно сердцу и грустно немножко,
Что только в стихах я тебя вспоминаю.

Но ты и во сне предвещаешь мне счастье,
Ведерко малины, орехов лукошко...
Так дай же в окошко твое постучаться,
Лесная сторожка, лесная сторожка.

23—24 апреля 1961

482

Ты брови темные не хмурь, пожалуйста,
Как будто в пригоршни всё лето собрано.
Мне всюду видится улыбка августа,
Немножко грустная и очень добрая.

23 августа 1961

483

Как мало мы бываем
С собой наедине,
Как редко нам дается
Раздумье в тишине.

В той тишине, где слышим
Мы сердца каждый стук,
Где видим в каждом деле
Мы дело наших рук,

Где можем стать мы выше
Всего, что нас томит, —
Случайных обольщений,
Нечаянных обид.

Не потому ль нас тянет,
Хотя б на краткий миг,
Припасть к земле весенней,
К истокам рек своих.

Приходит срок подумать
Не о едином дне. . .
Как мало мы бываем
С собой наедине.

6—7 июня 1961

484. ПЧЕЛА

Среди книжных людей Древней Руси были очень популярны сборники нравоучительных изречений «Пчела».

Уж не поднять поникшего чела,
Взгляд всё туманней, плечи всё сутулей,
Но я всю жизнь трудился, как пчела,
Что мед по капле носит в общий улей.

В угрюмой келье, где чуть внятный зов
Смущал мои раздумья не однажды,
Я изреченья древних мудрецов
Переписал для утоленья жажды.

И пусть всю ночь я не встаю с колен,
Когда душа сомненьями язвима,
Я внес в твой мед, мой Днепр, мой Борисфен,
Эллады аромат и горечь Рима.

Неужто лишним правнуки найдут
Мой безымянный, мой пчелиный труд?

1—3 января 1961

485. ЯРОСЛАВНА

Путивльский шлях. Полынная тоска,
Твой ждущий взгляд сквозь слезы — синий-синий.
Вошла ты Ярославною в века,
А в терему осталась Евфросиньей.

Ты подвиг свой свершала в тишине,
Смотрела в горе ясными глазами,
Чтоб в час зари на городской стене
Вздохнуть и душу облегчить слезами.

Давным-давно забыли камыши
И стук мечей, и чарок звон заздравный,
Но, голос твой узнав в родной глуши,
Мы повторим не раз под шум дубравный,
Что вдохновенье — тот же вздох души,
Что Евфросинью сделал Ярославной.

9—13 апреля 1961

486. К ПОРТРЕТУ ЛОМОНОСОВА

Его влекли и формулы и звуки,
Земные недра и пути светил.
Постигнул он поэзию науки,
Науке дверь в поэзию открыл.

Металлы плавил он, иль трогал лиру,
Иль к телескопу приникал в тиши —
Во всем являл на удивленье миру
Величье русской жаждущей души.

Нигде, ни в чем не видевший предела,
Упрямо слово претворявший в дело,
Неукротимой страсти не тая,
Он стал в веках звездою путеводной
Для всех, кто шел из глубины народной
К твоим вершинам, Родина моя!

4—5 ноября 1961

487. ЗВАНЬЕ ПОЭТА

То званье, что Пушкин и Лермонтов
Некрасов и Тютчев носили,
Живет не старея, согретое
У самого сердца России.

А кто, к тому званью причисленный,
Не мерит их подвигом труд свой —
Того ухищренья бессмысленны,
С чернилами вместе сотрутся.

Всегда правдолюбцы-воители,
Чьи в тучах изваяны лица,
В поэте сподвижника видели,
Глядящего вдаль прозорливца.

Под грозами века рожденные,
Не раз убеждались мы снова,
Что только судьбой подтвержденное
Крылатым становится слово.

С пути не вернется назад оно,
Хоть крылья под ветром натрудит,
Везде, по полету угадано,
В сердцах оно принято будет.

И детским покажутся лепетом
Пред ним виршеплетов усилья...
О званье, что Пушкин и Лермонтов,
Некрасов и Тютчев носили!

3—6 июля 1961

488. ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

Мы путь свой мерим временами года,
Нам вехи ставят лето и зима —
Тишь ледостава, ветер ледохода,
В оживших рощах птичья кутерьма.

По всем заметам сердца и ума
Мы знаем, как меняется погода.
В дни сева, в пору сбора в закрома
По-разному нам видится природа.

Но неизменно с нами круглый год
То, что восходит выше всех хлопот,
Как солнце над полями и лесами.
Чтоб каждый мог найти свою звезду,
Даны четыре времени в году,
А пятое в душе мы носим сами!

30 марта — 1 апреля 1962

489. ПРИДОРОЖНАЯ ИВА

В полях, где зреет хлеб неторопливо,
Свидетельница всех людских забот,
Приветливо ветвями машет ива,
Под свой шатер раскидистый зовет.

Она привыкла к шуму придорожий,
Ей днем и ночью провода поют.
Ее заметит издали прохожий,
Под ней найдут влюбленные приют.

В ней никогда никто не видел дива,
Но всяк родные узнает черты...
А я живу тревожно и ревниво,
Мои дороги с юности круты,
И с каждым днем мне всё дороже ива,
Хранительница доброй простоты.

7—10 марта 1962

490

Я не из тех, кто рад предать забвенью
Всё то, что было создано до нас.
Дивлюсь я многих мастеров уменью,
Рублев и Врубель мне нужны в свой час.

Я в старых храмах не молюсь иконам,
Не падаю пред статуями ниц,
Но всех веков наследником законным
Иду под вспышки грозовых зарниц.

Не вдохновенья ль подвиг благородный
Дает узреть незримые черты,

Чтоб человек всё выше, всё свободней
Вставал в извечной жажде красоты,
В той жажде, что накоплена в веках
И не иссякнет на земных путях.

3—4 ноября 1962

491

Не оставили деды портретов для нас,
Уходя за ограду погоста мирского,
Но родные черты узнаем мы сейчас
У философов сельских с полотен Крамского.

И пускай фотографии наших отцов
Улыбаются робко и скупо с простенков —
Русских витязей в них разглядел Васнецов,
А в подруги им дал свою Ладу Коненков.

О искусство! Останься влюбленным и впредь,
Пусть не тронет тебя никакая остуда.
Разве может когда на земле устареть
Человечьего сердца великое чудо!

7—8 июня 1963

492

Нет, не внушает мне почтенья тот,
Кто в жизни никогда не ошибался:
Не отставал, не забегал вперед,
За дело, что не по плечу, не брался.

Пусть, в превосходстве убежден своем,
Он не хранит воспоминаний смутных.
С таким в дорогу дальнюю вдвоем
Я не пойду. Иной мне нужен спутник:

Кто сердцу верит больше, чем часам,
Кто, помня с детства, как земля упруга,
В пути споткнуться не боится сам,
А друг споткнется — не оставит друга.

17—19 января 1962

493

После всех испытаний,
что были судьбой мне даны,
Как от грома, в ночи
просыпаюсь я от тишины.

Колокольный язык
обретает под утро она,
Но лишь тем, кто не гонит
бессонных раздумий, слышна.

И хоть тяжбы бессонниц
не радуют сердце мое,
Я считал бы глухим себя,
если б не слышал ее.

Я б давно отказался
от вещих затей ремесла...
...Тишина, тишина,
бей во все свои колокола!

Ты, как время, — во мне.
Я подняться готов над собой
После всех испытаний,
что были даны мне судьбой.

5—7 августа 1963

494

Года раздумий нам ссутулят плечи,
Мы всё в свой срок и взвесим и учтем,
Поймем, что избежать ошибки легче,
Чем ту ошибку исправлять потом.

Но, если б знала юность, как жестоко
Ее ошибки отзовутся нам,
Мы б по пути состарились до срока,
Учась всю жизнь глядеть по сторонам.

20—25 мая 1963

495

Сын возмужавший нежностей стыдится,
В своей любви не уверяет мать,
Зато ни в чем пред нею не таится
И всё готов на суд ее отдать.

А у меня уже виски седые,
Моих раздумий бесконечна нить,
И я хочу без лишних слов, Россия,
Как с матерью, с тобою говорить.

25 мая 1962

496

За всё, за всё с нас спросит
время строгое,
Ему не скажешь,
стоя в стороне,
Что с чистым сердцем
выходил в дорогу я,
А заблуждался —
по чужой вине.

Нам отговорки
не к лицу лукавые,
Не для того
мы спор вели с судьбой,
И выше всех
ценю святое право я —
Быть самым строгим
для себя судьей.

29—30 июня 1963

497

Как монотонно лес шумит в тиши,
Роняя тени спутанные наземь,
Но погоди, подумай, не спеши,
Не попрекай его однообразьем.

Его на грани лета и весны
Гроза не раз крылом своим зацепит,
И ты услышишь струнный звук сосны,
И ропот дуба, и осины лепет.

6 июня 1963

498

Юрию Арбату

В Ашхабаде, Смоленске и Нальчике,
Как везде, как у всех берегов,
В первый раз полюбившие мальчики
Дарят девочкам книжки стихов.

Дарят, жаждой и робостью мучимы
У извечно влекущей струи,
И запавшими в душу созвучьями
Открывают им чувства свои.

В этих книжках, любовно обернутых
В разноцветную радость и грусть,
Ищут девочки строчек подчеркнутых,
Чтоб всю жизнь повторять наизусть.

Заревыми томятся разливами,
То беспечно шумны, то тихи...
Если стать суждено им счастливыми,
Значит, счастье приносят стихи.

22—23 мая 1963

499

Слух музыканта, зренье живописца
И память следопыта нам нужны,
Когда велим мы в слове воплотиться
Всему, что нам дарят цветы и птицы,
Обвалы гроз и клады тишины.

Но от листа не оторвется слово,
Под радугой строка не запоет
Без искорки того огня живого,
Что всё в душе преображает снова,
Неповторимый смысл всему дает.

14—15 января 1962

500

Ты — всех земных цветов мозаика,
Дочь тишины и грома музыка.
Ты в сердце каждого прозаика
Найдешь и друга и союзника.

В тебе — исканья мысли трезвые
И вдохновенья взрывы смелые.
Ты праздник нам даришь, поэзия,
Живое дело жизни делая.

15 мая 1963

501

Всё в матерьяле ясно кустарю,
Он знает, что начать, с какого краю.
А я из плоти собственной творю,
Я сам себя, как матерьял, кромсаю.

О, сколько раз я кровью истекал,
Сгорал и восставал на пепелище,
Чтоб, выйдя из магических зеркал,
Двойник мой жил смелей меня и чище.

Меня друзья и близкие простят,
Идущие всю жизнь со мною рядом,
За то, что отвечал им невпопад,
Смотрел на них отсутствующим взглядом.

Я за терпенье их благодарю,
Но, если надо, — всё начну сначала.
Завидовать не стану кустарю,
Чтоб под конец душа не заскучала.

4—5 октября 1962

502

Избави бог от поздних сожалений,
Когда нельзя поправить ничего.
Нам так отрадно сквозь туман осенний
Увидеть праздник лета своего.

Но, поразмыслив, мы под звон метели
Всё чаще станем вспоминать о том,
Что сделать мы могли и не сумели,
Что проглядели в лете золотом.

Скорей бы хлынул паводок весенний,
Чтоб год начать, минувшему не льстя.
Избави бог от поздних сожалений,
Когда поправить ничего нельзя.

1962

503. СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ

Мне чужд холодный пафос борзописца.
Пускай в строфе, как льдинка, тает грусть.
От радости, от горя ли не спится —
В себя поглубже вникнуть я стремлюсь.

Я знаю, сроки времени жестоки
И мы не смеем забывать о них...
О, если б мог извлечь я все уроки
Из радостей и горестей моих!

1 апреля 1962

504

Я, признаться, жить хотел бы долго,
Каждый день по-новому ценя,
Чтобы непогашенного долга
Не осталось в жизни у меня.

Чтобы ежедневно, ежечасно,
Вспоминая путь свой средь тревог,
Всех, кого обидел я напрасно,
Чем-нибудь порадовать бы смог.

Ну а если это невозможно
И до срока я свалюсь без сил,
Пусть хоть знают те, кому я должен,
Что со всех дорог я к ним спешил.

Не владевший рогом изобилья,
Заходивший часто за предел,
Про свои долги не позабыл я,
Только заплатить не все успел.

11 мая 1962

505. СОНЕТ К МАРШАКУ

Всю жизнь учась пристругивать строку,
Не веря словесам высокомерным,
Я говорю спасибо Маршаку,
Что трудолюбья подает пример нам.

Им деланья воспета красота,
Он знает связи дерева и стали.
Слова «Маршак» и «Мастер» неспроста
Для нас давно синонимами стали.

В веселой сказке, в присказке любой,
В раздумьях о быстротекущей жизни
Он учит быть всегда самим собой
И каждый вздох свой отдавать отчизне.
Вот потому-то на родных просторах
Он всем — от малых и до старых — дорог.

26 ноября 1962

506. МАЙСКИЙ СОНЕТ

Не праздным соглядатаем природы
Приходит май в поля моей земли —
Весь день хлопочет, чтоб густели всходы,
Чтоб пели птицы, чтоб цветы цвели.

Под грохот грома в мастерской погоды
Считает облака, как корабли,
А вечером скликает хороводы,
Девчонке каждой шепчет: «Не дремли».

Какая б там нас буря ни качала,
Он, улыбнувшись, высветлит сердца,
И вновь, друг друга встретив у причала,
Мы скажем не для красного словца:
«Коль в чем ошибся, начинай сначала,
А коль начнешь — исполни до конца!»

17—21 апреля 1962

507

Течет листва в ручьистом лепете,
Траву росой кропит закат.
Не облака, а гуси-лебеди
Над головой моей летят.

Их перья белые и серые
Я на груди своей храню,
Чтоб пронести везде доверие
К дороге, ветру и огню.

Чтоб я входил в боры сосновые,
Как входят в отчий дом с крыльца,
Чтоб открывал, как страны новые,
Людские судьбы и сердца.

И вот иду я, песней чествуя
Нежданных встреч тепло и свет,
А из такого путешествия
Дорог возвратных в мире нет.

Рождая сказку в смутном лепете,
Листву росой кропит закат.
Не облака, а гуси-лебеди
Над головой моей летят.

25—26 июня 1963

508

Я в свой час пахал и сеял,
Лес рубил, мостил мосты,
На околице весенней
Песни пел до хрипоты.

Под огнем в солдатской каске
Шел, забыв, где даль, где близь...
Всё я знаю без подсказки,
Потому и славлю жизнь!

18—20 июля, 5 октября 1963

509. МЕРА

И влюблялся в Рембо,
и дивился я Аполлинеру,
Но в годину тревог
были Блок и Есенин со мной.

С той поры я в поэзии
знаю одну только меру:
Звук такой же щемящий,
как эхо долины родной!

18—19 ноября 1961

510. МАСТЕР ФЕДОР КОНЬ В СМОЛЕНСКЕ

Пока подвластны глина и огонь,
Отвес и камень — жить на свете стоит.
Холмы надежны. Мастер Федор Конь
Сей град на диво временам обстроит.

Пусть на Москве трезвонит царь-юрод,
Пусть ждет Борис его кончины скорой —
Он тут такую крепость возведет,
Что станет в бедах родине опорой.

Со всей Руси собрав гулящий люд,
Не выставлял он ни вина, ни меда.
Печет жара, косые ливни льют,
Но в общем деле не тяжка невзгода.
Сильней и выше царской власти тут
Дерзанье мастера и труд народа.

7—8 июля 1963

511. МЕТЕЛИЦА

Ворожит метелица,
Стынут облака.
На морозе мелется
Хрусткая мука.

Мелется и стелется
Над моей строкой.
До волшебной мельницы
Мне подать рукой,

Встану в свете месяца,
Там, где следу нет:
«Отворись мне, мельница,
Сказка детских лет».

Мельница-крутельница
Вертит жернова.
Ей смолоть безделица
Все мои слова.

Но лишь то, что смелется,
Может хлебом стать.
Порошит метелица,
Ворожит опять.

12—14 мая 1962

512

Словно звуки песни задушевной,
Окликают нас те дни, когда
Нам казалась сказочной царевной
Бела лебедь в заводи пруда.

Чуя крылья у тугих предплечий,
День и ночь мечтали мы о том,
Чтоб вернуть ей облик человечий
И ввести невестой в отчий дом.

Только скрыли — юность ли, весна ли —
Превращенья миг в родном краю.
Мы в девчонках-сверстницах узнали
Каждый лебедь белую свою.

И запели все ручьи в долинах,
Все цветы, расцветшие вокруг,
Что нежнее крыльев лебединых
Руки загорелые подруг.

Не они ли в горе и печали,
Неизбывной верностью горды,
Столько раз потом нас выручали,
Столько раз спасали от беды.

Хлеб пекли, качали колыбели...
Никогда не знавшие прикрас,
Для чужого глаза постарели,
Молодые навсегда для нас.

12—13 мая 1963

513

Вцепился в гриву я коня буланого,
И конь не поскакал, а полетел.
Знакомый мир мне вдруг открылся заново
Предчувствием уже не детских дел.

И даль и высь, сиявшие заманчиво,
Слились в одно в тот невозвратный миг.
Я выше леса пролетал стоячего,
Чуть-чуть пониже облака ходячего,
Дорогой первых вымыслов моих.

Друзья-мальчишки похвалили: «Здорово!» —
Хоть и упал с коня я кувырком...
Ну как забыть мгновение, с которого
Мне резкий ветер времени знаком?

И мчусь ли я теперь на скором поезде,
Иль вдруг подхватит самолет меня,
Благодарю за всё, скажу по совести,
Я всё того ж буланого коня.

31 мая — 1 июня 1963

514

Сколько бы капель горечи
В чаше моей ни прибавилось,
Твержу себе до сих пор еще:
«Не отступай ни на волос!»

С собой ли, с судьбой ли споришь ты
Под острым зрачком бессонницы —
Душа не скупеет от горечи,
А только зорче становится.

4 марта 1962

515

Мужавший на сквозном ветру,
Я видел взлеты и паденья,
Страстей высокое боренье
И мелких помыслов игру.

Но верю я — и с тем умру, —
Что в вечной жажде обновленья,
Как к свету тянутся растенья,
Так люди тянутся к добру.

29—30 мая 1963

516

Мы всюду ищем
                    времени приметы,
А те приметы
                    мы в себе несем —
В своих делах и помыслах,
                                        во всем,
Чем мы живем
                    средь бурь и гроз планеты.

18—21 мая 1963

517

Мы говорим: «Секреты мастерства!»
Постигнуть их стараемся упорно.
А мастер знает лишь одно бесспорно —
Что всё черствеет, коль душа черства.

5 октября 1963

518

Поэзия, караешь ты сурово
За каждое кощунственное слово.
Второй натурой ставшее притворство,
Как ржавчина, съедает стихотворца.

9 января 1963

519

Не презирай высокомерно истин,
Что прописными гордецы зовут,
Ведь если ты правдив и бескорыстен —
Не обошлось без прописей и тут.

27—28 ноября 1963

520

Позабуду ль, как сладко
мне в детстве спалось на
соломе,
Как дарила мне юность
луга, что душистее сот.
И теперь, и вовек
ничего не желаю я, кроме
Тех чистейших даров,
что спокойная совесть несет.

10 июня 1963

521

С детской поры
мы едим ежедневный свой хлеб,
Густо посыпанный
солью родных поговорок.
«Кто за деревьями леса не видит —
тот слеп».
А тот, кто деревья в лесу не заметил, —
тот зорок?

2—3 июня 1963

522

Идет с годами время
всё быстрее,
А ты умей
подумать, помолчать,
Чтоб мысль
достойным словом увенчать,
Чтоб жить, душой
и сердцем не старея.

17 мая 1963

523

Мой друг, не надо
опытом кичиться,
На нем всегда
минувшего печать.
Мудрец не тот,
кто любит поучать,
А тот, кто сам
не устает учиться.

16 мая 1963

524

Язык народа и богат и точен,
Но есть, увы, неточные слова,
Они растут, как сорная трава
У плохо перепаханных обочин.

2 июня 1963

525

Кто по росе не замочил колена,
Не ел кулеш, что варят косари, —
Тот не почует свежести зари
В клочке сухого летошнего сена.
И тут уж не помогут словари.

2 июня 1963

526

Придет и минет срок цвести цветам в лугу,
В дубравах птицам петь, посевам колоситься,
Но сердце не цветок, не колос и не птица.

Ему тепло в мороз, оно поет в пургу,
Покуда верю я, что лучше стать могу,
Покуда не хочу на том, что есть, смириться.

11—12 января 1963

527. ЛОВЯТ СНЕЖИНКИ ДЕВОЧКИ

От встречи с зимой зардевшиеся,
На первой ее дорожке
Ловят снежинки девочки
В розовые ладошки.

Мимо проходят мальчики,
Набегавшиеся досыта.
Летучее счастье заманчиво,
Да в руки оно не дается...

Но любят снежинки доверчивых
И не боятся растаять.
Они в ладошках у девочек
По капельке счастья оставят.

22—24 ноября 1963

528

Кем, когда они были открыты —
Снег и поле, раскат большака
И в морозном тумане ракиты,
Как серебряные облака?

Нет, мы с юностью нашей не квиты,
Если манят нас издалека,
Каждый раз по-иному открыты,
Снег и поле, раскат большака,

Те следы, что поземкой повиты,
Тот лохматый стожок у леска
И в морозном тумане ракиты,
Как серебряные облака.

5—14 ноября 1963

529

Какое счастье, старый друг,
Над городом услышать вдруг
Станицу журавлей!
Они трубят издалека
И раздвигают облака,
Чтоб шла весна смелей.

За журавлиным косяком
Готов уйти я босиком,
Как уходил не раз,
Туда, где месяц молодой,
Умывшись талою водой,
Нам сто чудес припас.

Где зеленя кропит роса,
Вещают птичьи голоса,
Что травы в рост пошли,
Где чуток ветер, как струна,
Где для души хмельней вина
Весенний дух земли!

О, вещий дух земли родной!
Он с каждой новою весной
Нам слаще и милей...
Какое счастье, старый друг,
Над городом услышать вдруг
Станицу журавлей!

16 апреля 1963

530

Над шумом полых рек
то флейты, то свирели.
На миг вернулось всё,
что было и ушло.
Природа обрела
прозрачность акварели,
От грусти на душе,
как от зари, светло.

2 и 15 марта 1963

531

Весна умыла
и кусты и камни.
Всё, что непрочно,
унесла река.
Я небо пью
глубокими глотками,
И легкой пеной
тают облака.

8—15 февраля 1963

532

Блестят под ногами
осколки лазури.
В ночи по морозцу
ушла тишина.
В апрельском лесу,
как на старой гравюре,
Отчетливо
каждая ветка видна.

26 января 1963

533

Мне завещали предки-земледельцы
Любовь к работе, что всегда добра.
Когда весной заноет сладко сердце,
Я знаю: сеять подошла пора!

16 февраля 1963

534

На чистой странице
простор полевой мне распахнут,
Где шел я за плугом,
где мчался на сивке верхом.
Сравню свои строки
с пластами дымящихся пахот —
И каждый огрех
почитаю великим грехом.

20 февраля, 22 марта 1963

535

В зацветающий, утренний
Сад вхожу я без слов,
Белизной целомудренной
Захлебнуться готов.

О минута открытия,
Как ты здесь хороша!
Пеной яблонь умытая,
Молодеет душа.

В птичьем щебете, в посвисте
Над моей головой
Пережитого повести
Обретают свой строй.

Отступает всё смутное,
Мир доверчив и нов.
В зацветающий, утренний
Сад вхожу я без слов.

18—19 мая 1963

536

Чтоб весна заговорила,
до поры безмолвная,
Нужно, чтобы гром ударил,
полыхнула молния.

Захлебнутся шумом ливня
тихие разлужины,
И в кустах засвищут птицы,
до зари разбужены.

Я заслушаюсь, и душу
тронет грусть нечаянно:
Не могу себе простить я
твоего молчания.

9—12 марта 1962

537

Знаю сам, что нет мне дела,
И не спрашиваю я,
С кем весь вечер ты сидела
На обрыве у ручья.

Просто я под звезды вышел,
Что-то грустно стало мне.
Просто голос твой услышал
В зазвеневшей тишине.

Оглянулся я, как будто
Вспыхнул свет и вновь погас.
Пела песню ты кому-то,
Ту, что пела мне не раз.

Я узнал в словах знакомых
В полном свежести краю
Горечь трав, дурман черемух,
Всю беду-тоску мою.

И не дрогнул голос чистый,
Серебристый голос твой,
И бежал я, как мальчишка,
Чтоб не слышать песни той.

Знаю я, что нет мне дела,
И не спрашиваю я,
С кем весь вечер ты сидела
На обрыве у ручья.

Я ушел от горькой смуты
Всё равно по чьей вине.
Но скажи мне: как ему ты
Можешь петь, что пела мне?

15—16 мая 1962

538

Люблю нехитрый ваш уют,
Окраинные дворики,
Где люди попросту живут —
Как в долг берут, как в долг дают,
Как в кости бьют, как пиво пьют,
Как под гармонику поют —
И надо всем вершат свой суд
Без всяческой риторики.

22 июля 1963

539

Дождаться нас в гости не чая,
Друзья сообщат всё равно,
Что лето костры иван-чая
Зажгло на опушке давно.

А мы осерчаем и плюнем
На свой городской недосуг.
Простор, расцвечённый июнем,
Пред нами откроется вдруг.

Потянет в глубины России
Нас голос любви, как судьба,
Пока там луга не скосили,
Пока не убрали хлеба.

Там даст нам широкое лето
На каждой поляне приют.
Там день начинают с рассвета,
Как первую песню поют.

Оттуда мы без позолоты
Увидим за дымкой села
Свои городские заботы,
Свои городские дела.

И я, эти строки кончая,
Забыть ни на миг не могу,
Что где-то костры иван-чая
Горят без меня на лугу.

27—28 мая 1963

540

Полынный ветер придорожий,
Лугов ромашковую дрожь
Ты, провожая день погожий,
Как стебелек, в губах несешь.

Кто к ним прильнет под звездным ливнем,
Вдруг захлебнувшись тишиной,
В того войдет, как дух полыни,
Весь трепет нежности земной.

4 октября 1962

541

Кто там наляпал крупными мазками,
Укрывшись в тень у полдня на краю,
Луг со стогами, небо с облаками,
Наезженной дороги колею?
...Сижу один на придорожном камне
И по ухватке лето узнаю.

1963

542

Милы мне в смене августовских суток
Озноб зари и полдня легкий зной,
Закат в тумане сумерек сквозной,
Светящаяся дымка под луной...
«Проходит лето», — говорит рассудок,
А сердце пьет отстой весны хмельной.

28—29 ноября 1962

543

О ярость гроз, ты вдохновенье лета,
Когда любые по плечу дела,
А дни безгрозья — первая примета,
Что осень с жаждой тишины пришла.

17—18 июля 1963

544

Как там осень красотой ни хвастай,
Даже в восхищенье смущены,
Знаем мы: наряд ее цветастый —
Только тень от радуги весны.

6 августа 1963

545

Я о многом, о многом еще не сказал,
Ставя каждое слово ребром.
Окликают меня то гудящий вокзал,
То рокочущий аэродром.

И опять я ловлю ускользающий звук,
Свет мгновенный, что вспыхнул вдали.
Мир широк, но дороги всех встреч и разлук
Через сердце мое пролегли.

19—20 октября 1962

546

По дороге на Карадаг
Палку вырезал я из кизила,
Чтоб в селеньях и городах
Свежесть горных лугов сквозила.

Мне такую строгать не лень,
По душе мне пришлась работа,
И на палке моей олень
Запрокинул рога с разлета.

Он, познавший немало круч,
Лучший спутник души поэта,
Взять велит не перо, а луч,
Не чернила, а синь рассвета.

Я на палку мою обопрусь,
Всей природы пойму веленья.
Пусть за каждой опушкой Русь
Слышит трубный голос оленя.

16—18 сентября 1962

547. У МОГИЛЫ АЛЕКСАНДРА ГРИНА

Есть городок в степном Крыму,
Где поросла лазурью глина.
Он пахнет солнцем, и к нему
Меня влекут дороги Грина.

Забыв друзей неправый суд,
Унылый звон грошей последних,
Нашел приют укромный тут
Дождя и ветра собеседник.

Что тесен домик — не беда,
Зато душа вольна как птица.
Дарил он людям города,
Где может сбыться всё, что снится.

Он города воздвигнул те,
За судьбы их готов ручаться,
В своей душе, в своей мечте
О полноте людского счастья.

И пусть не знал он счастья сам,
Не расчислявший дни по срокам,
Мы верим алым парусам
Под ветром вольным и широким.

Как у волшебного ключа,
Стою я у его могилы,
И на закате алыча
Шумит, как парус легкокрылый.

20—24 сентября 1962

548. ЗДРАВСТВУЙ, ГРУЗИЯ!

Всю жизнь был верен русской музе я,
Лишь ей служил, забыв покой.
Ты тоже мне открылась, Грузия,
Певучей пушкинской строкой.

С ней зимовал я, с ней и летовал
В тиши российских деревень.
Вдруг как гроза нагрянул Лермонтов,
Твоих садов раскинул тень.

Глазами юности влюбленными
В твой мир вникать я начинал,
Мне за березами и кленами
Был слышен шум твоих чинар.

Потом, пока в одно я связывал
Всё, что дарит земле заря,
Полонский мне навзрыд рассказывал
Про твоего сазандаря.

Его строка не обесценена,
Она доселе мне люба,
Как лебединый зов Есенина,
Как тихоновская резьба.

Мне не нужна иная памятка,
Я слов провеял вороха
И полюбил по-русски — накрепко
Чекан грузинского стиха.

Со всеми в дружеском союзе я,
Соединяя старь и новь,
Воскликнуть счастлив:
«Здравствуй, Грузия!
Поэтов давняя любовь!»

1962

549. РАЗДУМЬЯ В ТБИЛИСИ

Иду впервой по улицам тбилисским,
Всхожу на горы и спускаюсь с гор,
И мнится всё таким знакомым, близким,
Как будто здесь живу я с давних пор.

Висят балконы над Курой в тумане,
Звенят пандури, огоньки плывут...
Не томик ли Симона Чиковани
Листаю я, забыв полет минут?

Ну разве ж я могу не разобраться
Там, где он в каждый уголок проник?
На всех дорогах мужества и братства
Поэзия — вернейший проводник.

1962

550. ПО ПУТИ В ТЕЛАВИ

Я готов трудиться, не лениться,
Чтоб вместил мой стих все грани скал,
Тех, что нам Георгий Леонидзе
По пути в Телави показал.

Все сады долины Алазанской,
Где вином и медом пахнет зной,
Где стоял я, очарован сказкой,
Доброй сказкой щедрости земной.

Если ж стих не выдержит нагрузки,
Разобьется у подножья скал, —
Я в молчанье поклонюсь по-русски
Тем, кто эту землю обживал.

1962

551. ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

Что стих? Обвал снегов.

Т. Табидзе

От друзей мне не надо таиться.
Кто меж нами проложит межу?
Вновь стихи Тициана Табидзе
Я в бессонные ночи твержу.

Вновь загадкам еще небывалым
В них ищу я отгадок простых.
Что мне сделать, чтоб снежным обвалом
Падал на душу каждый мой стих?

А поэт, что с гвоздикой в петлице
Шел по жизни, глядит мне в глаза:
«Будь готовым за всё расплатиться,
Что не высказать сердцу нельзя!»

1962

552. ВЕРНОСТЬ

Золотое небо Грузии,
Тень платана, шум застолицы,
А в душе березки русые
Да смоленских сел околицы.

Те луга, поля заречные,
Где девчата хороводятся,
Где во ржи дорожки встречные,
Словно две подружки, сходятся.

Всё, что с юности мы вызнали,
Что без слова в песне скажется,
Чем земля родная издали
Нам еще роднее кажется.

1962

553. ПРОЩАНИЕ С ГРУЗИЕЙ

Покуда грозы летние
По перевалам лазали,
Я пил вино Кахетии,
Я пил вино Абхазии.

Мне открывались, радуя
Мои стопы упорные,
Долины виноградные,
Луга высокогорные.

Мне пели загорелые,
Потупив очи карие,
И дочери Мингрелии
И сыновья Аджарии.

Их песни принял в душу я,
То шумные, то грустные. . .
Спасибо за радушие,
Сестра России Грузия!

В твои гляделся очи я,
Где даль столетий видится.
Моя сторонка отчая
За это не обидится.

Моя сторонка-скромница
В моей любви уверена.
Всё то, чем сердце полнится,
Открыла не теперь она.

Мне всюду светит свет ее,
И я, ей всем обязанный,
Пил за нее в Кахетии,
Пил за нее в Абхазии.

1962

554—558. *КОСМОНАВТЫ*

1

О Родина, ты еще мало воспета,
Как робкая ласточка вьется мой стих,
Когда за ракетой несется ракета
В небесные дали с просторов твоих.

Все силы души разбудив в человеке,
До звезд ты возносишь его бытие. . .
Да будет такими делами вовеки
Прославлено доброе имя твое!

12 августа 1962

2

И вот уже в космическом пространстве
Друг друга окликают корабли.
Я думаю о гордом постоянстве,
О мужестве сынов моей земли.

Мне хочется воскликнуть: «Как нелепа
Вражда, что гибелью грозит во мгле!
Пусть люди рвутся в небо, выше в небо,
Чтоб сделать жизнь бессмертной на земле!»

12 августа 1962

3

Давно ль суеверно по звездам хвостатым, косматым
О судьбах народов гадали людские умы,
А наши девчата подносят цветы космонавтам,
О небе рассказы их запросто слушаем мы.

Вчера было два их, сегодня уж стало четыре,
А сколько же завтра отправятся в дальний полет!
...Как жизнь быстротечна, как всё изменяется в мире...
Одно неизменно — стремление ввысь и вперед!

12 августа 1962

4

Он пил из тех же, что и все мы, рек,
Ел тот же хлеб в тени родного дома,
Вчера еще безвестный человек,
Что улетает в наш грядущий век
Со стартовой площадки космодрома.

Он, даже оторвавшись от Земли,
Не расстается с ней ни на мгновенье.
В его душе, как зерна, проросли
И личные приметы обрели
И мужество ее, и вдохновенье.

Следя за ним, мы думаем о том,
Каким еще должно пролечь орбитам,
Чтоб в этом мире вечно молодом
То, что мы нынче подвигом зовем,
Назвали завтра повседневным бытом.

А он летит среди незримых вех
И вспоминает свет родного дома,
Вчера еще безвестный человек,
Рванувшийся вперед, в грядущий век
Со стартовой площадки космодрома.

15—16 июня 1963

5

Когда над суетой дневных событий
Я слышу голос, крепнущий вдали,
Что снова на космической орбите
Мой современник, сын моей Земли,

Я знаю — это Родина в полете
Возносит в небо подвиг свой земной,
И сам превозмогаю косность плоти
И ощущаю крылья за спиной.

14 июня 1963

559

В глухой степи, на месте древних сеч,
Где клады сторожат орлы седые, —
Нашли зазубренный старинный меч
И рядом с ним две чаши золотые.

Их тайну сохранят ушедшие века
От дерзостных вопросов наших,
Но мастера безвестного рука
Свою печать оставила на чашах.

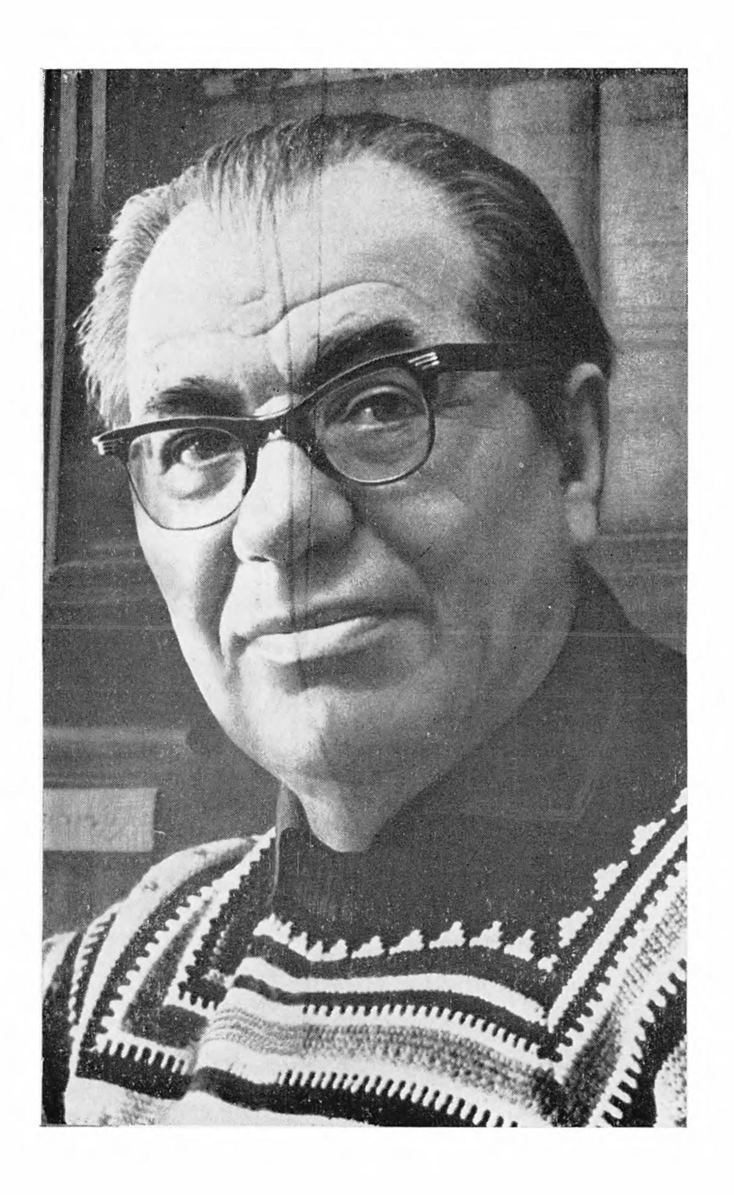
В один узор он заплести сумел,
Соединив невидимые грани,
Воителя и пахаря удел,
И сбор плодов, и пир на поле брани.

Так, мир просторный в тесный круг введя,
Он вновь его для нас раздвинул смело,
Чтоб в нем за ратным подвигом вождя
Потомок видел подвиг земледела...

Погиб, быть может, мастер от меча,
Что здесь лежал, зазубренный и ржавый,
Но дар его дошел до нас, уча
Любить свой труд и не прельщаться славой.

1934 (?), 1964

М. Исаковский, Н. Рыленков, Ю. Гагарин



560

Я верю в неразменные слова,
Бездонные, как неба синева,
И свежие, как листья под росой,
Как на траве следы стопы босой.

Мы узнаем в их свежести густой
Минувших зим и лет своих отстой,
А те, кто в путь выходят в первый раз, —
Как хлеб и соль берут их про запас.

В них есть и горький запах борозды,
И жаворонка раннего лады,
Земных глубин железная вода
И вкус впервые снятого плода.

Есть первый утренник и первый снег,
Есть первопуток на виду у всех,
Есть инея серебряная вязь. . .
Вникай во всё, волнуясь и дивясь.

За ледоставом будет ледоход,
Он всё сначала для тебя начнет.
Седеет незаметно голова,
Но не скудеет неба синева.

19—26 мая 1964

561

За это чувство всё отдашь,
Всё выведешь на линию.
Рука сжимает карандаш,
Как ветку тополиную.

Он тоже соками набух
И тоже полон свежести.
Не удивлюсь я, если вдруг
Листок на нем прорежется.

Пойдет, пойдет расти росток
По щучьему велению.
И вот уже от беглых строк
Запахло клейкой зеленью.

Зеленый свет слепит глаза,
Но всё острее зрение.
Гремит за окнами гроза,
Спешит в поля весенние.

Ручьи торопятся к реке,
В края мои долинные,
И карандаш в моей руке —
Как ветка тополиная.

17—19 февраля 1964

562

Сквозь грохот городской я слышу плеск ручья,
Бегущего с холма, поросшего калиной,
И песни в милые душе моей края
Шлю вновь и вновь дорогой журавлиной.

Я тесным косяком построил их в полет,
Туда, где пахарь ждет и вдаль глядит с порога,
Он знает: только тем, кого любовь ведет,
Открыта журавлиная дорога.

29—30 марта 1964

563

Поклон вам низкий, борозды-морщины
На многодумном пахаря челе.
Бесплодна мощь железная машины
Без человеческой любви к земле.

5—6 декабря 1964

564. ЗЕМЛЯКАМ

Я покоя себе не найду и за гробом
После многих тревог на дорогах земных,
Коль сказать не смогу землякам-хлеборобам,
Что не плевелы нес я на пажити их.

21 июня, 5—6 июля 1964

565

Земля стара, а жизнь всегда нова,
Ее открытьям нет конца и края.
Своих отцов наследуя права,
Мы продолжаем их, не повторяя.

И наши дети нас не повторят,
Мы в них себя совсем иных увидим.
Кто знает жизнь и опытом богат,
Тот не подвластен мелочным обидам.

31 мая — 1 июня 1964

566

Стареть не стыдно. Все стареют люди.
Постыдно стать унылым ворчуном,
Бояться непогоды за окном,
На звезды глядя, думать о простуде.

Не видеть сказки в облачке ночном,
Махнуть рукой на все мечты о чуде. . .
Стареть не стыдно. Все стареют люди.
Постыдно стать унылым ворчуном.

8 августа 1964

567

Мы учимся всю жизнь. Сперва за партой
В построенной для нас отцами школе
Мы принимаем мир, как откровенье,
Надеясь, что учителям любимым
Известно всё, что в жизни нужно нам.

Потом, когда не раз в пути споткнемся,
Набьем на лбу и синяки и шишки,
Поймем, что жизнь дает свои уроки,
И станем в долгих и горячих спорах
Учиться у ровесников своих.

А рядом встанут юноши, которых
Еще вчера мы приучали к делу,
И, если мы по их глазам заметим,
Что им не терпится в наш спор вмешаться,
Учились мы и спорили не зря.

2—3 июня 1964

568. НАДПИСЬ НА ПОРТРЕТЕ

Победителю ученику
от побежденного учителя

В. А. Жуковский

Был дерзок Пушкин молодой,
На праздник муз пришедший юношей
И под счастливою звездой
С Жуковским состязаться вздумавший.

Жуковский был душой велик,
И, Пушкина средь многих выделя,
Он знал: достойный ученик
Обязан превзойти учителя.

А Пушкин верил в свой удел,
И вот, на зависть небожителям,
В единоборстве одолел
Того, кто был его учителем.

И в память лучшей из побед,
У родника любви бездонного,
С бессмертной надписью портрет
Он получил от побежденного.

Что зависть? Черствый в горле ком,
А жизнь, как песня, удивительна.
Кто побежден учеником,
Тот делит славу победителя.

13—19 августа 1964

569

Разум и совесть — отец и мать.
Есть кому песню благословлять.
Если в согласье они живут —
В путь несмышленую не пошлют.
Научат, как правду в лицо узнать,
Разум и совесть — отец и мать.

Если ж согласья меж ними нет —
Уйдет она смутная в белый свет.

Примет в пути, что остер, как нож,
Ложь за правду, правду за ложь.
Будут напрасно назад ее звать
Разум и совесть — отец и мать.

Разум и совесть — отец и мать,
Вместе им радоваться и горевать.

25—27 декабря 1964

570

Скоро осень... Ну так что же?
Я тебе в саду
Золотое, наливное
Яблоко найду.

Это яблоко мне август
Посулил давно.
До поры в листве скрываясь,
Ждет меня оно.

Мы на блюдечко положим
В добрый час его
И увидим праздник лета,
Света торжество.

Всё, чем жили-дорожили
Мы из года в год, —
Золотое, наливное
Яблоко вернет.

Песни во поле широком,
Где заря не спит,
Встречи, словно ненароком,
У седых ракит.

Пусть подернулись туманом
Дальние года, —
То, что мы добром помянем, —
С нами навсегда.

Скоро осень... Ну так что же?
Я тебе в саду
Золотое, наливное
Яблоко найду.

9—10 августа 1964

571. ПОЭТ

Снова настежь распахнуты сени,
Дует в дудку весны соловей.
Снова легкой походкой Есенин
По России проходит своей.

Нет ни горькой, ни сладкой отравы.
Все заклятья, все чары сняты.
Веют свежестью юности травы,
Пахнут первой любовью цветы.

Всеми росами Родины вымыт,
Забияка и сорванец,
Знает он, что поэзия — климат,
Лучший климат для душ и сердец.

Не пугаясь моторного лая,
Держит песню весна на крыле.
Всё живущее благословляя,
Он идет по зеленой земле.

Вот они, те просторы родные,
Где когда-то он рос под межой,
Где его научила Россия
Петь и плакать с открытой душой.

И за верность напевам заветным,
Для которых и грусть не беда,
Он останется тридцатилетним,
Молодым, как рассвет, навсегда.

Снова настежь распахнуты сени,
Дует в дудку весны соловей.
Снова легкой походкой Есенин
По России проходит своей.

1965

572

Тот, кем взлелеян каждый плод,
С кем век глядит в глаза природе,
Нам заноситься не дает

И учит при любой погоде —
Поменьше думать за народ,
Побольше думать о народе.

31 декабря 1964, 7 января 1965

573

Душа стремится вглубь, к первоосновам
Всех радостей земных и всех забот,
Туда, где хлеб насущный наш растет
И бродят сказки по борам сосновым.

Туда, где стыдно жить на всем готовом,
Где совесть отпущенья не дает,
Коль промолчишь, воды набравши в рот,
Пред ложью, что святым прикрылась словом.

Зато припавший к струям родниковым
В свой лучший час там силу обретет
Нежданных не бояться непогод,
Быть до конца и добрым и суровым.
Душа стремится вглубь, к первоосновам
Всех радостей земных и всех забот.

24—25 июля 1965

574. ЕСТЬ В КИЖАХ СОБОР

Коль помянуть кого хотим мы не добром,
Честим его дела: топорная работа!
Но есть в Кижах собор. Он срублен топором,
И меркнет перед ним любая позолота.

В нем дерево поет сладчайшим языком,
Что ясность для души — отрадная забота.
За ним стоят века на берегу крутом,
Распутав непогод суровые тенета.

Под шум онежских волн он августовским днем
В былинный мир чудес мне приоткрыл ворота,
И, глядя на него, я думал об одном:

«Как много в простоте простора для полета.
О, если б мне с таким сродниться мастерством,
Пусть кто-то говорит: топорная работа!»

12—16 января 1965

575

Мне снятся потерянные стихи
О самом заветном и сокровенном.
Мелькнут в ворохах бумажной трухи
И тут же опять исчезнут мгновенно.

А сердце стучит и стучит в тиши,
И я повторяю за ним виновато:
«Ты должен достать хоть со дна души
Всё, что в суете потерял когда-то!»

17—19 января 1965

576

Пока не брызнет та живая влага,
Что может смыть с души осадок лет,
Ты мученик. Истерзана бумага.
Ночь не отступит, не придет рассвет.
Но этих мук, которым равных нет,
Ты не отдашь ни за какие блага.

13 января 1965

577

Гори, костер осенний, догорай.
Еще одна дочитана страница.
Чтоб вырос в поле новый урожай,
Должна под снегом озимь укрепиться.

Гори, костер осенний, догорай,
А ты, душа, свершенье сроков празднуй.
Да будет нам открыт весь отчий край
Во всей его красе разнообразной.

1965

578

Что такое зима —
ты поймешь в лесниковой сторожке,
Где сверчки верещат
и стреляют поленья в печи.
Чуть закроешь глаза —
и уж лоси пришли под окошки
Подсмотреть, как лесник
подбирает к их дебрям ключи.

А метель заметает
звериные стежки-дорожки,
А в печи разгораются,
пышут всё жарче дрова.
Подружившись с зимой,
поживи в лесниковой сторожке —
И увидишь воочью,
что сказка лесная жива.

29 декабря 1965

579

Какая радость — новая тетрадь,
Готовые заговорить страницы!
Открыл ее — и верится опять,
Что, если чуда не устал искать,
Найдешь между листов перо жар-птицы.

4—5 января 1965

580

Борьба с природой? Нет, мне странно слышать это.
Борьбу ведут с врагом, а нам природа — мать.
Любовью к ней зажжен в нас тот источник света,
Который столько тайн помог нам разгадать.

Она отдаст нам всё: «Бери, но не уродуй
Извечной красоты для суетных затей. . .»
И тянет нас побыть наедине с природой,
Как заглянуть в глаза наставницы своей.

13 октября 1965

581

О, таинства великие природы,
Вникать в их смысл нам велено судьбой.
Когда виски посеребрили годы
И ты познал изменчивость погоды, —
Нет выше счастья, чем увидеть всходы
На ниве, что засеяна тобой!

28 марта 1965

582

Когда запевает соловей,
половодье идет на убыль.

Народная примета

Шумлив напор весенних вод,
Ручьи и реки рвут поводья,
Но соловей запел, и вот —
Идет на убыль половодье.

В полях восходит тишина,
Как ясный месяц над долиной.
Чтоб зацвести, земля должна
Услышать голос соловьиный.

29—30 марта 1965

583. ДАЙ ПРИПАСТЬ К РУКЕ ТВОЕЙ, РОССИЯ

Скрылся день в туманы росяные,
Отпылали облаков края.
Дай припасть к руке твоей, Россия,
Вечная заботница моя.

Дай поцеловать твои мозоли,
Чтоб, как в детстве, сеном я пропах,
Чтоб навек остался привкус соли
На моих запекшихся губах.

Пусть войдет мне в душу каждый шорох,
Каждый вздох в краю моем родном.
Я всю жизнь учусь в твоих просторах
Жить, как пахарь твой, — грядущим днем.

Видел я не раз иные дали,
Но мечтал лишь об одном, любя, —
Чтоб друзья и недруги сказали,
Что характером я весь в тебя.

Мне таить перед тобой не надо,
Где я плакал, где дарил цветы.
Всё, что скрыто от чужого взгляда,
Материнским сердцем чуешь ты.

Освежит мои виски седые
Лишь твоя певучая струя.
Дай припасть к руке твоей, Россия,
Вечная заботница моя!

12—14 апреля 1965

584

Наверно, так самой судьбой назначено,
Что познаем себя мы в муках творчества.
Пусть жизнь мою, написанную начерно,
Я не могу переписать, как хочется.

Покуда ветер не задул звезду мою,
Не погашу и я надежду смелую,
Что всё, что не додумал я, — додумаю
И, что не так я сделал, — переделаю.

Я не привык тоской бесплодной маяться,
Она душе — как ниве сухоросица.
Когда ж перо в руке моей сломается,
С меня уж больше ничего не спросится.

6—9 ноября 1966

585

Что есть гражданственность? —
не надо вопрошать,
А надо ею жить,
как воздухом дышать.
Гражданственно всё то,
в чем разум века светит,
Чем совесть
зову времени ответит,
Чему дается власть
и в бедах возвышать.
Что есть гражданственность? —
не надо вопрошать.

17 августа 1966

586. НАДПИСЬ НА КНИГЕ ПАСТЕРНАКА

Ты не притча
и не причуда,
Не прибежище
и не профессия,
Ты всегда —
ожиданье чуда,
Потому-то ты
и поэзия.

23—25 июля 1966

587. НА СМЕРТЬ АННЫ АХМАТОВОЙ

И лесть и клевета —
какие это крохи,
В сравненье с бременем
святого ремесла,
Для той, что на ветру
под грозами эпохи
Честь наших русских муз
так высоко несла.

1 июля 1966

588

Человек себе не изменяет,
Если в спор с самим собой вступает,
Удивляя близких и друзей.
Верным до конца себе остаться —
Значит над собой уметь подняться
По тревоге совести своей.

9, 17 мая 1966

589

В мальчишеских мечтах
тоскуя о ремеслах
На памятных следах
отцов и матерей,
Всё больше с каждым днем
мы донимали взрослых:
«Загадывайте нам
загадки похитрей».

Как будто кто-то нам
успел шепнуть украдкой,
Что грунт дорог не зря
твердеет под ногой,
Что завтра жизнь начнет
загадывать загадки
Сама, без наших просьб,
одну хитрей другой.

19—21 февраля 1966

590

Задумчивый мальчик,
когда ты приходишь во сне
И смотришь в глаза мне
своим вопрошающим взглядом,
Я вижу — как трудно
себя узнаешь ты во мне,
Косясь на того,
кто незримо присутствует рядом.

И всё-таки я — это ты,
но покинувший дом,
Познавший и ярость грозы,
и мороза свирепость.
Суди меня, мальчик,
каким пожелаешь судом,
Но только сначала
пройди испытанье на крепость.

19 ноября, 1 декабря 1966

591

Как пылко мальчики клянутся,
Призвав в свидетели наш век,
Что стыдно жизнь тянуть из блюдца,
Коль есть на свете кипень рек.

А тем, кого вспоили реки,
Смешна ребяческая прыть:
Какая храбрость в нашем веке
Во имя жизни блюдца бить!

8—11 июля 1966

592

Может статься, и впрямь
на земле бы не стало чудес,
Если б были у нас
только циркуль, линейка, отвес,
Если б точный расчет
отменил откровенья искусства.
Но всегда мастера
вместе с глиной бросают в замес
Боль и радость души,
сокровенные мысли и чувства.

27 июля 1966

593

Да, ты бесчестным не был никогда,
Но честность тоже разная бывает,
И, если доброты ей не хватает, —
Она всего лишь мертвая вода.

5 марта 1966

594

Хоть выйди ты не в белый свет,
А в поле за околицей, —
Пока идешь за кем-то вслед,
Дорога не запомнится.

Зато, куда б ты ни попал
И по какой распутице,
Дорога та, что сам искал,
Вовек не позабудется.

15—18 ноября 1966

595

Не от душевного избытка ли,
Под ветровую карусель,
Холстов крестьянки столько выткали,
Что зимы стелют их досель.

Как стародавние предания,
Все в ярких блестках те холсты.
Есть внучкам-правнучкам приданое,
Чтоб не теряли красоты.

Недаром издавна заведено,
Что свадьбы ладятся у нас,
Когда дары свои заветные
Зима выносит напоказ.

Бери, любая рукодельница,
Крои, примеривай, носи! ..
Холсты всё стелются и стелются,
И нет конца им на Руси.

2—3 ноября 1966

596

Всё чаще осень шлет повестки,
Но август стол накрыл в бору,
И я у дятлов по-соседски
Погожих дней взаймы беру.

Бор открывает мне окошки —
Свою озерную лазорь,
И я домой несу в лукошке
Бруснику августовских зорь.

Несу в душе отстой сосновый,
Смешались в нем любовь и грусть.
Несу и радуюсь, что снова
Самим собою становлюсь.

18—19 августа 1966

597

Помыслить горько мне:
«Я разум твой, природа»,
Когда передо мной
лежит притихший дол,
Где ядовитым стал
священный запах меда
И губит злая пыль
любимиц музы — пчел.

«Век химии настал», —
трещит мне в уши мода.
О химия, не дай
темнить твой ореол.
Оставь моей земле
священный запах меда,
Не убивай на ней
любимиц музы — пчел!

10—14 июля 1966

598

Сотри с моих морщин
наплыв весенней грусти,
Прохладная ладонь
кленового листа.
Быть может, я найду
в зеленом захолустье
По незабытым снам
знакомые места.

На вздох души ответ
услышу в каждом хрусте,
Мне всё передадут
кусты из уст в уста...
Сотри с моих морщин
наплыв весенней грусти,
Прохладная ладонь
кленового листа.

13—14 апреля 1966

599

Весны неодетой
прозрачные, легкие тени.
Всё в сердце смешалось —
и сладкая радость, и грусть.
Взойдешь на пригорок —
и хочется стать на колени,
Стихи, как молитвы,
сквозь слезы читать наизусть.

«Родная земля!
Всех тревог и страстей утоленье!
К тебе прикоснусь я —
и чище душой становлюсь. . .»
Весны неодетой
прозрачные, легкие тени.
Всё в сердце смешалось —
и сладкая радость, и грусть.

25 марта 1966

600

Куда б надо мной журавли ни летели,
С открытой душою приму я в пути
Всё то, что сидеть не велит взаперти, —
От первой грозы до последней метели.

Как брат всем двенадцати месяцам года,
Я верю, пером прикасаясь к листу,
Что свежесть дождей и снегов чистоту
Отдаст мне за верность родная природа.

26—28 декабря 1965, 9—12 января 1966

601

Улыбнись мне, Апрель —
Золотые ресницы,
Принеси мне в ладонях
Водицы-снежницы.

Той чудесной водицей
Глаза я промою
И пойду за тобою
Дорогой прямою.

Не таюсь: в трех шагах
От родного порога
Неразгаданных тайн
У меня еще много!

Может быть, у Весны,
На ее новоселье,
Подсмотрю я секрет,
Не открытый доселе.

Может, ты объяснишь мне
Несуетным словом,
Как природа извечное
Делает новым.

Почему, возвращаясь
На тропы былые,
Ждем нечаянных встреч
Мы опять, как впервые.

Как впервые, над шумным
Разливом речушки
Жаворонки ликуют,
Тоскуют кукушки.

Как впервые, березка
Наряд примеряет
И от счастья черемуха
Благоухает.

Как впервые, дымятся
Поля яровые.
Всё — как памятно с детства,
И всё — как впервые.

Видно, так мне всю жизнь
Вспоминать и дивиться. . .
Улыбнись же, Апрель —
Золотые ресницы.

13, 28 января 1966

ИЗ КНИГИ «СНЕЖНИЦА»

602

Мне подарила молодость моя
Не только рощу с песней соловья,
Она дала мне в щедрости своей
Всё, что вмещает окоем полей,
Чтоб я в круговороте дней и дел
Сам по душе избрал себе удел.

По разноцветному календарю
Я и встречал и провожал зарю,
Весне дорогу плугом намечал,
Стогами лето красное венчал,
Срывал, найдя осеннюю звезду,
Как плод познанья, яблоко в саду.

Я в чашечку цветка пчелой проник,
Дерев и птиц уразумел язык,
И в кровь мою и в плоть мою вошли
Все звуки неба, запахи земли,
И я, наполнен ими до краев,
Запел о том, как мир мой свеж и нов.

12—17 апреля 1964

603

Всё самому начать куда как лестно,
Но я-то знаю, знаю не из книг,
Какой посев достался мне в наследство
От безымянных прадедов моих.

Без похвальбы гордясь работой спорой,
С косой в лугу, с серпом ли в поле шли,
Они в себя вбирали каждой порой
Сиянье неба и тепло земли.

Следили, как заря встает над нивой,
Как ловит лес последний отблеск дня.

Всё-всё, чем я горжусь в строке счастливой,
Они в тиши собрали для меня.

И кланяюсь я им в мой день осенний,
С далекими дорогами знаком. . .
Что дар поэта? Опыт поколений,
Заговоривший ясным языком.

28—31 октября 1965

604

Кому какой дается жребий,
Какая песня под луной,
А я взрастал на черном хлебе,
То хлеб земли моей родной.

Его солил я крупной солью
И запивал воды глотком,
С ним по широкому раздолью
Ходил за плугом босиком.

Я молотил и веял жито,
За стол садился не спеша,
Я знал: в ржаной ковриге скрыта
Всей доброты земной душа.

Святая мудрость землепашца
В ней навсегда воплощена.
Ни возгордиться, ни зазнаться
Не даст в дороге мне она.

И нужно мне под русским небом,
Чтоб каждый день и каждый миг
Ладони, пахнущие хлебом,
Я чуял на плечах моих.

2—3 мая 1965

605

Коль ты природный хлебороб —
Ты хлебороб навек,
У всех дорог своих и троп,
У всех криниц и рек.

Я это знаю по себе,
По собственной судьбе,
По жажде губ моих и глаз,
По снам в полночный час.

Среди больших и малых дел,
За что б ни взялся я,
Пахать и сеять — мой удел,
Святая страсть моя.

И, всё отдав карандашу —
Он весь мой инвентарь, —
Весной и осенью пашу,
Под озимь и под ярь.

Всегда у времени в долгу,
Я свой черед блюду.
Как колос, слово берегу,
Как яблоко в саду.

А наметет зима сугроб,
Найду весну без вех.
Коль ты природный хлебороб —
Ты хлебороб навек.

Сентябрь — октябрь 1966

606. АИСТ

Немало птиц в душе моей гнездится,
Но аист мне всех ближе и милей.
Он для меня особенная птица,
Чудесный сторож тишины полей.

У хлеборобов есть обычай древний —
Не трогать аистиного гнезда.
Пока живет он на краю деревни,
Ей никакая не страшна беда.

Всю жизнь, едва пахнет жарой в июне,
Мне чудится знакомый с детства вид:
Горит закат на крыше старой пуни,
Где аист на одной ноге стоит.

Ему видна оттуда вся сторонка,
Он отведет грозу, взмахнув крылом,

Потом достанет с радуги ребенка,
Чтоб отнести его в счастливый дом.

Я и теперь хотел бы верить, каюсь,
Тому, что в детстве слышал от берез:
Что и меня в пустую люльку аист
По просьбе матери моей принес.

Мне с доброй сказкой спорить неохота —
Не замутить бы родниковых вод.
Я знаю, чувство сладкое полета
В моей груди с младенчества живет.

Не зря во сне я чую ветер свежий,
Как будто крыльев промелькнула тень.
И грустно мне, что аистов всё реже
Встречаю у околиц деревень.

Мой край не раз война опустошала,
Я сам из пепла поднимал его,
Но, чтоб связать с концами все начала,
Мне нужен аист детства моего.

Я не могу поверить, что дорогу
К нам позабыл он из чужих широт
И что тайком к счастливому порогу
Он с радуги дитя не принесет.

Мы никогда его не обижали,
И потому, хоть грусти не таю,
Я не иду за ним в чужие дали,
Я встречи с ним ищу в родном краю.

И вот стою на острове зеленом
У сказочного озера Сапшо
И аиста приветствую поклоном,
И на душе, как в детстве, хорошо.

Гром отгремел. В поселке тихо-тихо.
Мост радуги над озером стоит,
И аиста встречает аистиха;
Где ждут детей, наверно, говорит.

А я твержу, от счастья задыхаясь,
Чтоб слышали и камни и вода:
«Не покидай нас, добрый, верный аист,
Никто не тронет твоего гнезда».

30 июля — 6 августа 1964

607. ПРАЗДНИК ЗИМЫ

Скачут кони сквозь пар морозный,
Бубенцы взахлеб говорят.
Как царевны стоят березы,
В жемчугах с головы до пят.

Самоцветов бросают горсти —
Не зевай, на лету лови.
Мчат нас кони к юности в гости,
К самой чистой нашей любви.

Что считать понапрасну версты —
Расстояний сегодня нет.
В конских гривах запутались звезды,
Льется в душу сказочный свет.

Не придумать лучшей погоды,
Сердце знает свой день и час.
Вслед за нами несутся годы
И в пути отстают от нас.

Стоп! Приехали. Где подарки?
Как давно не видались мы...
Не смолкает музыка в парке,
Длится праздник русской зимы.

28 октября, 4 ноября 1964

608. В ГОСТЯХ У ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Волны озера плещут ласково,
Зной густеет, а тут свежо.
Я живу в гостях у Пржевальского
На крутом берегу Сапшо.

Из столицы от встреч торжественных,
От холодных парадных зал,
Повидавший свет путешественник,
Он в свою Слободу бежал.

Слишком громки слова хвалебные,
Мудрено ли оглохнуть вдруг?
Что для русской души целебнее,
Чем смолистый сосновый дух?

Тут он все узелки развязывал,
Настежь дом распахнув друзьям,
Сказки сельским мальчишкам сказывал,
Где волшебником был он сам.

Сколько было с гостями сижено,
Сколько праздников видел дом!
Лишь садовая знала хижина,
Как скрипел он в ночи пером.

Вновь бродил ярами да кручами,
В тишине набираясь сил,
И багульниками пахучими
Бор сосновый ему кадил.

А за лесом дымились марева
Тех дорог, что избыть нельзя,
И вздыхала нянька Макарьевна,
Ворох писем ему неся.

Знать, навек ей далась заботушка
То встречать его, то провожать.
«Слобода ль ты моя, Слободушка,
Улетит наш сокол опять.

Улетит, не спросясь согласия,
Лишь тайком упадет слеза.
Неспроста колдовская Азия
Заглянула ему в глаза.

Чем уймешь его, угорелого,
Как, родного, вернешь назад?
Со всего-то со свету белого
На дороги его глядят.

Вот до званья дошел генеральского,
А не бросил своих причуд».
...Я живу в гостях у Пржевальского,
И легенды рядом живут.

21—29 июня 1964

609. КОСТРОМА

Е. Осетрову

Ты из древних дебрей, Кострома,
Подняла над Волгой терема,
Словно чуя чей-то дальний зов,
Развернула крылья парусов.

Сказочное имя, Кострома,
Получила ты не задарма.
В имени твоем шумят боры,
В имени твоем дымят костры.

В тех борах, у тех костров сошлись
Русь и меря, примеряя жизнь.
Это ты, как вал вокруг холма,
Дружбу их сомкнула, Кострома.

Не могли ту дружбу растоптать
Рать Батыя и Мамая рать.
Дружбой той во славу всех племен
Был Сусанин на Руси рожден.

Шли века, но не старела ты,
Обретая мужества черты,
Умывалась волжскою водой
И встречала утро молодой.

Вот такой и виделась ты мне
В приднепровской отчей стороне,
С детских лет в мои вплеталась сны
Вязью старины и новизны.

Глинкой возведен на пьедестал,
Твой Сусанин земляком мне стал
И, бессмертной музыкой звеня,
Сквозь столетья смотрит на меня.

Потому-то, весь в пыли дорог,
Я легко ступил на твой порог,
Чтоб сказать, как мне велит судьба,
Чем ты сердцу русскому люба.

18—19 февраля 1965

610. СТАРИННАЯ ПРИТЧА

В старинной книге, в юности когда-то,
Мне довелось прочесть рассказ нехитрый,
Дошедший из тринадцатого века,
О разговоре молодого князя
С познавшим жизнь наставником его.

Однажды князь спросил: «Скажи, отец мой,
Где быть по смерти надлежит тиуну,
Что своего бесчестит господина?»
И отвечал ему наставник кратко:
«Тиун по смерти будет там, где князь!»

Князь от обиды даже поперхнулся:
«Тиун неправо судит, обижает
Вдовиц и сирот, емлет мзду лукаво.
А я, скажи, какое зло содеял,
Что ты сулишь мне с ним один удел?»

Старик наставник бороду разгладил:
«Ты обижаешься напрасно, сын мой.
Коль князь печется о своем народе —
Он выбирает добрых волостелей,
И вместе им по смерти быть в раю.

А если князь жесток, до денег жаден,
То, словно пса голодного на мясо,
Не внемля воплям, слез не замечая,
Он напускает на людей тиуна,
И вместе им по смерти быть в аду».

И князь сказал наставнику:
«Спасибо
За притчу мудрую твою, отец мой. . .»
А как потом он выбирал тиунов —
В старинной книге не было ответа.
Об этом летописец умолчал.

13 февраля 1963

611. БАЛЛАДА СОЛДАТСКОЙ ВЕРНОСТИ

Все дороги милы нам в краю родном,
У истоков любимых рек,
Но дорог, что исхожены под огнем,
Не забыть солдатам вовек.

Разве можно забыть, возмужав в бою,
Первых братских могил холмы,
Где над памятью павших юность свою
В караул поставили мы?

Разве можно смириться, утерши пот,
Горький пот страды боевой,
Что на мине последней споткнулся тот,
Кто друзей заслонил собой?

Заживают все раны в краю родном,
У истоков любимых рек,
Но дорог, что исхожены под огнем,
Не забыть солдатам вовек.

Мы недаром, собравшись под мирный кров,
Видим свет походных костров,
Как певали в землянках сырых, поем
О солдатском пути своем.

Вновь звенит зенит и горит горизонт,
Вновь крепчает ветер атак,
И бросается юность на вражий дзот,
И с гранатой идет на танк.

И, заслушавшись песни, жены молчат,
Устремив в прожитое взгляд,
И седые солдаты зовут солдат,
Не пришедших с войны назад.

Широки просторы в краю родном,
У истоков любимых рек,
Но дорог, что исхожены под огнем,
Не забыть солдатам вовек!

16—17 апреля 1965

612

На доброе слово
Не надо скупиться.
Сказать это слово —
Что дать напиться.

Со словом обидным —
Нельзя торопиться,
Чтоб завтра
Себя самого не стыдиться.

Но слова правдивого
Остерегаться —
Не то же ль, что собственной
Тени бояться?

Я истины эти
Знаю измлада,
А думать над ними
Всю жизнь мне надо.

25 ноября, 4 декабря 1965

613

Не запирал я сердце на засов,
Глубинными вспоенный родниками.
Люблю и горечь хвойную лесов,
И соль морскую на прибрежном камне.
Везде тепло мне отдает земля,
Но согревают душу лишь поля,
Возделанные добрыми руками.

Там сказочней волшебного кольца
Тот вечный круг, тот горизонт без края,
Где вырастает труженик в творца,
Даруя ниве щедрость каравая;
Где, перейдя незримую межу,
Как в книгу книг, я в борозду гляжу,
Всю боль и радость в сердце принимая.

4—9 января 1964

614

Порывы к дальним звездам уважая
И астронавтов подвиги ценя,
Я не могу забыть, что у меня
Есть долг земной, не терпящий ни дня,
Что ждет с обжатой нивы урожая
Моя земная, кровная родня.

14—17 мая 1967

615

Что я такое? —
Созревший под грозами колос,
Колос, имеющий
Душу живую и голос,
Зорко глядящий
Зрачками бессонными зерен
В мир, где из почвы
Он к небу тянулся, упорен,
Знающий, чья его
В поле растила забота,
Сколько и кем
На земле этой пролито пота.
Чистой лазурью
Омытый под утренним небом,
Сердцу велю я
Стать солнцем застолицы — хлебом,
Солнцем, вобравшим
Сияние сельских околиц...
Что я такое? —
Созревший под грозами колос.

27 октября — 8 ноября 1964

616

Не для того, чтоб нанизать на нить,
Начальный смысл мы ищем в каждом слове.
Велит нам жито жаждой сева жить,
Рождает рожь святое чувство нови.

Летят лета, не погодят года,
А ты свое, как пахарь, дело делай,
Чтоб радовала радуга всегда,
Чтоб осеняла осень мыслью зрелой.

10—15 февраля 1964

617

Пока живу, захвачен вечной сменой
Возвратных дел и невозвратных дней,
Любовь к земле, как предков дар бесценный,
Я бережно несу в душе моей.

Она в жару мне источает влагу,
В мороз теплом лучиться ей дано.
С ней вышел в путь и с ней в могилу лягу,
Как в борозду зерно.

19 февраля 1964

618

Повидавший смолоду немало,
Не пытал судьбу я, что почем.
Ношу ту, что время поднимало,
Чувствовал я собственным плечом.

На пути не горбился от груза,
Слушал птиц, благословлял дожди...
... Ты была со мной повсюду, муза,
Помнишь всё и отдыха не жди.

10—14 января 1964

619

Мне труд не в труд,
Что на ветру не греет,
Мне злак не в злак,
Что вовремя не зреет;

Мне хлеб не в хлеб,
Что и с устатку пресен,
Не в праздник праздник,
Если он без песен.

И друг не друг,
Кто лишь в застолье пашет,
Кто после драки
Кулаками машет.

7—8 августа 1964

620

В лесу еще знобит деревья,
А даль полей уже ясна,
И снимки неба на сугреве
Полощет в лужицах весна.

18 января 1966

621

Начавшаяся
С глухариного тока,
Весна своего
Не пропустит срока.

Всё раньше зарю
Окликает кочет,
Всё громче в лощине
Ручей лопочет.

Всё яростней спорят
Грачи о гнездах,
Всё сладостней сердцу
Утренний воздух.

И сердце открыться
До дна готово,
Но вымолвить стыдно
Лишнее слово.

11 января, 12 февраля 1966

622

Концерт затевают
Лягушки в пруду.
От песен шатает
Скворечни в саду.

В подлеске, над плеском
Бессонной струи,
Весне заскучать
Не дают соловьи.

И всё это вместе
На сто голосов
Звучит нам
Как жизни торжественный зов.

22—23 января 1966

623

Всё, что в песне славится,
Всё, что сердцу помнится,
Всё, что снится-видится
В стороне лесной, —
Милая красавица,
Ласковая скромница,
Белая березонька
Дарит мне весной.

Так колдуй, кудрявая,
Тенью круг очерчивай,
Прошепчи мне вещее
Слово в тишине,
Чтоб с открытым взглядом я
И с душой доверчивой
От весны не к осени —
К новой шел весне!

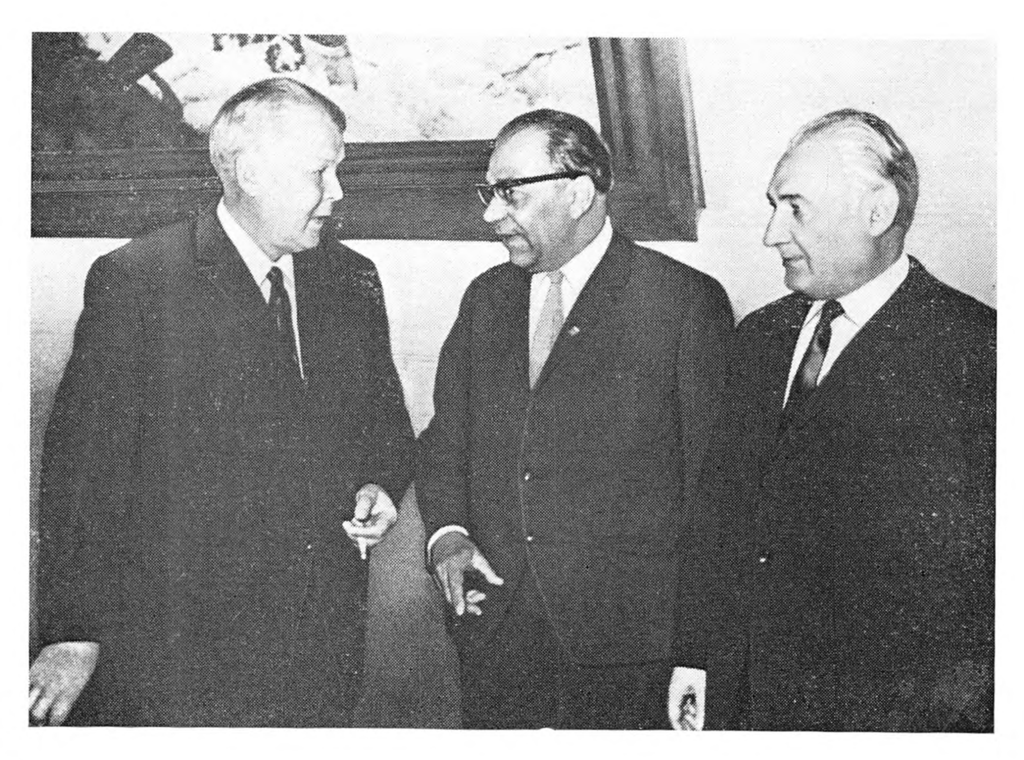
5—6 марта 1964

624

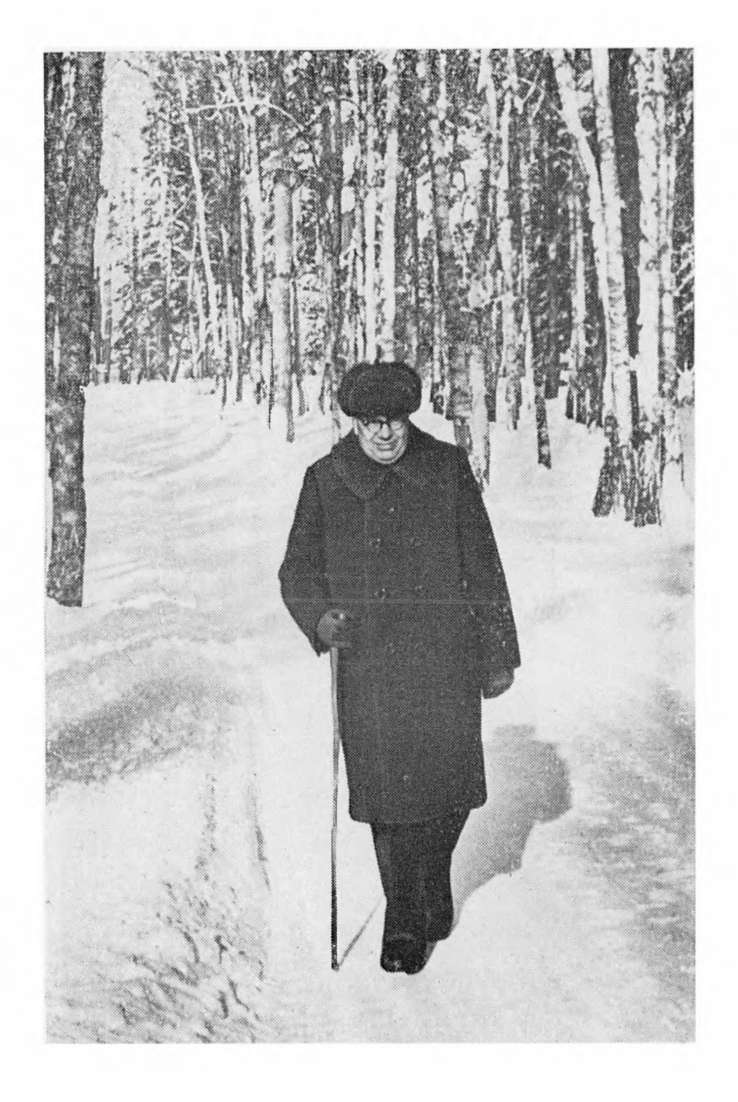
В живительной струе березового сока
Есть чистая, как вздох, и сладостная власть,
Которая всю жизнь влечет нас издалека
В места, где в первый раз его мы пили всласть.

Кто вкус его постиг — тот не пропустит срока
Губами к роднику весны своей припасть.
В живительной струе березового сока
Есть чистая, как вздох, и сладостная власть.

3—4 апреля 1964



А. Твардовский, Н. Рыленков, Э. Топчян



625

Как весна ни нарядна в саду городском,
Мне отрадней с ней встретиться в поле открытом,
Где она, повязавшись зеленым платком,
По земле разомлевшей идет босиком,
И вчерашняя озимь становится житом.

8 апреля 1964

626. ОЖИДАНИЕ

На окне огоньки герани.
Герань ты моя, герань...
Синий взгляд мою душу ранит.
Не рань ты ее, не рань.

Если вправду гроза нагрянет, —
Нагрянь поскорей, нагрянь...
На окне огоньки герани.
Герань ты моя, герань.

Между 1926 и 1928, середина 60-х годов

627

Засеять ниву — половина дела.
Хозяин добрый знает наперед:
Пока она для жатвы не поспела,
Еще немало будет с ней забот.

Он, даже все ключи держа в кармане,
Не возгордится от тщеты ума.
Кто урожаем хвалится заране —
Не много собирает в закрома.

27 февраля 1966

628

В земных пристрастьях мы ревнивы:
Пусть каждый сеет, где пахал.
Я верю: счастлив без похвал
Тот, кто с возделанной им нивы
Достойный урожай собрал.

Но, круг свершая ежегодный,
Да будет трижды счастлив тот,
Кто не забыл дневных забот
И сделал ниву плодородней
Для тех, кто вслед за ним идет.

1—2 июня 1965

629

После встреч и разлук
    На вокзалах и аэродромах,
Где едва успевает
    В пути оглянуться душа,
Хорошо окунуться
    В молочную пену черемух,
Развести огонек
    У заброшенного шалаша.

У деревьев и птиц
    Расспросить, как у добрых знакомых,
Не они ль посылают нам
    Самые чистые сны.
После встреч и разлук
    На вокзалах и аэродромах
Хорошо погостить,
    Хорошо погрустить у Весны.

1—6 апреля 1965

630

Мне, как вздох земли,
    Нужен шум твой, лес,
Заповедник сказок,
    Тайник чудес.

Ты зимою и летом
    Всегда со мной
Всей своей стариной,
    Всей своей новизной.

Знать, недаром я в детстве
    Хвоей пропах
На твоих потайных,
    Колдовских тропах.

За мою любовь
К родной стороне
Подарил ты волшебную
Дудочку мне.

Прикоснувшись к ней,
Я пью до сих пор
Из твоих родников,
Из твоих озер.

Я и сам из них пью,
И других пою —
И на ранней заре,
И на поздней пою.

Как же можно,
Чтоб ты для меня исчез,
Заповедник сказок,
Тайник чудес?

18 июля 1966

631

Меж стройных сосен
И дубов плечистых,
Где песня лета
С тишиной в ладу,
Я к озеру
С названьем дивным Чистик,
Стараясь птицы не спугнуть,
Иду.

Иду не для того,
Чтоб смыть усталость,
С купавами
Над глубиной дыша,
А чтоб в заботах дня
Не стосковалась
По красоте несуетной
Душа.

17—19 мая 1967

632

Что мне девичьи причуды,
Что мне ленты, гребешки.
Меня лечат от простуды —
Я страдаю от тоски.

Пусть врачи со мной не спорят,
Я держу рецепт в горсти.
Закатился милый в город,
С кем мне душу отвести?

17 мая 1962

633

Ты под песни девчат за выгоном,
Где ромашкой пропахла тишь,
О невиданном, о неслыханном,
О невысказанном грустишь.

Кто заглянет в глаза лучистые,
Золотую откинув прядь,
Чтоб спросить тебя: «Где научилась ты
Так грустить, так мечтать, так ждать?»

28—29 июня 1963

634

В природе нет бесплодной красоты,
Всё у нее подвластно высшей цели:
И яблони венчальные цветы,
И соловья серебряные трели.

Пусть, ничего не ведая о том,
Растет птенец и плод на ветке виснет,
Творятся дива дивные кругом
И обновляют вечный корень жизни.

19 июля 1963

635

Мы в ладонях своих принесли
Правду плуга и правду земли,
Правду колоса и серпа,

Правду тока и правду снопа,
Правду жернова и зерна...
Эта правда навек одна.
Неделима для нас она,
Как отцовская сторона.
В ней и гордость наша и честь,
Право хлеб свой спокойно есть!

31 марта 1964

636

Таю любовь иль сдерживаю гнев я,
Счастливый вспомню иль печальный час, —
Исхлестанные ветрами деревья,
Я с тайной завистью гляжу на вас.

Верны во всем пожизненной задаче —
Поднять до неба свой земной удел, —
Сдаетесь вы, лишь рухнув, не иначе...
Вот только так и я бы жить хотел.

8—9 июня 1965

637. МОЙ ЗЕЛЕНЫЙ ЛУГ

Шумит мой луг в игре теней и пятен,
Цветет, не отцветая, до сих пор.
Прислушаюсь к нему — и сердцу внятен
Травы и ветра вольный разговор.

Вглядусь в него — и мне видна основа
Узоров лета, вытканных вокруг...
Не обветшает, не поблекнет слово,
Пока в душе шумит зеленый луг.

10—12 июня 1965

638

Хранит земля запас весенней влаги,
Для самых жарких дней страны хранит.
Ее криницы, спрятавшись в овраги,
Журчат чуть слышно в шелесте ракит.

Но лето их найдет и не однажды
Спасибо скажет в зной и суховей,
Уча и нас, чтоб не сгорать от жажды,
Хранить криницы юности своей.

19—20 мая 1965

639

Ты хочешь знать, как пахнет лето,
Чем нас томит его краса?
Ступай, проснувшись до рассвета,
Туда, где луг знобит роса;

Туда, где свет небес бездонных
Вбирают нивы и сады,
Откуда я принес в ладонях
Лишь капельку живой воды.

21 мая 1965

640

Шепнула лишь: «Не выпачкай
Вишневым соком щек».
А сердце стало скрипочкой —
Скорей бери смычок.

И петь и плакать хочется
На каждый вздох в ответ...
О гордость одиночества,
Где запропал твой след!

26—28 января 1962, 1964

641

Как былинки, дни перебирая,
Счастлив я, что завтра воскресенье,
Что лежу под крышею сарая
На пахучем, на погожем сене.

Светит месяц, смотрят звезды в щели,
За стеной вздыхает дуб степенно.
В целом мире мягче нет постели,
Чем самим накошенное сено.

10 августа 1964

642. ВОЙДИ В САД

Войди под осень утром в гущу сада,
Где каждый плод садовнику награда,
Где яблони несут свой груз, как благодать.
Вольется в душу ясная прохлада,
И ты поймешь, что только так и надо
Свою родную землю украшать.

9—10 мая 1962

643

Сосны шумят за моим окном,
Ночью шумят и днем.
Думают сосны всё об одном
На языке своем.

Но внятны за шумом их думы мне
Только в ночной тишине,
Когда остаюсь я, забыв о сне,
С временем наедине.

7—17 августа 1966

644

Не возомни в гордыне безрассудной,
Что, сняв венец таинственный с Луны,
Ты сможешь сам для праздников и будней
Настраивать, как телевизор, сны.
Еще не все загадки решены!
Средь многих тайн, что мы познать должны,
Есть вдохновенье, мысли ход подспудный,
Колокола душевной глубины.

14—19 марта 1967

645

Я с детских лет родному краю
Всё-всё, что есть в душе, несу
И ни на что не променяю
Рябин осеннюю красу.

Есть чудеса свои повсюду,
Но отчий край навек один.
Как без тебя я счастлив буду,
Краса осенняя рябин?

1965

646

Жизнь бьет ключом
И хлещет через край,
Но ты в душе ей
Отстояться дай.

Перекипеть,
Перебродить позволь,
И станут песней
Даже грусть и боль.

20 мая, 4 декабря 1966

647

К нам музыкой приходит шум весны
Из глубины осенней тишины.
О золотом запасе летних дней
Под зимним небом судим мы верней.

Всё это так! Но с чем сравнить весной
Нестройный шум прогалины лесной,
И что заменит летний луг для нас,
Не обращенный в золотой запас?

26—29 декабря 1965, 17—20 мая 1966

648

Пройдя по кромке гроз и вьюг,
Во всех краях ревевших ревмя,
Всё выше ценим мы тот плуг,
Что год за годом пашет время.

18 августа 1966

649

Изведав всё, что нам дается,
И встретив зиму у ворот,
Не говори: весна вернется —
Скажи, что новая придет!

14 ноября 1965

650

Огни на елках. Праздник света
Среди метельной кутерьмы.
И снова в чудо верим мы,
Увидев сны весны и лета
В волшебном зеркале зимы.

23—24 декабря 1965

651

Пускай не ко мне уже
С полным гостинцев мешком
По звездной пороше
Спешит дед-мороз издалека.
Когда бы ни встретил —
Я встречу его без упрека.
Он музу мою
Приучил умываться снежком,
Чтоб верила в молодость
И не старела до срока.

29 декабря 1965

652

Полны у вьюги закрома
В моем краю большом.
Подносит брагу мне зима
Серебряным ковшом.

Пока не видно дна в ковше
И брага по душе,
Я верю, что не заблужусь
В твоих снегах, о Русь!

1964

653. СНЕГИРИ

Неуютно зимою в лесу снегирям,
И они к человеку поближе слетаются.
Вот и в нашем саду, как мороз ни упрям,
Целый день на ребячьих свистульках скликаются.

Дорогая моя, мы их вспомним не раз,
Нас с тобою пугать одиночеством нечего.
Пусть весной снегири улетают от нас —
В стужу им не прожить без тепла человечьего.

1—6 февраля 1964

654

Что ж ты медлишь у порога,
На сугроб кидая взгляд?
«Снегу много — хлеба много», —
Хлеборобы говорят.

И наверно, за сугробом
Притаясь, следит зима —
Сколько счастья хлеборобам
Мы желаем в закрома.

21—22 октября 1965

655

Как ни бесятся вьюги, однако
Зимний путь для нас — самый прямой.
От Державина до Пастернака
Русский стих неразлучен с зимой.

Заповедных урочищ обходчик,
Берендейским чутьем знаменит,
Он за темными вешками строчек
Свежесть первых метелей хранит.

Пахнет горечью хвои с морозца...
То не снега ли русского дух?
... О весне у нас лучше поется
После зимних вьюг-завирух.

15—19 ноября 1966

656

Если пальцев ни разу
        Перо тебе не обожгло,
Не когтили в ночи тебя
        Строчки, что сам сочинил, —
Приищи поскорее
        Другое себе ремесло,
Не надейся, что песня
        Возникнет из пены чернил.

23—24 мая 1966

657

Вдохновенью нужно терпенье,
Лишь оно в берега введет
Этот шумный водоворот,
Это яростное кипенье,
Даст ему уходиться в пене,
Чтобы волны не шли вразброд,
А друг дружку гнали вперед.
Вдохновенью нужно терпенье,
Но терпенье без вдохновенья —
Только даром пролитый пот.

20—22 мая 1966

658

Что значит — сыном века быть?
Неужто — прошлое забыть?
Нет, жаждой всех столетий жить
И эту жажду утолить!

21—22 января 1965

659

Жизнь идет вперед, а не по кругу
И на месте не дает стоять.
Можно переждать грозу и вьюгу —
Время невозможно переждать.

1—7 мая 1965

660

Кому и в горький час поется,
Кто не забыл родную тропку,
Тот не уступит первородства
За чечевичную похлебку.

21—23 сентября 1965, 10 января 1966

661

Правда доверчива к людям.
Не верит им — Правдоподобье,
И, даже за Правду воюя,
Правду оно предает.

11 января 1966

662

Кто говорит, что короток наш век?
Неправда, мы живем тысячелетья,
С тех пор как высек искру человек, —
И мы за всё, что создал он, в ответе!

30 мая 1964

663

Я верен крестьянской природе,
На пашне был начат мой путь.
Бушует в полях половодье,
А в городе мне не уснуть.

15 апреля 1963

664

В полуденный зной
По лугам и полям проходя,
Твержу я, окинув
Окрестности взглядом ревнивым:
«Стихи мои, будьте
Как первые капля дождя,
Что добрые вести
Приносят покосам и нивам».

6 декабря 1964

665

Тягчайший грех из всех грехов свершает,
Кто, завалив источник свой вдали,
У хлебороба сердце иссушает
И мудрствованьем ложным отвращает
Детей земли от матери-земли.

5—6 декабря 1964

666

Смешон мне, кто не может отличить
Горох от гречки на просторах пашен,
Но, если власть дана ему учить,
Как сеять хлеб, — он не смешон, а страшен.

30 декабря 1964

667

Ты говоришь умно, цветисто,
Но убеждаешь только в том,
Что хлеб не зреет от витийства
И не встает под крышу дом.

7—10 июля 1966

668

Велит нам зрелость,
И она права,
Знать, что имеют
Точный смысл слова.
Не звук пустой —
Достоинство и честь.
У этих слов
Твой личный адрес есть.

30 апреля 1964

669

Склонюсь ли над столом я
В час вечерний,
В тиши ль ночной
Свой проверяю стих,

Глядят мне в душу
Огоньки деревни,
И никуда мне
Не уйти от них.

15, 26 января 1964

670

Своей судьбы
Я ждал в родном краю,
В тиши полей
Иль на лугу несмятом,
А время мне
Велело стать солдатом,
И пепел войн
Лег на судьбу мою.

21 мая, 4 июня 1963

671

Я не таюсь: язык высокопарный
Речей и жестов — мне не по душе.
Я простоте учился в блиндаже
У опаленных ветром боя пáрней.

28—29 ноября 1963

672

От забот земледельцев и лету не спится,
И ему их тревога люба.
Всю-то ночь полыхают над полем зарницы,
Чтоб скорей поспевали хлеба.

9 апреля 1964

673

Всё расчислили умные календари,
Но погоду по-своему чувствует сердце.
Жизнь — не гладкое поле, и как ни мудри,
А в мороз календарным теплом не согреться.

31 декабря 1963

674

Талантом похваляться не годится,
Он, как наследство, дан тебе судьбой.
В нем не награда, а приказ трудиться,
Чтоб оправдать сумел ты жребий свой.

26 октября, 5 ноября 1964

675

Я отвечу, если кто-то спросит,
Почему горчит моя строка:
«Яблоня, что сладкий плод приносит,
Выросла из горького ростка!»

8 августа 1963

676. НЕЗАБВЕННОЕ

Кормилицей землю издревле зовут
    На всех языках и наречьях.
Как смеем забыть мы, что пахаря труд —
    Основа всех дел человечьих?

20 июня 1964

677. ТРЕВОГА

Запретов с детства слышали мы много:
Не делать это, не желать того,
А надобно бояться одного —
Чтоб не иссякла совести тревога.

8 июля 1964

678

Если горькую правду
        В глаза говорит тебе друг,
Знай: оружье у недруга
        Он выбивает из рук.

26 июля 1966

679

Как слава непостоянна,
Знали и в оны дни:
Сегодня кричат: «Осанна»,
А завтра кричат: «Распни!»

Но что эта участь злая
Тому, кто, душой открыт,
О славе не помышляя,
Дело свое творит!

Творит его неустанно,
Наполнив заботой дни...
Пусть где-то кричат: «Осанна»,
Пусть где-то кричат: «Распни!»

12 февраля 1963

680. ВЫСОКИЙ ЗАЛОГ

Не может жизнь утратить смысл высокий,
Сомкнув за нами круг дневных забот,
Пока звучат нам пушкинские строки
И музыка Чайковского поет.

29 июня 1964

681. ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНЬЯ

Чтоб песня крылья расправляла смело,
Чтоб ясный пламень слова не угас,
Сама судьба России нам велела
Не отводить нигде от правды глаз.

30 июля 1964

682. НА БЕРЕГУ САПШО

Курганы славянства. Увенчанный соснами берег.
За синью озерной лесной неоглядный удел.
Стою над обрывом — и хочется верить, что Рерих
Отсюда в глубины истории русской глядел.

8 июля 1964

683. ОЗЕРНЫЙ КРАЙ

Здесь хвойной тишиной пропахли воды;
Как воды, здесь прозрачна тишина,
И кажется — душа родной природы
В лазурных зеркалах отражена.

30 июля 1964

684

Щепоть земли, в дорожный плащ зашитой,
С собой не брал я в дальние края,
От всех соблазнов были мне защитой
Твое доверье и любовь твоя.

16 августа 1964

685

Когда ученикам
Какой-нибудь чудак,
Наморщив важно лоб,
Забыв о целом мире,
Начнет доказывать,
Что дважды два — четыре, —
Те про себя решат:
«А что-то тут не так!»

25 декабря 1964

686

Мы знаем со школьной парты,
Что время необратимо,
Но только потом постигнем,
Отведав горячей каши,
Что невозвратное время
Не просто проходит мимо,
А как песок размывает
Все обольщенья наши.

27—28 мая 1965

687

Когда кипят лазоревые воды
И вторят рощи песням соловья,
В очарованье праздничной природы
Иные дали прозреваю я.

Я вижу бортника и рыболова,
Я слышу смолокуров голоса —
Всех, кто с природой тяжбу вел сурово,
Чтоб мне открылась вся ее краса!

13—14 мая 1960

688

В чем виноват — винюсь. Я не вприглядку жил,
Доверчиво в пути рассвет встречая каждый.
Был весел и угрюм, влюблялся и дружил,
Под солнцем дня палим неугасимой жаждой.

Я жизнь вбирал в себя. Я познавал ее
В бореньях и трудах. И пусть приходит старость.
Я пил полынь и мед — не пресное питье, —
Я знаю цену слов, где время отстоялось.

10—16 ноября 1964

689

Мы видим мир
Ревнивыми глазами,
Но кто за это
Смеет нас корить?
На всех путях,
Что нам пришлось торить,
Мы за свои ошибки
Платим сами,
И за чужие —
Тоже нам платить.

3—4 января 1966

690

Где б я в полях
Ни перешел межу,
Везде друзей
И близких нахожу.
Не понаслышке —
Сызмала знаком
С речушкой каждой,
С каждым ручейком.

В лугах, где звезды
Прячутся в траву,
Я все цветы
По именам зову.
В хлебах, где тени
Рвутся на простор,
С колосьями
Веду я разговор.
О чем бы я ни спрашивал,
У них
Нет от меня
Секретов никаких.
И у меня от них
Секретов нет:
Я их теплом
С младенчества согрет.
Любовью к ним
Живу в родном краю
И голос дружбы
Всюду узнаю.

25—30 апреля 1964

691

Мы странствуем по книгам год за годом,
Стремясь преодолеть границы дней,
И вдруг потянет к тем лесам и водам,
Откуда мы, простившись мимоходом,
Ушли в свой срок искать судьбы своей.

Там мы в тиши вечерних росстаней,
Под расписным осенним небосводом,
Поймем, ушедших не жалея дней,
Насколько нам становится родней
Наш край, когда мы вновь его находим.

1 марта 1966

692

Дано нам в жизни многим увлекаться,
А счастье вечно чудится вдали.
Зовут нас поезда и корабли,
Суля открыть неведомые царства.

Не спрашивай потом, что мы нашли,
Познав в пути и дружбу и коварство.
Мы обрели от всех невзгод лекарство —
Весенний горький дух родной земли.

1—4 ноября 1966

693

Детство мое охраняла
Седая ветла за тыном,
В тени я ее укрывался
От всех напастей и гроз.
С первыми тайнами юности
К березам шел и рябинам,
И слезы любви и песни
Зеленым подругам нес.

Но нужно было полмира,
Доверясь дорогам длинным,
Без башмаков железных
Пройти в жару и мороз,
Чтоб сказкой волшебной детства
Стала ветла за тыном,
Чтоб юность прочесть, как повесть,
По листьям рябин и берез.

10—12 августа 1965

694

В свой срок мы покидаем отчий дом
И оставляем юность у порога,
Но верность им — та вещая тревога,
Что быть собой велит в пути любом.

Крута тропинка наша иль полога,
В мороз и зной, под вьюгой иль дождем,
Куда б ни шли мы — мы к себе идем,
Хоть вспять не возвращается дорога.

17 мая 1967

695

Как много нужно нам в пути суровом
Увидеть, передумать, пережить,
Чтоб научиться часом дорожить,
С лукавыми льстецами не дружить,
О преходящей славе не тужить
И не гоняться за красивым словом.

27—28 декабря 1965, 10 января 1966

696

Мне часто говорят:
«Твой друг уже не тот,
Каким ты знал его,
Каким он был вначале.
Завел других друзей
И о другом поет!»
Ну что же, верный друг —
Не лодка на причале.
И я таким речам
Внимаю без печали —
Ведь это жизнь идет
И человек растет.

8—10 мая 1966

697

Мне не к лицу за чьей-то тенью гнаться,
Идти на эхо, смыслу вопреки.
Накопленного предками богатства
Не смею тратить я на пустяки.

Есть у меня святое в жизни дело,
И я готов вложить всю душу в стих,
Чтоб никогда земля не зачерствела
Для внуков и для правнуков моих.

14 декабря 1966

698

Художник, ты ищешь
Примера в искусстве высоком,
Подумай о яблоне —
Это тебе не зазорно.

Растит она яблоки,
Полные сладостным соком,
Чтоб в добрые руки
Попали созревшие зерна.

8 августа, 13 октября 1963

699

Гусиные иль золотые перья —
Закон один, открытый не вчера:
Писать умеют даже подмастерья,
Зачеркивать же — только мастера.

28 октября, 3 декабря 1964

700

Не знаю я, что лучше: петь как птица
Иль память сердца просевать в тиши,
Но твердо знаю: в слове воплотится
Лишь то, что стало музыкой души.

9, 31 июля 1964

701

Пусть мудрецы холодные твердят нам,
Что простота столетью не под стать, —
Ты в спорах с ними времени не трать:
Заставь простое слово засиять
И сделай непонятное понятным.

31 октября — 3 ноября 1966

702. РУССКИЕ МУЗЫ

Наши русские музы любимцам своим не прощали
Ни погони за славой, ни бегства в пустынный приют.
Потому-то они и идут с нами в дальние дали,
Как бессонная совесть, о долге забыть не дают.

30 июня 1964

703. НАДПИСЬ НА КНИГЕ ЛЕРМОНТОВА

«Люблю отчизну я, но странною любовью!» —
Сказал поэт. И впрямь, любовь его была
Такой, что, вопреки людскому суесловью,
На ней, как на костре, он сжег себя дотла!

5—6 июля 1964

704. ПАМЯТИ ЕСЕНИНА

Он был твой верный сын, о Русь,
Певец березового ситца,
И радость нес тебе и грусть —
Всё, что в твоих просторах снится.

Как колокольчик золотой,
Он звонкой песней захлебнулся.
Так не кляни его за то,
Что на крутом пути споткнулся.

Он жил, одной тобой дыша,
И, пусть смежил до срока веки,
Его певучая душа
С тобой останется навеки.

1926, 1965

705. ПАМЯТИ С. Я. МАРШАКА

В его стихах и детства радуга,
И зрелых лет раздумье строгое.
Всё, что он делал, — делал надолго,
Умевший делать очень многое.

Когда поэт всей силой тщания
Стремится к новым поколениям —
Мы верим в горький час прощания,
Что станет смерть вторым рождением.

6—8 июля 1964

706. НАДПИСЬ НА РОМАНЕ М. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Есть вечные глубины в «Тихом Доне»,
То, что народ наш совестью зовет.
Гремит гроза, иль ясен небосвод,
Мы вновь и вновь, забыв дорогам счет,
Как в первый раз, придем к нему, и вот —
Всё мелкое ушло. Душа бездонней.
Святая жажда дела — жжет ладони,
Святая жажда правды — сердце жжет.

30 октября 1964

707. МАТЬ СКОРБЯЩАЯ

Надпись на памятнике
жертвам фашистских зверств

Я мать скорбящая. Как совесть, я бессонна.
Замученных людей я помню каждый стон.
Пусть знают палачи, что нет святей закона,
Чем справедливого возмездия закон!

10 апреля 1965

708. СТИХИ, СКАЗАННЫЕ В КУТУЗОВСКОМ САДУ У СМОЛЕНСКОЙ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ

Товарищ, помни: здесь погребены
Твоей отчизны верные сыны,
Что за нее не пожалели жизни.
Они свой долг исполнили сполна,
Прочти и повтори их имена
И, как они, учись служить отчизне.

1963

709

Не выбирай поэзию
Покою в сторожа,
Она — ходьба по лезвию,
По лезвию ножа!

Я выбрал прозу трезвую,
Но где у них межа?
И вновь хожу по лезвию,
По лезвию ножа.

19, 28 апреля 1966

710

А. Б. Гатову

Что такое наши исканья?
Жажда жить, попирая смерть,
Чтоб, старея, не устареть
И в последний свой час успеть
Высечь словом искру из камня,
Сердце друга строкой согреть.

8—13 июля 1966

711

Так же, как род, как племя,
Дается поэту время,
Земная его стезя.
Можно времени вторить,
Можно с временем спорить,
Уйти от него — нельзя.

9 мая 1966

712. К САМОМУ СЕБЕ

Сын пахаря, пока не охладела
Твоя душа, не растерял твой стих
Всего, что ты с младенчества постиг, —
Спроси зарю у отчего предела,
Там, где она в глаза тебе глядела,
Когда ты музу ждал в хлебах густых,
Как надо жить и петь, чтоб не скудела
Любовь земная в вымыслах твоих.

1 и 25 ноября, 10 декабря 1965

713

Одни волшебной флейты ищут где-то.
Другим довольно дудочки в горсти,
Чтоб в зимний вечер вызвать полдень лета,
А в летний — снегом тополь замести.

Как видно, нет на чудеса запрета
Тому, в чьем сердце все сошлись пути.
Я не ищу волшебной флейты где-то —
Была бы только дудочка в горсти.

14—15 ноября 1966

714

Всё береги: родную речь,
Где слово с корнем жизни связано,
В полях медовый ветер греч,
В борах дымок сосновых свеч,
Разноголосье птиц согласное.
Отдай за них рубашку с плеч
И знай, что лишь себя беречь
Поэту противопоказано.

24 мая 1965

ИЗ КНИГИ «ЖУРАВЛИНЫЕ ТРУБЫ»

I. Земное тепло

715

С. М. Яковлеву

Пожелай человеку,
Не иконному лику,
Лебединого веку,
Журавлиного клику.

Миру лебеди любы,
Долгий срок им отпущен.
Журавлиные трубы
Будят рощи и пущи.

О, родные раздолья,
Дальних далей соседство.
Неразменная доля
Для ума и для сердца.

Не сули ж человеку
Медом полную реку,
А проси человеку,
Малу, как и велику,
Лебединого веку,
Журавлиного клику.

6—7 ноября 1968

716. НОЧНОЙ ЗВОНОК

Звонок телефонный
Меня разбудил среди ночи,
Я в трубку услышал
Девический голос далекий.
Он чем-то напомнил
Мои позабытые строчки,

В нем были какие-то
Милые сердцу намеки.

«Ответь же мне, кто ты?» —
Спросил я, немножко волнуясь.
И голос ответил,
Как будто сквозь шелест березки:
«Я песня весны твоей,
Я твоя ранняя юность,
Я вздох, что оставил ты
На полевом перекрестке,

Прости, что тебя
Я в ночи потревожить посмела,
Ведь сам же ты клялся,
Что девочку помнишь подростка. . .»
— «Но юность моя
Подойти к телефону робела,
И как бы могла она
Мне позвонить с перекрестка?»

Сказал так и тут же
Проснулся от сердцебиенья.
Молчит телефон.
Я сижу у окна пригорюнясь.
Мне грустно, что мог
Усомниться я хоть на мгновенье,
Что весть подала мне
Моя повзрослевшая юность.

13 июля 1968

717

Друзья говорят мне:
«Ты с юности пел постоянство,
А время менялось,
И сам ты не мог не меняться.
Так где ж постоянство?
Быть может, и нет постоянства?»
И я отвечаю:
«Ну что же, пора разобраться!
Я пел постоянство
И снова пою постоянство,

Да только не то,
Что исканий велит опасаться,
А то, что зовет нас,
И время вобрав, и пространство,
Всему отзываться,
Но совестью не поступаться.
Я пел постоянство
И снова пою постоянство
В стремленье дойти до вершин,
До ключей докопаться,
С годами всё строже
Судя в этом мире пристрастном
Ту леность души,
Что напрасно зовут постоянством».

30—31 августа 1967

718. ЛЕСНОЙ ШУМ

Над людскими бедами и славой,
Связь времен незримую храня,
Шум лесов спокойно-величавый
Омывает волнами меня.

Отгоняет суетные думы,
Заставляет вспомнить, что забыл,
Всё равно — веселый иль угрюмый
На зеленый берег я ступил.

Прохожу я бором иль дубравой,
Поутру иль на исходе дня,
Мнится мне, что в каждый ствол корявый
Из глубин вошла моя родня,
Над людскими бедами и славой
Связь времен незримую храня.

20 июля 1968

719. СТИХИ СО ВЗДОХОМ

Чтоб открылся равномерней
Мир, загаданный в былом,
Ты светила в час вечерний
Тихой лампой над столом.

Ты вставала за окошком
Полуночною луной,

Сны мои вела по стежкам,
Опушенным тишиной.

В тесной сутолоке будней
Стерегла мой каждый вздох,
Только я твой подвиг трудный
Оценить не сразу смог.

Просыпаясь на рассвете,
Птицам утренним под стать,
Плел я строф тугие сети,
Чтоб мечту свою поймать.

Я глядел бессонным взглядом
За туманный окоем,
А мечта со мною рядом
Встала в облике твоем.

Обречен певучей муке
И, сгорая без огня,
Лишь к тебе тяну я руки,
Чтоб найти истоки дня.

Пусть, как знает, время судит
Каждый день наш, каждый час,
Всё равно твой подвиг будет
Мерой верности для нас.

1944 (?), 11, 29 ноября 1968

720. ГРАНЬ

Мне нынче шестьдесят,
За эту грань годов
Я б взять с собой хотел
Не всё из нажитого,
А только то, с чем встать
Перед судьбой готов,
Чего б искал везде,
Начни свой путь я снова.
Не стану говорить,
Что мне не жаль трудов,
Истраченных на то,
Что сам сужу сурово,

Но с жаждой чистоты
    Гляжу за грань годов
И взять с собой хочу
    Не всё из нажитого.

25—27 января 1969

721

И. С. Соколову-Микитову

Мой старый друг — писатель и охотник,
Когда однажды у него спросил я:
«Что для художника всего важнее?» —
Попыхивая трубочкой, сказал:

«На твой вопрос давно народ ответил.
Ты помнишь сказку старую, конечно:
Лежит убитый витязь в чистом поле,
И воронье уж собралось на пир.

Тут серый волк, его хранитель верный,
Вдруг изловчился сцапать вороненка
И ворона — всезнающую птицу —
Послал за мертвой и живой водой.

За мертвой и живой. Ты вникни в это.
Чтоб тело, что разрублено на части,
Срослось, чтоб раны затянулись, надо
Его водою мертвой окропить.

Но тело душу обрести не может,
Пока его живой водой не сбрызнут.
А упадет хоть капля — витязь сразу
Вздохнет и молвит: «Как я долго спал!»

Вот так и в нашем деле всё творится.
Без мертвой и живой воды нельзя нам.
А что важнее — спорить бесполезно.
Не зря ключи их в сказке рядом бьют».

28—29 марта, 2 апреля 1967

722. БЕССМЕРТИЕ

Что я? Сосуд скудельный, горстка праха?
Нет, я зерно, живая связь времен.
Гром топоров и колокольный звон
Я помню от княженья Мономаха.

За мной судьба недаром шла, как сваха.
Стрелой ужален и копьем пронзен,
Я падал в битвах, попадал в полон,
А хлеб мой рос, и пряла лен мой пряха.

Мне на Москве за бунт грозила плаха,
Отходную читал мне дьяк-неряха,
А я всё жил, жил со всего размаха,
Кормя Россию и шатая трон.

И верил я, что в руку будет сон.
Сто́ раз истлела на плечах рубаха,
Пока я снова в муках был рожден,
И потому — гляжу вперед без страха,
С родной землей навеки обручен.

31 июля — 3 августа 1967

723. ПСКОВ

Не торо́пко, на́ веки веков
Ты тесал свой белый камень, Псков.
Из семи чистейших родников
Мастера тебя кропили, Псков.

Сколько див в наследье нам дано!
Старый Псков! Я знал тебя давно,
Хоть твоих не видел куполов,
Не слыхал твоих колоколов.

В облик твой издалека влюблен,
Не спешил к тебе я на поклон.
Страшно было, встретившись с тобой,
Не найти следов красы былой.

А когда настал желанный час,
Ты, хранивший чудо про запас,
После всех тревог и бед своих
Чистотой души пленил мой стих.

И сказал я: «Не печалься, Псков,
Что не встал превыше облаков,
А свети, как светишь, изнутри,
Наподобье северной зари.

Я у древних стен твоих бродил,
В двери храмов и палат входил,
Там, откинув времени покров,
Гостевал у гордых мастеров.

Вел беседы с ними не спеша,
Словно пил из полного ковша.
Пил за них, не ведая имен,
И за тех, кем труд их воскрешен,

Кто искал затерянный их след,
Выводил на свет из плена лет,
Кто открыл пред нами даль веков...
Так прими ж за всё поклон мой, Псков!»

28—30 июня 1967

724. КАМЕННАЯ КНИГА

Былых веков не тяжко иго,
Коль время дышит новизной.
О Рига, каменная книга,
Ты вновь открыта предо мной.

Меня влечет к тебе не мода,
Что так похожа на прибой,
А правда вечная народа,
Не покоренного судьбой.

Пока кружат над взморьем птицы,
Купаясь в музыке зыбей,
Листаю я твои страницы,
Гравюры готики твоей.

Есть тайный смысл у каждой вехи,
Там, где пути судьбы сошлись.
Ржавеют рыцарей доспехи,
Линейки зодчих рвутся ввысь.

Окаменевшие преданья
Вещают, обретая речь,

Что только в жажде созиданья
Дано нам суть души сберечь.

А новый день хлопочет рядом,
Свои врезает письмена,
И под его хозяйским взглядом
Просвечивает старина.

В ней всё — что пело, что кипело —
Противоборство сил земных.
Встречает будущее смело
Лишь тот, кто прошлое постиг.

Былых веков не тяжко иго,
Коль время дышит новизной.
О Рига, каменная книга,
Ты вновь открыта предо мной.

10—11 июня 1967

725. ВЕЛИЖ

Тихий Велиж, древний Велиж,
Город — городок лесной,
Ты на стол, как скатерть, стелешь
Луг, расцветший за Двиной.

Сколько бед ты видел, Велиж,
Но светла в Двине вода.
Ты хлеб-соль с друзьями делишь,
Как делил ее всегда.

Не тебя ль учили, Велиж,
Все минувшие века,
Что, коль горе перемелешь, —
Выйдет добрая мука.

На твоих обрывах веришь,
Что столетний чуток сон.
Тихий Велиж, древний Велиж,
Ты живой водой вспоен.

15—16 июня 1968

726. ДЕРЕВЬЯ

Сиротское детство, чужая семья,
Ни ласки, ни доброго слова.
Казалось, душа очерствеет моя,
В молчанье замкнуться готова.

Но так не случилось. От доли такой,
Когда невтерпеж становилось,
Я в лес убегал, что шумел за рекой,
Судьбе не сдавался на милость.

Была там другая семья мне дана
Под кровом туманно-зеленым.
Там мог без оглядки открыть я до дна
Всю душу березам и кленам.

Я знал, что меня не обидят они,
Глубинные думы лелея.
И, сбросив томительный груз в их тени,
На мир я глядел веселее.

С тех пор не одну перешел я межу,
Давно седина серебрится,
А чуть затоскую — и в лес ухожу,
Березам да кленам открыться.

28—29 марта 1968

727

Мужавшие под грозами войны,
Для дел иных мы были рождены,
К иному мы готовились труду,
Иную в песнях славили страду.

Благословляла нас сама судьба
Заводы строить и растить хлеба,
А я просил: «Еще благослови
Слагать стихи о дружбе и любви».

Но мир висел на волоске, и вот
Мой друг достроить не успел завод,
А я поэму дописать не смог,
Как задымилась даль больших дорог.

Над Припятью, над Сожем и Днепром
Железным эхом раскололся гром.
В тот день, законам мужества верна,
Нас под ружье поставила страна.

Не голубой романтики звезда,
Солдатами нас сделала беда,
Когда, взвалив на плечи тяжкий крест,
Мы отступали из отцовских мест.

К нам простирали руки дерева,
В лугах цеплялась за ноги трава,
Ручьи журчали в тот горчайший час:
«Не уходите, не бросайте нас».

Старинных русских городов холмы,
Откуда в глубь веков глядели мы,
Вдруг отовсюду стали нам видны —
Со всех дорог, со всех концов войны.

Но всех других мне ближе и больней
Был город тот, где я на утре дней
Волны днепровской слышал древний плеск,
То город юности моей — Смоленск.

Он гордыми легендами веков
Взывал ко мне с семи своих холмов,
И я, крещен железом и огнем,
Во сне и то не мог забыть о нем.

Хлебнули вдоволь мы всего, пока,
Пути расчистив острием штыка,
По горестным пожарищам земли
Вновь к милым сердцу берегам пришли.

И понял я в дни долгожданных встреч,
Что груз войны не снять с шинелью с плеч,
Что после всех тревог и всех утрат
По чувству долга я навек солдат.

1945 (?), 17—18 ноября 1967

728

Ясный день мне предвещают зори
Иль к ненастью расстилают дым, —
Русь моя, и в радости и в горе
Верю я, что рос, тобой храним.

Если падал духом я, бывало,
Если жил, не поднимая глаз, —
Ты мне песней голос подавала
В самый трудный, в самый горький час.

Я на зов твой шел, душой воспрянув,
Уходя от смутной маеты,
И меня из дебрей и туманов
Выводила на дорогу ты.

Исцеляла мне любые раны
С жита набегающей волной,
Шумом леса, тишиной поляны,
Всем настоем силы земляной.

Потому, из края в край кочуя,
Я тебя везде узнаю, Русь.
И, когда стихи мои шепчу я,
Всё тебе, всегда тебе молюсь.

12—14 декабря 1967

729

Потомки поймут,
Современников наших читая,
Какая у нас
За плечами дорога крутая.
Как нас опекала
Ревнивая наша эпоха,
Чтоб где-то в грядущем
О нас не подумали плохо.
Нас жизнь научила
Не жаловаться и не плакать,
Цветеньем весны
Вдохновляться в осеннюю слякоть.
И этому будут
Дивиться не меньше потомки,

Чем мужеству в битвах,
Где шли мы по огненной кромке.
Как должно потомкам,
Дотошно изучат наш почерк
И всё, чего мы не сказали,
Прочтут между строчек.

30 мая — 1 июня 1968

730. ОДА МАШИНАМ

Хвала машинам!
На любых путях
Мы видим их,
Железных работяг.

Они выходят в мир
Не наобум.
В них нет души,
Но есть железный ум.

О, умные машины!
Ни на миг
Остаться нам немыслимо
Без них.

Отвыкли мы
По звездам ворожить,
Отцовские приметы
Ворошить,

И даже встреч
Со снегом и дождем
Мы по сигналам из эфира
Ждем.

Мы знаем: если
В некий грустный час
Хлебнуть глоток весны
Потянет нас,

Нам распахнет
Благую сень ветвей
Записанный на пленку
Соловей.

Итак — хвала машинам,
Что для нас
Готовы всё
Исполнить на заказ.

Поймают в сети
Каждый луч и звук,
Не ведая ни радостей,
Ни мук.

И мысль гоню я,
Коль прорвется вдруг:
«А что, как нас
Замкнет железный круг?

Страшнее всех напастей
Та напасть.
Не дай нам бог
К машинам в плен попасть».

16—30 октября 1967

731

Нам обострили зренье грозы века,
Мы научились прошлое читать
И без ошибки узнаем печать,
Которой время метит человека.

Судьба любая ею скреплена
С эпохой, но, ее не отвергая,
Живем мы тем, что есть печать другая,
Которой люди метят времена.

6 мая 1968

732

Я знаю, это —
Возраста примета,
Что с каждым годом
Для меня святей
Насущный хлеб
Земных моих путей,
Дары простые
И зимы и лета.

Всё, что тщеславье
Тешило когда-то,
Отстанет неминуемо
В пути,
А то, с чем надо
До конца идти,
Нам станет,
Как основа жизни, свято.

16 мая 1968

733

Я просить у времени готов
Не забвенья бремени годов,
А того, что силы нам дает
Встретить осень, утирая пот,
И по всем извилинам пути
Человечью гордость пронести.

22 мая 1968

734

Я вкус подсохшей хлебной корки
В вас ощущаю каждый миг,
Пословицы и поговорки,
Заветы прадедов моих.

Они вас замесили круто,
Чем край благословил родной.
Вы правда их и потому-то
Питательны, как хлеб ржаной.

1 октября 1968

735

В белой роще
Тает дымка, млея,
С листьев каплет
Липкий запах клея, —
То Весна,
Развеяв забытье,
Колдовское,
Древнее питье

Варит,
Свежих соков не жалея.
Не с того ль с годами
Всё милее
Нам приметы
Вещие ее.

26—30 марта, 3 апреля 1969

736

Природа
Не боится повторений,
В ней всё из года в год
Приходит чередом,
Но, сколько б
Ни цвели для нас сирени,
Цветенья нового
Мы, как подарка, ждем.

31 марта 1969

737. КОГДА УХОДИТ ВЕСНА

Кончен праздник Весны.
Смолкли песни больших росстаней.
Уж никто не придет
Проводить ее в путь спозаранку,
Только тополь шумит,
Словно просит прощенья у ней,
Сам себя на ветру
Выворачивая наизнанку.

1967

738

Лето нам на прощанье дарит звездопад,
Тишину, что в глубинах замешана нагусто.
Стыдно даже словечко сказать невпопад
На виду у спокойного, мудрого Августа,

10—11 сентября 1968

739. НАЧАЛО ОСЕНИ

Я видел сад.
Мне было грустно очень
Следить, как месяца
Нырял кораблик.
Меня во сне
Поцеловала осень —
И на губах остался
Привкус яблок.

6 сентября 1968

740. ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Затишье после снегопада,
Слепит глаза февральский свет,
И мысль в душе одна: что̀ надо
Сказать судьбе все «да» и «нет».

25, 29 января 1969

741. ТА ВЕСНА, ЧТО ВПЕРЕДИ

Есть впереди всегда
Разлив весны большой,
Что учит жизнь любить
Наперекор обидам,
Надеяться, что вновь,
Очистившись душой,
Глазами юности
Мы всё вокруг увидим.

29—31 января 1969

742

Мы споем свою песню любви,
И опять
«Что такое любовь?» —
Будет юность пытать.
Будет снова ответа
Искать на вопрос:
«Что на свете сильней
Всех метелей и гроз?»

И нашепчет черемуха
Ей по весне,
Что шептала и нам
Наяву и во сне,
Почему без конца,
Всё опять и опять
«Что такое любовь?» —
Будет юность пытать.

27—28 февраля 1967

743

И сам бы я хотел
Забыть о всяких бреднях,
Рассудка не терять
В удаче и в беде,
Но есть в моей душе
Какой-то привередник,
Меня за годом год
Он путает везде.

Чуть что — и приплетет
К удаче неудачу,
Событье сделает
Из сущей чепухи.
Кляня его, я с ним
И радуюсь, и плачу,
И, может, потому
Пишу мои стихи.

6 августа 1967

744

Годы идут, но искать не хочу я коренья
От постаренья.
Мне бы траву лишь найти для зелья
Против безделья.

Пока я со всеми, кто пашет и сеет,
Делю усталость —
От дела меня отвлекать не посмеет
Старость.

30 октября 1967

745

Не затем ли бродил я по дебрям лосиным,
Умывался жарой, обдавался росой,
Чтоб найти тот родник, что лепечет осинам,
Как пробился на свет он, к березке босой?

Хватит всем на земле неразменной красы нам,
Но родник заповедный — у каждого свой.
Не затем ли бродил я по дебрям лосиным,
Умывался жарой, обдавался росой?

11 ноября 1967

746

Рассвет остановился у вокзала,
И кажется — шум поездов затих.
Не потому ли, что весна прислала
Мне горсточку подснежников своих?

Пускай они еще так робко пахнут
И даже в радости чуть-чуть грустны,
В них весть о том, что мир уже распахнут
Всем звукам и всем запахам весны.

27 апреля 1967

747

Взвесят критики всё:
И терпенье и труд,
Средь хороших и разных
Мне место найдут.

Отдохни, мол,
Кастальскому внемля ключу...
Но и тут своих критиков
Я огорчу.

Заскучаю, с почетного места
Сбегу —
Погостить у весны
На заречном лугу,

С летом выпить кваску
На колючей стерне...
Пусть гадать погодят
На моей седине!

24—27 апреля 1967

748

Что ушел домовой из-под кровли родной,
Что на добрых волшебниц не надо надеяться
И что юной русалки из речки лесной
Старый леший не ждет под замшелой сосной, —
Узнаем мы, прощаясь со сказками детства.

Но потом, повидавших всего, повзрослевших,
К чудесам рукотворным привыкнуть успевших,
Сказки сами найдут нас, вернувшись опять,
И научат нас в близких своих узнавать
Домовых и волшебниц, русалок и леших.

7, 12 августа 1967

749

Звери и птицы из сказок детства,
Всех вас я принял в душу свою.
Зачем же теперь моего соседства
Вы сторонитесь в отчем краю?

Теснитесь всё дальше во мхи да болота.
Как объяснить вам, лесная родня,
Что, если стреляет жестокий кто-то,
Он, вас убивая, ранит меня?

От этого мне никуда не деться,
Я под прицелом всегда стою.
Звери и птицы из сказок детства,
Всех вас я принял в душу свою.

21—22 февраля 1967

750

В былые дни звалась поэзия витийством,
Ей было в облаках положено витать,
Она ж на землю к нам сошла как благодать:
В любви благословлять и в бой сопровождать,

Пот утирать в пути крутом и каменистом,
Святую жажду правды утолять
И веру в красоту земную утверждать
То стебельком ростка, то деревом ветвистым.
Но нетерпеньем ей не надо досаждать...,
А что, как в облака уйдет она опять?

16, 23 марта 1967

751. НАДПИСЬ НА ЖИТИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

О протопоп строптивый Аввакум!
Я вижу, житие твое читая,
Как, над церковным спором вырастая,
Вбирал в себя ты боль народных дум.

С той болью, простодушен и суров,
Встал на костер ты без мольбы во взоре,
А если бы врагов осилил в споре,
Сам для костров не пожалел бы дров.

21 марта 1968

752

Не ты несешь мне, муза, новости,
Они спешат ко мне чуть свет
В тревожном шелесте газет,
Сигналы радости и бед,
Гонцы творимой жизнью повести.
Но ты придешь за ними вслед
И озаришь любой предмет,
Откроешь тайны всех примет.
Твой голос, муза, — голос совести,
И тут тебе замены нет.

23 января — 1 февраля 1967

753

Таков наш закон:
Позабыв про усталость,
Врубайся, как в камень,
В себя самого
В надежде открыть в глубине
Хоть под старость —

Что в юности ранней
Тебе примечталось,
Что вспышками молний
Во сне озарялось,
В чем с совестью века
Ты видишь родство.

28 апреля 1968

754

Назови меня, роща зеленая, сыном.
Сны дурные дыханьем сдувай с моих век.
Я поклялся березам твоим и осинам,
Что останусь им другом и братом навек.

В час тревоги увижу и зá морем синим
Край туманных закатов и медленных рек...
Назови меня, роща зеленая, сыном,
Сны дурные дыханьем сдувай с моих век.

26 июня, 11 июля 1968

755

Живут заветы прадедов в народе,
Из уст переходящие в уста.
Как человек относится к природе,
Соседи примечают неспроста.

Я сам в лесах бродил не для потехи
И знаю с тех мальчишеских годов:
Кто с топором выходит по орехи,
Тот в жадности своей на всё готов!

13 марта, 2 апреля 1967

756. ЧИТАЯ ДОСТОЕВСКОГО

Куда ему до мастеров-стилистов,
Что каждую обкатывают фразу.
Он одержимый. Он почти неистов,
Всю боль свою выплескивает сразу.

Пускай другой слова, как бисер, нижет,
Чтоб не тускнели ни зимой, ни летом.
Всё, что он пишет, — кровью сердца пишет...
Кто ж думает о почерке при этом?

7—10, 26 февраля 1967

757

В этом мире, где утром росистым,
Соловьиным разбуженный свистом,
Я весну прочитал по складам
И за песней пошел по следам —
По лугам и дубравам тенистым,
По полям твоим, Русь, колосистым,
По бессонным твоим городам, —
Ни архаикам, ни модернистам
Я находок своих не отдам.

1—6 февраля 1967

758

Сокровищница мудрости народной
Открыта всем. Бери что надо в ней.
Ты долг вернешь, став хоть чуть-чуть добрей,
Душой и сердцем чище, благородней.
А кто для красного словца берет —
Тот неоплатным должником умрет.

26—28 января 1967

759

Заметил я сам не без грусти,
Листая тетради свои:
Всё больше стихов об искусстве,
Всё меньше стихов о любви!

Но тут же подумал: «Ну что же,
Так было, так будет и впредь.
Любви молодиться негоже,
Искусство не смеет старе́ть».

1 июля 1967

760. ГОЛУБОЙ КОНВЕРТ

Как в стихах: «Любовь сильнее смерти», —
Я твердил, не чувствуя земли.
Шла весна, и в голубом конверте
Мне письмо однажды принесли.

Навсегда запомнил этот день я,
Ждал давно вестей издалека,
И в груди заныло от волненья,
От волненья дрогнула рука.

Загремели шаткие ступени, —
Нет, запело сердцу в лад крыльцо,
И в густой черемуховой пене
Я увидел милое лицо.

Знал: от слов привета опьянею,
Захлебнусь их теплою волной.
Кто сказал, что мы в разлуке с нею,
Здесь она, далекая, со мной!

И не ждал я, верьте иль не верьте,
Каждый вздох за искренность ценя,
Что в таком лирическом конверте
И письмо совсем не для меня.

Значит, что ж, лукавая и злая,
Сердце обманувшая краса,
Для забавы письма посылая,
Спутала случайно адреса!

Я стоял со скомканным конвертом
Темный от обиды, а весна
Пела: «Да, любовь сильнее смерти,
Если настоящая она».

1928 (?), 1959

761

Как бы ясен был мой закат,
Как бы вечер был свеж и светел,
Если б мог я вернуть назад
Те слова, что бросал на ветер.

Но они уносятся прочь,
Не дают душе утоленья,
И не могут ничем помочь
Эти поздние сожаленья.

9—10 сентября 1968

762

Шумит подмастерьев ретивых рать,
Как надобно слово в работу брать,
А мастер покачивает головою —
Неужто забыли они опять,
Что слово нельзя ни гнуть, ни строгать,
Хотя б потому, что оно живое?

17, 25 июля 1968

763

В тех просторах, что только снятся
Поколению моему,
Где мечты наши воплотятся,
Где труды наши благословятся,
Заблуждения объяснятся,
Треволнения канут во тьму, —
Всё простится, но не простятся
Лжесвидетельства никому.

11—14 июня 1968

764

Не замути источник, где напиться
Ты смог в пути, чтоб вновь идти вперед.
Суров к неблагодарному народ:
«Кто оскверняет чистоту криницы —
Тот матери своей в глаза плюет».

24 декабря 1966

765

Мастер, творящий свой мир, как бог,
Он мастер лишь потому,
Что, кроме прочих земных дорог,
Прошел труднейшую из дорог —
Дорогу к себе самому.

27 июня 1967

766

Россия-мать! В тот миг
полуночного бденья,
Когда моих седин
коснешься ты опять,

Все горькие свои
я вижу заблужденья
И об одном прошу:
«Дай сил мне и терпенья,
Ошибок не боясь,
искать, всегда искать».

12—14 февраля 1967

767

Был мудр гордец, сказавший римлянам,
И в смерти видя торжество:
«Я получил сей город глиняным,
Оставлю мраморным его!»

Но счастлив был, настигнут вечностью,
Лишь тот, кто мог сказать: «Друзья,
Вы были слугами отечеству,
Прощаюсь с гражданами я!»

29 июня — 4 июля 1967

768

Умен, как и жесток,
знал цену лести Сулла.
В те дни,
когда волна проскрипций захлестнула
Весь Рим,
когда строчил сын на отца донос,
Пришел к нему поэт
и оду преподнес.

И Сулла приказал:
за подношенье это
Монетами набить
пустой карман поэта.
А чтоб не вздумал тот
прийти к нему опять,
Впредь не писать стихов
подпиской обязать.

4—5 августа 1967

769

Душа любви, как Рим, бессонна.
Поэт, на долю не пеняй.
Пускай Овидия Назона
Ссылает Август на Дунай.

За ним последует незримо
Всё, что воспел в родном кругу.
Он будет гражданином Рима
И там, на скифском берегу.

15 января 1963

770

Он бронзовым стать при жизни мечтает,
До пьедестала шаги считает.
Не идет, а ступает,
Не глядит, а взирает,
Не говорит, а вещает.
Даже муза робеть перед ним начинает,
Как подступиться к нему, не знает —
И навсегда умолкает.

11 мая 1967

771. ПОЭЗИЯ ЗЕМЛИ

Г. Т. Береговому

Поэзия, ты вздох и клятва,
Любви неугасимый свет.
И на столе у космонавта
Стоит Есенина портрет.

На подвиг право заработав,
Он чует звездный зов вдали,
А в небе, кроме всех расчетов,
Нужна поэзия земли.

1968

772

Свое у века вдохновенье,
И нам несет его волна
Не дуновенье умиленья,

Не жажду горнего паренья,
А неуемное стремленье
Схватить и расщепить мгновенье,
Всю душу озарить до дна.

8 июля 1968

773

Подружки заводят пластинки,
Стучат на кругу каблуки,
А ты от нежданной грустинки
Ушла за излуку реки.

Там травы в лугу не примяты
И нет ни следа к бережку.
Там песню опять завела ты,
Что пела, бывало, дружку.

Березка притихла, не дышит,
Задумался ветер в траве.
Ты веришь, что сердцем услышит
Дружок твою песню в Москве.

Такую ж почует грустинку,
Увидит излуку реки.
Подружки меняют пластинку —
И снова стучат каблуки.

Июнь 1966, 10 апреля 1968

774

Чтобы милый жил не близко —
Сделала нарочно я.
Нынче в моде переписка
И любовь заочная.

Почему ж порой весенней
На зеленой улице
О любви обыкновенной
Так вдруг затоскуется?

27 апреля 1968

775. ПЕСНЯ

В поле рожь цветет
И горох цветет.
Запевает наша Настя,
Настя счастье зовет.

Пой, пой, Настя,
Закликай счастье.
Каждый кустик тут готов
За тебя ручаться.

Там, где рожь цветет
И горох цветет,
Обойтись не может лето
Без твоих забот.

Так пой, Настя,
Закликай счастье,
Что оно тебя услышит —
Я готов ручаться.

26 апреля 1968

776. СЕНТЯБРЬСКАЯ ЛУНА

Сентябрьская луна светит ярче двенадцати других лун.

Народная мудрость

Слыхал я от старших, когда был юн
И в жизни не мерил дна,
Что ярче других двенадцати лун
Сентябрьская светит луна.

А что это значит — понять я смог
Лишь после многих дорог,
Когда намекнули виски в серебре,
Что осень уже на дворе.

1—2 января 1969

777

По всему великому раздолью
Ходят-бродят песни у ворот.
Как велит обычай, хлебом-солью
На Руси встречают Новый год.

Не принес он под полой жар-птицы,
Но отменно знает ремесло
И готов по совести трудиться,
Чтобы счастье в каждый дом вошло.

Чтобы мог найти любую долю
Тот, кто долго ищет, а не ждет.
Потому-то люди хлебом-солью
На Руси встречают Новый год.

1964

778

На перекличке поколений,
Средь всех волнений и забот,
Повсюду с нами тот, чей гений
Искать, всегда искать зовет.

Тот, кто умел в земные сроки
Вместить и годы и века,
Дать четкость формулы намеку
И показать, как даль близка.

С ним шум полей, и гул заводов,
И ставший статуей гранит —
Всё как торжественная ода,
Как ода творчеству звучит.

И все вперед, вперед влекомы,
В простор, что наших ждет замет,
В душе, как искру, бережем мы
Исканья вечного завет.

1952, 1969

II. Строфы раздумий

779

Люблю те дни, когда,
Полна счастливой дрожи,
Весна спешит обжить
Открытые края.
В такую пору мне
И ближе и дороже
Зеленые дымки
Вечерних придорожий,
Где слиты вздох земли
И вздох зари погожей,
Где льется в душу мне
Лазурная струя,
А робкая еще
Запевка соловья,
Возникнув вдруг, бежит
Как холодок по коже.

25—27 марта 1969

780

Как опыт лет
Ни высоко мы ценим,
Как ни хватаем
Время на лету,
А всё равно —
Таим в душе мечту,
Что сохраним
И в возрасте осеннем
Весенних чувств
И мыслей чистоту.

28—30 марта 1969

781

Живи как знаешь,
Жизнь во всем любя,
Благословляй и солнцепек,
И затень,

Но, отходя ко сну,
Спроси себя:
Кого и чем
Порадовал ты за́ день.

22 января 1969

782

Не нужно
Мудрствовать лукаво.
Живи всегда
На полный вздох,
Чтоб разделить
Ты сам не мог,
Где долг священный твой,
Где право.

25 января 1969

783

Не страшно где-то
В розовом дыму
Вдруг наяву
Поверить снам желанным,
Но страшно с правдой
Встретиться тому,
Кто тешиться
Привык самообманом.

23—25 января 1969

784

От Адама с Евой
Так ведется,
И на том стоит
Весь белый свет,
Что любому хитрецу
Придется
Дать за всё
Простой, как вздох, ответ.

24 января 1969

785

Не бойся показаться старомодным,
Зовя полынь полынью, медом мед.
Стремленье быть простым и благородным
Не по веленью моды в нас живет.

6 сентября 1968

786

Всем увлеченья новизной даны,
Потом приходит время оглянуться,
Понять, что новизна для новизны —
Всё то же, что искусство для искусства.

19—20 сентября 1968

787

Перехитрить себя
Жизнь никому не даст,
Она не утаит,
Где прав и где не прав ты.
Что выдумки?
Я сам выдумывать горазд
И потому ищу
Проросшей в почве правды.

7—8, 17—18 октября 1968

788

Жизнь любить — не значит восхищаться
В ней мгновеньем каждым день за днем,
А всегда спешить в пути земном
Хоть чуть-чуть прибавить людям счастья.

19 сентября 1968

789

Не сетуй, что перо
В руке всё тяжелее, —
Не капелька чернил,
А жизнь висит на нем.

Теперь, всю суету
Отвергнув не жалея,
Ты скажешь только то,
Что душу жжет огнем.

25—27 февраля 1967

790

Кто вправду любит родину свою,
Тому любовь глаза не затуманит,
Тот свысока глядеть в чужом краю
На любящих иную даль — не станет.

29—30 сентября 1968

791

Мы смолоду живем —
Как в долг даем,
А кто скупится —
На себя и сетуй,
Когда под старость
Он в краю своем
Получит той же самою
Монетой.

11 сентября 1968

792

Зависит не от нас —
Когда на свет родиться,
Ступить в открытый мир
Зимой или весной,
Но каждый может так
Пройти свой круг земной,
Чтоб и начальных троп
Под старость не стыдиться.

18—22 октября 1968

793

Прежде чем что-то
Открыть потомкам,
Время смывает
Своим потоком

С правды —
Всю пыль, приставшую к поту,
С кривды —
Мишурную позолоту.

23—24 февраля 1967

794

Тайны эпохи раскроют историки,
Я же обязан подумать о том,
Как рассказать мне о пережитом,
Не поддаваясь соблазнам риторики.

2 мая 1968

795

Тот, кто верен дорогам суровым,
Где дрались мы за каждую пядь,
Жизнь не станет прикрашивать словом,
Будет делом ее украшать.

25 марта 1968

796

В душе Весны
Всё волшебство природы,
Все тайны
Обновления земли.
Не потому ль,
Как нас ни старят годы,
Она всё ярче
Светит нам вдали.

27 марта 1968

797

Грустить, и радоваться, и петь я
Привык у сверстников на виду,
А в девятнадцатое столетье,
Как в отчий дом, за советом иду.

12 февраля 1963

798

Юность в путь нас снаряжает,
Зрелость совесть нам тревожит,
Старость времена сближает,
Пережитое итожит.

15—16 апреля 1968

799

Юнцы, энтузиасты, непоседы,
Мы горячо вступаем в спор с судьбой,
Чтоб постигать потом из боя в бой,
Как постигали и отцы и деды,
Смысл истины суровой и простой,
Что над судьбой не одержать победы,
Не одержав победы над собой.

1969

800

Нам быть собой ничто не помешает,
Опять нас время учит и опять:
«Коль человек себя не уважает,
Он и других не может уважать».

16 апреля 1968

801

В необратимом беге дней
Дано постичь нам нервом каждым,
Что чем вокруг нас жизнь сложней —
Тем больше простоты мы жаждем.

11 апреля 1968

802

Всё не в радость: краски, звуки, ритм,
Коль темна тебе душа чужая.
Кто стремится к людям — тот творит,
Самого себя преображая.

2 октября 1968

Юноши, вступающие [illegible]

[illegible] вступлением в [illegible]

[illegible] и [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

1922 [illegible]

803

Не завидуй удачливости ремесла,
Помни: как бы она ни была торовата —
Не страшна мастерам настоящим хула,
А плохим и хвала не прибавит таланта.

6—7 мая, 6 июля 1968

804

Где б ты ни ждал весны, в какие б реки
Ни окунал персты,
Скажи мне, что ты ищешь в человеке,
И я скажу — кто ты.

14 июня 1968

805

Как безрассудно тратим время мы,
Пока не убедимся непреложно,
Что ни занять, ни дать его взаймы
Под этим милым небом невозможно.

7 мая 1968

806

Нам время оглянуться не дает,
А совесть поминутно повторяет,
Что к дальней цели путь найдет лишь тот,
Кто сам себя в пути не потеряет.

10 декабря 1967

807

Уже не иней в волосах,
А снег,
И ни к чему
С самим собой лукавить.
Не думай
Времени замедлить бег,
Подумай лучше,
Как его направить.

1 июля 1968

808

Чудесней всех чудес
Ты, человечья память.
Пока звенит в душе
Твоя тугая нить —
Я верю, что смогу
Судьбу переупрямить
И всё, что пережил,
Сумею воскресить.

6—7 июля 1968

809

Мы собою становимся
С той лишь поры,
Как поймем,
Своего не чуждаясь удела,
Что, какая б гордыня
Душой ни владела,
Время может отвергнуть
Любые дары,
Но поднимет и зернышко
Доброго дела.

1—3 апреля 1969

810

Мое поколенье
Не сходит со сцены,
Где сдвинулись сроки,
Раздвинулись стены.

Нам спорить с судьбой
До последнего вздоха
В тех драмах,
Которые ставит эпоха.

14—15 июня 1968

811

Простит нам время
Промахи невольные,
Но сам себя
Простить я не смогу

За то, что слишком часто
Делал больно я
Тем, перед кеми
С юности в долгу.

10 декабря 1967

812

Записал народ в свою книгу книг,
Справедливость во всем любя:
«Глупый больше требует от других,
Мудрый — от самого себя».

25 марта 1969

813

В наши годы
стыдно заблуждаться.
Учат нас
все прошлые века,
Что от клятв в гражданстве
до гражданства
Путь-дорога
очень далека.

12 декабря 1967

814

Уйдешь от всех ты,
Кто тебя ни судит,
Но не уйдешь
От Совести своей.
Она вернет с пути,
В ночи разбудит.
Не только слово —
Мысль подсудна ей.

11 декабря 1967

815

Опушка — что?
Вздохнуть и оглядеться.
Я лес люблю.
Он из глубин возник.

Язык деревьев
Нравится мне с детства,
Лукавить не умеющий
Язык!

10 декабря 1967

816

Всё испытав,
Не в шутку, а всерьез,
Что слышал в детстве,
Повторю теперь я:
«Затем, чтоб лук
Быстрей на грядках рос,
Не надобно
Тянуть его за перья!»

10 декабря 1967

817

Среди кибернетических машин,
Что к вечным подбираются загадкам,
Не расплескай души своей кувшин,
Чтобы не стать их мыслящим придатком.

11 мая 1968

818

Как ремеслом искусно ни владей,
Из праздных слов не сложишь стих напевный.
Святое право волновать людей
Дается лишь тревогою душевной.

11 мая 1968

819

Блюдут свой срок
И сеятель и жнец,
Но сроков нет
Для дум об урожае.
Не может жить
Вне времени мудрец,
Но мыслит —
Времена опережая.

10 мая 1968

820

Кто мудрецом прослыл —
Тот вечно морщит лоб,
Чтоб званья своего
Случайно не лишиться.
А кто и вправду мудр —
Тому чего страшиться?
Плачь хоть навзрыд
И смейся хоть взахлеб.

20 мая 1968

821

В чужих речах
Словам не веря выспренним,
Чувств, что на сцену рвутся,
Не любя,
Ты должен сам
Быть и простым и искренним
Иль завтра станешь
Презирать себя.

19 мая 1968

822

Чудесной властью
Обладает стих,
Но только
В глубине души рожденный,
Несуетным раздумьем
Подтвержденный
И не боящийся
Дорог крутых.

4, 26 мая 1968

823

И гроздья ярых гроз,
И свет небес бездонных
Мы любим потому
Всё глубже и сильней,

Что знаем: трепет их
Не унести в ладонях,
А в нем-то и живет
Очарованье дней.

26 мая, 1 июля 1968

824

Не забывай,
Пока твой век не прожит,
Что на любых путях,
Где ты идешь,
Ничто так душу
Осквернить не может,
Как притворившаяся правдой
Ложь.

29 мая 1968

825

Как пчелы летят к цветам медоносным,
Как тянут шмели по теплым следам,
Так я выхожу поклониться соснам,
Таволгам, иволгам и дроздам.

Но пчелам не надо решать загадок,
Не знают сомнений в пути шмели,
А я по-новому в каждый взяток
Вбираю и радость и боль земли.

2 июля 1967

826

Что творчество?
Та раскаленная печь,
Где мастер
Во имя земной любви
Обязан сначала
Себя обжечь,
Потом обжигать
Творенья свои.

5 июня 1968

827

Как бы ни был ты вознесен судьбой,
Знай: ничто не пойдет на лад,
Если друга не станет рядом с тобой,
В спорах с кем ты охрипнуть рад.

18—19 июля 1968

828

Как много нужно
                    Мастеру уметь,
Но не одним уменьем
                    Он блистает.
Он золотом гореть
                    Заставит медь,
Да выдавать за золото
                    Не станет.

11 июля 1968

829

О мой сосновый край!
                    Твои озера
Таят в своих глубинах
                    Столько света,
Что кажется:
                    Вот-вот под шелест бора
В них окунулось
                    Золотое лето.

15 июля 1968

ИЗ НЕ ОПУБЛИКОВАННОГО ПРИ ЖИЗНИ, НЕ СОБРАННОГО И НЕ ВКЛЮЧЕННОГО В ИЗДАНИЕ 1974 ГОДА

830

Кто-то осень горькой называет
И над вдовьей плачется судьбой,
А она по шелку вышивает
Нитью золотой.

1924 (?)

831. СЕРЕБРЯНЫЙ САД

Не пойму — наяву иль во сне,
В час, как звуки летят с высоты,
Я увидел серебряный сад.

Он расцвел в тишине при луне,
В нем на ветках упругих цветы
Колокольчиками звенят.

И легко мне, и радостно мне
Видеть то, что нашепчут мечты,
И звенеть колокольчиком вслед.

Всё равно: наяву иль во сне,
В час, как звезды летят с высоты,
Мне открылся серебряный сад.

1925 (?)
Тюнино

832. ВЕЧЕРОМ

За окном осенний, хмурый вечер,
А в избе —
уютно, хорошо.
И мужичьи радостные речи
Золотым не вычерпать ковшом.

Голос прялки звонче и напевней,
Тает горечь пережитых лет.
Говорят, что скоро на деревне
Загорится несказанный свет.

Свет, совсем невиданный доселе,
Приплывет по синим проводам...
И зато такого вот веселья
Я еще ни разу не видал.

Ищут слов в растрепанных затылках,
А в глазах
Безбрежные поля.
Будет свет
В малюсеньких бутылках,
Будет свету ну хоть отбавляй.

Поживем теперь и мы на свете,
Светлой жизни зачерпнем ковшом...

За окном шумит осенний ветер,
А в избе
Уютно, хорошо!

⟨1926⟩

833. ЗА ПРЯЛКОЙ

Вторит прялка завыванью вьюги,
День окутан снежной бахромой,
Помню я, смеялися подруги
На гулянках часто надо мной:

«Русых кос своих не пожалела
И веселых златокарих глаз.
В сельсовете — женское ли дело!
Знай любовь, а это не для нас.

Лунный свет да песни хоровода,
Наша жизнь — вишневая кайма».
Только всё прошло, как непогода,
Как пройдет суровая зима.

Каждая приносит свое горе,
Каждой нужно чем-нибудь помочь,

Вижу я: уж полыхают зори
И приходит женской доли ночь.

Всколыхнулись хмурые лачуги,
Сон разорван не разрыв-травой.
Вторит прялка завыванью вьюги,
День окутан снежной бахромой.

1923 (?), ⟨1927⟩

834. О СЕБЕ

М. Полонскому

Снятся мне лишь зеленя да пажити,
Где, в каком бы ни был я краю.
Песни, песни, только вы расскажете
Про любовь сыновнюю мою.

Я впишу в вас перезвоны зорние
И росяный шелест зеленей.
Будьте вы нарядней и узорнее
Неприглядной юности моей.

Я давным-давно забыл вчерашнее,
И, когда на сердце ляжет тень,
Говорю я:
«Над родными пашнями
Уж теперь хозяева не те.

Подравнялися мужичьи пажити,
Всколыхнулась полевая грудь».
Песни, песни, только вы расскажете,
Как тяжел и труден был наш путь.

⟨1927⟩

835. ВЕСЕННЕЕ

Я хочу быть нынче откровенней,
Вырвать сердце из груди упругой,
Захлебнуться в яблоневой пене,
Обласкать и недруга и друга.

Ах, не смейтесь.
Подождите малость.

Я обвеял думы теплотою.
Всё, что снилось
И о чем мечталось, —
Стало нынче явью золотою.

Ширь полей под песнею мотора
Всколыхнулась в голубом рассвете,
Березняк притих у косогора,
Скрылся в чаще прощелыга-ветер.

О сохе да о нужде рассказы
Временем сотрутся, будто плесень,
И мой сын — веселый, синеглазый —
Эту быль узнает лишь из песен.

Вот с того я нынче откровенней,
Сердцу хочется в груди упругой
Захлебнуться в яблоневой пене,
Обласкать и недруга и друга.

Март 1927 (?)

836. ПЕСНЯ

Что мне делать? Сердце не на месте.
Так случилось, что и сам не рад.
Отдал перстень я чужой невесте,
Грустью затуманился мой взгляд.

А в полях не затихают песни,
А весна бушует по садам:
«Возврати ты мне, чужая, перстень —
Я что хочешь за него отдам!»

1927 или 1928 (?)

837. БРЯНСКИЙ ЛЕС

Заснул сосед под перестук колесный,
А мне в купе с площадки не уйти:
Как старые друзья, кивают сосны
И говорят: «Счастливого пути!»

Я этих мест припоминаю были,
И кровь сильней волнуется от них,
Когда-то здесь по деревням бродили
Рассказы о разбойниках лихих.

Здесь атаман с любовницей кудрявой
Гулял, пуская села на пропой...
А мы рубили лес за переправой
И в дебри шли нехоженой тропой.

По-волчьи выли в просеках метели
И уходили с нашего следа.
Ведь мы пахать и собирать хотели,
Копать руду и строить города.

Кострами озаряли следопыты
Чащобы векового сосняка...
...Все атаманы уж давно забыты,
А наше мужество войдет в века!

Где пешеходу не было проходу,
Где сторожила запоздавших мгла, —
Ведя составы к новому заводу,
Узкоколейка нынче пролегла.

Я слышу ровный перестук колесный,
И мне в купе не хочется идти.
Как старые друзья, кивают сосны
И говорят: «Счастливого пути!»

1927, 1935

838. НА ЗАПАД УХОДИЛИ ПОЕЗДА

Облокотясь на ивовый плетень,
Она ждала и теребила косу,
И далеко тянулась по откосу
Луною опрокинутая тень.

Я был ребенком. Я не знал тогда,
Что делалось за полем нашим малым,
Но видел я, как, грохоча по шпалам,
На запад уходили поезда.

Я думал, что, предчувствуя отъезд,
Ее жених позвал сюда проститься, —
Такие же встревоженные лица
Я замечал у девушек окрест.

Он подошел, суровый и прямой,
И опустился у плетня устало,

А девушка задумчиво сказала:
«Всё решёно. Я не вернусь домой».

Ушел я, не оглядываясь, прочь,
Чтоб не мешать в последний час влюбленным.
Потом узнал, что с первым эшелоном
Они на фронт уехали в ту ночь.

И детским сердцем понял я тогда,
Что Родина моя непобедима,
И день за днем следил, как в космах дыма
На запад уходили поезда.

1935

839

Начинает на поле колоситься рожь,
Соловьи за речкой свищут до рассвета.
Выйдешь за околицу, песню запоешь,
Длинную, как ветер на просторах лета.

Ты сама в той песне слов не разберешь,
Только нам с тобою и не нужно это.
Просто в нашем поле колосится рожь,
И ее дыханьем наша кровь согрета.

1936

840

Опять весна, и ветер с юга,
И над садами белый дым.
Опять, опять, моя подруга,
Мы у реки с тобой сидим.

По стежкам, с юности известным,
Сюда приходим налегке,
Молчим, прислушиваясь к песням,
Что раздаются на реке.

Глядим за дальние излуки,
За синий плес, за пестрый луг.
Все наши встречи и разлуки
Припоминаются нам вдруг.

А песни всё летят, тревожа
Покой седого камыша.
Недаром чище и моложе
От них становится душа.

И снова дышит грудь упруго
И сердце верит снам своим.
Ведь есть весна, и ветер с юга,
И над садами белый дым.

1937

841

Послушай, я всё расскажу без запинки
Про наши студенческие вечеринки,
Про шумные споры на тихих рассветах,
О книгах прочитанных, песнях пропетых,
Про первые встречи с тобой, про намеки,
Что вложены были в любимые строки.
Вот снова, по комнате рифмы рассеяв,
Идут Маяковский, Сельвинский, Асеев,
Вот снова в лирическом косноязычье
Борис Пастернак запевает по-птичьи.
Но в дверь математик стучится, неистов:
«Ну нет угомону на этих лингвистов. . .»
Тихонечко дверь за собой прикрывая,
Иду я тебя провожать до трамвая
И, руку сжимая твою на прощанье,
Даю нерушимое обещанье:
Листая тетрадей студенческих груду,
Всю жизнь вспоминать по-хорошему буду
Про шумные споры на тихих рассветах,
О книгах прочитанных, песнях пропетых.

1937

842

В туманные ночи июля
Ты выйдешь на берег косой,
Там пахнут, как полные ульи,
Кусты под медвяной росой.

Как с неба упавшие звезды,
Мерцают в траве светляки,
И месяц ковшом из бересты
Лежит у затона реки.

А ветер, нахлынувший с плеса,
Где замерли всплески весла,
Напомнит тебе, что покоса
Пора золотая пришла.

Большую зарю карауля,
Прибрежной бреди полосой.
В туманные ночи июля
Ты снова парнишка босой.

1938

843

Иду тропинкой полевой,
И мне семнадцать лет.
Горит заря над головой,
Я обернусь и вижу свой
Росой залитый след.

Теплынью утренней густой
В полях легко дышать.
Шумят березы и листвой
Мне говорят, что золотой
Обещан день опять.

А если вдруг нахлынет дождь,
Заговорит гроза,
Вздохнет и выпрямится рожь, —
И я скажу, что дождь хорош,
Прозрачный как слеза.

Но вот прошли года, но вот
И юность унесло.
Живу среди других забот,
И на поля меня ведет
Другое ремесло.

И там, у дальних росстаней,
В рассветной тишине,
Как в годы юности моей,
Погожих много-много дней
Подскажет сердце мне.

А если вдруг нахлынет дождь,
Заговорит гроза,
Вздохнет и выпрямится рожь, —
И я скажу, что дождь хорош,
Прозрачный как слеза.

1938

844

Как в детстве, кукует кукушка,
Над омутом дремлет ольха.
Зеленого бора опушка
Просторна, светла и тиха.

За поймой дорога большая
Раскинула стежки окрест.
Навстречу ко мне поспешая,
Березы срываются с мест.

Раздвину кувшинки густые,
В пригоршни воды зачерпну —
И старые вспомню мечты я,
Влюбленности первой весну.

Припомню ровесниц, которым
Я сердце открытое нес
По теплым зеленым просторам,
Под синими вспышками гроз.

И отсветом дальней зарницы
Одна мне на сердце легла.
В цветы золотой медуницы
Росинками капала мгла.

На перьях сухих чернобыла
Дрожал, догорая, закат.
Я знаю — она разлюбила,
Но в этом не я виноват.

На мшистом обветренном камне
Сижу, никого не виня.

Только где мы встречались,
В каком краю,
На распутьи каких дорог?

Может быть, ты—мой сон,
Моя мечта,
Свет безлунных [мои] ночей ~~моих~~?
~~Та же складка тугая лежит у р~~та,
~~Те же тень от ресниц густых,~~

~~Только сон не становится явью, нет,~~
~~А как дым летит в синеву,~~
~~Значит, был похож на тебя портре~~т,
~~Мною виденный наяву~~.

Ты ~~с трибуны~~ [подругам] рассказывала о том,
Как покорна тебе земля,
Сколько радости в колосе золотом
Засевающему поля.

~~Я услышал~~ звенит, вызревая, рожь,
Серьги встряхивают овсы.
Ты навстречу ко мне по заре идешь,
На косе — серебро росы.

Ты уехала, но по моей стране
День и ночь летят поезда.
И один я вижу даже во сне
Каждый раз, как взойдет звезда:

Перед ним по полям, по балкам лесным
Расступается тишина.
Ты мне письма свои посылаешь с ним,
С ним приехать сама должна.

1936

Здесь грусть моя будет легка мне,
Как ветер июльского дня.

Уж сердце рассудку послушно,
И в голосе слышится медь...
Как в детстве, кукует кукушка,
А я начинаю стареть.

1938

845

Дальней молнии беглый росчерк,
Неба влажная полоса.
Прорастают в березовой роще
Соловьиные голоса.

Травы мокрые оторопели,
Образумиться не успев,
И захлебываются капели,
Разговаривая нараспев.

Двери настежь и окна настежь —
В дом хозяйкой вошла весна,
Принесла молодое счастье —
До рассвета мечтать без сна.

Слушать сдержанный скрип калитки
В ожиданье счастливых встреч...
Всё, что юность дает в избытке,
Только зрелость велит беречь.

1931, 1939

846

Как все издержки мастерства,
Прошла бессонницы досада,
Горит роса, шумит листва
Зарей наполненного сада.

Ты села рядом на скамью
Всё та же — ясная, простая.
Я ничего не утаю,
Тетрадь заветную листая.

Пускай пульсирующий ритм
Соединит меня с тобою
И голос мой перегорит
Над предпоследнею строкою.

И призадумаешься ты,
И удивишься ты сначала,
Во мне увидевши черты,
Которых прежде не встречала.

Что нарождается во мне,
Я собирал в единый образ,
Чтобы со всеми наравне
Идти по родине не горбясь.

Для ежедневных наших дел
Себя выравнивая всюду,
Таким я быть вчера хотел,
Таким, я верю, завтра буду!

1933, 1939

847

Всё: и вечерних облаков изломы,
И шум грачей, сводящих с летом счет,
И запах обмолоченной соломы
Нам возвещает осени приход.

Мы встречу ей готовили весь год,
И за свое гордились ремесло мы —
Пропитанные солнцем агрономы,
Познавшие, как сладко пахнет пот.

Пусть осень, завершая круг забот,
Нежарким солнцем сентября согрета,
У наших остановится ворот.

Есть доброй встречи добрая примета:
Как с дерева упавший крупный плод,
Мы на ладонях взвешиваем лето.

1937, 1939

848

Мне говорят, что яблоневым цветом
Под майским небом юность опадет.
Пусть так! Я вижу лишь поруку в этом,
Что в августе нальется соком плод.

И время упрекать несправедливо:
Равно прекрасны дни и вечера,
Пора цветенья, и пора налива,
И мужественной зрелости пора.

1938, 1939

849

Закат осенний низок и багров,
Горит звезда вечерняя без блеска.
Лиловый дым плывет из-за бугров,
Цепляясь за кусты у перелеска.

А на реке ни возгласа, ни всплеска.
Жди непогоды. Старый Днепр суров,
Над ним стоят, очерченные резко,
Седые тучи, медные с краев.

Но всё равно не усидеть нам дома,
Где всё привычно и давно знакомо,
Где осень ничего не изменила:

На том же месте книги и чернила,
И лишь печей спокойное тепло
Напоминает: лето протекло!

1939

850

Окончен день. Выходишь на крыльцо ты,
И на большом бугре перед тобой —
Зари вечерней золотые соты,
Дымясь, лежат в тарелке голубой.

Как хлеб духмяный, облако румяно,
Разломленное ветром пополам.

Ты сыт покоем. Спать ложиться рано,
Пройди на сон грядущий по полям.

За то, что дню большому отдал всё ты,
За то, что солнце рядом шло с тобой, —
Зари вечерней золотые соты,
Дымясь, лежат в тарелке голубой.

1939

851

Взгляни отсюда, будь добра,
На этот сад, на вишни эти.
Как из литого серебра,
Они застыли в лунном свете.

Звенит и вздрагивает ветвь,
Холодной радугой сверкая.
Какому мастеру, ответь,
Она приснилася такая?

Кто этот выдумал узор,
Бессонницы познавший цену,
С каких морей, с каких озер
Собрал и заморозил пену?

Но ты снимаешь снег с ресниц
И кутаешься в полушалок:
Его для наших кружевниц
Нам приспособить не мешало б.

1939

852. ОТОМСТИ, ТОВАРИЩ

В час, когда походный ужин сваришь
И остынет на костре зола,
Вспомни свой отцовский дом, товарищ,
Сад зеленый на краю села.

Вспомни день, когда с друзьями вместе
Ты к фуражке приколол звезду,
Вспомни клятву, что давал невесте,
На заре прощаясь с ней в саду.

Как платок, в бессонницу расшитый,
Поднесла к губам ее рука,
Чтоб любовь была тебе защитой
От немецкой пули и штыка.

Вспомни всё, ты сердца не состаришь,
Только станет мужественней взгляд...
Ведь враги сожгли твой дом, товарищ,
Поломали твой зеленый сад.

Не найдет седой отец твой места,
Слезы льет на пепелище мать,
По ночам не спит твоя невеста,
До зари не может задремать.

Для любви разлука не остуда,
Для любви открыты все пути.
На восток глядит она, откуда
Должен ты на выручку прийти.

Ты в сраженьях сердце не состаришь,
Только станет мужественней взгляд.
Отомсти ж за всё врагу, товарищ, —
За отцовский дом, за тихий сад.

⟨1942⟩

853. РОВЕСНИКУ

Ты человек сороковых годов,
Ты видел всё и ко всему готов.
Вчера из боя, завтра снова в бой.
И у меня одна судьба с тобой.

Мы огненную клинопись грозы
Твердили, словно школьники азы.
Урок для нас был труден и жесток —
Теснил нас враг всё дальше на восток.

Дороги задыхалися в пыли,
По тем дорогам наши семьи шли,

Оставив в попранном врагом краю
Свой дом, свой жребий, молодость свою.

Мы были перед близкими в долгу
За каждый город, отданный врагу,
Вдвойне в долгу за тот клочок земли,
Где мы ключи к заветным снам нашли.

За тот, в березовой тени, откос,
Где мы мечтали в пору первых гроз,
За тот погост, где прах отцов зарыт,
Где плачут наши матери навзрыд.

Но мы в те дни, ты это помнишь сам,
Мужали не по дням, а по часам,
Под Оршей, под Смоленском и Москвой
Встречая ветер боя роковой.

Нас ярость согревала на снегу,
Нас мужество водило сквозь пургу,
И те пути, что ты прошел, солдат,
Уж никому не повернуть назад.

Мы верили: в боях опалены,
Другими возвратимся мы с войны,
И будут нам по-новому видны
Печаль и радость отчей стороны.

Нам, пившим воду из кипящих рек,
Всего превыше будет человек.
Друг друга мы поймем без лишних слов —
На нас печать сороковых годов.

1943, 1945

854

Наш век не ограждал нас от забот,
Он не кормил нас в детстве соской сладкой,
Для нас в ночи четырнадцатый год
Вставал звездой кровавой над кроваткой.

В тревожных снах, из тьмы и непогод
Отцов мы звали, ждали встречи краткой.
Но срок настал, и сами у ворот
Простились мы, смахнув слезу украдкой.

Наш путь наметил огненный пунктир,
Мы, коротая ночи фронтовые,
Забыли запах обжитых квартир,

Но было нам дано судьбой впервые
Самим творить в дыму сражений мир.
Мы шли на смерть, чтоб ты жила, Россия!

1943, 1946

855

Снегурочкой с околицы села
Ты в ночь под Новый год ко мне пришла
В наряде голубом, что Дед-Мороз
Из сундуков зимы тебе принес.
И, вся светясь под сказочной луной,
С улыбкой ты склонилась надо мной.
Но не было в глазах твоих огня,
И сердце ровно билось у меня,
Хоть я и ждал, красой твоей пленен,
Чтоб вновь и вновь тот повторился сон.
Когда ж апрель сугробы растопил,
Исчезла ты и я тебя забыл.

Чуть запестрели на лугах цветы,
Веснянкой стала мне являться ты,
Мне снился взгляд, синей, чем небеса,
И русая до пояса коса.
По вечерам, когда заря тепла,
Ты песней за село меня звала,
Но превращалась в поле на ветру
То в белую березку, то в ветлу.
Я слышал голос твой, но никогда
Не мог найти я твоего следа,
И, лишь июнь в права свои вступил,
Исчезла ты и я тебя забыл.

Я в летний полдень, зноем налитой,
Тебя увидел девушкой простой.
В тот день, его я в сердце берегу,
Ты ворошила сено на лугу.
Шла меж валов духмяных босиком,
Повязанная ситцевым платком.
Казалось, даже ветерок притих,
Едва коснувшись жарких щек твоих,
Примолкли разомлевшие кусты,
Но ты всё шла, ко мне спешила ты
В сознанье красоты своей и сил.
Такую я тебя и полюбил.

1956

856

Я знаю: когда-нибудь дочь моя спросит,
Горячей щекою коснувшись щеки,
Откуда взялась эта ранняя проседь,
Что инеем мне прихватила виски?

Какие случайности в дальней дороге
С пекучей жарой и ночами без сна,
Какие бои и ночные тревоги
При встрече с друзьями напомнит она?

И я объяснить ей сумею едва ли,
В груди затаив непонятный ей вздох,
Что нет, на виски мои инеем пали
Не версты дорог и не ветры тревог.

Да, знали мы в жизни дороги крутые,
Они на простор выводили большой.
Да, нас под огонь посылала Россия,
И мы под огнем укреплялись душой.

А иней у нас на висках серебрится —
Как горькая память тех дней и ночей,
Когда мы молчали, не смея вступиться
За близких своих и за лучших друзей!

1956

857. ОТАВА

В осенний день по просеке блуждая,
Ты свыкнешься с неяркой желтизной.
Вдруг — что за чудо! — зелень молодая,
Отава на прогалине лесной.
Подумаешь невольно: «А сюда я
Недаром шел. Вот-вот пахнет весной!»
И тут же улыбнешься виновато —
Ведь у отавы нету аромата.

1957

858

Зачем я стану притворяться,
Что ясно всё в душе моей,
Что не пришлось мне отрекаться
От оклеветанных друзей.
Пришлось! Сказать всю правду нужно,
Как правда та ни тяжела.
Мы знали дни, когда и дружба
Под подозрением была.
Не нянчусь я со старой болью,
Она приходит — рад не рад;
Не посыпал я раны солью,
А раны все-таки горят.
Не смею я молчать об этом,
Всё, всё сказать достанет сил,
Чтоб ты, не веря злым наветам,
Всю жизнь с открытым сердцем жил!

⟨1962⟩

859

Лежит, как вороново крыло,
Черная прядь на лбу.
Скажи, каким тебя занесло
Ветром в мою судьбу?

Ответь, почему мне с тобой светло,
Хоть в глазах твоих зги не видать?
...Лежит, как вороново крыло,
На лбу твоем черная прядь.

⟨1963⟩

860

Так празднично твоя сияет красота,
Что мне улыбку шлют не губы, а уста,
И, если, загрустив, опустишь руки ты, —
Я вижу у тебя не пальцы, а персты.

А я земной насквозь. Нелегким был мой путь.
Могу ль губами я к твоим устам прильнуть?
Как могут удержать воздушные персты
То сердце, что полно тревог и маеты?

⟨1963⟩

861. РОВЕСНИКУ

К нам все дороги поисков сошлись,
Нас, возмужавших в грозовые годы,
Учил Некрасов всматриваться в жизнь,
А Тютчев — постигать язык природы.

9 июля 1964

862. В БОРУ

В бору сосновом веет древней сказкой,
Гул тракторов чуть слышен сквозь туман.
Иду по тропкам, где бродил Пржевальский,
И нахожу становья партизан.

30 июля 1964

863

Пахнущая озоном дождевая вода
Теряет свой вкус и запах,
Когда ее собирают и запирают
В мертвые цементные резервуары.

Но, стоит ей только пролиться на землю
Или подняться паром в воздух,
К ней сразу же возвращается всё,
Чем она манила и радовала человека, —

Не такова ли и ты, поэзия!

6 ноября 1964

864

Поэт, не кичись, что вымел, как хлам,
Все грустные чувства в безудержном рвенье.
Никто не поверит твоим стихам,
Таким же унылым, как свет без тени.

15 ноября 1966

ПОЭМЫ

865. ВЕЛИКАЯ ЗАМЯТНЯ

Сдумали смоляне — черные люди — кузнецы, кожемяки, перешевники, мясники, котельники — пана Андрея согнати силою с города, а целование переступити; и нарединися во зброи и со луками, и со стрелами, и с косами, и с секирами и зазвонили в колокол. Пан же Андрей начал рядити с бояры смоленскими. И бояре ему мовили: вели, пане, дворянам своим убратися в зброи, а мы с тобою; чи лепше датися им в руки?

(Супрасльская летопись, 1440 г.)

ПРОЛОГ

Просверкали кривые татарские сабли,
Пронеслись быстроногие кони, пыля.
Обессилели русские земли, ослабли,
Чернобылом-травой зашумели поля.

Затухали пожары, а небо дымилось,
Что ни день — вырастали кресты у дорог.
И, когда до Смоленска орда докатилась,
Он ее отогнал, но себя не сберег.

Обезлюдевший город под шумные всплески
Гроз, бродивших окрест и не знавших удил,
Князь литовский Витовт приласкал по-соседски
И наместника в нем своего посадил.

Сам владыка — епископ сказал ему: «Буди
Нам заступником, княже, в годину невзгод...»
Но по-своему думают черные люди,
Городской, наторелый в ремеслах народ.

Им за город свой биться не раз приходилось:
В ратном поле — мечами, на вече — дубьем.
Их закон: никому не сдаваться на милость,
В каждом деле стоять до конца на своем.

И наместнику в княжеском замке не спится.
В город рвется весна, на Днепре ледолом.
Позовем же на помощь себе летописца
И навстречу Великой замятне пойдем.

1

Словно крыльями красной огромной птицы,
Замок тенью широкой зари накрыт.
В переходах поскрипывают половицы,
Плачут ржавые петли навзрыд.

Цедят сумерки запах сырой и горький,
Камнем сдавленная тишина тесна...
А за стенами замка, внизу, под горкой,
Крутит мутную воду в Днепре весна.

А за стенами замка шумят посады,
В золотистой дымке лежит простор.
Ян Гаштольд из окошка, как из засады,
Старый город рассматривает в упор.

Сейм сбирается. Надо спешить Гаштольду,
А Смоленск — будто рой разъяренных пчел.
Он в покоях скользит по ковру, как пó льду,
Опускается в кресла, как в утлый челн.

Темный свиток дрожит на его коленах,
Перечитанный трижды наедине,
И кусты золоченых рогов оленьих
Перед ним посвечивают на стене.

Сигизмунд Кейстутович повержен наземь,
Не смогла и медведица уберечь.
Кто-то сядет литовским великим князем,
Кто возьмет Гедиминов тяжелый меч?

Свидригайла? — Он будет держаться русских...
Казимир? — О, тогда у Гаштольда верх...
Кожаны прошумели. На окнах узких
Поздний отсвет вечерней зари померк.

Воевода вошел и поклон отвесил
У окованных медью тугих дверей.
Опершись на витые поручни кресел,
Встал наместник: «Есть новости, пан Андрей».

Пан Андрей улыбнулся, вздохнул умильно:
«Иль в поход собирается наша рать?»
— «Нет, меня на сейм призывают в Вильно,
Князя нового надобно выбирать.

В ночь под вербное княжичем Чарторийским
Сигизмунд Кейстутович в Троках убит.
Пусть же пан приготовится к смутам близким, —
Много черные люди таят обид».

Заскрипела спинка кресел резная.
«Пан простит, что не в пору к беседе зван.
Как на сейм я отправиться мог, не зная,
Что сбирается делать в Смоленске пан?

В город вести нахлынут, как вешние воды,
Только солнце пригрей — побегут скорей...»
И в глаза немигающие воеводы
Заглянул: что же думает пан Андрей?

«Пан Гаштольд, я — католик, я мертвым лягу,
Заровняю телами у замка рвы,
Но возьму у смоленских людей присягу,
Что они не отложатся от Литвы;

Что, кого литовским князем на сейме
Изберут, тот и будет смоленский князь,
Что епископ с боярами и со всеми
Горожанами примет его, склонясь,

Что, как прежде, мы городом станем править,
Господарской казне не будет потерь...»
— «О, на пана не страшно Смоленск оставить,
Я спокойно отправлюсь на сейм теперь.

Только, пан, величайшее из сокровищ —
Осторожность — да будет всегда при нас...»
Поклонился и вышел Андрей Сакович,
А Гаштольд не сомкнул до рассвета глаз.

2

Немало в Смоленске пришлого люда,
Тянутся к торгу со всех сторон.
Никто про Нечая не знал, откуда
В смоленскую землю явился он.

То ль из Новгорода, то ль из Пскова,
То ль из Москвы он пришел сюда,
Но меж смоленских людей такого
Мастера не было никогда.

Никто не держал с ним в чеканке спора
По меди, по золоту, по серебру.
В узорах его полюбили скоро
Цветов приднепровских и трав игру.

И если боярин подарком князю
Хотел угодить — то к Нечаю шел,
Чтоб кубок, украшенный хитрой вязью,
Поставить в свой час на широкий стол.

Братинами, сделанными Нечаем,
Купец отмечал прибыток большой...
Но, за уменье свое величаем,
Не возгордился Нечай душой.

И двор его близ земляного вала
Знал хорошо ремесленный люд.
Ни у кого на пирах не бывало
Бесед задушевней и слаще блюд.

Ни у кого не певались звонче
Песни волынщиков и гудцов.
Сидят в его горнице гости нонче
Со всех четырех смоленских концов.

И за столом, как поп за обедней,
Хозяин глядит, чтоб пили до дна.
Белеется в бороде его медной
Стружкой серебряной седина.

С ним рядом жена в сарафане камчатом,
В кокошнике из самоцветных камней.
Большая тарель с пирогом непочатым
И доброго меда кувшин у ней.

«Хлеба да соли откушать просим,
Горница в праздник гостем красна».
По зорям туманным, по теплым росам
На Красную горку пришла весна!

Свечи в шандалах дымят, и дымом,
Словно убрусом, кивот закрыт.
«За нового князя ковши подымем,
Чтоб милостив был!» — Нечай говорит.

Ковши над столами взлетели разом
И опустились к столам опять:
«Не ведаем, кто будет новым князем,
Кого нам в заздравнице величать?»

Разводит руками Нечай: «Смоляне,
Короткая ж память дана вам всем.
Вы крест целовали признать заране
Князя, какого б ни выбрал сейм.

И пусть он католиком будет ярым,
Не даст по обычаям русским жить, —
Клялись вы епископу и боярам
Верой и правдой ему служить;

Пусть ветер гуляет у вас по амбарам,
Наместника надобно ублажить, —
Клялись вы епископу и боярам
Верой и правдой князю служить.

Пусть станет пустынным и нелюдимым
Смоленский прославленный всюду торг, —
За нового князя ковши подымем,
Чтоб он к худобе нашей не был строг.

Мы знаем: за нас и за наши семьи,
За весь наш ремесленный черный люд
Бояре и паны сошлись на сейме
И князя себе по душе найдут!..»

Гончар Перемога насупил брови
И встал, как на круг, опершись на стол:
«Спасибо, хозяин, на добром слове...» —
И руку Нечая с ковшом отвел.

Стоя всю жизнь над гончарным кругом,
Стал Перемога, как глина, рыж.
Был он Нечаю старинным другом,
Дворы их сходились углами крыш.

На ставнях резьба, петухи на крыше,
Дворы, словно братья, в одно лицо,
Только Нечаев чуть-чуть повыше
Да понарядней его крыльцо.

Любили досуг разделить соседи,
Потолковать меж ковшей и чар.
И всё, что Нечай говорил в беседе,
Нес на торговую площадь гончар.

Где б ни был Нечай, Перемога рядом,
Он с торгу один не уйдет домой...
Гостей испытуя, окинул взглядом:
«Всем ведомо, я человек прямой».

«Известно, прямой», — подтвердили гости...
«Так вот вам прямые мои слова:
Кому времена пожалеть не пришлось те,
Когда город был сам себе голова?

Торговые площади опустели,
Травой зарастает гостиный двор...
И каждое утро, вставая с постели,
Дивлюсь я: как терпим мы до сих пор!

Прощаем обиды кичливым панам,
Иль вольный смоленский народ не тот,
С тех пор как его захватил обманом —
Колом земля ему — князь Витовт.

Я вижу — стоят и меды и брашна,
Благословляя весны приход.
Только кому из смолян не страшно
Вспомнить недавний проклятый год?

Мнится доселе: у каждой двери
Точит смерть лезвие косы.
По стогнам города бродят звери,
Мертвых таскают облезлые псы.

Голод, поветрие моровое
Дел и забот оборвали нить.
Стало не слышно бабьего воя,
Некому мертвых хоронить.

Круг свой гончарный я в Днепр забросил —
Хлеба из глины сделать нельзя.
Люди смоленские всех ремесел,
Куда вас чужая ведет стезя?»

И повернулись гости к Нечаю:
«Что ж ты, хозяин, молчишь? Отвечай!»
— «Добра от смиренья я сам не чаю, —
Сказал, расправляя плечи, Нечай. —

Весельем скудна, а тугой обильна
Судьба наша, словно полынь-трава.
Но светит нам даже во тьме могильной
Неугасимой лампадой Москва.

Пусть чуть мерцает она в тумане —
Русской душе отовсюду видна.
Нальем же ковши за Москву, смоляне,
И выпьем во славу ее до дна».

Шумят захмелевшие гости: «На вече
Мы завтра смоленских людей соберем...»
В шандалах чадят, догорая, свечи,
Над городом катится первый гром.

3

Над теплой землей, над водой шатучей,
Гоня тишину из города вон,
Плывет и качается медной тучей
Колокола вечевого звон.

Всё покрывая и всё заглушая,
Над городом ветры его несут.
Какая подкралась беда большая,
Над кем творить надо правый суд?

Кто с рогатиной, кто с секирой,
От всех калиток, от всех ворот
Валит и валит обойденный, сирый,
Народ, позабывший обидам счет.

Лица знакомые примечая,
Кланяется старикам Нечай.
Они пропускают вперед Нечая:
«Мы начинали, а ты кончай».

У церкви Бориса и Глеба вече,
Держит гончар Перемога речь:
«Посадят католика нам на плечи —
Обычаев дедовских не сберечь.

Заставили нас присягнуть обманом. —
И оглянулся по сторонам. —
Помыслить пора о себе смолянам,
Не люб воевода Сакович нам.

Из города путь указать ему бы,
Он жаден, как волк, хитер, как лиса.
Порядки Гаштольдовы нам не любы...»
— «Не любы!» — подхватывают голоса.

«А впредь его не пускать к нам близко б,
Город наш — вольности щит.
Пусть от невольной клятвы епископ
Властью владыки нас разрешит».

«Пусть разрешит! — повторяет вече. —
Нарядим серебренщика к нему.
Серебренщик знает, какие речи
Надо вести у него на дому.

Где ты, серебренщик? Выходи-ка,
Слушай смоленских людей наказ».
И поклонился Нечай: «Владыка
Не разрешит от присяги нас».

«Всем городом просим! — шумело вече. —
Владыка нам, сиротам, не лиходей...
Ступай, не отказывайся, человече,
И городу нашему порадей.

У всех урочищ, у всех становищ
Стонут смоляне и молод и стар...»
А в эту пору Андрей Сакович
Призвал епископа и бояр.

С площади шумной, шатая терем,
Клики несутся и ломятся в дверь.
«Город поднялся на дыбы зверем,
Не подступиться к нему теперь».

Сакович стоит, озираясь дико,
Кусает усы, расстроен и лют:
«Скажите ж, бояре, и ты, владыко,
Чем укротить непокорный люд?»

Бояре в ответ ему: «Ратным людям
Сброи надеть прикажи скорей,
А мы от тебя отставать не будем,
Мы не потатчики, пан Андрей!

Тебе будет худо, и нам будет худо,
Им всяк, кто в хоромах живет, не люб».
...И был у смоленского черного люда
С людьми воеводы великий ступ.

Еще не успел до хоро́м владыки
Посланный вечем дойти Нечай,
Как обернулся, услышав клики:
«Ратные! Сколько их — примечай!

И все-то на конях, и все-то в сброях,
И копья у всех, и у всех мечи.
А ну, под девятое бей ребро их,
За полы на землю волочи!

Маршалка ихнего пса Петрыку
В ограду церковную залучай!..»
Забыв про посольство и про владыку,
На людную площадь бежит Нечай.

И кажется — стала длинней дорога,
Бросились по́д ноги камни вдруг.
Нечай, задыхаясь, кричит: «Перемога,
Ты за меня угости их, друг».

От крови горячей земля вспотела.
«Пятинцы, крылошевцы, выручай!»
Споткнувшись, на чье-то мертвое тело,
Не добежав, повалился Нечай.

4

Луна по Днепру уплывает далече
В поемный простор голубых полян,
Маршалок Петрык донес, что вече
Он разогнал и смирил смолян.

У башни высокой темнеет Городня,
Небо — набитая звездами кадь.
Петрык смолян разогнал сегодня,
Но завтра сумеет ли разогнать?

Как бьются смоляне, он видел воочью,
На княжеский замок напасть грозят.
Не лучше ль из города скрыться ночью,
Пока кожемяками в плен не взят?

Никто не заступится за воеводу —
Не много смолянам сделал добра!
Камень привяжут и бухнут в воду,
В гости к русалкам на дно Днепра.

Вызвать оттуда будет бессильна
Княжеских труб и литавров медь...
Гаштольд, словно знал, торопился в Вильно,
На сейме куда спокойней шуметь;

Делить на поместья лучшие земли,
Перебирая со всех сторон.
А чем он хуже Гаштольда? Тем ли,
Что не был в заговор посвящен?

Он не поднялся так высоко, вишь,
Надо вперед ему быть умней...
И кличет конюших Андрей Сакович,
Велит поскорее седлать коней.

За стенами замка простор, на котором
Прямые дороги до Вильно лежат,
Крадется к воротам полночным вором
Сакович со свитой бояр и княжат.

Пусть Петрык ответит за всех смолянам,
А он умирать не согласен зря.
Назад поглядел. За косматым туманом
Над городом чуть занималась заря.

5

Когда из туманов зари, как из бани,
Теплый, дымящийся вышел день,
Воззвал Перемога: «Сбирайтесь, смоляне,
И каждый, кто может, сброю надень!

Пусть подвиги ратные вспомнит старость,
Юность возьмет боевой топор.
Волк убежал, но еще осталось
Волчье гнездо — господарский двор.

Гаштольдовы псы не нужны в сторожа нам,
Повадка не та, сноровка не та...»
Войти не могли помешать горожанам
Железом окованные ворота.

Открыли, рванулись под гулкие своды,
Топча беглецами забытый хлам.
В покоях наместника и воеводы
Лишь слуги, как совы, сидят по углам.

«Рухло им хозяйское бросить жалко,
Их бы на цепь посадить у дверей.
Нет воеводы, ищи маршалка,
Тащи на расправу его скорей».

«В Днепр его! — Стены дрожат от крика. —
Ждет водяной его много лет...»
Плетется, усы опустив, Петрыка,
И камень с веревкой несут вослед.

Первую зелень сады полощут,
Первые песни поют скворцы,
А черные люди спешат на площадь —
Котельники, шевники, кузнецы.

Не ждал Петрыка беды неминучей,
Победой хвалясь, пировал до зари.
Руки связали ему над кручей,
В омуте булькнули пузыри.

«Пусть накрывает на стол русалка,
Гостя, хозяин Днепра, встречай!
Нет воеводы и нет маршалка —
Быть тебе старостой нашим, Нечай.

Доколь не промыслим себе воеводу,
Опричь тебя некому бремя несть!»
Нечай до земли поклонился народу:
«Спасибо, Смоленск, за великую честь.

Гаштольд на Смоленск не забыл дороги.
Пусть каждый возьмет себе щит и меч.
Отныне велю: гончару Перемоге
Стены крепить и город беречь».

6

Королевича польского Казимира
Ян Гаштольд привез из Кракова сам.
Он не ждал с городами русскими мира
И без отдыха гнал по лугам и лесам.

От восхода солнца и до заката
Мчались кони, врезаясь в ночную тьму.
Что ж, что польский король, отпуская брата,
Всё про унию напоминал ему?

Говорил: «Ты будешь в Литве наместник,
Первый подданный польского короля,
Я с тобою посылаю вельмож известных,
Правь, труды и забавы с ними деля...»

Но Гаштольд не боится вельмож бывалых,
Королевич юн, а Гаштольд хитер.
Он в пути охранял его и на привалах
Разбивал для него узорный шатер.

Кто кого проведет — еще неизвестно...
Не веселят на Литве дела.
Но свое никому не уступит место
Ян Гаштольд возле княжеского стола.

Он успел поседеть, дожидаясь власти,
Жизнь сгибая, как лучник упругий лук.
И теперь разрубить себя даст на части,
Но не выпустит власти из цепких рук.

Над Литвой не одна пролетела смута,
Ян Гаштольд стоял в стороне от смут.
Но не стало упрямого Сигизмунда,
Лишь немилостив стал к нему Сигизмунд.

Прожитое, как запись дождей на бересте,
Он читает сквозь поднятый временем прах.
Пусть же в княжеском замке польские гости
Дни и ночи сидят на шумных пирах.

Льстит хозяйская ласка гордым вельможам,
Звон заздравных ковшей и трубная медь.
Похваляются: «Князя мы дать не можем,
Но наместника будет Литва иметь!»

Пусть! Еще не успеют окончить пира,
Как покои услышат иную речь,
Уж в соборе на княжеский стол Казимира
Посадили без них и вручили меч.

И в наставники дали, пока он молод,
Многоопытного Гаштольда ему.
Проклиная гостеприимный город,
Гости в Краков отъедут по одному.

А Гаштольд призвал к себе пана Андрея,
На Смоленск вести указал ему рать.
Усмехнулся Андрей: «Буду рад в Днепре я
Кожемяк да котельников искупать».

И пришел он к Смоленску с великой ратью,
И смолянам сказал: «Я стою окрест.
Возвращайтесь все к своему занятью
И князю на верность целуйте крест».

И ответили пану Андрею смоляне:
«Ты бежал из Смоленска, как тать в ночи,
А уж мы без тебя на досуге, пане,
Навострили свои топоры и мечи.

Как бы ни были трубы твои голосисты,
Не заглушат они старинных обид...»
И три раза Сакович ходил на приступ,
И три раза смолянами был отбит.

7

Нечай постарел от заботы многой,
Стал редким гостем в дому своем.
Лишь к ночи приходит он с Перемогой
Потолковать о делах вдвоем.

Шумит в узкогорлых кувшинах брага,
Друзья поднимают ковши и молчат.
Сыростью тянет со дна оврага,
Слышится писк молодых галчат.

Лунная нить на полу прядется...
Нечай говорит, на окно косясь:
«Значит, смоленского воеводства
Дорогобужский не принял князь?»

Вздохнул Перемога: «Напрасны просьбы! —
И брагой наполнил свой ковш литой. —
Литвы испугался, а ну как пришлось бы
Померяться силой ему с Литвой!

«Почто, говорит, побывавшим на сейме
Боярам своим не открыли ворот?
Вы сеете смуты великой семя,
Неведомо что от вас ждать вперед».

Тут мы, не стерпев, пошумели малость:
Бояре живут, по ветру клонясь...
Надежда одна у смолян осталась —
Юрий Лугвенич, Мстиславский князь.

Юрий на бранных полях широких
Свершил немало доблестных дел,
И слышно: за русскую веру в Троках
При Сигизмунде в тюрьме сидел.

По матери Юрью приходится дедом
Князь достославный Димитрий Донской,
Страх пред Литвою ему неведом...»
Нечай поглядел на него с тоской:

«Пусть в совесть, как в рог золоченый турий,
Каждый трубит, в ком душа жива.
Надежда смоленских людей не Юрий,
Надежда смоленских людей — Москва.

Она подымалась не раз из пепла.
Корчуя леса, города рубя,
Под черной бурей татарской крепла
И Русь собирала вокруг себя».

У Перемоги дрогнули веки,
Он поднял ковш и поставил опять:
«Не согласится Смоленск вовеки
Пригородком московским стать!

Мы в схватках себя не напрасно трудим,
Мы станем с Новгородом наравне.
Прогоним Литву и на вече будем
С князьями рядиться по старине».

Нечай за плечо его тронул: «Княжатам
Нужна старина, а не нам с тобой.
Долго ль Смоленску стоять зажатым
Между Литвой и между Москвой!

Не делать же город нам ратным станом,
Где всё на войну забирает князь.
Спокойно жить и дышать мы станем,
Только с Москвою соединясь.

Она оградит нас верней, чем стены
Крепости нашей, верней, чем вал...»
— «Не ждал я, Нечай, от тебя измены», —
Сказал Перемога и с лавки встал.

Рассвет заглянул в оконную прорезь,
Кочет прокрикнул: зорю встречай!
И, в первый раз с гончаром поссорясь,
Не вышел его провожать Нечай.

8

Как давно это было! С тех пор успела
Закурчавиться и поседеть борода...
Над ухом стрела пронзительно пела,
Горели посады и города.

Казалось, земля предана проклятью
В громе копыт и в звоне удил.
Из Москвы, окруженной татарской ратью,
В осеннюю полночь Нечай уходил.

Бег азиатских коней низкорослых
Три дня и три ночи он слышал везде.
Но был он молод, искусен в ремеслах
И верил своей счастливой звезде.

Думал — уйдет подальше от брани
И мирным займется своим ремеслом,
Серебряных кубков чеканя грани,
Сверкать заставляя каждый излом.

Душа, не привычная к ратным кликам,
В любимом труде обретет покой.
В Рязани, во Пскове и в Новгороде Великом
Он побывал с надеждой такой.

И дальше спешил сквозь тоску сорочью,
Покоя душа его не обрела,
Словно вонзилась татарской ночью
В душу отравленная стрела.

А небо чужое казалось льдиной,
Жгутами колючими секли дожди.
И понял Нечай: доколе единой
Не станет Русь — покоя не жди.

Не радуют звезд золотые подвески,
В тумане скрывается Млечный Путь.
Так очутился Нечай в Смоленске
И после скитаний решил отдохнуть.

Но привязала к месту усталость,
Женился Нечай и остался там,
И незаметно подкралась старость
С бессонной тоской по родным местам.

Он слышал: стрела татарская пела,
Горели посады и города.
Как давно это было! С тех пор успела
Закурчавиться и поседеть борода.

9

Юрий Лугвеньевич, князь Мстиславский,
К Смоленску с дружиной своей пришел.
Его горожане встретили с лаской
И посадили на княжеский стол:

«Живи с нами по старине, когда же
Подступит к городу лиходей,
Будь нам заступником верным, княже,
Живот положи за своих людей.

Отай не сносись ни с Литвой, ни с Польшей,
Вольности нашей не тронь перстом,
Чтоб нам не дождаться обиды горшей...»
И Юрий крест целовал на том.

Принял хлеб-соль на серебряном блюде:
«Я всё, что Литва отняла, верну...»
И были довольны смоленские люди,
Что с князем рядятся, как в старину.

Только Нечай, недовольный и хмурый,
Сказал: «Я за выбор смолян хвалю,
Но кумом Гаштольду приходится Юрий,
Братенником — польскому королю.

Потянет к родне он. К Литве да к Польше,
И горя смоленской земле не избыть.
Простите, смоляне, меня, но больше
Старостой вашим не мочен быть».

«Опомнись, Нечай! — говорили смоляне. —
Князь Юрий нам друг, за него не серчай».
— «Друзья познаются на поле брани», —
Ответил, мотнув бородой, Нечай.

«Ты клеплешь на князя! — кричали сзади. —
Порядки смоленские не любя.
Мы только былой доброты твоей ради
Из города не выгоняем тебя».

«Во Пскове я видел такие ж порядки,
Там любы они боярам одним...» —
Сказал и шагнул на толпу без оглядки,
И расступилась толпа перед ним.

Как старая кровь расходилась в теле,
Толкает и гонит вперед сама!..
Над городом темные тучи летели,
Цепляясь крылами за терема.

10

Журавлиные стрелы пуская в дали,
Осень свершала последний обход.
А в городе было тревожно. Ждали,
Что новая рать из Вильны придет.

Нечаю московская снилась дорога,
Поля и луга в предвечернем дыму,
И как-то в сумерках Перемога
Не вытерпел и завернул к нему.

Сказал: «Повинись перед другом старым,
Пусть ссора растает, как в полдень пар.
Князь Юрий нам крест целовал недаром,
В железы кует ненадежных бояр».

Нечай помолчал. «Ты слова мои вспомнишь,
Как двинут на город новую рать.
Если Москва не придет на помощь,
Вольности нашей не отстоять.

Наш город стоит, словно бор под бурей,
Народ в нем от войн куда поредел.
А что потеряет при этом Юрий, —
Удел? Он везде добудет удел.

В Литве и в Москве приживется под старость,
А мы доживем ли до светлых годин? ..»
И снова врагами друзья расстались,
И снова остался Нечай один.

Век прожит, и скоро ему, умирая,
Всю жизнь оглядеть придется кругом,
А он убежал из родного края,
Сожженного, вытоптанного врагом.

Кто родину бросил, тот недостоин
С предками рядом в могилу лечь,
Как трус, как оставивший поле воин,
Бросивший щит и сломавший меч.

Так чем же он бегство свое искупит,
Иль до кончины ему суждено
По капле изгнанья глухую тоску пить,
Как желчью разбавленное вино?

Жена у него не допросится слова,
Слезы утрет и вздохнет невзначай.
Себя самого, словно ворога злого,
Пытает в бессонные ночи Нечай.

Как беспокойный двойник, тревога
Бродит по темным тропинкам жил.
Чтоб отдохнуть от тоски немного,
Стать за работу Нечай решил.

Пусть утром услышит князь Юрья челядь
Отзвук наковальни во рву,
На память о родине вздумал сделать
Большую серебряную ендову.

Кремль московский, каким он с детства
Помнится, изобразить на ней,
Чтоб стоило только в нее вглядеться,
И стало теплей на душе и ясней;

Чтоб крикнуть хотелось: «Там лучше смердом
Быть мне, чем мастером славным тут...»
И в жизни ни разу с таким усердьем
Не принимался Нечай за труд.

Уже приближалась к концу работа
И мастер стоял на ногах едва,
Когда у дверей его крикнул кто-то:
«На стены! За древние наши права!»

11

В темном поле коней приглушенное ржанье,
Из оврагов туманы ползут тяжело.
Днем и ночью толпятся у стен горожане,
Позабыв, как домашнее пахнет тепло.

Гулко бухает колокол где-то во мраке,
Медный отгул плывет по затонам реки,
Не задремлют у дымных костров кожемяки,
Кузнецы, перешевники и скорняки.

Зорко смотрят в туман, головами качая:
Вражьей силы под городом невпроворот.
Перемога разыскивал долго Нечая
И нашел на стороже у главных ворот.

Подошел: «Ты прости голове моей дурьей,
Если в сердце старинная дружба жива.
Нынче ночью бежал из Смоленска Юрий,
Вспомнил я, только поздно, твои слова...

Звать на помощь Москву мы теперь опоздали,
А Смоленску Москва — словно брату сестра...» —
И замолк. Покатилась по небу звезда ли,
Или искорку ветер погнал от костра.

Разминаясь и руки озябшие грея,
Постоял у костра и сказал шепотком:
«Если город возьмут, то от пана Андрея
Нам придется отправиться в рай прямиком.

Уходи-ка, Нечай, от греха из Смоленска,
Я за время тебе приготовил коня...»
Но Нечай повернулся спокойно и резко:
«Ты и впрямь за изменника принял меня!

Сам, коль струсил, пускайся по княжьему следу,
А других не позорь, за собой не зови.
Кто на битву идет и не верит в победу,
Тот не воин, тот носит измену в крови».

«Ну, прости, то по дружбе сказал, сгоряча я,
Знал, что был на Москве твой родительский дом, —
И обнял за широкие плечи Нечая: —
Вместе жили и вместе в могилу сойдем!

Надо б выйти за стены мне. Там я по свисту
Стрел, вдогонку мне пущенных, мог бы узнать,
Собираются ль вороги наши на приступ
И куда поведут воеводы их рать.

Скоро полночь. Луна опускается зá лес,
До рассвета вернусь, если выберусь жив...»
И друзья троекратно облобызались,
Над щитами крест-накрест мечи положив.

Вдруг тоскливыми воплями турьего рога
Заметалась тревога. А мрак всё густей...
«Вот и приступ начался, — сказал Перемога, —
Принимайте, смоляне, незваных гостей».

А смоляне шумели: «Стена высока ли!
Каждый мог бы взобраться, да падает в ров...»
И из шлемов шишкастых огонь высекали
Лезвиями тяжелых своих топоров.

Но враги из тумана всё лезли и лезли,
И, казалось, ни краю им нет, ни числа,
Словно в полночь щетиной колючей, железной,
Напоенная кровью, земля поросла.

На стене заметались: «Держитесь, измена! ..»
Шел рассвет и над городом звезды гасил.
И Нечай с Перемогой в крови по колено
Побежали на зов, выбиваясь из сил.

«Ну, нарубим говяды, — шутил Перемога, —
Будут черти солить ее тысячу лет...»
— «Помолчи-ка, — Нечай оборвал его строго, —
В битве смертью шутить человеку не след».

И шатнулся гончар с помутившимся взглядом:
«Друг, прощай, на земле без меня не скучай...»
Оглянулся Нечай и свалился с ним рядом,
Он под тот же топор угодил невзначай.

ЭПИЛОГ

Зимний день отгорает с холодным блеском.
По первому снегу заря идет.
Ян Гаштольд отличившихся под Смоленском
Угощает маршалков и воевод.

За каждым столом, как велит обычай,
Хозяина чествуют: «Будь здоров!»
И хвалятся лучшей своей добычей,
Считают меха, куниц и бобров.

Андрей Сакович в молчанье гордом,
Что вот он в Смоленске опять наяву,
Принес и поставил перед Гаштольдом
Большую серебряную ендову.

«Работа серебренщика Нечая
Достойна украсить твой пирный стол».
Гаштольд оглядел ее, не отвечая,
И русскую надпись на ней прочел:

«Весельем скудна, а тугой обильна
Судьба наша, словно полынь-трава.

Но светит нам даже во тьме могильной
Неугасимой лампадой Москва».

«Срамить меня вздумал пред княжеским ликом,
В насмешку сию ендову подарил!..» —
И грянул о пол ее в гневе великом,
Как будто бы рядом с ним мастер был.

1940

866. АПРЕЛЬ

Евгении Цунской

ПОСВЯЩЕНИЕ

В русском городе, тихом и старом,
Встретил юность я рядом с тобой.
В этом городе дорог недаром
Мне на улице камень любой.

Пусть с годами мы сделались строже,
Но по-прежнему верят сердца,
Что на город родной мы похожи
Так же, как на родного отца!

Вне регламентов и расписаний,
Словно соли прозрачный кристалл,
Из туманных легенд и сказаний
Он в столетьях для нас вырастал.

Я глаза закрываю, и снова
Мне в землянке моей до утра
Снятся башни времен Годунова
Над зеленым затоном Днепра.

Там истории каждая дата
Ветром времени вьется у плеч,
Там с тобой поклялись мы когда-то
Верность верную в сердце беречь.

Там, предчувствуя радость сближенья,
Что ночной тишиной решена,
В первый раз я назвал тебя «Женя»,
Как теперь называю «жена».

Стало близким, что было далеко,
Как надежд моих давних звезда, —

Легкой поступью, с томиком Блока
Ты вошла в мою жизнь навсегда.

Словно вишня весенняя ветви,
Ты простерла мне руки, любя...
Было б мне неуютно на свете,
Если б не было рядом тебя!

От студенческих аудиторий
До становий косцов на лугу
Ты прошла с моей песней, в которой
Я дыханье твое берегу.

Есть у нашего времени свойство —
Охранять постоянство, и вот —
Ты открыла мне счастье отцовства,
Радость первых семейных забот!

Вдруг, как грома внезапным ударом,
Что родит отголосок двойной,
В русском городе, тихом и старом,
Мы застигнуты были войной.

Прежде чем мы успели проститься,
Наша юность сгорела дотла,
Лишь в ладонях осталась частица
Твоего золотого тепла.

Только разве я клятву забуду,
В небесах потеряю звезду?
Где б я ни был — искал тебя всюду,
Верил — должен найти и найду!

Мне глаза твои в душу глядели,
Голос твой провожал меня в бой,
Чтоб однажды в туманном апреле
Мог я встретиться снова с тобой.

1

Вышло всё необычно, странно,
Показалось сном наяву.
Телеграмму из Намангана
Вешний ветер принес в Москву.

И, привыкший к своей печали,
Словно к комнате обжитой,
Я поверить не смел вначале
Телеграмме нежданной той.

Я прочел ее дважды, трижды,
В прожитое перенесен.
Я просил ее: подтверди ж ты
Чем-нибудь, что это не сон,

Что я все возмещу потери,
Снова встретившись с той, кому
Жизнь свою я открыл, как двери
Открывают в родном дому.

С той, чье нежное имя «Женя»
Для меня звучало, как «жизнь»,
В ком надежд моих отраженья,
Как дороги в поле, сошлись.

С кем живой воды у истока
Всех страстей я испил до дна,
С кем безжалостно и жестоко
Разлучила меня война.

Это было в те дни, которых
Время в памяти не истребит.
Щеки нам затенил не порох
Первых битв, а горечь обид.

Горе шло дорогами всеми,
Задыхавшимися в пыли.
Потеряв и дома и семьи,
Мы Москву свою берегли.

Осень желтая шагом лисьим
Подбиралась к нам без дорог,
Каждый день ожидал я писем
И никак дождаться не мог!

И тревога в голос вплелась мой —
От кого еще ждать вестей!
Может быть, где-нибудь под Вязьмой
Потеряла она детей.

Может быть, где-нибудь под Гжатском
Пулей вражеской сражена...
Не пришлось на кладбище братском
Рядом лечь нам с тобой, жена.

Командир говорил: «Мужайся,
На войне дорога одна.
Вот и выбит враг из Можайска,
Отступил от Бородина.

Об заклад побиться готов я:
Не запеть еще соловью,
Как очистим мы Подмосковье,
Как найдешь ты семью свою».

Лишь рассеется дым сраженья,
Смолкнет гневный гул батарей,
Слышу голос знакомый... Женя!
Где ты, где? Покажись скорей!

Нет, не та... Догорали бревна
На околицах деревень...
Я ходил неприкаян, словно
Человек, потерявший тень.

Стала давняя грусть туманна,
Боль привычна, не так остра.
Вдруг из дальнего Наманганa
Телеграмму дает сестра.

Разбросала война по свету
Наших близких, нашу родню.
Я держу телеграмму эту
И боюсь: вот-вот уроню!

Словно окна дома родного
Засветили в наплыве тьмы.
Три таких долгожданных слова:
«Женя Батюшкове детьми».

Как узнала она, откуда —
Всё равно мне. Я рад вдвойне.
В путь! Там даже развалин груда
Обо всем поведает мне!

Женя в Батюшкове! Да это ж
От Можайска рукой подать!
Сбросив горе свое, как ветошь,
Чую ветер дорог опять!

2

Знает походный солдатский быт
Встречи короткие да расставанья.
Поезд отходит, битком набит,
Мерить весенние расстоянья.

Вот он назад оттолкнул вокзал,
Бросил охапку дыма на крышу.
Что-то сосед за плечом сказал,
Голос его, как сквозь сон, я слышу.

Здесь собеседник дорог любой,
Скука в дороге хитра, как сводня,
Только один на один с собой
Я бы остаться хотел сегодня.

В тамбур скорей выхожу. Тесна
Сердцу глухая дверная рама.
Светлой апрельской зарей весна
Встала, в глаза заглянув мне прямо.

«Брось, — говорит мне, — печаль утрат,
Иль ты не полностью отдал дань им?»
Что ж, я забыть об утратах рад
Перед обещанным мне свиданьем.

Правда, я думаю, что честней
Не забывать ничего, чтоб, снова
Встретясь с любимой, я сразу с ней
Самое нужное вспомнил слово.

Слово, которое, как зигзаг
Молнии черной, пронзает душу,
Слово, которое на слезах
Клятву скрепило. Ее ль нарушу!

Слабому духом не произнесть
Этого слова. Но мы — солдаты,
И на губах наших привкус есть
Жесткой полыни и мягкой мяты.

Это не доблесть и не вина,
Это как запах дыма в одежде...
Вот я к любимой спешу. Она
Разве таким меня знала прежде?

Разве теперь я ее найду
Той же, какая со мной рассталась,
Той, что являлась ко мне в бреду
С век воспаленных снимать усталость?

Знаю, пройдя сквозь войну и плен,
Будет не та, но такая ж родная,
У темных, просвистанных ветром стен
Всё, что пережито, припоминая...

Только в глаза мне глядит весна,
Этой бессонной ночи соавтор.
«Видно, взволнован ты?» — «Даже весьма.
Может быть, больше, чем нужно до завтра».

Вот и Можайск. Семафора взмах.
Запах карболки и хлороформа.
Мимо разбитых домов, впотьмах,
Нас, спотыкаясь, ведет платформа!

3

Попутную машину карауль,
Волнуйся, повторяя: «Как нескоро!»
Но близок фронт, и потому патруль
Тут остановит каждого шофера.

А мне патруль сочувствует. Он сам
Тоскует о семье своей доныне...
И снова ветерок по волосам
Бежит, спеша наперерез машине.

Здесь шли бои недавно, а сейчас
Апрельский воздух тишиной замешан.
От суеты дневной разгорячась,
Скворцы хлопочут у своих скворешен.

На взгорьях пробивается трава,
Затягивая раны и ожоги.
Вступает вновь весна в свои права,
Как в бой полки вступают по тревоге.

Я чувствую в руках знакомый зуд,
Когда хрипит машина от натуги.
Вот в кузницу колхозники везут,
Готовясь к севу, бороны и плуги.

К деревне подъезжаю сам не свой.
О нетерпенье, как ты сердце старишь!
Проверил документы часовой:
«Куда вам? В штаб?» — «Нет, мне к жене,
товарищ».

«Тогда налево, у колодца дом».
— «Я знаю, в нем живут переселенцы...»
Крыльца ступеньки одолев с трудом,
Я темные пересекаю сенцы.

Слова, что приготовлены в пути,
Вдруг очерствели, стали не своими.
Я, задыхаясь, шепотом почти,
Произношу тоски бессонной имя.

Оно, как птица на ладонях рук,
Еще трепещет на губах мгновенье.
И, кажется, смолкает сердца стук,
А время распадается на звенья.

И звеньям счет потерян. Я стою,
Быть может, час, быть может, миг короткий.
Я чувствую ее, я узнаю
Ее дыханье за перегородкой.

Вот вижу — тень качнулась на стене,
И, тени той прозрачной не тяжеле,
Она склонилась на плечо ко мне,
К моей щеке прижалась: «Неужели...

Ну, неужели это ты? Скорей
Скажи еще хоть слово, хоть полслова.
Но почему ты медлишь у дверей,
Как будто в путь сейчас уходишь снова?

Всё кажется, что не в своем дому?..
Зажгите свет! Иль нет, постойте малость!
Привыкни лучше в сумерках к тому,
Как постарела я!..» — И разрыдалась.

«Прости мне эти слезы, мой родной,
Я слишком долго ожидала встречи.
Я знаю, знаю, что не мне одной
Война взвалила груз тоски на плечи.

Но я боялась, что не хватит сил
Дождаться дня, когда мы будем вместе.
С пожарищ черных ветер приносил
Нам каждый день безрадостные вести.

Казалось, воздуха не стало тут,
Казалось, в мир опять вернулся хаос.
«Москва капут, советский власть капут», —
Твердили всюду немцы, усмехаясь.

И я была — родной мой, не вини —
Проклясть готова всех, что в дни печали,
Глухие к воплям горестной родни,
Перед врагом всё дальше отступали.

Рвались снаряды где-то вдалеке
И отгул боя слышался тяжелый,
Когда на милом русском языке
Подобрала листовку я за школой.

Прочла ее, в свой угол⟨ок⟩ придя.
Ну, значит, враг не так силен и страшен!
И я сквозь сетку плотную дождя
Увидела зубцы кремлевских башен».

И смолкла. Я дыханья не могу
Перевести. На мне ее усталость...
Она меня ждала, и я в долгу
За всё, что здесь ей вынести досталось.

Упасть бы на колени перед ней,
Сказать: «Тревогой не томись напрасной —
Ты никогда мне не была родней
И никогда ты не была прекрасней!»

Но входят наши девочки. Они
Встают пред нами, словно совесть наша.
Она берет их за руки: «Взгляни,
Как выросла Ирина. А Наташа?»

Я вглядываюсь в светлые черты:
Как обострил суровый этот год их!
Жена и мать! О, если б знала ты,
Как благороден был твой трудный подвиг!

4

Обхватила руками голову
И задумалась в уголке.
Стынут слезы, подобно олову,
На прохладной ее щеке.

«Вот и встретились мы. Ну, где ж это
Было видано, милый друг,
Чтобы всё, что в тоске пережито,
Отступило при встрече вдруг?

Ведь давно ль тут фашисты рыскали,
Била в уши чужая речь!
Всё твое — письмо ли, записку ли —
Нужно было от них сберечь.

Их зарыла у частокола я,
А любовь осталась в горсти.
Даже имя твое веселое
Вслух нельзя было произнести.

Но, бессонная и усталая,
Облетевшей листвы желтей,
Шепотком его повторяла я,
Прижимая к себе детей.

Пушки бьют всё ближе... Не папа ли
Нас от немцев спасти идет?
Может быть, он тут рядом, на поле,
И сигнала в атаку ждет!

Проберусь потихоньку в сени я,
Чуть мерцают зари края.
Где ты, где ты, мое спасение,
Отзовись мне, любовь моя!

Как бездомная птица, мечется
Неприкаянная тоска.
Возврати мне мое отечество,
Где и дальняя даль близка!

Где легко мне судьбу свою нести,
Только ты меня позови,
Дай увидеть мне город юности,
Город нашей с тобой любви.

Знаю, первый мне тополь в городе
Снимет веткой усталость с плеч.
Я взойду на крутые горы те,
Где с тобой ожидала встреч,

Где над поймами да над пашнями,
Всеми грозами обожжена,
Облака подпирая башнями,
Встала крепью веков стена.

На тропу у ее подножия
Легкой тенью паду я ниц.
Встану чище, сильней, моложе я,
Не снимая слезы с ресниц.

Сна отрадней и ярче вымысла
Этот день вставал для меня.
Может, я все тяготы вынесла,
Чтоб дожить до этого дня.

Видно, сердце — вещун, и вскорости
Возвратились наши, и мы
Перед ними раскрыли горести
Черной осени, злой зимы!»

Сжал я руку ее и чувствую,
Что весна стоит за дверьми.
«За любовь твою и за грусть твою —
Благодарность мою прими!»

5

Мы привыкли в походах
Шагать напрямик по полям
И тревоги и отдых
С друзьями делить пополам.

А друзей у нас много
На всех перепутьях, везде,
Где дымится дорога,
Где тянутся ветлы к звезде,

У костров на привалах
И на огневых рубежах,
Молодых и бывалых,
В пути проверявших свой шаг.

С ними черпали каской
Мы воду живую из рек,
С ними жизнью солдатской
Мы связаны крепко навек.

Пусть у этой квартиры
Мы встретились нынче впервой,
Принесли командиры
Сюда свой паек фронтовой.

Ради встречи, как русский
Старинный обычай велит,
Стол с вином и закуской
Вернул нам утраченный быт.

Все, как водится, сели,
Но место хозяйское — мне...
Так любовь новоселье
Справляет свое на войне.

И беседа легка нам —
Какой еще нужен уют?
Перед первым стаканом
Мне первое слово дают.

Я беру его, ибо
Я здесь и хозяин и гость,
Чтоб сказать им: «Спасибо
За праздник солдатский насквозь».

Чтоб сказать им: «Опять я
Армейских друзей узнаю,
Что на фронте, как братья,
Семью сохранили мою!»

И, старейший меж всеми,
Майор подымается тут:
«Что же, выпьем за семьи,
Которые всюду нас ждут.

Не остыть пепелищам
Сожженных врагом деревень,
Как подруг мы разыщем,
Навеки отметив тот день!

Пролетают снаряды,
Над утлым жилищем трубя.
Встань, хозяйка, мы рады
Сегодня поздравить тебя.

Так наполни стакан ты,
Скрепим эту краткую речь.
Ну, до дна, лейтенанты,
За первую встречу из встреч!

Ну, до дна, лейтенанты,
За верность подругам своим!
Ну, до дна, лейтенанты!
Мы близких своих отстоим!»

ЭПИЛОГ

Догадавшись, как много друг другу сказать мы должны,
Сон в глаза заглянул и на цыпочках встал у постели.
Так же трепетны руки, и губы, как прежде, нежны.
Кто посмеет сказать, будто мы на войне очерствели!

Май — июнь 1942

867. ЗЕМЛЯ

Повесть в стихах

ВСТУПЛЕНИЕ

В лесном краю, ничем не знаменитом,
Вдали от шумных городов и сел,
На недороды жалуясь ракитам,
Стояла деревушка Пустосел.
Угрюмо окна из-под стрех глядели,
За избами шумел болиголов...
Всю жизнь теснился на одном наделе
В той деревушке Тимофей Орлов.
Ел с нови хлеб, замешанный мякиной,
С плеч армяка худого не снимал,
И всё ж, гордясь фамилией орлиной,
Пред богачами шапки не ломал.
Шумело жито по чужим загонам,
Текло рекой зерно в чужой сусек,
А он твердил, что ни к кому с поклоном
Он не ходил и не пойдет вовек.
Шутил, бывало, глаз на солнце щуря:
«Мы родились не курам на смех тут.
Пусть на столе пустые щи да тюря,
Зато сыны орлятами растут.
Фамилии отца не опозорят,
Не всяк такую передаст сынам.
Вот подрастут — возьмут судьбу за ворот:
„А ну-ка, — скажут, — послужи и нам!“»
Ему и впрямь казалось: если рядом
Сыны с ним выйдут — сдастся им судьба.
И вдруг, глядишь: то скот подох, то градом
Побило в поле спелые хлеба.
Как будто прямо целил каждый шаг ты,
Ан на поверку — всё выходит вкось.
А тут и сына младшего на шахты
Совсем не в пору отпустить пришлось.
Случилось так, что перед самой Пасхой

Он вез дровишки из лесу домой.
На колеи поглядывал с опаской:
Снег у обочин пополам с водой.
«Не доберешься, — думает в тревоге, —
Пойдешь под лед в ложбине с головой».
Вдруг слышит окрик: «Вороти с дороги!»
Он обернулся: скачет становой.
Возок ковровый, кони, словно черти,
Постромки рвут, по сторонам косясь.
Над головой нагайкой кучер вертит:
«Посторонись, мол, если едет власть».
Но парень только поплевал в ладони,
Идет и даже не глядит назад.
«У вас, господ, покрепче наших кони,
Через любой овраг перелетят».
Да как завоет волком, озоруя,
Как рукавицей рваною тряхнет.
Рванули кони, засверкала сбруя,
Полозья взвыли, полосуя лед.
И зол, ой зол влетел в деревню пристав,
Дрожали губы, дергалась щека.
«Всех мужиков, — кричит, — десятский, выставь,
Схватить, связать и выпороть щенка!»
Ну, разговоры с приставом коротки,
Он в стане судит, как в своем дому.
Скрутили парня и при всех на сходке
Полсотни розог всыпали ему.
Пороли так, что вроде старой шубы
Шматками кожа сваливалась с плеч.
Не попросил прощенья. Только губы
Кусал, пока не перестали сечь.
Домой снесли. Семь дней лежал в постели,
Молчал и глаз не открывал почти.
Очухался на фоминой неделе
И враз к отцу: «На шахты отпусти!»
Отец не стал упрашивать остаться,
Знал, что обиды не забудет сын.
А старший будет за двоих стараться,
Когда в дому останется один.
Он похитрей и землю любит люто,
Его не сманят дальние края.
Да всё пошло навыворот...
Но тут-то
И повесть начинается моя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

1

Семен как будто не в своем рассудке
Слоняется в родительском дому.
Глядит, не видя, и вторые сутки
Не говорит ни слова никому...
Отец и так с ним говорил, и этак,
Но перестал, досаду затая.
Потом узнал случайно от соседок,
Что Чубуков зовет его в зятья.
Всего в хозяйстве много у Кирея,
А вот семья пошла на перевод,
Единственная дочь его, старея,
Всё примака обещанного ждет.
Но женихи, что были на примете,
Обзавелися женами давно.
Невеста не заглядывает в клети,
Где в сундуках слежалось полотно.
И сваху не приносит, как ворону,
Попутный ветер по́д вечер зимой...
Поприглядёлся Чубуков к Семену
И наконец зазвал к себе домой.
Не открывавший ничего задаром,
Не говоривший слова невзначай,
Водил Семена по своим амбарам,
Показывал — гляди и примечай!
Стоят в хлевах откормленные кони,
На них доедешь к господу на суд,
Как поглядишь, такие на иконе
Илью-пророка на небо несут.
В наборе полном прибранная сбруя,
Как праздничная — упряжь лошадей.
«И всё твое. Теперь вот-вот умру я —
Живи и безраздельно володей!
Подумай, если понимаешь дело.
Тебе отец не приобрел земли.
Вернется брат. Потребует раздела —
Надел последний надвое дели.
А счастье попадается не часто,
Его не прозевает, кто умен...»

Увидевши Киреево богатство,
Затосковал, позеленел Семен.
Дубовая посуда вырезная
Мерещилась ночами, и опять
Он Чубукова вспоминал, не зная,
Как разговор с отцом ему начать.
Язык отца к губам не приморозишь,
Как примерзает к берегу ручей, —
Он в жизни дал немало едких прозвищ
Фамилиям окрестных богачей.
А Чубуков всех богачей богаче,
Нигде охулки на руку не клал. . .
Не в масть отцу. Но так или иначе,
Сказать придется. И Семен сказал.
Старик на сына поглядел с усмешкой
И покачал упрямой головой:
«Зовет в зятья? Переходи. Не мешкай.
Ему работник нужен даровой.
Наверно, ко двору придешься. К месту.
В деревне всяк подумает — хорош,
Когда, отца бросая и невесту,
К нему за вековухою идешь».

2

Ой, по заре, над явором-травою,
Ты понапрасну девку не зови,
Что захлебнулась песней горевою
Всё о своей потерянной любви.
«Я к земле прикладывала ухо
И в ночи и на восходе дня.
Говорят, что девка-вековуха
Жениха отбила у меня.
На делянку выйду на мирскую,
Не возьму с собою ничего.
Расскажу кукушке, как тоскую,
Как люблю злодея моего.
Пусть она печаль ему накличет,
Что ложится нá сердце, как пласт.
Той порой, когда церковный причет
Жизнь мою разлучнице отдаст.
Не заставит никакая сила
На того глядеть из-за угла,
Для кого девичество носила,
Для кого я косу берегла. . .»

Вдруг слышит Настя, подобрался кто-то
К ней под окно высокое... «Семен».
— «Ты, как бывало, выйди за ворота», —
Таясь в тени, показывает он.
И стало сердцу девичьему легче, —
Ах, уж давно прийти ему пора.
Лишь полушалок бросивши на плечи,
Тихонько вышла девка со двора.
Еще не в силах выговорить слова,
Уж теплила надежду про себя,
Что ей Семен не сделает худого,
Что невозможно обмануть, любя.
Пусть станет слово каждое обновой
В счастливый этот в долгожданный час...
Но вот стоит он, к верее сосновой
Широкою спиною прислонясь.
Остановилась, заслонясь ладонью,
И отшатнулась девушка назад.
Ей показалось: так перед бедою
Да перед неминучею стоят.
Он стал совсем на мертвеца похожим —
Закрой глаза и причитай навзрыд...
«Как видно, спорить мы с судьбой не можем,
Нам покориться надо, — говорит. —
Сама ведь знаешь, золота на блюде
На свадьбе нам не поднесет родня.
Так в батраки идти придется, в люди
Нам сразу после свадебного дня.
А как женюсь на дочке Чубуковой
Да как продам на рынке коноплю,
Я сапоги с серебряной подковой
Не для нее, а для тебя куплю.
Не побоюсь соседок — старых галок,
Не пожалею серебра купцу:
„Ты выбирай для милой полушалок,
Да чтобы цвет пришелся ей к лицу“.
Приду к тебе, скажу: „Носи на счастье,
Беда не ступит на твое крыльцо...“»
Вся задрожала, выпрямилась Настя
И плюнула обидчику в лицо.

8

Вокруг столов ходил обходом частым
С бутылью четвертною Чубуков.

Родня невесты, хвастаясь богатством,
Швыряла девкам горсти медяков.
Родня не отставала женихова,
За словом слово шло «напереём»:
Какого, мол, работника лихого
За вашу вековуху отдаем...
И красные, как вареные раки,
Все расползались в темные углы.
Наверно бы, не обошлось без драки,
Когда б хоть лыко завязать могли.
Кирей боялся этого, но, к счастью,
Все, захмелев, плутали, как в пургу.
Жених сидел, посматривал на Настю,
Что заводила песни на кругу.
Ждал от нее чего-нибудь такого,
Что сразу всё перевернет вверх дном:
Уйдет из рук богатство Чубукова,
И лошади горячие, и дом.
Она крепилась. Только утомленно
Порой немного вздрагивала бровь.
Никто не замечал, а у Семена
Тогда внезапно холодела кровь.
Ему казалось: вытерпит едва ли
Всё, что ему известно одному.
Но вытерпела. Свадьбу отгуляли,
Семен остался в тестевом дому.
Входя в него, он бросил за порогом
Фамилию и прозвище отца.
Теперь, бродя по тестевым дорогам,
Он Чубуковым будет до конца.
И старику понравилась смекалка:
У зятя голова — не решето.
«Подписываю. Ничего не жалко —
Что правдой и неправдой нажито».
И подписал. Хотелося под старость
От вечного стяжанья отдохнуть.
Но жить ему немного оставалось,
Уж проторен был до погоста путь.
Сам кабана на похороны тестя
Убил Семен. Купил ведро вина,
И, помянув покойника, он с честью
Зажил в дому хозяином сполна.
Сначала осторожно, по старинке:
Не промотаться б, не надеть суму,

И ничего не покупал на рынке,
Что можно сделать дома самому.
Свои по дому заводя порядки,
Он и порядков прежних не корил,
Но потайные тестевы укладки
С рублями неразменными открыл.
Соседям в долг давал без разговора:
«Я завсегда, мол, выручать могу».
И выручал. И оказалось скоро,
Что полдеревни у него в долгу.
Он не любил напоминать о долге
И нагонять намеками тоску,
Но, сняв под лен у барина облоги,
Так, по-соседски, звал на толоку.
И каждый знал: свободен, не свободен,
А тут ступай, коль подошел черед.
И даже барин, господин Погодин,
Заметил: «Этот далеко пойдет!»

Глава 2

1

На скатерти уселся домовито
Самой хозяйкой вышитый петух.
А у Семена чашка недопита,
За разговором самовар потух.
Откуда что берется у шахтера,
Подумаешь — и голова мала.
Он говорит, что скоро, очень скоро
Начнутся небывалые дела.
Объявят повсеместно забастовки,
И всё пойдет по-новому с тех пор.
Об этом даже сказано в листовке,
Которую показывал шахтер.
Мол, по весне, как только перестанем
Зарей вечерней зажигать огни,
Махнут рукой из города крестьянам:
«Коленом в зад помещиков гони!»
Конечно, от помещичьих угодий
Отказываться вовсе не резон,
Но дело делать, судя по погоде,
Привык из осторожности Семен.
И хоть слывет он мужиком богатым,
Но, знаючи о времени таком,

Не загордился вовсе перед братом,
Что с Юзовки явился босиком.
Такого встретить на дороге узкой
Не пожелал бы ни за что Семен,
А тут пришлось и водкой и закуской,
Как гостя, ублажать со всех сторон.
Всё поначалу досконально вызнай,
До остального срок еще не мал...
«А ты, брат, худ, — сказал он с укоризной, —
Как видно, книжки натощак читал. —
Смахнувши крошки со стола рукою,
Вздохнул: — А я и от азов отвык.
Всё недосуг... Хозяйство вон какое...
Уж звал отца. Упрямится старик.
Ты б намекнул хотя бы к разговору,
Что он напрасно дом обходит мой».
И стало вдруг не по себе шахтеру,
Заторопился и ушел домой.

2

Зарей над полем лебеди кричали,
И спрашивала девка лебедей:
«Куда уйти мне от своей печали,
Куда бежать от участи своей?»
И лебеди над полем отвечали:
«Мы облетаем землю каждый год,
Но мы такого места не встречали,
Где без печали человек живет».
— «Что же делать мне, лебеди, я на свете одна,
Только тенью к ногам моим привязалась тоска.
Я б в реке утопилась, да вода холодна,
На сосне б удавилась, да сосна высока...»
— «И хорошо, что высока, спасибо
Ты скажешь ей когда-нибудь сама.
И речке тоже. Разве девка рыба,
Чтоб выходить ей замуж за сома?»
Ресницы Настя подняла устало.
В дверях стоит на цыпочках шахтер.
«Ты шутишь всё. Я от людей слыхала,
Что ты на это смолоду востер».
— «Ну, не всему, что слышишь, верить
можно, —
Сказал шахтер, шагнув через порог. —
Молва — она бывает ненадежна

И, словно ветер, ходит без дорог.
Конечно, и насмешкой беспокою
Я кой-кого, но только не тебя.
Обидно мне, что со своей тоскою
Сидишь ты, силы попусту губя.
А ты возьми тоску эту за горло
И, как собаку, от себя швырни. . .»
Настасья губы рукавом обтерла,
В глазах сухие вспыхнули огни.
«А может быть, тоской моей хочу я
Злодея до могилы довести —
Пускай казнится, голос мой почуя,
Пусть сторонится встречных на пути».
Шахтер взглянул на поднятые брови
И на глаза косящие ее.
«О, у тебя хватает жаркой крови,
Ты постоять сумеешь за свое.
Но знай, что от девического вздоха
Не повернется кверху дном земля,
А повернуть ее совсем неплохо,
Ах как неплохо, милая моя.
Вот для чего собрать должны мы силы,
И я, как друг, скажу тебе опять,
Кукуешь ты кукушкою унылой,
А надобно б орлицей клекотать.
Да так, чтоб молния в глаза плеснула,
И то б не закружилась голова. . .»
Не слышит Настя уличного гула,
Ей сердце жгут шахтеровы слова.

3

Поземка не закрутится седая,
С змеиным свистом заползая в зал, —
От мартовского солнца оседая,
Снег ноздреватым и тяжелым стал.
Ручьями, перекличкой журавлиной,
Того и жди, откроется весна,
И над рекой затопленной долиной
От звезд и ветра будет ночь тесна.
Тогда гляди, глазам своим не веря,
Как мир хорош за нашими дверьми,
И чувством, обостренным, как у зверя,
В себя дыханье каждое прими.
Иди в поля. Не думай о простуде,

Когда душа о чем-нибудь скорбит.
В такую пору молодеют люди,
Не вспоминают никаких обид.
Ведь человек на что-нибудь да годен,
А тут такое множество дорог...
Так каждый год встречал весну Погодин,
А нынче выйти из дому не мог.
Ему казалось — люди обалдели:
Грубит прислуга, пьяны кучера.
Один сосед сгорел на той неделе,
Другой сосед — сгорел позавчера.
Его удел — с другими одинаков.
Начнется — батраки не защитят.
Недостает лишь попросить казаков,
Да их и не хватает, говорят.
Всё на Руси не в пору и не в меру,
Всё — как на сумасшедшем корабле...
И он не прикасается к Вольтеру,
Не открывает старика Рабле.
Весна пугает, а она всё ближе.
Идет, не оборотится назад.
И по утрам в зеленоватой жиже
Барахтается на коленях сад.
На солнцепеке сухо. У забора
Подтаивает запоздалый лед.
Прислуга поговаривает: скоро
Деревня в гости к барину придет.
Нахлынет. Остановится у входа,
На разговор потребует сюда...
И он боялся этого прихода,
Как не боялся Страшного суда.
Она пришла — и шуму никакого.
Погодин был сначала удивлен,
Но увидал Семена Чубукова,
И веселее оглянулся он.
Подумал: «Этот бунтовать не станет.
А впрочем, больно жаден до земли...»
Семен поднялся на крыльцо:
«Крестьяне
К господской вашей милости пришли.
Наверно, вашей милости известно
(Погодина прошиб холодный пот),
Народ закуролесил повсеместно,
Выкуривает из домов господ.

Такое время нынче, ваша милость, —
Настанет вечер — и взовьется дым.
У вас душа, наверно, истомилась,
А мы поможем, мы освободим.
Мы землю бы у вас купить хотели,
А то у нас такая теснота.
Поди, на тощем проживи наделе,
Да без лугов, без корму для скота.
А вам земля обуза в эту пору,
В могилу прежде времени сведет...
По божеской цене без разговору
Мы купим всю. Иначе — зол народ...»
Погодин обтерпелся: «Я не спорю, —
И чуть заметно дернулось плечо, —
Крестьянскому помочь согласен горю,
А о цене поговорим еще».
Теперь он знал: Семен и в самом деле
Не бунтовщик. С расчетом торг ведет.
А мужики, не расходясь, галдели,
Толпились у распахнутых ворот.
Никто не ждал, чтоб на святой неделе
Могла деревня обойтись без ссор,
Но обошлось. До времени сидели
И за порог не выносили сор.
Огней не зажигали, а по хатам
Курили, набивая дым крутой.
Богатый шел, как водится, к богатым,
А беднота сходилась с беднотой;
Сходилися по двое и по трое,
Лишь окна заволакивала мгла,
И, для показу выпивку устроя,
Обдумывали сельские дела.
Выкуривают в целом околотке
Помещиков, чтоб не пришли опять,
А богачи дерут на сходке глотки,
Что, дескать, землю нужно покупать.
«Обшаривай, поди, пустые клети,
Не сыщешь ничего, хоть запали.
И Чубуков возьмет один две трети
Из-под руки у общества земли».
Шахтер резонно говорит, что надо
Усадьбу взять и, заложив коней,
Всю землю сразу запахать от сада,
А после межи проложить по ней.

И на задворках, в брошенном сарае,
Где лишь бродяги хоронились в дождь,
От жажды дела жаркого сгорая,
К шахтеру приставала молодежь.
«Василий Тимофеевич, когда же?
Махни рукой — и соберем народ».
Шахтер слегка подшучивает даже:
Терпенье, дескать, пылу придает.
«Не бойтесь, барам не дадим отсрочки,
Но дисциплины требует война,
И начинать нельзя поодиночке,
Когда вся волость выступить должна.
Так будьте все готовы, как солдаты,
И ненависть держите, как заряд,
Хоть в ночь,
　　　　хоть в полночь —
　　　　　　　　покидайте хаты,
Когда я дам три выстрела подряд».

Глава 3

1

Гроза прошла. Зеленоватый воздух
К деревьям липнет, влажный и густой,
И лопаются почки на березах,
В зарю стреляя первою листвой.
Трава растет, и слышно под ногою,
Как шевелится теплая земля.
Шахтер идет. Он знает, что другою
Весна грозой польется на поля.
Он побыл на погодинских владеньях,
Пощупал землю глазом молодым.
«До пяди всю возьмем ее без денег
И ни шиша Семену не дадим.
Сам по себе задумал отколоться,
Общественная ноша тяжела. . .»
Вошел в деревню. Видит, от колодца
К нему навстречу женщина пошла.
Зазнобушка Семенова? Настасья?
С недоброй вестью, видно и без слов!
«Идут казаки. . . Слышала сейчас я,
Что к старшине подался Чубуков.
Отрекшемуся от семьи орлиной,

Порушить честь ему убыток мал...
Спешит к начальству с головой повинной
За то, что смутой барина стращал.
Его давно узнала я: иуда,
Готов отца продать за ком земли...
Не жди казаков. Уходи, покуда
Они еще в деревню не пришли».
Шахтер махнул рукою: «Вот сорока.
И в самом деле принесет беду...
Казаки так казаки, но до срока
Я всё равно отсюда не уйду.
Казаками не испугают. Наша
Братва не поворачивает вспять.
По всей России заварилась каша,
Которую трудненько расхлебать...
Ну, прощевай, да не робей, молодка.
Пускай Семен живет своим умом.
Наступит время — долго ли, коротко, —
Его за жабры тоже мы возьмем».

2

Измаяны распутицей весенней,
Усталые казаки были злы.
Шахтера взяли в ночь под воскресенье,
Не подымая шуму, увезли.
Назавтра утром, в говоре грачином,
У старосты собрали стариков,
И наземь пал перед казацким «чином»,
И не хотел подняться Чубуков.
Но «чин» велел вставать ему: с дороги
Немного выпив, был еще не пьян.
«К таким, как ты, мы без нужды не строги,
Мы сразу видим — где и кто смутьян».
Семен стоял, в глаза не глядя людям,
Слова летели глухо в тишину:
«Что ж, старики, давайте вместе будем
Просить прощенья за свою вину.
Чего таить? Поверили вначале
Говорунам, обхаживавшим нас...»
Но старики по-прежнему молчали,
Не поднимая на Семена глаз.
Все думали: кого он хочет, идол,
Перехитрить на фокусе таком?
Кругом запутал, и шахтера выдал,

И хочет показаться простаком...
А «чин» казацкий, тяжело икавший,
Рукою показал через плечо:
«Эй, накормить березовою кашей!
Кому не хватит — подсыпать еще».
И не хватало прутьев на березах,
Пока весна побегов не дала.
По хатам разносили из-под розог
Исхлестанные намертво тела.
Рубцы солили и опять пороли,
Сосредоточенно, со всей руки.
Аж под себя мочилися от боли,
Но все-таки молчали старики.
И женщины не выли, принимая
Запоротых отцов и сыновей.
Завязывала ненависть немая
Морщины узелками у бровей.

3

В последний раз отец зашел к Семену,
Переступил последнюю межу:
«Я хлеба-соли у тебя не трону,
Твоей водою губ не освежу.
Я говорю — и слова не нарушу,
Во рту ему перегореть не дам.
Не братову одну ты продал душу —
Ты всю деревню продал господам.
Но помни, что не миновать расплаты,
Проклятья моего не превозмочь.
Я чувствую — горят мои заплаты
И не дают покою день и ночь.
Ты, если хочешь, донеси про это,
С урядником валандаться привык».
И за порог, не подождав ответа,
Шагнул неразговорчивый старик.
Суставы ноют, словно от ненастья,
А голова, как спьяну, тяжела.
Все сторониться стали. Даже Настя
Вслед за шахтером из дому ушла.
Свои наряды продала соседу,
С подругами простилась на ходу:
«Куплю билет, на Юзовку поеду,
Шахтеровых товарищей найду».

Глава 1

1

Постыло всё под небом невеселым
В поруганном и преданном краю.
Со всех сторон высоким частоколом
Огородил он пасеку свою.
Шалаш поставил посреди поляны
И до зари просиживал без сна,
Когда в лесу курилися туманы
И в шуме рек рождалася весна.
Под ней роняла птица оперенье,
Шерсть оставлял по логовищам зверь.
И Тимофей от самого рожденья
Всю жизнь свою припоминал теперь.
Как ни хитрил он на своем наделе,
Не мог стряхнуть извечной худобы,
Хоть за столом по сторонам сидели
Два сына — коренастых, как дубы.
Он их растил и ждал подмоги скорой,
Когда ж настала старости пора,
Он резал хлеб по-прежнему оборой
И щи варил — опять из топора.
Где ж сыновья? А сыновей и нету.
У них судьба — у каждого своя.
Давно ее разыскивать по свету
Из дому разбрелися сыновья.
На росстанях, обманчивых и трудных,
Простилися, надежды затая.
Один попал забойщиком на рудник,
Другой — к соседу богачу в зятья.
И разошлись с тех пор у них дороги,
И радости им встреча не дала,
Шахтер, по слову братнему, в остроге
Бедует за крестьянские дела.
Сам от другого отказался сына
И Каином навеки заклеймил.
И жизнь горька, как горькая осина,
И свет ему на старости не мил.
Остались только зори, что пропахли
Валежником, смолою и росой,

Да старый пень, где он в одной рубахе
Сидит — простоволосый и босой;
Где по утрам готовит для продажи
Посуду с незатейливой резьбой;
Где вспоминает молодость и даже
Наедине беседует с собой.
Пусть говорят, что с лешими он дружен,
Которым покоряются леса;
Что волк овцу несет ему на ужин,
Несет на завтрак курицу лиса;
Что сделался и сам он оборотнем
И выть ходил к Семенову окну,
Когда, таясь по темным подворотням,
Визжали псы от страха на луну.
Пусть говорят. Ему какое дело —
Нет настоящей дружбы меж людей:
Встать за себя деревня не сумела,
Шахтер в острог посажен, как злодей.
Так лучше дружбу завести с волками —
Те вожаков в обиду не дают. . .
И Тимофей следит за облаками,
Что день и ночь над головой плывут.
В неделю раз придет к нему старуха,
Оставит снедь, посуду заберет.
А лес шумит. . . Река бормочет глухо,
На солнце тучи движутся в обход.
Всё предвещает близкую тревогу,
В ветвях смолкает перекличка птиц.
В тоске он хочет помолиться богу
И падает, скрестивши руки, ниц.
Но нету слов молитвенно-просящих,
Они душе — как пресное питье. . .
Гроза идет. . . Дубы ломает в чащах
И гонит ошалевшее зверье.
И, все четыре ветра призывая,
Он подымает руки от земли:
«Огнем небесным, туча грозовая,
Неправедную землю опали! . .»

2

Тяжелый сон приснился Тимофею
От одиноких дум его в ночи.
Он видел — петлю крепкую на шею
Накинули шахтеру палачи.

Забили барабаны, оглушая...
И, просыпаясь, вскрикнул Тимофей:
К порогу приближалася большая
Тень человека меж густых ветвей.
«Отец, с тобою никого здесь нету?»
Старик метнулся и глаза протер:
«Ты не с того ко мне явился свету?»
— «Почти», — ответил шепотом шахтер.
— «И не во сне?»
Шахтер махнул с досадой:
«Сейчас увидишь сам, что наяву».
— «Ну, коли так, то заходи, обрадуй.
Садись сюда. Поближе. На траву.
Дай поцелую. Жив остался, значит?
Да ты постой, не смейся надо мной,
Я думал, ворон над тобою крячет...
Сегодня мне приснился сон дурной».
Шахтер привстал: «Нас нелегко повесить
На площади под барабанный гром:
Сперва — из тюрем убежим раз десять,
А после — за границу удерем.
Так мне пора. Кричат, ты слышишь, выпью?
То ждут меня товарищи в лесу...
Ну, дай воды. Перед дорогой выпью.
А то я жажду с вечера несу.
Не унывай, живи... — И напоследок
В горячий лоб поцеловал отца. —
Подбадривай соседей и соседок,
Скажи, что ждать недолго до конца».
И скрылся. Словно потонул в тумане
И воздух весь унес из шалаша...
Старик бродил до солнца по поляне,
Травою влажной на ходу шурша.

3

Уже июнь. Пестреют земляникой
На солнцепеке бурые бугры,
И слышно в полдень в тишине великой,
Как пот сосновый капает с коры.
И запах трав, и душный запах воска —
Всё предвещает близкий сенокос.
В такую пору ветер с перекрестка
До Тимофея голоса донес.

Три человека вышли на поляну
И поклонились низко до земли:
«Мы, Тимофей, без всякого обману
За добрым словом до тебя пришли.
Нас мир послал к тебе просить совета,
Послушать нашу речь не откажись.
Лишь ты один поможешь, и за это
Спасибо будем говорить всю жизнь.
Так выслушаешь?»
                    Тимофей сначала
Стер липкий пот с горячего чела
И бороду расправил, где жужжала,
Полдневным зноем полная, пчела.
Пчела взвилась. И за полетом смелым
Он наблюдал, довольный им вполне...
«Ну что ж стоять? Когда пришли за делом,
Прошу в шалаш пожаловать ко мне.
Теперь в тени спокойней посиделки,
В жаре язык становится тяжел...»
И теплый мед в берестяной тарелке
Гостеприимно выставил на стол.
Уселись все на старые обрубки
И порешили — это неспроста.
Оглядывались, разжигая трубки:
Не видно ли какого колдовства.
Везде трава на полочках лежала,
Ручные тараторили скворцы.
Кружились пчелы, никого не жаля,
И разлетались в разные концы.
А он вздохнул и оглядел сердито
Потевших в ожиданье стариков:
«Спасибо миру... Коль не всё забыто,
Так говорите, спрос у вас каков?
Обсудим всё, как следует, на совесть —
До вечера дороги далеки...»
И сел на место, слушать приготовясь,
Какую быль расскажут старики.
Но старики взглянули друг на друга
И опустили бороды опять:
«Сам, дескать, знаешь, как живется туго,
И где простор? Простору не видать...»
— «В мошнах у нас не деньги, а каменья
Да трут, чтоб ночью высекать огонь.
А тут Погодин продает именье

С лугами, с пашней, ровной, как ладонь.
К нему — что день, то новый покупатель,
Да всё купцы из города идут. . .
Подумай, землю упускать нам кстати ль?
По ней всё сердце выболело тут.
Тягаться с ними на торгу не можем,
Когда они не отойдут добром.
Наделы в банке все свои заложим —
И все-таки грошей не соберем. . .»
Встал Тимофей: «На узенькой дорожке
Засесть в овраге темном и глухом
И, задержав купеческие дрожки,
Пугнуть маленько красным петухом.
И хватит с них. Уедут без оглядки
Да славу разнесут во все концы:
Иметь соседей этакой ухватки
Не захотят смышленые купцы.
За ними не погонится Погодин,
И так немало напугался он. . .
А если вам совет мой не угоден,
Тогда пускай советует Семен».

Глава 2

1

От дум ночных отяжелели веки,
Семен приподымает их с трудом. . .
Наполнены зерном его сусеки,
И разной утварью наполнен дом.
Не яловеют никогда коровы,
Приносят кобылицы жеребят,
В работе битюги его здоровы,
На всю деревню кочета трубят.
Закрыты ночью наглухо ворота,
Повешены немецкие замки,
Но нет ему в деревне разворота —
Луга далеки, полосы узки.
С таким хозяйством разрывайся летом,
Накапливай досаду до поры,
Хотел посеять клеверу, да где там, —
Мир не согласен занимать пары.
А кто в миру? Он подымает брови.

Ну, кто в миру? Пускай рассудит бог.
В закутах держат по одной корове,
И те весной не подымают ног.
Оно, конечно, при его достатке
Сам старшина ему слуга и друг,
Какие хочешь наведет порядки
И языки привяжет всем вокруг.
Но все-таки крепись, иди на сходку,
Подпаивай крикливых стариков;
Чуть что — давай уряднику на водку,
Он даром не поедет, не таков.
Эх, поскорей бы только отделиться,
Поставить на отшибе хуторок.
Кругом шумит хозяйская пшеница,
Дымится поле, вспаханное впрок.
Живи один средь клевера и гречи,
Не ожидая никакой беды.
И он молчит. Его скупые речи
Заметаны, как заячьи следы.
Деревня беспокоится: к оврагу
Ведет на сходки петушиный зов.
Но со своим прошением бумагу
Он тайно бережет у образов.

2

Ждет Чубуков: соседи соберутся,
Широкий стол для ужина накрыт.
Горячий чай потягивая с блюдца,
Он с ними по душам поговорит.
Вот и они. Скрипят шаги как будто.
Залаял пес. Тот не обманет — строг.
Он лампу взял и, повернувшись круто,
Широким шагом вышел за порог.
Гуськом валили в горницу соседи,
Крестились, озираясь со двора,
А бороды — все, как на выбор, седы,
Не бороды — охапки серебра.
Держали их с достоинством, известно,
Как важные медали на груди.
С такими сядешь на любое место —
На сходку ли, на праздник ли приди.
Семен еще не отрастил такую,
Но он и здесь перехитрил народ:

Идя на сходку шумную, мирскую,
Вел за собою несколько бород.
Сейчас он рассадил их по-хозяйски,
Чай разливал и сахар подносил.
«Не заслужил ничем я вашей ласки,
А без нее я, словно червь, без сил.
Хочу просить вот выдела на сходке,
Чтоб, не мешая никому, пожить,
А там... у крикунов большие глотки,
Откуда только набирают прыть?»
— «Тесниться что ж, на выдел, так на выдел», —
Потупили глаза бородачи.
И про себя вздохнули:
каждый видел,
Что этот к миру подберет ключи.

Глава 3

1

Еще рубцы не зажили на теле,
Еще в глазах огонь метался злой,
И мужики поверить не хотели,
Что не придется завладеть землей.
Казалось, встанут все деревни разом
И никакая порка не страшна.
Но с новым императорским указом
Приехал на деревню старшина.
Прислушиваясь к говору с опаской,
На стражника взглянул из-под бровей:
«Внял государь мольбе нашей крестьянской
В неизреченной милости своей.
Чтоб дать простор мужицкому старанью,
Позволил выходить на хутора.
Кто голову имеет не баранью,
Тот никогда не будет без двора...»
Семен обдернул новую рубаху,
Что как лубок топорщилась на нем:
«По слову государеву, без страху,
Давайте жить по-новому начнем.
Сам государь печаль нашу увидел,
Все до земли поклонимся ему.

А я прошу пустить меня на выдел
И отвести участок одному.
Возьму загон к погодинским облогам,
На нем земля такая ж, как везде.
Поставлю двор на бугорке, за логом,
И будет близко — к лесу и к воде. . .»
Тут старики все разом загалдели,
Посыпали, как об стену горох:
«Чего его держать, на самом деле,
Какая польза миру от облог?»
— «А со скотом куда прикажешь деться?
Велишь продать или прирезать весь?
Мир не желает твоего соседства,
И ты ему наперекор не лезь».
— «Деревня испокон веков снимала
У барина облоги под распас.
А ты не сыт, тебе еще всё мало,
Ты хочешь душу вымотать у нас? . .»
Но старшина повел глазами строго
И бороду собрал в пушистый ком:
«Вы опоздали, старички, немного —
Семен купил облоги. Целиком».

2

По всей деревне, с края и до края,
Несется эхо из-под топора.
Глядишь — там крыша снесена с сарая,
Там — половина сломана двора.
А там, втянув ссутуленные плечи
И опершись на бабки тяжело,
Стоят дождем иссеченные печи,
Отдавшие последнее тепло.
Весь день ползут подводы и в тумане
Ныряют за высокие холмы:
На новые усадьбы хуторяне
Спешат переселиться до зимы.
Семен не спит. Как проклятый, хлопочет,
Бессонным взглядом нагоняет страх.
Пропеть зарю не успевает кочет,
А он уж по-хозяйски на ногах.
Он видит всё и поспевает всюду,
Как бык силен, настойчив и сердит.
Сам нагружает на возы посуду,
Сам за работой плотников следит.

Он округлил со всех сторон участок,
Соседние скупая хутора,
У тех, кто от неурожаев частых
Давным-давно остался без двора;
У тех, кто был в своей деревне лишний,
На чьих полосках — тесно бороне,
Кто собирался место позатишней
Найти в сибирской, дальней стороне,
Где нарезают землю «по закону»,
Где хватит места каждому в степи. . .
И шли они, и шли они к Семену,
Всей худобою кланялись — купи. . .
Он всё в уме расположил, заботясь,
Чтоб все постройки были на виду;
Указывает, где копать колодец,
Где строить баню и где быть пруду.
Не отстает от плотничьей артели,
Поставить обещает полведра:
Боится, что закрутятся метели
И до весны оставят без двора.
А пес-подрядчик тянет за обедом:
«Не поскупись и на ведро положь.
Достаток твой кому из нас не ведом,
Не хуже, чем Погодин, заживешь. . .»
Семен ворчит, в глаза ему не глядя,
Колючими усами шевеля:
«Погодин что? Погодин — барин, дядя,
Ему не открывается земля.
Земля ему темна, старик. . . Ну, то есть
Как в половодье мутная река;
В работе верит батраку на совесть,
А нам известна совесть батрака.
Батрак не вспашет поле без огреха
И не посеет хлеба без дерьма,
А барин удивляется — потеха, —
Что не вернул посевов в закрома».
Подрядчик усмехнулся и посуду
Пустую отодвинул от руки.
«Что ж, — говорит, — завидовать не буду
Тому, кого наймешь ты в батраки».

Глава 1

1

Четыре года девка пропадала,
Не подавала никаких вестей.
И, возвратившись, радостного мало
Увидела на родине своей.
Шумит над речкой желтая осока,
Трясинами зажатая с боков,
А надо всем, поднявшийся высоко,
Заламывает шапку Чубуков.
Затем ли, девка, шла ты по дорогам,
Дубовые трепала башмаки,
Чтоб стать перед родительским порогом
Как яблоня бесплодная с тоски?
Чтоб на ветру пастушеской жалейки
Услышать снова голос горевой,
Как собирались пташки канарейки
Поплакать над бедовой головой?
Иль для тебя на свете места мало,
Иль ты вернулась в этот гиблый край,
Иль слово наговорное узнала,
Что превращает камень в каравай?
Шахтер принес давно такое слово,
Да богачи проведали о том,
Связали, словно лиходея злого,
И каторжным отправили путем.
Но ждут его и в вёдро и в ненастье,
Встают ночами: не стучит ли в дверь?..
Скажи, Настасья, не таи, Настасья,
Ты не встречала ль где его теперь?..

2

Прикрыв глаза ладонями от света,
Приглядывался долго Тимофей,
Потом вздохнул:
                                        «Тебя я видел где-то,
Да не могу припомнить, хоть убей.
Была когда-то на тебя похожа
У нас в деревне девушка одна,
Настасьей звали. Весела, пригожа,

Сидела часто у меня она.
Душевная, скажу тебе, девица.
Придет, бывало, спросит, как живу.
Теперь она во сне мне только снится,
А хочется увидеть наяву».
— «Вот и гляди, — не утерпела Настя
И, рассмеявшись, бросилась к нему, —
Чтоб отогнать подальше все напасти,
Уж я тебя покрепче обниму...
Стой, стой... Я за себя и за шахтера,
Всем, кто хотел сгубить его, назло...»
— «Да ты и вправду — Настя... Вот умора!..
Тебя каким же ветром принесло?»
— «Каким? Попутным. Он без остановки
Меня домчал дорогою прямой.
На паспорт — штемпель после забастовки
И по этапу. К матери. Домой».
— «А где ж шахтер?»
— «Шахтера по поселку
Всю ночь искали, не могли сыскать,
Он не полезет на рожон без толку,
А надо будет — явится опять».

3

Как растянул-тянул меха гармошки
Да через всю деревню гармонист,
Так распахнулись сразу все окошки,
И звезды с неба покатились вниз.
«Ты не ломайся, Настя, сделай милость,
Ступай пройдись по кругу налегке,
Ты покажи, чему ты научилась
На том своем далеком руднике».
И смолкли все. Закат высокий застя
Цветным за плечи брошенным платком,
На середину круга вышла Настя,
Чуть тронула дорогу каблуком.
Руки в боки уперла,
Черной бровью повела,
Карим глазом подмигнула
И пошла, пошла, пошла.
«Ах, о чем бы мне спеть,
Чтоб потом не пожалеть?
Что подскажет мое сердце,
То и буду петь!

Не про нас ли люди бают-говорят,
Не меня ль богачки хают и бранят,
Все корят, что я куделькн не пряду,
Тонкой нитки под лучиной не веду.
Я попряла б, да куделька вся,
А лучина — запалить нельзя.
Не хочу я под лучиною сидеть,
А хочу милу дружку в глаза глядеть.
Полюбила соколика-сокола,
У него да ни двора, да ни кола.
Улетел он, мой соколик, в белый свет.
Мир широк, да только нам в нем места нет.
Только нам, куда ни сунься мы, беда,
Ах, и что ж я буду делать, молода?
От соколика отстать я не хочу,
За соколиком я следом полечу.
На земле и под землей его найду,
Темной ночью из острога уведу.
Схороню его от всех недобрых глаз...
Вот и вся моя вам песня, весь мой сказ.
Я пропела, как умела,
Не суди, честной народ.
Если есть тут соколята,
Так поймут, где сокол ждет!
Без него тут по лужочкам
Не трава, одно былье...»
...И, обмахнувшись вышитым платочком,
Пошла на место прежнее свое.
«Ай да шахтерка», —
Грянули ребята.
«Ай, девка-бой», —
Отозвались в кругу...
К грозе дымились отблески заката
За речкой на поемном берегу.

Глава 2

1

Гордясь своей нарядною отделкой,
Поднялся дом меж четырех дорог.
Крыльцо украшено резьбою мелкой,
И над крыльцом посажен Саваоф.

Вокруг него — небесные светила,
Какие мастер в памяти открыл;
Вокруг него — вся ангельская сила,
И каждый с ношей деревянных крыл.
На зависть всем проезжим и прохожим,
О сытости хозяйской говоря,
Посвечивают вечером погожим
Наличники на окнах, как заря.
Откуда ни посмотришь — благолепен
И для души покоен вышел дом.
Осталось только отслужить молебен
И на просторе поселиться в нем.
К попу Семен уж заглянул намедни,
Свой человек он у попа в дому.
На тройцын день, управившись с обедней,
Прикатит батька прямиком к нему.
Но — поп потом, а чтобы величаться
Пред ним не смел бездельник-самохвал —
Всё волостное главное начальство
Семен на торжество свое позвал.

2

Еще с утра от жареного мяса
Щекочет ноздри сладковатый дым,
Тяжелый гусь, в печи перетомяся,
Весь пропитался жиром золотым.
Всё для обеда щедрого готово,
Семен устало вытирает пот:
«Неужто старшина не сдержит слова
И праздником моим пренебрежет?»
Но старшина не пренебрег Семеном —
Они же с ним старинные друзья. . .
Остановился у ворот со звоном,
Попа из церкви прямо привезя.
Семен метнулся по холодным сенцам
И задрожал на оклик бубенца.
Жена с ковригой, с чистым полотенцем
С хозяйской лаской встала у крыльца.
Поп соскочил проворно с таратайки,
С подрясника отряхивая пыль,
И, руку дав поцеловать хозяйке,
Накинул на ходу епитрахиль.
Урядник слез, поддерживая шашку,
Чтоб не болталась по земле она.

За ним, в поддевке синей нараспашку,
Сошел длиннобородый старшина.
«Скажу по правде: воздух тут целебен,
Хозяйский ум достоин похвалы. . .»
Поп по обряду отслужил молебен,
Святой водою окропил углы.
И сели все, не торопясь, по чину,
Равняясь по высоким образам.
Настойкою полынной для почину
Хозяин рюмки им наполнил сам.
Сам подал в руки каждому с поклоном,
Не поскупясь на слове золотом. . .
Их подымали, поклонясь иконам,
За новый хутор и за новый дом.
И, над закуской выгибая спины,
Чтоб оказать хозяину почет,
Считали опустевшие графины,
Но очень скоро потеряли счет.

Семен

Подъемлем, батя?

Поп

Я благословляю.

Семен

И повторим?

Поп

Опять не откажусь.

Семен

В честь тройцы третью?

Поп

Я обычай знаю,
На нем стоит издревле наша Русь. —

И рюмки опрокинули с размаху,
Одним глотком опорожнив до дна.
Икнул и тут же расстегнул рубаху,
Разгорячась от водки, старшина.
Урядник тут же подмигнул Семену:
Сейчас, мол, распояшется старик,
И шпорами малинового звону
Ударил, рассекая половик.

А старшина, отрыгиваясь туго,
Стол обошел на ощупь, как слепой.
«Семен, ты где?
Семен, ты слышишь друга?
Развесели, „Во лесике“ запой!»
Семен перекрестился: «Вот икона,
За ласку да за доброту твою
Нет для тебя отказу у Семена —
В огонь пойду, не то что запою
„Во лесике“».
И, опустивши веки,
Облокотясь по-бабьи на столе,
Он вспомнил всё, что схоронил навеки,
Чего теперь не купишь на земле.
«Не во лесике ли лес трещит,
Не мою ли жену черт тащит?
Бьет копытом, перетаскивая:
„Вот тебе, жена неласковая!“
У меня жена сварливая,
Бестолковая, бегливая.
Под дождем холсты развешивала,
На свинье в село езживала.
Подъезжала ко святым воротам,
Поклонялася поповским бородам,
Подносила им кусок пирога,
Угодила прямо к черту на рога.
Пусть уносит ее черт поскорей,
Постучуся я к соседушке моей:
„Уж ты шутиха-машутиха моя,
Полюби-ка ты, утешь-ка ты меня! . .“»
Последний раз в глазах метнулась искра,
И старшина поднялся как гора:
«Налей, Семен, за первого министра,
Что выход указал на хутора.
Тебе, Семен, я говорю как другу:
Замечены шахтеровы следы.
Теперь отец смущает всю округу,
Как раз и ты с ним наживешь беды.
Сидит на пчельне у себя, как леший,
Оттоль его не выкуришь огнем.
Уж становой запрашивал депешей —
Что по начальству доложить о нем.
Его бы взял ты под свою опеку,
В хозяйстве дело сыщется ему.

И несподручно было б человеку
В сыновьем привередничать дому».
Семен развел руками: «Аль мне жалко
Под старость дать родителю кусок?
Да вот попробуй дай. Иссох, как палка,
А не попросит: «Пособи, сынок!»
Весь околоток знает привереду.
Не про отца будь сказано: упрям!
Но я смирюсь. Я сам к нему поеду,
Поговорю, а то и вправду срам».

3

В бору тоскуют глупые кукушки,
Считая чьи-то скучные года.
Семен коня оставил у опушки,
Ища к отцу на пасеку следа.
Отец стоял под старою березой,
От шалаша немного в стороне,
И головой встряхнул простоволосой,
Его шаги услышав в тишине.
Семен калитку шаткую откинул,
Сама на прясло оперлась рука.
«Дозволь войти непрошеному сыну. . .»
— «Входи», — ответил голос старика.
Семен вошел, и посредине луга,
Где в полдень ходят пчелы колесом,
Глазами смерив издали друг друга,
Остановились молча сын с отцом.
«Ну как, отец?» — сказал Семен сурово.
«Да так, сынок», — ответил Тимофей.
Потупились и замолчали снова —
Был занят каждый думою своей.
«Твои, старик, покою просят кости, —
Вздохнул Семен, — такие уж года. . .
Поедем, что ль, ко мне на хутор в гости,
А коль привыкнешь, так и навсегда.
Земля далась мне, слава богу, в руки.
Есть где посеять, есть что и пожать.
Хочу вести хозяйство по науке,
Как надо жить, соседям показать!
Вот ты бы и помог мне по-отцовски,
Забудем все обиды, и — шабаш. . .»
— «Да ты бы постыдился хоть березки», —
Старик отрезал и ушел в шалаш.

Глава 3

1

В тот год луга, как на беду, шумели
И зарастали буйною травой.
Был сенокос горяч, и по неделе
Не возвращались косари домой.
Семен наполнил сеном два сарая,
А половину луга не скосил,
И каждый день, поденку собирая,
Покряхтывал от недостатка сил.
Управиться хотелось за погоду,
Не дать траве засохнуть на корню. . .
И приходилось кланяться народу,
Как в поле непокорному коню.
И посмотрел он искоса, с опаской,
Перед собой поденщиков гоня,
Когда из лесу вылетел десятский
И осадил горячего коня.
Тут косы все отбросили со звоном
И сбились в кучу шумную одну.
Читал десятский в списке поименном,
Кому сбираться должно на войну.
И, повторяя имя свое, каждый
Бледнел и меньше становился вдруг.
И на губах, сожженных смертной жаждой,
Едва родясь, испепелялся звук.
Пошли, не видя ни коряг, ни кочек,
Кто пел, кто плакал — разобрать нельзя.
«Последний
нонешний
денечек
Гуляю с вами я, друзья. . .»
И, уходящих взглядом провожая,
Семен вздыхал, жалел погожих дней:
«Жаль, что собрать не дали урожая.
Теперь с поденкой будет потрудней».
И снова луг свой оглянул привольный,
Крестом сама сложилася рука:
Здесь каждый стог казался колокольней,
Ушедшей головой под облака.

2

Жарою, словно кипятком, ошпарен,
Взошел Погодин на крыльцо с трудом.
«Беда, Семен».
— «Это ж какая, барин?»
— «Старею, брат».
— «И все к тому идем...
Зайди-ка, что ль, в прохладную светелку
Да освежим настойкою язык.
Чего на солнце жариться без толку?
Ты — не мужик, ты к зною не привык».
И в дверь, кряхтя, просунулся Погодин,
От напряженья бровью шевеля.
Семен подумал: «Этаких уродин
Доколь ты держишь, русская земля?!»
А вслух спросил: «Воюем, значит? С немцем?
И надолго затянется война?»
За ним хозяйка шлепала по сенцам,
С закуской и с бутылкою вина.
И, гостя усадив под образами,
Семен опять свой начал разговор,
Прищуренными хитрыми глазами
Посматривая на него в упор.
«Воюем, значит? А? Скажи на милость!
Оно и надо, как ни говори, —
Везде народу столько расплодилось,
Что стали беспокоиться цари.
От тесноты пошли бунты в народе,
Бунты ж царям, известно, не с руки.
И прополоть народ решили, вроде
Как наши бабы полют бураки.
Оставят тех, кто вглубь пустил коренья,
А остальных, чтоб не мешали, — вон.
И меж царей наступит примиренье —
Друг с другом им скандалить не резон».
Погодин выпучил глаза, отвисла
От удивленья нижняя губа:
«Не лишена сия рацея смысла,
Хотя и примитивна и груба.
За это — стопку полную подъемлю,
В ней к непреложной истине стезя...
Ты глубоко пустил коренья в землю,
Так глубоко, что и достать нельзя.

Не то что я — без денег пропадаю,
Поденщиц даже нечем рассчитать.
Теперь, с какого ни посмотришь краю,
Просить придется у тебя опять.
Ты мне поверить можешь без сомненья
И собирать не будешь по рублю:
Еще не всё распродано именье, —
Глядишь, за долг клочок и уступлю. . .»
Семен прищелкнул языком лукаво:
«Я видел виды на своем веку,
Но мне встречать не приходилось, право,
Чтоб зря приехал барин к мужику.
Ему без дела — двери наши узки,
В светелках наших низки потолки. . .
Хозяйка, ну-ка барину закуски
Из погреба еще приволоки!
Что ж до земли, то лишней мне не надо,
И так пошли с деревней нелады.
То за кусты, то за луга досада,
Того и жди, что наживешь беды. . .
Продал бы землю ты деревне, что ли. . .»
Погодин свистнул на такой совет:
«Где взять ей денег?
                    Не у ветра ль в поле?
Там, кроме ветра, ничего и нет».
Семен для форсу поломался малость, —
Что господа ему, в конце концов!
Но денег дал. И, стряхивая вялость,
Заторопился барин на крыльцо.
А там болтались по ветру в сторонке,
Домашнего спокойствия полны,
Застиранные детские пеленки
И старые Семеновы штаны.
Погодин показал на них Семену:
«Твоим хоромам это не под стать.
Ну что ты их повесил, как икону,
Хоть ради гостя приказал бы снять».
Но, петухом от гордости топорщась,
Семен ответил, поглядев вокруг:
«Ко мне еще придешь ты, как ни морщись,
Так привыкай мужицкий нюхать дух».

3

На росстанях, где сходятся дороги,
Чтоб вновь уйти им в дальние места,
Сидел старик, поджав босые ноги,
У старого соснового креста.
Веревкой подпоясана рубаха,
На солнце полинявшая давно.
От ветра полуденного, от праха,
Как головня, лицо его темно.
Погодин лошадь придержал немного:
«Да ты откуда взялся, Тимофей?
Садись со мною, далека дорога,
Я довезу до пасеки твоей. . .
Ты всё колдуешь, говорят?»
— «Колдую,
И как же, барин, мне не колдовать,
Коль из деревни силу молодую
Всю на войну отправили опять.
Мы, старики, теперь и в поле едем,
И на луга траву косить идем.
А за рекой Семен сидит медведем
И шкуры с нас снимает чередом».
— «Эге, да ты, я вижу, не робея,
Здесь обо всем раздумывать привык.
А хочешь, сказку старую тебе я
На этот случай расскажу, старик?»
— «Что ж, расскажи, авось от умной речи
Я тоже научусь чему-нибудь;
Послушаю, до пасеки далече,
Вот сказка нам и скоротает путь».
Покряхтывая от дороги жесткой,
Когда в ухаб бросало тарантас,
Погодин затянулся папироской
И, усмехнувшись, начал свой рассказ:
«В старину, не припомню, в котором году,
Той порой, когда косят луга,
Провинился у барина, как на беду,
Самый старый и хитрый слуга.
И разгневанный барин сказал палачу:
„Розги — детская только возня.
Дать навеки острастку я слугам хочу,
Непокорного смерда казня.

Нынче в полдень его донага ты раздень,
Привяжи на лужайке в лесу,
Да смотри, чтобы солнца не застила тень,
Чтоб упасть он не мог на росу.
Пусть по капле он кровь отдает оводам,
Пусть увидит он ад наяву.
Будет жив — я прощенье вины ему дам,
А умрет — я попов позову".
— „Все исполню", — ответил угрюмый палач,
Поклонился и вышел за дверь. . .
Над лужайкою полдень высок и горяч,
Смолкла птица, и спрятался зверь.
В этот час привезли человека туда,
Привязали — в чем мать родила.
Закружились, как тучи, над ним овода,
Сразу стала лужайка мала.
И вонзилися в тело, как тысячи пик,
Острия золотых хоботков,
И на грудь человек головою поник,
Разорваться на части готов.
А когда притерпелся к живому огню,
Кто-то хлопнул его по плечу.
„Дай с тебя, — говорит, — оводов я сгоню
И страданье твое облегчу".
Поднял тут человек умоляющий взгляд:
„Не сгоняй, не губи меня, брат,
Эти сыты уже, эти только сидят,
Если ж новые сядут — съедят. . ."».
Погодин смолк, в усах усмешку пряча,
На старика взглянул из-под бровей.
«А сказка-то по-нашему иначе
Кончается, — ответил Тимофей. —
Ума мужик не потерял от муки,
Он так сказал: „Коль ты помочь готов,
Так поскорей развязывай мне руки,
Я сам от всех избавлюсь оводов!"»

Глава 1

1

По дорогам русским в беспорядке
Разогнала беженцев война.
Их встречают воплями солдатки,
Выкликают мертвых имена.
Очумев, хватают за оглобли:
Может быть, хоть весточку привез.
Но от воплей беженцы оглохли,
Но ослепли беженцы от слез.
Полегло нескошенное жито,
Отчий край потоптан и сожжен,
Лишь зола холодная зашита
Под крестами в ладанках у жен.
Неприветливы чужие кровли,
А дороги русские длинны.
Кто ж теперь —
в полях, среди лесов ли —
Стариков укроет от войны?
Но покою нет и за лесами,
Вороны обграили поля.
Не зерном, а бабьими слезами
Вся кругом засеяна земля.
Вырастают горькою отравой
На слезах полынь и лебеда,
И зияет раною кровавой
В темном небе каждая звезда.

2

На повороте взвизгнули полозья,
И сани набок накренились вдруг.
«Ну что, солдат, живым тебя довез я,
Не захватило на морозе дух?»
И, разминаясь, староста
дубленый
Романовский тулуп свой распахнул,
Накрыл коня горячего попоной
И под окно через сугроб шагнул.
«Постой, молчи... Хозяйке и не снится,
Что муж стоит в потемках у ворот.
Встань, подымись с постели, молодица,

Нежданный гость в ночи к тебе грядет!
Солдат знакомый... Да открой же — стужа,
Дай прикорнуть, согреться в уголку.
А он принес поклон тебе от мужа,
Три года с ним служил в одном полку...
Спасался вместе после раны тяжкой
И в лазарете с ним валялся в ряд...» —
Гремя о пол тяжелой деревяшкой,
Через порог переступил солдат.
Запричитала баба виновато:
«Как величать по имени солдата?»
— «Зимою
ты звала меня Кузьмою,
И так же летом, по моим приметам.
Примай, жена. С хромым да одноглазым
Конца войны спокойней будешь ждать...»
И в хате все заголосили разом,
Спросонья дети спрятались за мать.
Не весел дом отцовский,
ой не весел.
А всё надежней, чем окоп царев...
Солдат на гвоздь шинель свою повесил,
Стоит в углу, почесывая бровь.
«Примай, жена. Аль мужнему приходу
Нежданному
не радуешься ты?»
Набилась хата полная народу,
И продохнуть нельзя от духоты.
В дырявой гимнастерке нараспашку,
Солдат с дороги разопрел совсем,
Но всем дает потрогать деревяшку
И глаз пустой показывает всем.
«Глядите, люди добрые, не жалко,
Поближе подходите, старики.
Своя нога способнее, чем палка,
Но лучше без ноги, чем без руки.
С одной ногою сыты будут дети,
Одна нога не вымотает жил...
Лежал студент со мною в лазарете,
Так даже песню про меня сложил:
«Даны были солдату
Два глаза, две ноги,
Чтоб он ходил в атаку
И видел, где враги.

Да ногу у солдата
Оторвала граната.
И пуля в тот же раз
Навек закрыла глаз.
Солдат по лазаретам
Три месяца лежал.
Ел кашу и при этом
Не очень горевал.
Теперь уж черта в стуле
Его пошлют под пули,
Он хоть кривой, хромой,
А всё ж придет домой.
Спешит солдат до дому —
Дивится всё село:
Кому-кому другому,
А этому везло.
Коль без ноги не любо —
Возьми обрубок дуба,
А глаз один во лбу
Верней сверлит судьбу».
Убитых всех подсчитывая с краю,
Вздохнул украдкой не один старик,
Но староста привстал:
«Не одобряю.
Соблазн народу без того велик.
С такою песней надо осторожней,
С ней, что с огнем в засуху, не шути,
А то гляди — просторен двор острожный,
Войти туда свободней, чем уйти».
Солдат поднялся со скамьи и взглядом
На деревяшку показал в ответ:
«Кто под огнем лежал со смертью рядом,
Того тюрьмой не испугаешь, нет.
Того, скажу по правде, человече,
Сам черт ничем не удивит в аду. . .»
— «Мне не пристало слушать эти речи, —
За шапку взялся староста, — пойду».
И, как медведь, вразвалку вышел в сени,
Запахивая на ходу тулуп.
Солдатки молча, обхватив колени,
Вздыхали, горечь не сдувая с губ.
«Мужик был зол, но никому не страшен,
Пока один копался у земли,
А на войну со всех собрали пашен,

Винтовки дали и сказали:
„Пли“.
Как на убой баранов, гнали скопом.
„Пли“.
На Руси несчитанный народ.
В грязи, во вшах валяясь по окопам,
Мужик обиды вспомнит и пальнет.
Ах, как пальнет! —
Солдат махнул рукою. —
Давно намечен у него прицел.
В деревне барин не найдет покою,
На фронте — не спасется офицер».
— «Уж ты, гляди, нагонишь страху на ночь, —
Зевая, усмехнулся Тимофей
И шепотком: —
Зайди, Кузьма Демьяныч,
Наедине поговорим смелей».

3

Зимою ночь длинна, как бабье горе,
По всем углам просвистана сверчком,
И время есть поплакать на просторе,
Вздохнуть и слезы проглотить молчком.
А за окном прилежная, как пряха,
Всё крутит вьюга сивую кудель.
Не мужу ль будет смертная рубаха
Да не ему ль последняя постель?
У изголовья станут лихоманки
И на глаза положат пятаки.
Во сне вздыхают дети на лежанке,
Прочесть молитву, что ли, от тоски...
От бабьей скорби, вековой, бездонной,
Посмотришь — помутится голова...
И вот, упав ничком перед иконой,
Перебирает скудные слова:
«Я прошу у тебя немногого —
Сократи испытанья дни.
Хоть безрукого,
Хоть безногого,
Мужа мне поскорей верни.
Не под силу мне больше мучиться,
Неповинных детей кляня,
Матерь божия, троеручица.
Заступись хоть ты за меня.

Дай ты рану ему не смертную,
Ты не всю его кровь пролей.
Пожалей меня, многодетную,
Многоскорбную пожалей.
Если б ты в небесах услышала
И вернулся заботник мой,
Я б рушник на твой образ вышила,
Положила б зарю каймой.
Стала б вечером на колени я
И укрылась в твоей тени.
Не отринь же мое моление,
Мужа мне поскорей верни!»
Чуть скрипнула гнилая половица,
В сенях Настасья голос подала:
«Всё молишься?»
— «Молюся, еретица. . .»
— «Ну что ж, молись, молись хоть до светла.
Хоть пол пробей, считаючи поклоны
(Он у тебя шатается давно),
Но темен лик, как прежде, у иконы,
В избе темно и на душе темно. . .
Ой, насмотрелась нынче я немало,
Того и жди, душа сгорит дотла.
Двенадцать писем нынче написала,
Теперь к тебе, тринадцатой, пришла.
Ну, чем, скажи, порадуешь ты мужа,
Чтоб он пошел в атаку веселей?
Тем, что из хаты выгоняет стужа,
Что свищет ветер изо всех щелей?
Тем, что детей ты прокормить не в силе,
Не обернутся слезы серебром? . .
Ну, говори ж, покамест не застыли
Еще чернила под моим пером. . .
Ну, говори ж, — пускай, идя под пули,
Он всё узнает про твое житье,
Подумает, покамест не воткнули
Ему в живот стальное острие. . .
Без хлеба дети. . .»
— «Не пугай, подруга. . .»
— «И я сама. . .»
— «Подруга, погоди. . .»
Перо скрипит,
Скребет по сердцу туго,
И сердцу деться некуда в груди.

4

Кто оградит солдатку от напастей,
Кто про ее подумает детей.
«Убит иль ранен?»
И бегут за Настей:
«Убит иль ранен?
Говори скорей...»
Глаза большие в синей окаемке,
Морщины меж бровями пролегли,
Как будто в эти тесные потемки
Вместилась вся глухая скорбь земли.
Кусает губы Настя —
Нет, не в силах,
Сдвигает брови —
Нет, не вперенос.
Вот-вот прорвет, и не сдержать постылых,
Мешающих в глаза глядеть ей слез.
На клочья сердце разрывают бабы
С конвертом невеселого письма.
Когда б шахтер поближе был,
Когда бы
Она могла спросить его сама,
Что надо делать.
Но шахтер далече,
Спросить нельзя,
И ожидать нельзя,
Пока, отцов на фронте искалеча,
Война откроет сыновьям глаза.
А эти слезы...
Нет, никто не скажет,
Что видел слезы на глазах у ней,
Она платок пониже свой повяжет,
Сухие губы стиснет поплотней.
Она в ночи одна пойдет по хатам,
Не отойдет от запертых дверей,
Она сумеет рассказать солдатам
Про все обиды жен и матерей.
И, сколько б ни проветривали в штабах
От горя пожелтевшие листки,
В ее чернилах сохранится запах
Печали материнской и тоски.
Долбит и капля камень,
И от капли
Он разорвется, если накален.

А про обиды спрашивать у баб ли —
Они на них идут со всех сторон.
Доколе же терпеть еще?
Доколе
Выглядывать, таясь, из-под стрехи?
А ночь темна,
И к оттепели, что ли,
С полуночи запели петухи.
Друг с другом перекликнулись.
И смолкли.
Был на насесте каждый одинок.
В сугробе что-то светится. . .
Не волк ли?
Нет, это запоздалый огонек.
«Что, Тимофей Петрович, ай не спится?» —
Легонько Настя стукнула в окно.
«На огонек летишь, моя синица,
Лети, лети, тут у меня тепло,
Я посвечу. . .»
И в дверь за Тимофеем
Вошла Настасья с облаком густым.
Изба пропахла мятой и шалфеем,
Полынью и укропом золотым.
Щегол сквозь сон посвистывает в клетке,
Спит грач на лавке, важен и тяжел.
«А вы с моим шахтером однолетки, —
Вздохнул старик, — тридцатый год пошел.
Ты что ж, синица, отогрела крылья
И улетать торопишься уже. . .»
— «Нет, расскажи, Петрович, про Василья,
Светлей, быть может, станет на душе.
Быть может, силы у меня прибудет. . .»
Старик потрогал золотую прядь:
«Вот погоди, в тюрьму тебя засудят,
Тогда сама с ним встретишься опять.
Скажи ты мне, Настасьюшка, на милость,
Синица бесприютная моя,
В кого вы, непоседы, уродились,
Чем вас манят далекие края?
Я не корю, не попрекаю былью,
Вы молоды, я дожил до седин.
Едва пятнадцать стукнуло Василью,
Когда ушел он из дому один.
Молчим мы со старухой, брови хмурим,

Что будет с ним — не приложить ума! ..
Где жил потом,
                    с кем уходил из тюрем,
Ты знаешь лучше, милая, сама».
Он замолчал.
Как ледяная глыба,
Луна лежала под окном в снегу.
«Согрел, старик, ты душу мне.
Спасибо.
Дай обниму тебя и побегу.
Уж мы с Кузьмой деревню поделили,
До речки — я, а на Заречье — он.
Солдат хороший, много видел пыли,
Чуть-чуть своих не видел похорон.
Ах, если бы сюда теперь шахтера,
Какие бы затеяли дела! ..»
Февраль подходит, и у косогора
Избу до крыши вьюга замела...

Глава 2

1

Семен во всем своих держался правил,
Какие б ни настали времена:
Пока недели масленой не справил,
Не вывозил на рынок ни зерна.
Прощеное минует воскресенье,
Забудут про обиды старики,
И лишний рубль тогда без опасенья
Накинуть можно на мешок муки.
Они заплатят, сколько б ни кряхтели, —
Всё подобрала долгая зима,
И вымели февральские метели
Давным-давно пустые закрома.
А он вздохнет: «До Спаса купишь сани.
Телегу — до великого поста,
Глядишь — и грош останется в кармане
Позалатать дырявые места».
Не зря заведен был такой порядок
На хуторе Семеном до войны:
Двойные донья тестевых укладок
Рублями неразменными полны.

Он ждал, отправив на базар для пробы
Мешок зерна, тяжелого, как медь.
В четверг ему топили баню, чтобы
Пошел он чистый в пятницу говеть.
Там за пятак он получал прощенье
Всех за год накопившихся грехов,
Потом спешил к попу на угощенье,
О ценах толковал до петухов.
А цены все хорошие стояли
На хлеб, на масло, на пеньку, на лен.
Не будь войны — и цен таких едва ли
Дождался бы когда-нибудь Семен.
Но нынче и Семен дивался диву:
Хлеб вздорожал почти что с Рождества,
Голодный скот на речке гложет иву,
Нигде не сыщешь целого куста.

2

Пробитый глаз тараща исподлобья,
Сидел Кузьма, нахохленный, как сыч.
«Выходит, зря опять топтал сугроб я,
Где хлеб девался — не могу постичь».
— «О том тебя бы расспросить, солдата,
Чей на войне, — Семен споткнулся, — хлеб. . .»
Кузьма глядел сквозь потолок куда-то
И ничего не видел — как ослеп.
Поднялся и, не поклонившись, вышел,
В сенях тяжелый загремел засов.
И долго-долго за собою слышал
Надрывный лай остервенелых псов.
Опять бродил по хуторам без толку,
Везде клялись — последний каравай.
Теперь хоть зубы положи на полку
И псам голодным в поле подвывай.
Присел на пень в олешнике у лога:
Поймать бы хоть зайчишку для ребят.
Невдалеке скрипят полозья строго,
Сдувая иней, лошади храпят.
Дохнут — и пара добрые охапки
Повиснут, зацепившись за лозу.
Семен в тулупе и в ушастой шапке
Сидит, как на престоле, на возу.
Мешки — в осьмину — прут из-под рогожи,
Болтается ременная тесьма.

«Соседей так обманывать негоже, —
Из-за куста шарахнулся Кузьма. —
Гляди, народ голодный беспокоен,
Твоим обманом навек разозлен».
— «Не подходи, сомну, Аника-воин!» —
Вожжами дернув, захрипел Семен.

3

Заря померкнет, и за Лисьим логом
Завоет волк в пустыне снеговой,
За ним второй, и вдруг по всем дорогам
Покатится, всё разрастаясь, вой.
И, ничего не слыша, кроме воя
Волков голодных, позабывших страх,
Друг к другу ближе жмется всё живое:
На лежках — зайцы, овцы — на дворах.
И, выйти за околицу не смея,
Где злые пробегают огоньки,
До полночи сидят у Тимофея
И счет ведут обидам старики.
За долгий век их накопилось много,
Кто не польстится на мужицкий грош?
А правый суд остался лишь у бога,
Он не придет, доколе не умрешь.
«Довольно! Правды нету и у бога! —
Дверь распахнул скрипучую солдат. —
И после смерти нам одна дорога!
Чертям голодным на закуску в ад!
На фронте пушки чертовой обедней
Гремят, а дома голод у ворот.
Семен клянется — роздал хлеб последний,
И на базар тайком его везет.
В ночи деревню объезжает вором,
И, хоть последний выколи мне глаз,
Окоченеем завтра под забором, —
Он всё равно не пожалеет нас.
Чего ж мы ждем, зачем, скажите, терпим?
Сидим, как в дуплах сонные сычи?
Пришла пора и нам тряхнуть отрепьем,
Чтоб в ад за нас летели богачи! —
Он сел на лавку, опустивши веки,
Махнул рукой: — Что долго думать тут?
Пускай солдатки, вдовы и калеки
К Семену хлеба требовать идут».

Глава 3

1

Пока молитву долгую по святцам
Пред завтраком хозяин не прочел,
Ни чадам у него, ни домочадцам
Садиться не позволено за стол.
Сам первый блин со сковородки жаркой
Он на ладонь широкую кладет:
«Кто любит с чем, а я люблю со шкваркой, —
И в два приема отправляет в рот. —
Нам, старикам, блины, как баня с паром,
Кровь горячат и прибавляют сил. . .»
И крепок был Федот Фомич, недаром
В такую пору старостой ходил.
А нынче и блины не впрок Федоту,
Деревня зашаталась, мочи нет. . .
И перед самой масленой, в субботу,
К нему десятский прибежал чуть свет.
Руками машет, словно очумелый,
Бормочет, задыхаясь, на бегу:
«Не виноват, со мной что хочешь делай,
Сию минуту присягнуть могу. . .»
Горячий блин застрял со шкваркой в глотке,
Глаза остановились: не к добру.
«Ври поскорее! . .»
— «Не скликал я сходки. . .
На месте провалиться, если вру».
— «Да что случилось?»
— «Прут к тебе солдатки. . .
Со всей деревни. . . Скопом. . . Быть беде. . .
Ушел бы ты: начнутся беспорядки,
Тогда от них не скроешься нигде».
Вспотел Федот — не скрыться ль в самом деле:
Рассерженная баба словно зверь.
Но было поздно: у крыльца галдели,
Ломились в сени, вышибая дверь.
«Ступай, — шепнул десятскому, — попробуй
Уговорить, скажи, что я приду».
— «Нет, сам ступай! — ответил тот со злобой. —
Не я накликал на тебя беду».
Гремя, засовы ржавые сдавали,
Трещала дверь, готовая упасть.

Федот поспешно нацепил медали.
«Ну что ж, казните, если ваша власть».
Со всех сторон, как волка, окружая,
Его толкали на скрипучий наст.
«Веди к Семену, пусть до урожая
Нам лишний хлеб из закромов отдаст!»
— «Закона нет. . .»
— «Закон не нами писан. . .»
— «Побойтесь. . .»
— «Голод прогоняет страх. . .»
И, онемев от ужаса, повис он
У двух солдаток дюжих на руках.

2

Чудит Погодин. Уж давно с прищуром
Семен при встречах на него глядит.
Ведет хозяйство барин на смех курам,
А тоже делает ученый вид.
Вот и теперь. . . Заехал мимоходом
И поучает, сидя за столом:
«В такую пору ссориться с народом
Нельзя, Семен. Над пропастью живем.
Чего скрывать. Войну мы проиграли
До первой битвы, честно говоря.
На фронте, в штабах — немцы генералы,
И немцы же — советники царя.
Царица — немка. Царь кругом опутан.
Ей волю дал во всем, и, наконец,
Таежный леший, конокрад Распутин
В вертеп разврата превратил дворец.
Чего же ты молчишь?» —
И на Семена
Из-под очков пытливо поглядел.
Семен пожался неопределенно:
«Я не учен. Не знаю этих дел.
А что Распутин во дворце расселся,
Что царь к нему приходит на совет, —
Пусть принимают бары близко к сердцу,
Нам, мужикам, бесчестья в этом нет».
— «Ну, не мудри! — Погодин сдвинул брови. —
Ценю тебя, затем и говорю.
Был генерал старинной русской крови,
Открыть глаза попробовал царю.
Таким не страшны черные удавки. . .

„Где нынче немцы?“ — царь его спросил.
Он поклонился: „Немцы в вашей ставке,
А выбить их нам не хватает сил“.
Не помогло. Скрипят столбы косые,
Былая слава разлетелась в дым...
Как дом гнилой, обрушится Россия,
Коль мы подпорок верных не дадим.
Не думай, что лишь надо мной нависла
Беда. Она висит и над тобой.
Хитрить друг с другом я не вижу смысла.
Мы действовать должны не вразнобой.
Сам знаешь, в голод жадничать не надо,
Ведь на деревне пухнет детвора...
Я получил письмо из Петрограда
От старого приятеля вчера...
Оставил дома... Ах, какая жалость. —
В окно взглянул: — Ну, начались дела...»
Толпа солдаток к дому приближалась
И связанного старосту вела.
Шел впереди солдат на деревяшке —
Кривой, косматый, бабий генерал.
И ополченский крестик на фуражке
От солнца, словно золотой, сиял.
За ним Настасья шла и то и дело
Оглядывалась на ходу назад.
Тогда толпа спокойнее гудела
И даже шагу прибавлял солдат.
«Гляди, Семен!..»
Семен и сам заметил,
И сразу посуровело лицо.
Дремучий иней стряхивая с ветел,
Толпа уже взбиралась на крыльцо.
Ввалились в сени темные и разом
Заговорили и притихли вдруг.
Погодин вздрогнул: потеряешь разум,
Когда такое началось вокруг...
Открылась дверь, и, глаз не опуская,
К Семену прямо Настя подошла.
«Так это ты, печальница мирская? —
Сказал Семен и встал из-за стола. —
Что ж, гостьей будь...»
— «Опять играешь в прятки...»
— «Когда пришла...»
— «Не к месту карусель!

В сенях стоят голодные солдатки,
Они без хлеба не уйдут отсель».
— «Я не Христос, — вздохнул Семен, — чтоб чудо
Мог сотворить, всех сразу накормить.
Но, коль пришли, даю на круг полпуда,
Себе в убыток. Так тому и быть».
— «Ты шутки брось, — сказала Настя глухо, —
На круг полпуда — крохи со стола.
Не я, сама безглазая старуха
К тебе солдаток нынче привела.
Тебе ль от них подсчитывать потери,
Когда они теряют мужиков. . .»
— «Ну если так — пускай ломают двери,
А я не стану отпирать замков».
— «Что ж, и сломают, — усмехнулась Настя, —
Толкнут разок — и разлетятся в прах».
— «А что теперь бывает за участье,
Подумала ты, в этаких делах?»
— «Подумала. . .»
И хлынули к амбарам,
Солдат шагал со шкворнем напрямки.
Размахивался — и одним ударом
Сворачивал немецкие замки.
«Страшней на фронте было. . .»
И кололись
Окованные двери пополам. . .
«Скорей, скорей, за стражниками в волость!» —
Хрипел Семен, метаясь по углам.

3

«Команду слушать! Смирно! Как на фронте!
С мешками подходить по счету три.
Хлеб получайте, прочего не троньте,
А ты за всеми, староста, смотри!
Чтоб мерки, гарнцы, всяческая мебель
Была на месте, без ущерба вся.
Считай, не просчитайся, как фельдфебель,
Получено, мол, жита и овса.
И возвратить, мол, обязуюсь честно,
Как только новый урожай сниму.
Чего шумите? В долг берем, известно,
Чтоб не подсунуть носа никому.
А у Семена не убудет жиру,
Семь деревень его не объедят. . .

Давай мешки! Кто первый по ранжиру?»
И в закром влез до пояса солдат.
У старосты задергалося веко
И жалобно перекосился рот:
«Увольте, не губите человека,
Меня начальство со свету сживет».
— «В чужой амбар нельзя ж идти без власти,
А староста — прямая наша власть.
Сам посуди, — кричал солдат и Насте
Подмигивал: — Боится, старый, страсть».
И, поседевший от амбарной пыли,
Как в темный вир, нырял он в закром вновь.
«Сыпь, сыпь! — солдатки, подходя,
шутили. —
Отведаем на масленой блинов».
И расходились без дорог по насту,
Шаги их повторяла тишина.
А дома гости ожидали Настю:
Два стражника и с ними старшина.

Глава 4

1

Еще в тоске слепой и постной
Звонят, гудят колокола,
В церквах дымится ладан росный,
Лампадным маслом пахнет мгла.
Еще в цветные стекла светит
Иконописная заря,
Попы вопят о многолетье
Боголюбивого царя.
О даровании победы
Взывают к господу: спаси!..
Но, словно дым кадильный седы,
Молчат печальники Руси.
Не разгибают спин горбатых,
Печаль навеки затая:
Гниют их внуки на Карпатах,
В болотах Пинских сыновья.
На что им царская победа,
Когда разрыт отцовский кров!
Без хлеба дети с мясоеда,
Сосцы присохли у коров.

Чьих прегрешений тяжких ради
Им испытания даны?
Как быть?
А в дальнем Петрограде
Народом улицы полны.
Городовых уносят кони,
Сдается первый арсенал,
К рабочим в Выборгском районе
Уже Волынский полк пристал
С Литовским и Преображенским. . .
Видны, куда ни кинешь взгляд,
Меж кепкой и платочком женским
Папахи серые солдат.
Казармы бросив спозаранку,
Погоны сняли на ходу,
Пока царю хитрец Родзянко
Телеграфирует беду.
«В столице нет законной власти,
Настал последний час, когда
Решается судьба династьи», —
Вызванивают провода.
Уж в пользу брата Михаила
Царь отреченье подписал,
И, кулуаров думских сила,
Гучков выходит на вокзал.
Народ обрадовать желая,
Под благовест провозгласил:
«Нет на престоле Николая,
Есть император Михаил!»
В ответ, бессонницей измяты,
В железном визге батарей,
Гремят прикладами солдаты:
«Долой, довольно с нас царей!
Мы их на тренчиках повесим
За трехсотлетние дела. . .»
И вот по градам и по весям
За вестью весть гулять пошла.
Цари остались без престола,
Но где, когда конец войне? . .
Шумят разбуженные села,
Ждут перемен больших к весне.

2

И днем и ночью мимо будок, мимо
Сел, где плотины прорвала беда,
Бросая по откосам клочья дыма,
Бессонные тянулись поезда.
Митинговали на ходу в вагонах,
На полустанках, всюду, где ждала
Россия в гимнастерках просоленных,
Видавших и штыки и шомпола.
Митинговали все, чьей жизни мера
Обоймами патронов сочтена,
Кто по команде унтер-офицера
До ветру шел. Кто...
Словом, вся страна,
Оглохшая от пушечного лая,
От чертовой обедни батарей,
Заговорила, обсудить желая
Нахлынувшие новости скорей.
Была судьба — как стершаяся гривна,
А вдруг да снова заблестит она?
Пиликает гармоника надрывно,
Солдаты запевают у окна:
«Очень знать мне хочется,
Когда война закончится.
Я домой поворочу,
Пулеметик захвачу,
Ты постой-ка, пулемет,
У крестьянских у ворот.
Ты пригодишься, пулемет,
Когда пойдем мы на господ».
За сотни верст пути от разговоров,
От споров и речей охрип шахтер,
Но он имел неколебимый норов
И жизнь умел рассматривать в упор —
Так светлячка, бывало, на ладони
Рассматривал он в детстве, и ему
Давали слово первое в вагоне,
Дивясь его открытому уму.
Не спрашивали, кто он и откуда.
В плечах широк, слегка сутуловат,
Заметно сразу — это не иуда,
Свой человек, хотя и не солдат.

Покашливал и басом глуховатым
Он говорил о фронтовых делах
Так, словно сам три года был солдатом
И в перестрелках порохом пропах.
Он вспоминал дни жатвы и покоса,
Когда желтеет от жары орех,
Трава томится и скрипят колеса
Снопами перегруженных телег.
Ложатся тени длинные на пойму,
Трава дымится и кричит дергач...
Совсем не целясь, выпустишь обойму,
Другую не заложишь, хоть заплачь.
Тугой затвор цепляется неловко,
С досады чертыхнешься — и молчок...
Свисток.
Вагон качнулся.
Остановка.
«Выходишь? До свиданья, землячок!»

3

Знакомый полустанок. Всё, как было
Здесь и двенадцать лет тому назад:
Грачи шумят, и тощая кобыла
На поезд пялит удивленный взгляд;
Старуха подбирает у забора
Клок сена, позабытый мужиком...
Извозчики кивают на шахтера:
«С таким-то чемоданом — и пешком.
Пустой, наверно».
Но шахтер не слышит.
Опять, как в детстве, хочется домой,
А неба край над перелеском вышит
Широкою малиновой каймой.
Отец, чай, ждет. Обрадуется старый,
И Настя тоже. Где там отдохнуть!
Ему теперь с такою дружной парой
Деревню можно всю перевернуть.
Вот и она. Темнеет за лощиной,
Сквозь сумерки стреляет огоньком.
От радости ль, от грусти ль беспричинной
Колючий к горлу подступает ком.
Но огоньки всё ближе, ближе, ярче
Из-под застрехи, как из-под бровей...
«Кто?»

— «Блудный сын к тебе явился, старче».
— «Василий! — заметался Тимофей. —
Вот если б знал, встречать бы вышел за́ лес,
Признал бы по походке издали».
И сын с отцом в сенях облобызались,
Потом еще, когда в избу вошли.
«Старуха, глянь: орленок наш глазастый!
Цыц! Улетит — не открывай дверей.
Беги за Настей, говорю, — за Настей,
Пускай летит, синица, поскорей!
Кузьме шепни, коль встретишь мимоходом...
Да ну же, ну же, старая, пошла!
Я сам чайку тут приготовлю с медом —
Еще ведется у меня пчела.
Кузьму забыл? Хромым и одноглазым
Под сретенье вернулся он домой.
Проветрили ему на фронте разум,
Всё про тебя пытал, орленок мой.
Во всей деревне первый заводила,
Уж он тебе расскажет про дела.
А Настя-то меня как удивила:
Солдаток на Семена подняла.
За все обиды разочлись по-русски,
Теперь народ не запугать тюрьмой,
И Настя уж понюхала кутузки,
Намедни только и пришла домой.
На оперенье поглядишь — синица,
А сердце — так орлиному под стать.
Вот если бы собрался ты жениться,
Невесты лучшей нечего искать.
Еще Семена мы на ней хотели
Женить — не к месту он помянут будь, —
Да к богачу в зятья попал. Успели
Его поставить на иудин путь.
Кто позабыл отца, кто предал брата,
Тот человечий образ потерял...»
Шахтер молчал. Ведь в юности когда-то
Он вместе с ним в пустом сарае спал.
Какую книжку ни прочтет, бывало, —
Перед Семеном выложит сполна.
Семен же редко говорил и мало,
Не открывал души своей до дна.
Василий горячился, лез из кожи,
Пер на рожон из-за чужих обид,

А тот руками разводил: «Ну что же,
Дурак бывает даже в церкви бит.
Щелчок в затылок — дуракам наука,
За них вступаться — боже упаси.
Мир — тот же вир. В виру ж на то и щука,
Чтоб не дремали в тине караси».
И, отходя, он усмехался молча,
Вовек не заступясь ни за кого.
Василий думал: «И откуда волчья
Такая злость берется у него?
Его ж отец учил совсем другому:
Не грош, а совесть к старости беречь».
И в ночь, валясь на пыльную солому,
С Семеном снова заводил он речь.
«Подумаешь, — Семен смеялся, — счастье,
Я совестью питаться не привык...»
— «Задумался, орленок?
Видишь — Настя
К тебе пришла...» За локоть взял старик.
Василий оглянулся.
У порога,
Куда ложилась тень наискосок,
Откинув набок голову немного,
Стояла Настя, теребя платок.
Не зная, как вести себя при встрече,
Она вошла и застыдилась вдруг.
Под полушалком вздрагивали плечи.
Глаза искали помощи вокруг.
Морщины разбегались по надбровью,
Две пряди колыхались у виска.
И вновь Василий ощутил всей кровью,
Всем телом, как она ему близка.
Такая вот: с косящими глазами,
С трубчатою косой через плечо,
Она ему и снилася ночами,
Дыханьем обдавала горячо.
И пухлые девические губы
Его щеки касалися слегка,
Не прерываться век такому сну бы,
Чтоб локоть с локтем и в руке рука...
Быть всюду рядом — в вёдро и в ненастье,
Делить, что встретить на пути дано...
«Ну, с возвращеньем, — улыбнулась
Настя. —

Тут вся деревня ждет тебя давно.
На каждой сходке спрашивают: где ты
И почему не едешь до сих пор.
А ты сюда надолго?»
                                        — «До победы», —
Ответил, глядя ей в глаза, шахтер.

1933—1937, 1956—1966

868. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТУМАН

1. СЕВЕРНАЯ ПАЛЬМИРА

Львов чугунных на ржавой решетке оскал,
Над подъездом фонарь одинокий и номер.
А быть может, напрасно бродил да искал,
А быть может, жилец переехал иль помер?

Оглядись же вокруг и входить не спеши,
Полный песен неспетых юнец кучерявый.
Бросив место учителя в сельской глуши,
Ты в столицу России явился за славой.

Впрочем, только ль за славой? Скажи не тая,
Не с такой ли мечтой, не в такую ль погоду
В Петербург улетела подруга твоя
И пропала без вести — что канула в воду.

Сколько раз ты стихами ее окликал!
Ничего! Только зря взбудоражил округу.
Но в губернской газете письмо тебе дал
Погоревший студент к закадычному другу.

Что-то ждет тебя здесь? Всё туманно вокруг,
А назад не вернешься. Дорога сломалась.
Пусть столица российская Санкт-Петербург
Потеснится для нового жителя малость!

2. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВСТРЕЧА

Нелегко без привычки на пятый этаж
Подыматься, крутые ступеньки считая.
Думал: «Дешево ж дьяволу душу отдашь,
Если к славе дорога такая ж крутая».

Отдышался. И лезет же в голову вздор —
Не от грусти ль по улочке сельской, безвестной?
Вот площадка последняя. Вот коридор
И окошко в пролете над каменной бездной.

Провожают пытливые взгляды жильцов.
Позвонил, а звонок отдаленнее грома.
«Я с письмом к вам. Прислал меня Павел Ельцов...»
— «Ну, входите, входите, покамест я дома».

Вишняков нерешительно мялся в дверях.
Возвратиться хотелось дорогой короткой.
Был совсем не похож на уездных нерях
Незнакомец с подстриженной русой бородкой.

Галстук шелковый бабочкой, синий жилет
Перед гостем он жестом привычным поправил.
«Ну, скажите пожалуйста, сколько же лет
Пропадать там в лесах собирается Павел?»

«Вот», — сказал Вишняков и письмо протянул.
«Так, чудесно. Послушаем старого друга...» —
Бормотал, пробегая по строчкам, и стул
Подавался назад и поскрипывал туго.

«Павел пишет про вас интересно. Я рад.
Мы, надеюсь, друзьями хорошими будем.
А пока познакомимся, как говорят,
Как обычаем старым указано людям.

Я — газетный вития, Сергей Петухов,
Сколько лет уж трещу, словно перепел в жите,
Всё пишу, кроме кляуз и кроме стихов,
Вы ж, как Павел открыл мне, стихами грешите.

Хорошо... — И ладони сухие потер. —
Но стихи на червонцы обменят не скоро...
Запил в нашей редакции плут репортер,
Я попробую сделать из вас репортера.

Да не трусьте. Закон этой жизни таков.
Всё у нас не с того начинается краю...
Словом, нынче я вас, Ростислав Вишняков,
Под высокую руку свою принимаю».

3. МЕНТОР

Начинается утро, и где-то внизу
Заунывную песню заводит шарманка.
И роняет пятак из окна, как слезу,
Белошвейка, проснувшаяся спозаранка.

Поднимается песня на пятый этаж
По трубе водосточной под самую крышу.
И встает Петухов на постели: «Когда ж
Не шарманку, а ваши стихи я услышу?

Не смущайтесь, я буду правдив, но не строг,
Пусть хоть стежки-дорожки влюбленных воспеты...
Надо ж, мой дорогой, оценить мне ваш слог,
Чтоб ввести вас в редакцию нашей газеты».

Вишняков перелистывал молча тетрадь,
И холодные пальцы заметно дрожали.
Вдруг, откинув со лба золотистую прядь,
Он вздохнул, и, как струйка, стихи побежали.

«Разольется в полевом просторе
Вешних дней бездонная река,
И опять крылами плещут зори
В заповедных думах паренька.

Пусть родится быль из небылицы
В позабытой стороне лесной,
Пусть, как в сказке, запевают птицы
На резьбе крылечка расписной:

Кто растет, с судьбой нелегкой споря,
Что тому невзгода да тоска!
Разольется в полевом просторе
Вешних дней бездонная река».

«Браво, — хлопнул в ладоши Сергей Петухов,
И кровать покачнулась, как утлая лодка. —
Я не ждал от вас, друг мой, подобных стихов,
Это будет для нашей газеты находка.

Декаденты уж всем надоели. Да-да.
Вы ж у птиц и деревьев подслушали строчки.

Что тут думать. Давайте тетрадку сюда,
Объявленье таланта не терпит отсрочки.

О, за вас нам простится немало грехов,
И находкой мы будем гордиться по праву.
Я, газетный вития, Сергей Петухов,
Предрекаю вам, юноша, громкую славу!»

4. БОЛЬШИЕ ОЖИДАНИЯ

В ожиданье удачи шлифуй тротуар,
Удивляйся нарядным витринам на Невском.
Люди мимо проходят — и молод и стар.
Все спешат, и словцом перекинуться не с кем.

Одиноким на шумном проспекте грустней,
Чем на улочке тихой. И некуда деться.
Неужели и здесь он не встретится с ней,
Кареглазой подругой далекого детства?

Бросил он для нее деревенский простор,
Соловьиные ночи в березовой роще,
У зеленого плеса погасший костер,
Где свободней дышалось и верилось проще.

Для нее для одной он о славе мечтал
И слагал свои первые песни когда-то.
Длинен Невский проспект. За кварталом квартал
Отступает в немеркнущем свете заката.

На углах верещат полицейских свистки,
В шумном шелесте шин пролетают пролетки,
И двоятся в глазах до зеленой тоски
Шляпы, зонтики, лица и даже походки.

Чуть живой Вишняков возвращался домой.
Вот, казалось, взорвется затылок горячий.
«Где же вы пропадаете, батенька мой,
Я давно вас тут жду... Поздравляю с удачей.—

И, обдав его запахом пряных духов,
Покрасневшие щеки бородка щекочет: —

Обмануться не может Сергей Петухов,
Всё равно как зарю окликающий кочет.

Есть трактир по соседству. Там ждут нас друзья.
Ради вашей удачи они собралися.
Чтоб легка была новая ваша стезя,
Возлияние сделаем в честь Диониса.

Да. Имейте в виду — вы наш новый Кольцов.
Ясноглазый певец из далекой деревни.
Вы слагали в разлужьях у стада коров
Ваши песни, что дудки пастушьей напевней.

Словом, сельским учителем не были вы...»
— «Как?» — бровями повел Вишняков удивленно.
— «Так. Для стиля. Стихи у вас тем и новы,
Что полны между строк незаемного звона».

«Нет, — сказал Вишняков. — Не могу. Не хочу...» —
И вздохнул. А лицо у приятеля лисье.
«Ладно, — хлопнул его Петухов по плечу, —
Поспешим. Уж, наверно, друзья собралися».

5. ГОРЬКИЙ МЕД

Стол качался и плыл в синеватом дыму,
Шум вокруг то смолкал, то захлестывал снова.
Кто-то хрипло кричал: «Я бокал подниму
За певца, за пришедшего с поля Кольцова».

«Что он врет про Кольцова?» — спросил Вишняков,
Но в ушах зашуршал шепоток Петухова:
«Да не слушайте, мой дорогой, пустяков,
Встаньте, встаньте, скажите ответное слово.

Так, чтоб голос звучал ваш подобно трубе,
Чтоб внимали вам все, позабыв о закусках.
Или лучше — прочтите стихи о себе,
О просторах родных и обычаях русских».

«Хорошо». — И привстал Вишняков за столом,—
Что за сон наяву, что за быль-небылица?

Чуть задев деревянные лица крылом,
Полетела строка, словно вещая птица.

«О мать Россия! В мире целом
Светлей не сыщешь доброты...
В лице крестьянки загорелом
Я узнаю твои черты!»

Он прислушался. Шум за столом не смолкал.
Равнодушны к признаниям юности пылкой,
Тот остаток вина наливает в бокал,
Тот в тарелку разбитую целится вилкой.

«Вы попали не в тон, — Петухов говорит, —
Вам поправиться нужно, читайте другое...»
Вновь биение сердца врывается в ритм
И рифмует бессонные ночи изгоя.

«Гори, гори, заря туманная,
Среди лугов, среди хлебов.
Где ты, подруга долгожданная,
Моя надежда и любовь?..»

«Что он смыслит в любви? — усмехнулся сосед. —
Уж писал бы он лучше про серую братью.
Время нынче серьезное. Даже поэт
Выбирать себе музу обязан по платью...»

Вишняков отшатнулся и, вдруг протрезвев,
Зашагал мимо столиков к выходу молча,
Где ощерился города каменный зев,
А фонарь — словно око зеленое волчье.

6. КОГДА ПРИХОДИТ СЛАВА

Над аллеями Летнего сада текла
Неостывшая пена зари розоватой,
И от шуток нескромных краснели тела
Уж давно ко всему притерпевшихся статуй.

Любопытные взгляды скучающих дам
Провожали красивого провинциала,

И летел шепоток по горячим следам:
«Я такого б на улице расцеловала».

«Погляди, погляди, синеглазый, как Лель,
Губы пухлые, только б играть на свирели.
Если б с Лелем таким, да под темную ель,
Да вдвоем, да чтоб звезды на нас не смотрели».

«Потаскушки», — сквозь зубы цедил Вишняков
И сворачивал на боковые дорожки,
Вспоминая о той, что под звон ручейков
На заре промелькнула в туманном окошке.

И вела его всюду надежда всё та ж —
Обещаньем счастливой, нечаянной встречи.
И опять возвратила на пятый этаж,
Убеждая, что встреча совсем недалече.

«Вдоль Невы, вдоль гранитных ее берегов
Бродят в белые ночи за славой поэты.
Только вы, — усмехнулся Сергей Петухов, —
Не бродили за нею, удачей согреты.

Вот смотрите, — и бросил газету на стол,
Всё равно словно карточку старой знакомой, —
Я скитанья расписывал ваши, не столь
Гонораром, сколь искренним чувством влекомый».

И читал Вишняков, и не верил глазам,
Разбегаются строки, хитры и лукавы.
«Вы ли это писали?» — «Конечно, я сам!»
— «Для чего?» — «А для вашей же, юноша, славы».

«Для моей? Но ведь я тут похож на себя,
Словно хмель на глухую крапиву у прясел!»
— «Ничего, не волнуйтесь, я, вас же любя,
Биографию вашу немножко украсил.

Ну, скажите на милость, кого удивит,
Что вдолбили вы школьникам столько-то правил?
Чтоб придать вам во всем романтический вид,
Я прийти вас в столицу пешочком заставил.

Встречу с вами в ночлежке глухой сочинил,
Женщин плакать заставил над вашею песней,

Ну так разве же этим я вас огорчил?..
Вы подумайте. Право же, так интересней».

Но стоял Вишняков, прислонившись к стене,
Что ни слово — то камень тяжелый на плечи.
«Что подумает Маша теперь обо мне,
Что друзьям и знакомым расскажет при встрече?»

«Не волнуйтесь же, юноша. Плюньте на всё.
Поворачивать вспять неумно, да и мелко.
Если белку подхватит у нас колесо —
Поневоле кружиться должна будет белка».

«Нет, простите, — вскипел Вишняков, — я не тот,
За кого вы меня принимали. Поверьте.
Белкой быть не хочу. Говорю наперед.
И не буду. А слову я верен до смерти.

Может статься, талант у меня небольшой,
Может, я старомоден, но верю и знаю,
Что рождаются песни лишь чистой душой,
Бескорыстной любовью к отцовскому краю.

В лживом сердце правдивых не сыщется слов,
Тех, что матерью доброй завещаны сыну...
Я скорей под забором подохнуть готов,
Чем фиглярить, напялив чужую личину».

«Уважаю характер, — вздохнул Петухов. —
Вы мне нравитесь, юноша, честное слово.
Так не будем же спорить из-за пустяков,
Я для вас же старался. Без умысла злого...

Всё поправим. За вас я всегда постою.
Может, скажут за это спасибо века мне.
Завтра ж тисну в газете другую статью,
Не оставлю от этой и камня на камне».

7. ПЕРЕПУТЬЕ

Снился сон Вишнякову: меж каменных скал
Заплутал он и вдруг очутился над бездной.
За кустарник цеплялся, опоры искал,
Звал кого-то на помощь в тоске бесполезной.

Звал и знал — не услышит душа ни одна,
Хоть бы рухнуло небо, земля раскололась.
Вдруг из бездны, откуда-то с темного дна,
Он услышал знакомый до ужаса голос.

Он застыл с леденеющим сердцем, немой,
Вспоминая над кручей зеленой рассветы.
«...Хороший мой,
Где ты?..»

«Здесь я, Маша...» — И ринулся вниз, в пустоту,
Содрогаясь и радуясь шуму паденья,
Чтобы видеть, проснувшись в холодном поту,
Наяву продолжавшееся сновиденье.

Вишнякова пугал равнодушьем своим
Шумный мир петербургской газетной богемы.
Петухов утешал: «Все над бездной стоим,
Все давно разуверились в завтрашнем дне мы.

Жизни крикнуть всегда мы готовы: «Адью!»
Мы несем на плечах всю усталость столетья.
Я готовлю об этом большую статью,
Вот увидите, соли не стану жалеть я.

Покажу, как в искусстве своем и быту
У истоков столетья мы все обнищали...»
— «Хорошо... Но сперва написали б вы ту,
Ну, в которой поправиться вы обещали».

Петухов снисходительно дернул плечом,
Сеть морщин побежала, змеясь, под глазами.
«Уверяю вас, юноша, я ни при чем.
Я готов. Потолкуйте с редактором сами».

«Что ж, прискорбно, прискорбно, — редактор вздыхал.—
Я и сам недоволен статейкою этой.
Но зачем поднимать непременно скандал,
Но зачем рисковать понапрасну газетой?

Да и вряд ли захочет читатель теперь
С романтической нашей легендой проститься...»
Вишняков повернулся и вышел за дверь,
Озираясь, как в клетку попавшая птица.

В коридоре окликнул старик репортер:
«Отказаться хотите от славы облыжной?
Ничего не добьетесь. Редактор хитер.
Лучше в школу вернитесь, хоть путь и не ближний.

Поспешите. Советую вам от души,
Или сделают плоским вас, как подоконник.
Я ведь сам разменял свой талант на гроши
Происшествий скандальных и горестных хроник.

С вами ж будет похуже. Объявят, что вы
Исписались, жидам продались. Что хотите...»
И тянуло бежать не на берег Невы,
А на речку, забытую в зреющем жите.

8. ОДИНОЧЕСТВО

Ни друзей, ни знакомых кругом, ни души,
Кроме шустрых писак из дешевой газеты.
Петухов называет их «карандаши»
И смеется: «Расписывать ватерклозеты».

Петухов не чета им. Он аристократ,
Он не ищет скандалов, голодный и хмурый.
И приятней, и выгодней в тысячу крат
Заниматься изящною литературой.

В мягкой шляпе и с тросточкой тонкой в руке,
Встретив утро стаканом холодного чая,
Через Невский проспект он бежит налегке,
На поклоны кивком головы отвечая.

Он в балете и в опере свой человек,
Он по выставкам бродит хозяйской походкой,
Равнодушно на встречных глядит из-под век
И в жилеты приятелей тычет бородкой.

Сам пошутит и сам рассмеется навзрыд:
«Не могу обойтись без приправы, хоть плачь я...»
И довольный редактор о нем говорит,
Что чутье у него на таланты собачье.

Ну о чем толковать? Не его ли чутью
Этот скромный учитель успехом обязан?

Не пригрей он его да не тисни статью —
По ночлежкам, наверно, скитался б сейчас он.

Да и сам Петухов козырного туза
Видел в нем своего и хвалился везде им.
«Вишнякову не страшно сказать и в глаза,
Что в поэзии может он стать чародеем.

Он талантлив, по совести. Без дураков.
О, о нем еще может услышать столица».
Но, живя с ним под кровлей одной, Вишняков
Всем делился, лишь дружбой не мог поделиться.

Знал он двух Петуховых, и первый из них
Был когда-то приятелем Павла Ельцова,
А другой издевался над Павлом: «Из книг
Павел вычитал всё до последнего слова.

Мудрость книжная выжила ум со двора.
Я давно отказался от этого вздора.
Не пришла революцию делать пора,
И придет, говоря откровенно, не скоро.

Да и лучше ли станет нам, если придет, —
Мне, признаться по совести, верится слабо.
Вот вы ищете Машу который уж год,
А найдете — увидите: глупая баба.

Что, попал на любимую вашу мозоль?
Ну, не хмурьтесь. Вы скажете то же при встрече».
Словно рану, еще незажившую, — соль,
Беспокоили сердце и жгли эти речи.

Вишняков надевал торопливо пальто,
Без оглядки бежал из постылого дома.
«Неужель в этом городе шумном никто
Никогда не слыхал настоящего грома?»

9. ПЕТЕРБУРГСКАЯ НОЧЬ

От столицы до дальних глухих уголков
Разлетались, как белые птицы, метели.
И тревожно прислушивался Вишняков,
Как над кровлями зданий их крылья свистели.

Вот, казалось, погаснут фонарики звезд,
И, теряя опору в гранитных колоннах,
Опрокинется небо на Аничков мост,
На широкие спины коней укрощенных.

Но тяжелые кони грызут удила
И не сдвинутся с места, от ярости немы.
Шел и шел Вишняков, позабыв про дела,
В мир насвистанной вьюгами страшной поэмы.

В переулке знакомый старик репортер
Задержал: «Погодите-ка малость, коллега. —
И торжественно руки над ним распростер. —
Я спешил к вам и чуть не споткнулся с разбега.

Черт бы взял обитателей теплых квартир,
Даже в стужу до них не допустит хожалый.
Нам же нужно бежать, чтоб согреться, в трактир,
А не то и мозги заморозишь, пожалуй.

От кого в Петербурге не терпишь обид?
От сырого тумана, от вьюги колючей.
Так зайдемте. Я хроникой нынче набит,
Расскажу вам один романтический случай.

Здесь рассказывать, что ли? Ну, как бы не так.
Дважды два на морозе совсем не четыре.
Разгуляйся, бедняк, на последний пятак
За пустою бутылкой в порожнем трактире».

Вишняков возвращаться домой не хотел,
В петербургскую мутную оторопь канув...
Глухо стулья стонали под тяжестью тел,
В дребезжанье бутылок и звоне стаканов.

И бубнил за столом репортер, захмелев
От привычного шума скорей, чем от водки:
«Был когда-то и я не собака, а лев,
Вы забыли об этом, пропитые глотки.

Наливают и пьют без оглядки до дна
В этом чертовом капище горести нашей.
Вот повесилась нынче девица одна.
Молодая. А звали как ласково: Машей.

Мир душе, перешедшей за скорбный предел
И нашедшей забвенье печалей у смерти...»
Вишняков на него обалдело глядел:
«Вы не шутите?» — «Этим не шутят, поверьте.

В гувернантках в приличном семействе жила
И хозяину сердце отдать не хотела...»
Вишняков побледнел. Голова тяжела,
И смертельным ознобом наполнено тело.

«Да ведь это ж она, это Маша моя...» —
И замолк, захлебнувшийся горечью горя.
Чуть звенели тяжелых стаканов края,
Одинокой тоске человеческой вторя.

Вдруг, как будто очнувшись, он поднял стакан:
«Что же, выпьем, я нынче поминки справляю.
Подходите, в ком сердце горит. Я не пьян,
Я стихи вам, как лучшим друзьям, почитаю.

«О мать Россия! В мире целом
Светлей не сыщешь доброты...
В лице крестьянки загорелом
Я узнаю твои черты.

Певуч простор твой изначальный,
Полна чудес твоя земля,
Но отчего же так печальны
Твои селенья и поля?

Молчат курганы вековые,
Как слезы, на траве роса.
Скажи, что сделать нам, Россия,
Чтоб зацвела твоя краса?»

Дочитав, захмелел и поник головой,
Бормоча: «Маша, Машенька... Первая песня,
невеста...»
От соседнего столика мастеровой
Встал: «Пойдемте отсюда. Не здесь ваше место.

Я узнал вас по снимку в газете. Вы тот,
Кто принес из деревни напевы родные...»
...Выла вьюга. Кончался тринадцатый год.
Шла навстречу большим испытаньям Россия.

10. ГОРОД НАД НЕВОЙ

(Эпилог)

Он стоит, окруженный сияньем легенд,
Словно гений творца своего неустанен.
Здесь витийствовал первый наш интеллигент,
С берегов Беломорья пришедший крестьянин.

Здесь Державин дерзил самодержцам, и вдруг
Закипела Нева перед ним Ипокреной.
Пушкин здесь проходил, и светлее вокруг
Становилось от песни его вдохновенной.

Здесь Сенатская площадь доныне хранит
Над сугробами отсвет костров декабристских,
Здесь Некрасов гранил своей песней гранит,
Окликая друзей и далеких и близких.

Казни ждал Достоевский, пытая судьбу,
И была ему каторгой царская милость.
Чернышевский мужал, пригвожденный к столбу,
И Россия за ним от пожаров дымилась.

Здесь, сгоравший дотла и рождавшийся вновь,
Чтоб о родине петь в зачарованном круге,
Блок и лучшую песню свою и любовь
Отдал милой отчизне, возникшей из вьюги.

Вот и ночь перешла незаметно в рассвет, —
Значит, время домой возвращаться, а кстати ль...
И проходит за музой бессонной вослед
По проспектам столетий поэт и мечтатель.

Здесь для музы в любые туманы светло,
Здесь она навещает в любую погоду,
Если только поэзия не ремесло,
А торжественный подвиг служенья народу.

1940, 1961

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

869. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

ЗАЧИН

Не приспело ль ныне время, братья,
Слово на старинный лад начать,
О походе Игоревой рати
Горестную повесть рассказать.

А начать нам подобает смело,
Не скрывая ни рубцов, ни ран,
Так, как правда времени велела,
А не так, как замышлял Боян.

У Бояна вещего, бывало,
Если петь он начинал о ком,
Мысль, как серый волк в степи, бежала,
Поднималась к облакам орлом.

Говоря: «Былое вспоминаю,
Шум усобиц в думах не затих», —
Выпускал он на лебяжью стаю
Десять верных соколов своих.

Первая настигнутая лебедь
Первой и запеть была должна.
Трубным звуком прославляла в небе
Ярослава Мудрого она.

Славила Мстислава, что, не дрогнув,
На врага один за всех пошел,
В схватке перед полчищем косогов
Князя их Редедю заколол.

Красного Романа величала,
Щедрого и сердцем и умом,

И кружилась песня, ликовала,
И светилась даль в краю родном.

Но не десять соколов взлетали,
А Боян персты на струны клал,
И живые струны рокотали
Славу тем, кто не искал похвал.

Так начнем и мы, как можем, братья,
Повесть давних и недавних лет.
Ждет нас Игорь-князь, что в поле ратном
Наступал всегда врагу на след.

Изострил он в думах неустанных
Мысль свою обидой русских сел
И полки на половцев поганых
В бой за землю русскую повел.

1

В небо на померкшее светило
Игорь поглядел из-под руки.
Тьма дневная от него закрыла
Знаменьем смущенные полки.

И сказал он так своей дружине,
Как сказал бы и судьбе самой:
«Не добыв победы на чужбине,
Мы не смеем повернуть домой!

В битве ж, как от прадедов ведется,
Лучше сгинуть, чем попасть в полон...
Сядем же на коней наших борзых
Да посмотрим хоть на синий Дон.

Что гадать о знаменьях, почуя
Жажду меч свой испытать в бою?
Преломить конец копья хочу я
Половецкой степи на краю!

Зачерпнуть донской воды шеломом,
Поглядеться в ясные струи
Или сгинуть в поле незнакомом
Вместе с вами, русичи мои!»

...О Боян, о соловей старинный,
Вновь щитов заколыхалась медь.
Вот тебе бы Игорю с дружиной
Славу многозвучную пропеть!

Мысль твоя шумит, подобно древу,
Уходя вершиной в облака,
И внимают твоему напеву
Старые и новые века.

Побродивший по тропе Трояна,
Обе полы времени ты свил
И, былое славя неустанно,
Игоря бы тоже не забыл.

Ты б спро̀сил, наверно, для начала,
Устремив в просторы вещий взгляд:
«Буря ль в степи соколов загнала,
К Дону ль стаи галочьи спешат?»

А потом бы возвестил герою
Внук Велесов, сединой повит:
«Кони ржут за тихою Сулою,
Слава в стольном Киеве звенит!»

2

Трубы в Нове-городе трубят,
Над Путивлем стяги шелестят.
Игорь ждет: когда придет, что скажет
Буй-тур Всеволод, любимый брат.

Всеволод промолвил, встрече рад:
«Ты мой свет единый, кровный брат.
Так седлай коней. Мои у Курска
В полной справе по пути стоят.

Мои куряне издавна
В сраженьях знамениты,
Под стягами взлелеяны,
Под трубами повиты.

С конца копья вскормлены,
Из шеломов вспоены,

Луки их напружены,
Колчаны отворены.

Мечи всегда наточены,
Ножны позолочены.
Думы да заботы
К седлам приторочены.

Все пути известны им,
Все яруги ведомы.
Словно волки серые,
Рыщут за победами.

Как на пир веселый,
Рвутся в бой кровавый,
Себе чести ищут,
Князю ищут славы».

3

Вступает Игорь-князь в златое стремя
И скачет в поле — отдыхать не время.
А солнце тьмой дорогу заградило,
А ночь грозой всех тварей разбудила.
Во мгле ненастной слышен вой звериный,
Под шум древесный кличет див с вершины.
Вещает он своей тревожной молвью
И Сурожу, и Волге, и Поморью,
И Корсуню, который виды видел,
Да и тебе, тмутороканский идол!
Уж половцы на Дон в скопленье многом
Бегут по непроторенным дорогам.
Телеги их кричат, не умолкая,
Как лебедей распуганная стая.
Князь Игорь к Дону синему стремится,
А перед ним во тьме ширяют птицы.
Орлы друг друга клекотом скликают,
На медные щиты лисицы лают.
Выходят волки с жадными глазами...
О русская земля, ты за холмами!

Ночь уходит нехотя
По глухим полянам.
Утро занимается
Над седым туманом.

Не понять в тумане том,
Где холмы, где балки.
Соловьи примолкнули,
Расшумелись галки.

Встречи ожидаючи
С клятыми врагами,
Степь разгородили всю
Русичи щитами.

Все готовы русичи
К битве нелукавой.
Себе чести ищут,
Князю ищут славы.

4

В пятницу, нагрянув спозаранок,
Истоптали русичи врага,
Захватили юных половчанок,
Золото, шелка и жемчуга.

Словно стрелы, мчались в клубах пыли,
Вырываясь на простор степной,
В топине болот мосты мостили
Половецкой рухлядью цветной.

Не привержен к золоту и шелку,
Чтоб всегда глядеть в глаза судьбе,
Только ханский стяг да жезл и челку
Храбрый Святославич взял себе!

...Притомилось Игорево войско,
Спит гнездо Олегово в степи.
Далеко родной зари полоска,
А в чужой ночи вполглаза спи...

Но тому, кто помнит предков сечи,
Честь отцов хранит, как верный сын,
Не страшны ни сокол и ни кречет,
А не то что ворон-половчин.

До зари притихли буераки,
Затаился в ковылях степняк...

Серым волком рыщет Гзак во мраке,
Кажет к Дону путь ему Кончак.

5

Зарей кровавой возвещен рассвет,
Идущим с моря тучам счету нет.
Спешат прикрыть те тучи мглой своей
Четыре солнца — четырех князей.

Уж молнии во всю сверкают прыть,
Великому тут грому нынче быть.
Тут с Дона, что тревожно присмирел,
Весь день идти дождю каленых стрел.

Настало время копья преломить,
Отточенные сабли иступить
Пред синим Доном у Каяль-реки,
Где напустили мраку степняки...

Гроза дохнула, травы шевеля...
Ты за холмами, русская земля!

6

Ветры, внуки Стрибожьи,
Вражьи стрелы несут,
Вьется прах раздорожий,
Реки мутно текут.

Степь оглохла от звона,
Крылья стягов шумят.
Сразу с моря и с Дона
Половчане спешат.

Русский стан окружили
От черты до черты,
Только путь им закрыли
Боевые щиты.

Воют бесовы дети,
Чуют смерть над собой.
Молча русские встретить
Приготовились бой.

...Буй-тур Всеволод! Смело
Ты средь поля стоишь,
Мечешь меткие стрелы.
Вражью силу разишь.

Кто тебя не заметит?
Вот, помчал напролом.
Солнцем родины светит
Золотой твой шелом.

Смерть поганым приносит
Харалужный твой меч,
Словно травы, их косит,
Рубит головы с плеч.

Ради ратного братства
В эту степь ты пришел,
Позабыл и богатство
И черниговский стол,

И красы легкокрылой,
Зажигающей кровь,
Своей Глебовны милой
И привет и любовь.

7

Миновали времена Трояна,
Годы Ярослава далеки.
Где Олег, который неустанно
Снаряжал в поход свои полки?

Взявший меч междоусобной брани,
Не зерно, а стрелы сеял он.
В злат стремень вступал в Тмуторокани
Так, что в Киеве был слышен звон.

Слава про него прошла такая,
Что не знать бы стороне родной.
И бледнел Владимир, замыкая
Уши за черниговской стеной.

А Борис, сын Вячеслава юный,
Что его обидел, возгордясь,

Отдал душу, головой бездумной
На постель зеленую склонясь.

Святополк увез с Каялы в Киев
Мертвого отца, таясь во мгле,
Чтоб, как подобает, у Софии
Прах его предать родной земле.

Был Олег за все свои крамолы
Назван Гориславичем тогда.
Вслед за ним по городам и селам
Проходили горе и беда.

Смуты жизнь людскую сокращали,
Внук Даждьбога покидал жилье.
Приумолкли пахари в печали,
Черное взыграло воронье.

Галки человечину делили,
Собираясь в поле на обед.
Многие бои в ту пору были,
Но не знал таких, как нынче, свет!

8

День целый с утра до заката
И вновь до рассвета в ночи
Свистят оперенные стрелы,
Гремят о шеломы мечи.

Трещат харалужные копья,
Копытами взрыта земля.
Засеяны густо костями
И политы кровью поля.

Сиротской и вдовьей печалью,
Тоской на околицах сел
По всей по Руси по великой
Посев этот горький взошел.

9

Что мне шумит, что мне звенит
В тумане пред зарей далече?
То Игорь-князь в степи спешит
Поворотить полки для сечи.

Покинуть Всеволода жаль,
Что изнемог в неравной схватке.
Уж сабель выщербилась сталь,
Смешались люди в беспорядке.

Рубились день, рубились два,
Кровавой не жалели браги,
На третий — смеркла синева,
Склонились Игоревы стяги.

Расстались братья, кончив пир
В глуши над быстрою Каялой.
Тут каждый без оглядки пил,
Да только браги недостало.

Вдали от сел родных и нив,
Не одолев своей кручины,
Поникли, сватов напоив,
Бесстрашных русичей дружины.

В великой жалости трава
Склонилась до земли над ними,
Их принакрыли дерева
Ветвями легкими своими.

10

Невеселая, братья, година тогда наступила,
Силу внука Даждьбога пустынная степь поглотила.

Встала Дева-Обида у древнего края Трояна,
Лебединые крылья над морем подняв из тумана.

Плеском крыльев она времена золотые прогнала,
Уж князья на врагов сообща не идут, как бывало.

Стали спорить они, кто постарше, а кто помоложе,
Брату брат говорил: «То мое, да и это мое же».

То, что малым считалось, — великим теперь называли,
На себя же самих, друг на друга крамолу ковали.

А враги приходили, где не было их и помину...
О, далече, князь Игорь, завел ты на гибель дружину.

Не воскреснет она, соколиным разбужена взглядом.
Бродят Карна и Жля по Руси с поминальным обрядом.

Плачут русские жены, унять свое горе не в силах:
«Уж ни мыслью помыслить, ни думою вздумать нам милых,

Не глядеться в их очи под сладостный говор дубравный,
А уж златом и серебром не позвенеть и подавно...

Стонет горестно Киев, Чернигов с ним делит несчастье.
Разлились по Руси, словно полные реки, напасти.

А князья на себя, друг на друга крамолу ковали,
А поганые шли, данью поле и лес облагали.

11

Так два Святославича, два брата,
Захмелевших во пиру кровавом,
Разбудили степняков проклятых,
Усмиренных старым Святославом.

Князь — отец их — мудр был и в отваге
Приводил на степь полки без счета,
Притоптал пригорки и овраги,
Иссушил потоки и болота.

А Кобяка-хана, что на горе
Всей Руси повсюду рыскал зверем,
Подхватил, как вихорь, в лукоморье
И забросил в Киев, в княжий терем.

Потому-то греки и морава,
Да и все иные чужестранцы
Восхваляют князя Святослава,
А над сыном рады посмеяться.

Игорь русским золотом усыпал
Дно Каялы, войска не жалея,
Сам же из седла княжого выпал,
Пересел рабом в седло кащея!

С той поры не слышно песен в селах
И не видно городов веселых.

12

Снился Святославу смутный сон
В стольном граде, в тереме высоком.
И, собрав бояр, поведал он,
Что узрел во мраке вещим оком.

Говорил, ночную тень гоня,
Голосом тревожным и усталым:
«На кровати тисовой меня
Одевали черным покрывалом.

Дали синего вина хлебнуть,
Смешанного с горькою отравой.
Крупный жемчуг сыпал мне на грудь
Из колчана половчин лукавый.

Льнула к сердцу моему тоска,
Приготовиться веля к потерям,
Я взглянул и вижу: нет князька,
Что венчал мой златоверхий терем.

Я не мог тревоги превозмочь,
Что стояла у моей постели,
И кричали вороны всю ночь,
К синю морю надо мной летели».

И бояре отвечали: «Князь,
Изнемог ты, о Руси печалясь,
С отчего престола, не спросясь,
В степь два сокола твоих умчались.

Захотели спесь с поганых сбить
Да ни с кем удачей не делиться,
Град Тмуторокань себе добыть
Иль хотя б донской воды напиться.

Только удаль кровью изошла,
Степь со всех сторон на них полезла,
Подрубили соколам крыла,
А самих опутали в железа.

Так два солнца в день злосчастный тот,
Два столба сияющих погасли,

Так в пучину помутневших вод
Канули два месяца, два ясных.

Пала честь, бесчестье разбудив,
И неправда верх взяла над правдой,
И на Русь во мраке прянул див,
Черный вестник из орды проклятой.

Вновь узнала Русь, похолодев,
Топот половецкого набега.
И запели хоры готских дев,
Заплясали у морского брега.

Славят время Бусово они,
Золотом позванивая русским,
А для нас текут в печали дни,
А для нас и небо стало тусклым».

13

И тогда, над сном своим восстав,
Оглянувшись на былое снова,
Изронил златое Святослав,
На слезах замешанное слово.

Так сказал он: «О мои сыны,
Игорь-князь, буй-Всеволод! Как рано,
Жаждой ратной славы смущены,
Вы в поход отправились на хана.

В бой вступили вы в недобрый час,
Кровь врагов не к чести проливали,
Хоть сердца отважные у вас
Скованы из самой лучшей стали.

В правом деле были не правы,
Я себя утешить не умею.
Что же, что же сотворили вы
С сединой серебряной моею?

Ярослав Черниговский, мой брат,
Видно, уж не властен над князьями,
А ведь он-то силами богат,
Ратями, что в бой стремятся сами.

Татраны и шельбиры его,
Ольберы, ревуги и топчаки
Без щитов справляли торжество,
Засапожный нож служил им в драке.

Перед ними шла во всех боях
Слава многозвучная их дедов,
И бежал от грозных кликов враг,
В первой схватке ярость их изведав.

Вы ж решили, покидая дом,
Позабыв, что Русь всего дороже:
„Славу прошлых дней себе возьмем,
Славу будущих поделим тоже“.

Диво ль старцу сбросить с плеч года?
Сокол тот, что в линьке побывает,
Не позволит разорить гнезда,
Хищных птиц он высоко взбивает.

Но беда — забыл о брате брат,
И пойти на ворога мне не с кем,
Русичи у Римова кричат,
Преданные саблям половецким.

Зашумел на пажитях бурьян,
Разрастаясь буйно, вместо хлеба,
А Владимир изошел от ран,
Горе сыну доблестному Глеба!»

14

Великий княже Всеволод! Неужто
И мыслью не помыслишь ты о том,
Что братская любовь твоя и дружба
Могла бы Киев заслонить щитом?

Ведь если б ты привел подмогу кстати,
Несдобровать бы лютому врагу.
Шли б девки-половчанки по ногате,
А пленники по резани в торгу.

Ты веслами разбрызгать можешь Волгу,
Ты вылить Дон шеломами готов

И, словно копья, мечешь верных долгу
Своих подручных — Глебовых сынов.

А вы, буй-Рюрик и Давид, забыли,
Как вы мужали в схватках боевых,
Где ваши воины сплеча рубили
И плавали в крови шеломы их?

Те воины, что турами рычали
Под саблями врага в чужом краю.
Припомните ж всё это в дни печали,
Не посрамите молодость свою.

Вступите в злат стремень и удалую
Дружину кличьте, как на торжество,
За нашу землю русскую родную,
За все обиды времени сего.

15

Князь Ярослав, ты назван Осмомыслом,
Тебя всегда мы верным братом числим.
Далече виден Галич твой богатый.
Железной ратью ты подпер Карпаты.
Нет королю в твои пределы входа,
Твой ключ закрыл дунайские ворота,
За облака твои взметнулись башни,
Ты гонишь грозы на луга и пашни
И, Киеву ворота открывая,
Вершишь свой суд на берегах Дуная.
С отцовского престола мечешь стрелы
В заморские султановы пределы.
Стреляй же, княже, в половцев поганых
За землю русскую, за Игоревы раны.

16

А ты, Роман, и ты, Мстислав?
Всегда вас подвиги манили.
Превыше зелени дубрав
Свои раскинули вы крылья.

На всех ветрах паря в пути,
Родной вскормленные долиной,

Вы птиц стремились превзойти
Своей отвагой соколиной.

Есть молодцы у вас для битв
В шеломах кованых латинских.
Под их стопой земля дрожит
В пределах близких и не близких.

Литва, Ятвага с Хиновой
Не раз сдавались вам на милость,
И половчане головой
Под ваши сабли преклонились.

Но свет князь Игоря погас
У половецкого кочевья,
В печальный час, в бедовый час
Листву осыпали деревья.

У Роси, у Сулы-реки
Лицо зари слеза туманит.
Добычу делят степняки,
А войско Игоря не встанет.

Зовет вас честь, князья, туда,
Где синий Дон грустит в тумане.
Птенцы Олегова гнезда
Легли одни на поле брани.

17

О храбрые Мстиславичи мои,
Ингварь и Всеволод, вас, шестикрыльцев, трое.
Всегда вели вы честные бои,
А не хитрили, братьям козни строя.

Свое по правде каждый получил,
Никто ничем вас попрекнуть не может.
Чего ж вы ждете? Иль не стало сил,
Иль общая печаль вас не тревожит?

Возьмите копья ляшские скорей,
Колчаны ваши и щиты багряны
И отомстите воронью степей
За землю русскую, за Игоревы раны.

18

Уж к древним Переяславльским воротам
Не серебро, а муть несет Сула.
Уж и Двина по топям и болотам
Под вражий гомон к Полоцку пошла.

Давно врагу не грозны полочане,
Не соберут для новой рати сил.
В последний раз князь Изяслав мечами,
Рубясь с Литвой, в шеломы позвонил.

То славу деда своего Всеслава
Он приласкал в том поле наяву,
А сам, умывшись пеною кровавой,
Свалился на пожухшую траву.

Приласканный литовскими мечами,
Навек с землей любимой обручась,
Сказал, печально поводя очами:
«Не вся ль с тобой твоя дружина, князь...

Ее уж птицы крыльями накрыли,
На ранах звери вылизали кровь».
А братья долг свой воинский забыли,
И умер князь один среди врагов.

В тиши сквозь золотое ожерелье
Ушла его жемчужная душа.
Умолкли песни, струны отзвенели,
Лишь трубы воют, вопль тоски глуша.

Вы, внуки Ярослава и Всеслава,
Склоните стяги гордые свои.
Не по плечу вам дедовская слава,
Не по мечу бывалые бои.

Не сами ль вы, растратив в распрях силы,
Полки поганых в отчий край ввели?
И терпит Русь обиды и насилья
От половецкой воровской земли.

19

Был седьмой Троянов век, и был
Князь Всеслав, что хитрость сделал силой.
В яром сердце унимая пыл,
Загадал он о девице милой.

Сам коню заправил удила
И помчался в Киев златоглавый,
Но коснулся княжьего стола
Только кончиком копья, лукавый.

В ночь бежал из Белгорода вон,
Словно зверь, почуявший тенета,
А к утру своей секирой он
Новгородские открыл ворота.

Славу Ярославову расшиб,
Ко всему, что пахнет смутой, чуток,
Волком сквозь дремучий вой и шип
Прянул на Немигу из Дудуток.

На реке Немиге молотьба,
А цепы из харалужной стали.
На току широком не хлеба —
Человечьи головы лежали.

Веяли не зерна на посев,
А от тела душу отделяли.
Шла река, от крови покраснев,
По полям, где кости прорастали.

Днем Всеслав суды свои вершил,
Для князей урядчиком был строгим,
А в ночи, исполнен дивных сил,
Рыскал по неведомым дорогам.

Солнцу путь не раз пересекал,
Серым волком обратясь в тумане,
Вечерком он Киев покидал,
Чтоб встречать рассвет в Тмуторокани.

В Полоцке звонили на заре
Для него заутреню в Софии,

А уж он на киевской горе
Слышал переливы золотые.

Только хитрость князя не спасла,
Удальство не помогло Всеславу:
Знал он в жизни беды без числа,
Пил он вместо радости отраву.

Про него сказал Боян тогда,
Знавший правду и в большом и в малом:
«Час пробьет, от божьего суда
Не уйти ни хитрым, ни удалым».

...Стонет Русь у всех своих дорог,
Вспоминая то, что сердцу свято.
Старого Владимира не мог
Пригвоздить никто к его палатам.

Он всегда, как исстари велось,
Был со всеми вместе в поле ратном,
А теперь полощут стяги врозь,
Копья тоже врозь летят, о братья!

20

На заре на зорьке, рано-рано,
Со своей тоской наедине,
Плачет, причитает Ярославна
На путивльской городской стене:

«Я взовьюсь кукушкой бесприютной,
На Дунай далекий полечу,
Где-нибудь в Каяль-реке попутной
Свой рукав бобровый омочу.

Наяву ль, во сне ли в час туманный,
В той ковыль-траве, в степном дыму,
Оботру запекшиеся раны
Милу другу, князю моему...»

Так за всех, кто из чужого края
Милых ждет, вздыхая в тишине,
Плачет Ярославна, причитая
На путивльской городской стене.

«Ветер, ветер, почему, могучий,
Ты забыл старинное родство,
Вражьих стрел зачем ты мечешь тучи
На дружину князя моего!

Мало, что ль, за облаками мчаться,
Гнать по синю морю корабли.
Для чего ж мое ты отнял счастье,
Разметал в глухой степной дали?»

Так, вплетая голос в шум дубравный,
В камышиный шелест над рекой,
Плачет, причитает Ярославна
На стене путивльской городской.

«Днепр Словутич! Горных кряжей камень
Ты пробил и в степи путь открыл,
Святослава с верными полками
На полки Кобяковы носил.

Так неужто ты, родной, допустишь,
Чтоб текли мои в печали дни?
Успокой мне сердце, Днепр Словутич,
Сохрани мне друга и верни...»

Так, горючих слез не утирая,
В ранней рани далеко слышна,
Плачет Ярославна горевая,
Причитает на стене одна.

«Солнце, дважды светлое и трижды,
Тает мгла перед тобой как дым,
Всем тепло отрадное даришь ты,
Что же с милым сделало моим?

Ты жарой полки его спалило,
Половецкой рати помогло,
Луки храбрых русичей скрутило,
Заперло колчаны, как назло».

21

Столб над морем завился
И пошел без дорог.
Как уйти из полона,
Указует сам бог.

Меркнут зори степные,
Мрак травой шелестит.
Игорь думает думу,
Игорь спит и не спит.

В мыслях снова и снова
Мерит путь беглеца,
Путь от синего Дона
До родного Донца.

Вот уже за рекою
Свистнул Овлур в тиши,
Значит, кони готовы,
Значит, время — спеши.

Русский князь не загинет
В половецком плену...
И рванулися кони,
Унеслись в тишину.

Докатился до стражи
Частый дробот копыт.
На стану половецком
Всё шумит и гремит.

Князь, услышав погоню,
Горностаем скакнул,
Белым гоголем с лету
В темный омут нырнул.

Вновь, ни праха, ни пота
Не стирая с лица,
Мчится скоком и летом
К луговинам Донца.

Вьется соколом в небе
Всё быстрей и быстрей,
На обед добывает
Лебедей и гусей.

Вьется соколом Игорь,
Овлур волком бежит.
Пали борзые кони,
Медлить степь не велит.

22

По берегам Донца звенит камыш:
«Ты все сердца, о князь, возвеселишь.
Сломает Русь молчания печать,
Тебя в распевах станет величать.
А хан Кобяк, что завистью набряк,
С тоски-досады скроется во мрак...»
Князь Игорь отвечает: «О Донец,
Не ты ли жажду утолил сердец!
Ты князя нес на ласковой волне,
Усталого лелеял в тишине.
Стелил ему постель из трав густых
На берегах серебряных своих,
В ночи туманом теплым одевал,
В тени от снов тревожных укрывал.
Ты чайкой на воде его стерег,
Пролетной уткой вести слал с дорог.
А вот река Стугна не такова.
Она чужими водами жива,
Кичливо в самом устье разлилась
И тешится любой добычей всласть.
Спроси: зачем в избытке юных сил
Князь Ростислав загублен ею был?..
По нем в тиши и дни и вечера
Тоскует мать на берегу Днепра,
И клонятся, печалью налиты,
К сырой земле и травы и цветы».

23

То не сороки растрещались
На всю ковыльную сторонку,
Нет, то Кончак и Гзак помчались
За князем Игорем вдогонку.

Сорок уже не слышно боле,
Замолкли галки и вороны.
А соловьи поют на воле,
Зовут рассвет в росе ядреной.

И Гзак сказал Кончаку: «Если
Порвалась цепь — ищи, где тонко.
Умчался сокол в поднебесье —
Пронзим стрелами соколенка».

Кончак ответил Гзаку: «Если
К гнезду родному сокол мчится,
Не лучше ль соколенка с песней
Опутать красною девицей?»

А Гзак опять: «Тогда не станет
Ни соколенка, ни девицы.
Того и жди, что в нашем стане
Начнут нас бить чужие птицы».

24

Сказал Боян, свидетель многих сеч,
Умевший правды вéщей не бояться:
«Жить невозможно голове без плеч,
Беда плечам без головы остаться».

Без Игоря вздыхала тяжело,
В тревожной мгле томилась Русь бессонно,
Но снова солнце нá небе взошло:
Князь Игорь возвратился из полона.

По селам вьется хороводов вязь,
Девичьим песням подпевают рощи.
Боричевым подъемом едет князь,
Спешит он помолиться Пирогощей.

Тут, честь князьям по старшинству воздав,
О молодых пускай рокочут струны.
Будь здрав, князь Игорь, Всеволод, будь здрав,
И ты, Владимир Игоревич юный.

Живите и не ведайте обид,
Друг другу помогайте нелукаво.
Всем, кто за землю русскую стоит,
Князьям и верной их дружине —
Слава!

1962

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

59

вместо строф 3—10 К

И быстро-быстро, как по книжке,
Ты мне расскажешь в этот час,
Какая в нашем городишке
Горячка нынче началась.

Но огляну без удивленья
Я строек длинную кайму:
«Привыкло наше поколенье
Не удивляться ничему».

97

6—7 БП

В ручье прозрачном заплескались рыбки.
Я шел зеленым берегом, пока

9—14

«Старик, — спросил я, расставаясь с ним, —
Где взял ты песни?» — «По лугам лесным
Собрал», — старик ответил без улыбки...

Мне в муках слова песня не легка,
Но помню я сторожку лесника
И звонкий голос самодельной скрипки.

110

17—18 ЛГ, 1940, 12 ноября

А детство шло. У стариков смышленых
Я перенял нехитрую науку,

вместо строф 9—10

По вечерам в библиотеках чинных
Сидел над пожелтевшими томами,
В театр шумливый провожал Шекспира
И с Пушкиным в Михайловском бродил.

Но и тогда, склонясь бессонной ночью
Над белой, словно первый снег, страницей,
Я вспоминал деревню, поле, детство,
Я стать хотел правдивым и простым

Как тот художник греческий, который,
Наедине с самим собой оставшись,

Гроздь винограда написал, и птицы
Клевать ее слетелись поутру.

113—114

2

между № 1 и № 2 автограф

Что молодость твоя, талант и слава?
На ветер брошенная горсть песку!
Ты пасынок. Ты не имеешь права
К друзьям приехать запросто в Москву.

Скитайся, в одиночестве старея,
Ищи забвенья в перемене мест,
Пока бездомная судьба еврея
Тебя в больничный не втолкнет подъезд.

В твой смертный час витии записные
Придут, чернила вместо слез струя,
И перьев их вонзятся острия
В твою тоску. Качнутся тени злые,
Но ты не верь, что это есть Россия,
Твоя любовь, бессонница твоя.

141

2 Расспрашивать не смейте ни о чем.
Сборник стихов
4 Смерть, что всегда стояла за плечом.
15 Вы помните, как сумрачен стал Данте,

192

1—2 Мы всё познали — горечь отступлений,
Зв, 1947, № 8 И радость кровью купленных побед.

строфы 3 и 4 Ну что ж, в сраженьях огрубели руки,
Испепелила ненависть сердца,
Но скорбный путь, тревожный путь разлуки
Прошли мы, стиснув зубы, до конца.

Когда в окопе, вьюгой занесенном,
Глотком из фляжки грел себя солдат,
Он твердо верил, что потомки всё нам
За нашу верность Родине простят!

316

после строфы 5
автограф

Пусть сидит он согбенный у края
Бездны бездн, что не раз пересек,
Знай: себя самого побеждая,
Вырастаешь лишь ты — человек.

325

ранняя ред.
автограф

Вот и виски уж седые сплошь,
И сердцу утрат не забыть.
А годы идут, и чем больше живешь,
Тем больше хочется жить!

384

после строфы 1
автограф

Пойду туда, где всё вокруг
Напомнит мне бывалое, —
Куда из всех моих подруг —
С собой одну лишь брала я.

Подружка шаль, подружка шаль,
Ты все признанья слышала,
Подружке жаль, подружке жаль,
Что я тех слов не вышила.

512

после строфы 6
автограф

И моя строка звучит напевно,
Потому что, как тогда в глуши,
Бела лебедь, девушка-царевна,
Плавает по заводи души.

519

ранняя ред.
автограф

Не повторяй высокопарно истин,
Что прописными юноши зовут,
Но счастлив будь, коль бодр и бескорыстен,
Хоть что-то к ним и твой прибавит труд.

525

ранняя ред.
автограф

Я словари люблю, но откровенно
Скажу: кто строит речь по словарю,
Подобен тем, кто летнюю зарю
Меняет на клочок сухого сена.

571

ранняя ред. автограф

Белый омут черемухи вспенен,
Дует в дудку весны соловей.
На зеленые кручи Есенин
Всходит легкой походкой своей.

Нет ни горькой, ни сладкой отравы,
Злые гири с поэта сняты,
И у ног его стелются травы,
Под рукой зацветают цветы.

Всеми росами родины вымыт,
Он идет, одолев забытье.
У поэзии сказочный климат,
Не стареют любимцы ее.

И за верность началам заветным,
Что чисты, как живая вода,
Он останет⟨ся⟩ тридцатилетним
На года, на века, навсегда.

Освященный любовью, бесценен
Дар поэта отчизне своей.
Белый омут черемухи вспенен,
Дует в дудку весны соловей.

597

ранняя ред. автограф

Мой разум и мой дом,
Наука и природа,
Как горько видеть мне
Тот приутихший дол,
Где химия,
Едва создав подобье меда,
Убила на цветах
Любимиц музы пчел.

660

ранняя ред. автограф

Не верь, что весело поется,
Что озаряет песня тропку
Тому, кто продал первородство
За чечевичную похлебку.

695

вместо 3—4 ранняя ред. автограф

Чтоб о непрочной славе не тужить,
С тем, кто в глаза нас хвалит, не дружить

674

783

1-я ред. автографы

Не избежать соблазнов никому
Все-все мы платим дань мечте туманной, *
Но страшно с правдой встретиться тому,
Кто тешится всю жизнь самообманом.

2-я ред.
2 Мы все платили дань мечте туманной
4 Кто тешиться привык самообманом **

3-я ред.
2 Весь срок свой платит дань мечте туманной,

4-я ред.
1 В свой срок не страшно дань отдать всему,
2 Что тешит юность ⟨*пропуск*⟩ туманной

5-я ред.
2—4

Дань заплатить
Иллюзиям туманным ***
Но страшно с правдой
Встретиться тому,
Кто тешится всю жизнь
Самообманом. ****

846

строфа 2 БП

Мне отвечая на мечту,
Рукой коснулась ты колена.
А я стихи мои прочту
Тебе легко и вдохновенно.

12 Над предпоследнею стопою.

21 Для вдохновенных наших дел

---

* Варианты: Кто дани не платил мечте туманной
Мы все платили дань мечте туманной

** Вариант: Кто тешится всю жизнь самообманом

*** Вариант: На краткий миг
Поверить снам желанным,

**** Вариант: Кто привыкает
Жить самообманом.

9—14 *БП*

Пойдем домой. Подбросим в печку дров,
Ударят искры по углам, не целясь.
Ты Тютчева откроешь, выгнув бровь,
И я увижу — щеки загорелись:
«Есть в светлости осенних вечеров
Умильная таинственная прелесть».

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее собрание является первым научно подготовленным изданием произведений Николая Рыленкова. Оно включает несколько более трети обширного стихотворного наследия поэта.

При жизни Рыленкова вышли в свет 42 книги его стихотворений. После кончины поэта его вдова Е. А. Рыленкова завершила подготовку к печати сборника «Журавлиные трубы», составленного автором во время его предсмертной болезни. Основную часть сборника образуют стихотворения, написанные Рыленковым незадолго до смерти и в прижизненные издания не попавшие. В 1974 г. вышел двухтомник «Избранные произведения. Стихи и поэмы», подготовленный самим Рыленковым еще в 1967 г.

Отбор стихотворений для настоящего собрания определен в первую очередь авторской волей, выраженной при составлении этого итогового издания. В собраниях своих стихотворений Рыленков группировал их в большие хронологические и одновременно тематические разделы. Отдельные стихотворения то появлялись, то исчезали, названия варьировались, но обычно они отличаются большой устойчивостью. В настоящем издании сохранены основные разделы двухтомника 1974 г. При общем следовании хронологическому порядку поэт нередко отступал от него ради тематической цельности разделов. Такие отступления сохранены в настоящем издании.

К 1967 г. в составе раздела «Книга раздумий», предназначавшегося для двухтомника 1974 г., начали накапливаться стихотворения, позже послужившие основой для сборника «Снежница» (М., 1968); бо́льшая их часть в этот двухтомник не вошла. В настоящем издании вслед за «Книгой раздумий» помещен раздел «Из книги „Снежница"», содержащий бо́льшую часть стихотворений, не вошедших в двухтомник 1974 г. Особым разделом напечатана, с некоторыми сокращениями, лирика сборника «Журавлиные трубы».

Из многочисленных поэм в данном издании представлены лишь некоторые с таким расчетом, чтобы были отражены все периоды творчества Рыленкова и основные разновидности его поэтического эпоса. При этом учтен «План собрания стихотворений и поэм в трех томах», сохранившийся в черновой тетради «Заготовки 1953—1959» (Архив Н. Рыленкова).

Почти все стихотворения до их включения в очередную книгу стихов печатались (иногда несколько раз) в газетах, журналах, альманахах, коллективных сборниках. Часть стихотворений, опубликованных в периодической печати, никогда не включалась поэтом в авторские сборники. В раздел «Из не опубликованного при жизни,

не собранного и не включенного в издание 1974 года» вошло ограниченное количество стихотворений, существенных для понимания отдельных периодов творчества поэта и по разным причинам оставшихся в рукописях, на страницах периодики и сборников Рыленкова.

В настоящем издании особым разделом представлен также стихотворный пересказ «Слова о полку Игореве». За пределами книги остались переводы Рыленкова с болгарского, белорусского, украинского и других языков (в объеме около трех авторских листов).

Весь довоенный архив поэта погиб в Смоленске летом 1941 г. По возвращении в освобожденный город Рыленков начал восстанавливать по памяти тексты и даты неопубликованных стихотворений. Поэтому все автографы и даты довоенных стихотворений вторичны, относятся ко времени между серединой 40-х и концом 60-х гг. Одновременно поэт разыскивал свои довоенные издания, готовил новые. На протяжении всей жизни он постоянно перерабатывал стихотворения, стремился «переписать какие-то куски», внося исправления либо в тексты сборников, либо в машинописные копии, либо в беловые автографы.

Автографы 1941—1943 гг. сохранились лишь отчасти, более поздние — достаточно полно. Рыленков вел одновременно тетради трех родов: тетради поэтических заготовок (отдельные рифмы, строки, четверостишия, прозаические «программы» стихотворений и поэм); тетради черновых рукописей; беловые тетради. Но они не всегда строго использовались по назначению: в тетради для заготовок стихотворение иногда формировалось целиком, вплоть до белового текста, а в беловой тетради нередко продолжалась работа над стихотворением. Всего в архиве поэта сохранилось 44 тетради за 1941—1969 гг. Имеется и ряд автографов на отдельных листах, хотя обычно такие рукописи уничтожались.

Завершив в 1967 г. составление двухтомника, Рыленков приступил к подготовке собрания стихотворений, значительно более полного по объему. Эти материалы сосредоточены в четырех больших папках (работа не была завершена) в виде машинописных текстов и расклейки стихотворных сборников.

В настоящем издании стихотворения публикуются по текстам последних печатных редакций, подготовленных поэтом, с проверкой по автографам, авторизованным машинописным копиям, авторизованной расклейке и экземплярам из библиотеки Рыленкова. Архив поэта находится в Смоленске у Е. А. Рыленковой. В примечаниях местонахождение автографов не оговаривается.

Датировка стихотворений сопряжена с большими трудностями. Почти все произведения имеют авторские даты, часть которых восстановлена поэтом по памяти. Нередко он указывал даты, отражающие различные этапы работы над текстом. В случае (обычном для Рыленкова), когда стихотворение подвергалось коренной переделке, иногда сохранялась дата ранней редакции, иногда ставилась дата промежуточной редакции, иногда последней, иногда — две даты. Нередко один и тот же текст в автографах и в печати имеет датировку, по неясным причинам сдвинутую на год-два и более.

Особую проблему представляет датировка стихотворений, написанных до 1930 г. В тетради стихов, относящихся к 1957 г., находится сжатый очерк «Стихи моей юности» (см.: «Звезда», 1981, № 3, с. 204), из которого следует, что поэт восстанавливал по памяти свои ранние стихотворения в 50-е гг., исправляя их и одновременно ста-

раясь сохранить в них юношескую непосредственность. Под этими стихотворениями указываются две даты. Первая дата, восстановленная Рыленковым по памяти, дата ранней редакции, снабжается знаком (?); вторая, фиксирующая время восстановления и обработки текста, как правило, достаточно точна.

Остальные даты проверены по всем сохранившимся черновым и беловым рукописям. Большую часть своих стихотворений, даже совсем коротких, Рыленков писал по нескольку дней. В первоначальный вариант вносилось несколько исправлений, затем текст переписывался; в этот вариант вносилось еще несколько исправлений, после чего текст снова переписывался, и так до восьми — десяти раз. Часто все стадии работы датировались. В настоящем издании под такими стихотворениями ставятся даты начала и окончания работы (через тире). Если стихотворение имеет несколько редакций, разделенных во времени, под ним ставятся даты первой и последней (через запятую). Если стихотворение точной датировке не поддается, наиболее вероятная дата сопровождается знаком (?). Дата в угловых скобках, обозначающая год первой публикации, сообщается в тех случаях, когда отсутствуют другие данные для датировки стихотворения.

В примечаниях указываются: первая публикация; издания, в которых текст подвергался изменениям; источник печатаемого текста; наличие автографов. Если стихотворение печатается по первой публикации, источник текста особо не оговаривается.

Рыленков постоянно пересматривал написанное. Из-за наличия многих тысяч публикаций, рассеянных на протяжении 45 лет более чем в сотне периодических и непериодических изданий, нет полной уверенности в том, что судьба текстов всех стихотворений в печати прослежена нами исчерпывающе.

Некоторые первоначальные редакции и наиболее существенные варианты приводятся в разделе «Другие редакции и варианты», что отмечено звездочкой при номере примечания.

В комментариях использованы данные группы научных сотрудников Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), работающей над библиографическим указателем «Русские советские писатели. Поэты», библиографического кабинета Центрального дома литераторов (Москва), Смоленской областной научной библиотеки им. В. И. Ленина, библиотеки Смоленского педагогического института им. К. Маркса, личного собрания Г. С. Меркина. Считаю своим долгом принести глубокую благодарность Е. А. Рыленковой, предоставившей все необходимые материалы и оказавшей неоценимую помощь в подготовке настоящего издания.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ И В РАЗДЕЛЕ «ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ»

Ав — Н. Рыленков, Август, М., «Сов. писатель», 1958.
БМ — газета «Большевистская молодежь» (Смоленск).
БМол — газета «Большевистский молодняк» (Смоленск).
БП — Н. Рыленков, Березовый перелесок. Стихи, Смоленское обл. изд., 1940.

БР — газета «Брянский рабочий» (Брянск).
В — Н. Рыленков, Встречи. Вторая книга стихов, Смоленск, Западное обл. изд., 1935.
ВЛ — журнал «Вопросы литературы» (Москва).
Д — Н. Рыленков, Дыхание. Стихи, М., «Худож. лит.», 1938.
ДН — журнал «Дружба народов» (Москва).
ДП — Н. Рыленков, Душа поэзии. Портреты и раздумья, М., «Сов. писатель», 1969.
ДП 1957, ДП 1960, ДП 1963, ДП 1965, ДП 1966 — альм. «День поэзии», М., «Сов. писатель».
ДПЛ — альм. «День поэзии», Л., «Сов. писатель», 1964.
Ж — Н. Рыленков, Жажда. Из лирики разных лет, [М.], «Молодая гвардия», 1961.
ЖТ — Н. Рыленков, Журавлиные трубы. Стихи, М., «Сов. писатель», 1972.
Зв — журнал «Звезда» (Ленинград).
ЗКВ — газета «За коммунистическое воспитание» (Смоленский педагогический институт).
Зн — журнал «Знамя» (Москва).
ЗЦ — Н. Рыленков, Зеленый цех. Стихи, М., «Сов. писатель», 1949.
И 1, И 2 — Н. Рыленков, Избранные произведения в 2-х тт. Стихи и поэмы, М., «Худож. лит.», 1974.
Из — газета «Известия» (Москва).
Избр — Н. Рыленков, Избранное, Смоленское обл. изд., 1946.
ИЛ — Н. Рыленков, Избранная лирика. 1926—1964, М., «Московский рабочий», 1965.
Ис — Н. Рыленков, Истоки. Стихи, Смоленское обл. изд., 1938.
К — Н. Рыленков, Колосья. Стихи, Смоленск, Запгиз, 1937.
КВ — Н. Рыленков, Книга верности. Лирические стихи, М., Военное изд. Министерства обороны СССР, 1961.
КЗ — газета «Красная звезда» (Москва).
КЛ — Н. Рыленков, Корни и листья. Стихи, М., «Сов. писатель», 1960.
Колх — журнал «Колхозник» (Москва).
КП — Н. Рыленков, Книга полей, Смоленское обл. изд., 1950.
КПр — газета «Комсомольская правда» (Москва).
КрП — газета «Красноармейская правда» (Москва).
Л — Н. Рыленков, Лирика, М., «Сов. Россия», 1958.
ЛГ — «Литературная газета» (Москва).
ЛЖ — газета «Литература и жизнь» (Москва).
ЛИ — газета «Литература и искусство» (Москва).
Лир — Н. Рыленков, Лирика, М., «Правда», 1953 (Б-ка «Огонек», № 32).
ЛР — газета «Литературная Россия» (Москва).
ЛС — альм. «Литературный Смоленск», Смоленское обл. изд., вып. I, 1940; вып. 13, 1954.
М — журнал «Москва» (Москва).
МГ — Н. Рыленков, Мои герои, Смоленск, Западное обл. изд., 1933.
МК — журнал «Молодой колхозник» (Москва).
МолГ — журнал «Молодая гвардия» (Москва).
Н — журнал «Нева» (Ленинград).
Наст — журнал «Наступление» (Смоленск).
НВ — Н. Рыленков, Наступление весны. Стихи, Смоленское обл. изд., 1947.
Нед — газета «Неделя» (Москва).

НМ — журнал «Новый мир» (Москва).
НС — журнал «Наш современник» (Москва).
Ог — журнал «Огонек» (Москва).
ОД — Н. Рыленков, Отчий дом. Стихи, М., «Сов. писатель», 1944.
Ок — журнал «Октябрь» (Москва).
Ох — журнал «Охота и охотничье хозяйство» (Москва).
П — Н.Рыленков, Постоянство. Стихи, Смоленское обл. изд., 1954.
ПВГ — Н. Рыленков, Пятое время года. Стихи, М., «Сов. писатель», 1965.
Пр — газета «Правда» (Москва).
Придн — Приднепровье. Проза. Стихи. Литературная критика, Смоленское изд., 1962.
ПЮ — Н. Рыленков, Прощание с юностью, М., «Сов. писатель», 1963.
Рд — Н. Рыленков, Родник. Стихи, Смоленское обл. изд., 1957.
Р 1, Р 2 — Родина. Альманах смоленских писателей, вып. 1, 2, Смоленское обл. изд., 1938.
РП — газета «Рабочий путь» (Смоленск).
РС — Н. Рыленков, Рябиновый свет. Стихи, М., «Сов. Россия», 1962.
С 1, С 2 — Н. Рыленков, Стихотворения и поэмы, в 2-х тт., М., «Худож. лит.», 1959.
СА — Смоленский альманах, Смоленское обл. изд., вып. 1, 1945; вып. 4, 1948; вып. 7, 1950; вып. 9, 1951; вып. 12, 1953.
СВ — Н. Рыленков, Синее вино. Стихи, М., изд. «Худож. лит.», 1943.
СЖ — газета «Сельская жизнь» (Москва).
СиП — Н. Рыленков, Стихотворения и поэмы, М., «Худож. лит.», 1956.
СЛ — Н. Рыленков, Смоленские леса. Стихи, Смоленское обл. изд., 1944.
СМ — Н. Рыленков, Сотворение мира. Стихи, М., «Сов. писатель», 1946.
См — журнал «Смена» (Москва).
«Смена» — газета «Смена» (Смоленск).
Сн — Н. Рыленков, Снежница. Стихи, М., «Сов. писатель», 1968.
СО — журнал «Сибирские огни» (Новосибирск).
СовВ — журнал «Советский воин» (Москва).
СовМ — газета «Советская молодежь» (Рига).
СП — Н. Рыленков, Стихи и поэмы, Смоленское обл. изд., 1952.
СР — газета «Советская Россия» (Москва).
Ст — Н. Рыленков, Стихотворения, М., «Сов. писатель», 1953.
ст. — стих.
СТВ — Н. Рыленков, Солдаты той войны. Стихи, [М.], Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского Флота, 1963 (Б-чка журнала «Советский воин», № 17 (468)).
Стих — Н. Рыленков, Стихотворения, М., «Худож. лит.», 1964.
ст-ние — стихотворение.
Т — газета «Труд» (Москва).
ФЮ — журнал «Фронтовой юмор» (Западный фронт).
Ю — журнал «Юность» (Москва).
ЮТ — газета «Юный товарищ» (Смоленск).

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

ИЛ, с. 3—14, более сжатый вариант. Печ. по: «Советские писатели. Автобиографии», т. 3, М., 1966, с. 579—590. *Прочитал письмо... Федора Сологуба* — в кн.: «Литературный календарь-альманах», [СПб.], 1907, с. 49. *«Толока»* — см. прим. 7. *Ликбез* — ликвидация безграмотности, массовое обучение грамоте взрослого населения в СССР в 20—30-е гг. *Полонский* М. О. — критик, автор первого печатного отзыва о стихах поэта: «Рыленковское «Вечером», крепко сколоченное, как крепкая мужицкая дума, ласковое и тихое, как зимний вечер в деревне» (БР, 1926, 24 декабря). *Македонов* А. В. (р. 1909) — автор статей и книг о смоленской поэтической школе, о Н. Рыленкове, А. Твардовском, доктор геолого-минералогических наук. *Рембо* А. (1854—1891) — французский поэт. Ст-ние *«Париж заселяется вновь»* (1871) посвящено Парижской коммуне. *По* Э. А. (1809—1849) — американский поэт, прозаик, критик. *«Аннабель Ли»* — его ст-ние об утраченной любви. *Рильке Р. М.* (1875—1926) — австрийский поэт. *«Карусель»* — одно из его «стихотворений о вещах», описывающее уголок Люксембурского сада в Париже. *Чапыгин А. П.* (1870—1937) — писатель, автор исторических романов «Разин Степан», «Гулящие люди», повестей и рассказов. *Из трав мы вяжем книги* и т. д — из ст-ния Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (1917). *Первый съезд писателей* состоялся в 1934 г. *Казин В. В.* (1898—1981) — поэт. *Ряд исторических баллад* — «Отрок с уздечкой», «Меч Мономаха», «Сказание о ханской басме», «Свадьба Марины Мнишек». *Две небольшие поэмы* — «Великая замятня» и «Скоморох Овсей Колобок». *«Березовый перелесок»... был жестоко разруган.* См. вступ. статью, с. 20. Рецензия Д. *Данина* появилась в «Новом мире», 1941, № 4, с. 242. *Брат, офицер-танкист* — Рыленков А. И. (1913—1973). *В них отдается каждый вздох* и т. д. — из ст-ния Рыленкова «В который раз летит листва...» (1951). *Эртель* А. И. (1855—1908) — писатель просветительско-демократической ориентации. *«Моление Даниила Заточника»* и *«Слово о погибели Русския земли»* — памятники русской литературы XIII в. *По свидетельству Д. Семеновского* и т. д. См. в кн.: Семеновский Д. Н., А. М. Горький. Письма и встречи, М., 1961, с. 69. *Я многое делал не так* и т. д. — из ст-ния Рыленкова «Я многое делал не так...» (1955).

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

КНИГА ЮНОСТИ

1. Зн, 1965, № 1, с. 126. Автограф.

2. Зн, 1967, № 3, с. 126. Автографы.

3. СР, 1963, 30 апреля.

4. И 1, с. 30. Автограф.

5. Л, с. 10.

6. Из, 1962, 18 апреля. Автограф.

7. «Смоленская деревня», 1926, 14 февраля. Печ. по ИЛ, с. 18. Автограф. Первое опубликованное ст-ние Рыленкова. *Толока* (обл.) — общая помощь, сбор односельчан к одному хозяину для дружной работы на целый день за угощение.

8. ЮТ, 1927, 18 мая, под загл. «В полях». Печ. по С 1, с. 16.

9. ЮТ, 1927, 16 марта. Печ. по П, с. 36. Муз. А. Флярковского.

10. ЮТ, 1927, 13 апреля, под загл. «Подпасок». Печ. по СЖ, 1961, 26 апреля. Автограф ранней ред. под загл. «Подпасок». *Лада* — возлюбленная, жена.

11. СР, 1962, 3 января. Автограф под загл. «Венок».

12—13. Л, с. 10, 11.

14. ЮТ, 1927, 10 сентября, под загл. «После урожая». Печ. по П, с. 87. *Овин* — строение с топкой для сушки хлеба. *Прясло* — звено изгороди от кола до кола. *Омет* — скирд.

15. Рд, с. 57. Муз. П. Теплова.

16. В, с. 15; СиП; Л. Печ. по ИЛ, с. 21. *Вега* — звезда первой величины в созвездии Лира.

17. «Смоленская деревня», 1927, 30 августа, под загл. «Новые поселки», после ст. 12 еще две строфы. Печ. по И 1, с. 43. Автограф.

18. ЮТ, 1927, 7 сентября. Печ. по И 1, с. 44. Автограф.

19. ИЛ, с. 19. Автограф.

20. П, с. 88.

21. КЛ, с. 121.

22. Ю, 1958, № 5, с. 25.

23. Наст, 1935, № 6, с. 42. Печ. по Н, 1960, № 10, с. 112. Автограф.

24. РП, 1930, 11 апреля, под загл. «Цыганка Зара», с другими строфами 5—10; В, под загл. «Цыганка», после ст. 40 еще пять строф. Печ. по С 1, с. 25.

25—30. РП, 1934, 8 января (в № 25 после ст. 20 еще одна строфа; в № 26 после ст. 8 еще одна строфа; в № 27 после ст. 12 еще одна строфа; в № 30 ст. 5—8 отсутствуют, 9—12 — в другой ред.); С 1.

Печ. по И 1, с. 55—58. 1. *Зажинки* — праздник начала сбора урожая. *Постать* — полоса покоса, которую жнец захватывает, проходя с серпом, за один раз.

КНИГА ВСТРЕЧ

31. «На стройке. Литературно-художественный сб.», Смоленск, 1932, с. 32; МГ; К; РП, 1950, 13 августа, после ст. 44 еще одна строфа. Печ. по И 1,с. 61.

32. Наст, 1932, № 2-3, с. 54; МГ; К. Печ. по СП, с. 17. Автограф. Эпиграф — из поэмы Некрасова «Мороз, Красный нос». *Зюарит вавируха* — заспешит метель, вьюга.

33. НМ, 1933, № 6, с. 107, вм. строф 4—5 четыре другие; К; Д; НВ; СиП, без строфы 3. Печ. по Л, с. 18.

34. Наст, 1933, № 3, с. 22, под загл. «Расставание», с эпиграфом из ст-ния Пушкина «Что в имени тебе моем?..» (ст. 1—4), вм. ст. 31—40 другие 22 ст.; К; Избр. Печ. по СП, с. 51.

35. Наст, 1934, № 8, с. 47, вм. строфы 10 пять строф; Ок, 1937, № 4, с другой строфой 10. Печ. по СП, с. 53.

36. Наст, 1935, № 1, с. 25, под загл. «В дороге», как цикл из двух ст-ний: в 1-м строфы 1—2 и еще две, во 2-м строфы 4—8 в другой ред.; Д; Ис. Печ. по Лир, с. 4. В строфах 1—3 и 7 отразились темы и интонации поэмы Есенина «Анна Снегина».

37. РП, 1934, 6 октября, под загл. «Жена»; Ок, 1938, № 7; Ис, под загл. «Жена». Печ. по СП, с. 71.

38. Д, с. 41. Печ. по П, с. 30. Автограф.

39. РП, 1935, 16 июля; К; Д; Избр, без строфы 9; СиП; ИЛ, без строфы 9. Печ. по И 1, с. 73. *На юру* (разг.) — на ветру.

40. С 1, с. 59. Автограф.

41. Наст, 1935, № 8, с. 35, под загл. «Гроза прошла», вм. строф 1—4 одиннадцать других; Ок, 1937, № 4. Печ. по Л, с. 21. Автограф.

42. РП, 1935, 1 июня; Ок, 1937, № 2; Избр. Печ. по СП, 58.

43. РП, 1935, 4 августа, между строфами 3 и 4 еще четыре; СМ, вм. строфы 4 другая строфа из 6-ти ст.; СП. Печ. по И 1, с. 78. *Елена Прекрасная* (греч. миф.) — дочь Зевса и Леды, славившаяся необыкновенной красотой.

44. Наст, 1935, № 10, с. 8, под загл. «Первенец». Печ. по СП, с. 67.

45. РП, 1935, 12 мая; К. Печ. по Пр, 1959, 13 декабря.

46. Р 2, с. 253, под загл. «Март», между строфами 1 и 2 еще одна. Печ. по П, с. 37.

47. КП, с. 60.

48. БМ, 1950, 4 июня, вм. строфы 4 три другие. Печ. по И 1, с. 85.

49. К, с. 40.

50. К, с. 96. Печ. по СП, с. 60.

51. К, с. 24, между строфами 1 и 2 еще одна, после строфы 4 еще две; Избр, между строфами 1 и 2 еще одна. Печ. по СиП, с. 30.

52. Колх, 1938, № 3-4, с. 141, между строфами 1 и 2, 2 и 3 еще по одной; Избр. Печ. по СП, с. 66.

53. К, с. 107.

54. НВ, с. 53. Печ. по См, 1954, № 12, с. 11.

55. РП, 1935, 16 февраля. Печ. по КПр, 1947, 30 августа. Автограф.

56. Ог, 1945, № 42, с. 14.

57. Р 2, с. 255, под загл. «Утро», без строф 5—6. Печ. по Избр, с. 23.

58. Д, с. 52, без строфы 4; Избр. Печ. по СиП, с. 39.

***59.** ВМол, 1935, 28 июня, под загл. «Встреча», вм. строф 3—10 две другие; К; НВ; СиП; С 1. Печ. по Стих, с. 48. Автограф.

60. Ис, с. 69, вм. строф 3—8 четыре другие. Печ. по НВ, с. 95. Автограф.

61. Ис, с. 68. Печ. по И 1, с. 101.

62. СП, с. 27.

63. РП, 1936, 7 ноября. Печ. по ЗЦ, с. 93. Автограф. *Тюнино* — см.: Н. Рыленков, Страницы жизни (наст. изд., с. 56—58).

64. РП, 1940, 15 апреля, под загл. «Михаил Ломоносов». Автограф.

65. Р 2, с. 249, в качестве 1-го ст-ния цикла «Тень Пушкина». *Откуда гроб?* и т. д. Здесь Рыленков следует за эпизодом гл. 2 «Путешествия в Арзрум» Пушкина. Далее он отходит от содержания этого произведения. *Не долго поброжу по свету.* Вероятно, отзвук «Дорожных жалоб» Пушкина.

66. Д, с. 19. Ст-ние воссоздает образ молодого Горького, на что указывает, в частности, эпитет в конце 1-го ст. *Чудра, Радда, Лойко,*

Данко — персонажи его ранних романтических произведений. *Дед Каширин, кунавинский книжник*, описан Горьким в автобиографической повести «Детство». В. В. Каширин имел дом в слободе Кунавино возле Нижнего Новгорода.

67. См, 1954, № 12, с. 11. Печ. по И 1, с. 110. Автограф.

68. Д, с. 21. Печ. по СП, с. 70.

69. КП, с. 14. Муз. И. Бочкова, В. Мотова.

70. БП, с. 19, без строфы 3, вм. строфы 6 две другие. Печ. по Р, с. 61.

71. БП, с. 34, между строфами 3 и 4 еще одна. Печ. по И 1, с. 114.

72. Ис, с. 46. Печ. по С 1, с. 117.

73. БП, с. 29, после ст. 14 еще один ст., образующий «хвост» сонета: «Я возвратился, с чем пришел». Печ. по С 1, с. 118.

74. Ис, с. 48.

75. П, с. 120. Автограф. *Зази́мок* — первый заморозок и снежок.

76. БП, с. 40, между строфами 4 и 5 еще одна. Печ. по И 1, с. 119.

77. Ис, с. 54.

78. Ис, с. 55; НМ, 1943, № 10-11, под загл. «Воспоминания»; Избр. Печ. по Стих, с. 55. *Чернотроп* (обл.) — бесснежный путь.

79. Ис, с. 30. Печ. по Зв, 1947, № 8, с. 83. Автограф. *Разымчивый* (обл.) — возбуждающий.

80. Р 2, с. 256, после строфы 8 повторена (с незначительным изменением) строфа 1. Печ. по СП, с. 97.

81. Рд, с. 69.

82. Ис, с. 51.

83. Д, с. 9; СП, вм. строф 4—5 еще одна. Печ. по ИЛ, с. 54. Автограф с разночтениями. *Росстань* (обл.) — перекресток дорог.

84. БМ, 1938, 8 января. *«Современник»* — журнал, который издавал Некрасов в 1847—1866 гг.

85. Ис, с. 23. Печ. по СиП, с. 48. *В купальские ночи вздыхали о кладах.* Согласно народным представлениям, в полночь на Ивана Купала (24 июня) расцветает папоротник, открывая зарытые в земле клады.

86. БП, с. 8; «Смена», 1953, 18 октября, под загл. «Колос». Печ. по П, с. 99. Автограф.

87. БП, с. 58. Печ. по СП, с. 100. Муз. Б. Гибалина.

88. БП, с. 15. *Краснотал* (обл.) — верба. Муз. А. Мазаева.

89. БП, с. 14. Печ. по СП, с. 74.

90. БП, с. 16.

91. ЛГ, 1940, 12 ноября.

92. БП, с. 27; НМ, 1943, № 10-11, под загл. «Воспоминание». Печ. по СМ, с. 68.

93. БП, с. 30; СП; Л. Печ. по И 1, с. 139.

94. Ис, с. 50.

95—96. БП, с. 42, 43.

***97.** БП, с. 9. Печ. по Зв, 1947, № 8, с. 84.

98. БП, с. 10. Автограф под загл. «Мастер».

99. БП, с. 11. Автограф.

100. Ок, 1958, № 12, с. 111. Автограф ранней ред.

101. Избр, с. 71.

102. БП, с. 56. Печ. по С 1, с. 140.

103. СП, с. 84; Лир. Печ. по СиП, с. 71. Автографы.

104. Рд, с. 104, после строфы 4 еще три. Печ. по И 1, с. 150.

105. БП, с. 49. Печ. по Стих, с. 73. *Оболонь* (обл.) — наружные, молодые слои дерева прироста последних годов.

106. РП, 1956, 3 июня, в подборке под загл. «Из новых стихов». Муз. И. Артеменко.

107. Рд, с. 98. Автограф строф 1—2.

108. СМ, с. 63. Автографы строфы 1.

109. СиП, с. 72. Автограф.

***110.** ЛГ, 1940, 12 ноября, вм. строфы 10 две другие. Печ. по Избр, с. 8.

111. РП, 1944, 19 ноября. Автограф. *Застреха* (обл.) — нижний, выступающий край крыши. Муз. И. Трушкина.

112. ПЮ, с. 16, между строфами 7—8 еще одна, после строфы 9 еще одна. Печ. по Ст, с. 52.

***113—115.** НМ, 1942, № 7, с. 52—53, где цикл включает еще один сонет; ПЮ, в том же составе. Печ. по ЗЦ, с. 116—117. Автограф. 3. *Ты видел: сыновья моей земли* и т. д. Аллюзия на картину Левитана «Владимирка».

116—119. ПЮ, с. 21—23. Автограф.

120. Рд, с. 22. Ст-ние написано по мотивам былин. *Торока́* — ремни позади седла.

121. БМ, 1939, 26 июня, вм. строф 13—14 три другие. Печ. по С 1, с. 160. Сюжет и подробности заимствованы в летописи «Повесть временных лет» под 968 г., стилистика ст-ния восходит к «Слову о полку Игореве».

122. БМ, 1939, 12 октября; Избр. Печ. по С 1, с. 163. Сюжет и подробности заимствованы из книги Г. П. Георгиевского «Смутное время» (М., 1903, с. 308—309). Согласно С. М. Соловьеву («История России...», кн. 4, М., 1960, с. 450), *дьяк Тимофей Осипов* обличал Лжедмитрия после его свадьбы.

КНИГА ВЕРНОСТИ

123. РП, 1941, 22 июня, под загл. «Возвращение». Печ. по Ст, с. 61. Ранний вариант ст-ния датируется по письму М. Исаковского Н. Рыленкову от 6 февраля 1952 г. (НМ, 1980, № 1, с. 246).

124. СВ, с. 6. Автограф.

125. ПЮ, с. 27. Автограф.

126. РП, 1942, 11 октября. Из текста большого ст-ния под загл. «Из дневника (Осень 1941 года)» (опубликовано по автографу в ЛР, 1981, 13 февраля) выделились два самостоятельных ст-ния — данное (строфы 1—7, 10 и 11) и № 217 (строфы 2 и 9) (см. прим. 217). *И мы не знали, где наши семьи* — см. вступ. статью, с. 21.

127. ЛИ, 1942, 16 мая. Автограф. *И синего вина, вина печали* — образ из «Слова о полку Игореве». Данное ст-ние открывает сб. военной лирики Рыленкова «Синее вино» (1943).

128. НМ, 1942, № 5-6, с. 139. Печ. по ПЮ, с. 29.

129. РП, 1942, 29 мая, без загл.; ЛИ, 1942, 26 декабря, под загл. «День рождения»; СВ; Избр. Печ. по СП, с. 146. Автограф. Обращено к Е. А. Цунской (см. прим. 130).

130. РП, 1942, 26 июня, под загл. «Любимой»; СВ. Печ. по С 1, с. 203. В автографе посвящение «Евгении Цунской», между строфами 2 и 3 еще одна, вариант ст. 24: «Дорогой мести ненависть ведет!» Цунская (Рыленкова) Евгения Антоновна (р. 1908) — жена поэта.

131. СВ, с. 17. Печ. по Ст, с. 70. Автографы.

132. КПр, 1943, 4 ноября. *Мужа в бой провожая, там слезы не льет Андромаха.* Трогательная сцена расставания Андромахи с ее супругом — могучим воином Гектором, описанная в «Илиаде», традиционно считается одной из наиболее лиричных в мировой поэзии.

133. СВ, с. 7, без загл., с посвящением «М. Когану». Печ. по СП, с. 145. Автограф.

134. СВ, с. 17. Печ. по Избр, с. 147.

135. РП, 1942, 10 июля, под загл. «Встреча», без посвящения, между строфами 4 и 5 еще одна; ПЮ; Стих, под загл. «Ире», без посвящения; ИЛ, без посвящения; С, под загл. «Ире», без посвящения. Печ. по И 1, с. 226. *Ира* — Рыленкова Ирина Николаевна (р. 1937) — дочь поэта.

136. СВ, с. 11. Автограф под загл. «Возвращенная юность».

137. СВ, с. 12. В автографе между строфами 4 и 5 одна строфа зачеркнута, между строфами 5 и 6 еще одна, а другая вписана и зачеркнута; между строфами 6 и 7 одна строфа опущена.

138. НМ, 1942, № 5-6, с. 139. Печ. по И 1, с. 234.

139. СВ, с 10. Печ. по ИЛ, с. 110.

140. СВ, с. 13. Автограф под загл. «Признание», между строфами 8—9 и 10—11 еще по одной строфе.

***141.** Сборник стихов, М., 1943, с. 528; Избр; «Смоленские поэты. Сборник стихотворений», Смоленск, 1949. Печ. по СП, с. 144. В черновом и беловом автографах строфы датированы раздельно: 1-я и 2-я — 7 марта 1942, 3-я и 4-я — 9 марта 1942. Е. И. Осетров («Муза в березовом перелеске», М., 1974, с. 116) считает более органичной раннюю ред. ст-ния и подробно освещает отклики на его публикацию. *Данте* Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт.

142. ПЮ, с. 31.

143. ФЮ, 1942, № 14(18), с. 11, как подпись под рисунком Б. Малкина. Печ. по ЛГ, 1968, 23 февраля.

144. РП, 1942, 12 июля; ЛИ, 1942, 22 августа; ФЮ, 1942, № 14 (18); Избр, без загл., вм. строф 6—7 одна другая, строфы 10—11 отсутствуют. Печ. по С 1, с. 212. Муз. Ю. Милютина.

145. Избр, с. 165.

146. ФЮ, 1943, № 1(22), с. 14, под загл. «Новогодний тост». Печ. по: Н. Рыленков, По чувству долга. Стихи, [М.], 1969, с. 22.

147. ОД, с. 14. Печ. по Ст, с. 62. Муз. Б. Гибалина.

148. ОД, с. 15.

149. РП, 1943, 7 июля. Автограф.

150. КПр, 1943, 12 июня, под загл. «Ответная песня». Печ. по ОД, с. 28.

151. Ок, 1943, № 10, с. 100; Зв, 1946, № 4. Печ. по СиП, с. 115. Автограф.

152. ОД, с. 57.

153. ОД, с. 19. Печ. по Избр, с. 157. Автограф.

154. РП, 1943, 21 октября. Автограф ранней ред.

155. РП, 1943, 25 марта, под загл. «Партизанская песня»; СЛ, между строфами 6 и 7 еще две. Печ. по ОД, с. 65. Автограф под загл. «Партизанская песня».

156. КПр, 1943, 7 марта, с подзаг. «Из партизанских песен»; СЛ. Печ. по Ст, с. 94. Автограф без загл. *Аленушка* — героиня народной сказки сестрица Аленушка, которая трогательно заботится о братце Иванушке.

157. РП, 1943, 9 мая; КПр, 1943, 16 июня, под загл. «Партизанка»; Избр; ИЛ. Печ. по И 1, с. 256. Автограф.

158. РП, 1943, 9 мая.

159. КПр, 1943, 3 апреля. Печ. по Ст, с. 81.

160. РП, 1943, 3 апреля; ОД; СЛ; Избр. Печ. по СП, с. 163. В автографе варианты ст. 31 и 32, между ст. 48 и 49 еще шесть. В тексте использованы метрика, строфика, некоторые строки и образы ст-ния «Бригадир» (Наст, 1932, № 1, с. 24).

161. РП, 1943, 9 апреля, под загл. «Как найти мне тебя?»; Ок, 1943, № 4-5, под загл. «Возвращение»; ОД; СЛ, под загл. «Возвращение»; Избр. Печ. по СиП, с. 128. Один автограф под загл. «Возвращение», другой без загл.

162. ЛИ, 1943, 17 апреля; РП, 1944, 13 апреля, в составе поэмы «Сотворение мира»; Ок, 1944, № 9; РП, 1945, 3 июня, в составе цикла «Лето»; С 1; ИЛ. Печ. по И 1, с. 267. Автограф.

163. КПр, 1943, 1 сентября, под загл. «Возрождение». Печ. по ОД, с. 22.

164. ЛИ, 1943, 23 октября, после строфы 11 еще две. Печ. по С 1, с. 233. *«Скажи, воды живой и мертвой...»* и т. д. В волшебных сказках от мертвой воды срастаются части разрубленного человека, от живой он оживает. *Красная горка* — последний день Пасхи, или 2-я неделя по Пасхе, или только понедельник, вторник этой недели — время поминовения умерших родителей и величания молодых супругов.

165. ЛИ, 1943, 23 октября. Печ. по Избр, с. 110. *Ведунья* — колдунья, ворожея. *Сивка-бурка, вещая каурка* — «чудесный помощник»

героя волшебных сказок. *Олень... златорогий.* Золотые рога и золотое дерево — образы волшебных сказок, символизирующие счастье.

166. РП, 1945, 16 сентября, между строфами 5 и 6 еще одна. Печ. по Избр, с. 86. Автограф.

167. РП, 1944, 4 августа.

168. РП, 1944, 4 октября, как 2-я часть ст-ния «Признания» (см. прим. 191); Избр, под загл. «Признание»; СМ. Печ. по Л, с. 64.

169. ЛГ, 1945, 24 марта. Печ. по И 1, с. 277. Автограф.

170. РП, 1944, 26 ноября. Автографы.

171. РП, 1944, 5 декабря.

172. РП, 1944, 29 октября, под загл. «Из лирической тетради»; Избр; СМ, без строфы 2; Зв, 1947, № 8. Печ. по И 1, с. 280.

173. РП, 1944, 31 мая, под загл. «Родной город». Печ. по КПр, 1945, 11 февраля.

174. РП, 1944, 26 ноября. Автографы двух ред. строфы 1.

175. РП, 1944, 6 ноября.

176. КПр, 1945, 22 мая; СМ. Печ. по СП, с. 226. Автограф.

177. РП, 1946, 1 мая, под загл. «К Родине»; Зн, 1947, № 8. Печ. по НВ, с. 10. Автограф. В тексте использованы темы 2-го ст-ния цикла «Стихи о России» (РП, 1942, 23 сентября).

КНИГА ПАМЯТИ

178. НВ, с. 15. Автографы ранней и окончательной ред., последний под загл. «Бессмертие».

179. КПр, 1945, 11 февраля; Избр., под загл. «Из девичьих песен»; СМ. Печ. по И 1, с. 354. Автограф под загл. «Рута». *Рута* — душистое растение; «в народной поэзии — символ девичьей чистоты» (прим. автора в СМ).

180. РП, 1944, 20 мая, без строфы 11; СА, вып. 1, с. 12, между строфами 10 и 11 еще одна; Избр; СМ, без строфы 9, между строфами 10 и 11 еще одна; С 1, без загл. Печ. по Л, с. 72.

181. РП, 1945, 15 мая, под загл. «Из лирической тетради»; СМ, после строфы 6 еще одна; Ст; МК, 1955, № 9, без строфы 2. Печ. по СиП, с. 217. Черновой и беловой автографы, последний под загл. «Из лирической тетради», после строфы 6 еще одна. По поводу опущенной строфы см. письмо М. Исаковского от 6 февраля 1952 г. (НМ, 1980, № 1, с. 246). Муз. А. Клокова.

182. НВ, с. 97. Автограф.

183. РП, 1945, 1 июля; Зв, 1946, № 4. Печ. по НВ, с. 23. Автографы.

184. НВ, с. 20. Автограф.

185. НВ, с. 22. Автограф.

186. РП, 1946, 1 мая, под загл. «Встреча», после строфы 9 еще три. Печ. по НВ, с. 99. Автографы. Елочки и сосенки в народной песне символизируют невесту.

187. Ог, 1947, № 21, с. 7, под загл. «Лето». Печ. по СиП, с. 220. В одном из автографов загл. «Лето».

188. Ог, 1947, № 9, с. 11, без загл.; ЗЦ. Печ. по СиП, с. 222. В тексте использованы метрика, строфика и темы ст-ния «Гвардейцы штурмуют Берлин» (РП, 1945, 25 апреля).

189. РП, 1947, 30 июля, под загл. «Раздумье». Печ. по СП, с. 258.

190. СП, с. 263.

191. РП, 1944. 4 октября, как 1-я часть ст-ния «Признания» (см. прим. 168); РП, 1949, 23 июня, под загл. «Вспоминая дальние дороги». Печ. по ЗЦ, с. 24.

*192. Зв, 1947, № 8, с. 123. Печ. по НВ, с. 12. Автограф.

193. НМ, 1946, № 6, с. 77; СП. Печ. по СиП, с. 229. Автографы.

194. РП, 1946, 19 мая. Автограф.

195. РП, 1947, 1 мая, под загл. «Утро года». Печ. по НВ, с. 44. Автограф.

196—197. РП, 1946, 2 июня. Автографы.

198. РП, 1946, 2 июня. Автограф под загл. «Летний дождь».

199. Зв, 1947, № 8, с. 84.

200. ЗЦ, с. 113. Автограф.

201. РП, 1949, 21 января. Автограф.

202. РП, 1948, 23 мая. Автографы.

203. ЗЦ, с. 65. Автограф. Муз. Я. Солодухо.

204. ЗЦ, с. 119. Автографы.

205. КП, с. 19.

206. РП, 1935, 6 апреля; НВ. Печ. по ЗЦ, с. 63. Автограф.

207. ЗЦ, с. 114. Автографы.

208. КП, с. 21. Автограф.

209. РП, 1948, 15 февраля, с другой строфой 2, между строфами 3 и 4, 6 и 7 еще по одной; ЗЦ, между строфами 2 и 3, 6 и 7 еще по одной, между строфами 3 и 4 еще две; СП, между строфами 3 и 4 еще две, между строфами 6 и 7 еще одна. Печ. по И 1, с. 391. Автограф редакции ЗЦ. *Стожары* — народное название некоторых созвездий.

210. РП, 1948, 18 декабря. *«Широка страна моя родная»* — из «Песни о Родине» И. Дунаевского на слова В. Лебедева-Кумача; позывные московского радио.

211. П, с. 106, между строфами 2 и 3, 5 и 6 еще по одной. Печ. по СиП, с. 264. Автографы. *Афинский акрополь* — древняя возвышенная и укрепленная часть города, замечательная своей архитектурой и скульптурой.

212. Ж, с. 38.

213. Ог, 1950, № 7, с. 8. Автографы.

214. КП, с. 29. В автографе вариант ст. 8: «Муза в облике таком?»

215. КП, с. 30. Автографы.

216. Ог, 1950, № 10, с. 23. Печ. по СП, с. 312. Автографы.

217. РП, 1950, 8 октября, под загл. «Из дневника». Наиболее ранний автограф строф 2 и 9 находится в составе ст-ния «Из дневника (Осень 1941 года)» (см. прим. 126), есть более поздние автографы всего ст-ния. *Друг из саперного батальона* — художник Сколимовский Георгий Иванович (р. 1904), живший до войны в Смоленске и не погибший под Москвой, вопреки тексту ст-ния.

218. СА, вып. 7, с. 157. Автографы.

КНИГА ПРИЗНАНИЙ

219. РП, 1951, 8 июля. Печ. по СиП, с. 274. Автографы.

220. СА, вып. 9, с. 8, между строфами 3 и 4, 9 и 10 и после строфы 10 еще по одной. Печ. по И 2, с. 8. В автографе между строфами 3 и 4 и после строфы 10 еще по одной, строфы 4—5 отсутствуют.

221. СА, вып. 12, с. 16. Автографы строф 1—3.

222. Ог, 1953, № 44, с. 24. Автограф.

223. Ст, с. 194. Автографы.

224. «Смена», 1952, 12 ноября; СиП, под загл. «Письмо брату». Печ. по И 2, с. 13. Обращено к Афанасию Ивановичу Рыленкову (1913—1973), полковнику танковых войск.

225. РП, 1952, 11 мая. Автограф.

226. БМ, 1952, 4 мая. Автограф.

227. РП, 1952, 20 сентября. Автографы. Муз. А. Клокова.

228. СА, вып. 12, с. 16. Автографы.

229. РП, 1953, 1 мая. Автограф.

230. Из, 1960, 1 мая. Автограф.

231. БП, с. 21. Печ. по СА, вып. 12, с. 15. Автограф.

232. См, 1953, № 8, с. 11. Автограф.

233. РП, 1953, 12 апреля. Печ. по П, с. 101. Автограф.

234. СА, вып. 12, с. 16. Автографы.

235. Ог, 1954, № 22, с. 24.

236. П, с. 93; СиП. Печ. по Стих, с. 199. Автограф. Ст-ние переключает в возвышенный, обобщающий план «производственное», бытовое решение той же темы в № 54.

237. СА, вып. 12, с. 17. *Варáкушка* — птица, имитирующая голоса различных птиц.

238. БМ, 1939, 22 февраля. Печ. по П, с. 122. Автограф.

239. См, 1954, № 12, с. 11. Автограф.

240. РП, 1954, 15 декабря. Автограф.

241. РП, 1954, 31 октября. Автограф под загл. «Звезда моей любви».

242. П, с. 39. Автограф.

243. РП, 1954, 15 декабря. Автограф.

244—246. П, с. 45, 81, 83. Автографы.

247. РП, 1954, 4 июля.

248—249. РП, 1954, 15 декабря. Автографы.

250. П, с. 89.

251. РП, 1954, 15 декабря. В автографе вариант ст. 4: «В прожилках голубых» и т. д. Муз. П. Теплова.

252. РП, 1954, 23 мая, между строфами 6 и 7 еще две. Печ. по И 2, с. 48. Автограф. *Древняя София* — Софийский собор XI в. в Киеве. *Памятник Богдану* — Богдану Хмельницкому; установлен в Киеве на одноименной площади в 1888 г. *Не здесь, но у истока* и т. д. — в Смоленске. *Словутич* — славный, славящийся; эпитет Днепра в фольклоре и в «Слове о полку Игореве».

253—254. П, с 114, 117. Автографы.

255—259. РП, 1954, 1 июня. Автографы. № 258 отдельно — РП, 1947, 16 февраля, под загл. «Музыка». 2. *И вдруг — война, тревога* и т. д. При подходе французов в 1812 г. к имению Новоспасское Ельнинского уезда Смоленской губернии М. И. Глинка покинул его с родителями. 3. *Остаться без семьи и без жилья.* В 1839 г. Глинка порвал с женой. 4. *Ведь музыку творит народ* и т. д. — перефразированные слова Глинки, записанные А. Н. Серовым: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем» (А. Н. Серов, Избранные статьи, т. 1, М.—Л., 1950, с. 111).

260. РП, 1955, 27 марта. Печ. по Р, с. 106. В автографе зачеркнуты ранние варианты строф 1 и 2.

261. РС, с. 70. Автограф.

262. РП, 1955, 27 марта. Автограф.

263. М, 1957, № 2, с. 40. Автограф.

264—265. Ог, 1956, № 16, с. 19. Автографы.

266. РП, 1956, 14 октября. Печ. по Р, с. 63. Автограф.

267. НМ, 1956, № 10, с. 99. *Коктебельская синь.* Коктебель (Планерское) — поселок на берегу Черного моря в Крыму, у восточного подножия горного массива *Карадаг. Торжественный слыша гекзаметр* и т. д. Намек на 7-й сонет цикла «Киммерийские сумерки» М. Волошина. О значении Коктебеля в творческой жизни Волошина Рыленков рассказал в автобиографической прозе «Коктебельская элегия» (Зв, 1976, № 6, с. 136—154).

268. РП, 1955, 9 октября. Автограф.

269—270. НМ, 1956, № 10, с. 100. Автограф. Муз. Г. Брука.

271. КПр, 1957, 17 ноября. Автограф под загл. «Слово».

272. Рд, с. 60. Муз. П. Теплова.

273. РП, 1956, 5 августа. Автограф.

274. ЛГ, 1956, 29 сентября. Автографы.

275. Рд, с. 59. Автограф.

276. М, 1957, № 2, с. 40. Автограф ранней ред.

277. Зв, 1956, № 11, с. 85. Автограф.

278. СР, 1956, 20 июля. Автограф.

279. Зв, 1956, № 11, с. 86. Автограф.

280—281. Рд, с. 26, 90. Автографы.

282. РП, 1956, 3 июня. Автограф. *Критик мой нахмурится сурово и т. д.* — см. вступ. статью, с. 19 и 36—37.

283. РП, 1956, 14 октября. Печ. по Рд, с. 10. Автограф.

284. Зв, 1956, № 11, с. 88. В автографе после ст. 76 еще один: «В том, когда расколдован атом». *Мне твердили друзья у тына* и т. д. Об этом Рыленков рассказывает в повести «Сказка моего детства» (гл. «Семья»).

285. СР, 1956, 20 июля, без строф 5—6. Печ. по Рд, с. 13. Автограф без строф 5—6.

286. МК, 1957, № 1, с. 14. Автограф.

287. Рд, с. 103. Автограф.

288. Ю, 1957, № 2, с. 47. Автограф.

289. МК, 1957, № 1, с. 14. Автограф. *Звезда моей юности — Вега*, см. № 16 и прим. к нему.

290. Ю, 1957, № 2, с. 47. В автографе строфа 1 в ранней ред., 4-я вписана позже.

291. Ю, 1957, № 2, с. 47. Автограф.

292. Рд, с. 21. Автограф.

293. М, 1957, № 2, с. 41. Автограф. *Узоро́чье* (древнерус.) — драгоценные вещи с литыми, резными, ткаными или шитыми узорами.

294. НС, 1957, № 3, с. 112. Автографы, строфа 4 вписана позже.

295. БМол, 1929, 25 августа. Печ. по НС, 1957, № 3, с. 114. Автографы без загл. *Кастальская струя* (греч. миф.) — источник вдохновения.

296. ЛЖ, 1958, 13 июня. Автографы.

297. НС, 1957, № 3, с. 113. Автограф. *Дядя Павел, Ананья.* Об этих родственниках Рыленкова см. его повесть «Сказка моего дет-

ства» (главы «Дядька Павел и дядя Гриша» и «Дед Ананья») и поэму «Ананья из Старой Ломни».

298. КЛ, с. 110. Автографы.

299—301. Зв, 1957, № 7, с. 63—64. Автографы. **299.** Образ матери запечатлен также в повести «Сказка моего детства» и в № 328. **301.** *Хмель*, вьющийся по изгороди, — символ любви и брака в фольклоре. *Веселка* (обл.) — радуга.

302. ЛГ, 1957, 11 мая. Автографы.

303. Ог, 1957, № 28, с. 9. Автографы.

304. ДП 1957, с. 97. Автограф.

305. Ю, 1958, № 5, с. 25. Автографы.

306. КЛ, с. 75. Автограф.

307. Зн, 1958, № 1, с. 144. Автографы.

308. Ог, 1957, № 28, с. 9. Автограф.

309. КПр, 1957, 17 ноября. Автографы.

310. РП, 1958, 20 июля. Печ. по Л, с. 137. Автограф.

311. Н, 1958, № 5, с. 4. Автограф.

312. Ог, 1957, № 28, с. 9. Автограф. *Дереза* — род колючих кустарников.

313. КПр, 1957, 17 ноября. Автограф.

314. Ав, с. 152. Автограф.

315. РС, с. 146. В автографе без ст. 25—28. Ст-ние основано на былине о Святогоре и Микуле Селяниновиче.

***316.** ЛЖ, 1959, 15 февраля, после строфы 5 еще одна. Печ. по И 2, с. 122. Автограф редакции ЛЖ. Ст-ние навеяно картиной М. А. Врубеля (1856—1910) «Демон» (1890). *Что тебе этот демон, сидящий* и т. д. Возможно, отзвук ст-ния Маяковского «Тамара и демон».

317. Ок, 1958, № 12, с. 110. Черновые автографы; в последнем по времени между строфами 4 и 5 одна строфа зачеркнута.

318. Ю, 1958, № 5, с. 25. Автографы.

319. ЛЖ, 1958, 13 июня. Автограф.

320. С 2, с. 258. Автограф. *Осанна* — буквально: «Спаси же!» По библейской легенде, этим возгласом встречали Христа при входе его в Иерусалим. Петь осанну — славословить, восхвалять.

321. РП, 1958, 13 декабря, с посвящением: «Моим однокурсникам по Смоленскому пединституту»; ЛЖ, 18 февраля, 1959, без посвящения; РП, 1968, 1 декабря, без строфы 5. Печ. по И 2, с. 128. Автограф. *Как прилежаньем покоряли* и т. д. Рыленков упоминает об этом в автобиографии «Страницы жизни» (с. 66 наст. изд.).

322. НС, 1958, № 10, с. 127. Автограф.

323. Ок, 1958, № 12, с. 109. Автографы, строфы 4—5 вписаны позже.

324. РП, 1958, 4 декабря. Автографы.

*325. НМ, 1959, № 5, с. 46. Автографы.

326. Н, 1958, № 5, с. 3. Автограф.

327. СР, 1959, 1 января, вм. строф 3 и 4 шесть других; КЛ, между строфами 2 и 3 еще три строфы. Печ. по авторскому экземпляру КЛ с учетом имеющейся в нем правки в соответствии с указанием Рыленкова во время предсмертной болезни. *Своими вещими очами* и т. д. — перифраза слов Гоголя из гл. 11 «Мертвых душ»: «. . .зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи? . .».

328. ДП 1960, с. 208. Печ. по ИЛ, с. 296. Автограф. О связи данного ст-ния с № 299 см. вступ. статью, с. 50, и прим. 299.

329. Ок, 1959, № 12, с. 104. Автограф. Загл. повторяет русский перевод названия комедии Шекспира. Ст-ние свободно варьирует сказочные мотивы, в особенности мотив «всякому своя доля». *Тех, что мне стихов не прощали* и т. д. — см вступ. статью, с. 19 и 36—37.

330. СовВ, 1958, № 18, с. 24. Печ. по КЛ, с. 24. Автографы.

331. «День русской поэзии», М., 1958, с. 95. Автографы.

332. СовВ, 1958, № 18, с. 24. Автографы.

333. «День русской поэзии», М., 1958, с. 95. Автографы.

334. РС, с. 153. Автограф.

335. ЛЖ, 1960, 18 декабря. Автограф ранней ред. *Мы с тобою такое видали, чему и т. д.* — возможно, намек на ст-ние Ахматовой «Лондонцам».

336. НМ, 1959, № 5, с. 46. Автографы. Строфа 1 представляет мифему «мирового дерева» (см. «Мифы народов мира», т. 1, М., 1980, с. 398).

337. НС, 1959, № 4, с. 109, под загл. «Память». Автографы.

338. НС, 1958, № 10, с. 126. Автографы.

339. Ог, 1959, № 15, с. 25. Автограф.

340. Пр, 1959, 12 июля. *Веснянка* — народная обрядовая весенняя песня.

341. НС, 1959, № 4, с. 108. В автографе вариант ст. 1: «В часы раздумья и сомненья». Он устранен, очевидно, вследствие нежелательного сближения с началом ст-ния в прозе Тургенева «Русский язык».

342. ЛЖ, 1959, 15 февраля. Автографы.

343. Ю, 1958, № 11, с. 4. Автограф. Рыленков неоднократно говорил о поэзии как о «ремесле» вслед за К. Павловой (1807—1893) (ст-ние «Ты, уцелевший в сердце нищем. . .»). Поэзия противопоставлена ремеслу у него лишь однажды, в заключительных строках поэмы «Петербургский туман» (№ 868).

344. ЛЖ, 1960, 14 февраля. Автограф. Ст. *«От нас природа тайн своих не прячет»* и т. д. — варьируют тему ст-ния Тютчева «Природа — сфинкс. И тем она верней. . .».

345. Пр, 1959, 12 июля. Автограф. Муз. А. Вотинцева.

346. ЛЖ, 1959, 29 апреля. Автограф. Муз. Л. Вишкарева, И. Трушкина.

347. Н, 1958, № 5, с. 3. Автограф. *Дальше прадедов счет не идет.* Об этом Рыленков пишет в повести «Сказка моего детства» (гл. «Семья»). *Ляда прятали* (обл.) — выжигали пни под пашню.

348. Из, 1960, 31 марта. Автографы; черновой под загл. «Весна».

349. Ох, 1959, № 3, с. 2 обложки. Автограф. Муз. Л. Вишкарева.

350. Ог, 1959, № 15, с. 25. Автографы.

351. Зн, 1960, № 6, с. 114. Автограф без ст. 9—12.

352. Зн, 1960, № 6, с. 115. Автограф.

353. КЛ, с. 106. Автограф.

354. ЛЖ, 1960, 14 февраля. Автограф.

355. НМ, 1959, № 5, с. 46. Автограф. *Отава* — трава, выросшая на месте скошенной в том же году.

356. РП, 1960, 13 марта. Автограф. Муз. В. Крупина.

357. ЛЖ, 1959, 4 сентября, без строфы 6. Печ. по КЛ, с. 117. Автограф.

358. ЛГ, 1959, 15 декабря. Печ. по КЛ, с. 127. Автограф. Муз. Ю. Честных.

359. СР, 1960, 7 февраля. Печ. по КЛ, с. 126. Автограф.

360. НМ, 1959, № 5, с. 46. Автографы.

361. КЛ, с. 160. Автограф. *Нет, не забыть под небом Рима.* Гоголь жил в Риме в 1837—1847 гг. (с длительными перерывами). *Тот труд, что Пушкиным завещан.* Гоголь рассказал в «Авторской исповеди», что Пушкин сообщил ему сюжет «Мертвых душ». *Вий* — мифологический образ, воплощенный Гоголем в одноименной повести (см. «Мифы народов мира», т. 1, М., 1980, с. 235). *Твое открытое веселье* и т. д. Перефразируется самохарактеристика Гоголя из гл. 7 «Мертвых душ». В строфах 6, 8, 9 отзвуки мыслей Гоголя в гл. 11 «Мертвых душ».

362—369. М, 1958, № 7, с. 3. Автограф. *Конёнков* Сергей Тимофеевич (1874—1971) — скульптор, земляк Рыленкова. Рыленков и Конёнков, который ценил стихи поэта, были близко знакомы («С. Т. Конёнков. Встречи. Воспоминания современников о скульпторе», М., 1980, с. 156, 176). *Кросна́* — ткацкие станки. *Вон у поляны пень, обросший мхом* и т. д. Излюбленным материалом Конёнкова, наряду с мрамором, было дерево. *Пчеляк Егор, дядюшка Григорий, камнебоец, Старичок-полевичок, Паганини* — скульптуры Конёнкова «Егорыч-пасечник» (1907), «Дядя Григорий» (1916), «Камнебоец» (1898), «Старичок-полевичок» (1910), «Паганини» (1906). *Чтоб взгляду русской девушки простой* и т. д. Образ русской девушки запечатлен Конёнковым в «Ладе» (1907, 1909), «Девушке» (1914), «Марфиньке» (1937) и др. скульптурах. *Он у руин Акрополя бродил... Под ним плескался полноводный Нил.* В 1912 г. Конёнков ездил в Грецию и Египет. *Его пленял бессонный шум Нью-Йорка.* Конёнков прожил в Нью-Йорке с 1923 по 1945 г. *Ельнинские... земляки.* Намек на скульптуру Конёнкова «Мы ельнинские».

370. СМ, 1955, 9 января. Автограф.

371. Ю, 1960, № 7, с. 50. Автограф.

372. ДН, 1960, № 11, с. 91. Автограф.

373. Зв, 1959, № 7, с. 95. Автограф.

374. СР, 1960, 7 февраля. Автограф.

375. НМ, 1960, № 1, с. 77. Автограф.

376. КПр, 1958, 19 июня, под загл. «Песня». Печ. по И 2, с. 189. Автограф.

377. НС, 1959, № 4, с. 109. Вариант ст. 5 автографа «Кто взманил нас песней молодою» указывает на блоковский подтекст: «Кто взманил меня на путь знакомый...» («Осенняя воля»).

378. Ю, 1959, № 5, с. 65. Автограф. *Стерня́* — остатки стеблей сжатого хлеба на жнивье.

379. ЛЖ, 1959, 14 октября. Автограф.

380. РП, 1948, 19 марта. Автографы под загл. «Простенькая песенка» и «Лен». Муз. М. Фрадкина, В. Липатова.

381. РП, 1948, 25 июля. Автографы. Муз. Ю. Слонова, З. Левиной.

382. НВ, с. 101, под загл. «Из девичьих песен». Печ. по И 2, с. 198. Автографы двух ред.

383. РП, 1950, 9 августа. Автографы; в беловом между строфами 4 и 5 одна строфа зачеркнута.

***384.** Ог, 1950, № 7, с. 8, между строфами 1 и 2 еще одна; КП, между строфами 1 и 2 еще две. Печ. по Стих, с. 179. В автографе между строфами 1 и 2 еще две.

385. РП, 1955, 27 марта. Автограф. Муз. В. Малышева, А. Клокова.

386. Ж, с. 82. Автографы.

387. См, 1953, № 8, с. 11. Автографы.

388—389. РП, 1954, 28 февраля. Автографы. № 388 — муз. В. Захарченко, № 389 — муз. А. Флярковского.

390. Рд, с. 120. Автограф.

391. РП, 1957, 21 июня, после строфы 5 еще одна. Печ. по И 2, с. 209. Муз. Ф. Мартынова, В. Сибирского, И. Бочкова, В. Нюхтилина, З. Бинкина.

392. МК, 1955, № 7, с. 15. Автограф. Муз. Ф. Мартынова.

393. РП, 1954, 4 июля. Автограф.

394. МК, 1954, № 6, с. 7. В автографе вариант ст. 7, после ст. 14 еще два: «Приходи, когда мы ждем, Хочешь ночью, хочешь днем!» Муз. В. Сибирского.

395. РП, 1956, 29 января. Автограф.

396. РП, 1955, 1 мая. Автограф. Муз. К. Кабашова.

397. Ог, 1956, № 16, с. 19; ЛЖ, 1959, 11 января. Печ. по И 1, с. 215. Автограф. Муз. А. Клокова, И. Трушкина, Е. Зубцова, Я. Солодухо.

398. Ог, 1956, № 16, с. 19. В автографе ст. 9 исправлен: «Горький вздох разлуки чуя».

399. Ав, с. 127. Муз. К. Кабашова.

400. Рд, с. 62. Автограф.

401. Ог, 1956, № 16, с. 19. Автограф.

402. РП, 1956, 29 января. Печ. по МК, 1956, № 3, с. 19. Автограф.

403—405. Рд, с. 113, 132, 134. Автографы.

406. МК, 1957, № 1, с. 14. Автограф. Муз. А. Хлимановича.

407. Рд, с. 132. Автограф.

408. МК, 1960, № 9, с. 6. Автограф.

409. Рд, с. 130. Автограф.

410. Ог, 1956, № 16, с. 19. Автограф. Муз. Я. Гальперина.

411. Ж, с 80. Автограф.

412. Ог, 1957, № 28, с. 9. Автографы.

413. Зв, 1957, № 7, с. 64. Автограф.

414. См, 1955, № 16, с. 8. Автографы.

415. Рд, с. 121. Автограф.

416. Ав, с. 124. Автографы.

417. МК, 1959, № 4, с. 10. Автографы.

418. НС, 1958, № 10, с. 128. Два автографа; в позднем строфа 3 заменена другой.

419—420. Ав, с. 135, 149. Автографы.

421. МК, 1960, № 9, с. 6. Автографы.

422. МК, 1959, № 4, с. 10. Автографы.

423. НС, 1958, № 10, с. 129. Два автографа, в беловом ст. 12 исправлен: «А мне стоять, стоять».

424. Ж, с. 69. Автограф.

425. Из, 1962, 18 апреля. Автографы.

КНИГА РАЗДУМИЙ

426. Из, 1960, 31 марта. Автограф.

427. ДН, 1960, № 11, с. 90.

428. См, 1961, № 3, с. 7. Автограф.

429. РП, 1960, 1 мая. Автограф. Ст. 1 заимствован Рыленковым из его более раннего ст-ния «Во имя человеческого счастья...» (См, 1954, № 12, с. 11).

430. Пр, 1960, 4 декабря. Автограф.

431. М, 1961, № 1, с. 141, под загл. «Августовская тишина». Печ. по РС, с. 109. В автографе вариант загл. «Предосенняя тишина».

432. ЛЖ, 1960, 12 октября. Автограф.

433—434. М, 1961, № 1, с. 140. № 434 печ. по РС, с. 8. Автографы.

435. Ох, 1960, № 8, с. 32. Автограф.

436. СР, 1960, 9 октября. Автограф. *В словарях толковых Такого слова не было и нет.* Мысли этого ст-ния Рыленков развивал в статье «Чувство родного слова»: «Богатства нашего языка так велики и так разнообразны, что не вмещаются ни в какие словари. Ни в одном из них я не нашел бытующего до сих пор на Смоленщине слова «суточки», что означает место слияния двух рек. Впрочем, этого слова даже объяснять не надо. Его смысл передается самим родниковым, глубинно-славянским звучанием: су — токи. Оно само просится в стихи, хотя не узаконено словарями» (ДП, с. 216). Слово «сутóки» есть в «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского (Смоленск, 1914, с. 891).

437. МолГ, 1961, № 1, с. 26. Автограф.

438. См, 1961, № 3, с. 7.

439. ЛЖ, 1961, 17 декабря. Автограф. Ст-ние развивает мотивы пушкинского недоработанного ст-ния «Стрекотунья-белобока..».

440. См, 1961, № 3, с. 7. Автограф. *Тю́нино* — большое село, где в педагогическом техникуме, а после его закрытия в девятилетней школе учился Рыленков (см. его повесть «Дорога уходит за околицу», гл. 2 «Тюнинские рощи»).

441. СовВ, 1961, № 12, с. 36. Автограф.

442. ДН, 1960, № 11, с. 91. Печ. по РС, с. 100. Автограф. *Пролетье* (обл.) — конец весны и начало лета. *Межпарье* (обл.) — время от конца посева до начала покоса (от двух до четырех недель), во второй половине мая — первой половине июня.

443. Н, 1960, № 10, с. 113. Автограф.

444—445. ЛЖ, 1961, 11 июня. Автограф. В № 444 идет речь о преодолении В. Г. Белинским «примирения с действительностью» и утверждении его на позициях революционера-демократа.

446—449. ЛЖ, 1960, 25 ноября, под загл. «Четыре сонета». Автограф.

450—454. СР, 1960, 20 ноября. Автограф. *Гомер и вместе Гезиод.* Гомер упомянут здесь как певец войны, автор «Илиады», Гесиод — как певец мира, автор поэмы «Труды и дни». *Так больше жить нельзя!* Л. Н. Толстой в статье «Не могу молчать!» (1908), протестуя против смертных казней, писал: «Нельзя так жить» (Л. Н. Толстой, Собр. соч. в 20-ти тт., т. 16, М., 1964, с. 565). Рыленков приводит эти слова как лейтмотив всей обличительной социально-нравственной публицистики Толстого. *Возьмись за плуг* и т. д. Проповедь Толстого включала в себя призыв к интеллигенции заниматься крестьянским трудом.

455. СР, 1962, 3 января. Автограф под загл. «Письма до востребования».

456. СовВ, 1961, № 12, с. 36. Печ. по РС, с. 35. Автограф.

457. М, 1961, № 10, с. 151.

458. Пр, 1962, 29 августа, без загл. Печ. по РС, с. 41. Автограф. *Город Тургенева, Город юности Бунина.* В Орле И. С. Тургенев родился, И. А. Бунин жил в возрасте 19—22 лет в 1889—1892 гг. *Тургеневской Лизою.* Лиза Калитина — героиня романа Тургенева «Дворянское гнездо», действие которого происходит в Орле (в тексте обозначен «О. . .»). *Бунинской Ликою.* Во взаимоотношениях Арсеньева и Лики в «Жизни Арсеньева» отображена любовь Бунина к В. В. Пащенко, пережитая им в Орле. Отношения Арсеньева и Лики развиваются на фоне поэтичных воспоминаний о персонажах «Дворянского гнезда» (И. А. Бунин, Собр. соч. в 9-ти тт., т. 6, М., 1966, с. 194).

459. Из, 1961, 6 августа. Печ. по РС, с. 43. Автограф. *Сарана* — сибирская лилия.

460. Ог, 1961, № 49, с. 20. Печ. по РС, с. 78. Автограф.

461. РП, 1962, 8 апреля. Печ. по РС, с. 83. Автограф.

462. Ог, 1961, № 49, с. 20. Автограф ранней ред.

463. Из, 1962, 18 апреля. В автографе строфа 2 вписана позднее.

464. СЖ, 1961, 26 апреля. Автограф.

465—466. ЛЖ, 1961, 30 июля. Автографы.

467. Ог, 1961, № 49, с. 20. Автограф.

468. ЛЖ, 1961, 30 июля. Автограф.

469. Из, 1961, 6 августа. Автограф.

470. Из, 1962, 18 апреля. Автограф.

471. РП, 1961, 18 марта, без посвящения. Печ. по РС, с. 12. В автографе посвящение отсутствует. *Боков* Виктор Федорович (р. 1914) — поэт. Рыленков посвятил ему статью «Щедрость поэта» (ЛЖ, 1959, 27 мая).

472. Из, 1961, 6 августа. Автограф. *Охра* — краска красного или желтого цвета; *киноварь* — ярко-красная краска; употребляются живописцами.

473. РП, 1961, 16 апреля, без посвящения. Печ. по Пр, 1961, 2 июня. В автографе посвящение отсутствует. *Гагарин* Юрий Алексеевич (1934—1968) — первый космонавт в мире, как и Рыленков, уроженец Смоленской обл. Ст-ние написано в день полета Гагарина.

474. РС, с. 19. Автограф.

475. РП, 1961, 18 июля. Автограф.

476. Из, 1961, 1 апреля (моск. вып.). Автограф.

477—478. ЛЖ, 1961, 24 февраля и 17 декабря. Автографы.

479—480. РС, с. 88, 90. Автографы.

481. СР, 1961, 30 сентября; «Охотничьи просторы», вып. 18, М., 1962, под загл. «Глухариный край». Печ. по РС, с. 97. Автограф.

482. Зв, 1962, № 4, с. 56. Автограф.

483. Из, 1961, 6 августа. Автограф.

484. ЛЖ, 1961, 5 апреля. В автографе эпиграф отсутствует. *Борисфен* — древнегреческое название Днепра. *Я внес... Эллады аромат и горечь Рима.* Сборники «Пчела» в Древней Руси включали не только тексты Библии, «отцов церкви» и (в небольшом количестве) русских писателей и пословицы, но также фрагменты из сочинений древнегреческих и римских авторов.

485. Ог, 1961, № 49, с. 20. Автограф. Ст-ние написано в связи с работой Рыленкова над переложением «Слова о полку Игореве» (Н. Рыленков, Страницы жизни, наст. изд., с. 67). *Евфросинья Ярославна* — жена князя Новгород-Северского Игоря, дочь Галицкого князя Ярослава Осмомысла. *Вошла ты Ярославною в века.* В «Слове», как зачастую в летописях, названа только по отчеству.

486. ЛЖ, 1961, 19 ноября. Автограф.

487. СР, 1961, 30 сентября. Автограф.

488. М, 1963, № 9, с. 4. Автограф. Загл. почти дословно повторяет ст. 1 ст-ния А. Ахматовой «То пятое время года...», где пятым временем года названа любовь.

489. РП, 1962, 1 апреля. Автограф.

490. ЛР, 1963, 1 января. Автограф под загл. «Наследник». *Рублев и Врубель мне нужны в свой час.* Обоим художникам Рыленков посвятил ст-ния (см. №№ 316 и 320).

491. РП, 1963, 2 ноября. Автограф. В ст-нии имеются в виду такие картины И. Н. Крамского, как, например, «Полесовщик», «Мина

Моисеев», картины В. М. Васнецова «Богатыри» и «Витязь на распутье». *Лада* — скульптура С. Т. Конёнкова (см. прим. 362—369).

492. Зн, 1962, № 5, с. 4. Автограф.

493. РП, 1963, 2 ноября. Автограф.

494. Зн, 1963, № 9, с. 73.

495. ЛГ, 1962, 30 июня. Автограф.

496. ЛР, 1963, 2 августа. Автограф.

497. Зн, 1963, № 9, с. 73. Автограф.

498. М, 1963, № 9, с. 5. Автограф. *Арбат* Юрий Андреевич (1905—1970) — писатель. В библиотеке Рыленкова сохранился ряд его книг с дружескими дарственными надписями.

499. Пр, 1962, 29 августа. Автограф.

500. М, 1963, № 9, с. 5. Автограф.

501. ЛГ, 1963, 5 декабря. Автограф.

502. ДП, 1963, с. 103. Автограф.

503. М, 1962, № 12, с. 3. Автограф.

504. ЛЖ, 1962, 15 июня. Автограф.

505. ЛЖ, 1962, 16 декабря. Автограф. Рыленков посвятил С. Я. Маршаку статью «Вдохновенное мастерство» (в его кн. «Душа поэзии», М., 1969) и написал ст-ние, посвященное его памяти (см. № 705).

506. СР, 1962, 30 апреля. Автограф.

507. ЛР, 1963, 2 августа. Автограф.

508. Ю, 1963, № 12, с. 3. Автограф.

509. Зн, 1962, № 5, с. 5, без загл. Печ. по ПВГ, с. 39. Автограф без загл. Свое отношение к *Рембо* Рыленков выразил в очерке «Страницы жизни» (наст. изд., с. 60), к *Блоку* — в статье «Александр Блок» («Душа поэзии», М., 1969), к *Есенину* — в повести «Дорога уходит за околицу» (гл. 3 «У смоленских башен») и в ст-ниях №№ 571 и 704. *Аполлинер* Гийом (псевдоним; настоящее имя — Гийом Альбер Владимир Александр Аполлинарий Костровицкий, 1880—1918) — французский поэт.

510. М, 1963, № 9, с. 4. Автограф. *Конь* Федор Савельевич (вторая пол. XVI — нач. XVII в.) — зодчий; в течение 1595—1602 гг. построил мощную крепостную стену вокруг Смоленска. *Царь-юрод* — Федор Иоаннович (1557—1598) — последний царь династии Рюриковичей.

511. М, 1962, № 12, с. 4. Автографы.

*512. М, 1963, № 9, с. 5. В автографе после строфы 6 еще одна.

513. СР, 1964, 26 апреля. Автограф. *Буланый* — светло-желтый, с темным хвостом и гривой.

514. НС, 1964, № 10, с. 3. Автограф.

515—516. Зн, 1963, № 9, с. 72. Автограф.

517. ЛГ, 1963, 5 декабря. Автограф.

518. Ю, 1963, № 2, с. 3. Автограф.

*519. СР, 1964, 26 апреля. Автограф.

520—523. Зн, 1963, № 9, с. 72—74. Автографы.

524. СР, 1964, 26 апреля. Автограф.

*525. Зн, 1963, № 9, с. 74. Автограф.

526. Зн, 1964, № 5, с. 124. Автограф.

527. ДПЛ, с. 214. Печ. по РП, 1966, 1 января. Автограф.

528. ЛГ, 1964, 1 января. Автограф.

529. СР, 1963, 30 апреля. Автограф.

530. Из, 1963, 31 марта. Печ. по ПВГ, с. 97. Автограф.

531—534. Из, 1963, 31 марта. Автографы. № 532 ошибочно подверстано к № 531 как его продолжение.

535. М, 1963, № 5, с. 5. Автографы.

536. ПВГ, с. 110. Автограф.

537. СЖ, 1962, 13 октября, под загл. «Знаю сам». Печ. по КЗ, 1962, 1 декабря. Автограф. Муз. А. Салова.

538. Т, 1965, 19 мая. В автографе ст. 4 отсутствует, на его месте ст. 7.

539. СР, 1964, 26 апреля. Печ. по ПВГ, с. 117. Автограф.

540. РП, 1963, 18 мая. Автограф.

541. ПВГ, с. 123.

542. РП, 1963, 2 ноября. Автограф.

543—544. Н, 1964, № 7, с. 147. Автографы.

545. Из, 1962, 4 ноября (моск. вып.). Автограф.

546. Из, 1962, 4 ноября (моск. вып.), под загл. «Олень». Печ. по ПВГ, с. 135. Автограф. *Карадаг* — см. прим. 267.

547. ДП, 1963, с. 103. Автограф. *Александр Грин* — псевдоним Гриневского Александра Степановича (1880—1932), писателя-романтика. *Городок* — Старый Крым.

548. «Заря Востока», 1962, 17 июня. *Полонский* Я. П. (1819—1898) — поэт-романтик. *Сазандар* — народный музыкант в Грузии и Азербайджане; «Сазандар» — название книги стихов (1849) Полонского. *Лебединый зов Есенина.* Подразумевается ст-ние Есенина «Поэтам Грузии». *Тихоновская резьба* — намек на орнаментальный стиль ранней поэзии Н. С. Тихонова, который много писал о Грузии («Стихи о Кахетии», «Горы», «Грузинские дороги») и переводил ее поэтов.

549. Из, 1962, 2 августа (моск. вып.). *Висят балконы.* Очевидно, отзвук ст-ния Я. П. Полонского (см. прим. 548) «Старый сазандар». *Пандури* — грузинский трехструнный музыкальный инструмент. *Чиковани* С. И. (1902—1966) — грузинский поэт.

550. М, 1962, № 12, с. 3. *Телави* — город в Грузии. *Леонидзе* Г. Н. (1899—1966) — грузинский поэт. *Алазанская долина* — долина реки Алазани в Грузии.

551. Из, 1962, 2 августа (моск. вып.), под загл. «Поэт». Печ. по ПВГ, с. 142. Автограф. *Табидзе* Тициан Юстинович (1895—1937) — грузинский поэт. Эпиграф — из ст-ния «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут...» (пер. Б. Пастернака).

552—553. Из, 1962, 2 августа (моск. вып.), № 553 — под загл. «Прощание». Печ. по ПВГ, с. 144.

554—558. Как единый цикл — ПВГ, с. 146—151. № 554 — ЛЖ, 1962, 13 августа. Автографы № 554—556. **1.** *Когда за ракетой несется ракета.* Ст-ние написано в связи с полетом в космос А. Г. Николаева и П. Р. Поповича на кораблях «Восток-3» и «Восток-4». **2** — Придн, с. 3. *Друг друга окликают корабли* — см. прим. 554. **3** — Придн, с. 3. *Вчера было два их, сегодня уж стало четыре* — Ю. А. Гагарин, Г. С. Титов, А. Г. Николаев, П. Р. Попович. **4** — Из, 1963, 17 июня. Написано во время космического полета В. Ф. Быковского. **5** — СР, 1963, 15 июня.

559. СР, 1964, 26 апреля.

560. РП, 1964, 29 августа. Автограф.

561. ЗКВ, 1964, 30 апреля; Пр, 1965, 30 марта, под загл. «Живая ветвь». Печ. по Сн, с. 21. Автограф.

562. СР, 1964, 26 апреля. Автограф.

563. Пр, 1964, 20 декабря. Автограф.

564. МолГ, 1964, № 11, с. 13. Автограф.

565. НС, 1964, № 10, с. 3. Автограф.

566. СР, 1964, 23 августа. Автограф.

567. СР, 1964, 23 августа; КЗ, 1965, 6 марта, под загл. «Откровение», в подборке, которая открывается следующей врезкой: «Дорогая редакция! Мне и моим товарищам по оружию было бы интересно прочесть в вашей газете новые лирические стихи поэта Николая Рыленкова. Если сможете выполнить нашу просьбу, будем благодарны. Ефрейтор Н. Бурмель». Печ. по Сн, с. 163. Автограф.

568. Н, 1965, № 3, с. 61. Автограф. Полный текст надписи, сделанной Жуковским на портрете, подаренном им Пушкину: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокоторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила». 1820 марта 26, Великая пятница».

569. ДП, 1966, с. 140. Автограф.

570. СР, 1964, 23 августа. Автограф.

***571.** ЛГ, 1965, 2 октября. Печ. по Сн, с. 190. Автографы. *Нет ни горькой, ни сладкой отравы* — отзвук ст-ния Есенина «Годы молодые с забубенной славой...». *Забияка и сорванец* — цитата из ст-ния Есенина «Всё живое особой метой...». *Всё живущее благословляя* и т. д. — один из распространенных мотивов поэзии Есенина (напр., в ст-нии «Каждый труд благослови, удача! ..»).

572. Нед, 1965, 9—15 мая. Автограф.

573. Н, 1966, № 1, с. 115. Автограф.

574. РП, 1965, 24 января. Автограф. *Тенёта* (обл.) — сеть для ловли зверей.

575. ЛГ, 1965, 27 марта. Автограф.

576. Нед, 1965, 9—15 мая. Автограф.

577. Сн, с. 93.

578. Пр, 1966, 1 января, под загл. «Зимняя сказка». Печ. по Сн, с. 104. Автограф.

579. ЛГ, 1965, 27 марта. Автограф.

580. РП, 1968, 30 июня. Автограф.

581—582. ЛГ, 1965, 1 мая. Автографы.

583. СР, 1965, 3 июля. Автограф без загл.

584—585. РП, 1966, 20 ноября. Автографы.

586—587. ЛР, 1966, 19 августа. Автографы. О ст-нии 587 см.: В. Баевский, Из встреч с Н. Рыленковым (Зв, 1981, № 3, с. 207).

588. Зн, 1966, № 8, с. 53. Автографы.

589. Ю, 1966, № 6, с. 18. Автограф.

590. ЛГ, 1967, 11 января. Автограф.

591—592. ЛР, 1966, 19 августа. Автографы.

593. ДП, 1966, с. 140. Автограф.

594. Из, 1966, 29 ноября. Автограф.

595. РП, 1966, 20 ноября. Печ. по Н, 1967, № 8, с. 93. В автографе ошибочная дата: 2—3 октября.

596. Н, 1967, № 1, с. 3. Автограф.

***597.** ЛР, 1966, 19 августа. Автограф. *Любимиц музы — пчел.* Пчелы как символ радости творчества и любви воспеты древнегреческими и русскими поэтами от Гесиода до Мандельштама (K. Taranovsky, Essays on Mandel'stam, Harvard University Press, Cambridge (Mass.) — London, 1976, pp. 83—114).

598. Сн, с. 57. Автограф.

599. РП, 1966, 29 марта. Автограф. Опубликовано в подборке «Из новых стихов» с врезкой: «Поэт Николай Иванович Рыленков — делегат XXIII съезда КПСС. Сегодня, в день открытия съезда партии, мы предлагаем вниманию читателей его новые стихи». В ст. 1 использовано название повести М. М. Пришвина «Неодетая весна».

600. Сн, с. 52. Автографы.

601. ДН, 1966, № 5, с. 188. Автограф. Муз. Н. Писаренко.

ИЗ КНИГИ «СНЕЖНИЦА»

602. Сн, с. 11. Автограф.

603. ДН, 1966, № 5, с. 187. Автограф.

604. Пр, 1965, 21 ноября, под загл. «Ладони, пахнущие хлебом». Печ. по Сн, с. 15. Автограф.

605. РП, 1966, 9 октября; СР, 1966, 11 октября, под загл. «Святая страсть моя». Печ. по Н, 1967, № 1, с. 3. Автограф.

606. СР, 1964, 23 августа, без загл. и строфы 9. Печ. по Ю, 1966, № 6, с. 18. Автограф. *Пуня* (обл.) — сарай, сеновал, хлев. *Сапшо́* — озеро в Смоленской обл.

607. Пр, 1965, 2 января. Автографы, строфы 3—4 вписаны позже. В ст-нии имитируются интонации ст-ния Блока «Черный ворон в сумраке снежном...».

608. РП, 1964, 29 августа; КЗ, 1965, 6 марта. Печ. по Сн, с. 30. Автограф без строфы 5, вариант ст. 44: «Жизнь ему отдаю на суд». По поводу публикации в КЗ см. прим. 567. *Пржевальский* Николай Михайлович (1839—1888) — путешественник, исследователь Центральной Азии, уроженец Смоленской губернии.

609. Нед, 1965, 9—15 мая. Автограф без строфы 7. *Осетров* Евгений Иванович (р. 1923) — критик, литературовед, библиофил, автор статей о Рыленкове и вышедшей после смерти поэта книги «Муза в березовом перелеске» (М., 1974), уроженец Костромы. *Меря* — финно-угорское племя, жило в Волго-Окском междуречье в I тысячелетии н. э.; позднее слилось с Русью. *Глинкой возведен на пьедестал* и т. д. Уроженец Смоленской губернии М. И. Глинка написал оперу «Иван Сусанин».

610. Сн, с. 35. Автограф. *В старинной книге.* Речь идет о книге Г. А. Розенкампфа «Обозрение Кормчей книги в историческом виде» (СПб., 1839, с. 247). *О разговоре молодого князя* и т. д. Полоцкий князь Константин беседовал с тверским епископом Симеоном, который был родом из князей полоцких. *Тиун* — княжеский судья и сборщик податей.

611. КЗ, 1965, 8 мая. Автограф.

612. ДН, 1966, № 5, с. 187. Автографы.

613. РП, 1964, 24 мая. Автограф.

614. РП, 1967, 24 июня. Автограф.

615. РП, 1964, 12 декабря; КЗ, 1965, 6 марта, под загл. «Сердцу велю я...». Печ. по Сн, с. 44. Автографы. По поводу публикации в КЗ см. прим. 567. В РП вариант ст. 13—14: «Полный до края Пролившимся в плоть мою небом».

616. ЗКВ, 1964, 9 мая. Автограф.

617. РП, 1965, 6 июня. Автограф.

618. Зн, 1964, № 5, с. 125. Автограф.

619. СР, 1964, 23 августа. Автограф.

620. Н, 1967, № 8, с. 93. Автограф.

621. Н, 1967, № 8, с. 93. Печ. по Сн, с. 55. Автографы.

622. Сн, с. 58. В автографе разночтения в 6 и 7 ст.

623. РП, 1964, 24 мая. Автограф.

624. ДПЛ, с. 214. Автограф.

625. Н, 1964, № 7, с. 147. Автограф.

626. «Политпросветработа», 1945, № 7-8, с. 53. Печ. по Сн, с. 63. Автографы.

627. РП, 1966, 29 марта. Автограф. См. прим. 599.

628. МолГ, 1965, № 9, с. 18. Автограф.

629. Пр, 1965, 16 мая. Печ. по Нед, 1965, 31 октября. Автограф.

630. «Лесная промышленность», 1966, 28 июля, под загл. «Моя любовь». Печ. по ЛР, 1966, 19 августа. Автограф. Первую публикацию предваряет посвящение: «Читателям газеты «Лесная промышленность», делающим большое и нужное дело — сберегающим и умножающим богатства зеленой кладовой родной страны, с самыми добрыми пожеланиями посвящаю эти строки. Н. Рыленков».

631. «Урал», 1967, № 11, с. 101. Печ. по Сн, с. 71. Автограф. *Чистик* — озеро в Смоленской обл.

632. См, 1966, № 17, с. 17. Автограф.

633. ЛР, 1963, 2 августа. Автограф.

634. РП, 1963, 2 ноября. Автограф.

635. Зн, 1966, № 8, с. 53. Автограф.

636—637. МолГ, 1965, № 9, с. 19. Автографы.

638. РП, 1965, 30 мая, под загл. «Для утоления жажды». Печ. по Сн, с. 82.

639. ДП, 1965, с. 8. Автограф.

640. МолГ, 1965, № 9, с. 20. Автограф. Интонационно и структурой образов ст-ние перекликается со ст-ниями Б. Пастернака из книги «Сестра моя — жизнь» («Дождь», «Не трогать»).

641. РП, 1966, 20 ноября. Автограф.

642. ЛР, 1966, 19 августа. Автограф.

643. Н, 1967, № 1, с. 4. Автограф.

644. РП, 1967, 1 мая. Автограф.

645. Сн, с. 92.

646. Н, 1967, № 8, с. 92. Автографы.

647. ЛР, 1966, 19 августа. Автографы.

648. Н, 1967, № 1, с. 4. Автограф.

649—650. СР, 1966, 4 января. № 650 печ. по Сн, с. 99. Автографы.

651. Пр, 1966, 1 января. Автограф.

652. РП, 1965, 14 января.

653. ДПЛ, с. 214. Автограф.

654. СР, 1966, 4 января, ст. 1—4 и 5—8 напечатаны как особые ст-ния. Печ. по Сн, с. 107. Автограф.

655. ЛГ, 1967, 11 января. Автограф. *От Державина до Пастернака* и т. д. Державин изобразил зиму в ст-нии «Тончию»; об изображении зимы в поэзии XIX—XX вв. см.: Е. Юкина, М. Эпштейн, Поэтика зимы («Вопросы литературы», 1979, № 9, с. 171—204). *Берендейским чутьем знаменит.* Возможно, имеются в виду пьеса А. Н. Островского «Снегурочка» и книга М. М. Пришвина «Родники Берендея», в которых берендеи представлены как существа, обладающие сверхчеловеческой близостью к природе.

656—657. ЛР, 1966, 19 августа. Автографы.

658. Нед, 1965, 9—15 мая. Автограф.

* 659—661. Сн, с. 116—118. Автографы.

662. РП, 1964, 2 октября. Автограф.

663. СР, 1963, 30 апреля.

*664—665. Пр, 1964, 20 декабря. Автографы.

666. Нед, 1965, 9—15 мая. Автограф.

667. ЛР, 1966, 19 августа. Автограф.

668. Пр, 1964, 20 декабря. Автограф.

669. Н, 1964, № 7, с. 147. Печ. по Сн, с. 129. Автограф.

670. Зн, 1963, № 9, с. 74. Автографы.

671. РП, 1964, 10 мая. Автограф.

672. Н, 1964, № 7, с. 147. Автограф.

673. СР, 1964, 26 апреля. Автограф.

674. Пр, 1964, 20 декабря. Печ. по Сн, с. 138. Автограф.

675. СР, 1964, 26 апреля.

676—677. МолГ, 1964, № 11, с. 11, 13. Автографы.

678. ЛР, 1966, 19 августа. Автограф.

679. Сн, с. 145. В автографе вариант ст. 8: «Добро для добра творит». *Сегодня кричат: осанна* и т. д. Согласно Евангелиям, въезд Иисуса Христа в Иерусалим народ приветствовал криками «осанна», а после предания его суду требовал: «Распни».

680—683. МолГ, 1964, № 11, с. 11—13. № 682 печ. по Сн, с. 147. Автографы. **682.** *Рерих* Н. К. (1874—1947) — русский художник; работал на Смоленщине в 1903, 1904, 1908—1914 гг.

684. Пр, 1964, 20 декабря. Автограф.

685. Сн, с. 152. Автограф.

686. МолГ, 1965, № 9, с. 21. Автограф.

687. Сн, с. 156. Автограф.

688. КЗ, 1965, 6 марта, под загл. «Я без оглядки жил». Печ. по ЛГ, 1966, 15 декабря. Автограф. По поводу публикации в КЗ см. прим. 567.

689. РП, 1966, 29 марта. Автограф. См. прим. 599.

690. Пр, 1965, 16 мая. Печ. по Сн, с. 166. Автограф.

691. Сн, с. 168. Автограф.

692. Из, 1966, 29 ноября. Автограф.

693. Сн, с. 170. Автограф.

694. ЛР, 1967, 21 июля. Автографы.

***695.** РП, 1966, 29 марта. Автограф ранней ред. См. прим. 599.

696. Зн, 1966, № 8, с. 54. Автограф.

697. СР, 1967, 1 мая. Автограф.

698. МолГ, 1965, № 9; с. 20. Автографы.

699—700. Пр, 1964, 20 декабря. Автографы.

701. Из, 1966, 29 ноября. Автографы.

702—703. МолГ, 1964, № 11, с. 12. Автографы.

704. Зн, 1967, № 3, с. 143. *Певец березового ситца.* В ст-нии «Не жалею, не зову, не плачу...» Есенин назвал родину страной березового ситца.

705. МолГ, 1964, № 11, с. 12. Автограф.

706. РП, 1965, 23 мая. Автограф.

707. МолГ, 1965, № 9, с. 21. Автограф. *Памятник* воздвигнут в Смоленске по проекту А. Г. Сергеева, С. С. Новикова, А. Г. Стемпаржицкого.

708. Н, 1967, № 1, с. 4. Автограф.

709. ЛГ, 1967, 11 января. Автограф.

710. ЛР, 1966, 19 августа. Автограф. *Гатов* Александр Борисович (1899—1972) — поэт.

711. Зн, 1966, № 8, с. 54. Автограф ранней ред.

712. ЛГ, 1966, 12 апреля. Автографы.

713. ЛГ, 1967, 11 января. Автограф.

714. ДП, 1965, с. 8. Автограф.

ИЗ КНИГИ «ЖУРАВЛИНЫЕ ТРУБЫ»

I. ЗЕМНОЕ ТЕПЛО

715. Из, 1969, 15 февраля. Автографы. *Яковлев* Сергей Малахиевич (1900—1981) — смоленский краевед.

716. ЛР, 1968, 16 августа. Автограф.

717. ЛГ, 1968, 1 января, под загл. «Надпись на новой книге». Печ. по ЖТ, с. 10. Автограф.

718. ЛР, 1968, 16 августа. Автограф без загл.

719. Ог, 1969, № 6, с. 9. Автографы.

720. СР, 1969, 15 февраля и РП, 1969, 15 февраля. Автографы.

721. РП, 1967, 24 июня, без посвящения; Н, 1967, № 8; ЖТ, без посвящения, которое выпало по недосмотру (сообщение Е. А. Рыленковой). Печ. по Н, 1967, № 8, с. 92. Автограф без посвящения. *Соколов-Микитов* Иван Сергеевич (1892—1975) — писатель, биографически и творчески связанный со Смоленщиной. Рыленков посвятил ему статью «На теплой земле» (ЛЖ, 1958, 4 июня).

722. РП, 1969, 15 февраля, без загл. Печ. по ЖТ, с. 18. Автограф без загл.

723. ЛР, 1967, 21 июля. Автограф.

724. Сов М, 1967, 16 июля. Автографы; строфа 7 вписана в беловой автограф позже.

725. РП, 1968, 21 июля. Автограф. *Велиж* — районный центр Смоленской обл.

726. РП, 1968, 27 апреля. Автограф.

727. М, 1968, № 2, с. 2. Автограф.

728. РП, 1968, 27 апреля. Автограф.

729. Пр, 1968, 21 сентября. Автограф.

730. Ог, 1969, № 6, с. 9. Автограф.

731—733. МолГ, 1968, № 9, с. 11. Автографы.

734. Ог, 1969, № 6, с. 9. Автограф.

735—736. Пр, 1969, 2 мая. Автографы.

737—741. Из, 1969, 15 февраля, как цикл «Годовое кольцо», № 737 под загл. «Уход весны». Печ. по ЖТ, с. 37—41. Автографы.

742. ВЛ, 1967, № 12, с. 41. Автограф.

743. Ю, 1968, № 12, с. 59. Автограф.

744. ЛР, 1968, 16 августа. Автограф.

745. Ю, 1968, № 12, с. 59. Автограф.

746—747. СР, 1967, 1 мая. Автограф.

748. ЛР, 1968, 16 августа, под загл. «Возвращение сказок». Печ. по ЖТ, с. 48. Автограф.

749—750. РП, 1967, 1 мая и 24 июня. Автографы.

751. Ог, 1969, № 6, с. 9. Автограф. *Аввакум* Петрович (1620 или 1621—1682) — глава русского раскола, сожжен по указу царя. Акад. Д. С. Лихачев характеризует его совершенно иначе, чем Рыленков: «Аввакум сопротивляется насилию только словом и убеждением... Аввакума иногда изображают мрачным фанатиком. Это глубоко неверно» («Заметки о русском». — НМ, 1980, № 3, с. 33).

752. РП, 1967, 1 мая. Автограф.

753. ЖТ, с. 53. Автограф.

754. ЛР, 1968, 16 августа. Автографы.

755—756. РП, 1967, 24 июня. Автографы.

757. ВЛ, 1967, № 12, с. 41. Автограф.

758. РП, 1967, 1 мая. Автограф.

759. ЛР, 1967, 21 июля. Автограф.

760. БМол, 1929, 9 июля. Печ. по Ог, 1969, № 6, с. 9. Автограф. *Как в стихах: «Любовь сильнее смерти...»* Подразумевается поэма М. Горького «Девушка и Смерть».

761. ЖТ, с. 62. Автограф.

762—763. ЛР, 1968, 16 августа. Автографы.

764—765. ЛР, 1967, 21 июля. Автографы.

766. РП, 1967, 1 мая. Автограф.

767. Ог, 1969, № 6, с. 9. Автограф. *Был мудр гордец* и т. д., *Но счастлив был* и т. д. Оба четверостишия перефразируют слова римского императора Августа (63 до н. э. — 14 н. э.), приведенные в книгах: Гай Светоний Транквилл, Жизнь двенадцати цезарей (М., 1966, с. 46 и 293); О. Дримба, Овидий — поэт Рима и Том (Бухарест, 1963, с. 206—207).

768—769. ЖТ, с. 70, 71. Автографы. **768.** Луций Корнелий *Сулла* (138—78 до н. э.) — римский консул, полководец и диктатор. *Проскрипции* — списки лиц, объявленных вне закона. Сюжет ст-ния заимствован из кн.: Знаменитые римляне (по Плутарху) (М., 1964, с. 131). **769.** *Пускай Овидия Назона ссылает Август на Дунай.* Римский поэт Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.) в конце 8 г. был сослан императором Августом (63 до н. э. — 14 н. э.) в г. Томы (ныне г. Констанца в Румынии).

770. ЛР, 1968, 16 августа. Автограф под загл. «Классик без пяти минут».

771. ЛГ, 1968, 30 октября. *Береговой* Георгий Тимофеевич (р. 1921) — летчик-космонавт.

772—773. РП, 1968, 26 июля и 27 апреля. Автографы.

774. ЛР, 1968, 16 августа, под загл. «Простенькая песенка». Печ. по ЖТ, с. 76.

775. ЖТ, с. 77. Автограф без загл.

776. РП, 1969, 15 февраля и СР, 1969, 15 февраля. Автограф.

777. СР, 1967, 1 января, под загл. «Хлебом-солью». Печ. по ЖТ, с. 79. Автограф.

778. Пр, 1969, 27 марта.

779—780. ЛГ, 1969, 23 апреля. Автографы.

781—*783. СР, 1969, 15 февраля. Автографы.

784. РП, 1970, 4 июня. Печ. по ЖТ, с. 89. Автографы.

785—788. Пр, 1968, 20 декабря. Автографы.

789. ВЛ, 1967, № 12, с. 41. Автограф.

790. ЖТ, с. 95. Автограф.

791—792. Пр, 1968, 20 декабря. Автографы.

793. ВЛ, 1967, № 12, с. 41. Автографы.

794. ЖТ, с. 100. Автограф.

795. ЛР, 1968, 16 августа. Автограф.

796—798. ЖТ, с. 102—104. Автографы.

799. Пр, 1969, 2 мая. Автограф.

800. ЛР, 1968, 16 августа. Автограф.

801. РП, 1968, 26 июля. Автограф.

802. ЖТ, с. 109. Автограф.

803—805. РП, 1968, 26 июля. Автографы.

806. КПр, 1968, 10 марта. Автограф.

807—808. РП, 1968, 26 июля. Автографы.

809. Пр, 1969, 2 мая. Автографы. Последнее ст-ние Рыленкова.

810. РП, 1968, 26 июля. Автографы.

811. КПр, 1968, 10 марта. Автограф.

812. РП, 1969, 4 июня. Автограф.

813—815. КПр, 1968, 10 марта. Печ. по ЖТ, с. 121—123. Автографы.

816. «Смена», 1969, 15 февраля. Автограф.

817—821. МолГ, 1968, № 9, с. 11—13. Автографы.

822. Н, 1969, № 1, с. 76. Автографы.

823. РП, 1968, 26 июля. Автографы.

824. «Смена», 1969, 15 февраля. Автограф.

825. Ю, 1968, № 12, с. 59. Печ. по ЖТ, с. 135. Автограф.

826—829. ЛР, 1968, 16 августа. Автографы.

ИЗ НЕ ОПУБЛИКОВАННОГО ПРИ ЖИЗНИ, НЕ СОБРАННОГО И НЕ ВКЛЮЧЕННОГО В ИЗДАНИЕ 1974 ГОДА

830—831. Зв, 1981, № 3, с. 204—205. Автографы.

832. БР, 1926, 24 декабря.

833. БР, 1927, 8 января. *Разрыв-трава* — чудесное растение, помогающее герою волшебной сказки преодолевать препятствия. Автокомментарий к этому ст-нию см. в повести «Мне четырнадцать лет».

834. БР, 1927, 30 января. *Полонский* М. О. — см. прим. к автобиографии, с. 684.

835. ЮТ, 1927, 27 марта.

836. Зв, 1981, № 3, с. 205. Во время предсмертной болезни Рыленков продиктовал следующее прим.: «Стихотворение это написано в конце 20-х годов. В то время я был искренне убежден, что такие стихи печатать нельзя, и я вскоре забыл о нем. Я очень обрадовался, вспомнив его, и решил, что после некоторой доработки стихотворение может быть напечатано».

837. Наст, 1935, № 6, с. 25. Печ. по МК, 1959, № 4, с. 10.

838. БМол, 1935, 1 сентября. Печ. по Зв, 1959, № 7, с. 96. Основными мотивами ст-ние перекликается со ст-нием М. Исаковского «Прощание» (1935).

839. К, с. 35. Печ. по С 1, с. 68.

840. Р 2, с. 258, под загл. «Опять весна»; Д. Печ. по Л, с. 29. Автограф.

841. ИЛ, с. 52.

842—844. БП, с. 32, 46, 44. № 842 печ. по С 1, с. 107.

845. «На стройке», Смоленск, 1932, с. 35, под загл. «Соловьи»; МГ. Печ. по БП, с. 18.

***846.** Наст, 1933, № 6, с. 17, под загл. «Сегодня», с эпиграфом из ст-ния В. Я. Брюсова «Обстоятельства»: «В этом мире одно

есть блаженство — Сознавать, что ты выше себя»; БП. Печ. по авторскому экземпляру БП, где исправлены ст. 5—8, 12 и 21.

847. Ж, с. 56. Печ. по ИЛ, с. 76.

848. БП, с. 24.

***849.** БП, с. 48. Печ. по Р, с. 96.

850—851. БП, с. 31, 55.

852. РП, 1942, 7 июля. Печ. по СТВ, с. 19. О бытовании ст-ния во время войны см. вступ. статью, с. 24.

853. Ж, с. 113. Печ. по ИЛ, с. 139.

854. Р, с. 18.

855. ДП, 1957, с. 97.

856. Зв, 1962, № 4, с. 56.

857. Ав, с. 156.

858. ЛЖ, 1962, 15 июня. В архиве Рыленкова сохранилась открытка М. Ф. Рыльского от 17 июня 1962 г. из Коктебеля, где он пишет: «Родной Николай Иванович! ... Разрешите крепко пожать Вам руку за стихи, напечатанные 15/VI в „Литературе и жизни“».

859—860. СО, 1963, № 10, с. 10, 11.

861—862. МолГ, 1964, № 11, с. 12, 13. Автографы.

863. Зв, 1981, № 3, с. 206. Автограф.

864. Из, 1966, 16 декабря. Автограф.

ПОЭМЫ

865. БП, с. 75, в Прологе вместо строф 2—6 четыре другие, в главе 1 между строфами 3 и 4 еще одна строфа, в главе 3 между строфами 20 и 21 еще одна. Печ. по И 1, с. 188. *Замятня* — восстание. *Пан Андрей* Сакович — воевода, помощник литовского наместника в Смоленске. *Целование* — договор. *Зброи* — оружие, броня. *Лепше* — лучше. *Супрáсльская летопись* — сборник летописных текстов конца XV — начала XVI в., происходящий из Супрасльского монастыря в Белоруссии. 1. *Витóвт* (1350—1430) — великий князь Литвы; в 1404 г. захватил Смоленск. *Ян Гаштольд* — наместник великого князя Литвы в Смоленске. *Сигизмунд Кейстутович* (ум. 1440) — брат Витовта, погиб в междоусобной борьбе. *Гедимин* (ум. 1341) — великий князь Литвы, дед Витовта и Сигизмунда. *Свидригайло* Ольгердович (ум. 1452) — внук Гедимина, двою-

родный брат Витовта и Сигизмунда, один из претендентов на Литовский престол, принял православие и в междоусобной борьбе ориентировался на русских. *Казимир* Ягеллонович (1427—1492) — брат польского короля, впоследствии великий князь Литовский. *Кожан* — летучая мышь. 2. *Братина* — сосуд или ковш, употреблявшийся во время пира. *Камчатый* — из камки, шелковой или льняной ткани с узорами. *Красная горка* — см. прим. 164. *Убрус* — полотнище. *Кивот* — киот, небольшой шкаф или ящик со стеклом для икон и церковных книг. *Стогны* — площади и улицы. 3. *Маршалок* (польск.) — военачальник. *Пятинцы, крылошевцы* — жители «концов», т. е. старых районов Смоленска. 6. *Уния* — Брестская уния 1596 г., объединившая на территории польского королевства католическую церковь с православной при сохранении за последней обрядов и служб на родном языке, но с признанием главенства римского папы. Население западнорусских, украинских и белорусских земель с недоверием и ненавистью относилось к униатскому духовенству. 9. *Отай* — тайно. 10. *Ендова* — широкий, открытый сосуд для напитков.

866. КрП, 1943, 16 апреля, под загл. «Встреча», без посвящения, главы 1 и эпилога. Печ. по ПЮ, с. 38. *Цунская* Е. А. — см. прим. 130. *В русском городе, тихом и старом* — в Смоленске. *Наманган* — город в Узбекской ССР.

867. БМол, 1936, 6 августа, — часть 3, глава 3, раздел 1, ст. 1—30, раздел 2, ст. 1—71, раздел 3; Н. Рыленков, Земля. Поэма, Смоленск, 1936 — части 1—3 в ранней ред., с пропуском, перестановкой и заменой значительного числа стихов; Р 1 — часть 4, под загл. «Война», в ранней ред., с другим членением материала, с пропуском и заменой значительного числа стихов, в конце еще пять глав и эпилог; Ис — части 1—3, под загл. «Земля» в редакции, промежуточной между ранней и окончательной, часть 4, под загл. «Война», в промежуточной редакции; СВ, 1966, № 24, — часть 4, глава 4 под загл. «В полях России»; РП, 1967, 3 марта — Вступление, ст. 33—68; СЖ, 1967, 21 мая — часть 2, глава 3, разделы 1—2; альм. «На семи холмах», М., 1968, часть 1, главы 1—2 с сокращениями. Печ. по И 2, с. 431. В СВ, 1966, № 24, с. 24 стихи сопровождаются заметкой Рыленкова: «Я много лет, правда, с большими перерывами, работал над поэмой «Земля» — о русской деревне между двумя революциями: 1905 и 1917 года. Вчерне она была закончена еще в конце тридцатых годов. После войны я снова и снова возвращался к ней и только теперь поставил последнюю точку. В центре поэмы — судьбы двух братьев, выходцев из деревенской бедноты. Один из них стал кулаком, другой — революционером». Вступление. *Болиголов* — ядовитая трава. *Сусек* — отгороженная часть амбара для ссыпки зернового хлеба. *Становой* — полицейский чин, полномочия которого распространялись на определенной территории уезда; становому подчинялись урядники. *Десятский* — низший чин сельской полиции. *Фомина неделя* — первая неделя после Пасхи. Часть первая. *Примак* — зять, принятый после свадьбы в дом тестя. *Напереём* — наперекор. *Облоги* — непаханые земли. *Толока* — см. прим. 7. Часть вторая. *Выпь* — ночная птица из семейства цапель. Часть

третья. *Куделька* — пучки льна, приготовленные для пряжи. *Быльё* — сухая трава или бурьян. *Саваоф* — одно из имен бога в Ветхом Завете. *Тройцын день* — воскресенье на 50-й день после Пасхи, день поминовения умерших. *Епитрахиль* — расшитая часть облачения священника, надеваемая под ризу. *Урядник* — один из низших чинов уездной сельской полиции. *За первого министра, Что выход указал на хутора.* Подразумевается П. А. Столыпин (1862—1911), с июля 1906 г. и до самой смерти — председатель Совета министров, жестокий усмиритель революционного движения, инициатор буржуазно-аграрной реформы. *Рацея* — назидательное рассуждение. *До Спаса* — до христианских праздников 1, 6 и 16 августа. *До великого поста.* Великий пост начинался за шесть недель до Пасхи. Часть четвертая. *Троеручица* (церк.) — икона Богоматери в Афонском монастыре, копии которой распространялись в России; третья рука, изображенная на такой иконе, — намек на чудотворное деяние Богородицы, по воле которой будто бы приросла отсеченная рука святого Иоанна Дамаскина. *Святцы* — православная церковная книга, включающая некоторые молитвы и песнопения. *Шкворень* — металлический прут, скрепляющий заднюю часть и передок повозки. *Гарнцы.* Гарнец — старая русская мера сыпучих тел, равная 3,28 л. *Вир* — омут, водоворот. *Пинские болота* — заболоченная территория в бассейне реки Припять (правый приток Днепра); места боев в первую мировую войну. *Без хлеба дети с мясоеда.* По православному церковному уставу, мясоед кончается перед масленицей (между концом января и началом марта). *Волынский полк пристал* и т. д. 27 февраля 1917 г. первыми присоединились к восставшим учебные команды Волынского полка, затем солдаты *Преображенского* и *Литовского* полков. *Родзянко* М. В. (1859—1924) — в период Февральской революции — председатель Государственной думы, один из лидеров контрреволюционной партии октябристов. *Гучков* А. И. (1862—1936) — во время Февральской революции — председатель Центрального военно-промышленного комитета, один из лидеров партии октябристов. *Весь* — деревня, село.

868. РП, 1940, 6 мая, строфы 1—13 главы 9; ЛС 1, с. 212, как часть 3 (загл. «Петербургская повесть») поэмы «Большая дорога»; «Смена», 1961, 26 июля, глава 10. Печ. по Н, 1963, № 1, с. 3. 5. *Изгой* (древнерус.) — человек, утративший связь с социальной группой, к которой принадлежал по рождению, и не принятый безоговорочно другой. *Опрокинется небо на Аничков мост* и т. д. На Аничковом мосту в Петербурге установлены четыре скульптурные группы, изображающие, как человек обуздывает дикого коня. *Хожалый* — мелкий служащий при полиции. *С берегов Беломорья пришедший крестьянин* — М. В. Ломоносов. *Ипокрена* (греч. миф.) — горный ключ, вода которого обладает чудесным свойством вдохновлять поэтов. *Отдал милой отчизне, возникшей из вьюги* — революционной России, как она изображена в поэме Блока «Двенадцать».

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

869. ЛГ, 1962, 1 сентября, гл. 20; ЛЖ, 1962, 14 октября, гл. 13. Печ. по ЛР, 1963, 13 декабря, с восстановлением правильного порядка стихов в гл. 20 по тексту «Слова...», в отличие от предшествующих публикаций, в том числе изд.: «Слово о полку Игореве», «Б-ка поэта», Большая серия, Л., 1967, с. 328—330. Черновой автограф. «Стихотворный пересказ», по определению Рыленкова, древнерусского памятника «Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова» (памятник относится к XII в., опубликован в 1800 г.).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* С фотографии 1963 г.

2—3. *Между с. 160 и 161.* С фотографии 1931 г.

На обороте. С фотографии 1937 г.

4—5. *Между с. 192 и 193.* С фотографии 1942 г. Слева направо: С. Швецов, Н. Рыленков, С. Трегуб, Е. Коган.

На обороте. С фотографии 1964 г.

6—7. *Между с. 416 и 417.* С фотографии 1965 г. М. Исаковский, Н. Рыленков, Ю. Гагарин.

На обороте. С фотографии 1969 г.

8—9. Между с. 448 и 449. С фотографии 1967 г. Слева направо: А. Твардовский, Н. Рыленков, Э. Топчян. На IV съезде писателей СССР.

На обороте. С фотографии 1969 г.

10. С. *509.* Автограф стихотворения «Юнцы, энтузиасты, непоседы. . .».

11. *С. 526—527.* Исправленный Рыленковым текст стихотворения «Начало дружбы» в книге стихов «Колосья» (Смоленск, 1937).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОСНОВНОЕ СОБРАНИЕ

КНИГА ЮНОСТИ

КНИГА ВСТРЕЧ

КНИГА ПАМЯТИ

КНИГА ПРИЗНАНИЙ

КНИГА ПЕСЕН

КНИГА РАЗДУМИЙ

ИЗ КНИГИ «СНЕЖНИЦА»

ИЗ КНИГИ «ЖУРАВЛИНЫЕ ТРУБЫ»

I. Земное тепло

II. Строфы раздумий

ИЗ НЕ ОПУБЛИКОВАННОГО ПРИ ЖИЗНИ, НЕ СОБРАННОГО И НЕ ВКЛЮЧЕННОГО В ИЗДАНИЕ 1974 ГОДА

ПОЭМЫ

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Николай Иванович Рыленков

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1981, 768 стр.
План выпуска 1982 г. № 420
Художник *И. С. Серов*
Редактор *В. С. Киселев*
Худож. редактор *А. С. Орлов*
Техн. редактор *З. Г. Игнатова*
Корректоры *И. Г. Клейнер* и *Е. Я. Лапинь*

ИБ № 3171

Сдано в набор 20.09.81. Подписано к печати 02.12.81. М 44764. Формат 84×108 1/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 40,84. Уч.-изд. л. 38,26. Тираж 40 000 экз. Заказ № 778. Цена 3 р. 70 к. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.